ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

А.И.СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

ИНРИ

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

А.И.Солженицын

2

ИН
РИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

Под общей редакцией
А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

8

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

ЧАСТЬ II

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2002

ББК 63.3 (2)
С 60

ISBN 5-85887-151-8

Серия: Исследования новейшей русской истории 8

Редактор тома
Н.Д. Солженицына

В УЯСНЕНИИ

Всякое рассмотрение значительной роли евреев в жизни стран и народов их рассеяния — как вот и наша книга — неизбежно останавливается перед вопросом: «кто есть еврей?», «кого считать евреем?». Пока евреи жили среди других народов обособленными анклавами — не было повода для такого вопроса. Но по мере ассимиляции или просто всё более широкого включения евреев в окружающую жизнь — вопрос стал возникать и интенсивно обсуждаться, и более всего — евреями же. Естественно, что и в послереволюционной России — вплоть до открытия еврейской эмиграции, да и позже, — ответы менялись и менялись, и уже поэтому попытка их обзора может быть небесполезна. И тут, как ни удивительно, мы от первого шага сталкиваемся с большим разноречием и спорами — и нельзя не поразиться пестроте и разнообразию взглядов.

Дореволюционная Еврейская энциклопедия в статье «Еврей» не даёт никакого определения. Она лишь указывает, что «термин еврей для обозначения израильтянина в противоположность египтянину встречается уже в древнейших частях Пятикнижия», и приводит конкурирующие гипотезы об этимологии этого слова[1]. Современная же Еврейская энциклопедия обходится таким определением: «Лицо, принадлежащее к еврейскому народу»[2].

Но, как видно, не многие удовольствовались этим определением. «Кого считать евреем? кто — еврей?», и ещё так: «что такое еврейскость?» — это для самих евреев сегодня не простой вопрос. Вот русско-еврейские авторы пишут о понятии «еврейский»: «Ни в Израиле, ни за грани-

---

[1] Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906–1913. Т. 7, с. 434–436.

[2] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1982. Т. 2, с. 405.

цей среди самих евреев нет никакого согласия относительно содержания этого понятия. Чем ближе к нему приближается новичок, тем расплывчатее становится для него этот неуловимый образ»[3]; «через 74 года после российской революции и 43 года после возрождения государства Израиль попытка определения еврея — почти головоломная задача»[4].

Однако она никогда не была сложна для евреев религиозных. Определение ортодоксальных раввинов: «Еврей — это тот, кто рождён от матери-еврейки или обращён в еврейство согласно Галахе»[5]. (Галаха — религиозная регламентация жизни евреев: «совокупность законов, содержащихся в Торе, Талмуде и в более поздней раввинистической литературе»[6].)

«Что нам давало и сейчас даёт силу жить и в чём значение этой жизни? *И то и другое лежит в области религии*»[7]. — Артур Кестлер писал: «Отличительной чертой еврея... является не его принадлежность к той или иной расе, культуре или языку, а религия»[8]. — Да и сегодня в израильском журнале: «Еврейская национальная полнота возможна только в религиозном образе жизни»[9].

Но уже и в античном мире можно было наблюдать не столько религиозный, сколько национальный импульс к общности. С.Я. Лурье приводит пример «эссенян». То была «еврейская секта, видевшая спасение не в национальном, а в индивидуальном самоусовершенствовании. Эссеняне были "слугами мира"», и местные властители, уважая их взгляды, не привлекали их к военной службе. «Тем не менее, когда опасность стала угрожать главному центру ми-

---

[3] *А. Воронель.* Лёгкое порхание вокруг тяжёлых проблем // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1992, № 82, с. 125.

[4] *Эд. Норден.* Пересчитывая евреев // "22", 1991, № 79, с. 118.

[5] Там же.

[6] КЕЭ, т. 2, с. 7.

[7] *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 12.

[8] *А. Кестлер.* Иуда на перепутье // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1978, № 33, с. 99.

[9] *А. Кучерский.* Еврейская парадигма // "22", 1993, № 88, с. 142.

рового еврейства, они, несмотря на то что относились скептически к святости храма и жертв, несмотря на свой резкий принципиальный антимилитаризм, идут добровольцами в ряды сражающихся евреев... Национально-патриотическая закваска была в них так сильна, что оказалась сильнее убеждений, составлявших дело их жизни»[10].

Да и в XIX веке высказывалось мнение, что «евреи предшествуют иудаизму», «мы должны постоянно расширять наше понимание "еврейскости"», «вырваться из ограничений галахического иудаизма в более широкий мир»[11].

А уж в секулярный XX век религиозное понимание не могло не пошатнуться и не расплыться дальше. В размышлении (послереволюционном) Г. Слиозберга религиозный мотив оттеснён: «В чём критерий еврейской национальности? Именно в еврействе и заключалась национальная сущность в течение тысячелетий. Она — в непрерывной цепи особой еврейской культуры, в единой духовной сущности всех евреев во всех странах»[12].

Уже в середине XX века предупреждала Ханна Арендт: «Иудаизм выродился в еврейство, мировоззрение — в набор психологических черт»[13]. Почти то же отмечает израильский писатель Амос Оз: «Сработала трагическая склонность к подмене иудаизма неким душевным состоянием, которое во всём мире называется "идишкайт"... — это всего лишь один из отростков иудаизма, одна веточка, один побег»[14].

Во второй половине XX века один из авторитетнейших евреев-интеллектуалов говорил: «Я уважаю религиозные убеждения... но... настаиваю, что еврейство не обязательно связано с религией, что, говоря об еврействе, мы имеем

---

[10] *С.Я. Лурье.* Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив: Сова, 1976, с. 171 [1-е изд. — Пг.: Былое, 1922].

[11] *Г. Галкин.* Что такое «еврейскость»? // "22", 1989, № 66, с. 94–95.

[12] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 7.

[13] *Ханна Арендт.* Антисемитизм // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1989, № 26, с. 147.

[14] *Амос Оз.* О времени и о себе // Континент: Литературный, обществ.-политический и религиозный журнал. М., 1991, № 66, с. 240.

в виду нечто иное. Какое именно “иное”, крайне трудно определить. Некие общие ценности? Несомненно. Общая история? Несомненно. Общие признаки личности? Несомненно»[15].

А в 1958 «Высший суд справедливости Израиля», разбирая одно конкретное дело, вынес решение — со ссылкой на раввинистическую литературу: «в глазах Галахи, еврей, перешедший в другую веру, тем не менее остаётся евреем... Еврей не перестаёт быть евреем, даже нарушая еврейский Закон»[16]. — Для еврея «переход... в иную веру в сущности невозможен»[17].

Не раз упоминающийся в этой книге видный меньшевик Соломон Шварц заявляет о себе (1966), что он «светский, не-религиозный еврей», но: «я глубоко ощущаю своё еврейство, и никому не дано отлучить меня от него. И что гораздо важнее: таких светских, не-религиозных евреев сотни тысяч, может быть, миллионы... Их много и среди так называемых Американцев еврейской религии, для значительной части которых принадлежность к еврейской религии сводится к простому ритуализму»[18].

Тем увереннее секулярные суждения произносятся сегодня: «Нельзя... однозначно и прямолинейно связывать роль и намерения современного еврейства, разобщённого и не имеющего ни универсального... подхода к вере, ни единой светской культуры, ни общей идеологии, с преданием о завоевании праотцами Земли Обетованной, с их моралью трёхтысячелетней давности»[19].

И правда — ушли далеко. Сегодня «ортодоксальные евреи составляют лишь небольшую часть мирового еврейства»[20].

---

15 *Д. Левин.* На краю соблазна: [Интервью] // “22”, 1978, № 1, с. 56.

16 *Г. Галкин.* Что такое «еврейскость»?* // “22”, 1989, № 66, с. 88–89. (В дальнейшем, если цитата приводится по данному тексту, а не по оригиналу, ссылка снабжается знаком*.)

17 КЕЭ, т. 6, с. 230.

18 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 8.

19 *Д. Штурман.* О национальных фобиях // “22”, 1989, № 68, с. 148.

20 *И. Либлер.* Израиль — диаспора: Кризис идентификации // “22”, 1995, № 95, с. 153–154.

Ныне говорится как о само собой понятном: «Решение еврейской проблемы, *то есть* проблемы сохранения евреев как этнической общности»[21] (курсив мой. — *А.С.*).

Однако понятие *этнической общности* имеет тенденцию огрубляться в *общность по крови*. В «книге о русском еврействе» так уже и пишется запросто: «Николай Метнер (в жилах которого текла еврейская кровь)»[22]. — Краткая Еврейская энциклопедия при отборе своего именного состава уверенно включает и тех евреев, кто перешёл в христианство; или, как Илья Мечников, сын гвардейского офицера, помещика, «о еврейском происхождении матери узнал сравнительно поздно»[23] — но уже достаточно оснований для включения его в Энциклопедию. Отбираются даже те, кто всю жизнь был далёк от еврейского сознания, — так, значит, определение еврейства ведётся уже *по крови*? — а не по духу?

Ю. Карабчиевский справедливо возмущался, что: «в зарубежных списках всяких там почётных и знаменитых евреев встречал имя Бориса Пастернака. Ну какой он еврей?.. Он сам евреем себя не чувствовал и даже не раз активно отталкивался от явно его раздражавшей еврейской общности»[24]. — И действительно так. А глубинная подлинность его евангельских стихов — не оставляет вопросов о прибежище его духа.

С 1994 стала выходить и в России — «Российская Еврейская Энциклопедия». Началась она как раз с биографических томов, то есть отбора лиц. И сразу же, во вступлении, объяснено: «Евреями считаются люди, родители или один из родителей которых был еврейского происхождения, независимо от его вероисповедания»[25].

---

[21] *А. Каценеленбойген.* Антисемитизм и еврейское государство // "22", 1989, № 64, с. 173.

[22] *Г. Свет.* Евреи в русской музыке // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 465.

[23] КЕЭ, т. 5, с. 323–324.

[24] *Ю. Карабчиевский.* Борьба с евреем // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1989, № 5, с. 111–112.

[25] Российская Еврейская Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. т. 1, с. 5.

Вот и в международной спортивной израильской «маккабиаде» — «участвовать могут только евреи»[26], — надо понять, что и тут — по крови?

Тогда зачем же так страстно и грозно укорять всех вокруг в «счёте по крови»? Надо же отнестись зряче и к национализму собственному.

Например, Луис Брандейс, лидер сионизма в Америке и член Верховного Суда Соединённых Штатов с 1916, говорил: когда по какой-либо причине «страдают люди еврейской крови, наше к ним сочувствие и помощь идут инстинктивно, в какой бы стране они ни жили, и не спрашивая об оттенках их веры или неверия»[27]. Амос Оз ещё добавляет: «Быть евреем означает чувствовать: где бы ни преследовали и мучили еврея, — это преследуют и мучают тебя»[28]. (И вот это чувство и вызволяет евреев из скольких бед! Эх, и нам бы так!..) Этой внутренней связи еврейства, взаимной выручке и спаянности евреев немало, нередко удивлялись многие авторы и во многих странах и в самые разные века. В том числе, конечно, и русские. С. Булгаков: у евреев «особая органическая сплочённость, которая не свойственна в такой мере никакому другому народу», «национальный дух и сплочённость еврейства остаются неразложимы и неодолимы никакими силами национального соперничества и антагонизма других народов»[29].

Однако не были бы евреи евреями, если бы их понятия и объяснения сводились к такой однозначной простоте. Нет, соображения тут — многоветвисты.

Вот — опять Амос Оз: «“Что это значит — быть евреем в современном — последняя треть 20-го века — секуляризованном обществе?” Если это — не “синагога”... то что же это? А если это не *только* “синагога”, то что же это тогда?»[30] — «В моём словаре еврей — это тот, кто считает себя евреем или обречён быть евреем. Еврей — это тот, кто со-

---

[26] КЕЭ, т. 5, с. 49.

[27] Great Jewish Speeches Throughout History / coll., ed., Steve Israel, Seth Forman. Northvale (New Jersey); London: Jason Aronson Inc., 1994, p. 70.

[28] *Амос Оз.* Понятие отечества // “22”, 1978, № 1, с. 30.

[29] *Сергий Булгаков.* Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 66, 93–94.

[30] *Амос Оз.* О времени и о себе // Континент, 1991, № 66, с. 234.

глашается быть евреем. Если он соглашается на это открыто, он еврей по выбору. Если он признаётся в этом только себе, он еврей по принуждению или под давлением обстоятельств. Если он не признаёт никакой связи между собой и еврейством, он... не еврей, хотя бы даже религиозные правила определяли его как такового... Быть евреем означает участвовать в еврейском настоящем... в деяниях и достижениях евреев как евреев; и разделять ответственность за несправедливость, содеянную евреями как евреями (ответственность — не вину!)»[31].

Вот такой подход мне кажется наиболее верным: принадлежность к народу определяется по *духу* и *сознанию*. Считаю так и я.

А вот И. Бикерман вообще отказывался дать определение еврейскости: «Ни один народ, тем более ни один культурный народ не может быть исчерпан одной формулой»[32].

Сходного мнения и Н. Бердяев: «Поистине нация не поддаётся никаким рациональным определениям... Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы... Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна... Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы»[33]. — Это поражает и М. Гершензона: «Последовательность еврейской истории изумительна. Кажется, будто какая-то личная воля осуществляет здесь дальновидный план, цель которого нам неизвестна»[34].

Однако это — расплывчато. Практическое определение искать приходится, и его ищут. — «В диаспоре, где евреи рассеяны, подвижны и изменчивы... единственный способ» — считать евреями тех, «которые сами считают се-

31 *Он же.* Понятие отечества // “22”, 1978, № 1, с. 29–30.

32 *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея, с. 101.

33 *Николай Бердяев.* Философия неравенства. Париж: YMCA-Press, 1970, с. 74.

34 *М. Гершензон.* Судьбы еврейского народа // “22”, 1981, № 19, с. 106.

бя евреями»[35]. — «Нам представляется наиболее верным считать евреями только тех, кто был евреем не только по происхождению, но и считался таковым в его собственном окружении»[36]. — «Еврей — это тот человек, которого другие люди считают евреем, — вот простая истина, из которой надо исходить»[37]. — Но не так проста эта истина. Ведь массовое восприятие евреев «туземными» народами сколь часто окрашено было ещё и отчуждением. И кто это восприятие улавливает — выводит не без горечи: «*Еврей — это не национальность, а социальная роль.* Роль Чужака. Не такого, как все»[38].

Но жить среди чужих народов — ещё значит и жить в чужих *государствах.* — «*В этом сущность еврейского вопроса*», — выделял Бикерман жирным шрифтом: «как мы можем перестать быть чужими в государствах, где мы живём и жить будем в будущем? Не чтобы окружающие не видели в нас чужих, а по существу ими не быть... Этот "еврейский вопрос" не к другим предъявляет требования, а к нам самим»[39]. — Григорий Ландау: «пусть мы зависим от окружающих нас народов», но «в некоторой степени мы сами создаём свою судьбу, и своими деяниями и состоянием предопределяем отношение к нам окружающих... Неслагаемая с себя задача — познать себя, свои силы и слабости, свои ошибки и грехи, свои беды и болезни. В этом... обязанность перед нашим народом и перед его будущим»[40].

Прямо напротив тому полагал их современник, выдающийся и многими чтимый публицист Жаботинский: «Для людей моего лагеря суть дела совершенно не в том, как относятся к евреям остальные народности. Если бы нас любили, обожали, звали в объятья, мы бы так же непре-

---

35 *Эд. Норден.* Пересчитывая евреев // "22", 1991, № 79, с. 119.

36 *Дж. Мюллер.* Диалектика трагедии: антисемитизм и коммунизм в Центральной и Восточной Европе // "22", 1990, № 73, с. 96.

37 *Жан-Поль Сартр.* Размышления о еврейском вопросе // Нева, 1991, № 7, с. 151.

38 *Александр Мелихов.* Исповедь еврея. СПб.: Новый Геликон, 1994, с. 14.

39 *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея, с. 64.

40 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978 [1-е изд. Берлин: Основа, 1924], с. 103.

клонно требовали "размежевания"». И ещё он же: «Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим»[41].

И Бен-Гурион, вспоминают, однажды как бы «всему свету указал: "Важно, что́ делают евреи, а не что говорят об этом гои"»[42].

Бердяев давал этому чувству евреев такое объяснение: «Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжёлая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ... совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах», и склонность его к интернационализму «есть лишь обратная сторона его болезненного национализма»[43].

Владимир Соловьёв писал: «Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впавший в него народ, делая его врагом человечества, которое всегда окажется сильнее отдельного народа». Это высказано им в предупреждение националистам русским, но, хотя и глубоко расположенный к евреям, он в этой связи признаёт: «Утверждение своей исключительной миссии, обоготворение своей народности есть точка зрения древне-иудейская»[44].

А вот размышления современного иерусалимского раввина Адина Штейнзальца. Евреи постоянно находятся под воздействием двух движущих сил. Одна — «это наша поразительная способность видоизменяться, приспосабливаться, становиться похожими на людей, среди которых мы живём... Способность... впитывать окружающую культуру... Наша адаптация — это внутреннее преображение. С языком чужого народа к нам приходит глубокое по-

---

41 *Вл. Жаботинский.* На ложном пути // Вл. Жаботинский. Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 249; *Он же.* Вместо апологии // Там же, с. 205.

42 *А. Этерман.* Истина с близкого расстояния // "22", 1988, № 61, с. 98; см. также: *А. Воронель* // "22", 1978, № 2, с. 193; *В. Меникер* //"22", 1978, № 3, с. 181.

43 *Николай Бердяев.* Философия неравенства, с. 82–83.

44 *В.С. Соловьёв.* Национальный вопрос в России. Выпуск первый, 1883–1888 // Собр. соч.: В 10 т. Брюссель, 1966. Т. 5, с. 13, 16 [фототипическое воспроизведение: Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1911–1914].

нимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей. Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа», — и даже, перехлёстывает он: «мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя». А оттого «у других народов складывается ощущение, что евреи не только берут их деньги, но изощрённо похищают у них душу и таким образом становятся их национальными поэтами, драматургами, художниками, а через некоторое время — устами и мозгом их народа»[45].

Да, евреи, удивительно сочетая в себе племенную верность и универсализм, талантливо перенимают культуру окружающих народов. Но в этой высокой адаптации, когда современные интеллигентные евреи отождествляют себя с мировой культурой как со своим духовным отечеством, — не следует упускать, что такая круговая адаптация почти никогда уже не имеет возможности погрузиться в самую глубину традиции и истории корневой народной жизни. Отменная талантливость евреев — вне сомнений. Но вот и такое важное соображение высказал Норман Подгорец, многолетний редактор американского еврейского консервативного журнала «Комментари» (в изложении М. Вартбурга): «Евреи в чужих культурах всегда “стояли на плечах” коренных народов, освободив благодаря этому свой интеллект от экономических, военных, политических и прочих “обычных” забот, которыми занята любая нормальная нация и которые отвлекают столь значительную часть её собственного коллективного гения»[46].

Штейнзальц продолжает рассуждение о двух движущих силах. Первая создаёт из евреев «людей, обладающих исключительной способностью к выживанию в самых разных условиях». Однако непрерывно действует и другая сила: «У нас в душе постоянно звучит властный зов», противоположный приспособлению, «в нас есть какое-то ядро» неизменимое — и именно поэтому евреи никогда не растворяются до конца в окружающих народах. Евреи — это народ, «который можно разорвать на куски, но эти куски останутся живыми и вырастут снова». И вот, евреи «гибче, податливее, чем что бы то ни было на свете. И в то же вре-

45 *А. Штейнзальц.* Кто мы: трагические актёры или самобытная нация? // ВМ, Тель-Авив, 1975, № 1, с. 139, 140.

46 *М. Вартбург.* О себе, об Израиле, о еврействе // “22”, 1986, № 47, с. 220.

мя мы твёрже, чем сталь». И «эти характерные черты так глубоко в нас заложены, что мы не можем просто взять и отбросить их по своей воле»[47].

Ведь даже и родился еврейский народ «в бездомном скитании, в Синайской пустыне. Он... тайно знал себя неоседлым... Бездомность ему врождена»; «через всю историю еврейского рассеяния проходит странная антиномия: чем более еврейство дробится физически, тем более оно внутренне сплачивается»[48].

В конце-то концов, евреи и выжили не в своей стране, а в диаспоре. В рассеяньи и «создали специфическую культурную, религиозную и общественную жизнь, которую мы называем еврейской цивилизацией»[49]. — «Многие общества гибли и гибнут при потере одной только государственности», — а «еврейство как общественная система явило собой яркий пример поразительной выживаемости и способности возрождаться после испепеляющих катастроф... Еврейство создало совершенно новую основу для общности... духовное единство»[50].

Да, несомненно — так.

А вот — оценка еврейской общности чисто интуитивная. Г. Слиозберг описывает впечатления профессора Германа Когена, основателя Марбургской философской школы, приехавшего в Петербург в 1914, от его встречи со здешними евреями: «Такого собрания, проникнутого истинно еврейским духом, нельзя было устроить нигде в мире, где находятся евреи, кроме как в России, и именно в С. Петербурге». Однако затем и в «литовском Иерусалиме» — «ему трудно было оторваться от этой чисто еврейской атмосферы, которая окружала его в Вильне»[51].

Это впечатление — убеждает полной верностью, его можно понять и почувствовать.

Но — что это именно? Вот Амос Оз, полвека спустя: «Достаточно лишь мимолётного взгляда, чтобы убедиться,

---

47 *А. Штейнзальц.* Кто мы... // ВМ, 1975, № 1, с. 141, 142.

48 *М. Гершензон.* Судьбы еврейского народа // "22", 1981, № 19, с. 106, 107, 108.

49 *Ш. Эттингер.* Краткая еврейская энциклопедия на русском языке: [Интервью с редакционным коллективом] // "22", 1987, № 55, с. 208.

50 *Н. Вайман.* Кризис цели // "22", 1979, № 7, с. 150.

51 *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней. Т. 3, с. 309–310.

что все эти люди — евреи. Не спрашивайте меня, что такое еврей. Сразу видно, что ты в окружении евреев... И это — волшебство. Это — вызов, это — великое чудо»[52].

Этот «вызов», это «чудо» ощущал и М. Гершензон, написавший ещё в годы российской революции: «Еврейский народ может без остатка распылиться в мире... но дух еврейства от этого только окрепнет». И: «Кто есть еврей? В ком действует народная воля еврейства. Как это узнать? Этого нельзя узнать... Еврейское царство — не от мира сего»[53].

Мистически видел проблему и Достоевский: «Не настали ещё *все времена и сроки*, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени ещё впереди»[54].

Не сказать, чтоб ото всего выслушанного здесь стало нам чётко-ясно, но какие определения нам дали — на тех и остановимся.

Однако как не отметить тут же: именно о евреях, которым посвящена эта книга, выносить *обще*национальные суждения наиболее затруднительно. Вероятно, нет на Земле нации более дифференцированной, более разбро́сной по характерам и типам. Редко какой народ являет собой такой богатый спектр типов, характеров и мнений, от светлейших умов человечества до тёмных дельцов. И какое бы правило вы ни составили о евреях, какую бы суммарную характеристику вы ни попытались бы им дать, — тотчас же вам справедливо представят самые яркие и убедительные исключения из того.

Идея богоизбранности еврейского народа столь всеизвестна из Ветхого Завета, что не нуждается ни в каком повторном изложении. Множество еврейских учёных ортодоксов и просто верующих — и посегодня ведо́мы этой идеей.

---

52 *Амос Оз.* О времени и о себе // Континент, 1991, № 66, с. 242–243.

53 *М. Гершензон.* Судьбы еврейского народа // “22”, 1981, № 19, с. 114–116.

54 *Ф.М. Достоевский.* Дневник писателя за 1877, 1880 и 1881 годы. М.; Л.: ГИЗ, 1929. 1877. Март. Гл. 3, с. 83.

Да без религиозной основы разве возможно истолковать несравненную стойкость евреев в рассеяньи?

Правда, и тут мнения двоятся. Перец Смоленскин, прародитель палестинофильского движения в России, считал: «не благодаря религии сохранилось еврейство — она сама является лишь продуктом национального стремления к самосохранению»[55]. — И современный израильский учёный спрашивает: как же понять эту избранность? «Кто кого создал: Тора евреев или евреи — Тору?»; «Тора сохранила евреев. Но другой народ не сохранил бы Торы — с её 613-ю заповедями, со сложнейшим ритуалом»[56].

А православный богослов, историк Церкви А.В. Карташев писал в 1937: «Еврейство есть великая мировая нация. Для этого утверждения богослову и историку достаточно одного факта дарования миру Библии и порождения трёх мировых монотеистических религий. Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций»[57].

Бердяев: «Еврейский вопрос... это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Таинственна историческая судьба евреев... Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассеяния и наверное потерял бы своё лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божьим народ этот должен сохраниться до конца времён. Менее всего, конечно, можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории»[58].

---

[55] ЕЭ, т. 14, с. 405.

[56] *Э. Менджерицкий.* И Тора, и гены // “22”, 1992, № 80, с. 152, 164.

[57] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 31, л. 419–420.

[58] *Н. Бердяев.* Христианство и антисемитизм: (Религиозная судьба еврейства). Париж: Издание Религиозно-философской академии, [1938], с. 4–5.

«Нерастворимость евреев... для [С.] Булгакова — признак того, что избранничество Божие почиет на еврействе, даже не принявшем Христа»[59]; сам же Булгаков писал, что «с духовными судьбами Израиля таинственно и непреложно связаны и судьбы христианского мира»[60].

Что Бог избрал для своего человеческого воплощения и, во всяком случае, для исходной проповеди именно *эту* нацию и уже потому она *избранная* — этого не может отрицать христианин. «Распни, распни Его!» — то было всеобычное неизбежное ожесточение всякой тёмной фанатичной толпы против своего светлого пророка, — мы же всегда помним: Христос пришёл почему-то к евреям, хотя рядом были ясноумые эллины, а подальше и всевластные римляне.

Эту загадку религиозной избранности — как не признать.

Вот апостол Павел, в одном из порывов: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян», — однако «не все те Израильтяне, которые от Израиля», «не плотские дети суть дети Божии; но дети обетования» (Рим. 9 : 3, 4, 6, 8).

Сознание особой предназначенности, исторической избранности помогло евреям сохранно пережить беспримерно долгое рассеяние. Но это же ощущение избранности и ссорило евреев с окружающими народами. Многовековое ожидание Мессии, а с ним и всеземного торжества, конечно же диктовало евреям гордость, но и отчуждённость от других народов. «Основную роль сыграло в этом чувство своего духовного первородства, которое испытывали евреи, где бы они ни жили и какие бы обычаи ни перенимали»[61].

А насколько бы смиреннее: в с е народы — дети одного Бога, и зачем-то каждый народ нужен.

Крупный израильский историк, специалист по иудейской мистике Гершон Шалом предупреждал: для евреев «светскость невозможна», «если евреи попытаются себя объяснить только из истории, они должны будут прийти к

---

[59] *Н. Струве.* От издателя // Сергий Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 6;

[60] *Сергий Булгаков.* Сион // Там же, с. 7–8.

[61] *П. Самородницкий.* Странный народец // "22", 1980, № 15, с. 137.

самоликвидации, к полному краху, ибо в этом случае исчезнет всякий импульс к их существованию как нации»[62].

Однако, как бывает в геологических процессах, когда одна порода вымывается и заменяется другою, но с большим подобием сохранения форм предыдущей (псевдоморфоз), — так в секулярные века и у самих евреев идея богоизбранности неизбежно должна была подмениться идеей — просто исторической и человеческой уникальности.

С которой тоже не поспоришь.

Уникальность еврейского народа несомненна, все её видят. Но сами евреи осмысливают и переживают её поразному.

Ищется даже «психологическая защита от ужаса своей уникальности»[63]. — «Ни один другой народ не прошёл такую школу страдания... ни один другой народ не знал того напряжения души в беде, тот ужас при мысли о неизбежной гибели»[64]. — «Евреи составляют исключение только в одном смысле: они избраны миром для дискриминации»[65]. — «Часть [евреев]... не прочь избавиться от своей уникальности»[66].

В широком же объёме еврейского сознания уникальность своего народа воспринимается не как бедствие, а как гордость. «Быть евреем по-прежнему больше честь, чем проклятие»[67]. — «Люди не хотят отдавать это ощущение... выделенности, не хотят “обменивать” его на что-либо иное... Отдать свою отмеченность — значит что-то серьёзное и ценное потерять»[68]. — «Наша аномалия как государства, как народа и как движения... поступиться ли величием и страданиями, связанными с этой аномалией, или, наоборот, зная ей цену, всячески укреплять её?»; «мы имеем дело с особого рода сущностью, которую не только никакой топор не вырубит, но не способна объяснить ника-

---

62 *С.Цирюльников.* Философия еврейской аномалии* // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 144.

63 *А.Воронель.* Уникальность Израиля // “22”, 1981, № 20, с. 123.

64 *П.Самородницкий.* Странный народец // “22”, 1980, № 15, с. 145.

65 *Р.Виссе.* «Свет для народов»? // “22”, 1991, № 77, с. 111.

66 *А.Воронель.* Накануне XXI века // “22”, 1991, № 74, с. 141.

67 *Д.Сэгре.* Сионизм до и после национального возрождения // “22”, 1978, № 3, с. 142.

68 *Д.Левин.* На краю соблазна: [Интервью] // “22”, 1978, № 1, с. 53.

кая историческая или философская теория»[69]. — «Хотим мы этого или не хотим, наши успехи и поражения, а также наши грехи и заслуги имеют всемирно-исторический характер и всемирно-историческое значение... Борьба за будущее евреев есть также и борьба за тот или иной образ всего остального мира»[70]. — «Особость, не имеющая себе аналога в мировой истории» — это то, что евреи смогли совместить в себе национальное и универсальное начала, это «народ — сугубо национальный и космополитический — в одно и то же время»; «противоречивое единство этих двух начал (самоутверждение и ассимиляция) представляет собой высший закон еврейской жизни»[71]. — «Наше самосознание было в целом и космополитическим, и элитарным»[72].

А глядя в наступающее человеческое будущее — сочетание в себе и национального, и универсального — может быть, самое необходимое (и победное) качество для новых столетий. Можно только пожелать его и нам, русским, и всем народам.

Но ощущение уникальности может придать сознанию и опрометчивый уклон.

Самому стремлению любого народа иметь идеал высший, прозревать предназначение высшее, чем только своё физическое существование, — не может быть упрёка, это стремление возвышает всякий народ в область Духа. Пусть не мессианство по прямому Божьему поручению, но — поиск и ощущение какой-то и своей особой миссии. Однако: что в ней искать?

Если бы вот так, как думают иные израильтяне (Натан Щаранский): избранность «приемлема только в одном плане — как повышенная моральная ответственность»[73]. Или, за 60 лет до него: «Не может безответственность... быть надёжной основой для нашей, еврейской жизни, жизни маленького народа, развеянного по миру... Легко ли это или

---

69 *И. Эльдад.* Еврейская аномалия в трёх измерениях // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 76, с. 140, 147.

70 *А. Воронель.* Накануне XXI века // "22", 1991, № 74, с. 146–147.

71 *С. Цирюльников.* Философия еврейской аномалии // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 149, 152, 154–155.

72 *А. Кучерский.* Еврейская парадигма // "22", 1993, № 88, с. 136.

73 *А. Щаранский.* [Интервью] // "22", 1986, № 49, с. 112.

нет, но мы должны сделать все усилия, чтобы познать себя и понять других»[74].

В 1939 году, перед самой гранью Второй войны, — редакция еврейского (на идише) сборника «На перепутье» поставила нескольким европейским интеллектуалам вопрос: «Следует ли евреям активно участвовать в общей политической жизни, не должны ли они ограничиться одной лишь еврейской политикой?»[75]

На этот вопрос известный писатель Стефан Цвейг, космополит и ассимилированный австрийский еврей, ответил так. Не участвовать в политической жизни мы, как и никто, уже не можем. Вопрос надо исправить: «следует ли нам стремиться к *ведущему положению* в политической и общественной жизни». Мы уже никак не можем отбросить «наше интернациональное, наднациональное отношение к общечеловеческим вопросам». Однако «считаю не менее опасным... чтобы евреи выступали *лидерами* какого бы то ни было политического или общественного движения... При наличии равных с другими прав евреи имеют далеко не равную со всеми ответственность», а «во сто тысяч раз» бо́льшую. «*Служить* — пожалуйста, но лишь во втором, в пятом, в десятом ряду и ни в коем случае не в первом, не на видном месте. [Еврей] обязан жертвовать своим честолюбием в интересах всего еврейского народа». (Здесь — поучителен урок о моральной связи и каждого еврея с судьбой своего народа.) «Нашей величайшей обязанностью является самоограничение не только в политической жизни, но и во всех прочих областях... Единственная польза, единственный смысл, которые можно извлечь из трагического урока, выпавшего на долю евреев, — это их внутреннее воспитание. Лишь тогда... наши невиданные страдания имели бы хоть какой-то смысл, если бы они побудили еврея совершать не шумные, а по-настоящему великие дела»[76].

Какие высокие, замечательные, золотые слова, — и для евреев, и для не-евреев, для всех людей. Самоограничение — от чего оно не лечит! Но в том-то и мучительная нить,

---

74 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 13.

75 ВМ, Тель-Авив, 1976, № 11, с. 192.

76 *Стефан Цвейг.* Не внешняя мишура, но внутреннее воспитание // ВМ, 1976, № 11, с. 193–195.

что именно самоограничение — трудней всего и даётся вообще людям.

Макс Брод, убеждённый сионист и, казалось бы, полный оппонент Цвейгу, — ответил почти буквально то же: «Очень опасно для евреев вмешиваться в политическую жизнь других народов... Такое участие нас непременно раздавит и уничтожит». Еврей «должен ограничивать себя, воздерживаться... Воздержаться, но не отходить в сторону! Воздержаться — это значит: не стремиться к лидерству или к наградам в чужой политике, но действовать с сознанием ответственности, открыто, ясно, отнюдь не тайно, за кулисами»[77].

И это последнее добавление — опять-таки превосходно. (И опять же, честно сказать: и всем людям, и евреям, — как бывает трудно следовать ему.)

И в сегодняшнем Израиле мудро мыслящие евреи отчётливо говорят: «Наше вмешательство в дела других народов всегда оборачивалось плохо и для этих народов, и для еврейского народа»[78]. — Мы «много раз в современной истории... обнаруживали несправедливость в основаниях существующих обществ, а наша безответственность, как меньшинства, способствовала созданию новых, гораздо худших». Мы были «потомственные подаватели советов»[79].

А вот, после советских десятилетий строго оглядясь, пишет современный еврейский автор из диаспоры: «Конечно, эта история [евреев] была, как и у других народов, не только история благочестивых, но и бессовестных, не только беззащитных и ведомых на смерть, но и вооружённых, несущих смерть, не только преследуемых, но и преследующих. Есть в этой истории страницы, которые без содрогания нельзя открыть. И как раз эти страницы систематически и намеренно вытеснялись из сознания евреев»[80].

По заключению Э. Ренана, удел народа Израиля отначала был: стать *бродилом* для всего мира. Эта мысль, согласно или полемически, повторяется и у наших современников: «Мы стали бродильным началом среди неевреев,

---

77 *Макс Брод.* Любовь на расстоянии // Там же, с. 200–202.

78 *Р. Нудельман* [в беседе с Л. Плющом] // “22”, 1978, № 3, с. 192.

79 *А. Воронель.* Иаков остался один // “22”, 1985, № 40, с. 126.

80 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 151.

в среде которых мы жили»[81]. — «...Дескать, избранность еврейского народа в том и состоит, чтобы вечно жить в рассеянии. "Мы дрожжи... наша задача — сбраживать чужое тесто"»[82].

И по многим историческим примерам, и по общему живому ощущению, надо признать: это — очень верно схвачено. Ещё современнее скажем: катализатор. Катализатора в химической реакции и не должно присутствовать много, а действует он на всю массу вещества.

К этому следует добавить не только несомненную подвижность ума, еврейское «доверие к разуму и ощущение, что конструктивными усилиями можно решить все проблемы»[83], но и — острую чуткость к струям времени. Чутче евреев, я думаю, нет народа во всём человечестве, во всей истории. Ещё только первые молекулы тления испускает государственный или общественный организм — уже евреи от него откидываются, хотя были бы доселе привержены, уже — отреклись от него. И едва только где пробился первый росток от будущего могучего ствола — уже евреи видят его, хвалят, пророчат, выстраивают ему защиту. — «Такое свойство темперамента, при котором евреи всегда оказываются на стороне "самых передовых" идей... очень уж для нас, евреев, характерно»[84].

Предпринятый тут обзор мнений даёт нам до некоторой степени объемлющее сознание, с которым мы вступаем в дальнейшее чтение.

---

81 *И. Эльдад.* Еврейская аномалия в трёх измерениях // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 76, с. 147.

82 *Н. Воронель.* Оглянись в раздумье...: [Круглый стол] // "22", 1982, № 24, с. 118.

83 *А. Воронель.* Трепет иудейских забот. 2-е изд. Рамат-Ган: Москва–Иерусалим, 1981, с. 63.

84 *Он же.* Агасферическое сознание и сионизм // "22", 1992, № 80, с. 204.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Глава 13 — В ФЕВРАЛЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

123-летняя история неравноправного подданства еврейского народа в России (считая от Указа Екатерины 1791 г.) закончилась с Февральской революцией.

Стоит оглянуться на атмосферу тех февральских дней — каким подошло общество к этому моменту эмансипации?

Первую неделю петроградских революционных событий газет не было. А затем они выступили с трубным гласом, менее всего задумываясь или ища жизненные государственные пути, но наперебой спеша поносить всё прошедшее. В невиданном размахе кадетская «Речь» призывала: отныне «вся русская жизнь должна быть перестроена с корня»[1]. (Тысячелетнюю жизнь! — почему уж так сразу «с корня»?) — А «Биржевые ведомости» выступили с программой действий: «Рвать, рвать без жалости все сорные травы. Не надо смущаться тем, что среди них могут быть и полезные растения, — лучше чище прополоть с неизбежными жертвами»[2]. (Да это март 17-го или 37-го?) — Расшаркивался новый министр иностранных дел Милюков: «До сих пор нам приходилось краснеть перед нашими союзниками за наше правительство... Россия лежала мёртвым весом на деле союзников»[3].

Редко в те первые дни можно было услышать дельные слова о том, что́ же надо теперь вообще делать в России? Улицы Петрограда в хаосе, сотни полицейских загнаны под замок, по городу не утихает беспорядочная вольная стрельба, — но всё заливает общее ликование, хотя по каждому конкретному вопросу разброд мыслей и мнений, разноголосица перьев. Вся пресса и общество сходились едва ли не

---

[1] Речь, 1917, 7 марта, с. 2.

[2] Биржевые ведомости, 1917, 8 марта (здесь и далее — утренний выпуск), с. 5.

[3] Там же, 10 марта, с. 6.

в одном: в безотложном установлении еврейского равноправия. Красноречиво писал Фёдор Сологуб в «Биржевых ведомостях»: «Самое существенное начало гражданской свободы, без чего земля наша не может быть святою, народ не может быть праведным, всенародный подвиг не станет священным... — снятие вероисповедных и расовых ограничений».

Равноправие евреев продвигалось, и даже весьма быстро. Первого марта (ст. ст.), за день до отречения царя, за несколько часов до знаменитого «Приказа № 1», губительно толкнувшего армию к развалу, — комиссары Думского Комитета, посланные в министерство юстиции, В. Маклаков и М. Аджемов, провели распоряжение по министерству: зачислить всех евреев — помощников присяжных поверенных в сословие присяжной адвокатуры. — «Уже 3 марта... председатель Государственной Думы М. Родзянко и министр-председатель Временного правительства кн. Г. Львов подписали декларацию, в которой говорилось, что одной из главных целей новой власти является "отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений"»[4]. — Затем, 4 марта, военный министр Гучков внёс предложение открыть евреям дорогу в офицерство, а министр просвещения Мануйлов — отменить процентную норму для евреев. Оба предложения были приняты без помех. — 6 марта министр торговли-промышленности Коновалов начал устранять «национальные ограничения в акционерном законодательстве», то есть отмену запрета на покупку земли компаниям с евреями в правлениях.

И меры эти быстро проводились в жизнь. 8 марта в Москве зачислено в присяжные поверенные 110 «помощников»-евреев, 9 марта в Петрограде — 124[5], 8 марта в Одессе — 60[6]. 9 марта киевская городская дума экстраординарным постановлением, не дожидаясь следующих выборов, включает в свой состав пятерых гласных-евреев[7].

И вот, «20 марта Временное правительство приняло постановление, подготовленное министром юстиции

---

[4] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. Т. 7, с. 377.

[5] Речь, 1917, 9 марта, с. 4; 10 марта, с. 5 ; и др.

[6] Биржевые ведомости, 1917, 9 марта, с. 2.

[7] Там же, 10 марта, с. 2.

А. Керенским при участии членов политического бюро при еврейских депутатах 4-й Государственной Думы... Этим законодательным актом (опубликован 22 марта) отменялись все “ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности”». Это был, по существу, первый крупный законодательный Акт Временного правительства. «По просьбе политического бюро [при еврейских депутатах] евреи в постановлении не упоминались»[8].

Но, чтобы «отменить все ограничения, существовавшие для евреев во всём нашем законодательстве, чтобы искоренить... полностью неравноправие евреев», вспоминает Г.Б. Слиозберг, «надо было составить такой полный список всех ограничений... Составление списка отменяемых законов об ограничении евреев требовало большой осторожности и опыта» (и за это дело взялись Слиозберг и Л.М. Брамсон)[9]. — Израильская энциклопедия сообщает: в Акт «вошёл перечень статей российских законов, утративших силу с принятием постановления; почти все эти статьи (их было около 150) содержали те или иные антиеврейские ограничения. Отмене подлежали, в частности, все запреты, связанные с существованием черты оседлости; тем самым получила законодательное оформление её фактическая ликвидация, происшедшая в 1915»[10]. — Ограничения снимались слой за слоем: с передвижения, жительства, учебных заведений, участия в местном самоуправлении, с права приобретения собственности на имущество по всей России, с участия в казённых подрядах, в акционерных обществах, с права найма иноверной прислуги, рабочих и приказчиков, занятия должностей при поступлении на государственную и военную службу, с опекунств, попечительств. Вспоминая казус расторжения договора с Соединёнными Штатами, снимались подобные ограничения и с «иностранцев не воюющих с Россией держав», то есть главным образом с приезжающих американских евреев.

---

[8] КЕЭ, т. 7, с. 377.

[9] *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Париж, 1933–1934. Т. 3, с. 360.

[10] КЕЭ, т. 7, с. 377.

Обнародование Акта вызвало множество эмоциональных выступлений. — Депутат Государственной Думы Н. Фридман: «За последние 35 лет русское еврейство подверглось гонениям и унижениям, неслыханным и небывалым даже в истории нашего многострадального народа... Всё... приносилось в жертву государственному антисемитизму»[11]. — Адвокат О.О. Грузенберг: «Если дореволюционная российская государственность была чудовищно-громадной тюрьмою... то самая зловонная, жестокая камера, камера-застенок, — была отведена для нас, шестимиллионного еврейского народа... И в первый раз ростовщический термин — "процент" — еврейский ребёнок познавал от... государственной школы... Словно каторжные в пути, все евреи были скованы одной общей цепью презрительного отчуждения... Брызги крови наших отцов и матерей, брызги крови наших сестёр и братьев пали на нашу душу, зажигая и раздувая в ней неугасимый революционный пламень»[12].

Супруга Винавера Роза Георгиевна вспоминает: «Событие это совпало с празднованием еврейской Пасхи. Казалось, что был второй Исход из Египта. Какой долгий, долгий путь страданий и борьбы пройден, и как быстро всё свершилось. Был созван большой еврейский митинг», на котором выступил Милюков: «Смыто наконец позорное пятно с России, которая сможет теперь смело вступить в ряды цивилизованных народов». А Винавер «предложил собранию в память этого события построить в Петрограде большой еврейский народный дом, который будет называться "Домом Свободы"»[13].

Три члена Государственной Думы, М. Бомаш, И. Гуревич и Н. Фридман, опубликовали обращение «К еврейскому народу»: теперь «наши неудачи на фронте были бы непоправимым несчастьем для неокрепшей ещё свободной России... Свободные еврейские воины... почерпнут новые силы для упорной борьбы, с удесятерённой энергией продлив свой ратный подвиг». Также и естественный план: «еврей-

---

11 Речь, 1917, 25 марта, с. 6.

12 Там же.

13 *Р.Г. Винавер.* Воспоминания (Нью-Йорк, 1944) // Хранение Гуверского Института Войны, Революции и Мира — Стэнфорд, Калифорния. Машинопись, с. 92.

ский народ приступит к немедленной организации собственных сил. Давно отжившие формы нашей общинной жизни должны быть обновлены... на свободных, демократических началах»[14].

Писатель-журналист Давид Айзман отозвался на Акт равноправия призывом: «Наша родина! Наше отечество! И они в беде. Со всей страстью... станем защищать нашу землю... Не было для нас от времени защиты Храма подвига такого святого».

А вот воспоминания Слиозберга: «Счастье дожить до провозглашения эмансипации евреев в России и избавления от бесправного положения, против которого я боролся по мере своих сил в течение трёх десятков лет, не преисполняло меня тою радостью, которая была бы естественна», — уже сразу начался развал[15].

И через семьдесят лет один еврейский автор выразил даже сомнение: «Изменил ли формально-правовой акт реальную ситуацию в стране, где всякие правовые нормы стремительно теряли какую-либо силу?»[16]

Ответим: всё же так, издали, преуменьшать достигнутое — нельзя. Тогда — Акт просторно улучшил, резко изменил положение евреев. А что тут же вся страна, со всеми населяющими её народами, будет лететь в пропасть — это уже объемлющее дыхание Истории.

Самая быстрая и заметная перемена совершилась в судах. Если раньше взяточная комиссия Батюшина вела следствие против очевидного мошенника Д. Рубинштейна, то теперь наоборот: дело Рубинштейна прекращено, и он уже посещает в Зимнем дворце Чрезвычайную Следственную комиссию и с успехом требует следствия над комиссией Батюшина. И действительно, в марте же арестовывают генерала Батюшина, полковника Резанова и других следователей, с апреля начинается следствие над ними — и оказывается, что вымогательство взяток с банкиров и сахарозаводчиков у них, видимо, было немалое. Теперь распечатываются запечатанные Батюшиным сейфы банков Волж-

---

14 Русская воля, 1917, 29 марта, с. 5.

15 *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней. Т. 3, с. 360.

16 *Б. Орлов.* Россия без евреев // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1988, № 60, с. 157.

ско-Камского, Сибирского и Юнкера — и этим банкам возвращены все бумаги. (Не так удачно складываются дела у Симановича и Мануса. Симанович арестован как секретарь Распутина, предлагает конвойным 15 тысяч рублей, если ему дадут поговорить по телефону, те «в исполнении просьбы, конечно, отказали»[17]. А Манусу, подозреваемому в сделках с германским агентом Колышко, через дверь пришлось отстреливаться от контрразведки. Поначалу арестован, но позже скрылся за границу.) — Обстановку же в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства можно явно проследить по протоколам допросов в позднем марте. Протопопова спрашивают о том, как его назначили министром внутренних дел, а в ответе он напоминает о своём циркуляре — «значительно расширял правожительство евреев» в Москве; вообще главные задачи? — «во-первых, продовольственное дело, [за ним] на очереди прогрессивное движение: еврейский вопрос...». Директор департамента полиции А.Т. Васильев не упустил отметить, что помогал защите сахарозаводчиков (евреев): «Грузенберг позвонил мне утром на квартиру и благодарил меня за содействие»; «Розенберг... пришёл поблагодарить меня за хлопоты о нём»[18]. Так допрашиваемые искали для себя смягчение.

Отметным признаком мартовских недель стали энергичные меры против известных или пресловутых юдофобов. Первым же арестованным, 27 февраля, был министр юстиции Щегловитов. Его обвиняли, что именно он дал указания пристрастно вести дело Бейлиса. В следующие дни были арестованы обвинители по делу Бейлиса прокурор Виппер и сенатор Чаплинский. (Однако конкретных обвинений им не предъявили, и в мае 1917 Виппер был всего лишь уволен с должности обер-прокурора уголовно-кассационного департамента Сената; расправа ждала его позже, при большевиках.) Судебному следователю Машкевичу велели теперь подать в отставку за то, что в деле Бейлиса он допустил не только экспертизу против существования ритуального убийства, но и вторую экспертизу, за. Все мате-

---

[17] Речь, 1917, 17 марта, с. 5.

[18] Падение царского режима: Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Л.: ГИЗ, 1924. Т. 1, с. 119–121, 429.

риалы по делу Бейлиса были затребованы министром юстиции Керенским из киевского окружного суда[19], и предполагался громкий пересмотр, да в бурном ходе 1917 этого не случилось. Был арестован и д-р Дубровин, председатель «Союза Русского Народа», вместе со своим архивом; арестованы издатели крайне-правых газет Глинка-Янчевский и Полубояринова; книжные магазины Монархического союза просто сожжены. Две недели искали арестовать скрывшихся Н. Маркова и Замысловского (кроме Петербурга — ночные обыски в Киеве, в Курске), — Замысловского за активное участие в деле Бейлиса, а Маркова, очевидно, за депутатские речи в Государственной Думе. В то же время Пуришкевича не трогали — надо полагать, по причине его революционных речей в Думе в ноябре и участия в убийстве Распутина. Появилась и низкая басня, что Столыпин принимал участие в убийстве Иоллоса, — и в Кременчуге именно улицу Столыпина переименовали в улицу Иоллоса.

По всей России катились сотенные аресты лиц — уже теперь за их прежние посты или прежние их *настроения*.

Надо отметить, что объявление еврейского равноправия не вызвало ни одного погрома. Стоит это отметить не только из-за сравнения с 1905 годом, но и потому, что весь март и весь апрель, из главных новостей, лилось по разным газетам, по разным выступлениям: что готовятся, готовятся — и вот уже где-то якобы начались и происходят еврейские погромы.

Слухи появились 5 марта, что то ли в Киевской, то ли в Полтавской губернии есть опасность еврейского погрома, а кто-то в Петрограде наклеил рукописную антиеврейскую листовку. В ответ Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов (ИК СРСД) создал специальную «иногороднюю комиссию по связям с местами... Рафес, Александрович, Суханов». Их задача: «посылка комиссаров в разные города, и в первую очередь в те районы, где чёрная сотня, прислужница старого режима, пытается сеять национальную рознь среди населения»[20]. В «Известиях СРСД» появилась статья «Погромная агитация»: «Было бы огромной ошибкой, равной преступлению, закрывать гла-

[19] Русская воля, 1917, 21 апреля, с. 4.

[20] Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов (далее — Известия), 1917, 6 марта, с. 4.

за на новую попытку низвергнутой династии...» — это она всё затевает... «В Киевской и Полтавской губернии среди малоразвитых, отсталых слоёв населения в настоящий момент ведётся агитация, направленная против евреев... Евреям ставится в вину поражение нашей армии, и революционное движение в России, и падение абсолютизма... Старая уловка... тем более опасная, что она пускается в ход именно теперь... Необходимо немедленно же приступить к решительным мерам против погромных агитаторов»[21]. После чего командующий Киевским военным округом ген. Ходорович издал приказ: всем воинским частям принять все меры к предупреждению возможных антиеврейских беспорядков.

И затем ещё долго, даже и в апреле, в разных газетах, с перерывами по два-три дня, появлялись новые слухи о подготовке еврейских погромов[22] или по меньшей мере о перевозке по железным дорогам кип «погромной литературы». А настойчивей всего текли слухи о предстоящем погроме в Кишинёве — это в конце марта, как раз между еврейской и православной пасхами, по аналогии с 1903.

И много ещё было частных тревожных сообщений (даже что погром готовят могилёвские полицейские, рядом со Ставкой Верховного) — и ни одно не оправдалось.

Надо хоть чуть познакомиться с фактами тех месяцев, почувствовать всю «февральскую» атмосферу, как разгромлены правые, как ликовали левые, в каком ошеломлении и в какой растерянности был простой народ, — чтоб от порога утверждать, что тогда более всего невероятны были именно еврейские погромы. Но как простому еврейскому обывателю в Киеве или в Одессе позабыть те ужасные дни 12 лет тому назад? Понятна его настороженность на десять вздохов вперёд ко всякому шевелению к тому.

Другое дело — осведомлённые газеты. Тревогу, набат, выражаемый газетами, просвещёнными лидерами либерального лагеря и полуинтеллигентами социалистического, — нельзя назвать никак иначе, как политической провокацией. Провокацией, однако, к счастью, не сработавшей.

---

21 Известия, 1917, 6 марта, с. 2.

22 Напр.: Биржевые ведомости, 1917, 8 и 12 апреля; Русская воля, 1917, 9 апреля; Известия, 1917, 15 и 28 апреля; и др.

Единственный реальный эпизод произошёл на Бессарабском базаре в Киеве 28 апреля: девочка украла кусок ленты в еврейской лавке и побежала; приказчик догнал её и бил. Толпа кинулась устроить самосуд над тем приказчиком и хозяйкой лавки — но милиция отстояла их. — Да в Рогачёвском уезде в ответ на дороговизну стали бить все лавки подряд — а из них многие были еврейские.

Кто и где действительно встретил еврейскую свободу неприязненно — это наша легендарно-революционная Финляндия и наша могучая союзница Румыния. В Финляндии (как мы уже видели, глава 10, у Жаботинского) и прежде евреям запрещено было жить постоянно, а с 1858 разрешено только «потомкам евреев-солдат, служивших здесь», то есть в Финляндии, в Крымскую кампанию. «Паспортный закон 1862... подтвердил запрещение евреям въезда в Финляндию», а «разрешено временное пребывание по усмотрению местного губернатора», и евреи не могли стать финскими гражданами; чтобы вступить в брак — еврей должен был выезжать в Россию; ограничено было право евреев свидетельствовать в финляндских судах. Несколько попыток осуществить полегчания или равноправие не удались [23]. — А теперь, с наступившим в России еврейским равноправием, Финляндия, ещё и не объявившая свою полную независимость, не вносила в свой сейм законопроекта о еврейском равноправии. Больше того: она выселяла евреев, без разрешения проникших туда, и не в сутки, а в час, с первым отходящим поездом. (Случай 16 марта, вызвавший большой всплеск в русской печати.) Но Финляндию всегда принято было превозносить за помощь революционерам, и либеральные и социалистические круги замялись. Только Бунд в телеграмме финским социалистам (весьма влиятельным) выговорил, что до сих пор не отменены правила, «сохранившиеся в Финляндии со времён Средневековья». Бунд, «партия Еврейского пролетариата России, выражает твёрдую уверенность, что вы снимете это позорное пятно со свободной Финляндии» [24]. Однако в уверенности этой — Бунд ошибся.

---

[23] Еврейская Энциклопедия: В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1906-1913. Т. 15, с. 281-284.

[24] Известия, 1917, 26 марта, с. 2.

И большое возбуждение было в послефевральской прессе о преследовании евреев в Румынии, — даже, писали: в Яссах запрещено и на собраниях и на улицах пользоваться еврейским языком. Вот и всероссийский сионистский студенческий съезд «Геховер» постановил «горячо протестовать против оскорбительного для мирового еврейства и унизительного для всемирной демократии факта гражданского бесправия евреев в союзной Румынии и в Финляндии»[25]. — Румыния из-за своих крупных военных поражений стояла слабо. И премьер Братиану в Петрограде в апреле оправдывался, что «большинство евреев в Румынии... переселились туда» из России, это и «побуждало румынское правительство ограничивать евреев в политических правах», но равноправие обещал[26]. Однако в мае читаем: «фактически в этом направлении ничего не делается»[27]. (В мае же сообщал тамошний коммунист Раковский: «Невыносимое... положение евреев» в Румынии, их винят в поражении страны, в братании с немцами в занятой части Румынии. «Если бы румынские власти не боялись [мнения союзников], то можно было бы опасаться и за жизнь евреев»[28].)

Мировой же отклик, у союзников, на Февральскую революцию был в тоне глубокого удовлетворения, у многих — восторга, но он поддерживался и близоруким расчётом: что теперь-то Россия станет несокрушима в войне. В Великобритании и Соединённых Штатах отмечены массовые митинги в поддержку революции и прав российских евреев. (Я немного этих откликов привёл в «Марте Семнадцатого», в главах 510 и 621.) Из Америки вскоре предложили прислать России копию статуи Свободы. (Но вкось пошли российские дела, и до статуи не дошло.) В английском парламенте 9 марта министру иностранных дел был задан в палате общин вопрос в отношении евреев в России: собирается ли он консультироваться с русским правительством относительного гарантий русским евреям на будущее и возмещений им за прошлое? Ответ выражал полное доверие британского правительства новому русскому правительству[29]. —

[25] Русская воля, 1917, 15 апреля, с.4.

[26] Биржевые ведомости, 1917, 23 апреля, с.3.

[27] Там же, 19 мая, с.1.

[28] День, 1917, 10 мая.

[29] Биржевые ведомости, 1917, 11 марта, с. 2.

Президент Международного Еврейского Союза слал из Парижа поздравления премьеру князю Львову, и тот отвечал: «Отныне свободная Россия сумеет уважать верования и обычаи всех её народов, навеки объединённых религией любви к отечеству». «Биржёвка», «Речь», и многие сообщали о сочувствии «известного руководителя враждебных России североамериканских кругов» Якова Шиффа: «Я всегда был врагом русского самодержавия, безжалостно преследовавшего моих единоверцев. Теперь позвольте мне приветствовать... русский народ с великим делом, которое он так чудесно совершил»[30]. И вот он «приглашает новую Россию к заключению широких кредитных операций в Америке»[31]. И действительно, «в то время он предпринял поддержку существенным кредитом правительства Керенского»[32]. — Уже в эмиграции в правой русской печати появлялись расследования, пытавшиеся доказать, что Шифф активно финансировал саму революцию. Не исключено, что он разделял близорукие надежды западных кругов, что русская либеральная революция укрепит Россию в войне. Впрочем, и известные и открытые шаги Шиффа, всегда враждебные к российскому самодержавию, имели даже больший вес, чем какая-либо возможная скрытая помощь такой революции.

Сама же Февральская революция часто и сознательно взывала за поддержкой к евреям как целой порабощённой нации. И повсеместны свидетельства, что российские евреи встретили Февральскую революцию восторженно.

Но есть — и противосвидетельства. Вот, у социалиста Григория Аронсона, создавшего и возглавившего Совет рабочих депутатов Витебска (туда позже вошёл и будущий историк Е.В.Тарле), читаем. В первый же день, как весть о революции достигла Витебска, заседал в городской думе новообразованный Совет Безопасности — а сразу оттуда Аронсона пригласили на собрание представителей еврейской общины (ясно, что не рядовых, а авторитетных). «По-видимому, была потребность сговориться со мной, как с представителем новой грядущей эпохи, о том, что дальше делать и как быть... Я почувствовал отчуждение от этих лю-

---

30 Там же, 10 марта, с. 6.

31 Речь, 1917, 10 марта, с. 3.

32 Encyclopaedia Judaica. Jerusalem: Keter Publishing House, 1971, vol. 14, p. 961.

дей, от круга их интересов и от той атмосферы, я сказал бы довольно напряжённой, которая была на этом собрании... У меня было такое ощущение, что община в большинстве своём принадлежит старому миру, который уходит куда-то в прошлое»[33]. «Нам так и не удалось устранить появившийся откуда-то взаимный холодок. На лицах людей, с которыми меня связывала и работа, и личные отношения, не только не было никакого подъёма и никакой веры. Моментами казалось даже, что они, эти бескорыстные общественные деятели, чувствуют себя в какой-то мере элементами старого строя»[34].

Это — отчётливое свидетельство. Такое недоумение, осторожность и колебания владели религиозными консервативными евреями, разумеется, не в одном Витебске. Благоразумное старое еврейство, неся ощущение многовекового опыта тяжких испытаний, — было, очевидно, ошеломлено мгновенным свержением монархии и питалось опасливыми предчувствиями.

Но, в духе всего XX века, динамическая масса каждого народа, в том числе и еврейского, — уже была секулярна, не скована традициями и безудержно рвалась строить «счастливый Новый мир».

Еврейская энциклопедия отмечает «резкое усиление политической активности еврейства, заметное даже на фоне бурного общественного подъёма, охватившего Россию после февраля 1917»[35].

Сам я, много лет работая над «февральской» прессой и воспоминаниями современников Февраля, не мог бы это «резкое усиление», этот ветровой напор не заметить. В тех материалах, от самых разных свидетелей и участников событий, еврейские имена многочисленны, а еврейская тема настойчива, многозвучна. По воспоминаниям Родзянко, градоначальника Балка, генерала Глобачёва и многих других — с первых дней революции в глуби Тавриче-

---

[33] *Г.Я.Аронсон.* Интервью радиостанции «Свобода» // Воспоминания о революции 1917 года. Интервью № 66, Мюнхен, 1966, с. 13–14.

[34] *Г.Аронсон.* Революционная юность: Воспоминания, 1903–1917 // Inter-University Project on the History of the Menshevik Movement, Paper № 6. New York, August 1961, p.133.

[35] КЕЭ, т. 7, с. 378.

ского дворца бросалось в глаза число евреев — членов комендатуры, опрашивающих комиссий, торговцев брошюрами. Вот и расположенный к евреям В.Д. Набоков писал: 2-го марта у входа в Таврический сквер перед зданием Думы «происходила невероятная давка, раздавались крики; у входных ворот какие-то молодые люди еврейского типа опрашивали проходивших»[36]. По Балку же, толпа, громившая «Асторию» в ночь на 28 февраля, состояла из — «вооружённых... солдат, матросов и евреев»[37]. Я допускаю тут и позднюю эмигрантскую раздражительность — мол, «всё — евреи закрутили». — Но и посторонний наблюдатель, методистский пастор д-р Саймонс, американец, к тому времени 10 лет проживший в Петрограде и хорошо его знавший, отвечал в 1919 комиссии американского Сената: «Вскоре после мартовской революции 1917 г. повсюду [в Петрограде] были видны группы евреев, стоявших на скамьях, ящиках из-под мыла и т.д. и ораторствовавших... Существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции они слетелись целыми стаями, и большинство агитаторов оказывалось евреями... [это были] вероотступники-евреи»[38]. — Приехал в Кронштадт за несколько дней до кровавой расправы над 60 офицерами (по заготовленным спискам) и стал инициатором и председателем кронштадтского «Комитета революционного движения» — «студент Ханох». (Приказ комитетов: всех до одного офицеров арестовать и судить. «Ложная информация заботливо пускалась кем-то» и вызывала расправы сперва в Кронштадте, затем в Свеаборге, при «полной неопределённости положения, при котором любой вымысел казался реальным фактом».)[39] Дальше кронштадтскую кровавую эстафету перенял ещё не доучивший-

[36] *В. Набоков.* Временное Правительство // Архив Русской Революции, издаваемый И.В.Гессеном. Берлин: Слово, 1922–1937. Т. 1, с. 15.

[37] *А. Балк.* Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917): Дневник последнего Петроградского Градоначальника // Хранение Гуверского Института. Машинопись, с. 16.

[38] Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчёт «овермэнской комиссии» Сената. М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 5.

[39] *Д.О. Заславский, Вл.А. Канторович.* Хроника Февральской революции. Пг.: Былое, 1924. Т. 1, с. 63, 65.

ся психоневролог «доктор Рошаль». (С.Г. Рошаль после Октябрьского переворота — комендант Гатчины, в ноябре назначен комиссаром всего Румынского фронта, где убит по прибытии[40].) — Создана революционная милиция Васильевского острова, от её имени гласят Соломон и Каплун (будущий кровавый подручный Зиновьева). — Петроградская адвокатура создаёт специальную «комиссию для проверки правильности задержания лиц, арестованных во время революции» (таких были тысячи в Петрограде), то есть бессудно решать судьбу их, и всех бывших жандармов и полицейских, — возглавляет её присяжный поверенный Гольдштейн. — Однако и неповторимый рассказ унтера Тимофея Кирпичникова, с которого и покатилась уличная революция, записал в марте же 1917 и сохранил нам — любознательный к истории Яков Маркович Фишман. (Я с признательностью полагался в «Красном Колесе» на эту запись.)

И вот, итожит Еврейская энциклопедия, «евреи впервые в истории России заняли высокие посты в центральной и местной администрации»[41].

На самых верхах, в Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, незримо управлявшего страной в те месяцы, отличились два его лидера, Нахамкис-Стеклов и Гиммер-Суханов: в ночь с 1 на 2 марта продиктовали самодовольно-слепому Временному правительству программу, заранее уничтожающую его власть на весь срок его существования.

Размыслительный Г.А. Ландау объясняет примыкание евреев к революции — законом захватно-общим: «Несчастие России — и несчастие русского еврейства — заключалось в том, что результаты первой революции ещё не были переварены, не улеглись в новый строй, не выросло ещё новое поколение, — как стряслась великая и непосильная война. И когда наступил час развала, он застал поколение, с самого его начала бывшее в некотором смысле отработанным паром прежней революции, застал инерцию уже изжитой духовности, без органической связи с моментом, а прикованным духовной косностью к десятилетие назад пе-

---

[40] Российская Еврейская Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. Т. 2, с. 502.

[41] КЕЭ, т. 7, с. 381.

режитому периоду. И органическая революционность начала двадцатого века стала механической "перманентной революционностью" военного времени»[42].

По многолетней и подробностной моей работе мне досталось осмыслять суть Февральской революции, заодно и еврейскую в ней роль. Я вывел для себя и могу теперь повторить: нет, Февральскую революцию — не евреи сделали русским, она была совершена, несомненно, самими русскими, — и, я думаю, я достаточно это показал в «Красном Колесе». Мы сами совершили это крушение: наш миропомазанный царь, придворные круги, высшие бесталанные генералы, задубевшие администраторы, с ними заодно их противники — избранная интеллигенция, октябристы, земцы, кадеты, революционные демократы, социалисты и революционеры, — и с ними же заодно разбойная часть запасников, издевательски содержимых в петербургских казармах. И именно в этом шла к нам гибель. Среди-то интеллигенции уже было много евреев — но это никак не даёт основания назвать революцию еврейской.

Революции можно классифицировать: по главным движущим силам их, — и тогда Февральскую революцию надо признать российской, даже точнее — русской; если же судить по тому, как это принято у материалистических социологов, — кто больше всего, или быстрей всего, или прочнее всего, надолго выиграл от революции, — то можно было бы её назвать иначе (еврейской? но тогда — и немецкой? Вильгельм на первых порах вполне выиграл). А уж всё остальное русское население почти от начала получило только вред и развал — однако это не делает революцию «не-русской». Еврейское общество в России вполне получило от Февральской революции — всё, за что боролось, — и Октябрьский переворот действительно был уже никак не нужен ему, кроме той головорезной части еврейской секулярной молодёжи, которая со своими русскими братьями-интернационалистами накопила заряд ненависти к русскому государственному строю и рвалась «углублять» революцию.

---

[42] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 116 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

И — как же, поняв это, я должен был двигаться через «Март Семнадцатого», затем и «Апрель»? Описывая революцию буквально по часам, я то и дело встречался в источниках со множеством эпизодов, разговоров на еврейскую тему. Но правильно ли бы сделал я, если б это всё так и хлынуло на страницы «Марта»? Одолел бы и книгу и читателей — который раз в Истории — лёгкий пикантный соблазн: всё свалить на евреев, на их действия и идеи, разрешить увидеть в них главную причину событий — а тем самым и отвести исследование от действительно главных причин.

И чтобы этого самообмана русских не произошло — я настойчиво, через всё Повествование, значительно приглушил в «Красном Колесе» собственно еврейскую тему — сравнительно с тем, как она тогда звучала в прессе, в воздухе.

Февральская революция была совершена — русскими руками, русским неразумием. В то же время в её идеологии — сыграла значительную, доминирующую роль та абсолютная непримиримость к русской исторической власти, на которую у русских достаточного повода не было, а у евреев был. И русская интеллигенция усвоила этот взгляд. (Об этом — уже было в главе 11.) Особенно резко возросла непримиримость после процесса Бейлиса, и потом после массового выселения евреев в 1915. И непримиримость победила умеренность.

Однако иначе смотрится Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, сформировавшийся в первые же *часы* революции. Этот Исполнительный Комитет — жёсткое теневое правительство, лишившее либеральное Временное правительство всякой реальной власти, — но и, преступно, не взявшее власть прямо, открыто себе. «Приказом № 1» Исполнительный Комитет вырвал власть у офицерства и оперся на разложенный петроградский гарнизон. Именно Исполнительный Комитет — а не присяжные поверенные, не лесопромышленники и не банкиры — повёл страну кратчайшим путём к гибели. Летом 1917 объяснял французскому дипломату Клоду Анэ член ИК Иосиф Гольденберг: «“Приказ № 1” — не ошибка; то была необходимость... В день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что, если мы не уничтожим старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией, и мы не колебались: мы выбрали последнюю... [и нанесли], я смею сказать, ге-

ниальный удар»[43]. Вот так, вполне сознательно, Исполнительный Комитет в разгар войны развалил армию.

Допусти́м ли вопрос — кто были те столь успешные и роковые единицы, составляющие ИК? — Допусти́м : хотя бы тогда, когда действия лидеров круто меняют ход истории. И надо сказать, что состав Исполнительного Комитета очень волновал и публику, и газеты в 1917 году, пока многие члены ИК прятались под псевдонимами и два месяца скрывали себя от публичности: управляли Россией — неведомо кто. Потом оказалось, что был в ИК десяток солдат, вполне показных и придурковатых, держимых в стороне. Из трёх десятков остальных, реально действующих, — больше половины оказались евреи-социалисты. Были и русские, и кавказцы, и латыши, и поляки, — русских меньше четверти.

Умеренный социалист В.Б. Станкевич, отмечая, что «поражающей чертой в личном составе Комитета [было] количество инородческого элемента... совершенно несоразмерное их численности и в Петрограде и в стране», спрашивает: «Было ли это нездоровой пеной русской общественности...? Или это следствие грехов старого режима, который насильственно отметал в левые партии инородческие элементы? Или это просто результат свободного соревнования...?» И тогда — «остаётся открытым вопрос, кто более виноват — те инородцы, которые там были, или те русские, которых там не было, хотя могли быть»[44].

Для социалиста это может быть и вина. А по-доброму: вообще бы не погружаться в этот буйный грязный поток — ни нам, ни вам, ни им.

---

43 *Claude Anet.* La révolution russe: Juin–Novembre 1917. Paris: Payot et C-ie, 1918, p. 61.

44 *В.Б. Станкевич.* Воспоминания, 1914–1919. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1920, с. 86.

Глава 14 — В ХОДЕ 1917

В начале апреля 1917 Временное правительство, с удивлением для себя обнаружив, что финансы России, и бывшие не в порядке, всего за один месяц революции сильно покатились в пропасть, объявило — шумно и надеясь разжечь восторженный патриотизм — подписку на «Заём Свободы».

Слухи о займе потекли ещё в марте, и министр финансов Терещенко заявил прессе: *уже* «поступают заявления о многомиллионном покрытии» ещё только предстоящего Займа Свободы — от банкиров, «преимущественно от еврейских банкиров, чего нельзя не поставить в связь с отменой вероисповедных и национальных ограничений»[1]. И действительно, объявлен Заём — и запестрели газетные сообщения о крупной подписке на него именно евреев. И с призывами-шапками на первой странице, вроде: «Евреи-граждане! подписывайтесь на Заём Свободы», «Каждый еврей должен иметь облигации Займа Свободы»[2]. В московской синагоге за один раз собрали подписку на 22 миллиона рублей. Еврейское население Тифлиса в первые же два дня подписалось на полтора миллиона, минские евреи за неделю — на полмиллиона, община Саратова — на 800 тысяч. В Киеве наследники Бродского подписались на миллион, Клара Гинсбург — на миллион. Откликнулись и западные евреи: Яков Шифф подписался на миллион; лондонский Ротшильд — тоже на миллион; а в Париже, «по предложению барона Гинзбурга... русские евреи решили принять активное участие... Подписка дала уже несколько миллионов»[3]. Создался и «Еврейский Комитет содействия успеху "Займа Свободы"» с крупным воззванием[4].

---

[1] Дело народа, 1917, 25 марта, с.3.

[2] Русская воля, 1917, 14 апреля, с. 1; 20 апреля, с. 1; Речь, 1917, 16 апреля, с. 1; 20 апреля, с. 1.

[3] Русская воля, 1917, 23 апреля, с.4.

[4] Биржевые ведомости, 1917, 24 мая, с.2.

После месяца, однако, подписка сильно не оправдала надежд Временного правительства. И в начале мая, затем ещё раз в начале июня, ещё и в конце июля, были опубликованы в газетах, для поощрения, списки лиц, подписавшихся на заём больше чем на 25 тысяч (заодно и с тем, что: «стыдно!» тем богачам, кто не подписался)[5]. И эти списки поражают не столько изобилием еврейских фамилий (а на втором месте, пожалуй, обрусевшие немцы, с их непростым положением во время Германской войны) — сколько отсутствием крупной русской буржуазии, кроме нескольких виднейших имён московского купечества.

На сцене же политической «начался бурный рост левых и центристских партий, многие евреи включились в политическую жизнь страны»[6]. От первых же послефевральских дней в столичных газетах обильно замелькали объявления о частных митингах, собраниях, заседаниях еврейских партий: больше всего — Бунда, затем Поалей-Цион, сионистов просто, сионистов-социалистов, сионистов-территориалистов, затем и СЕРПа (Социалистическая Еврейская Рабочая партия). — Уже с 7 марта читаем в газетах об ожидаемом близком созыве Всероссийского Еврейского съезда. Эта идея, высказанная Дубновым ещё «задолго до революции», теперь получила «широкое признание». Но из-за «острых разногласий между сионистами и бундовцами» — съезд в 1917 не состоялся (не состоялся и в 1918 — «из-за начавшейся гражданской войны и противодействия большевистских властей»)[7]. — «В Петрограде была восстановлена Еврейская народная группа во главе с М. Винавером»[8] — не социалисты, а либералы. Они сперва надеялись быть в союзе с еврейскими социалистами, Винавер заявил: «Бунд шёл в авангарде революционного движения, и мы приветствуем эту партию»[9]. Но социалисты упрямо отказались.

---

[5] Напр.: Русская воля, 1917, 10 мая, с. 5; Биржевые ведомости, 1917, 9 мая, с. 5; 1 июня, с. 6; Речь, 1917, 29 июля, с. 6.

[6] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. Т. 7, с. 399.

[7] Там же, с. 380–381.

[8] Там же, с. 379.

[9] *Г. Аронсон.* Еврейская общественность в России в 1917–1918 // Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 6.

Бурное оживление еврейских партий в Петрограде косвенно указывает, что революция застала в столице уже весьма немалое по численности и энергии еврейское население. Но кого в Петрограде почти не было — это «еврейского пролетариата», и поэтому особенно удивляет успех Бунда. Бунд шагал тут энергичнее всех: собирал — то петроградскую свою организацию в адвокатском клубе (а московскую — даже в Большом театре), то, 1 апреля, в Тенишевском училище, ещё и концерт-митинг в Михайловском театре, «14–19 апреля в Петрограде прошла всероссийская конференция Бунда, которая вновь сформулировала требование национально-культурной автономии для еврейства в России»[10]. (А «по окончании речей всеми участниками конференции были спеты бундовский гимн “Ди Швуе” [Клятва], Интернационал и марсельеза»[11].) Впрочем, как и раньше, Бунду приходилось уравновешивать национальную позицию с революционной. Если в 1903 он отстаивал (особенно против Ленина) свою национальную самостоятельность от РСДРП, и тем не менее в 1905 ринулся буровить единую всероссийскую революцию, то также и теперь в 1917: бундовцы заняли видные места в Исполнительном Комитете СРСД, затем и в киевских социал-демократах. «К концу 1917 в стране действовали почти 400 секций Бунда, объединявших около 40 тысяч человек»[12].

Да покрутишь головой и над Поалей-Цион. В начале же апреля собралась её всероссийская конференция — в Москве. С одной стороны, в её резолюциях было: собрать Всероссийский Еврейский Конгресс, обсудить проблему эмиграции в Палестину. С другой, в те же недели, на одесской конференции Поалей-Цион возглашалась непримиримая классовая программа: «Усилиями еврейской революционной демократии, несмотря на противодействие буржуазии справа и Бунда слева… Разрешение судеб еврейского народа вырвано из грязных рук “зажиточных и оседлых” евреев… Не допускайте буржуазные партии принести мусор старых порядков… Не давайте голоса лицемерам, которые не боролись, а коленопреклонённо вымаливали права для народа в приёмных министров-антисемитов… не верили

---

10 КЕЭ, т. 7, с. 378.

11 Известия, 1917, 9 апреля, с. 4.

12 КЕЭ, т. 7, с. 378–379.

в революционную деятельность масс». В апреле 1917 и произошёл раскол в партии: «Радикал-социалистическая» Поалей-Цион ушла к сионистам, откололась от основной «Социал-демократической» Поалей-Цион[13], которой в будущем предстояло вступить в Третий Интернационал[14].

Партия СЕРП тоже провела свою всероссийскую конференцию и на ней объединилась с сионистами-социалистами в одну «Объединённую еврейскую социалистическую рабочую партию» (ОЕСРП, или «Фарейникте»), рассталась с территориальными надеждами в пользу «“экстерриториальной” еврейской нации», со своим сеймом и «национально-персональной» автономией. «ОЕСРП обратилась к Временному правительству с призывом декларировать равенство языков и учредить совет по делам национальностей», который, в частности, «финансировал бы еврейские школы и общественные учреждения». В то же время «Фарейникте» «тесно сотрудничала» с эсерами[15].

Однако «наиболее влиятельной политической силой в еврейской среде стало сионистское движение»[16]. Уже в первых числах марта в резолюции сионистского петроградского собрания стояло: «Русское еврейство призывается всемерно поддерживать Временное правительство, а также — к бодрой работе, сплочению и организации в интересах расцвета еврейской народной жизни в России и к национально-политическому возрождению еврейской нации в Палестине». Да ведь и как совпало, вдохновенно-исторически: именно в марте 1917 английские войска подходили к Иерусалиму! Уже 19 марта в воззвании одесских сионистов стояло: наступила «эпоха, когда государства перестраиваются на национальных началах. [А Россия — как раз наоборот. — *А.С.*] Горе нам, если мы упустим этот исторический момент». В апреле сионисты были сильно подкреплены публичным заявлением Якова Шиффа, что теперь — он тоже примыкает к сионизму, «объясняя свой поступок опасением за еврейскую ассимиляцию, которая может явиться результатом гражданского равноправия евреев в России. Он считает Палестину тем центром, откуда еврейская куль-

---

13 КЕЭ, т. 7, с. 378.

14 Известия, 1917, 15 сентября, с. 2.

15 КЕЭ, т. 6, с. 85; т. 7, с. 379.

16 КЕЭ, т. 7, с. 378.

тура сможет распространить свои идеалы»[17]. В начале мая в зале петроградской Фондовой Биржи состоялся многолюдный сионистский митинг, с исполнением несколько раз сионистского гимна. А в конце мая в петроградской консерватории собралась и 7-я всероссийская сионистская конференция. На ней задачи сионистов формулировались так: «культурное возрождение еврейского народа»; «социальный переворот в экономическом укладе в смысле превращения народа лавочников и ремесленников в народ земледельцев и рабочих»; усилить эмиграцию в Палестину и «мобилизовать еврейский капитал для финансирования поселенческой деятельности». Обсуждался и план Жаботинского создать еврейский легион в составе британской армии, и план И.Трумпельдора «создать в России еврейскую армию, которая двинулась бы через Кавказ освобождать Эрец-Исраэль [землю Израиля] от турецкого господства». Два последних предложения были отвергнуты: Всемирная сионистская организация нейтральна в Мировой войне[18].

Эта же конференция постановила: на предстоящих выборах, муниципальных, затем в Учредительное Собрание, голосовать за партии «не правее народных социалистов», отказать в поддержке даже кадетам вроде Д.Пасманика, который потом жаловался: «Получалось нечто совершенно бессмысленное: как будто всё русское еврейство, со всей его крупной и мелкой буржуазией, — социалистично»[19]. Недоумение его более чем основательно.

Само собой, в начале апреля собрался в Петрограде, из 25 городов и всех университетов России, съезд студенческой сионистской организации «Геховер». Их решение: евреи страдали не для того, чтобы получить равноправие в России, а для возрождения еврейского народа в родной Палестине. И постановили теперь же в России формировать легионы для завоевания Палестины. — «Летом и осенью 1917 сионистское движение России продолжало креп-

---

[17] Биржевые ведомости, 1917, 12 апреля, с. 4.

[18] КЕЭ, т. 6, с.463, 464.

[19] *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 211 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

нуть: в сентябре число его участников достигло 300 тысяч человек»[20].

Менее известно, что в 1917 и еврейские «ортодоксальные объединения пользовались значительной популярностью, уступая в этом лишь сионистам и опережая социалистические партии» (как на «выборах в руководящие советы реорганизованных еврейских общин»)[21].

Митинги («И в ненависти и в любви евреи слились с народной демократической Россией!»). Лекции («Еврейский вопрос и русская революция»). Общепетроградское (да и в других городах) «собрание евреев-учащихся средних учебных заведений» (сверх всеобщих гимназических собраний). В Петрограде же — Центральный орган еврейского студенчества (но Бунд и другие левые его не принимают). — Распались многие провинциальные комитеты «помощи жертвам войны» (еврейским беженцам и депортированным): «демократические элементы считают целесообразным сейчас заниматься более широкой общественной деятельностью». Однако к апрелю создаётся Центральный еврейский комитет для этой помощи. — В начале мая учреждён Еврейский Народный Союз — для объединения всех еврейских сил и для подготовки Всероссийского Еврейского Союза и выборов в Учредительное Собрание. В конце мая ещё другая попытка: Организационный комитет Еврейского Демократического Объединения созывает конференцию всех еврейских демократических групп России. Продолжает оживлённо обсуждаться вопрос о созыве Всероссийского Еврейского съезда (Бунд и тут отказывается: это не соответствует его программе; а сионисты хотят включить в программу съезда вопрос о Палестине — и теперь уже отвергают *их*); в июле в Петрограде — Всероссийская конференция по подготовке Еврейского съезда[22]; общественный момент и подъём разрешают Винаверу объявить там, что созрела идея единой еврейской нации, расселённой в разных странах, и положение евреев в Румынии или в Польше не может быть российским евреям безразлично. Намечают съезд на декабрь.

---

[20] КЕЭ, т. 7, с. 378.

[21] Там же, с. 379.

[22] Там же, с. 380–381.

Какой энергичный разлив национальной активности! Даже в бурном кружении нашего Семнадцатого года — еврейская общественная и политическая деятельность выделяется своей многообразностью, напором, но и методичностью.

Яркое оживление деятельности развернулось и в еврейской культуре, и в здравоохранении, в них «период между февралём и ноябрём 1917 стал временем расцвета». Переведено в Петроград вдобавок к «Евреям России» издание «Еврейской недели», открылся «Петроград-Тогблат» на идише и соответственные издания ещё в других крупных городах. — Обществом Тарбут и Культур-лигой создаются «десятки детских садов, начальных и средних школ, педагогических училищ», соответственно на иврите и на идише. В Киеве учреждается еврейская мужская гимназия. В апреле в Москве — 1-й Всероссийский съезд по делам еврейской культуры и школы, с призывом: содержать еврейские школы за счёт казны. — Съезд общества любителей еврейского языка и культуры. В Москве же начал работать театр «Габима» — «первый в мире профессиональный театр на иврите»[23], а в апреле — выставка евреев-художников. — В апреле же — конференция Общества охранения здоровья еврейского населения.

Всё это особенно впечатляет на фоне общероссийской государственной, хозяйственной и культурной растерянности 1917 года.

Крупным событием в еврейской жизни в эти месяцы было — разрешение евреям-юношам становиться офицерами российской армии. Это движение было широким: в апреле штаб Петроградского военного округа по гвардейским частям прямо распорядился: всех студентов иудейского вероисповедания безотлагательно отправить командирами частей в подготовительный учебный батальон в Нижнем Новгороде, для дальнейшего направления в училища[24], — то есть почти массово продвигать молодых евреев в офицеры. «Уже в начале июня 1917 в Константиновском военном училище (Киев) был произведен в офицеры 131 еврей, окончивший в ускоренном порядке курс училища; в Одессе летом 1917 офицерские звания получили 160 ев-

---

[23] Там же, с. 379.

[24] Речь, 1917, 27 апреля, с. 3.

реев-юнкеров»[25]. В июне по России произведено в прапорщики 2600 евреев.

Есть свидетельства, что местами юнкера в училищах встречали новопоступающих евреев недоброжелательно, например в Александровском (куда было зачислено более трёхсот евреев). А в Михайловском часть юнкеров предложила резолюцию: «Не имеем ничего против евреев вообще, но считаем немыслимым их допущение в среду командного состава русской армии». Офицеры училища отмежевались от этой резолюции, и группа юнкеров-социалистов (141 юнкер) выразила «своё порицание», «находя антиеврейские выступления позорными для революционной армии»[26], — и резолюция не прошла. — Когда прапорщики-евреи прибывали в полки, то и там они зачастую встречали недоверчивое, недоброжелательное отношение от солдат: их явление в роли офицеров было для русского солдата совершенно необычно, непривычно. (Но кто из новопроизведенных офицеров принимал революционный тон поведения — те быстро получали популярность.)

С другой стороны, удивительно и проявление евреев-юнкеров Одесского училища. В конце марта в него было зачислено 240 евреев-новичков. А через 3 недели, 18 апреля по ст. ст., был первомайский парад в Одессе — и, демонстративно на нём, юнкера шли с пением древнееврейских песен. Понимали ли, что русского солдата этим не увлечёшь? так — чьими же офицерами они предполагали стать? Годилось бы это для отдельных еврейских батальонов. Однако, отмечает генерал Деникин, в ходе 1917, при всём успехе формирования национальных полков (польских, украинских, закавказских, а латышские были уже раньше), «только одна национальность не требовала самоопределения в смысле несения военной службы — это еврейская. И каждый раз, когда откуда-нибудь вносилось предложение — в ответ на жалобы [то есть как плохо принимают в армии офицеров-евреев] — организовать особые еврейские полки, это предложение вызывало бурю негодования в среде евреев и в левых кругах и именовалось злостной провокацией»[27]. (Га-

---

[25] КЕЭ, т. 7, с. 378.

[26] Русская воля, 1917, 25 апреля, с. 5.

[27] *А.И.Деникин.* Очерки Русской Смуты. Париж, 1922. Т. 1: Крушение власти и армии. Февраль - Сентябрь 1917. Вып. 2, с. 129–130.

зеты писали тогда, что проект отдельных еврейских полков возникал и в Германии, однако отброшен и там.) — Но, очевидно, потребность в национальном единении, в какой-то иной форме, у новых офицеров-евреев была. В Одессе 18 августа собрание евреев-офицеров постановило: организовать секцию связи всех фронтов, «для освещения положения евреев-офицеров на местах». В августе «возникли Союзы евреев-воинов; к октябрю такие союзы действовали на всех фронтах и во многих гарнизонах. 10–15 октября 1917 на конференции в Киеве был учреждён Всероссийский союз евреев-воинов»[28]. (Но и при новой «революционной армии» некоторые журналисты по старой инерции сохраняли злобу к офицерству вообще, к самим офицерским погонам — и А. Альперович в «Биржевых ведомостях» ещё и 5 мая разжигал страсти против офицерства[29].)

По разным источникам, в качестве рядовых евреи и при наборе 1917 года шли в армию неохотно; очевидно, были обнаружены подставки больных под чужими именами на медицинские освидетельствования, — ибо некоторые уездные по воинской повинности присутствия потребовали, чтобы евреи являлись на освидетельствование с фотокарточками на удостоверениях личности (чего вообще не требовали, по простоте). Поднялись бурные протесты, что это противоречит отмене национальных ограничений, — и министерство внутренних дел распорядилось не требовать фотокарточек.

В начале апреля Временное правительство телеграфно распорядилось: всех евреев, высланных по подозрению в шпионаже, освободить от ссылки, без индивидуальных разбирательств их дел. У одних родные местности были оккупированы противником, у других нет, но многие сосланные просили разрешения проживать в городах Европейской России. Отмечается прилив евреев в Петроград, где в 1917 еврейское население — «около 50 тысяч»[30]. Также и «в 1917 резко возросла численность евреев Москвы (60 тысяч)»[31].

Не такое численное, но высоко энергичное пополнение получило теперь российское еврейство из-за границы. Уж

[28] КЕЭ, т. 7, с. 379.

[29] Биржевые ведомости, 1917, 5 мая, с. 2.

[30] КЕЭ, т. 4, с. 775.

[31] КЕЭ, т. 5, с. 475.

не говорим о двух знаменитых поездах через неприятельскую Германию — 30 человек в ленинском и 160 в натансон-мартовском, — в которых евреи ехали в подавляющем большинстве и представлены были почти все еврейские партии (списки проехавших в «экстерриториальных вагонах» впервые опубликованы В. Бурцевым)[32]. Среди этих без малого двухсот человек редко кого ждала в России незначительная роль.

Многочисленней того, теперь в Россию поплыли сотни евреев из Соединённых Штатов — давних ли эмигрантов, или революционеров, или бежавших от воинской повинности, — их теперь именовали «революционные борцы» и «жертвы царизма», и по распоряжению Керенского русское посольство в Штатах без затруднений выдавало русские паспорта каждому приходящему, представившему двух подтверждающих свидетелей с улицы. (В особом положении была активная группа вокруг Троцкого, сперва задержанная в Канаде по основательному подозрению о связях с Германией. Но Троцкий ехал не с хлипким русским паспортом, а с крепким американским, необъяснимо выданным ему при кратком сроке пребывания в Штатах, — да ещё с крупным денежным пособием, источники которого остались не выяснены следствием[33].) — 26 июня на экзальтированном «русском митинге в Нью-Йорке» (под председательством П. Рутенберга, сначала направителя, а затем убийцы Гапона) редактор еврейской газеты «Форвертс» Эбрагэм Каган обратился к русском послу Бахметеву, «от имени двух миллионов русских евреев, живущих в Северо-Американских Соединённых Штатах»: «Мы всегда любили нашу родину; мы всегда чувствовали себя связанными со всем населением России узами братства... Наши сердца исполнены преданности красному флагу русского освобождения и трёхцветному национальному флагу свободной России». Ещё заявил, что самопожертвование народовольцев «непосредственно вытекало из факта усилившегося преследования евреев» и что «такие люди, как Зунделевич, Дейч, Гершуни, Либер и Абрамович, находились среди храбрейших»[34].

---

[32] Общее дело, 1917, 14 октября; 16 октября.

[33] *Э. Саттон.* Уолл-стрит и большевицкая революция / Пер. с англ. М., 1998, с. 14–36.

[34] Речь, 1917, 27 июня, с. 3; 28 июня, с. 2–3.

И поехали *возвратники*, видимо, не только из Нью-Йорка, потому что в августе Временное правительство ввело льготы по железнодорожному переезду из Владивостока для «политических эмигрантов», возвращающихся из Америки. — В Лондоне в конце июля (уже после скольких-то уехавших в Россию) на митинге в Уайтчапеле «было установлено, что в одном только Лондоне 10 000 евреев заявили о своём желании возвратиться в Россию», и принята резолюция: радуемся, что «евреи вернутся обратно для борьбы за новую социальную и демократическую Россию»[35].

Из этих возвратников, спешивших на революцию, многих ждала в России примечательная судьба — с кипучим включением в ход российских событий. Тут были и многоизвестные В. Володарский, М. Урицкий, Ю. Ларин — скорый творец «экономики военного коммунизма». Менее известно, что тут был и брат Свердлова Вениамин (этот не пошёл, правда, выше заместителя наркома путей сообщения и члена Президиума ВСНХ[36], да тоже немало). — Эмигрантский сотрудник Ленина и приехавший в одном поезде с ним Моисей Харитонов уже в апреле 1917 в Петрограде скандально прославился помощью анархистам в их крупном грабеже; позже перебывал секретарём губкомов РКПб — Пермского, Саратовского, Свердловского и секретарём Уралбюро ЦК. — Семёну Диманштейну, члену парижской большевицкой группы, предстояло возглавить Еврейский комиссариат при Наркомнаце, затем Еврейскую секцию («Евсекцию») при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК), курировать еврейские проблемы в целом. (И, поразительно: в свои 18 лет он в пределах одного года «сдал экзамен на звание раввина» и вступил в РСДРП.)[37] — Тут и группа, которую потянул за собой Троцкий из Нью-Йорка на высокие посты: ювелир Г. Мельничанский, бухгалтер Фриман, наборщик А. Минкин-Менсон (вскоре возглавили советские профсоюзы, «Правду», экспедицию ассигнаций и ценных бумаг), маляр Гомберг-Зорин (председатель петроградского ревтрибунала).

---

[35] Там же, 2 августа, с. 3.

[36] Высший Совет Народного Хозяйства.

[37] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1994 - 1997. Т. 1, с. 240, 427; т. 2, с. 124; т. 3, с. 29, 179, 280.

Другие имена возвратников Февральской революции совсем теперь забыты, а зря: они включались в ход революционных событий на важнейших участках. — Так, доктор биологии Иван Залкинд принял активное участие в Октябрьском перевороте, а затем осуществлял, при Троцком, практическое руководство наркоматом иностранных дел. — Семён Коган-Семков с ноября 1918 стал «политкомиссаром Ижевских оружейных и сталелитейных заводов» — то есть карательным комиссаром над подавленным в октябре 1918 крупным восстанием ижевских рабочих [38] (где жертвы были многотысячные, на одной только ижевской Соборной площади было расстреляно 400 рабочих [39]). — Тобинсон-Краснощёков в дальнейшем возглавил весь советский Дальний Восток (секретарь Дальбюро ЦК, глава правительства). — Гиршфельд-Сташевский под фамилией Верховский командовал отрядом из немецких военнопленных и перебежчиков, то есть клал основу интернациональных отрядов большевицких сил; дальше он — начальник агентурной разведки Западного фронта (1920), а в наступившее «мирное» время «по заданию коллегии ВЧК... организовывал разведывательную сеть в странах Западной Европы», удостоен звания «почётный чекист» [40].

Среди примыкающих были и не вовсе большевики или не сразу большевики, но партия Ленина-Троцкого приняла и таких с широким сердцем. — Хотя Яков Фишман, член Военно-Революционного Комитета (ВРК) Октябрьского переворота, и свихивался в июле 1918 на участие в левоэсеровском мятеже — его приняли в РКПб и доверили работать годы в Разведуправлении РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). — Ефим Ярчук хотя и вернулся анархо-синдикалистом — направлен Петросоветом на укрепление Кронштадтского совета, в октябре оттуда привёл отряд матросов брать Зимний дворец. — Всеволод Волин-Эйхенбаум (брат литературоведа), воротясь в 1917 в Россию, упорно придерживался анархистских взглядов, стал идеологом махновского движения, председателем военревсовета у

[38] РЕЭ, т. 1, с. 473; т. 3, с. 41.

[39] Народное сопротивление коммунизму в России: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919 / Сост. М. Бернштам. Париж: YMCA-Press, 1982, с. 356. — Исследования Новейшей Русской Истории, [т.] 3.

[40] РЕЭ, т. 2, с. 85; т. 3, с. 106.

Махно, — однако, как известно, Махно больше помог большевикам, чем помешал, — и Волин с ещё десятком анархистов был мирно выслан за границу[41].

Надежды возвратников были вполне основательны: то были месяцы заметного возвышения роли многих евреев в России. «Теперь нет более еврейского вопроса в России»[42]. (Хотя в газетном очерке Д. Айзмана Сура Альперович, жена торговца, переехавшего из Минска в Петроград, сомневалась: «А теперь рабство сняли, только всего?» А как же с тем, что «Николай вчерашний сделал нам Кишинёв?»[43]) В те же дни и сам Давид Айзман развивает мысль так: «Завоевания революции евреи должны укрепить во что бы то ни стало... тут нет и не может быть никаких колебаний. Каких бы жертв ни потребовало дело — их надо принести... Тут все начала и все концы: [иначе] погибнет всё... Даже самым тёмным слоям еврейской массы это понятно». Что будет с евреями в случае «торжества контрреволюции» — «спору не подлежит». Он уверен: поголовные казни. И поэтому «гнусное отродье должно быть раздавлено, когда ещё и в зародыше оно не сложилось. Умерщвлено должно быть самое семя его... Свободу свою евреи сумеют отстоять»[44].

Умерщвлено в зародыше... и даже *самое семя его*... Уже вполне большевицкая программа, только выражено ветхозаветно. А кого — *его*? чьё семя? Монархисты? — уже и не двигались, пересчитывать активных — даже и пальцев будет много. Получается — это те, кто противоречил разыгравшейся разнузданности советов, комитетов и безумной толпы; те, кто хотел остановить развал жизни, благоразумные обыватели, и бывшие чиновники, и прежде всего офицеры, скоро и солдат-генерал Корнилов. Среди этаких контрреволюционеров были и евреи, но во многом этот *элемент* совпадал с русским национальным.

Уходя от темы национальной и еврейской, не забудем и о прессе. В Семнадцатом году пресса укреплялась и влиянием, и числом изданий, и числом сотрудников. До революции право на отсрочку от военной службы имело огра-

---

41 РЕЭ, т. 3, с. 224, 505; т. 1, с. 239.

42 Речь, 1917, 28 июня, с. 2.

43 Русская воля, 1917, 13 апреля, с. 3.

44 Там же, 9 апреля, с. 3.

ниченное число сотрудников, и только тех газет (и типографий), которые начали выходить до войны. (Они считались «предприятиями, работающими на оборону» — пусть и отчаянно боролись против правительства и против военной цензуры.) Теперь, с апреля, по настоянию издателей, льготы газетам были расширены: и по числу освобождаемых от военной службы сотрудников; и распространены на все также и ныне возникающие политические газеты (порой дутые: достаточно продержаться с тиражом 30 тыс. хотя бы две недели); и ещё льготы молодым возрастам, и льготы для «политических эмигрантов» и «освобождённых из ссылки», — все условия, чтобы немалое число приехавших устраивалось бы в левые газеты. В то же время подверглись закрытию газеты правых — «Маленькая газета» и «Народная газета» — за их выступления с обвинением большевиков в германских связях. — Когда же во многих газетах в мае были напечатаны поддельные телеграммы императрицы (подделка, да, но это же «лёгкая шутка телеграфистки», за которую её, разумеется, не привлекли к ответственности), а затем пришлось их всё-таки и опровергнуть, то «Биржевые ведомости» процедили так: «Выяснилось, что ни в особом архиве при главном управлении почт и телеграфов, где хранились высочайшие телеграммы, ни в архиве военной цензуры, ни в аппаратах главного телеграфа не оказалось следов этой переписки»[45]. То есть: как будто телеграммы, может, и были, но *следы* изъяты умелой рукой. О, дивно свободная наша пресса!

Благоразумный Винавер ещё в раннем марте предупреждал собрание в еврейском клубе в Петрограде: «Нужна не только любовь к свободе, нужно также самообладание... Не надо нам соваться на почётные и видные места... Не торопитесь осуществлять наши права»[46]. Согласно источникам, Винаверу (а также Дану, Либеру и Брамсону) «в разное время предлагали министерские посты, но все они отклонили эти предложения, считая, что евреи не должны быть

[45] Биржевые ведомости, 1917, 7 мая, с. 3.

[46] *Г. Аронсон.* Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 7.

членами правительства России». Но от чего юрист Винавер, естественно, не мог бы отказаться — это от сенсационного назначения в Сенат, где и стал одним из четырёх сенаторов-евреев (вместе с Г. Блюменфельдом, О. Грузенбергом, И. Гуревичем)[47]. — Непосредственно среди министров ни одного еврея не было, но было четыре влиятельных товарища министра — В. Гуревич при Авксентьеве в министерстве внутренних дел, С. Лурье в министерстве торговли и промышленности, С. Шварц и А. Гинзбург-Наумов в министерстве труда; можно назвать также и П. Рутенберга. Затем и управляющий делами Временного правительства А. Гальперн (после В. Набокова, с июля)[48], в министерстве иностранных дел — директор 1-го департамента А.Н. Мандельштам. С июля помощник Командующего Московским военным округом — подпоручик Шер; с мая А. Михельсон — при Генеральном штабе начальник управления по заграничному снабжению. Комиссар Временного правительства по полевому строительному управлению — Наум Глазберг; несколько евреев введены Черновым в мае в состав Главного Земельного комитета, решающего все вопросы наделения крестьян землёй. Конечно, большинство этих постов — не ключевые, и не весят сравнительно с определяющим в те месяцы влиянием на весь ход событий в стране Исполнительного Комитета, чей национальный состав станет горящим предметом общественного волнения.

На Государственном Совещании в августе, посвящённом тревожному состоянию страны, помимо участников, проходивших по советским, партийным и корпоративным спискам, — были отдельно предоставлены места национальным представительствам, 8 мест еврейскому, — участвовали Г. Слиозберг, М. Либер, Н. Фридман, Г. Ландау, О. Грузенберг.

Излюбленный лозунг 1917 года — «Углубление революции». Этим и занимались все социалистические партии. И.О. Левин пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что число евреев, участвовавших в партии большевиков, а также во всех других партиях, столько способствовавших так называемому углублению революции: меньшевиков, эсеров и т.д., как по количеству, так и по выпавшей на них

---

[47] КЕЭ, т. 7, с. 381.

[48] Там же.

роли в качестве руководителей, не находится ни в каком соответствии с процентным отношением евреев ко всему населению России. Это факт бесспорный, который надлежит объяснять, но который бессмысленно и бесцельно отрицать», а убедительное «указание на еврейское бесправие в России до мартовской революции... не исчерпывает всего вопроса»[49]. Составы ЦК социалистических партий известны. Причём в ходе 1917 года в руководстве меньшевиков, правых эсеров, левых эсеров и анархистов численность евреев была много больше, чем в большевиках. «На съезде партии социалистов-революционеров, состоявшемся в конце мая — начале июня 1917, из 318 делегатов было 39 евреев; в избранный на съезде центральный комитет партии из 20 членов вошли семь евреев. Одним из лидеров правой фракции эсеров был А. Гоц, левой — М. Натансон»[50]. (А как жалко кончил Натансон, «мудрый Марк», основатель российского народничества: в Мировую войну за границей принимал финансовую поддержку от Германии; в мае 1917 поехал через Германию; в России сразу стал поддерживать Ленина и авторитетно осенил его идею разогнать Учредительное Собрание, — даже и первый предложил это вслух, хотя Ленин, конечно, и без того смекал.)

Летом 1917 прошли выборы в местные самоуправления. Побеждали в них — партии социалистические, и «евреи приняли деятельное участие в местной и муниципальной работе также в ряде городов вне черты оседлости». Так, «эсер О. Минор... возглавил городскую думу в Москве, член центрального комитета Бунда А. Вайнштейн (Рахмиэль) — в Минске, меньшевик И. Полонский — в Екатеринославе, бундовец Д. Чертков — в Саратове». Г. Шрейдер стал «городским головой в Петрограде, А. Гинзбург-Наумов — товарищем городского головы в Киеве»[51].

Но этих деятелей — большей частью смёл Октябрьский переворот, и не они решали ход последующих событий в России, а такие, кто занимал руководительные посты гораздо ниже, однако по всей стране и во множестве, и особенно в Советах, как Л. Хинчук, глава московского СРД,

---

49 *И. О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 124.

50 КЕЭ, т. 7, с. 399.

51 *Г. Аронсон.* Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 10; КЕЭ, т. 7, с. 381.

или, в иркутском Совете, Насимович и М.Трилиссер (после Октября — в ЦИКе Советов Сибири, затем виднейший чекист)[52].

И в провинциальных «Советах рабочих и солдатских депутатов еврейские социалистические партии были повсюду широко представлены»[53]. И на Демократическом Совещании в сентябре, так досаждавшем Ленину, что он потребовал окружить Александринский театр и всё совещание арестовать. (Коменданту театра товарищу Нашатырю пришлось бы испытать на себе ленинскую угрозу, да Троцкий отговорил от разгона.) И даже после Октябрьского переворота в московском Совете *солдатских* депутатов, сообщал Бухарин, есть «дантисты, фармацевты и т.д., — лица, в такой же степени близкие солдату, как китайскому императору»[54].

А выше всего, надо всею Россией, с весны и до осени Семнадцатого — разве стояло Временное правительство, бессильное и безвольное? — стоял властный и замкнутый Исполнительный Комитет Петросовета, затем, после июня, и перенявший от него всероссийское значение Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), — и вот они-то и были подлинные направители России, слитные во внешних проявлениях и только в себе не единые, а раздираемые противоречиями и партийно-идеологической путаницей. Петроградский ИК СРСД, сперва (как мы прочли) дружно одобривший «Приказ № 1», потом много пошатался относительно войны: разваливать армию или укреплять? (И с довольно неожиданной решительностью поддержал «Заём Свободы», возмутив большевиков, — но и войдя же в согласие с общественным благоприятствованием этому займу, в том числе среди либеральных евреев.)

В президиум первого всероссийского ЦИК СРСД (первое управление Россией Советами) вошло 9 человек. Тут и эсер А.Гоц, меньшевик Ф.Дан, бундовец М.Либер, эсер М.Гендельман. (В марте Гендельман и Стеклов на Совещании Советов требовали более сурового заключения императорской семьи и дополнительно ареста всех великих князей — так уверенно чувствовали себя у власти.) В том

---

[52] РЕЭ, т. 3, с. 162, 293.

[53] *Г.Аронсон.* Еврейская общественность... // КРЕ-2, с.7.

[54] Известия, 1917, 8 ноября, с.5.

же президиуме ЦИКа и виднейший большевик Л. Каменев. А ещё грузин Чхеидзе, армянин Саакьян, вероятно поляк Крушинский и вероятно русский Никольский, — дерзкий состав для направителей России в критический момент.

Отдельно от ЦИКа рабочих и солдатских депутатов существовал, тоже Всероссийский, с конца мая избранный — Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов. Крестьян из 30 его членов — было т р о е, такова была привычная показность уже той, до-большевицкой, власти. Из этих 30 членов Д. Пасманик насчитывает тут и семерых евреев: «это — печальное явление, и именно если принять во внимание еврейские интересы»; «они слишком намозолили всем глаза»[55]. И этот *крестьянский* совет рекомендует *от себя* кандидатов в близко-будущее Учредительное Собрание: свадебный список, начиная с Керенского, и среди них — шумный Илья Рубанович, едва прикативший из парижской эмиграции, террорист Абрам Гоц, малоизвестный Гуревич...[56] (В той же газетной заметке — сообщение об аресте за дезертирство прапорщика М. Гольмана — председателя Могилёвского губернского *крестьянского* совета[57].)

Разумеется, не только национальным составом Исполнительных Комитетов объясняются их шаги — о, нет! (Многие из тех деятелей бесповоротно отошли от родительских общин, уже и тропу потеряли, как съездить погостить в местечко.) Каждый там вполне верил, что, по своей талантливости и революционности, он-то как раз наилучшим образом и устроит рабочие, солдатские и крестьянские дела, да просто по грамотности и сообразительности деловей управит, чем это неповоротливое простонародье.

А для множества русских людей, от простолюдина хоть и до генерала, ошеломительное впечатление производила — ото всех ораторов и направителей митингов и собраний — внезапная, бившая в глаза смена обличья тех лиц, кто начальствует или управляет.

Вот В. Станкевич, единственный в Исполнительном Комитете офицер-социалист, даёт пример: «факт этот

---

[55] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 153–154.

[56] Речь, 1917, 28 июля, с. 3.

[57] Там же; *Г. Лелевич.* Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 13, 66–67.

[обилие евреев в ИК] сам по себе имел громадное влияние на склад общественных настроений и симпатий... И кстати, деталь: во время первого посещения Комитета Корниловым он совершенно случайно сел так, что со всех сторон оказался окружённым евреями, а против него сидели двое не только не влиятельных, но вообще даже незаметных членов Комитета, которых я помню только потому, что у них были карикатурно выраженные еврейские черты лица. Кто знает, какое влияние имело это на отношение Корнилова к русской революции»[58].

Но и какое отношение у новой власти ко всему русскому. Конец августа, «корниловские дни». Россия зримо гибнет, проигрывает войну, армия развращена, тыл разложен. Генерал Корнилов, перед тем ловко обманутый Керенским, в простоте взывает, почти воет от боли: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час её кончины... Все, у кого бьётся в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, — в храмы, молите Господа Бога об явлении величайшего чуда спасения родимой земли»[59]. — Идеолог Февраля, один из ведущих членов Исполнительного Комитета Гиммер-Суханов тут хихикает: «Неловко, неумно, безыдейно, политически и литературно неграмотно... такая низкопробная подделка под суздальщину!»[60]

Да, пафосно, неумело; да, нет ясной политической позиции: к политике Корнилов не привык. Но — заливается кровью сердце его. А Суханова — коснётся ли боль? он не знает чувства сохранения живой культуры и страны, он служит идеологии, Интернационалу, а тут для него налицо всего лишь безыдейность. Да, он отвечает едко. Одно в укор — что «подделка», но и шире укор — «суздальщина», то есть какая-то зачем-то русская история, святость да древнее искусство. И вот с таким пренебрежением ко всему настою русской истории и направляли Февральскую революцию Суханов и его дружки — пена интернациональная — в злопотребном Исполнительном Комитете.

---

58 *В.Б. Станкевич.* Воспоминания, 1914–1919. Берлин: Изд-во И.П. Ладыжникова, 1920, с. 86–87.

59 *А.И. Деникин.* Очерки Русской Смуты. Т. 1: Крушение власти и армии, с. 216.

60 *Ник. Суханов.* Записки о революции. Берлин и др.: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. Кн. 5, с. 287.

И дело тут не в национальном происхождении Суханова и других — а именно в без-национальном, в анти-русском и антиконсервативном их настроении. Ведь и от Временного правительства, — при его общероссийской государственной задаче и при вполне русском составе его, — можно бы ждать, что оно хоть когда-то и в чём-то выразит русское мирочувствие? Вот уж — насквозь ни в чём. Самое сквозное и самое «патриотичное» его действие — это: вести Россию в её начавшемся развале (уже и «Кронштадтская республика», и не одна она, «отделилась от России») — к военной победе! к военной победе во что бы то ни стало! к верности союзникам. (Да и понукивали же сами союзники — что правительства, что их общественность, что финансисты. Вот, в мае, газеты цитируют вашингтонскую «Morning Post»: «Америка дала понять русскому правительству», что в случае сепаратного мира Соединённые Штаты «расторгли бы все финансовые соглашения с Россией»[61]. Тут же кн. Львов: «Страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой»[62].) О последствиях дальнейшей войны для России — и заботы нет. И этот перекос, эту потерю чувства национального самосохранения можно проследить едва ли не на каждом заседании Временного правительства, едва ль не при каждом обсуждении.

И даже до смехотворного. Растрачивая миллионы рублей направо и налево, и уж всегда чутко поддерживая «культурные потребности национальных меньшинств», — Временное правительство в заседании 6 апреля (на Светлой неделе) отклоняет просьбу уже давно существующего «великорусского оркестра В.В. Андреева» платить ему жалование, как он получал раньше, «из кредитов бывшей Собственной Его Величества Канцелярии» (кредитов, конфискованных тем же Временным правительством). А всего-то он просил на весь оркестр — в год 30 тысяч рублей — жалование трёх заместителей министров. — «Отказать!» (хоть и распускайте ваш «великорусский» оркестр, тоже ещё названьице!). Наверно, недоразумение? Андреев подаёт повторную просьбу. Но с непривычной для этого вя-

[61] Русская воля, 1917, 7 мая, с. 4.

[62] Там же, с. 6.

лого правительства решимостью ему отказывают и второй раз, в заседании 27 апреля[63].

Никогда ни одной русской национальной ноты в этот год не прозвучало у русского министра и историка Милюкова. Но — и «главную фигуру революции», Керенского, в национальном духе тоже не уличишь, ни на какой стадии. Зато — постоянная настороженная ощетиненность против всяких вообще консервативных кругов, и тем более — русских национальных. И в своей последней речи в Предпарламенте 24 октября, — уже отряды Троцкого захватывают Петроград здание за зданием, уже пылает пол Мариинского дворца, — Керенский убеждённо доказывает, что закрытые им большевицкий «Рабочий путь» («Правда») и правая «Новая Русь» — одного и того же направления...

«Инкогнито проклятое» Исполнительного Комитета, конечно, не прошло незамеченным. Оно мучило сперва петроградскую образованную публику, не раз прорывалось в газеты вопросами. Исполком пытался два месяца держать тайну, но к маю пришлось открыться, напечатали раскрытие почти всех псевдонимов (Стеклов-Нахамкис пока утаил, да и Борис Осипович Богданов, энергичный постоянный ведущий Совета, под этой фамилией так и остался, двоясь с Богдановым-Малиновским). Эта непонятная утайка вызывала раздражение, которое ширилось уже и на простых людей. Если в мае звучало на пленуме Совета: «Предлагаем Зиновьева и Каменева» — то из зала кричали: «Называйте их настоящие имена!»

Сокрытие имён не помещалось в сознании тогдашнего простого человека: имена скрывают и меняют только воры. Почему Борис Кац стесняется себя так называть, а он — «Камков»? Почему Лурье скрывается под «Ларин»? Мандельштам — «Лядов»? — У многих псевдонимы тянулись всё-таки из подпольной деятельности, от необходимости скрываться, но вот томский с.-д. Шотман уже в 1917 стал Даниловым, и не один он, — а зачем?

---

63 Журналы заседаний Временного Правительства. Пг., 1917. Т. 1: Март–Май. Засед. 6 апреля (журн. 44, ст. 5) и 27 апреля (журн. 64, ст. 4).

Несомненным остаётся одно: революционеру, принимающему псевдоним, надо было кого-то ввести в заблуждение, но, может быть, не только полицию и правительство? Ведь так и рядовые люди не имеют возможности понять и угадать, кто же их новые вожди.

Увлекшись вольным разгоном первых месяцев Февральской революции, многие еврейские ораторы не сумели увидеть, не замечали, что именно на их частое мельтешение на трибунах и митингах начинали смотреть недоуменно и косо. К моменту Февральской революции никакого «народного антисемитизма» во внутренней России не было, он был только в черте оседлости. (Тот же Эбрагэм Каган мог в 1917 заявить: «Мы любили Россию, несмотря на все притеснения, которым мы подвергались при старом режиме, так как знали, что в притеснениях этих виновен не русский народ», а только царизм[64].) Но за несколько первых месяцев после Февраля раздражение против евреев вспыхнуло именно в народе — и покатилось по России широко, накопляясь от месяца к месяцу. И даже газеты февральского режима сообщали, например, об озлоблении в городских очередях. «Всё изменилось за то мгновение-вечность, которое легло между старой и новой Россией. Но больше всего изменились "хвосты". И странное дело. В то время, как всё "полевело", хвосты поправели. Если вам... хочется послушать черносотенную агитацию... идите постоять в очереди». Среди того услышите: «в чередах евреев не видать совсем, им ни к чему, у них хлеба вдоволь припрятано». И с другого конца очереди — «катится легенда о евреях, припрятавших хлеб»; «хвосты — самые опасные очаги контрреволюции»[65]. — У писателя Ивана Наживина. Москва, осенью; антисемитская пропаганда находила самый живой отклик в революционно-голодных хвостах: «Ишь, сволота!.. Везде пролезли... Ишь, автомобилей-то нахватали, величаются... Небось, ни одного жида в хвостах не видно... Ну, погодите, доберёмся!..»[66]

И всякая вообще революция обнажает в народе прорыв скверны, зависти и злости. То же самое произошло и в русском народе, с давно ослабшей христианской верой. И на

---

64 Речь, 1917, 28 июня, с. 2.

65 Там же, 3 мая, с. 6.

66 *Ив. Наживин.* Записки о революции. Вена, 1921, с. 28.

3—4917

евреев, во множестве вознесшихся и видимых, где их прежде не было, да ещё не скрывающих революционной радости, а вот не разделяющих бедствующие очереди, — плескала волна народного раздражения.

Эпизодов его в газетах 1917 года — множество: на Сенной площади и в Апраксином рынке обнаружили запас товаров у торговцев-евреев, «послышались крики... “разгромить еврейские магазины”, так как “жиды во всём виноваты”... слово “жид” на устах всех»[67]. — У полтавского купца (видимо, еврея) нашли запасы муки и сала. Стали громить его лавку — и раздались призывы громить евреев. Приехали успокаивать члены СРД и среди них — Дробнис; его избили[68]. — В сентябре в Екатеринославе солдаты громят лавки с криками «бей буржуев! бей жидов!». — В Киеве на Владимирском базаре мальчик ударил гирей по голове женщину, нарушившую мучную очередь. Тотчас крик: «Жиды бьют русских!» — и свалка. (Это — в том Киеве, где уже развеваются и лозунги: «Хай живе вільна Украина без жидів и ляхів!») — Уже при всякой уличной потасовке, даже в Петрограде, часто и без явной причины, кричат: «бей жидов!». — Вот, в петроградском трамвае две женщины «призывали к разгону СРСД, в кото[ром], по их словам, находятся только “немцы и жиды”. Обе арестованы и привлекаются к ответственности»[69].

«Русская воля» пишет: «На наших глазах антисемитизм, в самой своей первобытной форме... возрождается и разрастается... Достаточно [в Петрограде] прислушаться к разговорам в трамвае, в “хвостах” у разных магазинов и лавочек и к бесчисленным летучим митингам, устраиваемым на всех углах и перекрестках... обвиняют евреев и в политическом засильи, и в захвате партий и советов и чуть ли не в разрухе армии... в мародёрстве и в скрывании товаров»[70].

Множество социалистов-евреев, агитаторов во фронтовых частях, пользовалось безграничным успехом в весенние месяцы года, когда можно было призывать к «демократическому миру», воевать не требовалось. Тогда ни-

---

[67] Русская воля, 1917, 17 июня, вечерн. вып, с. 4.

[68] Речь, 1917, 9 сентября, с. 3.

[69] Там же, 8 августа, с. 5.

[70] Русская воля, 1917, 17 июня, вечерн. вып, с. 4.

кто им не пенял, что они — евреи. Но когда с июня линия ИК повернулась — поддерживать наступление, даже вдохновлять на него, то раздалось — «бей жидов!», и те евреи-увещеватели не раз попадали под кулаки разнузданных солдат.

О самом же Исполнительном Комитете в Петрограде говорили, что он «захвачен жидами». Это мнение уже к июню широко укрепилось в петроградском гарнизоне и на заводах, — и именно так кричали солдаты исполкомовцу Войтинскому, когда он приехал в пехотный полк отговаривать их от угрожающей демонстрации 10 июня, затеянной большевиками.

В.Д. Набоков, никак не подозреваемый в антисемитизме, шутит, что совещание старшин Предпарламента (октябрь 1917) «можно было смело назвать синедрионом»: «Подавляющая часть его состава были евреи. Из русских были только Авксентьев, я, Пешехонов, Чайковский...» Его внимание на это обратил Марк Вишняк, там же сидевший[71].

И впечатления от активности евреев у власти накопились к осени, так что даже в «Искрах», иллюстрированном приложении к мягчайшему «Русскому слову», никогда, по прежнему общественному настроению, такое бы не посмевшему, помещена была в номере от 29 октября, то есть уже в момент октябрьских боёв в Москве, резкая антиеврейская карикатура.

С антисемитизмом энергично боролся ИК СРСД. (Допускаю, что и жестокий отказ заслуженному Плеханову в апреле 1917 войти в Исполнительный Комитет — был ответом на его антибундовское «колено Гадово», известное из ленинской публикации[72]. Да объяснимо ли иначе?) — 21 июня 1-й съезд Советов выпустил воззвание о борьбе с антисемитизмом («чуть ли не единственная резолюция, которая была принята съездом единогласно, без всяких возражений и споров»[73]). — А когда в конце июня (28–29-го) собралось новоизбранное бюро ЦИК, слушали доклад «о росте антисемитской агитации... главным образом в севе-

---

71 *В. Набоков.* Временное Правительство // Архив Русской Революции, издаваемый И.В.Гессеном. Берлин: Слово, 1922. Т. 1, с. 80.

72 *В.И. Ленин.* Сочинения: В 45 т. 4-е изд. (далее — *Ленин*, 4-е изд.). М.: Госполитиздат, 1941–1967. Т. 4, с. 311.

73 Известия, 1917, 28 июня, с. 5.

ро- и юго-западных» губерниях, то приняли немедленное решение: отправить туда 15 членов ЦИК[74], с особыми полномочиями, и при этом подчинить их «Отделу по борьбе с контрреволюцией».

Большевики же, ведя своё движение под лозунгом «долой министров-капиталистов», не только не глушили эту струю, а не гнушались раздувать (вместе и с анархистами, хотя и во главе с Блейхманом): мол, Исполнительный Комитет ведёт себя относительно правительства так чрезвычайно умеренно лишь потому, что всё захвачено капиталистами и евреями. (Узнаём приём народовольцев в 1881 году...)

И когда подкатили дни 3–4 июля, восстание большевиков, — оно было уже, по сути, не против бессильного Временного правительства, а против конкурента, ИК, — то под сурдинку тоже использовалось большевиками солдатское озлобление на евреев: там, там, в Исполкоме, они, мол, и засели!

Когда же большевики проиграли своё восстание, — следственная комиссия ЦИКа об июльском восстании состояла во многом из евреев — членов бюро ЦИКа. Но по своей «социалистической совести» они не могли осмелиться раскрыть и прямо назвать восстание большевиков преступлением, скоро и ликвидировали свою комиссию, с нулевым результатом.

А когда дошло уже до решающего восстания большевиков, то на гарнизонном совещании, собранном ЦИКом 19 октября, «один из представителей 176-го пехотного полка, еврей», предупреждал: «Там, внизу [на улице], кричат, что во всём повинны евреи»[75]. — По рассказу Гендельмана на ЦИКе в ночь на 25 октября: когда он днём выступал в Петропавловской крепости, пытаясь отвратить гарнизон от восстания, ему кричали: «а, Гендельман — значит, жид и правый»[76]. — 27 октября на Балтийском вокзале, когда Гоц во главе делегации хотел ехать в Гатчину к Керенскому, — матросы едва не убили его и ругались, что «советы попали в руки жидов»[77]. — И при петроградских винных

[74] Там же, 30 июня, с. 10.

[75] Речь, 1917, 20 октября, с. 3.

[76] Известия, 1917, 26 октября, с. 2.

[77] Дело народа, 1917, 29 октября, с. 1.

погромах, наступивших вслед за славной большевицкой победой, опять-таки раздавалось «бей жидов!».

И всё же, за весь 1917 год ни одного погрома *еврейского* не произошло. Прошумевшие погромы в Калуше и Тернополе были бешеным бесчинством перепившихся революционных солдат, при отступлении и вне власти командования, — погром *всего*, что попадётся под руку, всех лавок и магазинов подряд, — а их там больше всего и было еврейских, так и разнеслось о «еврейских погромах». Сходный же погром в тех днях был и в Станиславове, где евреев значительно меньше, — и он не был назван еврейским.

Уже в середине 1917 (в отличие от марта и апреля) возникла угроза от озлобленных обывателей, или от пьяных солдат, — но несравненно тяжелей была угроза евреям от разрушающейся страны. Поражает, что еврейская общественность, а также пресса, во многом с ней совпадающая, как будто не усваивали весь грозный опыт Семнадцатого года, не учились на нём, а смотрели только на отдельные «погромные проявления» его, реагировали — не в сторону реальной опасности. Так же себя вела исполнительная власть. В дни немецкого прорыва под Тернополем, в ночь на 10 июля, состоялось отчаянное заседание ЦИКа СРСД совместно с ИК СКрД. Признавали, что гибнет революция (это — первое) и страна (это — второе), провозгласили Временное правительство «Правительством Спасения Революции», а в воззвании к населению: «Тёмные силы готовятся вновь терзать многострадальную Родину. Они натравливают тёмные массы на евреев»[78].

18 июля на частном совещании членов Государственной Думы (это — ничтожно малый, хилый кружок) едва только депутат Масленников выступил против Исполнительного Комитета, и при этом прочёл непсевдонимные фамилии его членов, — в тот же вечер на заседании фракций ИК подняли тревогу: вот случай *контрреволюции*, к которому и нужно применить свежеизданный декрет министра внутренних дел Церетели о подавлении контрреволюции! (Декрет был издан вслед большевицкому восстанию, но к большевикам — не применили его.) — Через день Масленников оправдывался в «Речи»: да, он назвал Стеклова, Каменева и Троцкого, но никак и не думал натравливать на

---

[78] Речь, 1917, 11 июля, с.3.

весь еврейский народ, «и во всяком случае, нападая на них, был чужд желания делать еврейский народ ответственным за их деяния»[79].

Наконец, средина сентября, вся постройка феврализма уже рухнула безвозвратно; накануне уже неотвратимого большевицкого переворота Я. Канторович в «Речи» предупреждает об опасности: «Из всех щелей повылезут тёмные силы и злые гении России и в ликующем хороводе будут совершать чёрные мессы...» — Да, так скоро будет. Только мессы чего? — «...зоологического патриотизма и погромной "истинно-русской" государственности»[80]. — В октябре в Петрограде Трумпельдор организовал еврейскую самооборону для защиты от погромов, да не понадобилась она.

Спутались разумом русские, но спутались разумом и евреи.

Через несколько лет после революции, с печалью озираясь на ход её, Г. Ландау писал: «Есть в участии евреев в русской смуте — черта поразительной самоубийственности; я говорю не специально об участии в большевизме, а во всей революции на всём её протяжении. Дело здесь не только в том огромном количестве активных партийных людей, социалистов и революционеров, влившихся в неё; дело в том широком сочувствии, которым она была встречена... Ведь и пессимистические ожидания — и в частности ожидания погромов — далеко не были чужды весьма и весьма многим, и тем не менее они продолжали у них совмещаться с приятием развязавшей бедствия и погромы смуты. Точно к огню тянуло бабочек роковое притяжение, к огню уничтожающему... Ясно, что были какие-то сильные мотивы, которые толкали евреев в эту сторону, и столь же бесспорно их самоубийственное значение... Правда, этим евреи не отличались от остальной российской интеллигенции, от российского общества... Но мы д о л ж н ы были отличаться... мы старинный народ горожан, купцов, ремесленников, интеллигенции — от народа земли и власти, крестьян, помещиков, чиновников»[81].

---

79 Там же, 21 июля, с. 4.

80 Там же, 16 сентября, с. 3.

81 *Г. А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 105, 106.

Да не забудем и тех, кто — отличался. Надо помнить постоянно, что еврейство — всегда очень разное, что фланги его широко раскинуты по спектру настроений и действий. Так и в российском еврействе в 1917, — уж конечно повсюду в провинциях, но даже и в столице, — сохранялись круги с разумными взглядами, а с ходом месяцев, к Октябрю, они расширялись.

Примечателен здесь прежде всего взгляд евреев на единство России — в месяцы, когда Россию раздирали на куски не только другие нации, но даже и сибиряки. «Во всё время революции самыми горячими защитниками идеи великодержавной России были наряду с великороссами — евреи»[82]. Теперь, когда евреи получили в России равноправие, — что́ могло объединять евреев с окраинными народностями? — разрыв единой страны на автономии разрывал бы и еврейство. В июле на 9-м съезде кадетов Винавер и Нольде открыто аргументировали — против территориального размежевания наций, за единство России[83]. Так же и в сентябре в национальной секции Демократического Совещания евреи-социалисты выступили *против* федеративного устройства России — как централисты. — Сегодня пишут в израильском журнале, что еврейские отряды Трумпельдора «даже выступали на стороне Временного правительства и сорвали корниловский мятеж»[84]. Возможно; хотя, много изучав 1917 год, я таких данных не встретил. Но, напротив, в раннем мае 1917, в громовой патриотической, по сути антиреволюционной, «Черноморской делегации» кто был самый успешливый оратор, звавший к защите России? — матрос-еврей Баткин. Вот так-то.

Д.Пасманик публикует письма миллионера Шулима Безпалова, пароходовладельца, ещё в сентябре 1915, министру торговли-промышленности Шаховскому: «Чрезмерная прибыль всех промышленников и торговцев приведёт нашу родину к неминуемой гибели», он предлагает издать закон об ограничении прибыли 15 процентами и тут же жертвует государству полмиллиона рублей. Тогда, увы, та-

---

82 *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 245.

83 Речь, 1917, 26 июля, с. 3.

84 *И.Эльдад.* Так кто же наследники Жаботинского? [Интервью] // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1980, № 16, с. 120.

кого самоограничения не произошло: *прогрессивные круги*, рвавшиеся к свободе, те же Коновалов и Рябушинский, во время войны не брезговали получать прибыль и сто на сто. Но вот и сам Коновалов стал министром торговли-промышленности, и Шулим Безпалов пишет ему 5 июля 1917: «Чрезмерная прибыль промышленников в настоящее время губит нашу родину, и теперь необходимо взять 50 процентов со стоимости всего имущества и состояний», и он готов их отдать. Коновалов не внял и тут[85].

В августе на московском Государственном Совещании О.О. Грузенберг (вскоре и член Учредительного Собрания) заявил: «В эти дни еврейский народ... охвачен единым чувством преданности своей родине, единой заботой отстоять её целость и завоевания демократии» и готов отдать обороне «все свои материальные и интеллектуальные средства, отдать самое дорогое, весь свой цвет, всю свою молодёжь»[86].

Это было сказано в сознании, что февральский режим — самый благоприятный для российского еврейства, что он сулит ему экономические успехи и политический и культурный расцвет. И это сознание было — адекватное.

И чем ближе к Октябрьскому перевороту, чем явственней росла большевицкая угроза, — тем еврейство всё шире проникалось этим сознанием и становилось всё более оппозиционным к большевизму. — Это уже перетекло и на социалистические партии, и многие еврейские социалисты в дни Октябрьского переворота были активно против него — хотя и обессилены своим социалистическим сознанием: оппозиция их ограничивалась переговорами да газетными статьями — пока большевики не закрыли те газеты.

И надо отчётливо сказать, что и Октябрьский переворот двигало *не* еврейство (хоть и под общим славным командованием Троцкого, с энергичными действиями молодого Григория Чудновского: и в аресте Временного правительства и в расправе с защитниками Зимнего дворца). Нам, в общем, правильно бросают: да как бы мог 170-миллионный народ быть затолкан в большевизм малым еврейским меньшинством? Да, верно: в 1917 году мы свою судь-

---

85 *Д.С. Пасманик*. Русская революция и еврейство, с. 179–181.

86 Речь, 1917, 16 августа, с. 3.

бу сварганили сами, своей дурной головой — начиная и с февраля и включая октябрь-декабрь.

Октябрьский переворот стал сокрушительным жребием для России. Но и состояние *перед* ним уже мало хорошего обещало народу. Всю ответственную государственность — мы уже тогда потеряли, и обильно показали это в ходе 1917. Лучшее, что ждало Россию, — неумелая, хилая, нестройная псевдодемократия без опоры на *граждан* с развитым правосознанием и экономической независимостью.

После октябрьских московских боёв на переговорах о перемирии участвовали представители Бунда и Поалей-Цион — не со стороны юнкеров, но и не со стороны большевиков, третья самостоятельная сторона. А немало евреев было и в юнкерах инженерной школы, защищавшей Зимний дворец 25 октября: в воспоминаниях участника защиты Синегуба то и дело мелькают еврейские фамилии, и сам я знал, по тюрьме, одного такого инженера. Уже в ноябре на выборах в одесскую городскую думу еврейский блок выступал против большевиков — и перевесил их, хотя и ненамного.

На выборах в Учредительное Собрание «более 80% еврейского населения России проголосовало» за сионистские партии [87]. Ленин пишет: 550 тысяч за еврейских националистов [88]. «Большинство еврейских партий образовало единый национальный список, по которому было избрано семь депутатов — шесть сионистов» и Грузенберг. «Успеху сионистов» способствовала и (опубликованная незадолго до выборов) Декларация английского министра иностранных дел Бальфура (о создании «национального очага» евреев в Палестине), «которую большинство российского еврейства встретило с энтузиазмом (в Москве, Петрограде, Одессе, Киеве и многих других городах прошли праздничные манифестации, митинги и богослужения)» [89].

До Октябрьского переворота большевизм не был сильным течением среди евреев. Но перед самым переворотом боевое соглашение с большевиками, Троцким и Каменевым, заключили от лица левых эсеров Натансон, Камков и

---

87 *В. Богуславский.* В защиту Куняева // “22”, 1980, № 16, с. 169.

88 *Ленин,* 4-е изд., т. 30, с. 231.

89 КЕЭ, т. 7, с. 381.

Штейнберг [90]. И некоторые евреи проявились большевиками, и даже выдающимися, в первых же большевицких победах. Комиссаром прославленных латышских полков 12-й армии, столь много сделавших для большевицкого переворота, был Семён Нахимсон. «Заметную роль сыграли военнослужащие-евреи в подготовке и проведении вооружённого восстания в Петрограде и других городах страны в октябре 1917 года, а также в последующем подавлении мятежей, вооружённых выступлений против новой советской власти» [91].

На «историческом» заседании съезда Советов в ночь на 27 октября — известно, что приняты «декрет о мире» и «декрет о земле». Однако не попало в историю, что после «декрета о мире», но прежде «декрета о земле» была принята резолюция, объявляющая «делом чести местных советов не допустить еврейских и всяких иных погромов со стороны тёмных сил» [92]. (Со стороны красно-светлых сил погромы не предполагались.)

Даже и тут, на съезде рабочих и крестьянских депутатов, — в который раз еврейский вопрос опередил крестьянский.

---

90 *Х.М.Астрахан.* Большевики и их политические противники в 1917 году. Л., 1973, с. 407.

91 *Арон Абрамович.* В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. 2-е изд. Тель-Авив, 1982. Т. 1, с. 45, 46.

92 *Л.Троцкий.* История русской революции. Берлин: Гранит, 1933. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2, с. 361.

Глава 15 — В БОЛЬШЕВИКАХ

Это — слишком не новая тема: евреи в большевиках. О ней — уж сколько было написано. Кому надо доказать, что революция была не-русской или «чужеродной», — указывают на еврейские имена и псевдонимы, силясь снять с русских вину за революцию Семнадцатого года. А из еврейских авторов — и те, кто раньше отрицал усиленное участие евреев в большевицкой власти, и кто его никогда не отрицал, — все единодушно согласны, что это не были евреи *по духу*. Это были *отщепенцы*.

Согласимся с этим и мы. О людях — судить по их *духу*. Да, это были отщепенцы.

Однако и русские ведущие большевики так же не были русскими по духу, часто именно антирусскими, и уж точно антиправославными, в них широкая русская культура исказительно преломилась через линзы политической доктрины и расчётов.

Поставить бы вопрос иначе: сколько должно набраться случайных отщепенцев, чтобы составить уже не случайное течение? Какая доля своей нации? О русских отщепенцах мы знаем: их было в большевиках удручающе, непростительно много. А насколько широко и активно участвовали в укреплении большевицкой власти отщепенцы-евреи?

И ещё вопрос: отношение народа к своим отщепенцам. Реакция народа на отщепенцев может быть разной — от проклятия до похвалы, от сторонения до соучастия. И проявляется это суждение, это отношение — действиями народной массы, — русской ли, еврейской, латышской, — самою жизнью, и только в малой, отражённой степени — изложениями историков.

И что ж — могут ли народы от своих отщепенцев отречься? И — есть ли в таком отречении смысл? Помнить ли народу или не помнить своих отщепенцев, — вспоминать ли то исчадье, которое от него произошло? На *этот* вопрос — сомнения быть не должно: п о м н и т ь. И помнить каждому народу, помнить их *как своих*, некуда деться.

Да и нет, пожалуй, более яркого примера отщепенца, чем Ленин. Тем не менее: нельзя не признать Ленина русским. Да, ему отвратительна и омерзительна была русская древность, вся русская история, тем более православие; из русской литературы он, кажется, усвоил себе только Чернышевского, Салтыкова-Щедрина да баловался либеральностью Тургенева и обличительностью Толстого. Не проявилось у него никакой привязанности даже и к Волге, на которой прошла его молодость (а с мужиками своего имения судился за потраву), напротив, — он безжалостно отдал всю её ужасающему голоду 1921 года. Всё — так. Но это мы, русские, создали ту среду, в которой Ленин вырос, вырос с ненавистью. Это *в нас* ослабла та православная вера, в которой он мог бы вырасти, а не уничтожать её. Уж он ли не отщепенец? Тем не менее он русский, и мы, русские, ответственны за него. — Если же говорить об этническом происхождении Ленина, то не изменит дела, что он был метис, самых разных кровей: дед его по отцу, Николай Васильевич, был крови калмыцкой и чувашской, бабка — Анна Алексеевна Смирнова, калмычка; другой дед — Израиль (в крещении Александр) Давидович Бланк, еврей, другая бабка — Анна Иоганновна (Ивановна) Гросшопф, дочь немца и шведки Анны Беаты Эстедт. Но всё это не даёт права отвергать его от России. Мы должны принять его как порождение не только вполне *российское*, — ибо все народности, давшие ему жизнь, вплелись в историю Российской империи, — но и как порождение *русское*, той страны, которую выстроили мы, русские, и её общественной атмосферы, хотя по духу своему, не только отчуждённому от России, но временами и резко *анти*-русскому, он действительно для нас — порождение чуждое. И всё же отречься от него — мы никак не можем.

А отщепенцы-евреи? Как мы видели, в ходе 1917 года не было преимущественного тяготения евреев именно к большевикам. Но еврейская активность в революционных передвижках сказалась и здесь. На последнем перед тем съезде РСДРП (Лондон, 1907), правда общем с меньшевиками, из 302–305 делегатов число евреев уже обещательно перевалило за 160, то есть больше половины. В результате апрельской конференции (1917, только что объявлены взрывные «апрельские тезисы» Ленина) — среди 9 членов нового Центрального Комитета большевиков видим Г. Зиновьева, Л. Каменева, Я. Свердлова. На летнем VI съезде

РКПб (переименованной из РСДРП) в ЦК избрано 11 членов, среди них Зиновьев, Свердлов, Сокольников, Троцкий, Урицкий[1]. — Затем «историческое заседание» на Карповке (в квартире Гиммера и Флаксерман) 10 октября 1917, заседание, принявшее решение о большевицком перевороте, — среди 12 участников Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Урицкий, Сокольников. Там же было избрано первое «Политбюро», с такой обещающей историей вперёд, — и из 7 членов в нём всё те же Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сокольников. Никак не мало. Д.С. Пасманик, отчётливо: «Нет сомнений, еврейские отщепенцы далеко перешли за процентную норму... и заняли слишком много места среди большевистских комиссаров»[2].

Конечно, это — на верхах большевизма, и вовсе ещё не предуказывает массового еврейского движения. Да и евреи в Политбюро *не* действовали как блок. Например, Каменев и Зиновьев были как раз против переворота в тот ближайший момент. Зато уж Троцкий явился единовластным руководительным гением Октябрьского переворота, он не преувеличил свою роль в «Уроках Октября». Трусливо скрывавшийся Ленин ни в чём существенном в переворот не вложился.

Вообще, Ленин в духе своего интернационализма, и ещё от спора с Бундом в 1903, придерживался взгляда, что «еврейской национальности» и быть не должно, и нет её, это реакционная затея, разобщающая революционные силы. (В лад ему и Сталин считал евреев «бумажной нацией» и пророчил неизбежную ассимиляцию их.) Соответственно и антисемитизм Ленин считал манёвром капитализма, удобным приёмом контрреволюции и не видел в нём ничего органического. Но Ленин прекрасно понимал, какая мобилизующая сила у еврейского вопроса во всей идеологической борьбе. И, конечно, использовать для революции ещё добавочную и особую горечь среди евреев всегда был готов.

И с первых же дней революции пришлось Ленину за эту возможность ещё как схватиться! Как и многого он не пред-

---

1 Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1994. Т. 7, с. 399.

2 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 155.

видел в государственных вопросах, так не предвидел и: насколько же образованный, а больше — полуобразованный слой евреев, в результате войны рассеянный уже по всей России, выручит его государственность в решающие месяцы и годы, начиная с замены массово бастующих против большевизма российских чиновников. Это был тот слой еврейских приграничных выселенцев, который не вернулся в родные края после войны. (Например, из евреев, высланных в войну, после революции в Литву вернулись большей частью «местечковые элементы», а «урбанистическая часть» литовских евреев «и молодёжь остались в крупных городах России»[3]).

А как раз «после ликвидации черты оседлости в 1917 последовал великий исход евреев из её пределов внутрь России»[4]. Этот исход — уже не беженцев и выселенцев, а переселенцев. Да вот советские сведения на 1920: «в одной только Самаре в последние годы осело несколько десятков тысяч евреев-беженцев и выселенцев», в Иркутске «еврейское население возросло до 15 тысяч... большие еврейские поселения образовались и в Центральной России, и в Поволжьи, и на Урале». Но: бóльшая часть «продолжает пребывать на иждивении собесов и разных филантропических организаций». И призывают «Известия»: «Партийные организации, еврейские секции и отделы партии и Наркомнаца должны развить самую широкую агитацию на местах за невозвращение на “родные могилы” и за переход к производительному труду в Советской России»[5].

А станьте в положение малой кучки большевиков, захвативших власть, ещё так хрупко: кому, кому довериться? кого — позвать на помощь? Семён (Шимон) Диманштейн, большевик от младых ногтей, а с января 1918 глава специально созданного при наркомате национальностей Еврейского Комиссариата, так передаёт высказанные ему мысли Ленина: «Большую службу революции сослужил также тот факт, что из-за войны значительное количество еврейской

---

[3] *С. Грингауз.* Еврейская национальная автономия в Литве и других странах Прибалтики // Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 46.

[4] КЕЭ, т. 2, с. 312.

[5] Известия, 1920, 12 октября, с. 1.

средней интеллигенции оказалось в русских городах. Они сорвали тот генеральный саботаж, с которым мы встретились сразу после Октябрьской революции и который был нам крайне опасен. Еврейские элементы, хотя далеко не все, саботировали этот саботаж и этим выручили революцию в трудный момент». Ленин считал «нецелесообразным особенно выделять этот момент в прессе... но подчеркнул, что овладеть государственным аппаратом и значительно его видоизменить нам удалось только благодаря этому резерву грамотных и более или менее толковых, трезвых новых чиновников»[6].

Итак, большевики позвали евреев с первых же дней своей власти, кого на руководящую, кого на исполнительную работу в советский аппарат. И? — И многие, очень многие пошли — и пошли сразу. Острая нужда большевицкой власти была в исполнителях беззаветно верных. Таких много она нашла среди молодых секуляризованных евреев, вперемешку с их славянскими и интернациональными побратимами. И это совсем не обязательно «отщепенцы», — тут были и беспартийные, вовсе и не революционные, до сих пор как будто аполитичные. У многих это мог быть не идейный, а простой жизненный расчёт, — но явление это было массовое. И не поспешили теперь евреи в те прежде запретные и заветные сельские местности, — а в столицы. «Тысячи евреев хлынули к большевикам, видя в них самых решительных защитников революции, самых надёжных интернационалистов», и «евреи изобиловали в нижних слоях партийной структуры»[7].

«Еврей, человек заведомо не из дворян, не из попов, не из чиновников, сразу попадал в перспективную прослойку нового клана»[8]. И вот, для поощрения еврейского участия в большевизме, «в конце 1917 года, когда большевики только организовывали свои учреждения в Петербурге, еврейский отдел комиссариата по делам национальностей уже

---

[6] *Н. Ленин.* О еврейском вопросе в России / Введение С. Диманштейна. М.: Пролетарий, 1924, с. 17–18.

[7] *Leonard Schapiro.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review, vol. 40, London: Athlone Press, 1961–62, p. 164.

[8] *М. Хейфец.* Наши общие уроки // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1980, № 14, с. 162.

функционировал»[9]. Вскоре, с 1918, — преобразован в отдельный «Еврейский Комиссариат». А в марте 1919, при VIII съезде РКПб, готовилось возглашение «Еврейского Коммунистического Союза Советской России» как органической, но и особой, части РКПб. (С тем, чтобы включить её и в Коминтерн и так окончательно подорвать Бунд.) Создано было и особое еврейское отделение в Российском телеграфном агентстве (РОСТА).

Оправдательная оговорка Д. Шуба, что «значительные кадры еврейской молодёжи потянулись в коммунистическую партию» вследствие погромов, произошедших на территории белых[10] (то есть с 1919), — никак не состоятельна. Массовый приток евреев в советский аппарат произошёл в позднем 1917 и в 1918. Нет сомнения, что события 1919 (о них — в главе 16) только усилили связь еврейских кадров с большевиками, но никак не создали её.

Другой автор, коммунистический, объясняет «особо выдающуюся роль еврейского революционера в нашем рабочем движении» тем, что в еврейских рабочих наблюдается «особое развитие некоторых черт психологического уклада, необходимых для роли вожаков», которые ещё только развиваются в русских рабочих, — исключительная энергия, культурность, солидарность и систематичность[11].

Организующую роль евреев в большевизме отрицают редкие авторы. Д.С. Пасманик выделял: «само появление большевизма было результатом особенностей русской истории... но организованность большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров»[12]. Динамическую роль евреев в большевизме тогда оценили и наблюдатели из Америки: «Быстрый выход русской революции из разрушительной фазы и вход в конструктив-

---

[9] Еврейская трибуна: Еженедельник, посвящённый интересам русских евреев. Париж, 1923, 7 сентября, с. 1.

[10] *Д. Шуб.* Евреи в русской революции // Еврейский мир: Сб. 2 (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 142.

[11] *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 260–262.

[12] *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 212 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

ную — это заметное выражение конструктивного гения еврейской неудовлетворённости»[13]. На взлёте Октября — сколькие евреи и сами говорили о своей активности в большевизме с высоко поднятой головой.

Вспомним, что — как до революции революционеры и радикал-либералы охотно и активно использовали стеснения евреев совсем не из любви к евреям, а для своих политических целей, — так и в первые месяцы, затем и годы после Октября большевики с величайшей охотой использовали евреев в своём государственном и партийном аппарате опять-таки не из сродства с евреями, а по большой выгоде от их способностей, смышлёности и отчуждённости от русского населения. В дело шли на своих местах и латыши, и венгры, и китайцы, — эти не расчувствуются.

В массе своей еврейское население относилось к большевикам настороженно, если не враждебно. Но, обретя от революции наконец полную свободу, и вместе с ней настоящий, как мы видели, расцвет еврейской активности, общественной, политической, культурной, и хорошо организованной, — евреи не помешали в несколько месяцев выйти вперёд именно евреям-большевикам, а те с жестоким избытком использовали привалившую власть.

С конца 40-х годов XX века, когда коммунистическая власть рассорилась с мировым еврейством, — это бурное участие евреев в коммунистической революции стало досадливо или опасливо замалчиваться, укрываться — и коммунистами, и евреями, а попытки вспоминать его и называть — с еврейской стороны квалифицировались как крайний антисемитизм.

В 70–80-е годы, под давлением многого обнаруженного, взгляд на революционные годы приоткрылся. И уже немалочисленные еврейские голоса стали высказываться об этом публично. Например, поэт Наум Коржавин: «Если наложить “табу” на участие в [революции] евреев, то говорить о революции вообще будет невозможно. Были даже времена, когда участием этим гордились... Евреи в революции участвовали, и в непропорционально больших количествах»[14]. — Или М. Агурский: «Участие евреев в революции и

[13] *S. Tonjoroff*. Jews in World Reconstruction // The American Hebrew: The National Jewish Weekly, 1920, September 10, p. 507.

[14] Литературный курьер: [Ежеквартальник, США], 1985, № 11, с. 67.

гражданской войне не ограничивалось даже и этим из ряда вон выходящим участием в государственном руководстве. Оно было значительно шире»[15]. — Или израильский социалист С. Цирюльников: «В начале революции евреи... служили основой нового режима»[16].

Но немало и таких еврейских авторов, кто и сегодня или отрицают вклад евреев в большевизм, даже отметают с гневом, — или, что чаще, всякое упоминание о том воспринимают болезненно.

А между тем несомненно, что эти еврейские *отщепенцы* несколько лет прямо вождествовали в большевизме, возглавили воюющую Красную Армию (Троцкий), ВЦИК (Свердлов), обе столицы (Зиновьев и Каменев), Коминтерн (Зиновьев), Профинтерн (Дридзо-Лозовский) и Комсомол (Оскар Рывкин, за ним Лазарь Шацкин, он же и во главе Коммунистического Интернационала Молодёжи).

«В первом совнаркоме был, правда, только один еврей, но этот один был Троцкий, второй после Ленина, и превосходил по влиянию всех остальных»[17]. А с ноября 1917 до лета 1918 реальным правительством был даже не Совет Народных Комиссаров (СНК), а так называемый «малый Совнарком»: Ленин, Троцкий, Сталин, Карелин, Прошьян. После Октября не менее важным, чем Совнарком, был Президиум ВЦИК. Среди 6 его членов: председатель Свердлов, Каменев, Володарский, Стеклов-Нахамкис.

М. Агурский верно замечает: для страны, где евреев вообще не привыкли видеть у власти, какова же разительность: «Еврей — президент страны... еврей — военный министр... было нечто такое, с чем коренное население России вряд ли могло свыкнуться»[18]. Разительно ещё и по тому, *каким* президентом и *каким* военным министром они были.

---

[15] *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA-Press, 1980, с. 264.

[16] *С. Цирюльников.* СССР, евреи и Израиль // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1987, № 96, с. 155.

[17] *Leonard Schapiro.* The Role of the Jews... // The Slavonic and East European Review, vol. 40, 1961-62, p. 164-165.

[18] *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 264.

Первое из важнейших действий большевиков, через Брестский сепаратный мир: отдать немцам огромную часть России, только бы на оставшейся части утвердить большевизм. Глава той брестской делегации — Иоффе. Возглавлял же ту внешнюю политику — Троцкий. Его доверенный секретарь И. Залкинд занял кабинет товарища м.и.д. Нератова, провёл чистку старого аппарата м.и.д. и строил новый НКИД (Наркомат иностранных дел).

Всё на тех же слушаниях в американском Сенате в начале 1919 д-р А. Саймонс, настоятель методистской епископальной церкви в Петрограде с 1907 по 1918, высказал важное наблюдение: «В то время как Ленин и Троцкий с их приспешниками не скупились на резкие выражения по адресу союзников, мне ни разу не пришлось слышать от них какие-нибудь резкости против Германии». Но при том, из бесед «с официальными лицами Советского правительства, я обнаружил, что у них существовало стремление сохранить, по возможности, дружественные отношения с Америкой. Это стремление было истолковано лицами дипломатического корпуса союзных стран как попытка отделить Америку от её союзников. Кроме того, они рассчитывали, что если бы большевистский строй рухнул, то наша страна [Соединённые Штаты] явилась бы убежищем, куда большевистские демоны могли бы спастись»[19].

Расчёт — логичный, а даже — и несомненный? И, вероятно, именно Троцкий, по своему свежему опыту в Америке, утверживал свою компанию в этой надежде.

Но расчёт большевицкой верхушки на финансовую верхушку Штатов был и гораздо обширней, и весьма основателен.

Сам Троцкий был — несомненный интернационалист, и можно поверить его демонстративным декларациям, в которых он отталкивал от себя всякое еврейское, — но, судя по назначениям, евреи-отщепенцы были ему ближе отщепенцев русских. Среди ближайших помощников Троц-

---

19 Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчёт «овермэнской комиссии» Сената (далее — Овермэн). М.; Л.: ГИЗ, 1927, с. 7.

кий держал почти всегда евреев (из трёх старших секретарей — Глазман, Сермукс, а начальник личной охраны — Дрейцер[20]). Вот понадобился властный и безжалостный заместитель Наркомвоена — какая высота поста! — Троцкий не колеблясь назначил врача Эфраима Склянского, никакого не боевого и не штабного командира, — и вот, по посту зампреда Реввоенсовета Республики, Склянский подписывается выше Главнокомандующего генерала С.С. Каменева.

И ведь не подумал же Троцкий, как неуместное назначение врача будет выглядеть для военных-строевиков, а само возвышение Склянского — для всей России, ему и заботы о том не было. Однако знаменитая фраза Троцкого, что «Россия не дозрела до того, чтобы во главе её стоял еврей», показывает, что *ему*, применяя к себе, не безразличен был этот вопрос.

Или — эта знаменитая сцена: Учредительное Собрание 5 января 1918 открывает старейший депутат земец С.П. Шевцов — а Свердлов нахально вырывает у него колокольчик, сталкивает с трибуны и переоткрывает Собрание. Надо почувствовать, с какими пылкими многолетними надеждами жадно ждала вся российская общественность давно загаданного, заветного Учредительного Собрания — как святого солнца, которое польёт счастье на Россию. А удушили его — в несколько часов, между Свердловым и матросом Железняком.

А прежде того разогнали Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное Собрание, и дела её передали приватному молодому человеку, Бродскому. Делами самого ожидаемого Собрания ведал Урицкий, а новую канцелярию для него сформировал Драбкин, — так, этими действиями, и создавался образ еврейского правительства. — Ещё перед тем: всероссийски известных уважаемых членов Учредительного Собрания, среди них графиню Панину, широкую благотворительницу, — арестовал ничтожный Гордон. (По данным «Дня»: писал бездарные патриотические статейки в «Петроградском курьере», потом торговал капустой и химическими товарами, потом стал большевиком[21].)

---

20 *Роберт Конквест*. Большой террор / Пер. с англ. Firenze: Edizioni Aurora, 1974, с. 192.

21 День, 1917, 5 декабря, с. 2.

Ещё ж и это надо не забывать: новые властители не упускали тут же насыщать свою наживу, а попросту — грабить беззащитных. «Добытые деньги переводятся, как правило, в драгоценные камни... Склянский пользуется в Москве репутацией «первого покупателя бриллиантов»; попался в Литве на досмотре вывозимый багаж зиновьевской жены Златы Бернштейн-Лилиной — и «обнаружены драгоценности на несколько десятков миллионов рублей»[22]. (А у нас легенда: *первые* революционные вожди — были бескорыстными идеалистами.) — А в ВЧК, как показывает достойный свидетель, через её пресс прошедший в 1920, начальниками тюрем обычно были поляки или латыши, «отдел же ВЧК по борьбе со спекуляцией, менее опасный и наиболее доходный, был в руках евреев»[23].

Помимо видимых официальных постов ленинская структура, построенная отначала конспиративно, была сильна ещё фигурами невидимыми и немыми, не предназначенными вписаться когда-либо в какую-либо летопись: от самого любимого его проходимца Ганецкого, и все туманные фигуры в облаке Парвуса. (Как и та Евгения Суменсон, лишь на короткое время выплывшая на поверхность летом 1917, даже арестованная за подозрительный финансовый мухлёж с Германией, оставалась и дальше в связи с большевицкой верхушкой, — но не отмечена в аппаратных списках.) После «июльских дней» «Русская воля» опубликовала трезвые материалы о скрытной деятельности Парвуса и его близкого сотрудника Зурабова, занимающего «ныне в петроградских с.-д. кругах видное положение»; «деятельными сотрудниками» Парвуса были «также находящиеся ныне в Петрограде гг. Бинштok, Левин, Перазич и другие»[24]. — Или вот: Самуил Закс, зять Зиновьева по сестре, глава петроградского филиала парвусовской конторы, сын богатого петроградского фабриканта, подарившего большевикам в 1917 целую типографию. — Или, из парвусов-

---

[22] *С.С.Маслов.* Россия после четырёх лет революции. Париж: Русская печать, 1922. Кн. 2, с. 190.

[23] *С.Е.Трубецкой.* Минувшее. Париж: YMCA-Press, 1989, с. 195–196. — Всероссийская Мемуарная Библиотека (ВМБ). Серия: Наше недавнее, [вып.] 10.

[24] Русская воля, 1917, 8 июля, вечерн. вып., с. 4.

ской же команды, Саул Пиккер (Александр Мартынов[25], с которым когда-то, как с теоретиком, публично спорил Ленин, — а вот подступил нужный для партии час, и Мартынов ушёл в глубину).

Несколько ярких фигур. — Всеизвестна (по крымским массовым убийствам) Розалия Залкинд-Землячка — фурия террора; она вместе с В. Загорским, И. Зеленским, И. Пятницким — в секретарях московского комитета большевиков, в 1917–1920 годах, ещё задолго до Кагановича[26]. Менее всего удивительно, что «в революционных учреждениях Одессы было немало евреев», ибо в Одессе, как мы видели, евреи составляли более трети населения. Тут уж естественно, что председателем ВРК, потом «Одесского СНК» был В. Юдовский, председателем губкома партии — Я. Гамарник[27]. Да Гамарнику потом ещё предстоит и Киев: там быть председателем и губкома, и губревкома, и губисполкома; потом — председателем Дальревкома, и крайисполкома, и секретарём Далькрайкома партии, и секретарём ЦК Белоруссии, и членом реввовенсовета Белорусского военного округа[28]. — А восходящая звезда Лазарь Каганович — председатель нижегородского губкома компартии в 1918? В августе — сентябре в протоколах нижегородского ВРК о проведении жесточайшего террора в губернии записи начинаются с: «Каганович присутствует», «Каганович присутствует»[29]. И — бдит... — Непредусмотрительно вырвался в публикацию фотоснимок, объяснённый Ю. Лариным: это — «фотография президиума заседания одного из собраний Ленинградского Совета после Октябрьской революции [то есть Петросовета]. Абсолютное большинство за столом президиума — евреи»[30].

---

25 Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения / Сост. М.А. Цявловский, с дополн. справками А.М. Серебренникова (далее — Большевики, 1903–1916). Нью-Йорк: Телекс, 1990, с. 318.

26 КЕЭ, т. 5, с. 476.

27 КЕЭ, т. 6, с. 124.

28 Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1, с. 267.

29 Нижегородский Партархив. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 66, л. 3, 12 и др.

30 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР, с. 258.

Перечислять все имена, на всех важных, часто решающих, постах — никому не охватно. Мы — лишь для иллюстрации — расскажем о скольких-то чуть подробнее. — Вот Аркадий Розенгольц: в руководителях Октябрьского переворота в Москве; затем член реввоенсоветов ряда армий и реввоенсовета всей Республики, «ближайший помощник» Троцкого. И ещё долгая череда постов: в Наркомфине, в РКИ (Рабоче-крестьянская инспекция, контрольно-следственный орган), наконец и нарком внешней торговли, семь лет. — Семён Нахимсон, к Октябрю комиссар бессмертных латышских стрелков, свирепый военком Ярославского военного округа (убит при ярославском восстании). — Самуил Цвиллинг после победы над оренбургским атаманом Дутовым возглавил оренбургский губисполком (вскоре убит). — Зорах Гринберг, комиссар просвещения и искусства Северной коммуны, выступал противником иврита, «правая рука» Луначарского. — Вот Евгения Коган (жена Куйбышева): уже в 1917 секретарь самарского губкома партии, в 1918–1919 — член армейского ревтрибунала в Поволжьи, с 1920 переброшена в ташкентский горком, с 1921 — в Москве и до секретаря МК, МГК в 30-е годы. — А вот секретарь Куйбышева Семён Жуковский; мелькают политотделы, политотделы разных армий, где он управлял; кидают и его — то в отдел пропаганды ЦК Туркестана, то начальником политуправления Балтфлота (для большевиков — всё рядом), то уже в ЦК. — Или вот братья Беленькие: Абрам — начальник личной охраны Ленина в его последние пять лет; Григорий — от краснопресненского райкома до зав. агитпропом Коминтерна; Ефим — ВСНХ, РКИ, наркомфин. — Диманштейн после Еврейского Комиссариата и Евсекции далее потом: и в ЦК Литвы-Белоруссии, он и нарком просвещения Туркестана, он и начальник Главполитпросвета Украины. — Или Самуил Филлер, аптекарский ученик из Херсонской губернии, вознесшийся в президиум МЧК, а потом в РКИ. — А то Анатолий (Исаак) Колтун («дезертировал и вскоре эмигрировал», вернулся в 1917): он и на руководящей работе в ЦКК (Центральная контрольная комиссия) ВКПб, и на партработе в Казахстане, и он же в Ярославле, и в Иванове, и опять в ЦКК, и потом в московском суде — и вдруг директор НИИ![31]

Особенно заметна роль евреев в *продовольственных* органах РСФСР, жизненном нерве тех лет — Военного Коммунизма. Посмотрим лишь на ключевых постах скольких-то. — Моисей Фрумкин в 1918–1922 — член коллегии наркомпрода РСФСР, с 1921, в самый голод, — зам. наркома продовольствия, он же — и председатель правления Главпродукта, где у него управделами — И. Рафаилов. — Яков Брандербургский-Гольдзинский (вернулся из Парижа в 1917): сразу же — в петроградском продкомитете, с 1918 — в нарком-

[31] Большевики, 1903–1916, с. 340; РЕЭ, т. 1, с. 100–101, 376, 427, 465–466; т. 2, с. 51, с. 61, 321, 482; т. 3, с. 306.

проде; в годы Гражданской войны — чрезвычайный уполномоченный ВЦИК по проведению продразвёрстки в ряде губерний. — Исаак Зеленский: в 1918–1920 в продотделе Моссовета, затем и член коллегии наркомпрода РСФСР. (Позже — в секретариате ЦК и секретарь Средазбюро ЦК.) — Семён Восков (в 1917 приехал из Америки, участник Октябрьского переворота в Петрограде): с 1918 — комиссар продовольствия обширной Северной области. — Мирон Владимиров-Шейнфинкель: с октября 1917 возглавил петроградскую продовольственную управу, затем — член коллегии наркомата продовольствия РСФСР; с 1921 — нарком продовольствия Украины, затем её наркомзем. — Григорий Зусманович в 1918 — комиссар продармии на Украине. — Моисей Калманович — с конца 1917 комиссар продовольствия Западного фронта, в 1919–1920 нарком продовольствия БССР, потом — Литовско-Белорусской ССР и председатель особой продовольственной комиссии Западного фронта. (На своей вершине — председатель правления Госбанка СССР)[32].

Совсем недавно опубликованы подробности, с чего началось крупное крестьянское западно-сибирское восстание 1921 («ишимский мятеж»). Тюменский губпродкомиссар Инденбаум, после жестоких хлебозаготовок 1920 года, когда область к 1 января 1921 выполнила 102% намеченной развёрстки, объявил ещё дополнительную неделю «окончания развёрстки» — с 1 по 7 января, то есть как раз *предрождественскую* неделю. — Среди других уездных и ишимский продкомиссар получил директиву: «Развёрстки должны быть выполнены, не считаясь с последствиями, вплоть до конфискации *всего хлеба в деревне* (курсив мой. — *А.С.*), оставляя производителя на голодную норму». В личной телеграмме Инденбаума требовалась «самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличия хлеба в деревне конфискованным». При формировании продотрядов, с ведома Инденбаума, в продовольственные отряды принимались бывшие уголовники, люмпены, легко идущие на избиение крестьян. Член губпродкома латыш Матвей Лаурис использовал свою власть для личного обогащения и похоти; расположившись с отрядом в селе, требовал на ночь от населения 31 женщину — для себя и своего отряда. На X съезде РКПб тюменская делегация докладывала, что «тех крестьян, которые не хотели давать развёрстку, ставили в ямы, заливали водой и замораживали»[33].

А о ком — узнавали только спустя много лет, лишь из некрологов в «Известиях»: «Умер от туберкулёза тов. Исаак Самойлович Кизельштейн», делегат VI съезда партии, участник «пятёрки» в Москве по подготовке Октябрьского восстания; с переездом правительства в Москву — «провёл огромную работу в качестве уполномочен-

---

[32] РЕЭ, т. 1, с. 160, 250, 234, 483, 502, 533; т. 3, с. 260.

[33] Земля сибирская, дальневосточная, Омск, 1993, № 5-6 (май-июнь), с. 35-37.

ного коллегии ВЧК», потом член реввоенсовета V и XIV армии, «всегда верный рядовой партии и рабочего класса»[34]. И — сколько таких «беззвестных тружеников», да разных национальностей, состояло в душителях России?

Помимо обязательных революционных кличек, большевики-евреи отличались ещё нагромождением псевдонимов или сменённых так или иначе фамилий. (Вот некролог 1928 года: умер давний большевик Лев Михайлович Михайлов, в скобках: с 1906 года известный в партии как Политикус. Но Политикус — тоже его кличка, а фамилию свою, Елинсон, унёс в могилу[35].) Что побудило Арона Руфелевича принять украинское Таратута? Стыдился ли своей фамилии Иосиф Аронович Таршис? или хотел себя укрепить — принявши Пятницкий? Те же ли побуждения были у евреев Гончарова? Василенко? И — считались ли они в своих семьях предателями? или просто трусами?

Остались живые наблюдения. И.Ф. Наживин пишет по своим раннесоветским впечатлениям: в Кремле, в управлении делами СНК, «всюду невероятная неряшливость и неразбериха. Всюду латыши, латыши, латыши и евреи, евреи, евреи. Антисемитом никогда я не был, но тут количество их буквально резало глаза, и все самого зелёного возраста»[36].

Даже свободолюбивый и многотерпеливый Короленко наряду с сочувствием к евреям, страдающим от погромов, записывает в своём дневнике весною 1919: «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуверенность, которая кидается в глаза и раздражает»; «Большевизм на Украине уже изжил себя. “Коммуния” встречает всюду ненависть. Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) разжигает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты»[37].

В первые годы большевицкой власти весь перевес еврейской численности сказывался далеко не только в самых верхах партии и власти: он был ещё разительней — и чувствительней для населения — на широких просторах, в гу-

---

34 Известия, 1931, 7 апреля, с. 2.

35 Известия, 1928, 6 марта, с. 5; РЕЭ, т. 2, с. 295–296.

36 *Ив. Наживин.* Записки о революции. Вена, 1921, с. 93.

37 *П.И. Негретов.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества, 1917–1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. Москва: Книга, 1990, с. 97, 106.

берниях и уездах, в прослойках средней и ниже средней. Там-то и засела безымянная масса «штрейкбрехеров», которая «хлынула на помощь» ещё хрупкой большевицкой власти — и подкрепила её, и спасла. — В «Книге о русском еврействе» читаем: «Нельзя не упомянуть о деятельности многочисленных евреев-большевиков, работавших на местах в качестве второстепенных агентов диктатуры и причинивших неисчислимые несчастья населению страны», с добавлением: «в том числе и еврейскому»[38].

Из такого повсеместного присутствия евреев в большевиках в те страшные дни и месяцы — не могли не вытекать и самые жестокие последствия. Не минуло это и убийства царской семьи, которое теперь у всех на виду, на языке, — и где участие евреев русские уже и преувеличивают с самомучительным злорадством. А это и всегда так: динамичные из евреев (а таких много) не могли не оказываться на главных направлениях действия и нередко на ведущих местах. Так и в убийстве царской семьи — при составе охраны (и убийц) из латышей, русских и мадьяр две из роковых ролей сыграли Шая-Филипп Голощёкин и Яков Юровский (крещёный).

Ключ решения был в руках Ленина. Посмел он на это убийство решиться (при такой ещё хрупкости своей власти) — верно рассчитав, предвидя и полное безразличие союзных с Россией держав (родственный английский король ещё весной 1917 отказал Николаю в убежище), и обречённую слабость консервативных слоёв русского народа.

Голощёкин, сосланный в Тобольскую губернию в 1912 на четыре года, дальше к 1917 году на Урале — хорошо сознакомился со Свердловым (кстати, в 1918 они были на «ты», как это зафиксировано в телеграфных переговорах Екатеринбурга с Москвой). С 1912 Голощёкин (и тоже — вместе со Свердловым) стал и — член ЦК партии большевиков, после Октябрьского переворота — секретарь Пермского и Екатеринбургского губкомов, затем объёмистей — Уральского обкома партии, то есть верховный хозяин всего Урала[39].

---

[38] *Г. Аронсон.* Еврейская общественность в России в 1917-1918 // КРЕ-2, 1968, с. 16.

[39] Большевики, 1903-1916, с. 283-284.

Замысел убийства царской семьи и выбор варианта зрели в голове Ленина и у его ближайшего окружения, — а отдельно готовились свои соображения у уральских владык Голощёкина и Белобородова (председатель Уралсовета), и, как выясняется, в начале июля 1918 Голощёкин ездил с этим в Кремль: убедить в невыгодности варианта «бегства» царской семьи, а откровенно и прямо их расстрелять и публично о том объявить. Убеждать Ленина — и не надо было, «уничтожить» — в этом он не сомневался, он только опасался реакции от населения России и от Запада. Но уже были признаки, что — всё пройдёт спокойно.

(Ещё решение зависело бы, конечно, от Троцкого, от Каменева, Зиновьева, Бухарина — но их всех не было тогда в Москве, да, по характеру их, кроме Каменева, нет основания предположить, что кто-нибудь из них бы возражал. О Троцком известно, что отнёсся равнодушно-одобрительно. В дневнике 1935 сам пишет об этом так: приехал в Москву, в разговоре со Свердловым — «спросил мимоходом: "Да, а где царь?" — "Кончено, — ответил он, — расстрелян". — "А семья где?" — "И семья с ним". — "Все? — спросил я, по-видимому с оттенком удивления". — "Все! — ответил Свердлов, — а что?" Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил. "А кто решал?" — спросил я. "Мы здесь решали... " Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразно, но и необходимо... Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель»[40].)

М. Хейфец анализирует, кто мог быть на этом последнем ленинском совете: разумеется, Свердлов, Дзержинский, не исключены — Петровский и Владимирский (НКВД), Стучка (Наркомюст), может быть — В. Шмидт. Вот это и был — Трибунал над царём. Голощёкин же — 12 июля вернулся в Екатеринбург, ожидая последнего сигнала из Москвы. Затем Свердлов передал в Екатеринбург окончательное распоряжение Ленина. И Яков Юровский, часовщик, сын уголовного каторжанина, в своё время сосланно-

---

[40] *Лев Троцкий.* Дневники и письма. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1986, с. 101.

го в Сибирь, — там нещечко и родилось, — в июле 1918 назначенный комендантом ипатьевского дома, обдумывал операцию и организовал технику убийства (нарядом мадьяр и русских, включая Павла Медведева, Петра Ермакова) и сокрытия трупов[41]. (Тут помог бочками бензина и серной кислоты — для уничтожения трупов — ещё и облкомиссар снабжения П.Л. Войков).

Как именно следовали добивающие выстрелы в подвальной мясорубке ипатьевского дома и чьи выстрелы оказались решающие — не могли бы, конечно, потом разобраться и сами палачи. В дальнейшем «Юровский с несомненным надрывом утверждал свой приоритет: "Из кольта мной был наповал убит Николай"». Но честь досталась и Ермакову — «товарищ маузер»[42].

Голощёкин славы не искал, всю её перехватил долдон Белобородов. В 20-е годы так все и знали, что именно он — главный убийца царя; даже в 1936, гастролируя в Ростове-на-Дону на какой-то партконференции, он ещё похвалялся этим с трибуны. (Всего за год перед тем, как расстреляли его самого.) В 1941 расстреляли и Голощёкина. А Юровский (уехавший после убийства в Москву и потом с год «работавший» в ближайшем окружении Дзержинского, значит — на мокрых же делах) умер своей смертью[43].

Вообще, во всю революцию, на все события постоянно бросал отсвет и национальный вопрос. Так и все участия-соучастия, от убийства Столыпина, разумеется, затрагивали русские чувства. Но вот убийство царского брата в. кн. Михаила Александровича, — кто убийцы? — Андрей Марков, Гавриил Мясников, Николай Жужгов, Иван Колпащиков — вероятно, все русские.

О, как должен думать каждый человек, освещает ли он свою нацию лучиком добра или зашлёпывает черныю зла.

Это — о палачах Революции. А что — жертвы? Во множестве расстреливаемые, и топимые целыми баржами, заложники и пленные: офицеры — были русские, дворяне — большей частью русские, священники — русские, земцы — русские, и пойманные в лесах крестьяне, не идущие в Крас-

---

[41] *Михаил Хейфец.* Цареубийство в 1918 году. Книготоварищество «Москва-Иерусалим», 1991, с. 246-247, 258, 268-271.

[42] Там же, с. 355.

[43] Там же, с. 246, 378-380.

ную армию, — русские. И та высоко духовная, анти-антисемитская русская интеллигенция — теперь и она нашла свои подвалы и смертную судьбу. И если бы можно было сейчас восставить, начиная с сентября 1918, именные списки расстрелянных и утопленных в первые годы советской власти и свести их в статистические таблицы — мы были бы поражены, насколько в этих таблицах Революция не проявила бы своего интернационального характера — но антиславянский. (Как, впрочем, и грезили Маркс с Энгельсом.)

Вот это-то и вдавило жестокую печать в лик революции — в то, что больше всего и определяет революцию: *кого* она уничтожала, — безвозвратно, непоправимо уводя убитых и из этой грязной революции, и из этой обречённой страны, из состава этого заблуженного народа.

Ленин же в эти месяцы весьма и весьма не упускал из виду возникшее напряжение вокруг еврейской темы. Уже в апреле 1918 «Совет народных комиссаров гор. Москвы и Московской области» опубликовал — как будто лишь для своей области, однако же в «Известиях»[44] — циркуляр к Советам «по вопросу об антисемитской погромной агитации»: об «имеющихся фактах еврейского погрома в некоторых городах Московской области» (ни один город не назван). Нужны и «специальные заседания Советов, посвящённые еврейскому вопросу и борьбе с антисемитизмом», и «митинги и лекции» с агитационной кампанией. Однако — кто же главный виновник, кого крушить? Ну конечно же — православных священников. Вот пункт 1, указывалось: «Обратить самое серьёзное внимание на черносотенную антисемитскую агитацию духовенства, приняв самые решительные меры борьбы с контрреволюционной деятельностью и агитацией духовенства» (пока не расшифровывая, какие меры, но нам ли их не знать?). Наряду с этим — пункт 2: «Признать необходимым не создавать особой боевой еврейской организации». (То есть обсуждалась еврейская гвардия.) А в пункте 4 поручили Комиссариату по Ев-

[44] Известия, 1918, 28 апреля, с.4.

рейским Делам вместе с Военным Комиссариатом «предупредительные меры по борьбе с еврейскими погромами».

В разгар этого самого 1918 года Ленин наговорил на граммофон «особую речь об антисемитизме и евреях»: Это «проклятая царская монархия» натравляла «тёмных рабочих и крестьян на евреев. Царская полиция в союзе с помещиками и капиталистами устраивала еврейские погромы. Вражда к евреям держится прочно только там, где кабала помещиков и капиталистов создала беспросветную темноту для рабочих и крестьян... Среди евреев есть рабочие, труженики — их большинство. Они — наши братья по угнетению капиталом, наши товарищи по борьбе за социализм... Позор проклятому царизму... Позор тем, кто сеет вражду к евреям...» — «Граммофоны с пластинками этой речи развозились тогда агитационными поездами по фронту, по городам и деревням. Там граммофоны воспроизводили эту речь в клубах, на митингах и собраниях. Красноармейцы, рабочие и крестьяне слушали слово своего вождя и начинали понимать, в чём дело»[45]. Но напечатана — не без умысла? — та речь тогда не была, только в 1926 (в книге Агурского-отца).

А 27 июля 1918 (сразу за расстрелом царской семьи) СНК издал особый закон об антисемитизме: «Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение опасностью для дела рабочей и крестьянской революции». И в завершенье (по свидетельству Луначарского, Ленин это приписал собственноручно): «Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона». Подписано: Вл. Ульянов (Ленин)[46].

Эти два слова в н е з а к о н а — если кому-нибудь непонятны остались в месяцы Красного Террора, то десять лет спустя коммунистический активист, и сам одно время нарком, и даже творец «военного коммунизма», всё тот же Ларин объясняет нам: «ставить активных антисемитов “вне закона”, т.е. расстреливать»[47].

---

45 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР*, с. 7–8 (со ссылкой на: *С. Агурский.* Еврейский рабочий в коммунистическом движении. Минск: ГИЗ, 1926, с. 155).

46 Известия, 1918, 27 июня, с. 4.

47 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР, с. 259.

А тот знаменитый ответ Ленина Диманштейну в 1919 был сделан вот по какому поводу: Диманштейн «хотел добиться от Ленина, чтобы задержали распространение» листовки Горького, содержащей такие похвалы евреям, которые могли создать "впечатление, будто революция держится на евреях, в особенности на их средняцком элементе"». Ленин возразил, как мы уже читали, что сразу после Октября именно евреи сорвали саботаж государственных чиновников и тем выручили революцию; и, стало быть, «мнение Горького о большом значении этих элементов... совершенно правильн[о]»[48]. — Не сомневается и Еврейская энциклопедия: «Ленин отказался конфисковать выпущенную массовым тиражом во время гражданской войны чрезмерно филосемитскую по содержанию прокламацию М. Горького "О евреях", несмотря на опасения, что она может стать антисемитским козырем в руках врагов революции»[49].

Да для *белой* стороны — и стала, конечно: достоверное слияние образов еврейства и большевизма.

Это глухое, удивительное по недальновидности пренебрежение вождей революции и к впечатлению, и к чувству, растущему в народе, сказалось и в участии евреев в разгроме православного духовенства: как раз летом 1918 и развернулся большевицкий штурм против православных церквей Средней России, и особенно Московской области (тогда область заключала несколько губерний), остановленный только волною приходских бунтов.

Уже в декабре 1917 рабочие-строители Кронштадтской крепости не выдержали и протестовали, их резолюцию поместили «Кронштадтские известия» : «Мы, мастеровые и рабочие, на общем нашем собрании сего числа [28 декабря], обсудив вопрос по поводу назначения православных священников на очередное дежурство милиционеров, усматриваем, что ни один еврейский раввин, магометанский мулла, римско-католический ксендз и немецкий пастор, кроме православных священников, Исполнительным Комитетом Совета Рабочих и Солдатских депутатов почему-то назначен, для несения милицейской должности, не

[48] *Н. Ленин.* О еврейском вопросе в России. М.: Пролетарий, 1924, с. 17–18.

[49] КЕЭ, т. 4, с. 766.

был. Очевидно, весь Исполнительный Комитет состоит исключительно из иноверцев...»[50] (Заметим, что даже на этом крепостном острове «тюрьмы народов» действовали храмы всех вероисповеданий.)

Да и в саму «Правду» прорвался (напечатали под насмешливым заголовком «Бей жидов!») воззыв рабочих Архангельска «к сознательным русским рабочим и крестьянам»: повсюду «поруганы, опоганены, разграблены» — «только русские православные церкви, а не еврейские синагоги... Смерть от голода и болезней уносит сотни тысяч ни в чём неповинных русских жизней», а «евреи не умирают от голода и болезней»[51]. (Летом 1918 было ещё и судебное «дело об антисемитизме в Храме Василия Блаженного»...)

Самым неразумным образом евреи-активисты вливались в общебольшевицкую настойчивую ярость в травле православия (в сравнении с другими религиями), в преследовании священников, в печатном глумлении над Христом. Тут и русские перья расстарались: Демьян Бедный (Ефим Придворов), и не он один. Но евреям постоять бы в стороне.

Вот 9 августа 1920 Патриарх Тихон пишет председателю СНК Ульянову-Ленину (копия председателю ВЦИК Калинину), требуя отвода следователя Наркомюста Шпицберга, «бывшего ходатая по бракоразводным делам», а ныне, от Наркомюста, ревизующего «мощи Православной Русской Церкви, вскрывая раки и гробницы с останками признанных Церковью святых». Ссылаясь на Конституцию РСФСР, Патриарх настаивает «на отводе в предстоящем расследовании [его] "деятельности"... от функций следователя Шпицберга, как лица, производящего следствие и допросы "с пристрастием", что ярко выяснилось из предыдущих церковных процессов... и наконец как человека, публично оскорбляющего религиозные верования, открыто глумящегося над религиозно-обрядовыми действиями, печатно в предисловии к книге "Религиозная язва" (1919 г.) называющего Иисуса Христа ужасными именами»[52].

---

[50] Церковные ведомости, Пг., 1918, № 1 (5 января), с. 38.

[51] *А. Меньшой.* «Бей жидов!» // Правда, 1919, 3 июля, с. 1.

[52] Следственное дело Патриарха Тихона. Сб. документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000, док. № 58, с. 600–604.

Бумага пересылается в Малый Совнарком и рассматривается там в заседании 2 сентября 1920, докладчик — сам же Шпицберг. Постановлено: «Оставить жалобу гр. Белавина (патриарха Тихона) без последствий (принято единогласно)»[53]. — Но спохватывается Калинин и тайно и вкрадчиво пишет в наркомат юстиции Красикову: он думает, что «тов. Шпицберга необходимо на самом деле, из соображений практически-политических... заменить кем-нибудь другим»; так как «аудитория на суде будет, вероятно, в большинстве православная» — то тем лишить «духовные круги... возможности главного довода насчёт национальной мести и проч.»[54].

А — вскрытие мощей? Чем могла масса объяснить такое надругательство, настолько наглядное, вызывающее? «“Разве бы русские, православные, на такое дело пошли?”, говорят по России. “Это всё жиды подстроили. Жидам что: они самого Христа распяли”»[55]. — И разве не ответственна за это настроение власть, подававшая народу такие зрелища в предельной топорности?

С. Булгаков, особенно пристально следивший за судьбами православия под большевиками, писал в 1941: в СССР гонение на христианство «превзошло по свирепости и размерам все предыдущие, которые только знает история. Конечно, нельзя его всецело приписать еврейству, но нельзя его влияния здесь и умалять»[56]. — «В большевизме более всего проявилась *волевая* сила и энергия еврейства». — «Еврейская доля участия в русском большевизме — увы — непомерно и несоразмерно велика. И она есть, прежде всего, *грех еврейства против святого Израиля*... И не “святой Израиль”, но волевое еврейство проявляло себя, как власть, в большевизме, в удушении русского народа». — «Гонение на христианство здесь хотя и вытекало из идеологической и практической программы большевизма вообще, без различия национальностей, однако естественно находило наибольшее осуществление со стороны еврей-

---

[53] ГАРФ. Ф. 130, оп. 4, ед. хр. 94, л. 1. — Протокол заседания Малого Совета от 2 сентября 1920 г. № 546.

[54] ГАРФ. Ф. 1235, оп. 56, д. 26, л. 43.

[55] *С. С. Маслов.* Россия после четырёх лет революции. Кн. 2, с. 43.

[56] *Сергий Булгаков.* Христианство и еврейский вопрос. Париж: YMCA-Press, 1991, с. 76.

4—4917

ских "комиссаров" безбожия», — как возглавление Губельманом-Ярославским Союза воинствующих безбожников «перед лицом всего православного русского народа есть акт... религиозного нахальства»[57].

А тоже было наглядное нахальство — переименовывать города и места. Обычай — не еврейский по существу, обычай общесоветский. Но можно ли утверждать, что для жителей Гатчины превратиться в Троцк — не несло никакого национального привкуса? А Павловск — в Слуцк, Дворцовую площадь — в Урицкого, Исаакиевскую — в Воровского, Литейный проспект — в Володарского, Владимирский — в Нахимсона, Адмиралтейскую набережную — в Рошаля, Таврическую улицу — в Слуцкого же, красивейшую Михайловскую — назвать по заурядному художнику Исааку Бродскому?

Забылись. Голова закружилась. А по российской шири и счёта нет: Елизаветград — в Зиновьевск, и пошло́. А город, где убит царь, — в честь убийцы Свердлова.

Очевидно, что представление о национальной *мести* со стороны евреев-большевиков было развито в русском сознании уже и к 1920 году, если оно курьёзно попало (предупреждающий аргумент Калинина) даже в документы советского правительства.

Конечно, правильным было опровержение Пасманика: «Для злобных или тупоумных людей всё объясняется очень просто: еврейский кагал решил завладеть Россией, или мстительное еврейство расправляется с Россией за прошлые преследования, которым оно подвергалось в этой стране»[58]. Конечно же нельзя объяснять победу и владычество большевиков таким образом. — Но: если погром 1905 горит в памяти твоей семьи и если в 1915 твоих единоплеменников из западных губерний изгоняли нагайками — то через каких-то 3–4 года ты мог отмстить иной взмах нагайки и револьвером. Не будем гадать, в какой степени евреи-коммунисты могли сознательно мстить России, уничтожать, дробить именно всё русское; но отрицать вовсе такое чувство — это отрицать какую-либо связь еврейского неравноправия при царе с участием евреев в большевизме, — связь, постоянно выдвигаемую.

---

[57] *Сергий Булгаков.* Христианство и еврейский вопрос, с. 98, 121, 124.

[58] *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 156.

А вот И.М. Бикерман, стоя «перед фактом такого непомерного участия евреев в варварском разрушении» и, видимо, отвечая тем, кто числит за евреями право на месть за прежние гонения, — отвергает это право. «Ответственность за разрушительное усердие наших соплеменников перелагается на государство, преследованиями, гонениями толкавшее евреев на путь революции». Нет, говорит он: «Именно тем, кто как отвечает на давящее на него зло, отличается человек от человека и один человеческий коллектив от другого»[59].

Но и он же, озирая исторические судьбы еврейства в 1939, под находящей тучей ещё новой эпохи: «Выпуклое отличие евреев от окружающего мира состояло в том, что евреи могли быть только наковальней и никогда — молотом»[60].

Я не берусь углубиться в мировые исторические судьбы, не возьмусь спорить в таком объёме, но оговорюсь чётко: пусть бы даже во всю мировую историю было так, но с Восемнадцатого года в России и ещё затем лет пятнадцать — примкнувшие к революции евреи были *также и молотом*, — изрядной долей его массы.

И тут — в наш переклик вступает Б. Пастернак. В «Докторе Живаго», правда уже после Второй Мировой войны и грянувшей еврейской Катастрофы, со всем горчайшим грузом её, со всем изменившимся мировоззрением, — но ведь в романе же держа в виду именно годы нашей революции, — он пишет об «этой стыдливой, приносящей одни бедствия, самоотверженной обособленности». И ещё: «их [евреев] слабость и неспособность отражать удары».

Однако перед нашими глазами была одна и та же страна; в разных возрастах, но ведь мы жили в ней одни и те же 20–30-е годы. Современник тех лет должен бы окоснеть от недоумения: Пастернак не заметил (верю), что́ происходило? — Родители его, художник отец, пианистка мать, принадлежали к высококультурному кругу евреев, живших единой жизнью с русской интеллигенцией; он вырос уже и в немалой традиции: России и русской культуре щедро отдали себя братья Рубинштейны, пронзительный Левитан,

59 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 25.

60 *Он же.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 42.

тончайший Гершензон, философы Франк, Шестов. Вероятно, этот определённый выбор, эта высокая нераздельность служения и жизни казались Пастернаку *нормой*, а все уродливые и страшные отклонения от неё — просто не попадали в сетчатку его глаза.

Но отпечатывались в тысячах других. Вот, свидетель тех же лет, опять Бикерман: «Слишком бросающееся в глаза участие евреев в большевицком беснованию приковывает к нам взор русского человека и взоры всего мира»[61].

Нет, не евреи были главной движущей силой Октябрьского переворота. Более того, он вовсе не был нужен российскому еврейству, получившему свободу в полноте — в период именно Февраля. Но, когда переворот уже совершился, активное молодое секуляризованное еврейство легко и быстро совершило перепрыг с коня на коня — и с не меньшей уверенностью погнало теперь и в большевицкой скачке.

Конечно же не меламеды привели к тому. Но благоразумная часть еврейского народа — упустила головорезов. Так *отщепилось* — чуть ли не целое поколение. И поскакало впредь.

Ища *мотивы* этого динамичного перескока еврейской молодёжи к новым победителям, Г. Ландау называет: «Здесь действовала и озлобленность против старого мира и отчуждённость, искусственно им поддержанная, от общероссийской государственной и бытовой жизни; действовал и своеобразный рационализм, столь часто присущий евреям», и «волевой натиск, в ничтожных душах превращающийся в пронырливость и дерзость»[62].

А есть и объяснения извинительные: «Материальные условия после большевицкого переворота создали такую обстановку, которая заставила евреев идти в большевики»[63]. Это объяснение весьма распространено: что «42% еврейского населения России занимались торговлей», теперь лишились её, — и создалась безвыходность, куда же податься? «Чтобы не умереть с голоду, они вынуждены были пойти на службу к правительству, часто не брезгуя ни-

---

[61] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 14–15.

[62] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 117.

[63] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 156.

какой работой», вот даже начальственно-административной, пришлось идти в соваппарат, где «число служащих-евреев с самого начала октябрьской революции было велико»[64].

Не было *выхода*? А тем десяткам тысяч российских чиновников, отказавшихся служить большевизму, — разве было куда податься? Умереть с голоду? — а на что жили горожане не-евреи? Да ещё была ведь помощь Джойнта, ОРТа и подобное снабжение от щедрых евреев с Запада? Идти на службу в ЧК — это никогда не *единственный* выход. Есть по крайней мере ещё один — не идти, выстаивать.

И получилось, вывел Пасманик, что «большевизм стал для голодающего еврейства городов таким же *ремеслом*, как раньше портняжество, маклерство и аптекарство»[65].

А если так, то можно ли с доброй совестью говорить и спустя 70 лет: для тех, кто «не хотели эмигрировать в Соединённые Штаты, чтобы стать американцами, и не хотели эмигрировать в Палестину, чтобы остаться евреями, — единственным выходом был коммунизм»[66]. Опять — *единственным* выходом.

Вот *это* — и есть отречение от исторической ответственности...

Существенней, весомей звучит: «Народ, претерпевший такие гонения», — это во всей исторической протяжённости, — «не мог не стать в значительной части своей носителем революционной интернационалистской доктрины социализма», ибо «она давала своим адептам-евреям надежду перестать быть изгоями», и на этой земле, а не в «призрачной Палестине праотцев». А дальше — «уже в ходе гражданской войны и сразу же после неё они, нередко более конкурентоспособные, чем выдвиженцы из коренных низов, заполнили много социальных пустот, созданных революцией... При этом они... в преобладающей части своей порывали со своей народной и духовной традицией», после чего «любые ассимилянты, особенно в период своего массового явления, да ещё в первом поколении, укореня-

---

64 *Д. Шуб.* Евреи в русской революции // ЕМ-2, с. 143.

65 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 157.

66 *Ш. Авинери.* Возвращение в историю // "22", 1990, № 73, с. 112.

ются в относительно поверхностных слоях новой для них культуры»[67].

Однако же, спрашивают: как же «вековые традиции этой древней культуры оказались бессильными против увлечения варварскими революционными лозунгами большевизма»?[68] Когда «над Россией... стрясся вместе с революцией социализм... — тогда не только эти евреи со всей своей численностью и энергией оказались на передовой волне разложения. Тогда остальное еврейство оказалось без сцепляющей идеи, — с недоуменным сочувствием к происходящему и недоуменной беспомощностью применительно к его результатам»[69]. Как же «значительные слои еврейства с восторгом, непростительным для народа тысячелетней истории разочарований, приняли революцию»? как же рационалистический «трезвый еврейский народ опьянел от революционной фразеологии»?[70]

Пасманик упоминает (1924) и «тех евреев, которые громко заявляли о генетической связи между большевизмом и иудаизмом, которые громко хвастались широкими симпатиями еврейской массы к комиссародержавию»[71]. Правда, Пасманик и сам выделял «те пункты, в которых между иудаизмом и большевизмом на первый взгляд действительно может быть создано некоторое сближение... *земное счастье и социальная справедливость...* Иудаизм первый выдвинул эти два великих принципа»[72].

Содержательное обсуждение этого вопроса мы находим в англо-еврейской газете «Еврейская хроника» — в том самом 1919, ещё неостывшем революционном году. Некто Ментор, постоянный обозреватель этой газеты, писал, что неразумно евреям притворяться, будто у них нет никакой связи с большевизмом. Вот в Америке раввин д-р Иуда Магнес поддержал большевиков, значит, не счёл большевизм

---

67 *Д. Штурман.* О национальных фобиях // "22", 1989, № 68, с. 149–150.

68 *И.О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 127.

69 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 109.

70 *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 145, 146.

71 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 225.

72 *Он же.* Русская революция и еврейство, с. 129.

явлением, несовместимым с иудаизмом [73]. — И он же, спустя неделю: вообще большевизм — великое зло, но, парадоксально, и надежда человечества. Французская революция тоже была кровавой, но вот оправдана историей. Еврей по своей натуре — идеалист, и не только не удивительно, а, наоборот, логично, что он пошёл за обещаниями большевиков. «Значителен факт самого большевизма, значителен факт, что столь многие евреи стали большевиками; что идеалы большевизма во многих пунктах согласуются с высшими идеалами иудаизма, отчасти формировавшими базис для учения основателя христианства. Всё это думающий еврей должен рассмотреть тщательно. Безрассуден тот, кто видит в большевизме только отталкивающие аспекты...» [74]

Однако: иудаизм прежде всего — не сознание ли единого великого Бога? и хотя бы только поэтому несовместим с безбожным большевизмом.

Всё размышляя, всё ища мотивы столь обильного участия евреев в большевицком предприятии, И. Бикерман пишет: «Можно было бы перед лицом таких фактов отчаяться в будущем нашего народа, если бы мы не знали, что... из всех эпидемий самая страшная — словесная зараза. Почему еврейское сознание оказалось настолько восприимчивым к этого рода инфекции, об этом говорить было бы слишком долго». Причина «не только в обстоятельствах вчерашнего дня», но и «в унаследованных нами от седой древности представлениях, делающих еврея предрасположенным к заболеваниям легковесной и субверсивной [подрывной] идеологией» [75].

Присоединяется и С. Булгаков: «Духовное лицо еврейства в русском большевизме отнюдь не являет собой лика Израиля... Это есть в самом Израиле состояние ужасающего духовного кризиса, сопровождаемое к тому же озверением» [76].

Что же касается довода об испытанных в прошлом притеснениях как первопричине этого перескока, пере-

---

[73] The Jewish Chronicle, 1919, March, 28, p. 10.

[74] *Mentor*. Peace, War — and Bolshevism // The Jewish Chronicle, 1919, April 4, p. 7.

[75] *И.М. Бикерман*. Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 34.

[76] *Сергий Булгаков*. Христианство и еврейский вопрос, с. 124–125.

хлына российских евреев к большевикам, то следует вспомнить ещё о двух коммунистических переворотах, почти синхронных с ленинским, — о баварском и венгерском. Читаем у И. Левина: «Количество евреев — участников большевистского режима в обеих этих странах огромно. В Баварии... мы находим среди комиссаров евреев Левинэ, Левина, Аксельрода, идеолога-анархиста Ландауэра, Эрнста Толлера». — А «число евреев — руководителей большевистского движения в Венгрии доходило до 95%... А между тем правовое положение евреев в Венгрии было прекрасным, никаких ограничений в правах евреев там уже давно не существовало, и, наоборот, евреи в Венгрии в культурном и экономическом отношениях занимали положение, при котором антисемиты уже могли говорить о еврейском засилии»[77]. Сюда можно добавить замечание современного выдающегося еврейского публициста в Америке, что и немецкие евреи «процветали и добились в Германии высокого положения»[78]. Так и тут — не гонения вынудили к революционности? и не погромы? (Но тут надо не упустить, что дрожжи переворота поддержаны и в Венгрии и в Баварии большевиками же, в лице распропагандированных «возвращающихся пленных». Тех двух переворотов мы ещё коснёмся в главе 16.)

Всех тех повстанцев — и дальше, за океаном — объединил вспыхнувший и необузданный революционный интернационализм, порыв к революции — и мировой и «перманентной». А скорые успехи евреев в большевицком управлении не могли не быть замечены в Европе и в Соединённых Штатах; и — позорно — ими умилялись там. Американская еврейская общественность на переломе от Февраля к Октябрю не снизила своих симпатий к российской революции.

Тем временем большевики не дремали в своих зарубежных финансовых операциях, главным образом через Стокгольм. Ещё от апрельского возврата Ленина в Россию

[77] *И.О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 125, 126.

[78] *Норман Подгорец.* Евреи в современном мире: [Интервью] // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 86, с. 113.

текла им скрытая помощь от германских источников через шведский «Ниа банкен» Олофа Ашберга. Но и несколько российских банкиров, поспешивших от революции за границу, стали добровольными содействователями большевиков. Американский исследователь Энтони Саттон, сумевший, хоть и с опозданием в полвека, достичь важных архивных документов, сообщает нам, что, согласно отчёту 1918 года, направленному американским послом в Стокгольме в Государственный департамент, «одним из таких "большевицких банкиров"» стал скандально известный Дмитрий Рубинштейн, освобождённый из тюрьмы Февральской революцией, — он «перебрался в Стокгольм и стал финансовым агентом большевиков». — «Ещё одним "большевицким банкиром" стал Абрам Животовский, родственник Троцкого и Льва Каменева». В синдикат с Животовским входили: «Денисов из бывшего "Сибирского Банка", Каменка из "Азово-Донского Банка" и Давидов из "Банка для внешней торговли"». Другие «большевицкие банкиры» — Григорий Лессин, Штифтер, Яков Берлин и агент их Исидор Кон[79].

Между тем навстречу в Россию всё плыли из Америки те *возвратники*, отчасти задавненные, отчасти новоявленные «революционеры», мечтавшие теперь укреплять и строить Новый Счастливый Мир. О некоторых мы уже сказали в главе 14. Они плыли и плыли через океаны, месяц за месяцем, из нью-йоркского порта на восток, из сан-францискского на запад, кто в прошлом российские подданные, а были и прямо американские энтузиасты, не знающие русского языка.

В 1919 А.В.Тыркова-Вильямс, в книге, изданной тогда в Англии, писала: «Среди большевицких направителей очень мало русских, т.е. мало людей, пропитанных всероссийской культурой и интересами русского народа... Наряду с явными иностранцами большевизм привлёк много приверженцев из числа эмигрантов, проживших много лет за границей. Некоторые никогда раньше не бывали в России. Среди них было особенно много евреев. Они говорили по-русски плохо. Народ, над которым они захватили власть, был им чужд, да они и вели себя как победители в

---

79 *Э. Саттон.* Уолл-стрит и большевицкая революция / Пер. с англ. М., 1998, с. 141–142.

покорённой стране». И если в царской России «евреев не допускали ни до каких постов»; «школы и государственная служба были им закрыты», то «в Советской Республике все комитеты и комиссариаты заполнены евреями. Они часто меняли свои еврейские имена на русские... Но этот маскарад никого не обманывал»[80].

В том же 1919, на тех сенатских слушаниях в комиссии Овермэна, слышим от Р.Б. Денниса, преподавателя университета в Иллинойсе, прибывшего в Россию в ноябре 1917, что, по его «мнению, совпадающему с мнением других американцев, англичан и французов... эти люди проявляли в России наибольшую жестокость и неумолимость в вопросе о расправе с буржуазией», — это слово тут употреблено не укоризненно, а буквально: то есть с городскими обывателями. — Другое показание: из тех, кто вёл «убийственную пропаганду» и в окопах, и в тылу, — некоторые «жили в Нью-Йорке, год или два тому назад» (то есть в 1917–1918)[81].

В феврале 1920 в лондонской «Sunday Herald» (в статье «Сионизм против большевизма: борьба за души еврейского народа») Уинстон Черчилль писал: «Теперь эта банда примечательных личностей из подполья больших городов Европы и Америки схватила за волосы и горло русский народ и сделалась неоспоримыми господами огромной Российской Империи»[82].

Среди этих приехавших из-за океана есть много известных имён, ещё более — неизвестных. Тут был и М.М. Грузенберг. Он побывал уже в Англии (где познакомился с Сун Ятсеном), долго жил в Штатах, «организовал в Чикаго школу для эмигрантов», в июле 1918 вернулся в Москву. В 1919 он уже — генеральный консул РСФСР в Мексике (на неё была большая революционная надежда, не зря и Троцкий потом причалит туда). С того же года он — в центральных органах Коминтерна. Поработал в Скандинавии, Швейцарии, арестован в Шотландии, а с 1923, с подсобным шта-

---

80 *Ariadna Tyrkova-Williams.* From Liberty to Brest-Litovsk. London: Macmillan and Co., 1919, p. 297–299.

81 *Овермэн,* с. 22–23, 26–27.

82 *Дж. Мюллер.* Диалектика трагедии: антисемитизм и коммунизм в Центральной и Восточной Европе* // “22”, 1990, № 73, с. 96; см. также: Еврейская трибуна, 1920, № 10, с. 3.

том разведчиков, под именем «Бородин», — в Китае, «главный политический советник ЦИК Гоминьдана», а между тем и продвигал Мао Цзедуна и Чжоу Эньлая. Однако — Чан Кайши раскусил подрывную работу Грузенберга-Бородина и в 1927 выслал из Китая. Но Грузенберг пережил в СССР все опасности 1937 года, в советско-германскую войну был (при Дридзо-Лозовском) главным редактором нашего отечественного Информбюро. А в 1951 году расстрелян[83]. (О расстрелянных в 30-х годах евреях-большевиках — в главе 19.)

Тут был и Самуил Агурский, ставший одним из вождей Белоруссии, затем в 1938 арестованный, отбывал ссылку, — отец столь рано умершего публициста М. Агурского (далеко-о ушедшего от отцовской тропы)[84]. — Тут был и Соломон Слепак, видный коминтерновец, вернувшийся в 1919 через Владивосток, поучаствовавший там в кровавых делах, затем ездивший в 1921 в Китай заманивать Сун Ятсена на союз с коммунистами, — а сыну Владимиру придётся с мировым грохотом вырываться из того капкана, куда ринулся его отец за счастливым коммунизмом[85]. Таких, и ещё более парадоксальных, историй — сотни.

Из эмиграции же потянулись и разрушители «буржуазной» еврейской культуры. Тут и скорые сочлены С. Диманштейна по Еврейскому Комиссариату — эсер Добковский, тот же Агурский, ещё и Кантор, Шапиро — «бывшие анархисты-эмигранты, прибывшие из Лондона и Нью-Йорка, отчуждённые от русского еврейства». Задача Комиссариата была: создать Центр еврейского коммунистического движения. В августе 1918 ново-коммунистическая газета на идише «Дер Эмес» («Правда») объявила «начало пролетарской диктатуры на еврейской улице»; тут же выступили против хедеров, Талмуд-Торы; в июне 1919, за подписью С. Агурского и Сталина, распущено центральное бюро еврейских общин[86] — той консервативной части еврейства, которая не приняла большевицкой стороны.

---

[83] РЕЭ, т. 1, с. 154.

[84] Там же, с. 22.

[85] *Chaim Potok.* The Gates of November: Chronicles of the Slepak Family. New York: Alfred A. Knopf, 1996, p. 37, 44–45.

[86] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 133–135.

Остаётся верно наблюдение, что тяга евреев-социалистов была главным образом *не* к большевикам. Но — что же и где же эти другие партии? «Укреплению позиций евсекции... способствовал распад ряда старых еврейских политических партий... Бунд, сионисты-социалисты и поалейционисты раскололись, и значительная часть их вождей перешла в лагерь победителей и отреклась от идей демократического социализма», — такие вожди, как М. Рафес, М. Фрумкина-Эстер, А. Вайнштейн, М. Литваков [87].

Как? — и Бунд? Тот воинственнейший в революцию 1905 года Бунд, такой непримиримый даже к ленинской линии, такой принципиальный прежде насчёт культурно-национальной автономии евреев? Да, и он... «После установления советской власти руководство Бунда в России раскололось на правых и левых (1920). Значительная часть правых эмигрировала, а левые ликвидировали Бунд (1921) и частично были приняты в коммунистическую партию — РКПб» [88]. — Из бывших бундовцев: неуцепимый Давид Заславский — на десятилетия он станет язвительной звездою сталинской публицистики (ему поручат бичевать и Мандельштама, и Пастернака). — Ещё — братья Леплевские, Израиль и Григорий. (Израиль сразу, с 1918, и до остатка жизни окунётся в чекизм. Григорий с 1920 займёт видный пост в НКВД, даже и.о. зам. наркома, потом председатель Малого совнаркома РСФСР, в 1934–1939 — зам. Генерального прокурора СССР, в 1939 — репрессирован.) — И Соломон Котляр, сразу пошагавший в первые секретари Оренбургского, Вологодского, Терского губкома, Орловского окружкома компартии. — Или бундовец Абрам Хейфец: вернулся в Россию после февраля 1917, вошёл в президиум главного комитета Бунда на Украине, член ЦК Бунда, но в октябре 1917 — уже за большевиков, с 1919 — в головке Коминтерна [89].

К левым бундовцам присоединились после 1917 года левые части сионистов-социалистов и СЕРПа, а в 1919 во-

---

[87] Там же, с. 135–136.

[88] КЕЭ, т. 1, с. 560.

[89] РЕЭ, т. 1, с. 478; т. 2, с. 78, 163; т. 3, с. 286.

шли в РКП. Левое крыло Поалей-Цион — тоже, в 1921[90]. (Ещё и в 1926 по партийной переписи РКП числилось до двух с половиной тысяч бывших бундистов. Конечно, иные из них потом попали под колесо: «при Сталине большинство их было подвергнуто жестоким преследованиям»[91].)

Бикерман восклицает: «Бунд, разыгрывавший роль представителя “еврейских рабочих масс”, присоединился большей и более активной своей частью к большевикам»[92].

А Давид Азбель в своих мемуарах частично объясняет мотивы такого перехода по дяде своему, Арону Исааковичу Вайнштейну, крупному бундисту, только что упомянутому выше: «Он раньше других постиг, что его партия, так же как и другие социалистические партии, обречена на гибель... Понял он и другое: выжить и защитить интересы евреев он сможет только примкнув к большевикам»[93].

И — у скольких же был такой мотив перехода в коммунисты: 1) выжить; 2) защитить интересы евреев? На время — удавалось и то и другое.

Не менее отметно, что после Октября и другие социалистические партии — эсеры и меньшевики, как мы знаем, имевшие евреев многочисленно в своём руководстве, — не стали каменной стеной против большевизма; пренебрежа даже тем, что большевики разогнали их Учредительное Собрание, — замялись, заколебались, тоже раскололись, объявляли то нейтралитет в Гражданской войне, то выжидание, а эсеры открыли большевикам участок Восточного фронта и взялись разлагать белые тылы.

Но и в числе лидеров рабочего сопротивления большевикам в 1918 встречаются еврейские имена; в числе 26, подписавших в Таганской тюрьме «Открытое письмо заключённых по делу Рабочего съезда» — еврейских имён,

---

[90] *С.Диманштейн.* Революционное движение среди евреев // 1905: История революционного движения в отдельных очерках / Под ред. М.Н.Покровского. М.;Л.: ГИЗ, 1927. Т.3. Вып.1, с.125.

[91] КЕЭ, т.1, с.560.

[92] *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с.44.

[93] *Д.Азбель.* До, во время и после // ВМ. Нью-Йорк, 1989, № 104, с.231.

видимо, четверть[94]. И к этим меньшевикам большевики были беспощадны. Летом 1918 расстрел Р. Абрамовича, крупного меньшевицкого лидера, был остановлен лишь письмом Ленину из австрийской тюрьмы помилованного в Австрии Фридриха Адлера, убийцы австрийского премьера в 1916. — Стойко держались Григорий Бинншток, Семён Вайнштейн — и после многих арестов высланы-таки за границу[95].

В феврале 1921 в Петрограде меньшевики хотя и поддерживали недовольство голодных и обманутых рабочих, хотя и подталкивали их к протестам и стачкам — но нерешительно. И не хватило у них смелости возглавить это движение в момент Кронштадтского восстания. А всё равно — пострадали.

Немало мы знаем и меньшевиков, перешедших к большевикам, — эта лёгкость перемены партийного ярлыка. — «Примкнул» Борис Магидов (пошёл начальником политотделов 10-й армии, затем всего Донбасса, секретарём Полтавского, Самарского губкомов, инструктором ЦК). — Прямые перебежчики были: Абрам Деборин (и пошёл по вершинам красной профессуры, и всем нам морочил голову диаматом-истматом); Александр Гойхбарг (Сибревком, обвинитель на процессе колчаковских министров, в коллегии наркомюста и до председателя Малого совнаркома). И одни долго устаивали до ареста, как И. Ляховецкий-Майский[96], другие — в большом числе раздавлены, начиная с процесса измышленного «Союзного бюро меньшевиков» в 1931 (туда попал и Гиммер-Суханов, теоретик тактики Исполнительного Комитета в марте 1917). Устроена была большая облава на них по всему Союзу.

Из перемётчиков от эсеров можно отметить Якова Лившица (с 1919 — зампред Черниговской Губчека, потом Харьковской, затем и председатель Киевской Губчека, быстро продвигался, до зампреда ГПУ Украины). — Из перебежчиков от анархо-коммунистов выделился Лазарь Коган

---

94 Независимое рабочее движение в 1918 году: Документы и материалы / Сост. М. Бернштам. Париж: YMCA-Press, 1981, с. 291–293. — Исследования Новейшей Русской Истории (ИНРИ). [т.] 2.

95 РЕЭ, т. 1, с. 135–136, 199–200.

96 Там же, с. 331, 419; т. 2, с. 221–222, 230.

(армейский Особотдел, пом. нач. войск ВЧК, с 1930 — начальник ГУЛага, с 1931 — возглавил Беломорстрой НКВД.) — Встречаются и вовсе извилистые биографии: Илья Кит-Вийтенко, лейтенант австрийской армии, попал к русским в плен; с большевиков пошёл по младшим командным должностям ЧК-ГПУ, потом армейским, и в 30-е годы — один из реформаторов РККА. *Сидел* 20 лет[97].

А что ж — сионисты? Мы помним, что в 1906 они постановили и возгласили, что не могут остаться в стороне от общероссийской борьбы против самодержавного гнёта и активно включаются в неё. Вопреки этому, в мае 1918, при общероссийском гнёте никак уж не меньшем, — они объявили, что в вопросах внутрироссийской политики теперь будут нейтральны, «очевидно в надежде предотвратить» со стороны большевиков «обвинение в контрреволюционности»[98]. И сперва — сработало. Весь 1918 и половину 1919 не испытывали от большевиков стеснений, летом 1918 ещё провели в Москве всероссийский съезд еврейских общин, и в сотнях общин «Палестинскую неделю», без препятствий выходили их газеты, создан юношеский «Гехалуц»[99]. — Весной 1919 то там то здесь местные власти начали закрывать сионистскую прессу. А осенью 1919 иных сионистов брали под арест («шпионаж в пользу Англии»). Весной 1920 сионисты устроили в Москве свою всероссийскую конференцию, — однако все участники её (90 человек) были посажены в Бутырки, некоторые получили и сроки — но отхлопотаны приехавшей из Америки делегацией еврейских профсоюзов. «Президиум ВЧК объявил, что сионистская организация является контрреволюционной и её деятельность запрещается в Советской России... С того времени для сионистов началась пора подполья»[100].

Вдумчивый М. Хейфец уместно напоминает: ведь с Октябрьским переворотом точно совпала по времени и декларация Бальфура — первый реальный шаг на пути создания

---

97 РЕЭ, т. 2, с. 36, 51–52, 176.

98 *И.Б. Шехтман.* Советская Россия, сионизм и Израиль // КРЕ-2, с. 317.

99 Там же, с. 315.

100 *С. Гепштейн.* Русские сионисты в борьбе за Палестину // КРЕ-2, с. 390–392.

самостоятельной еврейской государственности. И что же? — «Часть еврейского поколения идёт путём Герцля и Жаботинского. Другая часть [и добавим: много бо́льшая] не выдержала искушения и пополняет банду Ленина-Троцкого-Сталина». (То самое, чего боялся Черчилль.) «Путь Герцля казался тогда далёким и почти нереальным. Путь Троцкого и Багрицкого позволял евреям выпрямиться сейчас, сразу же стать не просто равной нацией в России — но привилегированной»[101].

И тут виднейший перебежчик, конечно, Лев Мехлис (из «Поалей-Цион»). Карьера его широко известна: и в секретариате Сталина, и в редколлегии «Правды», и начальник Главного Политуправления Красной армии, и первый зам. наркома обороны, и нарком госконтроля и губитель нашего крымского десанта в 1942. И после членства в Оргбюро ЦК похоронен в кремлёвской стене[102].

Конечно, была значительная прослойка в российском еврействе, которая не приняла большевизма. Не ринулись в большевизм ни раввины, ни приват-доценты, ни известные врачи, ни масса обывателей. Тыркова пишет в том же месте своей книги, рядом: «Это еврейское преобладание среди советских властей приводило в отчаяние тех российских евреев, кто, вопреки жестокой несправедливости царского режима, видели в России свою родину, жили общей жизнью с русской интеллигенцией и вместе с нею отказывались как-либо сотрудничать с большевиками»[103]. — Но им не дан был тогда общественный голос, и эти страницы, естественно, заняты не их именами, а — победителями, взнуздавшими ход событий.

Отдельно возвышаются два прославленных террористических акта, оба еврейскими руками, против большевиков в 1918: убийство Урицкого Леонидом Каннегиссером и покушение на Ленина Фанни Каплан. И с этой стороны тоже еврейская судьба — оказаться в числе первых. Ну, при стрельбе в Ленина скорей были эсеровские счёты. Но в отношении Каннегиссера, потомственного дворянина по наследству от деда, и принятого в юнкера с лета 1917 (кстати — приятель Сергея Есенина), я вполне принимаю

101 *М. Хейфец.* Наши общие уроки // “22”, 1980, № 14, с. 162.

102 РЕЭ, т. 2, с. 276 - 277.

103 *Ariadna Tyrkova-Williams.* From Liberty to Brest-Litovsk, p. 299.

объяснение Марка Алданова: что это было чувство еврея, желающего и перед русским народом и перед историей противопоставить именам Урицкого и Зиновьева — еврейское имя. В таком духе он, перед покушением, передал записку сестре: что мстит за Брестский мир; и от чувства унижения за участие евреев в установлении власти большевиков; и за казнь в ПетроЧека своего товарища по артучилищу.

Надо сказать, в последнее время появились исследовательские статьи о сомнительных обстоятельствах обоих покушений[104]. Есть весьма убедительные соображения, что Фанни Каплан вовсе не стреляла в Ленина, а схвачена была для «закрытия следствия», удобная случайная жертва; и есть аргументы, что, мол, Каннегиссеру власти создали условия для такого выстрела. Во втором я очень сомневаюсь: ни ради какой провокации не стали бы большевики подставлять своего любимого председателя ЧК. — Но смущает, правда: каким образом в наступившем затем Красном Терроре, когда расстреливали по стране тысячи совсем невинных заложников, уж совсем посторонних к делу, — вся семья Каннегиссеров была выпущена из тюрьмы, а вскоре и за границу, — никак не по-большевицки! Или это какое же сильнейшее заступничество на самых большевицких верхах? — Из новейшей публикации узнаём даже, что родственники и друзья Л. Каннегиссера разрабатывали план вооружённого налёта на ПетроЧека, для освобождения Леонида, и все они были затем из-под ареста освобождены и продолжали жить в Петрограде непреследуемые. Объяснение такой милости большевицких властей усматривают в том, что они не хотели ссориться с влиятельными в Петрограде еврейскими кругами. Семья Каннегиссеров сохранила иудейское вероисповедание, а мать Леонида Розалия Эдуардовна на одном из допросов заявила, что Леонид убил Урицкого за то, что тот «ушёл от еврейства»[105].

---

104 *Б. Орлов.* Миф о Фанни Каплан // ВМ, 1975, № 2; *Г. Нилов.* Урицкий, Володарский и другие // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1989, № 6.

105 *Николай Коняев.* Он убивал, словно писал стихотворение // Дон. Ростов н/Д, 1995, № 10, с. 240–241, 250–252.

Вот и ещё еврейское имя, до сих пор незаслуженно мало известное, не прославленное, как следовало бы: героя антибольшевицкого подполья Александра Абрамовича Виленкина, в свои 17 лет пошедшего добровольцем на войну 1914 года, в гусары; получившего 4 георгиевских креста, произведенного в офицеры, а к революции уже в штаб-ротмистра; в 1918 — он в подпольном «Союзе защиты Родины и свободы»; схвачен чекистами лишь потому, что после провала организации задержался уничтожать документы. Собранный, умный, энергичный, непримиримый к большевикам, он и в подпольи и в тюрьмах вдохновлял многих других на сопротивление — и, разумеется, расстрелян чекистами. (Данные о нём — от его соучастника по подполью 1918 и потом сокамерника в советской тюрьме в 1919 Василия Фёдоровича Клементьева, капитана русской армии.)[106]

Этих борцов против большевизма — с какими бы то ни было побуждениями — мы помним и как евреев. Печально, что их оказалось мало. Как и всей соединённой белой силы в Гражданскую войну.

Большевицкую победу укрепил и бытейный, неслышимый процесс: к занявшим большевицкие посты, а с ними и всякие жизненные преимущества, и особенно в столицах с «бесхозными» квартирами от бежавших «бывших» людей, — изо всей бывшей черты оседлости потекли и потекли родственники на житьё. Это — тот самый «великий исход». Г.А. Ландау пишет: «Евреи приблизились к власти и заняли различные государственные “высоты”... Заняв эти места, естественно, что — как и всякий общественный слой — они уже чисто бытовым образом потащили за собой своих родных, знакомых, друзей детства, подруг молодости... Совершенно естественный процесс предоставления должностей людям, которых знаешь, которым доверяешь, которым покровительствуешь, наконец, которые надоеда-

---

[106] *В.Ф. Клементьев.* В большевицкой Москве (1918–1920). М.: Русский путь, 1998, с. 241–245. — Всероссийская Мемуарная Библиотека (ВМБ). Серия: Наше недавнее, [вып.] 3 .

ют и обступают, пользуясь знакомством, родством и связями, необычайно умножил число евреев в советском аппарате»[107]. — Не говорим уже, сколько родни понаехало к жене Зиновьева Лилиной, и о легендарно-щедрой раздаче Зиновьевым постов «своим». Это — только яркая точка, а перемещения были, неслышимые, не сразу заметные, — и в десятках тысяч персон. Одесса массами переезжала в Москву. (Да ведь и Троцкий снабдил подмосковным совхозом своего не слишком любимого отца.) — Перемещения эти можно проследить и по биографиям. Вот у Давида (не смешивать с Марком) Азбеля. В 1919 он, пареньком, беспрепятственно переехал из родного Чернигова в Москву. Уже у него были тут две тёти, — сперва к одной (в Гагаринский переулок, к уже упомянутой тёте Иде, «преуспевающей купчихе первой гильдии», а муж её — вернулся из Америки); потом к другой, тёте Лёле, в «1-й Дом Советов» («Националь»), где жила крупная советская знать. Шутка их соседа, прославленного позже Ульриха: «Странно, почему в “Национале” не открыть синагогу. Ведь здесь живут почти одни евреи». Переехавшая из Петербурга советская элита расселилась и во 2-м Доме Советов («Метрополь»), в 3-м (семинария в Божедомском пер.), 4-м (Моховая-Воздвиженка) и 5-м (Шереметьевский пер.): ресторан для обитателей дома, а «из закрытого распределителя получали обильные пайки. Икра, сыр, масло, балыки не сходили со стола» (это 1920 год). — «Всё было специальное, специально для новой элиты: детские сады, школы, клубы, библиотеки». (В 1921/22, году поволжского смертного голода и помощи АРА, — в их «опытно-показательной» школе столовая из того фонда АРА с «“американскими завтраками”: сладкой рисовой кашей, какао, белым хлебом и омлетом». И «никто не помнил о том, как только что горланили [на уроках], что всех буржуа нужно вздёрнуть на фонари».) «Мальчишки из соседних домов ненавидели “домсоветовских” и при первой возможности их нещадно били». — Приходит НЭП, «обитатели “Националя” стали... переселяться в комфортабельные квартиры, особняки, принадлежавшие ранее аристократам и буржуазии». В 1921

---

[107] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 110.

«предстояло лето в душной Москве»? Так пригласили на дачу под Москвой, в конфискованную усадьбу. А там «всё осталось, как при бывших владельцах». Только ещё огораживали их высокими заборами, ставили охрану у ворот. Комиссарши с детьми начали ездить на лучшие заграничные курорты. — При тогдашней разрухе, нехватке и укрытии товаров — занялись выгодной перепродажей и спекуляцией. «Скупив за бесценок огромное количество мануфактуры у бежавших за границу купцов», тётя Ида и дядя Миша тайно продавали её, стали, «вероятно, самыми богатыми людьми в Москве», — но в 1926 его посадили, на 5 лет, за «экономическую контрреволюцию». В конце НЭПа ему добавили ещё 10 лет лагерей[108].

А ещё, «когда большевики стали "правительством", тогда к ним потянулись и всякие другие представители еврейского люмпенпролетариата, впервые увидевшего возможность устроиться у казённого пирога»[109]. — А так как официально запрещена была открытая торговля и частное предпринимательство, то во многих еврейских семьях произошёл переворот в семейном быту: «по большей части зрелые люди деградировали, а мальчишки и девчёнки, лишённые духовного и социального "балласта", делая карьеру, оказывались кормильцами своих старших... Отсюда сугубое количество евреев в советском аппарате». Заметим: автор не оправдывает этот процесс как «единственный выход», а с горечью видит главное: «этот разрушительный процесс не встретил надлежащего сопротивления в еврейской среде», но нашёл «охочих исполнителей и сочувственную почву»[110].

Так множество евреев вступало в советский правящий класс.

И могло ли это, как бы ни было укрыто, не проступить явственно для русских низов?

И чем же отвечал на это обыватель? Или прибаутками: «Роза из Совнархоза, муж Хайки из Чрезвычайки». Или

---

[108] *Д. Азбель.* До, во время и после // ВМ, Нью-Йорк, 1989, № 104, с. 192–196, 199, 203, 209, 223, 225–226.

[109] *В.С. Мандель.* Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // РиЕ, с. 200.

[110] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 111–112.

анекдотами, засеявшими Москву уже с Восемнадцатого года: «чай Высоцкого, сахар Бродского, Россия Троцкого». — А с Украины отдавалось: «Гоп, мои гречаники! — уси жиды начальники!»

И такой пополз негласный лозунг: «Советы — без жидов!»

С тревогой писали в 1924 году соавторы сборника «Россия и евреи»: ясно, «что не все евреи — большевики и не все большевики — евреи, но не приходится теперь также долго доказывать непомерное и непомерно-рьяное участие евреев в истязании полуживой России большевиками. Обстоятельно, наоборот, нужно выяснить, как это участие евреев в губительном деле должно отразиться в сознании русского народа. Русский человек никогда прежде не видал еврея у власти»[111].

А теперь — увидал на каждом шагу. И во власти — жестокой и неограниченной.

«Во всём вопросе об ответственности еврейства за большевиков-евреев мы должны прежде всего считаться с психологией неевреев, всех тех русских людей, которые непосредственно пострадали от злодейств... Те еврейские общественные деятели, которые хотят предупредить кровавые трагедии в будущем... спасти русское еврейство от погромов, должны с этим фактом считаться»[112]. — «Надо понять психологию русских людей, когда они вдруг должны чувствовать над собой власть всей этой поганой мрази, заносчивой и грубой, самоуверенной и нахальной»[113].

Не для счётов нужно помнить историю. Не для взаимных обвинений — а чтобы объяснить, как же сталось такое непомерное участие евреев в восхождении (1918) государства — не только нечувствительного к русскому народу, не только неслиянного с русской историей, но и несущего все крайности *террора* своему населению.

Вопрос еврейского участия в большевиках — это *не* вопрос «чужеродства» или «инородства» этой власти. Когда мы говорим об обилии еврейских имён в управлении революционной Россией — это ведь картина не новая: а сколько

---

111 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 22.

112 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 212.

113 *Он же.* Русская революция и еврейство, с. 200.

германских и остзейских имён полтора-два века состояли в управлении Россией царской? Вопрос: в каком направлении для страны и народа эта власть действовала?

Однако, размышляет Д. Пасманик: «Пусть все вдумчивые русские люди ответят на один вопрос: мог бы большевизм, даже с Лениным во главе, победить, если бы в России было сытое, обеспеченное землёй и культурное крестьянство? Могли ли бы тогда все "Сионские мудрецы" вместе взятые, и даже с Троцким во главе, произвести великую смуту в России?»[114] — Он прав: не могли бы, конечно.

Но размышлять о евреях-большевиках — евреям бы первей, чем русским. Евреев этот отрезок истории должен бы затрагивать сильно, и по сегодняшний день. Именно в духе трезвого исторического взгляда, не ответить бы на массовое участие евреев в большевицком управлении и в большевицких зверствах — отмахом: то были подонки, оторванные от еврейства, — почему мы должны за них отвечать, одни за других?

Д.М. Штурман справедливо напоминает мне мои слова обо всех коммунистических вожаках любой нации: «все они ушли от своей национальности, предавшись бесчеловечью»[115]. Верно. Но верны и слова Пасманика в 20-е годы: «Мы не можем ограничиться заявлением, что еврейский народ не отвечает за те или иные действия отдельных его членов. Мы отвечаем за Троцкого, пока мы от него не отгородились»[116]. А отгородиться — не значит отмахнуться, наоборот: отречься от их *действий* — и до самого конца, и научиться на этом уроке.

Внимательно работав над биографией Троцкого, я согласен с мнением, что у него не было специфически-еврейских горячих привязанностей, а наоборот — ярый интернационализм. Так такого бы соплеменника — легче всего осудить? Но уже с восхода звезды Троцкого, с осени 1917, он стал для слишком многих предметом гордости, и чуть ли не кумиром радикально-левых кругов американского еврейства.

---

114 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 157.

115 *Д. Штурман.* Городу и миру. Париж; Нью-Йорк: Третья волна, 1988, с. 357.

116 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 11.

Да что там американского! В 50-е годы сидел со мной в лагере, ещё тогда юноша, Владимир Гершуни — страстный социалист, интернационалист, не было в нём никакого оттенка не то что религиозности, но, кажется, даже и еврейского сознания. В 60-е годы мы встречались на воле, и по какому-то поводу он дал мне свои заметки. И в них: что Троцкий — Прометей Октября, да не почему-нибудь, а прямо потому, что Троцкий — еврей: «Он был Прометеем не потому, что таким уродился, но потому, что он — дитя народа-Прометея, который, не будь он прикован к скале тупой злобы цепями тайной и явной вражды, ещё не столько бы сделал для человечества».

«Все исследователи, не одобряющие участие евреев в революции, склонны не признавать за этими евреями их национальности. Те же, — и среди них многие израильские историки, — кто интерпретируют еврейскую гегемонию как победу еврейского духа, восторженно превозносят их принадлежность к еврейству»[117].

Уже и в 20-х годах, сразу после Гражданской войны, звучали отречные доводы. В сборнике «Россия и евреи» их разбирал И.О. Левин (евреев среди большевиков не так много; и нет оснований всему народу отвечать за отдельных его членов; евреев преследовали в царской России — и вот поэтому... а в Гражданскую войну у большевиков искали защиты от погромов — и вот поэтому...) — и тогда же отвечал, что речь ведь идёт «об ответственности не уголовной», неизбежно персональной, а об ответственности м о р а л ь н о й[118].

Пасманик не считал, что от такой моральной ответственности можно будет отмыться. Всё же он искал здесь такое утешение: «Почему еврейская масса должна отвечать за мерзости отдельных евреев-комиссаров? Это, несомненно, глубоко несправедливо. Но... наложение на евреев круговой ответственности доказывает лишь, что признаётся наличие особой еврейской народности. В тот момент, когда евреи перестанут быть народностью, когда они превратятся в русских, немцев, англичан иудейского вероисповедания, они освободятся от тягот круговой поруки»[119].

---

117 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 99–100.

118 *И.О.Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 123.

119 *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 198.

Однако XX век показал нам именно признание еврейской народности, с якорем в Израиле. А круговая ответственность народа — и ведь русского тоже — неотъемлема от его способности построить достойную жизнь.

Да, много доводов — почему евреи пошли в большевики (а в Гражданской войне увидим и ещё новые веские). Однако, если у русских евреев память об этом периоде останется в первую очередь *оправдательной*, — потерян, понижен будет уровень еврейского самопонимания.

Та́к ведь и немцы могли отговариваться за гитлеровское время: «то были не настоящие немцы, а подонки», они нас не спрашивали. Однако приходится каждому народу морально отвечать за всё своё прошлое — и за то, которое позорно. И как отвечать? Попыткой *осмыслить* — почему такое было допущено? в чём здесь *наша* ошибка? и возможно ли это опять?

В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать и за своих революционных головорезов, и за готовные шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и перед своим сознанием, перед Богом. — Как и мы, русские, должны отвечать и за погромы, и за тех беспощадных крестьян-поджигателей, за тех обезумелых революционных солдат, и за зверей-матросов. (О них, думаю, я сказал достаточно выпукло в «Красном Колесе». Ну, добавлю здесь один пример: вот тот красногвардеец Басов, конвоир Шингарёва, народного заступника и правдолюбца, — сперва взявший у сестры арестанта деньги на чай и в оплату за конвоирование его из Петропавловки в Мариинскую больницу, то есть за то, что не дал Шингарёву ни минуты свободы, — и через несколько часов, в ту же ночь, приведший в больницу матросов: застрелить его и Кокошкина[120]. В этом мерзком типе — сколько же нашего!!)

Отвечать, как отвечаем же мы за членов своей семьи.

А если снять ответственность за действия своих одноплеменников, то и понятие *нации* вообще теряет всякий живой смысл.

---

120 *А.И.Шингарёва.* [Послесловие] // Дневник А.И.Шингарёва. Как это было: Петропавловская крепость 27. XI. 1917 — 5. I. 1918. 2-е изд., М., 1918, с. 66–68.

Глава 16 — В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Троцкий как-то похвастался, что «даже» в своём реввоенсоветском вагоне в Гражданскую войну он «находил время» знакомиться с новинками французской литературы.

И ведь — не заметил, что сказал. Не время он находил, а — место в сердце, оставался у него такой объём в сердце между воззваниями «к революционным морякам» или насильно собранным красноармейским частям — и брошенным приказом расстрелять каждого десятого в дрогнувшей части, а уж смотреть *исполнение* он не оставался.

На обширных равнинах России он вёл кроволитную войну, нисколько не затронутый небывалыми страданиями жителей этой страны, её болями, — он проносился выше, выше всего этого, на крыльях интернационального упоения.

Февральская Революция была революция российская: как ни безоглядна, ошибочна и пагубна — она не стремилась *расстрелять* всю прежнюю жизнь, уничтожить всю прежнюю Россию. А сразу же от Октября — революция обернулась *интернациональной*, и сокрушительницей по преимуществу, — питалась она пожиранием, уничтожением того строя, который оказался под рукой: что́ построено — всё разрушить; что́ выращено — реквизировать; кто́ сопротивляется — расстрелять. Красные заняты были лишь великим социальным экспериментом, рассчитанным на повторение, расширение и международное воплощение.

Такой лёгкий, с наскоку, Октябрьский переворот разворошился в лютую трёхлетнюю Гражданскую войну, — и несла она неисчислимые кровавые беды всему населению России.

На бесчеловечный замысел и опыт красных наслаивалась и многонациональность бывшей Империи, и пушечная отдача прошедшей Великой войны. Во время первой Французской революции на территории однонациональ-

ной Франции, кроме короткого вторжения враждебных войск, никакие иностранцы не действовали, — та революция и все её ужасы так и были от начала до конца национальными. В нашей революции — ещё отдельную страшную печать наложило это многонациональное беснование: обильное участие красных латышей (российских подданных), да бывших немецко-австрийских военнопленных, ещё сведенных целыми полками, как мадьяры, и даже немалого числа китайцев. Конечно, главную боевую массу красных составляли русские же — одни загнанные террором расстрельных мобилизаций, другие в обезумелой вере, что завоёвывают себе счастливое будущее. И в этой пестроте никак не теряются евреи, тоже российские подданные.

Политически активная часть российского еврейства, поддержавшая гражданскую власть большевиков в конце 1917, — теперь также решительно шагнула и в военные структуры большевиков. В годы, первые после Октября, в угаре интернационализма, власть в этой огромной стране сама шла в руки прильнувшим к большевизму — и ошеломляла их открывшейся своей безграничностью; и они (во имя высоких идеалов, конечно, а кто — и низких, «упорство фанатизма у одних, умение приспособляться у других»[1]) стали пользоваться этой властью без оглядки, без боязни контроля. Вообразить, что Гражданская война уже в 1919 запалит по всему Югу небывалые по жестокости и по жертвам еврейские погромы — тогда никому не было дано.

О том, что́ значила многонациональная война, можем судить по красному погрому при подавлении кронштадтского восстания в марте 1921. Пишет известный эсер и социолог: «Три дня латышское, башкирское, венгерское, татарское, русское, еврейское и международное отребье, свободное от всех ограничений, обезумевшее от кровавой похоти и спиртного, убивало и насиловало»[2].

А вот — от рядовых воспоминателей. На Крещение 1918 года в Туле из ворот кремля выходит православный

---

[1] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 117 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

[2] *Pitirim Sorokin.* Leaves from a Russian Diary. New York: E.F. Dutton & Co., 1925, p. 267.

крестный ход — а «интернациональный отряд» расстреливает его.

Но хоть и с беспощадными интернациональными отрядами, а одной «красной гвардией» уже было не обойтись. Большевицкой власти требовалась регулярная армия. В 1918 году «Лев Троцкий с помощью Склянского и Якова Свердлова сформировал Красную армию». В её рядах «сражалось много евреев. Несколько подразделений Красной армии состояли целиком из евреев, как, например, бригада под командованием Иосефа Фурмана»[3]. В командном составе РККА доля евреев выросла в объёмное и значимое участие, продолженное многими годами и после Гражданской. Участие это исследовалось несколькими еврейскими авторами и энциклопедиями.

В 80-е годы израильский исследователь Арон Абрамович, используя многие советские издания, — «50 лет Вооружённых Сил СССР», Советскую Историческую Энциклопедию, сборники «Директив командования фронтов Красной Армии» и другие, — составил подробные именные перечни участия именно и только евреев на командных постах Красной армии, начиная с Гражданской войны и включая Вторую Мировую войну, с указанием и дат, от которой по которую данный командир занимал данный пост.

Перелистаем страницы, отведенные А. Абрамовичем Гражданской войне[4]. Это — обширные списки, начиная с членов Реввоенсовета Республики (кроме Троцкого и Э. Склянского — состояли там А. Розенгольц, Я. Драбкин-Гусев). По приказу Троцкого «были образованы фронты с их штабами, а также новые армии», и «почти во все Реввоенсоветы фронтов и армий входили евреи» (перечисляет наиболее известных: тут Д. Вайман, Е. Пятницкий, Л. Глезаров, Л. Печерский, И. Славин, М. Лисовский, Г. Биткер, Бела Кун, Бриллиант-Сокольников, И. Ходоровский). — Ещё раньше, в начале Гражданской войны, «Чрезвычайный штаб Петроградского военного округа» возглавил Урицкий, а в петроградский Комитет революционной обороны вошли: Свердлов (председатель), Володарский, Драбкин-Гусев, Я. Фишман (от левых эсеров), Г. Чуд-

---

[3] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Кетер, 1976. Т. 1, с. 686.

[4] *Арон Абрамович*. В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. 2-е изд. Тель-Авив, 1982. Т. 1, с. 45–61.

новский. В мае 1918 среди 11 комиссаров военных округов стали два еврея: Московского — Е. Ярославский-Губельман, Ярославского — С. Нахимсон. — Были евреи на протяжении войны и командующими армиями: 3-й, а затем 7-й армиями Восточного фронта — М. Лашевич, 3-й Западного — В. Лазаревич, 8-й Южного — Г. Сокольников, 9-й — Н. Соркин, 14-й — И. Якир. «Начальниками штабов армии были...», «в реввоенсоветах армий один или два из трёх его членов были евреями» (и перечисляются, во всех двадцати армиях). — «Командирами (начальниками) дивизий были евреи...» (длинный перечень): «военкомами дивизий были...» (то есть военными комиссарами, идейное руководство, перечень втрое длинней); «начальниками штабов дивизий были...» (большой перечень). — «Командирами бригад...», «комиссарами бригад...»; «командирами полков и отрядов...» (список короткий). «Начальниками политотделов...»; «председателями Ревтрибуналов были...»; «особенно велик был процент евреев среди политработников всех звеньев Красной Армии...». — «Видную роль играли евреи в снабжении фронтов, армий и дивизий. Назовём некоторых...»; «евреи занимали крупные должности и в военной медицине: начальников санитарных управлений фронтов и армий, старших врачей соединений, частей...». А «те евреи, которые... стали командирами соединений, частей и подразделений, выделились своей отвагой, героизмом и полководческим мастерством»: однако «обзорный характер этой главы не позволяет дать подробные описания подвигов красноармейцев, командиров и политработников — евреев». (В списке командармов исследователь упустил ещё Тихона Хвесина — он последовательно командовал 4-й армией Восточного фронта, 8-й армией Южного, донской группой войск, затем 1-й армией Туркестанского фронта[5].)

О некоторых командирах добавляет или поясняет Российская Еврейская энциклопедия. (Тут, может быть, место сказать о ней. Начатая в 1994 году, в новые беззапретные времена, она сделала честный выбор: писать без утайки обо всём — и о том, что нынче не составляет гордости.)

Драбкин-Гусев с 1921 года стал начальником Политуправления и всей Красной армии, потом возглавлял Истпарт, был видной фигурой в Коминтерне, похоронен в кремлёвской стене. — Михаил Гаскович-Лашевич после многих реввоенсоветов командовал Сибирским военным округом, был 1-й зампред Реввоенсовета СССР (но похоронен лишь на Марсовом поле). — Израиль Разгон перебыл и военкомом штаба Петроградского округа (подавлял кронштадтское восстание), потом командовал Бухарской Красной армией (подавление среднеазиатского восстания), был и в штабе Черноморского флота. — Борис Гольдберг — губвоенком Томской области,

[5] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1997. Т. 3, с. 285.

потом Пермской, потом Приволжского военного округа и командующий Запасной Армией Республики; позже «один из создателей советской гражданской авиации». — Модест Рубинштейн — зампред Военно-Революционного комитета Особой армии, начальник политотдела армейской группы войск. — Борис Иппо — начальник Политуправления Черноморского флота. (Позже переведен в Политуправления Балтийского флота, Туркестанского фронта, начальник Политуправления Среднеазиатского военного округа, затем Кавказской армии.) — Михаил Ланда — начальник политотдела армии, потом зам. нач. Политуправления РККА (потом — начальник Политуправления Белорусского военного округа, потом Сибирского). — Лев Берлин — комиссар волжской военной флотилии (потом — в Политуправлении Крымской армии, потом — Балтийского флота)[6].

А сколько действовало ярких фигур меньшего командного масштаба? Недавний скромный подмастерье в часовой мастерской Свердлова-отца Борис Скундин — в Гражданскую войну развернулся военкомом дивизии, комиссаром штаба армии, политинспектором фронта, наконец — зам. нач. политотдела 1-й Конной армии. — Или Авенир Ханукаев: командир партизанского отряда, в 1919 преданный суду ревтрибунала за бандитизм при захвате Ашхабада, оправдан, и в том же 1919 — политуполномоченный Турккомиссии ВЦИК-СНК по Кашгарии, Бухаре и Хиве. — Моисей Винницкий («Мишка-Япончик»). Ещё с 1905 то в отряде еврейской самообороны, то возглавлял шайку налётчиков, освобождён с каторги Февралём — возглавил еврейскую боевую дружину в Одессе, но и — одесский криминальный мир. В 1919 — в Красной армии командир батальона особого назначения и командир стрелкового полка, «сформированного из анархистов и уголовников». Но и расстрелян (своими). — Не упущен и военком Исай Цалькович: в 1921 при подавлении Кронштадтского восстания он командовал сводной ротой курсантов[7].

Видим и незаурядных женщин в командных должностях: Надежду Островскую, из председательницы Владимирского губкома — до начальника политотдела 10-й армии. — И Ревекку Пластинину — Архангельский губревком, губком, о ней — чуть ниже. — Сюда ли отнести Цецилию Зеликсон-Бобровскую (в юности — швея в Варшаве, в Гражданскую войну — заведующая *военным* отделом МК РКП?[8] — А ещё же фурия Евгения Бош. И сестра её Елена Розмирович.

Или, вот, привыкли мы, советские, к звучанию: «корпус Червонного казачества». Но то не было казачество, обратившееся к красному сознанию, а бандитское (переодевались для обмана и в

---

[6] РЕЭ, т. 1, с. 122, 340, 404, 515; т. 2, с. 120, 126, 434, 511.

[7] РЕЭ, т. 3, с. 61, 278, 305, 503.

[8] РЕЭ, т. 1, с. 144; т. 2, с. 354, 388–389.

форму белых), образованное изо всех наций, до румын и китайцев, с целым латышским кавалерийским полком, с русским командиром Виталием Примаковым, а политотдел корпуса возглавлял И.И. Минц (во 2-й дивизии Исаак Гринберг), начальником штаба — С. Туровский, оперативную часть штаба — А. Шильман, редактор дивизионной газеты — С. Давидсон, адм. отдел штаба — Я. Рубинов[9].

Но взялись перечислять — оглядимся же и по знаменитым верхам Красной армии, неувядающие имена: Владимир Антонов-Овсеенко, Василий Блюхер, Семён Будённый, Клим Ворошилов, Борис Думенко, Павел Дыбенко, Олеко Дундич, Дмитрий Жлоба, Василий Киквидзе, Епифан Ковтюх, Григорий Котовский, Филипп Миронов, Михаил Муравьёв, опять же Виталий Примаков, Иван Сорокин, Семён Тимошенко, Михаил Тухачевский, Иероним Уборевич, Михаил Фрунзе, Василий Чапаев, Ефим Щаденко, Николай Щорс. А пожалуй, обошлись бы они и без евреев?

Да ведь и сотни и тысячи — *русских* генералов и офицеров, из императорской армии, кто служил в Красной армии большевикам, пусть не в политотделах (туда их не приглашали), но тоже на немалых постах (правда, с комиссаром у затылка, многие — под угрозой расправы с семьями, особенно при военно-тактических неудачах), и принёс им неисчислимую пользу, может быть даже решающий вклад в победу красных. Да «одних офицеров генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков»[10].

Не упустим и первоначальную, губительную восприимчивость русских крестьян (далеко не всех, конечно) к большевицкой пропаганде. Шульгин отметил без смягчений: «“Смерть буржуям” потому так удалась в России, что запах крови пьянит, увы, слишком многих русских; и сатанеют они, как звери»[11].

Однако не занесёмся же и в неоглядную крайность, вроде: «Наиретивейшими стрелками в чрезвычайках... яв-

---

[9] Червонное казачество: воспоминания ветеранов: [Сб.] М.: Воениздат, 1969.

[10] *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России (далее — *В.В. Шульгин*). Париж, 1929, с. 145.

[11] Там же, с. 157.

ляются вовсе не какие-то “ритуальные евреи”, а недавние верные слуги престола, генералы и офицеры»[12]. Стали бы их там терпеть, в ЧК! Туда их приглашали только самих под расстрел. Но что за запальчивость? Те евреи, что служили в ЧК, — конечно были не «какие-то ритуальные», а молодые «идейные», с революционным мусором в голове. Да, наверное, и не *стрелками* они служили по большей части — а следователями.

Созданная в конце 1917, ЧК мгновенно налилась силой и уже с начала 1918 наводила смертный ужас на всё население. Вот эта *Чрезвычайка* и начала *Красный Террор*, начала задолго до официального объявления 5 сентября 1918: начала от момента своего создания в декабре 1917 и продолжала много позже конца Гражданской войны. Уже в январе 1918 действовала «смертная казнь на месте без суда и разбирательства». Дальше пошёл захват сотен, потом и тысяч ни в чём не повинных *заложников*, массовые ночные расстрелы их или утопление целыми баржами. Историк С.П. Мельгунов, сам посидевший под топором в тюрьмах ЧК, незабываемо отразил всю эпопею Красного Террора в своей знаменитой книге. «Не было города, не было волости, где не появлялись бы отделения всесильной всероссийской Чрезвычайной Комиссии, которая отныне становится основным нервом государственного управления и поглощает собой последние остатки права»; «не было места [в РСФСР], где бы не происходили расстрелы»; «одним словесным распоряжением одного человека [Дзержинского] обрекались на немедленную смерть многие тысячи людей». А и в случае разбирательства — открыто предписывалось (М. Лацис в бюллетене «Красный Террор» от 1 ноября и в «Правде» от 25 декабря 1918): «Не ищите на следствии материала и доказательства того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого». Мельгунов отмечает: «Лацис отнюдь не был оригинален, копируя лишь сло-

---

12 *Б. Мирский.* Чёрная сотня // Еврейская трибуна: Еженедельник, посвященный интересам русских евреев. Париж, 1924, 1 февраля, с. 3.

ва Робеспьера в Конвенте... о массовом терроре: “чтобы казнить врагов отечества, достаточно установлять их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их”». Установки центра подхватываются «Еженедельниками ВЧК» по всей России, Мельгунов много цитирует их: «В Киеве печатается “Красный меч”... читаем в статье редактора Льва Крайняго: “Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией”... “Объявленный красный террор, — вторит ему тут же некто Шварц, — нужно проводить по-пролетарски... Если для утверждения пролетарской диктатуры во всём мире нам необходимо уничтожить всех слуг царизма и капитала, то мы перед этим не остановимся”»[13].

Это был *целенаправленный*, наперёд задуманный и многолетний Террор. Мельгунов приводит и предположительные (точные были практически недоступны в те годы) цифры жертв, «небывалый размах убийств». — Но, «пожалуй, эти ужасы... по количеству жертв бледнеют перед тем, что происходило на Юге после окончания гражданской войны. Крушилась Деникинская власть. Вступала новая власть, и вместе с нею шла кровавая полоса террора мести, и только мести. Это была уже не гражданская война, а уничтожение прежнего противника». Волнами — облавы, обыски, новые облавы и аресты. «Берутся целые камеры из тюрем и поголовно расстреливаются... Действует пулемёт, ибо жертв слишком много, чтобы расстреливать по одиночке»; «казнят 15–16-летних детей и 60-летних стариков». Из объявления ВЧК в октябре 1920 на Кубани: «Станицы и селения, которые укрывают белых и зелёных, будут уничтожены, всё взрослое население расстреляно, всё имущество — конфисковано». После ухода Врангеля «Крым назывался “Всероссийским Кладбищем”» (расстреляно по разным исчислениям 120 и даже до 150 тысяч). «В Севастополе не только расстреливали, но и вешали; вешали даже не десятками, а сотнями», был «Нахимовский проспект увешан трупами... арестованных на улице и тут же наспех казнённых без суда». Террор в Крыму продолжался и в 1921[14].

---

13 *С.П. Мельгунов*. «Красный Террор» в России, 1918–1923. 2-е изд., доп. Берлин: Ватага, 1924, с. 43, 48, 57, 70–71, 72–73.

14 Там же, с. 50, 99, 100, 105, 109, 113.

Но сколь ни углубляться в историю ЧК, Особотделов, ЧОНов — слишком много деяний и имён останутся навсегда неизвестными, засыпанные прахом истлевших свидетелей и пеплом сожжённых большевицких документов. Хотя и сохранившиеся избыточно красноречивы. Вот в архиве Троцкого в Колумбийском университете — копия секретной «Выписки из протокола заседания Политического Бюро ЦК РКПб» от 18 апреля 1919.

«Присутствовали тт. Ленин, Крестинский, Сталин, Троцкий.

Слушали: ...3. Заявление т. Троцкого о том, что огромный процент работников прифронтовых Ч.К., прифронтовых и тыловых исполкомов и центральных советских учреждений составляют латыши и евреи, что процент их на самом фронте сравнительно невелик и что по этому поводу среди красноармейцев ведётся и находит некоторый отклик сильная шовинистская агитация и что, по мнению т. Троцкого, необходимо перераспределение партийных сил в смысле более равномерного распределения работников всех национальностей между фронтом и тылом.

Постановили: Предложить т. Троцкому и Смилге составить соответствующий доклад, как директиву Ц.К., комиссиям, распределяющим силы между центральными и местными организациями и фронтом» [15].

Но худо верится, чтобы то совещание дало результат. Современный исследователь, первым обратившийся к «проблеме роли и места евреев (как и представителей других национальных меньшинств) в советском аппарате», выводит на основе открывшихся архивных материалов, что «на начальном этапе деятельности карательных органов, в эпоху красного террора, национальные меньшинства составляли около 50% центрального аппарата ВЧК. При этом доля [их] на ответственных должностях в аппарате достигала 70%» [16]. Автор приводит статистические данные на 25 сентября 1918 года: среди национальных меньшинств, на фоне множества латышей и изрядного числа поляков,

---

[15] Columbia University, New York, Trotsky's Archive, bMs Russ 13 T-160, Дело: «Партийная переписка № 9 за 1919 г.», с. 9.

[16] *Л.Ю. Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 321, 344.

5—4917

весьма заметны и евреи, особенно среди «ответственных и активных сотрудников ВЧК», комиссаров и следователей. Например, среди «следователей отдела по борьбе с контрреволюцией — наиболее важного в структуре ВЧК — половину составляли евреи»[17].

Вот, по данным Российской Еврейской Энциклопедии, несколько чекистов самого раннего призыва, с их послужными списками[18].

Скромный Вениамин Герсон с 1918 в ЧК, с 1920 — личный секретарь Дзержинского. — Уже упомянутый Израиль Леплевский из бундовцев в 1917 примкнул к большевикам, с 1918 в ЧК, начальник Подольского губотдела ГПУ, потом Одесского Особотдела. (А поднимался и до начальника ОГПУ СССР! потом — нарком внутренних дел БССР и УССР.) — Зиновий Кацнельсон: сразу после Октября в ЧК; начальник Особотделов нескольких армий, потом всего Южного фронта, потом в верхушке самого ВЧК, затем председатель Архангельской губ. ЧК, Закавказской ЧК, Северокавказского ГПУ, Харьковского ГПУ, зам. наркома внутренних дел Украины, зам. начальника ГУЛага. — Соломон Могилевский. Уже в 1917 — председатель Иваново-вознесенского трибунала, с 1918 руководит Саратовской ЧК; и снова в трибунале, теперь армейском; и зам. следственной частью МЧК; начальник иностранного отдела ВЧК; председатель Закавказской ЧК.

Задумывался ли о масштабах своих действий Игнатий Визнер, ведя следствие по делу Николая Гумилёва? Когда ему? Он служил и в Особотделе при президиуме ВЧК, создал Брянскую ЧК, был следователем по делу Кронштадтского мятежа — и особоуполномоченный Президиума ВЧК–ГПУ по особо важным делам. — Или Лев Левин-Бельский, недавний бундовец: в 1918-1919 председатель Симбирской губ. ЧК, потом нач. Особотдела 8-й армии, потом председатель Астраханской губ. ЧК, с 1921 — полпред ВЧК на Дальнем Востоке, с 1923 — полпред ОГПУ в Средней Азии, с начала 30-х — в Московском управлении ОГПУ. (Далее — и зам. наркома внутренних дел СССР.)

Вот Наум (Леонид) Этингон: в ЧК с 1919, председатель Смоленской губ. ЧК (дальше в Башкирском ГПУ, ещё позже — организатор убийства Троцкого). — Исаак (Семён) Шварц, в 1918–1919 первый председатель Всеукраинской ЧК. — А на смену ему Яков Лившиц, в 1919 — начальник секретно-оперативного отдела Киев-

---

17 *Л.Ю. Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция, с. 327–329.

18 РЕЭ, т. 1, с. 106, 124, 223, 288; т. 2, с. 22, 176, 302, 350, 393; т. 3, с. 374, 473.

ской губ. ЧК и зампред её, потом зампред Черниговской губ. ЧК, Харьковской губ. ЧК; начальник оперативного штаба Всеукраинской ЧК; в 1921–1922 — председатель Киевской губ. ЧК.

Знаменитый Матвей Берман. Начал с уездной ЧК на Северном Урале, в 1919 пом. нач. Екатеринбургской губ. ЧК, с 1920 председатель Томской, с 1923 — Бурят-монгольской, с 1924 зам. нач. ОГПУ всей Средней Азии, с 1928 нач. Владивостокского ОГПУ, с 1932 — начальник всего ГУЛага, с 1936 — и зам. наркома НКВД. (У него и брат Борис, пошёл в Органы с 1920, с 1936 — зам. нач. внешней разведки НКВД.) — Много послужил отождествлению образа еврея и чекиста и «солдатский вождь» 1917 года Борис Позерн, комиссар Петрокоммуны, вместе с Зиновьевым и Дзержинским подписал 2 сентября 1918 воззвание о «красном терроре». — (Упущен Энциклопедией Александр Иоселевич, секретарь ПетроЧека, в сентябре 1918 подписавший вслед за Глебом Бокием списки расстреливаемых в порядке того Красного Террора.)

Есть и более чем известные — Яков Агранов, чекист, феноменально успешливый в расправах, — издумщик «таганцевского заговора» (и убийца Гумилёва), направлявший и «жестокие допросы участников Кронштадтского восстания». — Тоже общеизвестен и Яков Блюмкин — участвовал в убийстве немецкого посла (1918), арестован, амнистирован, затем в секретариате Троцкого, затем в Монголии, в Закавказьи, на Ближнем Востоке, расстрелян в 1929 году.

А за каждым организатором ЧК ещё сколько же было привлечённых в штат... И встречались с ними на допросах, в подвалах и на расстрелах — сотни и тысячи невинных людей.

Среди которых — находим и евреев. При массовом коммунистическом ударе по «буржуазии» это были в основном торговцы. «В Малоархангельском уезде одного торговца (Юшкевича) коммунистический отряд за невзнос налога посадил на раскалённую чугунную плиту печки». (Там же: крестьян, не выполнивших продразвёрстку, опускали на верёвках в колодцы, «топить», а то, за невзнос революционного налога, превращали людей в ледяные столбы — это где кто как выдумает.)[19] — Приводит и Короленко случай, как мельники Аронов и Миркин были бессудно расстреляны за то, что нарушили несуразную коммунистическую цену на

---

[19] *С.С. Маслов.* Россия после четырёх лет революции (далее — *С.С. Маслов*). Париж: Русская печать, 1922. Кн. 2, с. 193.

муку[20]. — Ещё и такой пример. Бывший киевский губернатор Суковкин в 1913 выступил в защиту Бейлиса. С приходом красных арестован. Тысячи киевских евреев подписали прошение в его защиту — но ЧК расстреляла его.

Как же объяснить, что население России — в целом — сочло новый террор «еврейским террором»? Ведь сколько и ни к чему не касавшихся евреев обвинены так? Почему и в красных рядах, как мы прочли, и в белых, вообще у народа, — отложилось впечатление, что чекисты и евреи — едва ли не одно и то же? И кто виновен в таком впечатлении? — Многие, в том числе и Белая армия, о чём ниже. Но никак не в последнюю очередь сами те чекисты, кто ревностной службой в верхушке ЧК послужил такому отождествлению.

Сегодня звучат горькие жалобы — ведь к власти прильнули не только же те евреи? и почему ожидать от тех евреев-чекистов поведение снисходительнее остальных? Справедливо. Но эти возражения не изменят горькой несомненности: к тем чекистам-евреям, в то время *верховным*, по положению и чинам, представителям российских евреев (как страшно это ни звучит), прикатила власть в неслыханных размерах, каких эти чекисты ещё недавно и вообразить не могли. И эти (*не* избранные своим народом) его представители не нашли в себе самоудержания, проверяющей трезвости — опомниться, остановиться, устраниться. По пословице: ах, не торопись хватать, одуй пальцы! А еврейский — хотя не избиравший тех чекистов — народ, еврейская городская, уже многочисленная и активная общественность (были же среди них и благоразумные старики?!) тоже не сумели остановить их: ведь мы же — малое меньшинство в этой стране. (Да уже в те годы кто слушался стариков!)

Г. Ландау пишет: «Деклассирование, опрокинув все органические слои еврейства, уничтожило внутренние силы сопротивления и даже устойчивости, бросив и их под колесницу торжествующего большевизма». И находит, что, помимо идей социализма, сепаратистского национализма и перманентной революционности, «поразило нас то, чего

---

20 *П.И. Негретов.* В.Г. Короленко: Летопись жизни и творчества, 1917–1921 / Под ред. А.В. Храбровицкого. Москва: Книга, 1990, с. 151–154, 232–236.

мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде, — жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далёкому от физической воинственной жизни; вчера ещё не умевшие владеть ружьём, сегодня оказались среди палачествующих головорезов»[21].

Вот ещё о вышеупомянутой Ревекке Пластининой-Майзель из Архангельского губревкома: «Знаменитая жестокостью по северу России... [она] добровольно "дырявила затылки" и лбы... расстреляла собственноручно свыше ста человек». И тут же «о Баке, который за свою молодость и жестокость носил название "кровавого мальчика"» — сперва «в Томске, потом председатель губернской "чрезвычайки"» в Иркутске[22]. (А Пластинина свою карьеру пронесла и вплоть до Верховного Суда РСФСР, где состояла в 1940-х годах[23].) — Кто-то вспомнит карательный отряд Мандельбаума на архангельском севере, кто-то — отряд «Мишки-Япончика» на Украине...

И — чего ожидать от тамбовских крестьян, если в мрачном логове тамбовского губкома, в разгар подавления великого крестьянского восстания в этой срединно-русской чернозёмной губернии, вдохновители хлебной развёрстки, секретари губкома — П. Райвид и Пинсон, а зав. отделом пропаганды Эйдман? (Здесь же и А.Г. Шлихтер, мы помним его по Киеву 1905 г., — теперь председатель губисполкома.) Тамбовский губпродкомиссар, который непомерным отбором хлеба и вызвал восстание, — Я. Гольдин, а прославившийся начальник продотряда, *поровший* крестьян за несдачу, — Н. Марголин. (Да — и казнил.) По словам Какурина, начальника штаба у Тухачевского, полномочным представителем ВЧК по Тамбовской губернии в те месяцы был — Лев Левин. — Да не одни же евреи, разумеется! Но если с февраля 1921, когда за подавление восстания взялась сама Москва, верховное руководство подавлением, «Межведомственную комиссию по борьбе с бандитизмом», возглавил Эфраим Склянский, тамбовский крестьянин узнавал то из прокламаций и делал свои выводы.

Что говорить тогда о донском геноциде, — а в нём сотни тысяч уничтоженных донских казаков, возрастного цве-

---

21 *Г.А. Ландау*. Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с.117–118.

22 *С.С. Маслов*, с. 196.

23 РЕЭ, т. 2, с. 388–389.

та мужского казачества. С той историей, с теми счётами, что лежали между евреем (революционным) и казаком, — что ожидать и от казацкой памяти?

В августе 1919 Добровольческая армия вошла в Киев, раскрыла несколько чрезвычаек, ещё недавние трупы расстрелянных; именные списки их, составленные по траурным объявлениям, помещённым в возобновлённом «Киевлянине», приводит Шульгин[24], — это почти сплошь славянские имена; притом расстреливался «русский отбор». О киевской чрезвычайке и её командном составе можно прочесть в материалах «Особой Следственной Комиссии на Юге России» (показания арестованного в Киеве следователя ЧК)[25]: «Число сотрудников "чека" колебалось от 150 до 300... процентное отношение евреев к остальным сотрудникам "чека" равнялось 75 : 25, а командные должности находились почти исключительно в их руках». Из 20 членов Комиссии, т.е. головки, решавшей людские судьбы, 14 были евреи. «Все арестованные содержались или при "чека", или в Лукьяновской тюрьме... Для расстрела был оборудован специальный сарайчик — при доме на Институтской, № 40, уг. Левашевской, куда перешла с Екатерининской "губчека". В этот сарайчик палач (...а иногда "любители" из чекистов) заводил совершенно нагою свою жертву и приказывал ей лечь ничком. Затем выстрелом в затылок кончал со своею жертвой. Расстрелы производились из револьверов (чаще всего Кольты). Но ввиду стрельбы на близком расстоянии обыкновенно от выстрела черепная коробка казнённого разлеталась в куски... Следующая жертва приводилась тем же порядком и укладывалась рядом... Когда число жертв превышало... вмещаемое сарайчиком, то новые жертвы укладывались на прежде казнённых или расстреливались при входе в сарайчик... Все жертвы шли на казнь обыкновенно не сопротивляясь».

О том и «шелестела народная молва». — Вот петроградская сцена, приводимая Ремизовым (с его ревдемократическим прошлым никак его в антисемитизме не заподо-

---

24 *В.В.Шульгин*, Приложения, с.313–318.

25 Чекист о ЧК (Из архива «Особой Следств. Комиссии на Юге России») // На чужой стороне: Историко-литературные сборники / Под ред. С.П.Мельгунова. Берлин: Ватага; Прага: Пламя, 1925. Т. 9, с.111–141.

зрить): «Тут недавно возле Академии ученье было, один красноармеец и говорит: "Товарищи, не пойдёмте на фронт, всё это мы из-за жидов дерёмся!" А какой-то с портфелем: "Ты какого полку?" А тот опять: "Товарищи, не пойдёмте на фронт, это мы всё за жидов"! А с портфелем скомандовал: "стреляйте в него!" Тогда вышли два красноармейца, а тот побежал. Не успел и до угла добежать, они его настигли, да как выстрелят — мозги у него вывалились и целая лужа крови»[26].

И у кронштадтского восстания уже был антиеврейский характер (и тем более оно было обречено): уничтожали портреты Троцкого и Зиновьева, но не Ленина. И объясняться с кронштадтцами Зиновьев не посмел поехать — разорвут. Послали Калинина.

В феврале 1921 и в Москве были рабочие забастовки — и с лозунгом: «Долой коммунистов и евреев!»

Мы уже упоминали, что большинство российских социалистов, а среди них было множество евреев, в Гражданской войне были, конечно, за Ленина, а не за Колчака, и многие из них прямо воевали за большевиков. (Например, бундовец Соломон Шварц: при Временном правительстве — директор департамента в одном из министерств, в Гражданскую — добровольцем в Красной армии, не указал, в каком чине, потом — эмигрировал, за границей опубликовал одну, вторую книгу о положении евреев в СССР, суждения его мы ещё будем приводить.)

И *казалось* так, что не только евреи-большевики, но будто и всё еврейство в целом избрало свою сторону в Гражданской войне: красных. Сказать — на этот выбор их ничто не толкнуло? Нельзя. Сказать — другого выхода не было? Тоже нет.

В том же Киеве Шульгин описывает грандиозный Исход, на Покров, 1 октября 1919, — из города, обречённого к сдаче большевикам, — исход одних русских, с котомками, пешком, через днепровские мосты; предполагает он, что — тысяч шестьдесят. А «евреев не было в этом исходе; их не заметно было среди этих многих тысяч русских (мужчин, женщин и детей), с узелками в руках струившихся через великолепный Цепной мост, под грустной сеткой

---

26 *Алексей Ремизов.* Взвихренная Русь. London: Overseas Publications, 1979, с. 376–377.

дождя». А было тогда евреев в Киеве, пишет Шульгин, свыше 100 тысяч. И ведь сколько же в Киеве было богатых и богатейших евреев — не ушли, остались ждать большевиков. «Евреи не захотели разделить нашу судьбу. И этим провели между собой и нами новую и, может быть, самую глубокую борозду»[27].

Сходно — и во многих других местах. По свидетельству эсера С. Маслова: «Это действительно факт, что в городах южной России, особенно в городах правобережной Украины, по многу раз переходивших из рук в руки, появление советской власти наибольшую радость и наиболее показное сочувствие вызывало в еврейских кварталах, нередко только в них одних»[28].

Современный американский историк (Брюс Линкольн, автор большого труда о нашей Гражданской войне) «сказал, что вся украинская Чека почти на 80% состояла из евреев», и это «объясняется тем, что до прихода красных там не прекращались жестокие погромы, самые кровавые со времён Богдана Хмельницкого»[29]. — К погромам мы сейчас перейдём, но невозможно не отметить, что временнáя последовательность была зримо обратная: эти 80% состояли в ЧК уже в 1918, к началу 1919, — петлюровские же погромы раскатились в течении, на протяжении 1919 года (погромы от белых — с осени того года).

Однако невозможно найти ответа извечному вопросу о том, кто виноват, кто довёл до гибели. Объяснять действия киевского ЧК тем только, что три четверти там были евреи, — разумеется, неверно. Но тут — опять же вопрос и для еврейской памяти и осмысления.

И были, были в те годы евреи, взывавшие к своим соплеменникам в попытке высокого осмысления трагедии, постигшей Россию, а вместе с ней — и русское еврейство. В воззвании «К евреям всех стран!» эта группа авторов пишет в 1923 году: «Непомерно рьяное участие евреев большевиков в угнетении и разрушении России... вменяется нам в

---

27 *В. В. Шульгин*, с. 95–96.

28 *С. С. Маслов*, с. 44.

29 Изложение беседы с Б. Линкольном см.: *В. Любарский*. Что делать, а не кто виноват // Время и мы: Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1990, № 109, с. 134.

вину... Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям... [Мы] исходим из твёрдого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племён, большевики есть *наибольшее* из возможных зол, что бороться всеми силами против владычества над Россией всесветного сброда — святой долг наш перед человечеством, перед культурой, перед Родиной и еврейским народом»[30]. — Но в еврейской общественности «эти выступления были встречены великим возмущением»[31]. (Об этом — в следующей главе.)

Гражданская война отчасти переливалась и за границы России. Скажем немного и об этом (хотя события в Европе — вообще за пределами этой книги).

Пошли большевики в Польшу в 1920. (Тут — они вспомнили и ловко обернулись использовать русский «национальный порыв и национальное воодушевление», о чём была передовица Нахамкиса-Стеклова в «Известиях»[32].) И в Польше, видимо, еврейское население встречало Красную армию горячо. По советскому источнику: в боях против поляков под Минском участвовали целые батальоны еврейских рабочих[33]. — И Еврейская энциклопедия: «Поляки неоднократно обвиняли евреев в поддержке их противников, в “антипольских”, “пробольшевистских” и даже “проукраинских” настроениях». Во время советско-польской войны многие евреи «были убиты [польской армией] по обвинению в шпионаже в пользу Красной армии»[34]. — Впрочем, вспомним и обвинения евреев в шпионаже русским командованием во время войны, в 1915, — так и здесь могли быть преувеличения.

---

30 РиЕ, с. 6, 7.

31 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 100.

32 *Ю. Стеклов.* Народная оборона — национальная оборона // Известия, 1920, 18 мая, с. 1.

33 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 31.

34 КЕЭ, т. 6, с. 646; т. 1, с. 326.

Для Польши Советы наскоро сформировали революционное «польское правительство», во главе с Ф. Дзержинским. Тут были и Ю. Мархлевский и Ф. Кон. Конечно, они были окружены и специалистами по «мокрым» делам, и пылкими пропагандистами. (В числе таких видим недавнего провизора из Могилёва А.И. Ротенберга. После несостоявшегося в Польше красного переворота вскоре он, с Бела Куном и Залкинд-Землячкой, поехал смертно «чистить» Крым. А в 1921 — ещё на славную работу, «чистить» Грузию, опять же во главе с Дзержинским. С 20-х годов на 30-е — Ротенберг был начальником НКВД Москвы.)

Да Красная Революция перетекала не только в Польшу, но и — в Венгрию, но и в Германию. Пишет американский исследователь: «и на востоке, и в центре Европы на интенсивность и стойкость антисемитских предрассудков существенное влияние оказало участие евреев в революционном движении». «В начале 1919 года Советы, руководимые, в основном, евреями, начали восстания в Берлине и Мюнхене», и «в тогдашней германской компартии... доля активистов-евреев... оказалась непропорционально высокой», хотя «еврейская община в целом поддерживала эту партию весьма незначительно». — «Из 11 членов ЦК четверо были евреями с университетским образованием», среди них Роза Люксембург, которая в декабре 1918 писала: «Во имя величайших целей человечества девиз по отношению к нашим врагам: палец в глаз, колено на грудь»! Восстание в Мюнхене было возглавлено евреем «богемного вида» — театральным критиком Куртом Эйснером. Он был убит, но к власти, в консервативно-католической Баварии, пришло «новое правительство левых интеллектуалов-евреев, которое провозгласило “Баварскую Советскую республику”» (Г. Ландауэр, Э. Толлер, Э. Мюзам, О. Нойрат). Через неделю республика «была свергнута ещё более радикальной группой», провозгласившей «Вторую Баварскую Советскую республику», во главе её Евгений Левинэ [35]. О нём читаем в Энциклопедии: родился в Петербурге в еврейской купеческой семье, был эсером, участвовал в революции 1905, а затем принял

[35] *Дж. Мюллер.* Диалектика трагедии: антисемитизм и коммунизм в Центральной и Восточной Европе // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1990, № 73, с. 96, 99–100.

германское подданство, примкнул к «Спартаку» Р. Люксембург–К. Либкнехта и вот возглавил коммунистическое правительство Баварии, в которое вошли те же Э. Мюзам, Э. Толлер и выходец из России М. Левин [36]. В мае 1919 восстание было разгромлено. «Тот факт, что руководители подавленных коммунистических восстаний были евреями, явился одной из важнейших причин возрождения политического антисемитизма в пореволюционной Германии» [37].

«Но если в России и Германии роль евреев в революции была "весьма заметной", то в Венгрии она стала ведущей... Из 49 её наркомов евреев было 31», — тут в первую очередь сам Бела Кун, «министр иностранных дел (де-факто глава правительства)», который, как мы прочли, через полтора года зальёт кровью Крым. Тут и Матиас Ракоши, Тибор Самуэли, Дьердь Лукач. «Правда, премьером был нееврей, Шандор Гарбаи, но Ракоши впоследствии пошутил, что Гарбаи избрали главой Совета министров, чтобы кто-нибудь мог подписывать приказы о казнях по субботам». — «Статуи венгерских королей и героев были сброшены с пьедесталов, национальный гимн запрещён, ношение национальных цветов стало наказуемым делом». — «Трагичность ситуации усугублялась тем, что исторически венгерские евреи жили куда состоятельнее своих восточно-европейских земляков и намного успешнее их продвигались в венгерском обществе» [38].

Прямая связь Венгерской Советской республики с нашей Гражданской войной ясна и тем, что уже готовились корпуса Красной армии идти на выручку Венгерской Советской республике — но не схлопотались, а она пала (в августе 1919).

Крушение столь ненавистной Российской империи дорого обошлось всем — и евреям тоже. Пишет Г. Ландау: «Революция вообще и всегда дело страшное, рискованное, опасное. В особенности оно страшно и опасно для мень-

---

[36] КЕЭ, т. 4, с. 733–734.

[37] *Дж. Мюллер.* Диалектика трагедии... // "22", 1990, № 73, с. 99.

[38] Там же, с. 100–101.

шинства, во многих отношениях чуждого основной массе населения... Такое меньшинство сугубо должно опираться для обеспечения своей жизни — на закон, на незыблемую непрерывность порядка, на правовую инерцию. Революционная разлаженность и всепозволенность — с особой силой должна обрушиться именно на такое меньшинство»[39].

Это маячило — вперёд, за пороги первых манящих десятилетий. А в ближайшие годы, Гражданской войны, закона не было — и ударили по еврейскому населению грабежи и погромы, каких и отдалённо евреи не испытывали при царе. И погромы эти грянули сначала вовсе не с белой стороны. По густоте местожительства — в еврейские судьбы в эти годы не могла не вмешаться, кроме красных и белых, ещё третья сила: украинский сепаратизм.

В апреле 1917, когда создалась Украинская Рада, «еврейство... ещё не верило в победу украинства», что проявилось на летних выборах в городские думы: у евреев не было «никаких оснований» голосовать за украинских сепаратистов[40]. — Но с июня, когда стала уже конструироваться как будто реальная украинская власть, под которой, видимо, теперь придётся жить, — представители евреев вошли в Малую Раду, был создан вице-секретариат по делам еврейской национальности («еврейское министерство»), он разрабатывал проект давно желанной еврейской общественностью «национально персональной автономии» (каждая нация, вот — еврейская, создаёт свой национальный союз, который может издавать законы по потребностям и интересам своей нации и получает в поддержку суммы из казны; при этом представитель национального союза входит в правительство). — Новорождаемое украинское правительство сперва относилось вообще к евреям доброжелательно, но к концу 1917 это переменилось, законопроект автономии был встречен на Раде хохотом и презрением, хотя с трудом всё же принят в январе 1918. Со своей стороны и евреи с неохотой приняли «3-й Универсал» (9 ноября 1917, начало отделения Украины от России), страшась те-

---

[39] *Г.А.Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 115.

[40] *И.Б.Шехтман.* Еврейская общественность на Украине (1917–1919) // Книга о русском еврействе*, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 22.

перь анархии, опасной для еврейского населения, и разрыва российского еврейства на части. Еврейские обыватели подсмеивались над украинским языком и вывесками, боялись украинства, а верили в русское государство и в русскую культуру[41]. Ленин писал: евреи так же, как и великороссы, «игнорируют значение национального вопроса на Украине»[42].

Но шло именно к отделению, и еврейские депутаты, кроме Бунда, не посмели голосовать против 4-го Универсала (11 января 1918, уже полное отделение Украины). Тут же вслед началось и большевицкое наступление на Украину. В их первом «украинском» ЦК КПбУ, сколоченном ещё в Москве, затем перекатившем в Харьков, под главенством Георгия Пятакова, — были и Семён Шварц, и Серафима Гопнер. А когда они переехали в Киев в конце января 1918, то комиссаром Киева был назначен Григорий Чудновский, комиссаром финансов — Крейцберг, комиссаром прессы — Д. Райхштейн, комиссаром при армии — Шапиро. «Не было недостатка в еврейских именах и среди большевистской "головки"... и в таких центрах, как Одесса и Екатеринослав. Этого было достаточно, чтобы питать разговоры о "большевиках-евреях" и "евреях-большевиках" среди верных Раде воинских частей. Словесные прогулки насчёт "предателей-жидов" стали почти бытовым явлением»; «в самый разгар уличных боёв [за Киев] от имени сионистской фракции был внесен запрос об антиеврейских эксцессах». Вопрос превратился «в словесную перестрелку между украинскими депутатами и представителями национальных меньшинств»[43].

Так между евреями и украинскими сепаратистами пролегла борозда вражды.

«Украинское правительство и лидеры украинских партий эвакуировались в Житомир; еврейские представители за ними не последовали», остались при большевиках. А тут ещё: большевики в Киеве нашли «поддержку от довольно большой группы еврейских рабочих, вернувшихся после [Февральской] революции из Англии», теперь они «стали це-

---

[41] Там же, с. 29, 30, 35.

[42] *В.И. Ленин.* Сочинения: В 45 т. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1941–1967. Т. 30, с. 246.

[43] *И.Б. Шехтман.* Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 33–34.

ликом на сторону советского режима... заняли посты комиссаров и... должностных лиц», создали и «особый еврейский отряд Красной гвардии»[44].

Вскоре же, в начале февраля 1918, заключив в Брест-Литовске мир с Германией, правительство самостийной Украины вернулось в Киев под защитой австро-германских штыков — и теперь «гайдамаки» и «вильно казацтво» хватали и расстреливали недавних «жидівских комиссаров», кого находили. Но это ещё не были еврейские погромы, — да и очень вскоре петлюровское правительство сменилось на 7 месяцев гетманом Скоропадским. «Командование частей германской армии, оккупировавших Киев весной 1918, с пониманием относилось к нуждам еврейского населения». (А оно было немалым: в 1919 евреи в Киеве составляли 21% населения города.)[45] В правительстве гетмана кадет-еврей Сергей Гутник стал министром торговли и промышленности[46]. При гетмане беспрепятственно действовали сионисты, избрано было отдельное еврейское Временное Национальное Собрание и Еврейский национальный секретариат.

Но рухнул гетман, с декабря 1918 пришла в Киев из Винницы Директория Петлюры — Винниченко. Бунд и Поалей-Цион, по социалистическому родству, помогали ей, надеялись, что наступит эра равноправия с украинцами. Еврейский секретариат тоже делал примирительные шаги. Однако в официальном органе Петлюры «Відродження» печаталось: «Украинское государство явилось для евреев неожиданностью. Евреи этого не предвидели, несмотря на их необычайную способность пронюхивать всякую новость. Они... подчёркивают своё знание русского языка, игнорируют факт украинской государственности... еврейство снова перешло в лагерь наших врагов»[47]. Евреев обвиняли во всех большевицких победах на Украине. Сечевики грабили на квартирах наехавшую в Киев денежную публику. Тем расхлябанней покатились грабежи по малым местечкам — где воинскими частями, где самоуправными

---

44 *И.Б.Шехтман.* Еврейская общественность... // КРЕ-2, с. 35-37.

45 КЕЭ, т. 4, с. 256.

46 РЕЭ, т. 1, с. 407.

47 *И.М.Троцкий.* Еврейские погромы на Украине и в Белоруссии 1918-1920 гг. // КРЕ-2*, с. 59.

атаманами. А полк имени Петлюры и открыл, погромом в Сарнах, тот год повсеместных погромов.

Нарастающее погромное настроение петлюровцев тщетно пытался остановить еврейский депутат в Малом Национальном Собрании: «Мы должны предостеречь украинцев, что на антисемитизме им не удастся построить государства. Пусть знают господа из Директории, что они имеют дело с мировым народом, который пережил многих своих врагов», — и угрожал начать борьбу против такого правительства[48]. И еврейские партии быстро стали *леветь* — а значит, неизбежно, всё более обращаться симпатиями к большевизму.

Как заявлял Арнольд Марголин, в то время товарищ министра иностранных дел Директории, «положение на Украине напоминает худшие годы Хмельницкого и Гонты»[49]. — Д. Пасманик с горечью замечает, что сионисты и еврейские националисты «поддерживали долгое время сумбурное правительство Петлюры — Винниченко даже и тогда, когда на Украине происходили ожесточённые антиеврейские погромы»[50]. — Как могут еврейские социалисты, спрашивает И. Бикерман, «сидевшие вместе с Петлюрой и другими героями Украинской революции за одним столом и вместе с ними перестраивавшие мир, забыть о погромных подвигах своих идейных собратьев?.. О еврейской крови, пролитой потомками и последователями Хмельницкого, Гонты и Железняка, охотнее всего забывают» по социалистическим симпатиям[51]. — «С декабря 1918 по август 1919 петлюровцы устроили десятки погромов, в ходе которых, по данным комиссии Международного Красного Креста, было убито около 50 тыс. чел. Крупнейший погром произошёл 15 февраля 1919 в Проскурове... после неудачной попытки большевистского переворота»[52]. — «Шли без перерыва еврейские погромы, начавшиеся почти одновременно с организацией украинской власти, ставшие особенно жестокими в период так называемой директории и не

48 Там же, с. 62.

49 Там же.

50 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 211.

51 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 66–67.

52 КЕЭ, т. 6, с. 570.

прекращавшиеся до тех пор, пока существовала вооружённая украинская сила»[53].

Послушаем тут С. Маслова: «Убивали евреев и при погромах в царское время, но никогда не убивали столько и не убивали с таким спокойствием, почти бездушием, как это происходит теперь»; «во время еврейских погромов, производимых крестьянскими повстанческими отрядами, последние в захваченных местечках порой вырезают *поголовно всё* еврейское население. Пощады нет ни детям, ни женщинам, ни старикам»[54]. А как раз в то время города хранили много непродаваемого добра, и крестьяне из соседних деревень приезжали на телегах, чтобы, вслед за погромщиками, поживиться на разграбе [55]. «По всей Украине, когда повстанцы нападают на поезда, по вагонам нередко раздаётся команда: "Коммунисты и евреи, выходи". Отзывающихся на команду расстреливают тут же у вагонов», а то — контроль документов или заставляют произносить «кукуруза», и если произносится не чисто — «заподозренного в еврействе уводят и пристреливают»[56].

Американский исследователь считает: «Массовое уничтожение евреев Белоруссии и Украины в годы гражданской войны было, на самом деле, не столько результатом чьей-то сознательной политики, сколько народно-крестьянской реакцией»[57].

Особенно безответственны и потому крайне зверски в погромах были на Украине самодействующие банды: Григорьева, Соколовского, Зелёного, Струка, Ангела, Тютюника, Яцейка, Волынца, Козырь-Зирки. От этого ряда — отличается Махно.

Сам Махно — органическое сочетание революционера и уголовника — буйно расцвёл в диком разгуле Гражданской войны. Прослеживать его злодейские и клинические броски — не место в этой работе. Но самому Махно антисемитизм был чужд, и махновские анархо-коммунисты принимали резолюции о «непримиримой борьбе со всеми видами антисемитизма». Начальником штаба Махно был одно

---

[53] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 65.

[54] *С.С. Маслов*, с. 25, 26.

[55] *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР, с. 40, 41.

[56] *С.С. Маслов*, с. 40.

[57] *Дж. Мюллер.* Диалектика трагедии... // "22", 1990, № 73, с. 97.

время Арон Барон, начальником контрразведки Лев Задов-Зиньковский, начальником агитпропа — уже упомянутый Волин-Эйхенбаум, близким советником — Аршинов, председателем гуляйпольского совета — Коган. Была и отдельная еврейская рота Тарановского в 300 бойцов, но она изменила Махне, потом Тарановский был у Махны прощён и снова возвышен, до начальника штаба. Пишут, что «еврейская беднота массами шла в ряды махновской армии» и даже атамана Григорьева Махно, заманив, расстрелял якобы за антисемитизм. В мае 1919 Махно казнил крестьян деревни Успеновки за погром в еврейской земледельческой колонии Горькое. Но наряду с тем, что Махно «имеет неоспоримые заслуги перед еврейством» (и в Париже потом, до смерти, он «был постоянно в еврейском окружении»), — армия его, по неуправляемости, произвела и несколько еврейских погромов, например в декабре 1918 под Екатеринославом[58], летом 1919 в Александровске. Но, отмечает и энциклопедия: «Махно и другие главари [его] движения решительно боролись с погромами и расстреливали погромщиков»[59].

Перед нами — книга-альбом «Еврейские погромы: 1918–1921». Составлена она была по поручению Еврейского общественного комитета помощи погромленным (Евобщестком) в 1923, издана же только в 1926[60]. (Год издания, в частности, объясняет, почему в ней скрыто всё о погромах, учинённых красными, книга посвящена «роли, которую петлюровская, добровольческая и польская армии сыграли в погромной вакханалии описываемого периода».)

Военные отряды проявлялись в погромах по узловым и крупным городам, как они и двигались, а банды «батек» действовали и в местах глубинных, — и так не было мест, безопасных для евреев.

Из петлюровских погромов, отличавшихся своей направленной, обдуманной жестокостью, методичностью уничтожения, иногда и без грабежа имущества, особо выдаются в 1919 погром Проскуровский (февраль), соседний с ним Фельштинский, Житомирский (февраль), Овручский

---

58 *В. Литвинов.* Махно и евреи // “22”, 1983, № 28, с. 191–206.

59 КЕЭ, т. 6, с. 574.

60 Еврейские погромы, 1918–1921 / Сост. З.С. Островский. М.: Акц. об-во «Школа и книга», 1926.

(март), Тростинецкий (май), Уманьский (май), Новомиргородский (май). — Из погромов от банд: Смельский (март 1919), Елисаветградский (май), Радомысльский (май), Вапнярский (май), Словеченский (май), Дубовский (июнь). — Из деникинских — Фастовский (сентябрь 1919), Киевский (октябрь). — В Белоруссии были ещё и погромы от поляков — Борисовский и в Бобруйском уезде, от поддержанных поляками отрядов Булака-Балаховича (и в 1919, и в 1920, и до лета 1921) — в Мозыре, Турове, Петракове, Копоткевичах, Ковчицах, Городятичах.

Украинское еврейство было захлёснуто ужасом перед уничтожительными волнами. Из мест происшедших погромов и угрожаемых — в период передышек происходило массовое бегство еврейского населения, даже массовый исход целых местечек и городков — в ближайшие крупные города, или к румынской границе (в тщетной надежде на выручку там), или просто «панически бежали, без направления и цели», как из Тетиева, из Радомысля. «Самые цветущие и населённые пункты были превращены в пустыни. Еврейские городки и местечки выглядели мрачными кладбищами: дома сожжены и разрушены, улицы мертвы и пустынны... Целый ряд еврейских населённых пунктов, как, например, Володарка, Богуслав, Борщаговка, Знаменка, Фастов, Тефиополь, Кутузовка и др., сожжены были дотла и представляют груду развалин»[61].

Обратимся теперь к белой стороне. Казалось бы: в Гражданскую войну если у кого-то, в какой-то мере, сохранялись демократические возможности, то уж не под красным зажимом, а именно у белых: у Деникина, у Врангеля — были не только монархисты, не только националисты разных народностей, но и многие осколки либеральных групп разных толков, и разных оттенков социалисты — из тех, кто был непримирим к большевизму. Сходно — и на Восточном фронте, до колчаковского переворота. А если так — то отчего бы там не нашлось места и евреям — тех же политических направлений и симпатий?

[61] Еврейские погромы, 1918–1921, с. 73–74.

Но роковым и взаимно непоправимым ходом последственных событий путь евреям к Белой армии оказался перерублен.

Еврейская энциклопедия сообщает, что поначалу «многие евреи Ростова поддерживали белое движение. 13 дек. 1917 крупный коммерсант А. Альперин передал донскому атаману А. Каледину 800 тыс. руб., собранных евреями Ростова, для организации казачьих частей, борющихся с советской властью»[62]. — Но вот другое из того же Ростова: когда ген. Алексеев ещё только собирал свой первый отряд (тоже в декабре 1917), ему нужны были деньги, и он просил их, не реквизировал, у ростовско-нахичеванской буржуазии — а состояла она больше всего из евреев и армян. Ростовские богачи отказали ему, собраны были лишь гроши — потому и пришлось Алексееву отойти в «Ледяной поход», зимой, с неэкипированным отрядом. И позже: «На все призывы Доброармии население реагировало грошами, а когда в то же место появлялись большевики, то по первому окрику покорно вносили миллионы полноценных рублей и целые магазины товаров»[63]. (И когда в конце 1918 бывший премьер кн. Г.Е. Львов, теперь побираясь за помощью, побывал в Вашингтоне и в Нью-Йорке, он встречался и с делегацией американских евреев, но помощи ему не обещали[64].)

Правда, Пасманик приводит письмо, что в конце 1918 «более трёх с половиной миллионов рублей... собирались исключительно в интимном кругу евреев», с разными «обещаниями и уверениями» белого командования о добром отношении к евреям. Вопреки тому, был издан запрет евреям покупать землю в Черноморской губернии (из-за «злостной спекуляции нескольких лиц, принадлежащих еврейской национальности») — хотя вскоре же отменён[65].

В том же Ростове и на той же белой заре, когда робкое белое движение ещё меркло в темноте и виделось почти безнадёжным, — знаю я сам случай, как знакомый наш

---

62 КЕЭ, т. 7, с. 403.

63 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 169.

64 *Т.И. Полнер.* Жизненный путь Князя Георгия Евгениевича Львова. Париж, 1932, с. 274.

65 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 176–177.

А.И. Архангородский, пожилой еврей, инженер и организатор промышленности, искренно считавший себя русским патриотом, — в февральскую ночь ухода молодёжи в «Ледяной поход» буквально гнал своего упирающегося сына-студента идти с добровольцами (дочь, однако, не пустила брата). — По Еврейской энциклопедии: «Евреи Ростова вступали в казачьи партизанские отряды, в студенческий батальон Добровольческой армии Л. Корнилова»[66].

В 1975 году в Париже последний командир Корниловского полка полковник М.Н. Левитов говорил мне, что немало евреев-прапорщиков производства керенского времени были в «корниловские дни» августа 1917 верны корниловцам. И в Белой армии выделял георгиевского кавалера Кацмана из 1-й Кутеповской дивизии.

Но известно, что многие белые отталкивали сочувственных или нейтральных евреев: из-за множественного участия *других* евреев на красной стороне у белых к евреям росло в лучшем случае недоверие, а то распалялась злость. В современном научном исследовании читаем: «В первый год существования белого движения в нём практически не было антисемитизма (во всяком случае, массовых его проявлений), и евреи даже служили в рядах Добровольческой армии. Но в 1919 году... положение резко изменилось. Во-первых, после победы Антанты над Германией массовая убеждённость белогвардейцев в поддержке немцами большевиков сменилась мифом о евреях как главной опоре большевизма. Во-вторых, заняв Украину, белые оказались под влиянием местного оголтелого антисемитизма, что и способствовало их вовлечению в антиеврейские эксцессы»[67].

Белая армия «была загипнотизирована Троцким и Нахамкисом, что привело её к отождествлению всего большевизма с еврейством, следствием чего были погромы»[68]. В белых представлениях сложилось, что Россия, которую они шли освободить, — захвачена еврейскими комиссарами. А при бесконтрольности той еле созданной, кое-как скреплённой армии, плохом управлении на раскидистых прост-

---

66 КЕЭ, т. 7, с. 403.

67 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001, с. 56–57.

68 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 216.

ранствах, при разгуле самовольства вообще повсюду в той войне, — от такого представления недалеко было и до вспышек стихийных — увы, *белых* — погромов. «А.И.Деникин... как и ряд других руководителей Южной армии (В.З.Май-Маевский), стоял на кадетско-эсеровских позициях и стремился пресечь бесчинства своего воинства. Однако эти попытки были малоэффективны»[69].

Естественно, что многими евреями двигало самосохранение. И вопреки первоначальным надеждам на гуманность Добровольческой армии — после погромов также и от деникинцев уже почти сплошь у всех евреев обрывалось всякое намерение присоединяться бы к белым.

Вот — живой пример, от Д.Пасманика. «Отбит Александровск у большевиков. Пришли добровольцы. Всеобщая, неподдельная радость всего населения... В первую же ночь половина города разграблена. Сразу город заполнился воплями и стонами терзаемых евреев... Насиловали жён... избивали и убивали мужчин, из еврейских квартир выносили решительно всё имущество. Погром продолжается три дня и три ночи. Комендант города, хорунжий Слива, казак, на жалобы Общественного Управления заявляет: "у нас всегда так: город взяли, и на три дня он принадлежит нам"»[70]. Эти грабёж и избиения, чинимые солдатами Добровольческой армии, одними комиссарами-евреями не объяснишь.

Один из высших белых генералов, А.фон Лампе, настаивает, что слухи о «белых» *еврейских* погромах «тенденциозно преувеличены»; что в армии, лишённой интендантства и регулярного снабжения из тыла, это были неизбежные «реквизиции»-грабежи, — не избирательно евреев, но жителей занимаемого города, а среди них евреев часто «численно было больше и они были богаче» и потому «страдали больше». «Я совершенно определённо утверждаю», — пишет фон Лампе, — «что в районах действия белых армий еврейских *погромов*, т.е. организованного уничтожения и ограбления евреев... не было... Были грабежи и даже убийства... которые потом были специальной прессой раздуты в еврейские погромы... За это были расформированы 2-я кубанская пластунская бригада и Осетинский конный полк».

---

[69] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 56.

[70] *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 185.

Однако «страдало как еврейское, так и христианское население захваченного беспорядками района»[71]. Были ещё и расстрелы (по указанию местных жителей) не успевших убежать комиссаров или чекистов, среди которых было немало евреев.

Иначе выглядят события в Фастове, в сентябре 1919, как читаем в Еврейской энциклопедии: там казаки «бесчинствовали... убивая, насилуя, грабя и глумясь над религиозными чувствами евреев (ворвавшись в синагогу во время Иом-Киппура, казаки избили молящихся, изнасиловали женщин и разорвали свитки Торы). Погибло около тысячи человек»[72]. — «Тихим погромом» прослыл методический, квартал за кварталом, грабёж евреев Киева при коротком возврате туда белых в конце октября 1919. Пишет Шульгин: «Начальство строго запрещало "громить". Но... во-первых, "жиды" действительно досадили; а во-вторых, "героям" нечего было есть... Добровольцы в больших городах вообще жили впроголодь», — были ночи грабежа, однако без убийств и насилий. Это «происходило на закате Деникиады... начало агонии Добровольческой Армии»[73].

«По пути своего наступления и, в особенности, отступления», в жестоком последнем отступлении в ноябре-декабре 1919, Белая армия учинила «длинный ряд еврейских погромов» (признаваемых Деникиным), и, очевидно, не только с целью грабежа, но и — в месть. Однако, говорит Бикерман, «убийства, грабежи и насилия над женщинами не были неизменными спутниками [Белой] армии, как утверждают, преувеличивая ради своих целей и без того страшное, наши [еврейские] национал-социалисты»[74].

О том же Шульгин: «Для подлинно Белой психологии дикая расправа с безоружным населением; убийство женщин и детей; грабёж чужого имущества; всё это — просто невозможно». Итак, «подлинные Белые виновны в данном случае *в попустительстве.* Недостаточно властно осаживали мразь, затесавшуюся в Белый лагерь»[75].

---

71 *Ген. А. фон Лампе.* Причины неудачи вооружённого выступления белых // Посев, 1981, № 3, с. 38–39 (перепечатка из: Русский колокол, 1929, № 6–7).

72 КЕЭ, т. 6, с. 572.

73 *В.В.Шульгин*, с. 97–98.

74 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 64.

75 *В.В.Шульгин*, с. 86.

Об этом же Пасманик: конечно, «все понимают, что ген. Деникин не желал погромов, но, когда я в апреле и мае 1919 г. был в Новороссийске и Екатеринодаре, т.е. ещё до начала похода на север, я почувствовал сгущённую атмосферу антисемитизма, проникавшую повсюду»[76]. На той почве — на мщении ли, на попустительстве — и вспыхнули «белые» погромы 1919 года.

При этом, «по единогласному мнению людей, имевших несчастье пережить и те и другие [петлюровские и белоармейские] погромы, петлюровцы больше всех других именно за жизнью еврея гнались, за его душой: они преимущественно убивали»[77].

«Не Добровольческая армия начала еврейские погромы в новой России. Начались они в "обновлённой" Польше, на завтра после того, как она вновь стала свободным и независимым государством. А в самой России начали их украинские войска демократа Петлюры и социалиста Винниченко… Украинцы превратили погром в бытовое явление»[78].

Не Добровольческая армия начала погромы — но она их продолжила, питаясь ложным убеждением, что *все* евреи — за большевиков. «Особую ненависть у белогвардейцев и петлюровцев вызывало имя Л. Троцкого; почти каждый погром сопровождался лозунгом: "Это вам за Троцкого"». И даже «кадеты, ранее всегда осуждавшие все виды антисемитизма и, тем более, погромы… на своей конференции в Харькове в ноябре 1919… потребовали от евреев "объявить беспощадную войну тем элементам еврейства, которые активно участвуют в большевистском движении"». При этом кадеты «утверждали… что белогвардейские власти делают всё для борьбы с погромами». Имелось в виду, что с начала октября 1919 «командование этой [Добровольческой] армии стало применять к погромщикам различные меры наказания, вплоть до расстрела», и «погромы на время прекратились». Однако «в декабре 1919 — марте 1920, при отступлении Добровольческой армии с Украины, погромы приобрели особенно ожесточённый характер» и евреев обвиняли, «что они при отступлениях добровольцев стреляли им в спину». (Важно сопоставить, что «на терри-

76 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 186–187.

77 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 65–66.

78 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 173–174.

тории Сибири, где действовали войска А. Колчака», — «погромов не было», «Колчак не допускал погромов».)[79]

Д.О. Линский, сам служивший в Белой армии, с большой силой чувства пишет: «Еврейству открывался может быть неповторяемый случай биться так за русскую землю, чтобы раз навсегда исчезло из уст клеветников утверждение, что Россия — для евреев география, а не отчизна». По существу «здесь не могло и не может быть выбора: победа... противных большевизму сил через страдания ведёт к возрождению всей страны и в том числе еврейского народа... Еврейство должно было вложиться целиком в русское дело, отдать ему свои жизни и средства... Надо было сквозь тёмные пятна белых риз узреть чистую душу Белого движения... В рядах той армии, где было бы много еврейских юношей, в составе той армии, которая бы опиралась на широкую материальную поддержку еврейства, антисемитизм задохнулся бы, и погромное движение встретило бы внутренние силы противодействия. Еврейство должно было поддержать русскую армию, которая шла на бессмертный подвиг борьбы за русскую землю... Еврейство отстраняли от подвига участия в русском деле, но еврейство обязано было отстранить отстраняющих». — Это всё он пишет «на основе мучительного опыта соучастия в Белом движении. При всех тех тяжёлых и мрачных сторонах, которые обнаружились в Белом движении, мы с благоговением и восторгом преклоняем непокрытые головы перед этим единственным достойным уважения фактом борьбы с позором русской истории, условно называемым... русская революция». Это было «великое движение за немеркнущие ценности человеческого духа»[80].

Однако вовсе не помогала и Белая армия тем евреям, которые в неё шли. Какое унижение пришлось испытать таким, как доктор Пасманик, состоявший в Белой армии (и тем вызвавший возмущение многих евреев, что он «в рядах погромщиков»). «Добровольческая армия систематически отказывалась принимать в свои ряды еврейских прапорщиков и юнкеров, даже тех, которые в октябре 1917 г. храбро сражались с большевиками. Это был нравственный

---

79 КЕЭ, т. 6, с. 572–574.

80 *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 149–151.

удар, нанесенный русскому еврейству». — «Никогда не забуду картину», пишет он, «11 прапорщиков-евреев, пришедших ко мне в Симферополе жаловаться, что их выделили из строевых частей и откомандировали... кашеварами в тыл»[81].

А Шульгин: «Если бы в рядах Белого Движения оказалось бы столько евреев, сколько их было в “революционной демократии” или же в своё время — в “конституционной демократии”... [Но] только ничтожная группа еврейства примкнула к Белым... только единичные евреи, самоотверженность которых, когда антисемитизм уже ясно обозначился, нельзя достаточно оценить. А в Красном стане евреи изобиловали и... сверх того занимали “командные высоты”, что ещё важнее». И «разве мы не знаем горькой трагедии отдельных евреев, поступивших в Добровольческую Армию? Над жизнью этих евреев-добровольцев висела такая же опасность от неприятельской пули, как и со стороны “тыловых героев”, по-своему решавших еврейский вопрос»[82].

Однако не всё дело в «тыловых героях». И в молоденьких белых офицерах из интеллигентских семей — теперь, вопреки всей интеллигентской традиции, в которой они были воспитаны, — вспыхнули антиеврейские настроения.

А это — дальше всё более обрекало Белую армию на одиночество и гибель.

Линский сообщает, что при Добровольческой армии евреи не принимались на государственную службу и в ОсвАг (Осведомительно-агитационное Агентство, созданное при Белой армии ген. А.М. Драгомировым). Но он опровергает, что в изданиях ОсвАга содержалась антисемитская пропаганда и что громилы якобы не подвергались взысканиям. Нет, «командование не хотело еврейских погромов, но... не могло противодействовать погромным настроениям армейской массы... психологически не могло обнаруживать суровости... Армия была не та, к ней нельзя было применять обычные уставы русской армии нормального или военного периодов», у всех воинов была психика, уже повреждённая Гражданской войной[83]. — «Погромов не

---

[81] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 183.

[82] *В.В. Шульгин,* с. 55, 81, 82.

[83] *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 157, 160–161.

хотели, но правительство Деникина не решалось громогласно выступить против антисемитской пропаганды», хотя погромы причинили армии Деникина огромный вред. Добровольческая армия «в целом заняла враждебную позицию по отношению ко всему русскому еврейству»[84], — заключает Пасманик. — И. Левин возражает, что «всему Движению приписываются взгляды одной из его составных частей — активных погромщиков». В то время как «Белое движение было весьма сложным, объединяло в себе течения... часто совершенно противоположные»[85]. — И «ставить ставку на большевиков, прятаться за их спину из опасения всё тех же погромов, есть... явное, очевидное безумие... Еврей говорит: либо большевики, либо погромы, тогда как он должен бы говорить: чем дольше сидят большевики, тем ближе мы к гибели»[86]. — Но и «жидо-коммунисты» были на языке у белых агитаторов.

Всё это решительно пресек Врангель в Крыму, ничего подобного там не было. (И даже о. Востокову Врангель лично запретил выступать с его антиеврейскими проповедями.)

Туда, к Врангелю в Крым, снова пишет уже знакомый нам миллионер-еврей Шулим Безпалов в июле 1920 из Парижа: «Надо спасти родину. Спасут её хлеборобы и заводопромышленники. Надо отдать 75% своего состояния до момента восстановления ценности рубля и нормальной жизни»[87].

Но — поздно уже было...

А часть еврейского населения Крыма эвакуировалась с армией Врангеля[88].

Да, Белое Движение — сильно, предельно нуждалось в поддержке общественного мнения на Западе, значительно определявшегося судьбой российского еврейства. Весьма нуждалось, но, как видим, роково и неотвратимо вошло в атмосферу вражды к евреям, а затем не предотвратило и погромов. — Военный министр Уинстон Черчилль «был главным поборником западной интервенции в России и во-

---

[84] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 181, 187.

[85] *И.О. Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 136.

[86] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 81, 82.

[87] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 181.

[88] КЕЭ, т. 4, с. 598.

енной помощи Белым армиям». Из-за погромов Черчилль обратился прямо к Деникину: «моя задача, получить поддержку в парламенте для русского национального движения, — затруднится несравненно», если погромы не прекратятся. «Черчилль также боялся реакции мощных еврейских кругов в британской элите»[89]. В Америке мнение в еврейских кругах было сходным.

Погромы, однако, не прекратились, что во многом и объясняет крайне слабую, неохочую помощь Запада белым армиям. — И расчёты Уолл-Стрита сами собой вели его к поддержке большевиков как будущих вероятных властителей российских богатств. И вся атмосфера в Штатах и в Европе была к тому же — сочувствие к этим строителям Нового Мира, их грандиозному замыслу, великой социальной задаче.

И всё же, сквозь всю Гражданскую войну, поведение недавних союзников России поражает корыстью и слепым равнодушием к Белому движению — наследнику союзной императорской России. Навязывали белой стороне слать в Версаль делегацию, совместную с большевиками; потом — бредовое примирение с большевиками на Принцевых островах. Антанта, не признав официально ни одного из белых правительств, поспешно признавала все новые национальные государства, возникавшие на окраинах России, — прямое стремление к распаду России. Англичане поспешили оккупировать бакинскую нефть, японцы — Дальний Восток и Камчатку. Американцы в Сибири только помешали белым и способствовали захвату Приморья большевиками. За всякую помощь свою белым войскам союзники драли вознаграждение — золотом от Колчака, а на юге России черноморскими судами, концессионными обязательствами. (И даже до позорности: англичане, уезжая с архангельского Севера, часть царской амуниции вывезли, часть передали красным, остальное утопили в море, только бы не досталось белым.) Весной 1920 Антанта ультимативно требовала от Деникина–Врангеля прекратить борьбу против большевиков. (Летом 1920 Франция слегка поддержала Врангеля снабжением, чтобы он выручал Польшу. Но уже через полгода скопидомно вычитали с Врангеля военным

---

89 *Michael J. Cohen.* Churchill and the Jews. London; Totowa, NJ: Frank Cass, 1985, p. 56, 57.

имуществом за питание русских воинов, отступивших в Галлиполи.)

Что приносили с собою немногочисленные оккупационные силы Антанты — на примере пришедшей в Одессу французской армии наблюдал в 1919 такой серьёзный дипломат, как кн. Григорий Трубецкой: «Политика французов на Юге России и отношение их к вопросам русской государственности поражали своей запутанностью и неправильным пониманием обстановки»[90].

Чёрная полоса еврейских погромов на Украине пролегла через весь Девятнадцатый год и начало Двадцатого. По размаху, объёму и жестокости эти погромы неизмеримо перехлёстывают всё, что мы читали в этой книге о 1881–1882, 1903 и 1905 годах. Крупный советский чин Ю. Ларин написал в 20-х годах, что на Украине в Гражданскую войну произошёл «длиннейший ряд массовых погромов еврейского населения, далеко превзошедших всё ранее виденное и по числу жертв и *по числу участников*». Винниченко якобы сказал: «Погромы прекратятся тогда, когда евреи перестанут быть коммунистами»[91].

Все жертвы тех погромов никем не подсчитаны с точностью. Разумеется, в тогдашней обстановке, ни в ходе событий, ни вдогон за ними, достоверная статистика не могла вестись. В книге «Еврейские погромы» находим: «Число убитых на Украине и в Белоруссии за время от 1917 по 1921 включительно колеблется между 180–200 тыс. чел.... Уже одна цифра сирот, превышающая 300 000, свидетельствует о колоссальных размерах катастрофы»[92]. Первая Советская энциклопедия даёт те же цифры[93]. Современная Ев-

---

90 *Кн. Гр. Н. Трубецкой.* Очерк взаимоотношений Вооружённых Сил Юга России и Представителей Французского Командования. Екатеринодар, 1919 // Кн. Гр. Н. Трубецкой. Годы смут и надежд. Монреаль, 1981, с. 202.

91 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР, с. 38.

92 Еврейские погромы, 1918–1921, с. 74.

93 Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1932. Т. 24, с. 148.

рейская энциклопедия: «по различным оценкам, погибло от 70 до 180–200 тысяч евреев»[94].

Обобщая данные из еврейских источников, современный историк насчитывает до 900 *массовых* погромов, из коих: 40% — от петлюровских отрядов, сторонников украинской Директории; 25% от отрядов украинских «батек»; 17% — от деникинцев; и 8,5% от Первой Конной армии Будённого и других красных[95].

Сколько же растерзанных судеб легло позади этих цифр!

Ещё в ходе Гражданской войны национальные и социалистические еврейские партии начали сливаться с красными. «Фарейникте» стала «Комфарейникте», «приняла коммунистическую программу и совместно с коммунистической фракцией Бунда образовала Комбунд» (всероссийский) в июне 1920; а на Украине, выходцы из Фарейникте вместе с украинским Комбундом образовали «Комфарбанд» — Еврейский коммунистический союз: и он тоже влился в РКПб[96]. В Киеве в 1919 советская официальная печать содержала тексты на трёх языках: русском, украинском и на идише.

«Большевики извлекли огромную пользу для себя из этих [на Украине] погромов, эксплуатировали их чрезвычайно умело для воздействия на общественное мнение не только в России, но и за границей... во многих кругах не только еврейства, но и стран европейско-американского мира»[97].

А между тем и у красных нос был вымочен в еврейских погромах, — да у них-то раньше всех. «Весной 1918 погромы под лозунгом "Бей жидов и буржуев" устраивали отряды Красной армии, отступавшие с Украины»; «особенно жестокие погромы Первая Конная армия устраивала при отступлении из Польши в конце августа 1920»[98]. — Однако погромы от Красной армии остались в истории Граждан-

---

94 КЕЭ, т. 6, с. 569.

95 *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 56.

96 *И.Б.Шехтман.* Советская Россия, сионизм и Израиль // КРЕ-2, с. 321; КЕЭ, т. 6, с. 85; т. 1, с. 560.

97 *И.О.Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 134.

98 КЕЭ, т. 6, 570, 574.

ской войны как бы прикрытыми. За исключением немногих голосов, вот — Бикермана: «В первую зиму большевицкого владычества сражавшиеся под красным знаменем красные войска учинили ряд кровавых погромов, среди которых выделяются глуховский и новгород-северский, количеством жертв, нарочитым зверством и издевательством над замученными затмившие и калущское злодеяние. Отступая под давлением немцев, красные войска громили встречные еврейские местечки»[99].

Вполне определённо пишет и С. Маслов: «Путь Конной армии Будённого, когда с польского фронта она перебрасывалась на крымский... был отмечен тысячами убитых евреев, тысячами изнасилованных женщин и десятками дотла разграбленных еврейских поселений... В Житомире с погрома начинала каждая власть, и почти при каждом своём вступлении. Особенностью всех этих погромов — петлюровских, польских, советских — было значительное количество убитых»[100]. Особенно выделились Богунский и Таращанский полки — впрочем, перешедшие к Будённому от Директории, и: за эти погромы полки якобы разоружены, а зачинщики повешены.

Уже цитированный нами социалист С. Шварц заключает из исторического отдаления (1952): «В годы революции, особенно в годы гражданской войны... антисемитизм вырос чрезвычайно... широко захватив, особенно на юге... основную толщу городского и сельского населения»[101].

Увы, сопротивление русского населения большевикам (без чего мы не имели бы права звать себя народом) — споткнулось, свернуло с пути во многих отношениях, в том числе и в еврейском. А большевицкая власть — евреев зазывала, и они к ней шли, и вся Гражданская война только шире и шире разверзала эту пропасть.

«Если революция в общем поставила еврейство вне подозрения в контрреволюции, то контрреволюция заподозрила всё еврейство в целом в революционности». И так «гражданская война оказалась для еврейства нестерпимой мукой, укрепившей еврейство на неправильных револю-

---

99 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 63.

100 *С.С. Маслов*, с. 26.

101 *С.М. Шварц.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 14.

ционных позициях», и оно «не распознало настоящего спасительного существа белых армий»[102].

Не упустим из виду и общую обстановку Гражданской войны. «Была смута в точном значении этого слова, было полное безначалие... Убивал и грабил всякий, кто мог и хотел, и кого хотел... Избивались бунтующей черныю сотнями и тысячами офицеры русской армии. Истреблялись помещичьи семьи... горели... помещичьи усадьбы; растаскивались и уничтожались культурные ценности... избивалось местами в экономиях всё живое, даже бессловесная тварь. На улицах городов... свирепствовали самосуды. Владельцы фабрик и заводов изгонялись из своих предприятий и жилищ... Десятками тысяч расстреливались во славу пролетарской революции люди на всём протяжении России... другие... гноились в смрадных, зараженных тюрьмах заложниками... Не вина, не деяния лица опускали топор ему на шею, а принадлежность его к определённому слою, сословию, классу. При этих условиях, когда на смерть обрекались целые человеческие группы, было бы подлинным чудом, если бы не добрались до группы "евреи"... Проклятием времени было то, что... можно было объявить вредным класс, сословие, племя... Обречь на истребление целый класс общественный... это — революция, а убивать и грабить евреев — это погром?.. Погром евреев на юге России входит составной частью в общероссийский погром»[103].

Таково оказалось скорбное приобретение всех народов России, в том числе российского еврейства, после столь удачно обретенного равноправия, после Революции, лазурно начавшейся в марте Семнадцатого года. — Как широкое сочувствие среди российских евреев большевицкой стороне, так и отношение сформировавшейся Белой армии к евреям — затмили, стёрли главное благо возможной Белой победы: разумную эволюцию российского государства.

---

102 *Д.О.Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с.147, 148, 149.

103 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с.58–60.

Глава 17 — В ЭМИГРАЦИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

В результате Октябрьского переворота и Гражданской войны сотни и сотни тысяч российских граждан эмигрировали — отступили с боями или бежали. Здесь был и весь выживший боевой состав Белой армии, и часть казачества. За границу бежало и старое дворянство, столь разительно не проявившее себя в роковые годы революции; а богатство-то его было в земле, в имениях, — и прибывали в Европу бывшие землевладельцы и становились (кто не вывез драгоценностей) шофёрами такси или официантами. Тут были и купцы, промышленники, финансисты, не мало кто имел за границей деньги. И самые простые горожане, не все и с образованием, но чьё сердце не позволило остаться под большевиками.

В составе эмиграции было значительное число русских евреев. «Среди более чем 2 млн. эмигрантов из советских республик в 1918–1922 было более 200 тыс. евреев. Большинство из них пересекло польскую и румынскую границы, эмигрировав позднее в США, Канаду, страны Южной Америки и Западной Европы. Многие репатриировались в Палестину»[1]. — Особую роль занимала новообразовавшаяся Польша. В ней находилось собственное многочисленное еврейское население и до революции, теперь ехала сюда и часть возвратников — переселенцев военных годов. «Поляки исчисляют, что после большевистской революции из России в Польшу прибыло» 200–300 тысяч евреев[2]. (Это исчисление можно приписать не только эмиграции, но в значительной мере — новой российско-польской границе.) — Однако «основная часть евреев, выехавшая из России в

---

[1] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. Т. 8, с. 294.

[2] *Джеймс Паркс.* Евреи среди народов: Обзор причин антисемитизма. Париж: YMCA-Press, 1932, с. 44.

первые годы после революции, поселилась в Западной Европе. Например, в Германии к концу Первой Мировой войны насчитывалось около 100 000 русских евреев»[3].

«Если Париж с самого начала стал политическим центром русского Зарубежья, его неофициальной столицей, то его второй и как бы литературной столицей с конца 1920 по начало 1924 г. был Берлин (интенсивной культурной жизнью жила также в 20-е годы русская Прага, ставшая... главным университетским городом русского Зарубежья)»[4]. В Берлине же «вообще было легче устроиться» из-за инфляции. «На улицах Берлина» можно было видеть «представителей крупной промышленности и торговли, вчерашних банкиров и ремесленников»[5], и у многих оказались здесь капиталы. В сравнении с остальными эмигрантами из России эмигранты-евреи испытывали меньшую трудность акклиматизации в диаспоре, им жилось уверенней. Еврейская эмиграция проявила себя деятельней русской, эмигранты-евреи, как правило, избегли унизительных служб. Тот командир Корниловского полка Михаил Левитов, испытавший в эмиграции все чёрные работы, сказал мне: «А у кого мы в Париже имели приличный кусок хлеба? у евреев. А русские сверхмиллионеры скупились для своих».

В Берлине и в Париже «широко была представлена еврейская интеллигенция: адвокаты, книгоиздатели, общественные и политические деятели, учёные, писатели и журналисты»[6], многие из них были далеко ассимилированы, русские же «столичные» эмигранты принадлежали в большой доле либеральному направлению, — это создавало взаимную дружественность (которой не было с монархической русской эмиграцией). Во всём культурном воздухе российского зарубежья между двумя Мировыми войнами влияние и участие российских евреев более чем ощутимо.

---

[3] *Д.Харув.* Еврейская эмиграция из Российской империи и Советского Союза: статистический аспект // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1998. Т. 1 (6), с. 352.

[4] *Глеб Струве.* Русская литература в изгнании. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1984, с. 24.

[5] *А.Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе, 1917-1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 426-427.

[6] Там же, с. 426.

6—4917

(Нельзя не сказать в этой связи о предпринятом в 90-х годах в Израиле издании очень интересных сборников «Евреи в культуре Русского Зарубежья», длящемся и ныне[7].) Иные еврейские семьи, сохранившие твёрдый достаток, вели салоны для русского художественного мира, в том так явно проявилась атмосфера еврейской тяги к русской культуре и погружённости в неё. Всеизвестно щедрый дом М.О. и М.С. Цетлиных в Париже, И.В. Гессен в Берлине, И.И. Фондаминский-Бунаков, неутомимый в «его вечных беззаветных заботах о деле русской культуры в эмиграции»[8], Софья Прегель, Соня Делоне, Александр и Саломея Гальперны — все они постоянно занимались хлопотной организацией помощи бедствующим литераторам и артистам; помогали много, и не только именитым — Бунину, Ремизову, Бальмонту, Тэффи, но и неизвестным молодым поэтам и художникам. (Помощь эта не простиралась на «белые» и монархические слои русской эмиграции, с которой держалась взаимная неприязнь.) Вообще русские евреи оказались в эмиграции несравненно активнее других во всех видах культурно-общественной деятельности. Это было настолько разительно, что вылилось в статье Михаила Осоргина «Русское одиночество», напечатанной в газете русских сионистов «Рассвет», возобновлённой Вл. Жаботинским.

Осоргин писал: «В России ни в общественном, ни в революционном движении (имею в виду глубины, а не поверхность) “русского одиночества” не чувствовалось, и виднейшими фигурами, дававшими тон и окраску... были русские — славяне». Не то теперь в эмиграции: «там, где духовный уровень выше, где углублены интересы мысли и творчества, где калибр человека крупнее, — там русский испытывает одиночество национальное; там, где близких ему по крови больше, — одиночество культурное. Эту трагедию я и обозначаю словами заголовка: *русское одиночество*... Я ни в какой мере не антисемит, но я в большой мере русский славянин... Свои, русские, мне гораздо ближе по духу, по

[7] Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе: В 5 т. Иерусалим, 1992 – 1996 / Сост. М. Пархомовский; Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1998 — . / Сост.-ред. М. Пархомовский и др.

[8] *Роман Гуль*. Я унёс Россию. Нью-Йорк: Мост, 1984. Т. 2: Россия во Франции, с. 99.

чистоте языка и говора, по специфическим национальным достоинствам и недостаткам. Иметь их моими единомышленниками и соратниками мне ценнее, просто даже удобнее и приятнее. В многоплеменной, вовсе не русской России я умею уважать и еврея, и татарина, и поляка, — и за всеми ими признаю совершенно одинаковое со мною право на Россию, нашу общую и нашу родную мать: но сам я из русской группы, из той духовно влиятельной группы, которая дала основной тон российской культуре». Однако вот теперь «русский за рубежом захирел и сдался, уступив общественные посты иноплеменной энергии... Еврей акклиматизируется легче... — его счастье! Зависти не испытываю, готов за него радоваться. С тою же готовностью уступаю ему честь и место в разных зарубежных общественных начинаниях и организациях... Но есть одна область, где “еврейское засилие” решительно бьёт меня по сердцу: область благотворительности. Я не знаю, у кого больше денег и бриллиантов: у богатых евреев или у богатых русских. Но я совершенно точно знаю, что все большие благотворительные организации в Париже и в Берлине лишь потому могут помогать нуждающимся *русским* эмигрантам, что собирают нужные суммы среди отзывчивого еврейства. Опыт устройства вечеров, концертов, писательских чтений достаточно доказал, что обращаться к богатым русским — бесполезная и унизительная трата времени... Лишь чтобы смягчить тон этой столь явно “антисемитской” статьи прибавлю, что, по моему мнению, национально-чувствительному еврею может часто мерещиться оттенок антисемитизма там, где в действительности присутствует лишь национальная чувствительность славянина»[9].

Статью Осоргина сопровождал в том же номере редакционный комментарий (по сути мыслей и стилю принадлежащий, вероятнее всего, главному редактору Жаботинскому): М.А. Осоргин «напрасно опасается, что читатели “Рассвета” усмотрят в [статье] антисемитские тенденции. Одно время было, правда, на свете такое поколение, которое инстинктивно шарахалось от слова “еврей” в устах нееврея. Один из заграничных вождей этого поколения ска-

[9] *М. Осоргин.* Русское одиночество / Публикация А. Разгона // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т. 1, с. 15–17 [перепечатано из: Рассвет, Париж, 1925, 15 февраля, № 7].

зал: "Лучшая услуга, какую может нам оказать передовая пресса, это — не говорить о нас". Его послушались, и в течение долгого времени в приличных прогрессивных кругах России и Европы, действительно, принято было смотреть на слово "еврей" как на звук непечатный. Слава Господу, время это прошло». Осоргина мы можем «уверить в нашем понимании и сочувствии... Впрочем, в одном пункте мы с [ним] прямо несогласны. Он придаёт слишком большое значение роли евреев в беженской благотворительности. Прежде всего — эта преобладающая роль естественна. Взаимопомощь есть один из основных навыков диаспоры. Мы учились технике диаспорального быта очень долго; русские — никогда... Но есть и более глубокая сторона вопроса... Мы от русской культуры получили много ценного — даже для нашего будущего самостоятельного национального творчества... Перед русской культурой мы, российские евреи, должники; никакими грошами мы этого долга не заплатим. Те из нас, которые делают, что могут, чтобы помочь ей пережить тяжёлое время, поступают правильно и, надеемся, будут так поступать и впредь»[10].

Однако вернёмся к первым послереволюционным годам. «В русской эмиграции ещё бушевали политические страсти, была потребность разобраться в происшедшем. Стали возникать газеты, журналы, книгоиздательства»[11]. Иные богачи, чаще евреи, финансировали эту нововозникшую российскую эмигрантскую прессу, от либерального направления и левей. Среди пишущих публицистов, редакторов газет и журналов, книгоиздателей — было много евреев. Подробный перечень их вклада в издания и издательства сохранён в «Книге о русском еврействе» (а теперь и в томах «Евреи в культуре Русского Зарубежья»).

Из первых следует выделить «Архив Русской Революции» И.В. Гессена, немалую историческую ценность (22 тома). Сам Гессен, вместе с А.И. Каминкой и В.Д. Набоковым (после его гибели — с Г.А. Ландау), издавал ведущую берлинскую газету «Руль»; она была «как бы эмигрантским продолжением "Речи"», но, в отличие от Милюкова, пози-

---

10 *М. Осоргин.* Русское одиночество // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т. 1, с. 18–19.

11 *А. Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // КРЕ-2. с. 427.

ция Иосифа Гессена была последовательно патриотической. В «Руле» печатались и часто цитируемые нами Г.А. Ландау и И.О. Левин, а также известный литературный критик Ю.И. Айхенвальд. — От «Руля» политический спектр берлинских газет шёл налево, к социалистам. А.Ф. Керенский издавал «Дни», где выступали в том числе и А.М. Кулишер-Юниус, автор «ряда научных трудов по социологии», сионист из окружения Жаботинского; С.М. Соловейчик; известный по эсеровскому прошлому О.С. Минор (он же и в пражской «Воле России») и бывший секретарь Учредительного Собрания М.В. Вишняк. — В Берлине в 1921 Ю.О. Мартов и Р.А. Абрамович основали «Социалистический вестник» (позже переехавший в Париж, затем в Нью-Йорк). Там сотрудничали Ф.И. Дан, Д.Ю. Далин, П.А. Гарви, Г.Я. Аронсон и др.

В.Е. Жаботинский, чей приезд в Берлин (после трёх лет в Иерусалиме) совпал с первой эмигрантской волной, возобновил, сначала в Берлине, потом в Париже, издание «Рассвета», публиковал и свои романы. Сверх того «множество русско-еврейских журналистов проживало в Берлине в период 1920–1923 гг., работая в местной и заграничной эмигрантской печати». Тут и И.М. Троцкий из бывшего «Русского слова», Н.М. Волковысский, П.И. Звездич (во время Второй Мировой войны погиб от рук нацистов), меньшевик С.О. Португейс, под псевдонимом Ст. Иванович (из прежнего петербургского «Дня»). Отсюда же шли и пьесы Осипа Дымова-Перельмана, романы и повести В.Я. Ирецкого[12].

Берлин стал столицей и русских книгоиздательств: «в 1922-м году все эти русские издательства выпустили в свет больше русских книг и изданий, чем в тот год было выпущено в Германии немецких. Большинство книгоиздателей и книготорговцев были евреи»[13]. Из главных выделяются издательство И.П. Ладыжникова, принадлежавшее, ещё с мировой войны, Б.Н. Рубинштейну (классическая, современная и научно-популярная литература), уже с 1919 издательство «Слово», им заведовали И.В. Гессен и А.И. Каминка (серийные русские классики, эмигрантские писатели и философы, высокоценные исторические и мемуарные труды), издательство З.И. Гржебина (связанного и с Сове-

---

[12] Там же, с. 429, 430.

[13] *И. Левитан.* Русские издательства в 20-х гг. в Берлине // КРЕ-2, с. 448.

тами, многие его издания продавались в тогдашнем СССР), художественно отменные выпуски «Жар-Птицы» (А.Э. Коган). А также «Грани» под руководством А. Цацкиса, «Петрополис» и «Обелиск» (Я.Н. Блох и А.С. Каган), «Геликон» А.Г. Вишняка, «Скифы» И. Штейнберга. — В Берлине же вышла «Всемирная история еврейского народа» С. Дубнова, 10-томником на немецком, а по-русски — в течение 30-х годов, уже в Риге.

Рига и вообще города свободных стран Прибалтики (с немалым еврейским населением) оказались живыми центрами еврейской эмиграции. А ещё — «единственным общим языком у латышей, эстонцев и литовцев оказался русский», и поэтому «весьма влитятельной» стала рижская газета «Сегодня» (издатели — Я.И. Брамс и Б.Ю. Поляк). В ней «работало большое число русско-еврейских журналистов»: редактор М.И. Ганфман, после его смерти — М.С. Мильруд; «Сегодня вечером» редактировал Б.И. Харитон (оба были арестованы НКВД в 1940 и погибли в советских лагерях). В «Сегодня» печатались и экономист В. Зив, М.К. Айзенштадт (под псевдонимом Железнов, позже Аргус), из Берлина писал и Гершон Свет, парижским корреспондентом был Андрей Седых (Я.М. Цвибак), берлинским — Волковысский, женевским — Л.М. Неманов[14].

С конца 20-х годов, при экономической неустойчивости и быстром росте нацизма, Берлин начал терять своё значение эмигрантского культурного центра. «Рулю» пришлось закрыться в 1931. Эмиграция рассыпалась — но «главный поток устремился во Францию», особенно в Париж, который и без того был из важнейших центров эмиграции.

В Париже центральной эмигрантской и многотиражной газетой были «Последние новости», основанные «в начале 1920 года петербургским присяжным поверенным М.Л. Гольдштейном. Финансирование газеты принял на себя М.С. Залшупин», а через год газета перешла «в руки П.Н. Милюкова... Пока существование газеты не стало прочным, значительное содействие ей в области финансовой оказывал М.М. Винавер». «Правой рукой Милюкова» там был А.А. Поляков. «Передовицы и политические статьи» писал Кулишер-Юниус (в 1942 был арестован во Франции

[14] *А. Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // КРЕ-2, с. 431, 432.

и погиб в концлагере). Иностранный отдел вёл М.Ю. Берхин-Бенедиктов, связанный с Жаботинским. Среди сотрудников и острый публицист С.Л. Поляков-Литовцев (а ведь научившийся «говорить и писать по-русски только в 15-летнем возрасте»), Б.С. Миркин-Гецевич (под псевдонимом Борис Мирский), видный кадетский публицист Пётр Рысс и другие. В «Последних новостях» появлялись и фельетоны И.В. Дионео-Шкловского, «популярно-научные» статьи Ю. Делевского (Я.Л. Юделевский). В качестве юмористов отличались Вл. Азов (В.А. Ашкенази), Саша Чёрный (А.М. Гликсберг), «король юмористов» Дон-Аминадо (Шполянский). «Последние новости» были самой распространённой из эмигрантских газет[15]. Шульгин назвал её «цитаделью политического еврейства и еврействующих русских»[16]. Седых счёл такое мнение «явным преувеличением». А политический накал вокруг газеты исходил ещё из того, что сразу после Гражданской войны её направление было — разоблачение, а от кого и травля Добровольческой армии. Отмечает и Седых: в Париже «раздел шёл не только по линии политической, но и национальной», «в состав редакции милюковской газеты входили многочисленные русско-еврейские журналисты», а «на страницах правого “Возрождения” (за исключением, впрочем, И.М. Бикермана) еврейские имена, как правило, никогда не появлялись»[17]. (Впрочем, «Возрождение», позже других основанное, уже в 1927 сломилось, когда богач Гукасов отставил главного редактора П.Б. Струве.)

В Париже с 1920 по 1940 издавался и ведущий литературно-политический журнал «Современные записки», основанный и ведомый эсерами — Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским-Бунаковым, В.В. Рудневым, М.В. Вишняком и А.И. Гуковским. Отмечает Седых: «Из пяти [его] редакторов... — трое были евреями. В 70 книгах «Современных записок» находим беллетристические произведения, статьи на разнообразные темы и воспоминания большого числа авторов-евреев». — «Иллюстрированную Россию» — она «давала в год в виде приложения 52 книжки класси-

---

[15] Там же, с. 431, 432–434.

[16] *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России (далее — *В.В. Шульгин*). Париж, 1929, с. 210.

[17] *А. Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // КРЕ-2, с. 432, 434.

ков или произведений эмигрантских писателей» — издавал М.П. Миронов, петербургский журналист, затем Б.А. Гордон (в прошлом владелец «Приазовского Края»)[18]. (В литературном мире эмиграции состояли и крупные русско-еврейские имена — Марк Алданов, Семён Юшкевич, уже упомянутые Жаботинский и Юлий Айхенвальд, М.О. Цетлин (Амари), — однако литературная жизнь в этой книге вообще не рассматривается: это отдельная большая тема.)

Тут место особо выделить фигуру и судьбу Ильи Фондаминского (рожд. 1880). И сам из состоятельной купеческой семьи, и в молодости женясь на внучке чаеторговца-миллионера В.Я. Высоцкого, он, вступив в новосозданную партию эсеров, «большую часть своего состояния и приданого жены пожертвовал на революцию»[19], на закупку оружия. В 1905 дал толчок началу всеобщей политической стачки в России и сам участвовал в эсеровском штабе восстания. В 1906 эмигрировал в Париж, где близко сошёлся с Д. Мережковским и З. Гиппиус, стал интересоваться христианством. Вернулся в Петроград в апреле 1917. Летом 1917 был комиссаром Черноморского флота, затем депутатом Учредительного Собрания, после разгона его скрылся. С 1919 снова в эмиграции во Франции — и в рассматриваемый здесь период жил в Париже. «Современным запискам» он отдал много души и постоянного труда; печатал там и серию своих статей «Пути России». Играл большую роль в культурной жизни эмиграции, всячески поддерживал русских писателей и поэтов. На какое-то время ему удалось даже создать «Русский театр» в Париже. «В смысле кипучести, разносторонности, неутомимости и бескорыстия его дел... Илье Исидоровичу в эмиграции не было равных»[20]. От эсерства он отошёл, став христианским демократом. Вместе с «созвучными» ему Г.П. Федотовым и Ф.А. Степуном стал издавать христианско-демократический «Новый Град». «Всё более тяготел в эти годы к православию»[21]. «В июне 1940 бежал из Парижа от наступающих немецких войск», но вернулся, в июле 1941 арестован

---

[18] *А. Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // КРЕ-2, с. 435-436.

[19] КЕЭ, т. 9, с. 253.

[20] *Роман Гуль.* Я унёс Россию. Т. 2: Россия во Франции, с. 100.

[21] *Глеб Струве.* Русская литература в изгнании, с. 230.

и отправлен в Компьенский лагерь под Парижем, «по некоторым сведениям там крестился... В 1942 был депортирован в Освенцим и уничтожен»[22].

По собственно еврейским вопросам — самым значительным органом был, с 1920 по 1924, парижский еженедельник «Еврейская трибуна», выходивший одновременно на французском и русском языках при ближайшем участии М.М. Винавера и С.В. Познера. В нём печатались и многие уже упомянутые журналисты из других газет.

А из-за океана подавала свой голос созданная в 1910 в Соединённых Штатах газета «Новое русское слово», издателем которой с 1920 был В.И. Шимкин, а главным редактором (с 1922) М.Е. Вейнбаум. Он вспоминал: «Газету часто критиковали, и было за что; над ней подшучивали, и не всегда без основания. Но она пускала корни и завоёвывала читателя»[23]. (На ней теперь стоит: «старейшая русская газета в мире» — да если судить только по годам, то и на 2 года старше «Правды». А остальные повсюду — в разное время, по разным причинам — захирели.)

Русские газеты национального или правого направления — возникали в Софии, Праге, даже и суворинское «Новое время» продолжалось в Белграде как «Вечернее время», — но все они лопнули или быстро сходили на нет, не оставив заметного следа. (Издатель «Руси» в Софии был убит.) Парижское «Возрождение» под руководством Ю. Семёнова (однако не в короткие годы редакции Струве) «не гнушалось антисемитских выпадов»[24].

Уехавшие вскоре после прихода большевиков — и вообразить не могли, что за адская пляска разыгралась в России. Верить слухам казалось невозможно. Свидетельств из «белого» лагеря старались не слышать. Но вот русские демократические публицисты (кадетка А.В. Тыркова-Вильямс, высланная в 1922 социалистка Е.Д. Кускова, бежавший эсер С.С. Маслов) один за другим принялись, ошеломляя

[22] КЕЭ, т. 9, с. 255.

[23] *А. Седых.* Русские евреи в эмигрантской литературе // КРЕ-2, с. 443.

[24] Там же, с. 432.

эмиграцию, сообщать печатно — что в Советской России быстро растёт народный антисемитизм: «Юдофобство одна из самых резких черт на лице современной России. Может быть, она даже самая резкая. Юдофобство везде: на севере, на юге, на востоке, на западе. От него не гарантирует ни уровень умственного развития, ни партийная принадлежность, ни племя, ни возраст... Даже принадлежность к еврейству не страхует от него»[25].

Такого рода утверждения были поначалу встречены среди эмигрантов-евреев, уехавших раньше, с недоверием: отчего бы так? В «Еврейской трибуне», в те первые годы, можно было прочесть возражение: «русское еврейство, взятое в целом, как национальная группа, пострадало от большевизма едва ли не больше всех прочих национальных групп России»; а что касается «банального отождествления евреев и комиссаров» — то его-то и распускает «чёрная сотня». От прежнего представления, что народ в антисемитизме не погрешен, а главный источник антисемитизма был царизм, теперь потекло к представлению, что русский народ и сам по себе носитель его. А значит, и подавление народного черносотенства — в заслугу большевикам. (Иные стали и прощать им даже капитулянтский Брестский мир. Вот в «Еврейской трибуне» в 1924 вытащен был и такой нафталинный аргумент: «русская революция 1917 г., трагически докатившаяся до Брест-Литовска, помешала куда более тяжкой и роковой измене Царского Села».)[26]

Но сведения подтверждались, а тут и в самом зарубежьи ясно проступили противоеврейские настроения значительной части русской эмиграции. «Союз Спасения России» (почитавший в. кн. Николая Николаевича) издавал листовки для СССР в таком духе: «Красной Армии. Семь лет евреи царствуют в Великой России...» — «Русским Рабочим. Вас уверяли, что вы будете хозяевами страны, что создадут "диктатуру пролетариата". Где же она? Кто у власти теперь во всех городах республики?..» — В СССР эти

[25] *С.С. Маслов.* Россия после четырёх лет революции. Париж: Русская печать, 1922. Кн. 2, с. 37.

[26] *Б. Мирский.* Чёрная сотня // Еврейская трибуна: Еженедельник, посвященный интересам русских евреев. Париж, 1924, 1 февраля, с. 3.

листовки, конечно, не попадали, но еврейскую эмиграцию пугали и оскорбляли.

С. Литовцев писал: «В начале двадцатых годов эмигрантский антисемитизм носил прямо-таки болезненный характер — это была своего рода белая горячка»[27]. Да много шире: в первые годы после победы большевиков — осудительные и недоброжелательные выводы против евреев делали многие в Европе, «отождествление большевизма с иудаизмом стало общепризнанной модой современного европейского мышления. И было бы смешно утверждать, что лишь антисемиты проповедуют эту социально-политическую ересь»[28]. Может быть, д-р Пасманик в 1922 спешил с выводами? но писал он тогда так: «Во всём цивилизованном мире, среди всех наций и среди членов всех социальных классов и политических партий, укрепилась вера в то, что евреи играют решающую роль в возникновении и во всех проявлениях большевизма. Наш личный опыт доказал нам, что этого мнения придерживаются не только отъявленные антисемиты, но и... представители демократической общественности... ссылаются на факты, т.е. на роль евреев в большевистском движении не только в России, но и в Венгрии, в Германии и повсюду, где оно появлялось. При этом явные антисемиты не очень считаются с правдой. Для них все большевики — евреи и все евреи — большевики»[29].

Годом позже писал и Бикерман: «Волны юдофобии заливают теперь страны и народы, а близости отлива ещё не заметно»; «не только в Баварии или Венгрии... не только в государствах, частью или полностью образовавшихся из обломков великой прежде России... но также в странах, смутой пощажённых, а от России отделённых целыми материками и океанами... В Германию приезжали японские учёные знакомиться с антисемитской литературой: и на далёких островах, где евреев почти нет вовсе, заинтересовались нами... Именно юдофобия: страх перед евреем как пред разрушителем. Вещественным же доказательством,

27 *С. Литовцев.* Диспут об антисемитизме // Последние новости, 1928, 29 мая, с. 2.

28 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 9.

29 Там же.

пугающим и ожесточающим, служит плачевная участь России»[30].

И в совместной декларации «К евреям всех стран!» (1923) эта группа авторов писала тревожно: «Никогда ещё над головой еврейского народа не скоплялось столько грозовых туч»[31].

Сказать ли, что авторы эти, по своей чувствительности, — преувеличивали? сгустили несуществующие угрозы? Но тут уже как грозно, с нашим поздним знанием, прозвучало и предупреждающее упоминание об «антисемитской литературе в Германии».

«Мнение, что большевизм создан евреями», было уже столь распространено в Европе (и это было *«среднее* мнение французской и английской обывательщины», отмечает Пасманик), что его поддержал даже зять Плеханова Жорж Бато, высказав в своей книге[32], что евреи — вообще революционеры, по своей природе: «так как иудаизм проповедует идеал социальной справедливости на земле... то он вынужден отстаивать революцию». Пасманик приводит высказывания Бато: «В продолжение веков... евреи всегда были против установленного порядка... Это не означает, что евреи сделали все революции или что они были их единственными или даже главными авторами; они помогают революциям и участвуют в них»; «Можно с полным правом утверждать, как это делают многие русские патриоты, часто даже из среды очень передовых людей, что Россия теперь агонизирует под властью еврейской диктатуры и еврейского террора»; «Беспристрастное изучение мирового положения позволяет констатировать общее возрождение антисемитизма, направленного не столько против евреев, как личностей, сколько против проявлений еврейского духа»[33]. — Также и англичанин Илэр Беллок[34] пишет о «еврейском характере большевистской революции», а то и про-

---

30 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 11–12 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

31 К евреям всех стран! // РиЕ, с. 6.

32 *Georges Batault.* Le problème juif. 5 edition, Paris, 1921.

33 *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство*, с. 15–16, 95.

34 *Hilaire Belloc.* The Jews. London, 1922.

сто: «еврейская революция в России». И «кто жил в последнее время в Англии», добавляет Пасманик, «знает, что мнение Беллока не представляет собою исключения». Книги и того и другого «пользуются огромной популярностью в публике»; «заграничные публицисты доказывают, что все разрушительные идеи последнего столетия распространены евреями, благодаря именно иудаизму»[35].

«Мы обязаны защищаться», пишет Пасманик, «потому что мы не можем отрицать очевидных фактов... Мы не можем ограничиться заявлением, что еврейский народ не отвечает за те или иные действия отдельных его членов... Наша цель... не только спор с антисемитами, но и борьба с большевизмом... не только парировать удары, но наносить их тем, которые провозгласили царство Хама... Борьбу с Хамом обязаны вести и Иафет и Сим, и эллины, и иудеи». — Где действительно надо искать корни большевизма? — «Большевизм прежде всего — антикультурное явление... это — проблема русская и всемирная, а не результат злодеяний каких-то "Сионских мудрецов"»[36].

«Обязанность защищаться» остро сознавалась евреями ещё и потому, что послевоенная Европа и Америка были затоплены огромными тиражами как раз «Протоколов сионских мудрецов», распространившихся внезапно и мгновенно: за 1920 год — 5 изданий в Англии, по нескольку в Германии и Франции, полумиллионный тираж в Америке, напечатанный Генри Фордом. — «Неслыханный успех "Протоколов", переведенных на многие языки, показывал, насколько была широка вера в большевистскую революцию как еврейскую»[37]. — Английский учёный Норман Кон: «в годы, непосредственно следовавшие за первой мировой войной, когда «Протоколы» выплыли из тумана и прогремели по всему миру, множество вполне здравомыслящих людей отнеслись к ним совершенно серьёзно»[38]. Подлинность их поддержали тогда лондонские «Таймс» и «Морнинг

---

[35] *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство*, с. 16, 78.

[36] Там же, с. 11–13.

[37] *М.Агурский.* Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA-Press, 1980, с. 195.

[38] *Норман Кон.* Благословение на геноцид: Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990, с. 24.

пост», — однако уже в августе 1921 «Таймс» опубликовал серию статей своего стамбульского корреспондента Филиппа Грейвса, где сенсационно обнажались обширные текстовые заимствования «Протоколов» из политического памфлета Мориса Жоли, имевшего мишенью Наполеона III («Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Макиавеллистская политика в XIX в.», 1864). В своё время весь тираж памфлета был арестован и изъят французской полицией.

На Запад «Протоколы» попали из охваченной Гражданской войной России.

Публицистическая подделка, изготовленная в начале века (в 1900 или в 1901), «Протоколы» впервые были напечатаны в 1903 в Петербурге. Их инициатором и «заказчиком» считают П.И. Рачковского, возглавлявшего Заграничную Агентуру Департамента Полиции с 1884 по 1902, главным исполнителем — Матвея Головинского, агента охранки с 1892, сына петрашевца В.А. Головинского (впрочем, новые версии появляются по сей день). Хотя «Протоколы» переиздавали ещё и в 1905, 1906, 1911 — они практически не получили распространения в дореволюционной России: «не нашли широкой поддержки в русском обществе... Распространители не смогли заручиться и поддержкой двора»[39]. После многих безуспешных попыток «Протоколы» всё же были представлены Николаю II в 1906 году и произвели на него сильное впечатление. На полях пометы: «Какое предвидение!», «Какая точность исполнения!», «Наш Пятый год точно под их дирижёрство!», «Не может быть сомнений в их подлинности». — Но, когда правые деятели предложили проект широкого использования «Протоколов» для защиты монархии, премьер П.А. Столыпин распорядился произвести секретное расследование их происхождения. Дознание вскрыло несомненный подлог. Государь был потрясён докладом Столыпина, но написал твёрдо: «"Протоколы" изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами»[40]. — И затем уж «отрицательное отношение вла-

---

[39] КЕЭ, т. 6, с. 846.

[40] Эти сведения В.Л. Бурцев получил в 1934 от ген. К.И. Глобачёва, бывшего с февраля 1915 по март 1917 начальником Охранного отделения в Петербурге, и опубликовал их в 1938 в Париже в своём исследовании о «Протоколах». См.: *В.Л. Бурцев.* В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог / Предисл. Ю.В. Давыдова; Примеч. Л.Г. Аронова. М., 1991.

стей России к “Протоколам сионских мудрецов” проявлялось жёстко: никаких ссылок на “Протоколы...” не допускалось даже во время подготовки процесса М. Бейлиса»[41].

Но «1918 был переломным в истории “Протоколов”»[42]. После захвата власти большевиками, после убийства царской семьи и в раскате Гражданской войны — интерес к «Протоколам» бурно оживился, стал массовым. Их издавали и переиздавали отделения ОсвАга в Новочеркасске, Харькове, Ростове-на-Дону, Омске, Хабаровске, Владивостоке, они имели широкое хождение и в Добровольческой Армии, и в населении (а позже в среде русских эмигрантов, особенно в Софии и Белграде).

«После победы большевиков распространение “Протоколов” в России было запрещено», преследовалось уголовно, но «в Европе завезенные белой эмиграцией “Протоколы” сыграли зловещую роль в становлении идеологии правых движений, особенно национал-социализма в Германии»[43].

Разоблачение «Протоколов» как подлога, и вообще отрицание знака равенства между большевиками и еврейством, составило значительную часть публицистической жизни либеральной эмиграции 20-х и 30-х годов. Из русских имён тут наиболее отметны — Милюков, Родичев, Бурцев, Карташев.

Историк церкви, православный богослов, но и общественный деятель, А.В. Карташев писал о неприемлемости для христианина антисемитизма ещё в дореволюционном сборнике «Щит»[44], нами много цитированном. В 1922 в эмиграции он написал предисловие к книге Ю. Делевского о «Протоколах»[45]. В 1937 с такой же просьбой — о предисловии для своей книги — к Карташеву обратился Бурцев. Карташев в предисловии написал: «Человек здравого смысла, доброй воли и небольшой научной дисциплины ума просто не может даже серьёзно обсуждать вопрос о подлин-

---

[41] КЕЭ, т. 6, с. 847.

[42] Там же.

[43] КЕЭ, т. 8, с. 848.

[44] *А.В. Карташев.* Избранные и помилованные // Щит*: Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. 3-е изд., доп. М.: Русское Общество для изучения еврейской жизни, 1916, с. 110–115.

[45] *Ю. Делевский.* Протоколы сионских мудрецов: (История одного подлога). Берлин, 1923.

ности этого полицейско-публицистического подлога, в своём роде талантливого, ибо заразительного для невежд... Нечестно, после неопровержимо вскрытого подлога, поддерживать явную ложь. Нечестно и обратное: из лёгкой победы над фальсификаторами "Протоколов" делать дешёвый адвокатский софизм... Полуистина есть ложь. А полная истина состоит в том, что еврейский вопрос стоит перед миром как один из трагических вопросов истории. И он не может быть разрешён ни дикарскими погромами, ни клеветой и ложью, а только честными и открытыми усилиями всего человечества. Погромщики и наветники крайне затрудняют здравую и честную постановку вопроса, оглупляют его и сводят к абсурду. Они сбивают с толку и самих евреев, всё время выдвигающих свою "угнетённую невинность" и ждущих от всех только сострадания и какого-то обязательного юдофильства». — Разоблачение этого «громкого апокрифа» Карташев считал несомненным «нравственным долгом», одновременно полагая, что, «прочищая глаза невежд от пыли "Протоколов", недопустимо этим вновь засорять зрение, делая вид, будто этим снимается еврейский вопрос»[46].

«Еврейский вопрос», в самом деле, ни статьями, ни книгами не снимался. Вот новая реальность в положении евреев в 20-е годы в Прибалтике и Польше. Хотя в прибалтийских государствах «евреям удавалось в течение ряда лет сохранять за собой влиятельные позиции в торговле и промышленности»[47], — евреи испытывали на себе давление среды. «Добрая половина русского еврейства вошла в состав отщепившихся от России новых государств... Новые государства с тем большим усердием насаждают каждое свой национализм, чем меньше они уверены в своей прочности»[48]. Там «евреи чувствуют себя окружёнными враж-

---

[46] ГАРФ. Ф. 5802, оп. 1, ед. хр. 31, л. 417–421. — Предисловие А.В. Карташева не было опубликовано В.Л. Бурцевым при выходе книги в 1938, однако сохранилось в его бумагах. О существовании этого предисловия мы узнали из статьи: *О. Будницкий.* «Еврейский вопрос» в эмигрантской публицистике 1920–1930-х // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1999.

[47] *И. Гар.* Евреи в Прибалтийских странах под немецкой оккупацией // КРЕ-2, с. 95.

[48] К евреям всех стран! // РиЕ, с. 6.

дебной и к тому же активной, неугомонной стихией. То выставляется требование: евреев в высшей школе должно быть пропорционально не больше, чем в армии... то в житейском обиходе атмосфера сгущается до того, что еврею дышать становится невозможно... В среде самоопределившихся народов войну против евреев ведёт само общество: студенты, военные, политические партии, улица». И. Бикерман заключил, что «еврей, разбивавший себе лоб за самоопределение народов, готовил для себя и своих стеснения: более тесную зависимость от чужой жизни»[49]. — «Положение евреев в Латвии, Эстонии и Литве буквально трагическое. Вчерашние угнетённые быстро вошли в роль угнетателей, притом крайне плебейских угнетателей, не стыдящихся своей грубой антикультурности»[50].

И вот оказалось, «что распад России означает также распад русского еврейства», история парадоксально показала, что единая Российская Империя, даже с её притеснениями, была для евреев благоприятнее. И вот в этих отколовшихся лимитрофах «евреи являются верными хранителями русского языка, русской культуры и ждут не дождутся восстановления великой России. Школы, в которых ведётся ещё преподавание на русском языке, заполняются еврейскими детьми», а языку нововозникшего государства учиться не хотят. «В этих государствах-клетушках русский еврей, изведавший жизнь на широком просторе великой Империи, чувствует себя стеснённым, сдавленным и пониженным в своём гражданском уровне, — несмотря на все права и автономии... Поистине судьбы нашего народа тесно связаны с судьбой великой России»[51].

Впрочем, международная позиция еврейства в кругах Версальского мира, и в частности в Париже, была крепка, и особенно в отношении сионизма. «В июле 1922 Лига Наций признала всемирную Сионистскую организацию в качестве “Еврейского Агентства”», представляющего сперва, и главным образом, интересы сионистов, потом и несионистов, и подкреплявшее также положение евреев в странах Европы[52].

---

[49] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 87–89.

[50] *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 219.

[51] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 84, 89.

[52] КЕЭ, т. 7, с. 890.

Сионистам же Бикерман ставил в вину, что они видят «для России... раздробление как идеальное состояние. Поэтому организация русских сионистов именует себя не русской, не российской, а русско-украинской. Поэтому сионисты и родственные им еврейские группы так усердно братались с украинскими самостийниками»[53].

Советская Россия после Гражданской войны погрузилась в глухое безмолвие. Отныне — и на десятилетия вперёд — были задушены всякие независимые голоса, гудел только казённый трубёж. Тем более страстно кипела эмиграция. Весь разброс её, от анархистов до монархистов, озаряли сполохи боли, напряжённые споры: кто же и насколько виновен во всём происшедшем?

Поднялась дискуссия и внутри эмигрантского еврейства.

По оценке Бикермана в 1923: «Еврей на всё отвечает привычным жестом и привычными словами: известное дело — мы во всём виноваты; где бы ни стряслась беда, будут искать и найдут еврея. Девять десятых из того, что пишется в еврейских повременных изданиях по поводу евреев и России, составляет только пересказ этой стереотипной фразы. Так как всегда и во всём мы виноваты, конечно, быть не можем, то еврей делает отсюда весьма лестный для нас и, на первый взгляд, житейски весьма удобный вывод, что мы всегда и во всём правы»[54].

Однако стоит задуматься: «Догму о спасительности революции для евреев еврейское общество яро отстаивало тогда [до революции], не менее горячо стоит за неё и теперь». И даже еврейские организации, собирающие помощь страдающим в СССР соплеменникам, при сборе средств в странах Запада «разоблачают, принижают, охаивают всё и всех, что было в России до большевиков и до революции силой, оберегавшей и строившей», ведь теперь «большевицкая Россия легко превратилась в обетованную землю», там равенство и социализм. Много евреев, выход-

---

[53] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 40.

[54] Там же, с. 12.

цев из России, осело и в Соединённых Штатах, и «среди них очень легко распространяются пробольшевицкие идеи»[55]. Еврейское настроение: лучше большевизм, чем реставрация царизма. Распространено «мнение, что падение большевизма в России неизбежно грозит еврейству новою волною кровавых погромов и массовым истреблением... И на этом основании большевизму отдаётся предпочтение, как меньшему злу»[56].

А тут подкатил и НЭП — так большевики эволюционируют к лучшему! они никак не пропащие! Разжались экономические тиски — так тем более большевики стали приемлемы. «НЭП, а там концессии, как-нибудь устроимся»[57].

Назвать еврейскую эмиграцию пробольшевицкой — нельзя. Но большевицкий строй не был для неё главным врагом, а у многих сохранялась к нему и благосклонность.

Однако примечателен и случай с эмигрантом-евреем литератором Горянским, глумливо поданный в виде насмешливого фельетона в советской газете[58]. В 1928 уже тогда прославленный Бабель (и уже сильно прохвастанный своей близостью к ЧК) для художественного настроя «временно проживал» в Париже, зашёл в кафе «Ротонда» и, увидев «старого знакомого», видимо по Одессе, великодушно протянул ему руку: «Здравствуйте, Горянский». А Горянский встал — и с презрением отвернулся от протянутой руки.

При развитии же гитлеризма в Германии — предпочтение большевизма естественно укоренилось в общееврейском общественном мнении ещё надолго.

М. Вишняк укорял: на 1-м Всемирном еврейском конгрессе в Женеве в августе 1936 отношение к большевицкой власти, ярко выраженное Н. Гольдманом, было по сути таким: «Если приемлют и даже заискивают перед большевиками» всякого рода свободолюбивые правительства и организации — то «почему не идти тем же путём и энтузиастам еврейского национально-культурного единства?... И только прямая сопричастность Москвы к антиеврейским бес-

---

[55] Там же, с. 47, 48, 72.

[56] *Ю. Делевский.* Меньшее ли зло большевики? // Еврейская трибуна, 1922, 19 сентября, с. 2.

[57] *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 221.

[58] *Г. Рыклин.* Случай с Бабелем // Известия, 1928, 16 марта, с. 5.

чинствам в Палестине подняла на несколько градусов возбуждение руководящих кругов конгресса против политики советской власти. И то... лишь в форме возмущения запретом древнееврейского языка... запретом эмиграции из СССР в Палестину и, наконец, непрекращающимся мучительством сионистов в политизоляторах и концлагерях. Тут Н. Гольдман нашёл и нужные слова, и должное вдохновение»[59]. — И в 1939, накануне Второй Мировой войны, ещё отмечалось: «нельзя отрицать, что среди зарубежного русского еврейства» настроение: делать «ставку на неприкосновенность советской диктатуры», лишь бы не было погромов[60].

И как же тогда относиться к большевикам-евреям? И. Бикерман: «Быль молодцу не в укор — так можно... определить отношение еврейской общественности к вышедшим из нашей среды большевикам и к их сатанинской злобе. Или по-современному: евреи имеют право иметь своих большевиков», эту «декларацию прав [я] слышал тысячи раз»; на собрании евреев-эмигрантов в Берлине «один за другим выходили на трибуну почтенный кадет, просто демократ, сионист» — и все «провозглашали это право евреев иметь своих большевиков», «заявления своего права на уродство»[61].

«А последствия этой словесности таковы: общественное мнение еврейства всего мира отвернулось от России и повернуло в сторону большевиков»; «когда хорошо известный нам, старый, заслуженный еврейский общественный деятель — белый ворон — предложил в одной из европейских столиц высокому еврейскому сановнику духовного звания организовать протест против казней православных священников в России [т.е. в СССР], тот, подумав, ответил ему, что это значило бы бороться против большевиков, чего он не считает возможным делать, так как падение большевицкой власти приведёт к еврейским погромам»[62].

---

59 Последние новости, 1936, 13 августа, с. 2.

60 *Ст. Иванович.* Евреи и советская диктатура // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 53.

61 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 23–24.

62 Там же, с. 54–55.

А если с большевиками жить можно — то что́ думать о Белом движении? Когда в ноябре 1922 в Берлине Иосиф Бикерман выступил на собрании в 5-ю годовщину основания Белой армии — еврейское общество было, в общем, возмущено, восприняло это как оскорбление еврейства.

Между тем д-р Д.С. Пасманик (на германском фронте до февраля 1917, затем в составе Белой армии до мая 1919, когда оставил Россию) уже окончил и в 1923 опубликовал в Париже цитированную нами книгу «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)», в которой горячо оспаривал повсюду звучавшее истолкование — объяснять большевизм еврейской религией: «отождествление иудаизма и большевизма представляет собою огромную опасность для всего мира». В 1923 же году он вместе с И.М. Бикерманом, Г.А. Ландау, И.О. Левиным, Д.О. Линским (тоже бывшим в составе Белой армии) и В.С. Манделем образовал «Отечественное Объединение русских евреев за границей». В том же году эта группа опубликовала обращение «К евреям всех стран!» и вскоре издала в Берлине сборник «Россия и евреи».

Взятую задачу и своё состояние они описывают так. Пасманик: «Невыразимая боль еврея и неизбывная тоска русского гражданина» диктовали эту работу. «Не легко было выработать гармоническое отношение к русскому и к еврейскому вопросам в связи со всеми мрачными явлениями последних лет. Мы... старались слить воедино интересы возрождённой России и страждущего русского еврейства»[63]. — Линский: «Безмерное горе» тем, кто, «сознавая свою принадлежность к еврейскому народу, одновременно с той же интенсивностью сознают себя русскими людьми». Гораздо легче тому, у кого «одно из русл, по которому движется поток сознания, иссыхает, почему человек чувствует себя только евреем или только русским, сообразно с чем и упрощается его позиция на поле трагического опыта России... Подлые годы революции погасили... ростки надежд» на сближение еврейского и русского, какие появились перед самой войной; теперь «активно проявляется... русско-еврейское отталкивание»[64]. — Левин: «На нас лежит обя-

---

[63] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 7, 14.

[64] *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 141, 144–145.

занность по возможности добросовестно и объективно разобраться в причинах и размерах участия евреев в революции. Это... может иметь известное влияние на дальнейшее соотношение между русскими и евреями»[65]. — Соавторы Сборника правильно предупреждали и русских — не путать смысл Февральской революции с участием евреев в ней. Бикерман даже и приуменьшал такое участие (да современникам большей частью и неясна была сравнительная роль ИК СРСД и Временного правительства). Однако, полагал он, после Октября — «из права иметь своих большевиков вытекала бы для еврейского народа обязанность иметь своих правых и крайних правых, полярно противоположных большевикам»[66]. — Пасманик: «Большевистский коммунизм во всех его видах и формах... злой и неизменный враг еврейства, ибо он прежде всего — враг личности вообще и культурной личности в особенности»[67]. — «Связанные многообразными и тесными узами с нашей родиной — с государственным порядком, хозяйством, культурой страны — мы не можем благоденствовать, когда всё вокруг нас гибнет»[68].

Нельзя не увидеть, что эта группа авторов понимала всё значение российского крушения — предельно отчётливо. При описании тех лет мы естественно так много черпаем от этих людей, с верой, что их горькие, но совсем не «самоненавистные» мысли могут быть наконец поняты, осмыслены — глубинно.

В их Воззвании 1923 года читаем: «Отечественное объединение русских евреев исходит из твёрдого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племён, большевики есть *наибольшее* из возможных зол... Пора еврею перестать с опаской оглядываться, не грешит ли он против революции... Не погрешить бы против родной страны [России] и родного народа [еврейского]»[69].

Состояние же еврейского сознания в начале 20-х годов, по мнению авторов Сборника, никак не таково. «Едва

---

65 *И.О.Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 124.

66 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 24.

67 *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 215.

68 К евреям всех стран! // РиЕ, с. 5.

69 Там же, с. 7–8.

ли не во всех слоях и кругах российского населения происходит... процесс самокритики, осмысливания происшедшего... Справедливы ли или нет эти обвинения и покаяния, они во всяком случае обнаруживают работу и мысли, и совести, боль сердца... Не будет преувеличением сказать, что всего менее заметна подобная работа в еврейской интеллигенции — и в этом бесспорно сказывается некая её болезненность... Извне глядя, можно подумать, что с точки зрения рядового еврейского интеллигента... всё обстояло вполне благополучно»[70]. Для него «виноваты все посторонние — правительство, генералы, крестьяне. Мы же ни при чём... Мы ни в малейшей степени не были кузнецами своей судьбы и судьбы окружающих; мы — случайный прохожий, на которого обрушилась балка»; «содействовали разрушению [реальности], а по разрушении — не заметили своего участия в этом деле»[71].

Особенная боль для авторов Сборника — евреи-большевики. «Грех, который в себе самом носит уже возмездие, ибо какое может быть большее несчастие для народа, чем видеть своих сынов беспутными»?[72] — «Не только то важно, что нашлись и понадобились русской смуте такие-то люди, что таких-то людей произвела еврейская среда; а то существенно, что они не встретили достаточного отпора в своей среде, достаточного противодействия»[73]. — «Мы обязаны взять на себя всю борьбу специально с большевиками-евреями, с разными евсекциями и вообще с еврейскими комиссарами»[74].

Заметим, что не одни эти авторы объясняли, почему российское (теперь и эмиграционное) еврейство должно бороться с большевизмом. Вот и на страницах «Еврейской трибуны»: «В случае же сметения большевизма в России бурею народного негодования, на еврейство, в глазах масс, могла бы падать ответственность за продление жизни большевизма... Лишь активное участие евреев в борьбе за лик-

[70] *Г.А.Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 100.

[71] Там же, с. 104.

[72] К евреям всех стран! // РиЕ, с. 6.

[73] *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 118.

[74] *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 225.

видацию большевизма гарантирует благо еврейства в общем деле спасения России»[75].

Бикерман предупреждал и так: если мы поддерживаем большевиков «по принципу: своя рубаха ближе к телу», то «не забудем, что тем самым мы и русскому человеку должны предоставить право заботиться о своей рубахе, которая ему ближе: клич “бей жидов, спасай Россию” получает освящение»[76].

А — к Белой армии? «Недостойное отношение евреев к людям, подъявшим на свои рамена безмерно тяжкое бремя борьбы за Россию, за миллионы безответных и безвольных, свидетельствует о глубоком моральном распаде, об извращении сознания...» Тогда, как «все мы, и евреи, и не-евреи, покорно подставляли выю под ярмо и спину под палку, отдельные русские люди, мужественные и гордые, просочившись сквозь все заставы, собравшись с обрывков фронта, разорванного в клочья, сплотились и подняли знамя борьбы... Уж то, что они посмели в этих условиях бороться, поднимает этих людей и их дело на ту высоту, на которой история записывает только подвиги нетленные. И эти люди стали предметом поношения» стольких евреев, «их клеймит каждый праздно-болтающий язык»; «вместо трагизма мы видим повальное легкомыслие, безграничную распущенность слова, торжествующее верхоглядство». Но «Россия, за которую боролись белые, нам не чужая; она тоже нам “своя рубаха”»[77]. — «Еврейство должно было биться за белое дело, как за дело спасения самого еврейского народа, ибо... только в восстановлении и в срочном спасении русской государственности найдёт спасение еврейство от той гибели, которая никогда так близко к нему не подходила, как в наши годы»[78].

(И Гибель — действительно подходила, хотя и не с той стороны.)

Сегодня, после советских десятилетий, кто оспорит эти доводы? Немногие авторы — еврейские или русские — видели столь далеко вперёд. А еврейское эмиграционное

---

[75] *Ю.Делевский.* Меньшее ли зло большевики? // Еврейская трибуна, 1922, 19 сентября, с. 3.

[76] *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 78.

[77] Там же, с. 52, 53–54.

[78] *Д.О.Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 149.

общество в целом — отвергло эти мысли. И тем — сорвалось на испытании очередным историческим периодом. Возразят: но это не принесло еврейству ощутимого, большого вреда, тем более Катастрофы, какую принёс гитлеризм. Да, не принесло сравнимого физического вреда, — но, в перспективе всей Истории, — отметный духовный ущерб, в частности в успехе большевизма изгонять еврейскую религию из страны, где когда-то она хранила заветные свои корни. И ещё: та, среди евреев, «ставка на большевизм» повлияла и на общий ход событий в Европе.

Авторы Сборника 1923 года тщетно взывали: «В многовековой истории еврейского рассеяния... не было ещё политической катастрофы, столь глубоко угрожающей нашему национальному бытию, как крушение Русской Державы, ибо никогда ещё живые силы еврейского народа не были в такой мере собраны воедино, как в прежней, живой России. Даже распад Арабского халифата вряд ли может сравниться с постигшим нас ныне бедствием»[79]. — «*Для единого русского еврейства* распад России на отдельные национальные самоопределяющиеся государства представляется *национальным бедствием*»[80]. — «Если в просторе русских земель, в безбрежности русской души нет места евреям, то и нигде на земле не отыщется [им] простора... Горе нам, если не уразумеем»[81].

Конечно, к самому концу XX века можно и легко отвергнуть эти грозные предсказания, хотя бы по основаниям физическим: и простора на Земле открылось бывшим российским евреям вполне достаточно, и своё еврейское государство возникло и утвердилось, а Россия лежит в разгроме, в таком бессилии и унижении, что предупреждение авторов Сборника, как надо считаться с нею, уже выглядит сильным преувеличением, неудавшимся пророчеством. И размышлять над ним остаётся по струне духовной, так неожиданно связавшей наши два народа в Истории.

«Если Россия нам не родина, тогда мы иностранцы и уже наверное не имеем права вмешиваться в жизнь стра-

---

79 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 92.

80 *В.С. Мандель.* Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // РиЕ, с. 202.

81 *Д.О. Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 153, 154.

ны»[82]. — «Россия будет жить, и возрождение её должно стать нашим национальным делом, делом всего... русского еврейства»[83]. — И наконец — уже отчаянной разрядкой на полстраницы: «*Судьбы русского еврейства неразрывно связаны с судьбой России; надо спасать Россию, если мы хотим спасти еврейство... евреи должны бороться с растлителями великой страны плечо о плечо со всеми антибольшевиками; совместная дружная борьба с общим врагом оздоровит атмосферу и значительно ослабит разлившийся широкой волной антисемитизм; только спасая Россию, можно будет предотвратить еврейскую катастрофу*»[84].

Катастрофу! — то сказано было за 10 лет до прихода Гитлера к власти, за 18 лет до его ошеломительного продвижения по территории СССР и до начала его программы истребления евреев. А не помешало бы Гитлеру столь легко, столь успешно проповедовать в Германии ненависть к «евреям и коммунистам», ставить между ними знак равенства, — если бы очевидными и упорными борцами против советской власти были евреи? Авторы этого Сборника, их духовные поиски, их пророчество чутьём улавливали уже тогда шагавшую на еврейство Катастрофу, однако ошиблись в пространстве и не предвидели других роковых движений. Смысл же этого грозного предупреждения остался неуслышанным.

В истории русско-еврейских отношений я не знаю ничего подобного этому сборнику «Россия и евреи». Он оказался разителен в своё время для евреев в эмиграции. Представим, насколько больно было слышать такое из еврейских уст, изнутри самого еврейства.

С русской стороны — мы никак не должны на этот сборник взглянуть поверхностно. Наоборот, брать с него пример: как, любя свой народ, уметь говорить о *своих* ошибках, где нужно — и беспощадно. И — нигде не чуждаясь, не ставя себя отдельно от своего народа. Самый верный путь к общественной истине — признавать *свои* ошибки, с каждой, с любой стороны.

---

82 *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 227–228.

83 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 93.

84 *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 217–218.

Отдав этим авторам много времени и раздумий (и читателя вовлеча), я хотел бы краткие сведения о них сохранить в нашей книге.

Иосиф Менассиевич Бикерман (1867–1942). — Из бедной мещанской семьи. Учился в хедере, в ешиботе, с 15 лет — самостоятельная борьба за существование; в трудных условиях жизни пробивался самообразованием. В 1903 окончил (с двухлетним перерывом на исключение за студенческие волнения) историко-филологический факультет Новороссийского университета. Противник сионизма как идеи, по его мнению, призрачной и реакционной. Призывал евреев, не отказываясь от духовной индивидуальности, объединяться с прогрессивными силами России в борьбе за благо общей родины. Дебютировал большой статьёй о сионизме в «Русском богатстве» (1902, № 7), вызвавшей отклики даже за границей. В 1905 принял широкое участие в Освободительном движении. Был сотрудником «Сына Отечества», «Русского богатства», «Нашего дня», «Бодрого слова». — В эмиграции печатался в парижском «Возрождении», когда им руководил П.Б. Струве.

Даниил Самойлович Пасманик (1869–1930). — Сын меламеда (учителя в хедере). В 1892 окончил медицинский факультет Цюрихского университета, после чего семь лет был практикующим врачом в Болгарии. В 1899–1905 — приват-доцент медицинского факультета Женевского университета. С 1900 примкнул к сионистскому движению и стал одним из его виднейших теоретиков и публицистов. В 1905 вернулся в Россию, сдал и тут необходимый экзамен на врача. Вёл борьбу за гражданские права евреев в России. Выступал против Бунда, разработал теорию движения «Поалей-Цион». В 1906–1917 член ЦК сионистской организации в России. Член редакции журнала «Еврейская жизнь», затем «Рассвета». Напечатал много статей в «Еврейском мире» и «Еврейской энциклопедии». Работы по медицине публиковал в специальных изданиях на немецком и французском. Война 1914 застала Пасманика в Женеве, откуда он с трудом добрался до России, вступил в армию и служил в полевых госпиталях до февраля 1917. После Февральской революции вступил в партию кадетов. Поддерживал ген. Корнилова и Белое движение. В 1918–1919

участвовал в краевом правительстве Крыма, был избран председателем Союза еврейских общин Крыма. В 1919 эмигрировал во Францию. В 1920–1922 совместно с В.Л. Бурцевым редактировал в Париже белоэмигрантскую газету «Общее дело». Из сотен его статей и десятков книг надо выделить: «Странствующий Израиль. Психология еврейства в рассеянии» (1910); «Судьбы еврейского народа. Проблемы еврейской общественности» (1917); «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)» (1923); «Революционные годы в Крыму» (1926); «Что такое иудаизм?» (франц. изд., 1930).

Исаак Осипович Левин (1876–1944). — Историк, публицист. До революции — внешнеполитический обозреватель «Русских ведомостей» и журнала П.Б. Струве «Русская мысль». В эмиграции сначала в Берлине. Член Русского научного института, сотрудник «Руля», «Русских записок» и историко-литературного альманаха «На чужой стороне»; выступал с докладами (в частности — о германском антисемитизме). Году в 31–32-м переехал в Париж. Был вдов, жил в большой нищете. Среди его работ — «Эмиграция французской революции» и книга о Монголии (по-французски). При германской оккупации зарегистрировался «по расовой принадлежности». В начале 1943 — взят. Недолго был в концентрационном лагере под Парижем, затем этапирован. Погиб в нацистском лагере в 1944.

Григорий (Гавриэль) Адольфович Ландау (1877–1941). — Сын видного публициста и издателя А.Е. Ландау. В 1902 закончил юридический факультет Петербургского университета. С 1903 выступал в периодике (газеты «Восход», «Наш день», «Еврейское обозрение», журналы «Бодрое слово», «Еврейский мир», «Вестник Европы», «Современник», «Северные записки»); участник ежегодника «Логос». Один из создателей «Еврейской демократической группы» (1904) и «Союза для достижения полноправия евреев в России» (1905). Видный кадет, член ЦК кадетской партии. В августе 1917 — участник Государственного Совещания в Москве. С декабря 1917 член Исполкома петроградской еврейской общины. В 1919 эмигрировал в Германию, с 1922 по 1931 заместитель И.В. Гессена в газете «Руль». Помимо «Руля» печатался в журнале «Русская мысль», еженедельнике «Россия

и славянство», сборниках «Числа» и др. Часто выступал с докладами на эмигрантских вечерах (в 1927 в докладе «Евразийское обольщение» критиковал «евразийство», как отрицающее ценности российской истории и ведущее к идейному большевизму). Из нацистской Германии перебрался в Латвию, сотрудничал в рижской газете «Сегодня». В июне 1941 арестован НКВД, в ноябре того же года умер в Усольлаге (близ Соликамска)[85].

Среди его трудов: «Шутовская культура» («Наш день», 1908); статья «Сумерки Европы» («Северные записки», 1914, №12), предвосхитившая «многое, что впоследствии создало мировую славу Освальду Шпенглеру»[86], затем одноимённая книга (Берлин, 1923); «Польско-еврейские отношения» (Пг., 1915); «О преодолении зла» (в кн. «Труды рус. учёных за границей», т. 2, Берлин, 1923); «Византиец и иудей» («Рус. мысль», 1923, № 1–2); «Тезисы против Достоевского» («Числа», кн. 6, Париж, 1932); «Эпиграфы» (Берлин, 1927). Многое, написанное им, прошло мимо внимания современников. По консервативности своего духа не был принят прогрессивной общественностью. Глубокий мыслитель.

О *Д.О.Линском* (в Гражданскую войну бывшем в Белой армии) и *В.С.Манделе* (активном участнике политических собраний 1907—1918 в России, эмигрировавшем в Берлин, ум. 1931) нам не удалось найти сколько-нибудь значимых сведений.

А увещания и упрёки поведению евреев-эмигрантов в 20-е годы — были в Сборнике ещё открытей и резче того. Они призывали соплеменников «сознать свою ошибку и не судить ту Великую Россию, в которой они жили и с которой они сжились в течение сотни лет»; надо бы «вспомнить, как они требуют справедливости к себе и как они недовольны, когда их осуждают всех огульно за деяния отдельных

85 Сведения об аресте и смерти Г.А.Ландау приведены по статье: *В.Гессен.* Иосиф Гессен: юрист, политик и журналист // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1993. Т. 2, с. 543.

86 *Фёдор Степун.* Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. London: Overseas Publications, 1990. Т. 1, с. 301.

лиц»[87], надо не бояться «взвалить часть ответственности за всё происшедшее и на плечи еврейства»[88]. — «Прежде всего точно определить свою *долю* ответственности и тем самым опровергнуть клеветы антисемитов... Это вовсе не означает приспособление к антисемитизму, как об этом протрубили некоторые еврейские демагоги... Это признание важно для нас самих, это — наш моральный долг»[89]. — «Еврейство должно пойти правым путём, соответствующим великой мудрости его религиозных заветов, ведущим к братскому примирению с русским народом... Строить вековое здание русского дома и еврейского жилища»[90].

А «мы сеем бури и ураганы и хотим, чтобы нас ласкали нежные зефиры... Поднимется, я знаю, вопль: оправдывает погромы!.. Я знаю цену этим людям, мнящим себя солью земли, вершителями судеб и во всяком случае светочами во Израиле... Они, с уст которых не сходят слова: чёрная сотня и черносотенцы, [—] сами чёрные, тёмные люди, подлинные *viri obscuri*, никогда не разумевшие... величия творческих сил в истории...» От нас требуется «с повелительной необходимостью, чтобы мы меньше выпячивали свою боль, меньше кричали о *своих* потерях. Пора нам понять, что плач и рыдания... чаще [свидетельствуют] о душевной распущенности, о недостатке культуры души... Ты не один в мире, и печаль твоя не может заполнить вселенной... выставление напоказ своего только горя, своей только боли свидетельствует... о неуважении к чужому горю, к чужим страданиям»[91].

Звучит — как сегодня сказано. И — всем нам.

И тех слов не должны бы отменить ни миллионы полегших в тюрьмах и лагерях ГУЛага, ни миллионы удушенных в нацистских лагерях.

В тот год — доклады авторов Сборника в Отечественном Объединении евреев «были встречены великим возму-

---

[87] *В.С.Мандель.* Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // РиЕ, с. 204.

[88] *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 210.

[89] Там же, с. 212, 213.

[90] *Д.О.Линский.* О национальном самосознании русского еврея // РиЕ, с. 152.

[91] *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 74–75.

щением» эмигрантской еврейской общественности. «Даже признавая, гласно или молчаливо, правильность фактических указаний и анализов, выражали негодование или удивление по поводу решимости с ними выйти на гласную арену. Несвоевременно-де говорить об евреях, критиковать, устанавливать их революционные грехи и ответственность, когда еврейство пережило и когда ему может быть ещё предстоит столько бедствий»[92]. Авторов Сборника «объявили чуть ли не “врагами народа” [еврейского], подсобниками реакции и союзниками погромщиков»[93].

«Еврейская трибуна» в те месяцы отвечала им из Парижа так: «Вопрос об “ответственности евреев за русскую революцию” до сих пор ставился только антисемитами». А теперь вот «идёт целый покаянно-обвинительный поход», мол, «нужно “не только обвинять других, но и признавать свою вину”», и ничего нового «кроме набившего оскомину “счёта имён”». «Слишком поздно... возлюбил г. Ландау» «старую “государственность”»; «“покаявшиеся” евреи, ставшие определёнными реакционерами»; их «выступления, несовместимые с достоинством еврейского народа... являются совершенно безответственными»[94]. — Особенно возмутительна эта попытка «отделить антисемитизм “общественный” от “официального”», доказывать, что «народ, общество, страна, — само население ненавидит евреев и считает их подлинными виновниками всех национальных бед»; как и попустители погромов, повторяют «старую теорию “народного гнева”»[95]. А то и прямо — бранью: «сошедшая было с еврейской общественной арены группа берлинских журналистов и деятелей... снова напомнила о своём существовании... не видит для сего лучшего средства, как идти походом на своих же сородичей — русских евреев»; эта «группка верных старому режиму евреев... ослеплена страстью во что бы то ни стало повернуть колесницу истории вспять», пишет «непристойные вещи», подаёт «праздные

---

92 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 100–101.

93 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 226.

94 *А. Кулишер.* Об ответственности и безответственности // Еврейская трибуна, 1923, 6 апреля, с. 3–4.

95 *Б. Мирский.* «16 пунктов» // Еврейская трибуна, 1924, 7 апреля, с. 2.

советы», берёт на себя «смешную роль врачевателей народных ран». Так вот им наука: «Порой уместнее хранить молчание»[96].

А сегодняшний весьма утончённый автор не находит для того Сборника лучшей оценки, чем «тяжёлая истерика». И попытка этих авторов, «и дальнейший их путь — доподлинная трагедия», считает он и объясняет эту трагедию «комплексом самоненавистничества»[97].

Да неужели с ненавистью писал Бикерман, как раз на своём «дальнейшем трагическом пути»: «Еврейский народ,... не секта, не орден, а целый народ, рассеянный по миру, но единый в себе, поднял знамя мирного труда и сплотился вокруг этого знамени, как вокруг символа угодного Богу порядка»?[98]

Однако не скажем, что европейские и эмигрантские евреи вовсе не прислушивались к подобного рода толкованиям или предупреждениям. Несколько раньше, в 1922, возникла ещё одна дискуссия. В возобновившемся сионистском «Рассвете» националист Г.И. Шехтман выразил, что не понимает, каким образом интеллигенция других национальностей может быть не националистична. Интеллигенция непременно принадлежит *своей* национальности, и чувствует *её* боли. Еврей не может быть «русским демократом», но, естественно, — еврейским демократом. «Двойного национального и демократического подданства я не приемлю». А если русская интеллигенция «не чувствует своей национальности» (Герцен) — то это просто потому, что у неё до сих пор «не было случая и не было надобности остро и болезненно ощущать своё национальное бытие, заботиться о нём. Но вот теперь — такой момент наступил». И ныне русская интеллигенция «должна отбросить все претензии на “общерусскость”; осознать себя, как *великорусскую* демократию»[99].

---

96 *С. Познер.* В чём же дело? // Там же, с. 1–2.

97 *Ш. Маркиш.* О еврейской ненависти к России // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1984, № 38, с. 218.

98 *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 25.

99 *П.Н. Милюков.* Национальность и нация* // Еврейская трибуна, 1922, 1 сентября, с. 1–2.

Трудно было ответить. Но перчатку поднял, не очень уверенно, П.Н. Милюков. Мы помним (глава 11), что он и в 1909 ужаснулся обнажению этого колкого, неприятного национального вопроса: «кому это выгодно?», своё «национальное лицо» сомкнёт нас с шовинистами. Но не стержень мировоззрения русского историка, а вот эта неловкая новая обстановка, когда столькие русские интеллигенты хватились в эмиграции, что прохлопали саму Россию, — заставляла и Милюкова несколько откорректировать свою позицию. Не в своих «Последних новостях», а в «Еврейской трибуне», куда меньшим тиражом, в обтекаемом ответе Шехтману, по-прежнему настаивая, что российский еврей и может и должен быть «русским демократом», Милюков осторожно поворачивает плоскость поляризации: а «когда это требование... выполняется, и появляется “новое национальное лицо” русской демократии (великорусское)» — то ведь первый же Шехтман и «боится “предстоящего прихода к власти осознавшей свою великодержавно национальную сущность великорусской... демократии”». Так — нужны ли нам эти призраки? Так — стоит ли нам портить отношения?..[100]

Эмиграция жила в накалённости не только словесной. В 1927 в Париже был звонкий судебный процесс: часовщик Самуил Шварцбард, вся семья которого погибла во время погромов на Украине, застрелил Петлюру пятью пулями[101]. (Портрет Шварцбарда сочувственно помещали советские «Известия»[102].) Адвокаты возвысили вопрос к оправданию убийства как справедливого возмездия погромщику Петлюре: «подсудимый хотел и должен был поставить перед мировой совестью проблему антисемитизма»[103]. Перед судом прошло много свидетелей защиты, что в погромах на Украине в Гражданскую войну был виновен лично Петлюра. Со стороны обвинения раздалось, что убийство это — по заданию ЧК. «Шварцбард с места, волнуясь, кричит: [свидетель] не хочет признать, что я действовал как еврей, и поэтому утверждает, будто я большевик»[104]. Шварцбард был

100 Там же.

101 Последние новости, 1927, 14 октября, с. 2; 19 октября, с. 1–2.

102 Известия, 1927, 21 октября, с. 3.

103 Там же*, 22 октября, с. 1.

104 Там же, 23 октября, с. 1.

7—4917

французским судом оправдан и освобождён. — На том суде называли уже и Деникина, и адвокат Шварцбарда провозгласил: «Если вы хотите начать процесс против Деникина, я готов стать с вами рядом!»; «я с таким же страстным убеждением защищал бы здесь мстителя Деникину, как защищаю теперь мстителя Петлюре» [105]. А такому мстителю дорога была открыта — Деникин жил в самом Париже, без охраны. Однако судебный процесс над Деникиным не возник. (Подобное убийство и в Москве: там в 1929 Лазарь Коленберг застрелил бывшего белого генерала Слащёва, перешедшего к Советам, за попустительство погрому в Николаеве, — «в ходе следствия признан невменяемым и освобождён из-под стражи» [106].) — А прокурор на суде Шварцбарда напоминал, сопоставлял с ещё одним громким делом (Бориса Коверды): ведь Петлюра жил в Польше, но «вы [обращаясь к Шварцбарду], не убили его [там], потому что знали, что в Польше вас предали бы военно-полевому суду» [107]. В том же 1927 году за убийство большевицкого злодея Войкова в Варшаве юноша Коверда, тоже «желавший поставить перед мировой совестью проблему», получил 10 лет тюрьмы и полностью отбыл их.

В той Варшаве тогда, рассказывал мне белоэмигрант из группы Савинкова, капитан В.Ф.Клементьев, в еврейском населении бранили бывших русских офицеров «белогвардейской сволочью», «в еврейскую лавочку даже не вступишь». Таково было бытовое отчуждение, не только в Варшаве.

Русская эмиграция по всей Европе была раздавлена скудостью, нищетой, тяжёлым бытом — ненадолго хватило её накаляться вокруг разбирательств: «кто больше виноват?» Во второй половине 20-х годов противоеврейские настроения в эмиграции пригасли, притихли. От Шульгина можно услышать в эти годы и такие размышления: «Разве наши “визные муки” не напоминают до поразительности стеснений, которые были испробованы евреями по причине “черты оседлости”? Разве нансеновские паспорта, которые являются своего рода волчьим билетом, заграждаю-

105 Последние новости*, 1927, 25 октября, с. 2; 26 октября, с. 1.

106 Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. Т. 2, с. 59.

107 Последние новости, 1927, 23 октября, с. 1.

щим путь, не напоминают надпись "иудейского вероисповедания", которую мы делали на еврейских паспортах, запирая этим для евреев многие двери? Разве (не будучи в состоянии пробиться, из-за особого положения нашего, на службу государственную или к некоторым профессиям) мы не занимаемся всякого рода "гешефтами" (комиссионерство и прочее в этом роде)? <...> Разве мы не приобретаем постепенно привычки "обходить" неудобные для нас законы, точь-в-точь как это делали у нас евреи, и за что мы их ругали?»[108]

Но именно в те же годы противоеврейские настроения накалялись в СССР, уже отзвучивали и в советской печати — вот это вызвало тревогу еврейской эмиграции. И в мае 1928 в Париже был устроен для эмигрантов публичный «диспут об антисемитизме». Отчёт о нём был помещён в милюковской газете[109]. (Замолчавшая группа Бикермана-Пасманика уже не выступала там.)

Повод для беседы: «в России в настоящее время гуляет на просторе одна из сильных, периодически подымающихся волн юдофобства». — Председательствовал эсер Н.Д. Авксентьев, в публике — «больше русских, чем евреев». Марк Слоним объяснял, что «долго угнетённое русское еврейство, получив свободу, ринулось завоёвывать позиции, до сих пор ему недоступные», что и раздражает русских. «В общем, прошлое роковым образом тяготеет над настоящим». И «дурные причины» (царского времени) вот и «породили дурные последствия». — Ст. Иванович: в Союзе травят евреев потому, что не стало можно травить «буржуев», из-за НЭПа. Но тревожно то, что круги русской интеллигенции в СССР, нейтральные в еврейском вопросе, теперь позволяют себе думать: хорошо, «начнётся с антисемитизма, а кончится русской свободой. Опасная и глупая иллюзия».

Такие выступления возмутили следующего оратора, Вл. Гросмана: что за адвокатский тон? «Точно еврейство на скамье подсудимых!» Нужна более глубокая постановка вопроса: «Нет оснований отличать советский антисемитизм от антисемитизма в старой России», то есть действует всё то же неподавленное черносотенство, столь любезное рус-

108 *В.В. Шульгин*, с. 156.

109 Последние новости, 1928, 29 мая.

ским. «Это вопрос не еврейский, а русский. Вопрос русской культуры».

(Но если он — столь русский, насквозь русский, коренно-русский, — тогда и исправить ничего нельзя? А взаимность — не нужна?)

Автор отчёта о диспуте С. Литовцев воззвал: «было бы необходимо привлечь к спору несколько честных людей, которые возымели бы мужество объявить себя антисемитами и чистосердечно объяснили бы, почему они антисемиты... Просто, без лукавства, сказали бы: "мне не нравится в евреях то-то и то-то..." А вместе с ними должны бы выступить несколько не менее искренних евреев с ответами: "А в вас нам не нравится то-то и то-то..." Можно быть абсолютно уверенным, что такой честный и открытый обмен мнений, при доброй воле к взаимному пониманию, принёс бы действительную пользу и евреям, и русским — России...»[110].

Тогда Шульгин отозвался: «Сейчас, в русской эмиграции, пожалуй, скорее надо иметь мужество, чтобы объявить себя филосемитом». Он ответил целой книгой, закавычив в названии вопро́с Литовцева: «Что нам в них не нравится»[111].

Книгу Шульгина признали антисемитской, и предложенный «обмен мнений» не состоялся. А всё явственней катившая из Германии Катастрофа вскоре сняла все возможные диспуты.

В Париже создалось «Объединение русско-еврейской интеллигенции» — как бы попытка удержать связь между обеими культурами. И тут — обнаружилось, что «жизнь в изгнании вырыла пропасть между "отцами" и "детьми"», они уже не понимают, что такое «русско-еврейская интеллигенция»[112]. — И с печалью констатировали отцы: «Возглавлявшие раньше мировое еврейство в области духовного творчества и национального строительства русские евреи сошли, как таковые, с общественной арены»[113]. До войны Объединение успело выпустить сборник «Еврейский

---

[110] *С. Литовцев.* Диспут об антисемитизме // Последние новости, 1928, 29 мая, с. 2.

[111] *В.В. Шульгин*, с. 11.

[112] *С.М. Гинзбург.* О русско-еврейской интеллигенции // ЕМ-1, с. 33.

[113] Предисловие // ЕМ-1, с. 7.

мир»-1. По войне, кому удалось, перебрались за океан, там неутомимо создали «Союз русских евреев» в Нью-Йорке, выпустили «Еврейский мир»-2. Там же, уже в 60-х, «Союз» выпустил две «Книги о русском еврействе» — дореволюционном и пореволюционном. Тянуло их — оглянуться на ту прежнюю, уже отошедшую жизнь, в той, уже не существующей, России.

Все эти книги я с признательностью и уважением цитирую в нынешней своей.

Глава 18 — ДВАДЦАТЫЕ ГОДЫ

Советские Двадцатые годы, эпоха с неповторимым воздухом надолго — на несколько десятилетий — утвердилась в восхищении мировой либеральной общественности величием светлого социального эксперимента. Не всюду и доныне произошло отрезвление. А кто того отравного воздуха воистину глотнул — теперь уже почти ушёл с Земли.

Неповторимость воздуха была и в классовой лютости, и в обещательной радуге небывалого нового мира, новизне человеческих отношений, и в переломе всего хозяйства страны, быта, семейного строя; сдвиги социальные, миграционные, демографические — были и в самом деле колоссальны.

«Великий исход» еврейского населения в столицы — по разным, приведенным нами, причинам — начался в первые же годы коммунистической власти. Иные авторы-евреи описывают его категорично: «тысячи евреев кинулись из местечек и нескольких южных городов в Москву, Петроград, Киев навстречу “настоящей жизни”»[1]; начиная с 1917 «евреи валом повалили в Ленинград и Москву»[2]. Еврейская энциклопедия даёт такие цифры: «сотни тысяч евреев переселились в Москву, Ленинград и другие крупные центры»[3]; «в 1920 в Москве проживало около 28 тыс. евреев, в 1923 — около 86 тыс., по переписи 1926 — 131 тыс., в 1933 — 226,5 тыс.»[4]. В полушутку говорили тогда в Одессе, что «пошла мода на Москву». — Лурье-Ларин, фанатичный и планомерный водитель «военного коммунизма», пишет: в первые

---

[1] *М. Поповский.* О нас — со всей искренностью // Новый американец, Нью-Йорк, 1981, 20–26 сентября (№ 84), с. 7.

[2] *А. Львов.* Где ты, Адам // Новая газета, Нью-Йорк, 1981, 28 ноября–4 декабря (№ 82), с. 4.

[3] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим, 1976. Т. 1, с. 235.

[4] Там же, т. 5, с. 477–478.

годы новой власти местечки покинуло «не менее миллиона» евреев; к 1923 в *крупных* городах жило «уже... почти 50% всего еврейского населения Украины»; кроме того, с Украины и из Белоруссии был «отлив в РСФСР» (то есть в прошлом запретные «внутренние губернии»), в Закавказье и Среднюю Азию, и величина этого отлива — полмиллиона; при этом четыре пятых — в РСФСР, а каждый пятый переселенец — в Москве[5]. М. Агурский считает эти данные Ларина «существенно преуменьшенными». И указывает: эти демографические сдвиги затронули «коренные интересы русского населения»[6].

В военный коммунизм, «с запрещением частной торговли и ограничением мелкого ремесленничества», а ещё неуклонней для «бывших» и по «социальному происхождению», — введена была категория «лишенцы» (лишённые гражданских прав). Так и многие евреи «были лишены гражданских прав и стали “лишенцами”». Тем не менее «миграция еврейского населения Белоруссии во внутренние районы СССР, главным образом в Москву и Ленинград», не замедлялась[7]. Переселялись к родственникам или к землякам из полноправных, по взаимовыручке.

По переписи 1926 г. по всему СССР: в городах и местечках жило евреев 2 млн. 211 тыс. (83% всего еврейского населения), в сельских местностях — 467 тыс. Ещё «около 300 тысяч» — «не показали себя евреями», а они живут «почти сплошь в городах», так что «евреи в СССР на пять шестых» горожане, составляя в городах Украины до 23% населения, в городах Белоруссии — до 40%[8].

В столицах же и городах — самым значительным был приток евреев в аппарат советского управления. Вот Орджоникидзе в 1927 (на XV съезде компартии) докладывает: «каков национальный состав нашего аппарата». По его данным, в советском аппарате в Москве евреев служило 11,8%, на Украине 22,6% (в Харькове, столице, — 30,3%), в Белоруссии — 30,6% (в Минске — 38,3%)[9]. Если так, то

---

[5] *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР (далее — *Ю. Ларин*). М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 58–60.

[6] *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма. Париж: YMCA-Press, 1980, с. 265.

[7] КЕЭ, т. 1, с. 326.

[8] *Ю. Ларин*, с. 63–64, 74.

[9] Известия, 1927, 11 декабря, с. 1.

процент евреев в *городском* населении сходен с процентом евреев в аппарате. — Соломон Шварц, основываясь на статистико-экономических обзорах Льва Зингера, тоже утверждает, что в 1925–26 в руководящих советских органах «процент евреев почти не разнился от процента их в составе городского населения» (а в ВКПб — и значительно ниже)[10]. Но и следуя данным Орджоникидзе — *в среднем по стране* евреи были представлены в аппарате в шесть с половиной раз больше, чем в населении (по переписи 1926 — 1,82%).

Не упустим эту психологическую внезапность перехода от дореволюционных стеснений в правах: «Раньше евреям власть вовсе не была доступна, а теперь доступна больше чем кому-либо другому», констатирует И. Бикерман[11]. — Эта психологическая внезапность действовала, хотя и с разной силой, во всех слоях населения. С. Шварц пишет: «С середины двадцатых годов в Советском Союзе поднялась новая волна антисемитизма», — и он «отнюдь не был отголоском старого антисемитизма ("наследие прошлого")». Также и «чрезвычайным преувеличением является объяснение... деревенским происхождением» отсталых рабочих — ибо «почти нет сообщений» об «антисемитизме в деревне». Нет, «это было гораздо более опасное явление». Этот антисемитизм возник в средних слоях города — и проник «в верхние слои рабочего класса», «в рабочую среду, остававшуюся почти непроницаемой для антисемитизма до революции», «в среду учащихся [ВУЗов], в среду членов компартии и комсомола», а ещё раньше — «в местный государственный аппарат — особенно в небольших провинциальных центрах», — и вот широко разлились «настроения активного и агрессивного антисемитизма»[12]. —

10 *С.М. Шварц.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 44–46, 48–49 (со ссылкой на: *Л. Зингер.* Материалы и исследования Объединённой статистико-экономической комиссии при ЦК ОРТ'а. М., 1927. Вып. 1; Еврейское население в СССР (статистико-экономический обзор). М.; Л: Соцэгиз, 1932).

11 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 (далее — РиЕ) / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 28 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

12 *С.М. Шварц.* Антисемитизм... , с. 7, 17, 25, 29, 39.

О том же и Еврейская энциклопедия, уже из самого конца XX века: «Хотя официальная советская пропаганда утверждала, что антисемитизм 2-й половины 20-х гг. являлся “наследием прошлого”... факты доказывали, что он в основном был порождён сложившимся в эти годы своеобразным столкновением различных социальных сил в крупных городах». Тому способствовало «широко распространённое мнение, что власть в стране захвачена евреями, которые являются ядром большевиков»[13]. — Да уже и в 1-й половине 20-х годов с обострённой тревогой писал Бикерман (1923): «Теперь еврей — во всех углах и на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе Красной армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона... Русский человек видит теперь еврея и судьёй, и палачом; он встречает на каждом шагу евреев, не коммунистов, а таких же обездоленных, как он сам, но всё же распоряжающихся, делающих дело советской власти... Неудивительно, что русский человек, сравнивая прошлое с настоящим, утверждается в мысли, что нынешняя власть еврейская... Что она для евреев и существует, что она делает еврейское дело, — в этом укрепляет его сама власть»[14].

Пожалуй, не менее на виду, чем участие евреев во власти,— был и новый внезапный порядок в образовании и культуре. Новое неравенство не было по замыслу национальным — а столичным. Российскому читателю не надо объяснять, какие преимущества всё советское время насквозь, от 20-х годов до 80-х, давали столицы по сравнению с остальной страной. Из главнейших преимуществ — уровень образования и широта возможностей в нём. Кто в самые ранние советские годы утвердился в столицах — тот и обеспечивал детям и внукам на десятилетия вперёд перевес, по сравнению с провинцией, в высшем образовании и в аспирантуре, дальше дающих прямой и уверенный выход в центральный образованный класс. — А русскую интеллигенцию «утюжили» ещё с 1918. В 20-х *исключали* из ВУЗов

---

[13] КЕЭ, т. 8, с. 161–162.

[14] *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 22–23.

уже состоящих студентов — по соцпроисхождению: детей дворян, духовенства, чиновников, офицеров, купцов, даже мелких лавочников, а все последующие годы им отказывали в приёме, даже и просто детям интеллигенции. — Эти кары не распространялись на евреев как «нацию, угнетённую при царском режиме»: еврейскую молодёжь, хоть и *буржуазного происхождения*, свободно принимали в ВУЗы; еврею прощалось, что он не *пролетарий*.

Читаем в Еврейской энциклопедии: «При отсутствии каких-либо ограничений по национальному признаку при приёме в высшие учебные заведения... в 1926/27 учебном году евреи составляли 15,4% всех студентов... СССР, что почти в два раза превышало долю евреев среди всего городского населения страны»[15]. А дальше студенты-евреи, «благодаря высокому уровню мотивации», легко опережали в учёбе неразвитых «пролетарских выдвиженцев», рабфаковцев, — и так открывался свободный путь в аспирантуру. В первую очередь этим, уже с 20–30-х годов, определилась на долгое будущее столь видная затем доля евреев в советской интеллигенции. Отмечает Г.Аронсон: «Широкий доступ в высшие и специальные учебные заведения привёл к созданию не только кадров врачей, учителей и особенно инженеров и технических работников среди евреев, но и открыл для евреев возможность преподавательской и научно-исследовательской деятельности в университетах и других учреждениях»[16] — в размножившихся потом НИИ, НИИ. В начале 20-х «председателем Главнауки» был (после Главтоплива) не учёный, а большевицкий деятель Мартын Мандельштам-Лядов[17].

Ещё более разительные перемены охватили хозяйственную жизнь страны. Бухарин публично отметил в начале 1927 на партийной конференции, что «во время военного коммунизма мы русскую среднюю и мелкую буржуазию наряду с крупной обчистили». Как открыли свободную торговлю — «еврейская мелкая и средняя буржуазия заняла пози-

---

[15] КЕЭ, т. 8, с. 186

[16] *Г.Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 137.

[17] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. Т. 2, с. 218.

ции мелкой и средней российской буржуазии... Приблизительно то же произошло с нашей российской интеллигенцией, которая фордыбачила и саботажничала: её места кое-где заняла еврейская интеллигенция». К тому же «у нас в центральных районах, в центральных городах сосредоточены еврейская буржуазия и еврейская интеллигенция, переселившиеся из западных губерний и из южных городов». И вот «даже в кругах нашей партии нередко проявляется антисемитская тенденция, уклончик»; «мы должны, товарищи, с антисемитизмом вести яростную борьбу»[18].

Бухарин описывал картину, которая была у всех на виду. Еврейскую буржуазию не вымаривали сплошь, как русскую. Купец-еврей несравненно реже становился проклятым «бывшим», находились свои заступники и выручатели. Родственники или сочувственные из советского аппарата то полегчали в поборах, то предупреждали о грозящей конфискации или аресте. Если теряли, то — капиталы, не жизни. Тогда содействие оказывалось и полуофициально, Еврейским Комиссариатом при Совете Народных Комиссаров: ведь еврейская нация доселе была *угнетённая*, а значит, теперь, естественно, нуждается в помощи. Вот и Ларин, обходя расправу с русской «буржуазией», говорит только: теперь власть начала «исправление той неправильности, какая существовала при царизме до революции»[19]. — Так и при разгроме НЭПа удар по нэпманам-евреям не мог не смягчаться их связями в административных советских кругах.

А говорил Бухарин в ответ на заметное выступление сменовеховца, в прошлом кадета, проф. Ю.В.Ключникова. В декабре 1926 профессор сказал речь «на митинге по еврейскому вопросу» в Московской консерватории: «У нас есть отдельные выражения хулиганства, которые... уродливы. Источником этого служит задетое национальное чувство [русских]. Уже Февральская революция (1917) установила равноправие всех граждан России, в том числе и евреев. Октябрьская революция пошла ещё дальше. Русская нация проявила национальное самоотречение. Создалось определённое несоответствие между количественным со-

---

18 *Н.Бухарин.* [Доклад на XXIV Ленинградской губпартконференции] // Правда, 1927, 2 февраля, с. 4.

19 *Ю.Ларин*, с. 86.

ставом [евреев] в Союзе и теми местами, которые в городах временно евреи заняли... Мы здесь в своём городе, а к нам приезжают и стесняют нас. Когда русские видят, как русские же женщины, старики и дети мёрзнут по 9–11 часов на улице, мокнут под дождём над [лотком] Моссельпрома, и когда они видят эти сравнительно тёплые [крытые еврейские] ларьки с хлебом и колбасой, у них появляется ощущение недовольства. Эти явления катастрофичны... С этим нужно считаться. Страшно нарушена пропорция и в государственном строительстве и в практической жизни и других областях... Если бы у нас в Москве не было жилищного кризиса — масса людей теснится в помещении, где нельзя совершенно жить, и в то же время вы видите, как люди приезжают из других частей страны и занимают жилую площадь. Это приезжие евреи... Растёт национальное недовольство и национальная сторожкость, настороженность других наций. На это не надо закрывать глаза. То, что скажет русский русскому, того он еврею не скажет. Массы говорят, что слишком много евреев в Москве. С этим считайтесь, но не называйте это антисемитизмом»[20].

Однако Ларин эту речь Ключникова посчитал именно воплощением антисемитизма, более того: «Это выступление может служить и образцом большого благодушия советских органов в борьбе против антисемитизма. Ключникова здорово отругали последующие ораторы на том же митинге, но никаких административных мер против него не было принято»[21]. (Вот она, тоска активиста-коммуниста.) — Агурский комментирует: да, «за речь, подобную речи Ключникова, во все двадцатые, да и тридцатые годы неминуемо ждала бы репрессия», а Ключникову сошло; так не было ли, мол, чьего-то тайного поощрения?[22] (Да искать ли тайные объяснения? слишком уж скандально было бы наказывать только что доверчиво вернувшегося из-за границы виднейшего сменовеховца, подорвать всё течение, столь полезное советской власти.)

То и называлось в 20-е годы еврейским «завоеванием» русских столиц и крупных городов — где лучшие условия,

[20] *Ю. Ларин**, с. 124–125 (со ссылкой на стенограмму речи Ключникова и указанием, что часть её была напечатана в «Рабочей Москве» 7 дек. 1926).

[21] Там же, с. 127.

[22] *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 223.

где лучшее снабжение. Происходило переселение к более удобному и внутри самих городов. Писал Г. Федотов о тогдашней Москве: революция «исказила её душу, вывернув наизнанку, вытряхнув дочиста её особняки, наполнив её пришлым инородческим людом»[23]. А вот и еврейская шутка того времени: «Даже из Бердичева и даже глубокие старики переезжают в Москву»: «хочется умереть в еврейском городе»[24]. — В частном письме академика В.И. Вернадского в 1927: «Москва — местами Бердичев; сила еврейства ужасающая — а антисемитизм (и в коммунистических кругах) растёт неудержимо»[25].

Ларин: «Мы и не скрываем цифры о том, что в Москве и других крупных городах происходит рост еврейского населения», он «совершенно неизбежен и в будущем»; предсказывает переселение с Украины и из Белоруссии ещё 600 тысяч евреев. «Нельзя смотреть на эту практику, как на что-то стыдное, что наша партия замалчивает... Нужно создать в рабочей среде такое настроение, что всякий, кто выступает с речами против въезда евреев в Москву... каждый такой человек, вольно или невольно, контрреволюционер»[26].

А *контрреволюционеру* — девять грамм свинца[27], это известно.

Но что делать с «антисемитской тенденцией» — «даже в кругах нашей партии»? Это вызывало тревогу в партийных верхах.

В 1922, по официальным данным из «Правды», евреи составляли всего 5,2% партии[28]. М. Агурский: «Однако их

[23] *Г.П. Федотов.* Лицо России: Сб. статей (1918–1931). Париж: YMCA-Press, 1967, с. 57.

[24] *Г. Симон.* Евреи царствуют в России: Из воспоминаний американца. Париж: Родник, 1929, с. 50.

[25] Письмо В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу от 14 июня 1927 // Новый мир, 1989, № 12, с. 219.

[26] *Ю. Ларин*, с. 61–63, 86.

[27] Там же, с. 259.

[28] *Е.С.* О национальном составе РКП // Правда, 1923, 21 августа, с. 5.

удельный вес был значительно выше. В том же году на XI съезде партии евреи составляли 14,6% делегатов с решающим и 18,3% делегатов с совещательным голосом, а из числа избранных на съезде членов ЦК — 26%»[29]. (Попадаются и случайные данные; вот молчаливый московский мемуарист в июле 1930 разворачивает газету с итогами XVI съезда и записывает: «Портретированный в “Правде” 25-членный президиум ВКП заключает 11 евреев, 8 русских, 3 кавказцев и 3 латышей»[30].) — В крупных городах бывшей черты: в минской парторганизации состав евреев был в ранние 1920-е годы — 35,8%, в Гомеле — 21,1%, в Витебске — 16,6%[31]. Ларин отмечал: «среди революционного актива еврейские революционеры играют более крупную роль, чем во всей революционной массе», «благодаря своим качествам еврейские рабочие часто легче проходят на должности секретарей ячеек»[32].

В той же публикации «Правды» указывается, что те 5,2% ставили евреев в партии на третье место: после русских (72%) и украинцев (5,9%), на четвёртом латыши (2,5%), затем грузины, татары, поляки, белорусы); и на высокое место по степени партийности (процент народа, вступивший в партию): великороссов — коммунистов 3,8 на сто душ; среди евреев — 7,2 на сто[33].

М. Агурский верно замечает: большинство среди коммунистов составляли, конечно, русские (славяне), но «это было затемнено необычной для русских ролью евреев» у власти[34]. Она слишком бросалась в глаза.

Например, Зиновьев «сгруппировал вокруг себя в петроградском руководстве много евреев». (Агурский полагает, что именно это имел в виду Ларин, описав в своей книге фотографию президиума Петросовета в 1918[35].)

---

29 *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 264.

30 *И.И. Шитц.* Дневник «Великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж: YMCA-Press, 1991, с. 202.

31 Евреи в коммунистической партии // Еврейская трибуна, 1923, 1 июня (№ 164).

32 *Ю. Ларин,* с. 257, 268.

33 *Е.С.* О национальном составе РКП // Правда, 1923, 21 августа, с. 5.

34 *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 303.

35 *Ю. Ларин,* с. 258.

К 1921 «преобладание евреев в руководстве петроградской [партийной] организации... стало, видимо, столь одиозным, что Политбюро, учитывая уроки Кронштадта и антисемитских настроений в Петрограде, решило направить туда несколько русских членов партии, правда, исключительно с пропагандистской точки зрения». Так, вместо Зорина-Гомберга секретарём губкома был направлен Угланов, вместо Трилиссера — Комаров, в ЧК — Семёнов. Но «Зиновьев объявил новой группе войну и обжаловал решение Политбюро» — и Угланова отозвали из Петрограда, а «в петроградской организации стихийно сформировалась оппозиционная, чисто русская» группа, «вынужденная бороться с остальной частью организации, где тон задавали евреи»[36].

Но не только в Петрограде, — на XII партсъезде (1923) среди членов Политбюро евреев трое из шести. А в «подручном Партии», в Комсомоле, в президиуме Всероссийской конференции (1922) — трое из семи[37]. Такие соотношения на партийных верхах, очевидно, становились нестерпимыми для иных ведущих коммунистов; видимо, подготовлялся на XIII съезде партии (май 1924) антиеврейский переворот: «Существуют свидетельства того, что группа членов ЦК намеревалась на XIII съезде вывести из Политбюро вождей-евреев, заменив их Ногиным, Трояновским и другими, и что смерть Ногина сорвала этот заговор». А смерть эта, «буквально накануне открытия XIII съезда», была результатом «неудачной (и необязательной) операции по поводу язвы желудка», резанной ножом того же хирурга, который через полтора года устранит Фрунзе, при такой же необязательной операции[38].

Следующая по важности реальная власть в стране была ЧК–ГПУ. Исследователь архивных материалов, которого мы уже цитировали в главе 16, сообщает, на основе статистических данных о личном составе центральных и местных органов ЧК, очень интересные цифры за 1920, 1922,

---

36 *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 238–239.

37 Известия, 1922, 17 мая, с. 4.

38 Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения / Сост. М.А. Цявловский, с дополн. справками А.М. Серебренникова. Нью-Йорк: Телекс, 1990, с. 316.

1923, 1924, 1925 и 1927 годы[39]. Наблюдая их динамику, автор выводит: «Постепенно к середине 20-х доля представителей национальных меньшинств в аппарате снизилась. В целом по ОГПУ этот показатель упал до 30–35%, а в руководстве и среди ответственных работников — до 40–45%» (в сравнении с, соответственно, 50 и 70% в «эпоху красного террора»). Однако «отмечалось уменьшение процента латышей и увеличение процента евреев... 20-е были временем значительного притока еврейских кадров в органы ОГПУ». Автор объясняет это так: «Евреи стремились реализовать свои возможности, не востребованные в дореволюционный период. С учётом углублявшейся профессионализации органов госбезопасности евреи часто лучше других отвечали требованиям, предъявлявшимся к кадрам ОГПУ в новых условиях». И, например, «из четырёх помощников Дзержинского на посту председателя ОГПУ трое были евреями» — Г.Г.Ягода, В.Л.Герсон и М.М.Луцкий[40].

В 20-е и в 30-е годы крупные чекисты реяли по стране как орлы-стервятники, быстро переносясь со скалы на скалу: от начальствования Средне-Азиатским ГПУ куда-нибудь на Белорусское, из Западной Сибири на Северный Кавказ, из Харькова в Оренбург, из Орла в Винницу, — беспрестанный вихрь перелётов и смен. И одинокие голоса уцелевших свидетелей или наблюдателей только вспоминали вослед, без точной привязки к году, мелькающие имена палачей. Чекисты оглашали свои ряды предельно скупо, вся их работа и сила — на полной закрытости.

Но вот — подвело десятилетие славной ВЧК. И мы читаем в газете приказ за подписью вездесущего Уншлихта (с 1921 зампред ВЧК, с 1923 член Реввоенсовета СССР, с 1925 замнаркомвоенмор[41]): награждаются за «особо ценные заслуги» — уж, значит, самые наивыдающиеся, — Ягода («самоотверженность в деле борьбы с контрреволюцией»), М.Трилиссер (отличился «преданностью делу революции и

---

[39] *Л.Ю. Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В.Будницкий. Москва, Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 330–336.

[40] Там же, с. 340, 344–345.

[41] РЕЭ, т. 3, с. 178.

неутомимостью в преследовании её врагов») и ещё 32 чекиста... Да что ж нам их имён доселе не оглашали никогда?! А ведь каждый из них, одним шевелением пальца, мог уничтожить любого из нас. — Пестры их ряды — и среди них: уже знакомые нам Яков Агранов (за эти годы «фабриковал дела по всем важнейшим политическим процессам», ещё предстоят ему дела Промпартии, Зиновьева-Каменева и пр.[42]), и опять Зиновий Кацнельсон, и Матвей Берман (переправился из Средней Азии на Дальний Восток), и Лев Бельский (наоборот, с Дальнего Востока в Среднюю Азию). Тут и новые имена: Лев Залин, Лев Мейер, Леонид Вуль (соловецкий «попечитель»), Семён Гендин, Карл Паукер. С некоторыми из них мы уже и познакомлены, теперь с ними знакомился и народ. В этом юбилейном газетном номере[43] видим и крупный снимок: хитро улыбчивого Менжинского с его верным заместителем угрюмым Ягодой, а можем увидеть и Трилиссера, где ещё его найдёшь. — Спустя короткое время, спохватясь, что недонаградили, — от ЦИКа СССР орден Красного Знамени ещё двум десяткам чекистов, опять пёстрые ряды, с русскими, с латышами, а евреев — в тех же пропорциях, до трети.

А многие — совсем не мелькали в публичности. Семён Шварц в годы Гражданской войны был председатель Всеукраинской ЧК. А коллега его по Всеукраинской ЧК Евсей Ширвиндт потом целое десятилетие был начальником Главного Управления местами заключения и конвойной стражи СССР. — Естественно, что в беззвестности пребывали чекистские разведчики, как Гриммериль Хейфец, разведчик от конца Гражданской войны и до конца Второй Мировой, или Сергей Шпигельглас, чекист с 1917, через разведку возвысился до начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД, дважды получал звание «почётный чекист». Иным же, как Альберт Стромин-Строев, — не много-то и чинов досталось на том, что член комиссии по чистке Академии Наук в Ленинграде и «вёл допросы учёных по "академическому делу" в 1929–31»[44].

А Давид Азбель вспоминает семью гомельских хасидов Нехамкиных. (Азбель и сидел по доносу младшего, Лёвы.)

---

42 РЕЭ, т. 1, с. 21.

43 Известия, 1927, 18 дек., с. 1, 3, 4.

44 РЕЭ, т. 3, с. 115–116, 286, 374, 394, 414.

«Революция выбросила Нехамкиных на гребень волны. Они жаждали мщения: мстить всем — аристократам, богатым, русским — лишь бы мстить! Это был их путь к самоутверждению. Не случайно свела судьба питомцев этого славного рода в ЧК, ГПУ, НКВД, прокуратуру. Большевикам для осуществления их целей нужны были "бешеные", и они нашли их в семье Нехамкиных. Один из этой семьи, Рогинский, достиг даже "сияющих вершин"» — был заместителем прокурора СССР, «но в годы сталинских чисток, как и многие, был спущен под откос и попал в лагерь, где превратился в дешёвого стукача... Остальные братья Нехамкины не были столь известны широкой публике. Сменив свою фамилию на более привычную для русского уха, они занимали весьма высокие посты в органах»[45].

А Уншлихт не менял свою фамилию «на более привычную». И то сказать: до чего отцом русского народа стал этот наш славянский брат: боевой самолёт, построенный на средства крестьянских обществ взаимопомощи, то есть на последние копейки, выдранные из крестьянского кармана, назван «имени Уншлихта», — крестьяне бы и имени его не выговорили, и уж наверное думали о нём, поляке, что он еврей. — И это, оттесняя еврейскую тему, настойчиво напоминает нам, что дело далеко не в ней, ибо разрушительность революции она не объясняет, только густо окрашивает. Как окрашивали её для русского крестьянина и другие во множестве имена, каких произнести не могли, — от польского Дзержинского и Эйсмонта до латышского Вацетиса. А начни развивать тему латышскую? — и кроме тех стрелков, что разгоняли Учредительное Собрание, а потом держали на себе безопасность кремлёвской верхушки всю Гражданскую войну, да кроме того Геккера, подавителя ярославского восстания, — потянутся и через высшее руководство — Рудзутак, Эйхе, соловецкий Эйхманс, М. Карклин, А. Кактынь, Р. Кисис, В. Кнорин, А. Скудре (один из подавителей тамбовского крестьянского восстания), чекисты Петерс, Лацис (к ним в компанию — «почётный чекист» литовец И. Юсис) — и дотянется аж до 1991 года (Пуго...). — Да и, если настойчиво отличать украинцев от русских, как

---

45 *Д. Азбель*. До, во время и после // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1989, № 105, с. 204–205.

это требуют украинцы теперь, — десятки их мы видим на самых крупных постах большевицкой власти, от самого её начатка и до самого конца.

Нет, власть тогда была — не еврейская, нет. Власть была интернациональная. По составу изрядно и русская. Но при всей пестроте своего состава — она действовала соединённо, отчётливо *антирусски*, на разрушение русского государства и русской традиции.

И несмотря на такую антирусскую направленность власти, и при такой интернациональной пестроте палачей, — почему на Украине, в Средней Азии, уж не говоря о Прибалтике, народ считал своим поработителем русских? — Чужие. Свои разрушители — всё же свои, а чужие разрушители — от своей чужести неотделимы. И хотя объяснять действия разрушителей национальными корнями или побуждениями — ошибочно, но и в России 20-х годов тоже неотвратимо витал вопрос, какой вот, спустя много лет, задаёт и Леонард Шапиро: почему ж «всякому, кто имел несчастье попасть в руки ЧК, предстояла весьма высокая вероятность оказаться перед еврейским следователем или быть расстрелянным им»[46].

Но как же далеки от таких вопросов столь многие современные перья — и по сей день. И без тени подобных мыслей, да с каким редким тщанием, откапываются еврейскими авторами и приводятся в современных изданиях пространные списки начальствовавших тогда евреев. С каким неожиданным оттенком гордости журнал «Алеф» в статье «Евреи в Кремле»[47] публикует список, на 1925 год, евреев — административных чинов Совета Народных Комиссаров; перечисляет 8 из 12 членов правления Госбанка, столько же — из верхушки советских профсоюзов. А вот и объясняет: «Нам вовсе нечего бояться обвинений. Как раз наоборот: активное участие евреев в тогдашней государственной жизни может лишний раз объяснить, почему тогда государственные дела обстояли лучше, чем сейчас, когда еврея днём с огнём не найдёшь наверху". — Это написано, трудно поверить, — в 1989...

---

46 *Leonard Schapiro.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review, vol. 40, London: Athlone Press, 1961–62, p. 165.

47 *М.Зарубежный.* Евреи в Кремле // Алеф, Тель-Авив, 1989, Февраль (№ 263), с. 24–28.

Или вот другой, уже упомянутый, нынешний израильский автор[48], в своём кропотливом отборе чинов Красной армии бережно выписывает нам длиннющий список начальников Гражданской войны, тогда, в 20-е, расселившихся по большей части в Штабах и Политуправлениях, — и ещё всех ли он, к своей гордости, изыскал? — Касательно армии и ещё один израильский исследователь опубликовал статистические выкладки на основе данных переписи 1926 года: «Мужчины-евреи составляли в то время 1,7% всего мужского населения СССР... Среди боевых офицеров евреев было 2,1%... среди командного состава 4,4%... среди политического руководства — 10,3%, среди военных врачей — 18,6%»[49].

А что видно было Западу? Если посты внутригосударственного аппарата могут оставаться подолгу скрытыми (при сохраняемой конспиративности ВКПб, уже и пришедшей к власти), то дипломаты мелькают на виду у всего мира. При первых дипломатических конференциях с Советами — Генуэзской, Гаагской (1922) — не могла не отметить Европа, что советские делегации и их аппарат состоят большей частью из евреев[50]. — Несправедливостью Истории попала в полную тень долгая успешная дипломатическая карьера Бориса Ефимовича Штейна (он даже не упомянут в БСЭ, 1971 г.). А между тем — он был второй по важности (заместитель Чичерина) на Генуэзской конференции; затем — он же на Гаагской; позже — руководитель советской делегации в многолетних переговорах по разоружению; он же — член советской делегации в Лиге Наций. Побывав и послом в Италии, в Финляндии, вёл с последней щекотливые переговоры перед советско-финской войной. Наконец и в ООН, с 1946 по 1948, он был главой советской делегации. Он же — долголетний лектор в Высшей дипломатической школе (уволен в антикосмополитской кампании, но затем восстановлен в 1953). — Ещё один приближённый Чичерина, секретарь его Леон Хайкис, —

---

[48] *Арон Абрамович.* В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. 2-е изд. Тель-Авив, 1982. Т. 1.

[49] *Ицхак Арад.* Холокауст: Катастрофа европейского еврейства (1933–1945). Иерусалим, 1990, с. 96.

[50] Об этом, в частности, см.: *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство: (Большевизм и иудаизм). Париж, 1923, с. 148.

немало лет работал в аппарате НКИДа. В 1937 был послан на горячее место — послом в Испанию к воюющему республиканскому правительству (по сути — направлять его), но оттуда сорван арестом. — А разве не примечательна фигура Фёдора Ротштейна? Он — и создаёт коммунистическую партию Великобритании в 1920 — и, в том же году, он же — участник советской стороны переговоров с Англией! Двумя годами позже представляет РСФСР на Гаагской конференции[51]. (Правая рука Литвинова, самостоятельно ведёт приём послов и поверенных в делах, до 1930 входит в коллегию НКИД СССР, — и на 30 лет, до смерти, — профессор МГУ.)

А когда на другом конце Земли, в южном Китае, где и без того проворно шныряет уже лет пять М. Грузенберг-Бородин, взрывается в декабре 1927 кантонское восстание для свержения Гоминьдана (неудавшееся), то узнаётся, что готовил его наш вице-консул Абрам Хассис, 33-х лет, — и вот убит китайскими солдатами (в «Известиях» на первой же странице несколько статей, фотография и некролог, там «группа товарищей по борьбе» во главе с Куйбышевым, и уподобление убитого — Фурманову, Фрунзе, не мелко)[52].

В 1922 Горький говорил академику Ипатьеву, что советская торговая миссия в Берлине — на 98% состоит из евреев[53]. И можно думать, что тут преувеличение не большое. — Сходная картина и в других западных столицах, по мере их освоения Советами. Что такое была «работа» в раннесоветских торгпредствах — живейше описано в книге Г.А. Соломона[54], первого советского торгпреда в Таллине — первой европейской столице, признавшей большевиков. Нет слов пересказать это раннебольшевицкое безмерное, бессчётное ограбление России (одновременно с подрывной деятельностью против западных государств) и собственное разложение, вырождение этих деятелей.

Вскоре после того разговора с Ипатьевым Горький «был с негодованием раскритикован советской прессой за

---

[51] РЕЭ, т. 2, с. 499–500, т. 3, с. 273, 422.

[52] Известия, 1927, 22 декабря, с. 1.

[53] *Vladimir N. Ipatieff.* The Life of a Chemist. Stanford, 1946, p. 377.

[54] *Г.А. Соломон.* Среди красных вождей. Париж: Мишень, 1930. Ч. 2.

статью, в которой порицал советское правительство за размещение стольких евреев по ответственным позициям в правительстве и индустрии. Он не имел возражений против евреев как таковых, но, уклонясь от своего взгляда в 1918, думал, что должны доминировать русские»[55]. — И созвучная московская «Дер Эмес» («Правда») с возмущением откликалась: «Что же, они [Горький и Шолом Аш, взявший интервью] предлагают, чтобы евреи отказались от всякого участия в правительственном аппарате? Чтобы они убрались с дороги? Такое решение может быть принято только контрреволюционерами или трусами»[56].

Однако в течение 20-х годов такого не случилось. В уже названной публикации «Евреи в Кремле» автор, смакуя «Ежегодник Народного Комиссариата по иностранным делам» за 1925 год, знакомит нас с некоторыми ведущими именами из центрального аппарата НКИД, указывая и посты. — А «в литературно-издательской части наркомата не нахожу ни одного нееврея». — А далее, с явным умилением отмечает автор, «начинается перечень состава полномочных представительств и консульств СССР за границей, и тут выясняется, что не было тогда в мире страны, в которую Кремль не направил бы своего верного еврея!»[57] И приводит их развёрнутый список.

Немало еврейских имён мог бы найти автор «Алефа» в Верховном Суде РСФСР 20-х годов[58], и в Прокуратуре, и в РКИ. А вот уже встречавшийся нам А. Гойхбарг, после председательства в Малом совнаркоме, — разрабатывает законодательство нэповского периода, руководит составлением Гражданского кодекса РСФСР, он же директор Института советского права[59].

Много трудней обозреть власти областные-краевые — и не только потому, что они в центральной прессе мало мелькали, — ещё более из-за изумительной их подвижности, перебросчивости с поста на пост. Эти многочисленные и дальние переброски руководителей — в ленинское время

---

55 *Vladimir N. Ipatieff.* The Life of a Chemist, p. 377.

56 Еврейская трибуна*, 1922, 6 июля (№ 130), с. 6.

57 *М. Зарубежный.* Евреи в Кремле // Алеф, 1989, Февраль, с. 26–27.

58 Известия, 1927, 25 августа, с. 2.

59 РЕЭ, т. 1, с. 331.

вызывались острой нехваткой надёжных кадров, а в сталинское могли быть и признаком недоверия: оторвать от наросших связей?

Вот несколько траекторий. — Лев Марьясин: побывал секретарём губкома Орловского, он же — председатель Совнархоза Татарии, и потом — зав. отделом в ЦК Украины, и ещё потом — председатель правления Госбанка СССР, и ещё зам. наркомфина. — Или Морис Белоцкий: начальник политотдела Первой Конной армии (сила!), участник подавления Кронштадтского восстания, он и во НКИД, и 1-й секретарь Североосетинского обкома, и он же 1-й секретарь ЦК Киргизии, опять всё рядом. — Или Григорий Каминский: то он — секретарь Тульского губкома, то — секретарь ЦК Азербайджана, то председатель Колхозцентра, то уже и нарком здравоохранения, на все руки. — Или Абрам Каменский: нарком госконтроля Донецко-Криворожской республики, а вскоре — зам. наркома по делам национальностей РСФСР, да и тотчас — секретарь Донецкого губкома, а надо — в наркомате земледелия, а надо — директор Промакадемии, а надо — в наркомате финансов[60].

Да немало же и вождей комсомольских. Вот Ефим Цетлин, восходящий путь. С осени 1918 — первый председатель ЦК РКСМ; воротясь с Гражданской войны — секретарь ЦК и МК РКСМ, с 1922 — и член Исполкома КИМ (Коммунистического Интернационала Молодёжи); уже в 1923–24 — «на нелегальной работе в Германии», в 1925–26 — «на партийной работе в Ленинграде», дальше — в секретариате Исполкома Коминтерна, в редакции «Правды»; дальше — заведующий секретариатом Бухарина, что его и погубило[61].

Довольно разительна и карьера Исайи Хургина. В 1917 он «серповец», деятель Украинской Рады, Центральной и Малой, разрабатывает законопроект о еврейской автономии на Украине; с 1920 — уже в РКПб; с 1921 — торгпред Украины в Польше; с 1923 — представляет в США германо-американское транспортное общество, «фактически выполнял функции полпреда» советского, он же — создатель и первый председатель «Амторга», — и ещё необозрим бы

[60] Там же, с. 105, 536, 538, т. 2, с. 256.

[61] РЕЭ, т. 3, с. 311–312.

путь впереди, но в 38 лет (в 1925) утонул в озере, в Штатах [62]. Какая жизненная и политическая динамика!

Вот область хозяйственная, строительная. — Зампред ВСНХ — Моисей Рухимович. — В Госплане СССР Рувим Левин — член президиума, и он же — председатель Госплана РСФСР (позже — зам. наркома финансов СССР). — Захарий Каценеленбаум — изобретатель спасительного «Займа Индустриализации» 1927 г. (а стало быть, и всех последующих наших любимых «займов»), он же — один из создателей Госбанка СССР. — Моисей Фрумкин — с 1922 заместитель Наркомвнешторга, фактический руководитель его; и А.И. Вайнштейн, уже упомянутый, — долгие годы член коллегии наркомфина СССР. — Снова видим Владимирова-Шейнфинкеля, недавно наркомпрода Украины, а потом наркомзема её, теперь он наркомфин РСФСР и зам. наркомфина СССР [63].

Мельницу строить — за подтоп отвечать.

В ноябре 1927 происходит юбилейное заседание правления Госбанка СССР (5-летие введения червонца), в газете — статья З. Зангвиля о значении червонца и групповой снимок; а среди заседающих особо отмечены: «Пред. правления Шейнман, член правления Каценеленбаум»[64]. Шейнман же — был не только председатель правления Госбанка, на каждом советском червонце была изображена именно его подпись; он с 1924 — и нарком внутренней торговли СССР. И он же — возьмитесь, читатель, за сердце... в апреле 1929 остался за границей [65], то есть в проклятом капитализме!

Говоря же шире, о среднем служебном уровне в советских учреждениях, известный профессор-экономист Б.Д. Бруцкус спрашивает: «Разве революция не открыла перед еврейским населением новых возможностей?» Среди таких — государственная служба. «Более всего бросается в глаза... появление значительного количества евреев советских служащих, и притом часто на весьма высоких постах»; причём «большинство еврейских служащих выходит не из

---

[62] РЕЭ, т. 3, с. 302.

[63] РЕЭ, т. 1, с. 197–198, 234, 275–276, т. 2, с. 18, 140, 518, т. 3, с. 260.

[64] Известия, 1927, 27 ноября, с. 4.

[65] РЕЭ, т. 3, с. 383.

еврейской массы, а из верхов еврейского населения». — Но «верхи еврейского населения при своём вынужденном переходе на советскую службу, конечно, не выиграли, а потеряли», — если сравнивать с состоянием в своих бы собственных предприятиях, «в чужих ли капиталистических или в свободных профессиях». К тому же «вдвинутые в эту [советскую служебную] иерархию, евреи должны проявлять совершенно исключительный такт, чтобы не вызвать вокруг себя зависти и неудовольствия. Массовое появление евреев-служащих, даже независимо от [их] качеств, должно было не ослабить, а усилить антисемитизм в составе служащих и в интеллигенции». И констатирует: «Еврейских служащих особенно много в комиссариатах, исполняющих экономические функции»[66].

Ларин писал попроще: «Еврейская интеллигенция пошла в то время на службу к победившей революции охотно, целыми массами», видя «доступ к закрытой прежде государственной службе»[67].

Г. Померанц, спустя 50 лет, говорит в оправдание: История «затаскивала евреев в государственный аппарат», «евреям некуда было деваться, кроме государственных учреждений», в том числе ЧК[68], — мы на это уже отозвались выше. — Да ведь и большевикам «некуда было деваться», объясняет «Еврейская трибуна» из Парижа: «почему на различных советских должностях имеются евреи»? — «потребность в грамотных и не "пьяных" чиновниках приводит к привлечению [их] в советские канцелярии»[69].

Однако в «Еврейском мире», парижском сборнике, можно прочесть и такое: «Нельзя отрицать, что значительные части еврейской молодёжи» с большим процентом в ней «безнадёжных неудачников», «социально и культурно развинченных элементов... были втянуты в большевизм внезапно открывшимися соблазнами власти, карьеры — для одних, "мировой пролетарской революции" — для дру-

---

66 *Б. Бруцкус.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки, Париж, 1928, кн. 36, с. 519–521.

67 *Ю. Ларин*, с. 73.

68 *Г. Померанц.* Сон о справедливом возмездии // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1980, № 6, с. 52–53, 68.

69 *Б. Мирский.* Чёрная сотня // Еврейская трибуна, 1924, 1 февраля (№ 58), с. 3.

гих, и... смесью авантюристического идеализма с жестковатым делячеством — для третьих»[70].

Разумеется, не все были «втянуты в большевизм». Была и мирная еврейская масса, которую революция смяла. Но жизнь в бывшей *черте* не была на глазах у всего народа. А была перед глазами та атмосфера, которую выпукло рисует М. Хейфец: «Нагловатые, самоуверенно-довольные, распевали взрослые евреи на “красных праздниках” и свадьбах: “там, где сидели цари и генералы, теперь сидим там мы, они сидят под нами”»[71].

Но — какие «мы»? непременно идейные большевики? Нет, власть дала приглашение и «миллионам жителей гнилых местечек, старьёвщикам, корчмарям, контрабандистам, продавцам сельтерской воды, отточившим волю в борьбе за жизнь и мозг за вечерним чтением Торы и Талмуда», она им «предложила переехать в Москву, Петроград, Киев, взять в свои нервные, быстрые руки всё, выпавшее из холёных рук потомственной интеллигенции, — всё, от финансов великой державы до атомной физики, от шахмат до тайной полиции. Они не удержались от Исавова соблазна, тем более что в придачу к чечевичной похлёбке им предложили строить “землю обетованную”... сиречь Коммунизм»[72].

Да, «было еврейское очарование идеей, были еврейские иллюзии, что это “их” страна»[73]. — Многие евреи вовсе не кидались в вихри революции и не обязательно вступали в партию большевиков, но общий национальный фон был: сочувствие к большевикам и надежда, что теперь жить будет несравненно лучше. — «Большинство евреев встретило большевицкую революцию не со страхом, а с искренностью»[74]. — Так настроены были и евреи Украины и Белорус-

---

[70] *Ст. Иванович.* Евреи и советская диктатура // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 47.

[71] *Михаил Хейфец.* Место и время (еврейские заметки). Париж: Третья волна, 1978, с. 43.

[72] Там же, с. 44–45.

[73] *В. Богуславский.* В защиту Куняева // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1980, № 16, с. 174.

[74] *R. Rutman.* Solzhenitsyn and the Jewish Question // Soviet Jewish Affairs, 1974, Vol. 4, № 2, p. 7.

сии, «составившие заметную силу в борьбе против украинского и белорусского влияния» в пользу московского централизма (начало 20-х годов)[75]. И, по свидетельству о настроении «преобладающей части еврейского общества» в 1923: «большевизм "наименьшее" зло, уйдут большевики — нам ещё хуже будет, — таковы итоги этого настроения в умах, политически незрелых»[76]. Теперь ведь «еврей может быть командующим армией»! — «Этой добродетели достаточно, чтобы бесчисленные евреи стали сторонниками коммунистической власти»; «большевицкий распорядок представляется блестящей победой равенства, а полного уничтожения свободы не замечают»[77].

История уже начавшихся тогда тюремно-лагерных преследований социалистов в СССР обнаруживает, сколь большое число евреев-социалистов удержалось от эмиграции после революции, никак не предполагая всей кровожадности нового правительства. — А ведь уже и тогда советское государство было *такое же* несправедливое, безжалостное, как и в 1937 или 1950, — но в Двадцатые оно не вызывало в широких кругах еврейства отвращения или противоборства: не против еврейства направлено было главное остриё.

Когда Лесков в докладе Паленской комиссии опровергал одно за другим предполагаемые последствия русскому населению от свободного распространения евреев по всей России, — он, разумеется, и предвидеть не мог такой ситуации, как советские Двадцатые годы — столь обильное и властное участие евреев в государственном управлении, в административно-хозяйственном руководстве и направлении культуры.

Однако революция изменила весь возможный ход событий, и мы не можем представить, как пошло бы развитие без неё.

---

[75] *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 150.

[76] К евреям всех стран! // РиЕ, с. 7.

[77] *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 70.

Но когда в 1920 году петроградский профессор античной истории Соломон Лурье обнаружил в советской интернациональной коммунистической России — вдруг да опять антисемитизм? — он нисколько не удивился, напротив, нашёл, что «ход событий... блестяще подтвердил верность сделанных [им] прежде выводов», а именно: «причина антисемитизма лежит в самих евреях», — вот и сейчас, «несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме»[78].

Тот прежний российский (точней сказать, малороссийский) антисемитизм прошлых веков и начала XX — ведь правда же сдут с лика страны октябрьским ветром, вместе с семенами сдут решительно, как всё, что делала революция. Те, кто состоял в Союзе русского народа, шёл с хоругвями громить еврейские лавки, требовал казни Бейлиса, охранял по усердию трон, и все из городского мещанства, кто был возле них или похож на них, или подозревался в том, — те тысячи уже расстреляны или заперты в лагеря. У русских же *рабочих* и русских *крестьян* никакого антисемитизма до революции не было, об этом свидетельствовали и все революционные вожди. А русская *интеллигенция* — была даже и горячо сочувственна к утеснённым евреям. И детей послереволюционных лет воспитывают только в интернациональном духе.

И — откуда же вновь этот заклятый антисемитизм? Лишённый всякой силы, дискредитированный и раздавленный окончательно, — откуда он опять?

Мы уже писали, каким удивлением было и для русско-еврейской эмиграции узнать о неубитом антисемитизме в СССР, когда в 1922 её известили о том только что прибывшие из РСФСР несомненные социалисты Е.Д. Кускова и С.С. Маслов.

Кускова напечатала статью в «Еврейской трибуне»: что антисемитизм в СССР — не выдумка, «что сейчас в России большевизм смешивается с еврейством — это не подлежит сомнению». Она встречала даже «высоко-культурных» евреев, «которые были подлинными антисемитами... нового

---

[78] *С.Я. Лурье.* Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив: Сова, 1976, с. 8 [1-е изд. — Пг.: Былое, 1922].

"советского типа"». Врач-еврейка говорит: «Еврейские большевистские администраторы испортили мои прекрасные отношения с местным населением». Учительница: дети «орут, что я преподаю в еврейской школе», потому что «запрещено преподавать Закон Божий и выгнали батюшку», «в Наркомпросе — все евреи». В гимназических кружках («из радикальных семей») — разговоры «о насилии евреев». «Молодёжь вообще гораздо более антисемитична, чем старшие», а те «на каждом шагу говорят... "показали они себя, помучили нас!"». «Всем этим — полна сейчас русская жизнь». — «На вопрос, кто же это они, эти антисемиты, — отвечаю: это самые широкие слои населения». Настолько широки эти слои, что «Политуправление разослало прокламацию, в которой разъясняет, почему в администрации так много евреев: "Когда российскому пролетариату понадобилась своя интеллигенция и полуинтеллигенция, кадры административных и технических работников, то неудивительно, что оппозиционно настроенное еврейство пошло ему навстречу... Пребывание евреев на административных постах новой России совершенно естественная и исторически неизбежная вещь, будь эта новая Россия кадетской, эсеровской или пролетарской". [И если] на месте прежнего Ивана Петровича Иванова сидит теперь Арон Моисеевич Танкелевич, [то от] неприятных ощущений... следует "излечиться"». — Защищая либеральную честь, Кускова парирует: да, «и в кадетской и в эс-эровской России многие административные места были бы заняты евреями», но ведь «ни кадеты, ни эс-эры... не запрещали бы в школах Закон Божий, не рубили бы головы». — Так вот, «перестаньте руками Танкелевича делать злое и мерзкое дело», призывает она, «не будет тогда и микробов антисемитизма»[79].

А Маслов — оледенил еврейскую эмиграцию: ведь испытанный эсер, общественная репутация безупречна, и вот, живой свидетель первых четырёх советских лет, — что ж говорит? — «Юдофобство в современной России — везде. Оно захватило районы, в которых евреев раньше почти не видели и где еврейский вопрос не приходил даже в голову» (в Вологде, «та же острая ненависть к евреям в Ар-

---

[79] *Е. Кускова.* Кто они и как быть? // Еврейская трибуна, 1922, 19 октября (№ 144), с. 1–2.

хангельске, в городах Сибири, на Урале»)[80]. И приводит немало эпизодов. — А на русском простонародном восприятии сказываются изумляющие выходки, ошеломлявшие крестьян: вот как тюменский губернский продкомиссар Инденбаум (тот самый, вызвавший ишимское крестьянское восстание), ничего не понимая в сельском хозяйстве, распоряжался (уже тогда, не в колхозное ещё время): что где крестьяне не выполнили полностью развёрстки по овечьей шерсти — должны ещё раз стричь овец поздней осенью (перед наступлением зимних морозов, погибайте овцы!), «ибо республика так нуждается в шерсти». Не называет Маслов тех комиссаров, которые выдавали на посев *пшено* и *поджаренные* подсолнухи или грозили запретить *сеять солод*, — но можно уверенно сказать, что были они и не из русского простонародья, и точно не из «бывших», не из дворян, — вот крестьянин и заключал, что власть над ним «еврейская». — То же с рабочими. В некоторых резолюциях уральских рабочих февраля–марта 1921, поступавших в Кремль, «с возмущением говорилось о засилье в центральных и местных властях евреев». — «Юдофобством захвачена и коммунистическая партия». — «Интеллигенция, конечно, не считает советскую власть еврейской, но и она отмечает сильное участие в ней еврейства, — участие, которое бесконечно далеко не соответствует пропорции» в населении. И «если к свободно разговаривающей о советских порядках группе лиц (не евреев) подойдёт еврей, даже лично знакомый собеседникам, разговор почти всегда круто обрывается и переходит в другую плоскость»[81].

Маслов пытается понять: «в чём причины этой всеобщей и острой ненависти к евреям в современной России?» — Главным ему представляется — «отождествление в широких слоях населения советской власти с еврейской. Распространённое выражение “жидовская власть” весьма часто употребляется в России, особенно на Украйне и в бывшей черте оседлости, не как полемически задорное определение власти, а как совершенно объективное определение её состава и её политики». Тут «вкладывается двойной

---

80 *С.С.Маслов.* Россия после четырёх лет революции. Париж: Русская печать, 1922. Кн. 2, с. 41.

81 Там же, с. 41, 42, 43, 155, 176–177.

смысл: советская власть, во-первых, отвечает желаниям и интересам евреев, и последние, поэтому, являются её горячими сторонниками и приверженцами; во-вторых, власть фактически находится в руках евреев». — «Среди воспринимаемых [им] причин юдофобства» — указывал Маслов и на «выкованную тяжёлой тысячелетней историей евреев их прочную национальную спайку». «Особенно сказывается она при подборе служащих в учреждениях... Если приём служащих в таком учреждении находится в руках евреев, то можно держать беспроигрышные пари, что весь состав сколько-нибудь ответственных служащих будет состоять из евреев», хотя бы это сопровождалось «раскассированием сложившегося штата». И часто демонстрируется «то же предпочтение *своим*, в резкой, нередко в грубо-обидной для других форме». При чиновнике-еврее «советская власть... проявляется более выпяченно своими отрицательными чертами... Хмелящее вино власти для евреев оказывается крепче, и оно сильнее ударяет им в голову». — «Не знаю, откуда бьёт источник отмеченного явления», может быть, от того, спрашивает Маслов, что тут — уровень бывших фармацевта и приказчика? может быть, от прежнего бесправного положения евреев?[82]

Парижский орган сионистов «Рассвет» писал в 1922: Горький сказал недавно, в сущности, «лишь то, что *росту антисемитизма в Советской России содействуют сами евреи-большевики* своим во многих случаях нетактичным поведением. Да ведь это святая правда!» И не о Троцком, Каменеве, Зиновьеве речь, «не их имел в виду Горький. Говорить можно и должно о *массовом* типе еврея-коммуниста, — того, кто заполняет всякого рода коллегиумы и президиумы, кто возглавляет мелкие и средние советские органы, кто по роду своей деятельности приходит в повседневное и непрерывное соприкосновение с широкими массами населения... Они занимают передовые позиции, что в глазах населения естественно удесятеряет их число»[83].

И Д. Пасманик комментирует: «Мы должны признать, что многие евреи собственными действиями вызывают настроение обострённого антисемитизма»; «все охамившие-

---

[82] Там же, с. 42, 44–45.

[83] *Д.С. Пасманик.* Русская революция и еврейство*, с. 198–199.

ся евреи, заполнившие ряды коммунистов, — все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты, бывшие экстерны и вообще полуинтеллигенты, — действительно причиняют много зла России и еврейству»[84].

«Едва ли когда-либо получала такое напряжение активная вражда против евреев как в России, так и вне России; едва ли когда-либо достигала она подобной интенсивности и экстенсивности... Питается эта стихия вражды: наглядными и неоспоримыми фактами участия евреев в разрушительных процессах, происходивших в Европе, а также преувеличениями и сказками об этом участии»[85]. — «Ширится грозное антисемитское настроение, питаемое исключительно большевизмом, который продолжают отождествлять с еврейством»[86].

В конце 1927 Михаил Козаков (расстрелянный в 1930 по делу «пищевиков») писал в частном письме своему брату за границу о «юдофобских настроениях массы (не только беспартийной, но и партийной)... Рабочая масса евреев не жалует — это ни для кого не секрет»[87].

И Шульгин, после своей «тайной» поездки в СССР в 1928: теперь уже никто не говорит, что «антисемитизм есть казённая выдумка, насаждаемая “Императорским правительством”» или что им «заражены лишь “подонки общества”... Географически — он с каждым днём заливает всё бóльшую территорию, имея тенденцию распространиться на всю Россию. Главным гнездом сейчас, по-видимому, становится Москва». А «для Великороссии антисемитизм есть явление новое», но тем он и острей (антисемитизм Юга — от привычки насмешлив, смягчается еврейскими анекдотами)[88].

И даже Ларин приводит (как подкинутый белогвардейцами) «лозунг противоеврейской агитации», бытующий в

---

84 *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 198, 200.

85 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 101.

86 *Д.С.Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 217.

87 *М.Козаков.* [Письмо] // Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (БФРЗ). Ф. 1, Е-60, с. 1.

88 *В.В.Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж, 1929, с. 41–43.

Москве: «русских отправляют в Нарым, а евреев — в Крым»[89].

Не сразу, но советские власти, видимо, сильно забеспокоились. Уже в 1923 «Еврейская трибуна» сообщает, хотя и скептически: «Комиссариат внутренних дел организовал не так давно специальную комиссию, занимающуюся вопросом “охраны евреев от тёмных сил”»[90]. — В 1926 Калинин (и другие функционеры) получали на митингах и в письмах многочисленные вопросы о евреях. Тогда-то Ларин и засел за капитальное изучение проблемы и написал особую книгу «Евреи и антисемитизм в СССР».

Из собственной коллекции «многочисленных записок, подаваемых на докладах по антисемитизму» (в частности, на консультациях «в кабинете партработы одного из райкомов Москвы» — стало быть, имея дело исключительно с коммунистами или «сочувствующими» рабочими), — Ларин приводит, «без изменения стиля», 66. Среди них такие[91]:

— Откуда приезжают евреи в Москву.

— Есть ли засилие евреев во власти.

— Почему евреи не стоят в очередях.

— Почему евреи, приезжая из Бердичева и других городов, сразу получают квартиры, есть даже анекдот, что приехал из Бердичева последний еврей и передал ключи Калинину.

— Почему евреи богаты, имеют свои булочные, палатки и пр.

— Откуда у евреев стремление к более лёгкой работе, а не к физическому труду.

— Почему евреи на работе и на службе тянут друг друга, устраивают их, а у русских этого нет.

— Они не хотят работать на рядовой работе, бьют карьеру.

— Почему не занимаются хлебопашеством, хотя теперь евреям разрешено.

— Почему евреям дали хорошую землю в Крыму, а русским дают где похуже.

---

89 *Ю. Ларин*, с. 254.

90 *Г. Римский.* Правительственный антисемитизм в Советской России // Еврейская трибуна, 1923, 7 сент. (№ 170), с. 3.

91 *Ю. Ларин*, с. 240–244.

8—4917

— Почему партийная оппозиция на 76% была из евреев.

— Почему антисемитизм развился только по отношению к евреям, а не к другим национальностям.

— Что делать групповику-агитатору, когда собирается большое количество рабочих с антисемитским настроением, и он — один, никто его в разъяснениях не поддерживает.

Ларин подозревает, что в этих вопросах «просачиваются специально распространяемые подпольной организацией [!] контрреволюционеров выдумки, доходящие до рабочей массы»[92]. Как мы дальше увидим — отсюда потекут и «оргвыводы».

Но сперва он берётся систематически зафиксировать неожиданное явление и *научно* ответить на вопрос: «как мог в СССР принять довольно заметные размеры антисемитизм в некоторых таких слоях, где он до революции был мало заметен» (заводские рабочие, студенты)[93]? И разбирает последовательно.

Интеллигентский антисемитизм. — На интеллигентском участке «антисемитизм сейчас развит более, чем где-либо». Однако настаивает, что «недовольство вызвано... *не чрезмерностью* процента евреев», а только от претензий, что евреи вообще смели появиться и составить служебную конкуренцию русским интеллигентам. «Развитие антисемитских настроений среди части городских рабочих и служащих, ясно обозначившееся в 1928 г., никак нельзя объяснить чрезмерным переполнением евреями работы по найму». — Среди «интеллигентских профессий антисемитизм в СССР чувствуется прежде всего в медицинской среде»; есть он среди инженерства; а в армии «проходят хорошую систематическую политическую выучку», и там антисемитизма нет, — хотя «в командном составе Красной армии... процент евреев... значительно выше, чем в населении страны в целом»[94].

Антисемитизм городской буржуазии. — «Коренным гнездом антисемитских настроений... являются все слои

[92] *Ю. Ларин*, с. 244.

[93] Там же, с. 47.

[94] Там же, с. 35, 86, 102, 108–110, 120.

городского буржуазного обывательства». Но «борьба за уничтожение антисемитизма среди буржуазии... растворяется в... вопросе об уничтожении буржуазии вообще». — Так что «антисемитизм буржуазный исчезнет только тогда, когда исчезнет сама буржуазия»[95].

Антисемитизм в деревне. — В деревне «мы вообще почти вытеснили частного торговца из скупки крестьянского хлеба», и потому «среди широких *крестьянских* масс антисемитизм не привился и даже ослабел против довоенного», — проявляется теперь только там, где евреев переселяют на землю. Но это, мол, от кулаков и бывших помещиков[96].

Антисемитизм в рабочей среде. — «Антисемитизм среди рабочих стал заметно развиваться именно за последние годы», с 1929 года «ни в ком не вызывает уже сомнения», что он существует. Сейчас он проявляется несомненно чаще и интенсивнее, «чем это было несколько лет назад». Особенно он силён «среди *отсталой* части рабочего класса» — женщин и сезонников, однако «антисемитские настроения наблюдаются, к сожалению, среди гораздо более широкого слоя рабочих», чем «разложившиеся». И уж тут — экономическая конкуренция ни при чём, антисемитизм возникает даже там, где её нет, да среди рабочих евреи составляют «всего 2,7%». А «в низовых профорганизациях *пытались замазывать* проявления антисемитизма». Да труднее-то всего из-за того, что «замазывания антисемитизма» исходят именно от «пролетарского актива», ещё трудней — что антисемитизм проявляется у самого «пролетарского актива». «Много фактов, когда в числе антисемитов встречаются комсомольцы и члены партии. Особенно распространены толки о еврейском засилье», на собраниях «часто встречаются записки и выступления, поддерживающие версию об исключительной борьбе советской власти только с православной религией».

Но что за дикость — антисемитизм у пролетариата? Откуда это могло возникнуть в самом передовом и сознательном классе? Где же, в чём причина?? — Нашёл. Главное: не осталось «иных подходов белогвардейского воздей-

---

[95] Там же, с. 121, 134, 135.

[96] Там же, с. 144, 145, 148–149.

ствия на массы», кроме антисемитизма; теперь «плановая организация его» действует именно «на антисемитских рельсах»[97]. Грозный вывод — как видим, нарастает.

Этот своевременно огляженный Лариным загадочный антисемитизм 20-х годов в СССР — признавался и много лет спустя другими авторами.

С.Шварц даёт свой вариант: причина в «вульгарном представлении о евреях как о главных носителях нэп'а». Но и он согласен: «Советское правительство не без основания видело в антисемитизме возможное орудие контрреволюции»[98].

Автор 1968 года добавляет: «После гражданской войны антисемитские настроения начали всё шире прорываться в быту почти повсеместно, захватывая слои населения, до революции остававшиеся свободными от этих настроений»[99].

Против таких настроений предстояло не рассуждать академически, а энергично и остро действовать. В мае 1928 происходило Агитпропсовещание при ЦК ВКПб, уделившее большое внимание вопросу «о мероприятиях по борьбе с антисемитизмом». (По частой партийной практике, материалы эти остались вне публикаций, рассылались циркулярно по парторганизациям.) Борьбу с антисемитизмом «включить в программу партпросвещения», в публичные доклады, лекции, в прессу, радио, кино и в школьные учебники; создать атмосферу непримиримости к антисемитизму. Наконец: «применять высшие дисциплинарные кары по отношению к виновным в антисемитской практике»[100]. — В газетах последовали резкие статьи, как, например, в «Правде» — «На борьбу с пособниками контрреволюции» Льва Сосновского (*Л.С.*), весьма доверенного в высоких партийных кругах: такой-то начальник в Киеве «проявил себя ярым антисемитом», открыто увольняет евреев из аппарата, а райком партии его поддерживает; «неблагополучно и в киевских ВУЗах... на стенах в Институте народного хозяйства... надписи "бей жидов,

---

97 *Ю.Ларин*, с. 238–240. 244–245, 247, 248.

98 *С.М.Шварц*. Антисемитизм... , с. 8, 39.

99 *В.Александрова*. Евреи в советской литературе // КРЕ-2, с. 290.

100 *С.М.Шварц*. Антисемитизм... , с. 83–84.

спасай советы"». И «наряду с усилением борьбы с антисемитизмом» статья требует «резко поставить вопрос об усилении репрессий в отношении "конкретных носителей"» антисемитизма, а также «их укрывателей», — этот газетный язык был всем тогда очень ясен в переводе на язык ГПУ[101].

По докладу Ларина, в этом духе, партактив Бауманского района Москвы постановил включить вопрос об антисемитизме в программу ФЗУ и школ 2-й ступени, сам же Ларин продолжал теоретически выяснять общие и кардинальные «Пути и методы преодоления антисемитизма». — До сих пор имел место «недостаточный отпор с нашей стороны» и «развивались антисемитские нашёптывания»; «в районах и ячейках далеко не всегда относятся к антисемитскому душку с должной беспощадностью». — И напрасно у нашей прессы «ложный страх "выпячивать еврейский вопрос" (чтобы этим путём "не развить антисемитизм ещё больше")», — это приводит «к смазыванию борьбы с контрреволюционным вредительством». Антисемитизм относится к «общественно-бытовым извращениям», как пьянство, распущенность, — и слишком часто по отношению к коммунистам мы ограничивались одним только выговором. «Ведь мы без разговоров исключаем человека, если он идёт в церковь и там венчается, а антисемитизм по своему значению ни в коем случае не меньшее зло». — И хотя общий прогноз отличный: по мере роста СССР в сторону социализма подорвутся корни и под «советским» антисемитизмом и под пережитками досоветских отношений, — тем не менее «более суровое обуздание проявлений интеллигентского антисемитизма, пока они имеют место среди служащей и учащейся интеллигенции, безусловно необходимо»[102].

Но в той *прекрасной боевой* обстановке незабвенных Двадцатых годов — и мысль, и язык сами собою разгоняются и твердеют. — «Характер современной противоеврейской агитации в СССР» — «*политический, а не национальный*». — «У нас в СССР агитация против евреев направлена не только против евреев, но косвенно и против советской

---

101 *Л.С.* На борьбу с пособниками контрреволюции // Правда, 1928, 17 мая, с. 4.

102 *Ю.Ларин*, с. 9, 119–120, 269–270, 276–277, 280–282.

власти». Да чего там косвенно: антисемитизм есть «средство замаскированной мобилизации против советской власти». И «кто против поведения советской власти в еврейском вопросе, тот, значит, *против трудящихся и за капиталистов*». — Разговоры насчёт «“еврейского засилья”... рассматривать как явно контрреволюционное выступление против *самых основ* национальной политики пролетарской революции». — В проявлениях антисемитизма «несомненна роль передаточного ремня от буржуазной идеологии (и иногда даже от прямой белогвардейщины), какую играет часть интеллигенции». Да, это — «белогвардейские шептуны»! Ясно, что тут — «планомерная... агитация тайных белогвардейских организаций»; за «обывательской противоеврейской агитацией всегда стоит незаметно руководящая ею борьба против советской власти со стороны тайных заговорщицких организаций монархистов». А тянется она — из «центральных органов» антисоветской эмиграции («куда рядом с еврейскими банкирами входят и царские генералы», вместе), — и «целая система приводных ремней ведёт оттуда к нашим заводам», отчего и понятна нам «классовая, а не национальная природа огульной противоеврейской агитации в СССР». — «Необходимо уяснить всей массе, что сеяние противоеврейских настроений по существу является попыткой подготовки контрреволюции. *Надо, чтобы масса подозрительно настраивалась против каждого, кто будет проявлять... сочувствие антисемитизму*... Надо, чтобы в таком человеке масса видела или тайного контрреволюционера», или «передаточный рупор... тайных монархических организаций» (ведь всюду же — заговоры!); надо, «чтобы в сознании широких рабочих масс слово “антисемит” приобрело то же значение, что и слово “контрреволюционер”»[103].

Всё — насквозь просвечено и названо: и контрреволюция, и белогвардейщина, монархисты и белые генералы, и «подозрительность против каждого, кто...».

Да если кому осталось неясно, то революционный трибун разъясняет и добавочно: «Пути борьбы» с антисемитизмом — «ясны». Как наименьшее — это проводить на предприятиях открытые разбирательства и заседания «народ-

---

[103] *Ю. Ларин*, с. 27, 45–46, 106, 116, 252, 254, 255, 257.

ного суда по антисемитским делам». *«Разъяснение для отсталых, репрессии для актива»*. «Нет никаких оснований не применять приведенный выше *закон Ленина»* [104].

А по «закону Ленина» (тому самому, от 27 июля 1918), совершенно верно: предлагалось «ставить активных антисемитов "*вне закона*", т.е. расстреливать — уже за одну погромную агитацию», а не только за прямой погром [105]. Закон поощрял всякого еврея заявлять о полученном национальном оскорблении. — Но вот, сетует поздний автор: «акт 27 июля» не был затем включён в «Собрание Законов и Распоряжений Правительства», никак не отразился в уголовном кодексе 1922, а в уголовном кодексе 1926 хотя и была статья о «возбуждении национальной вражды и розни», но не было «специальных статей об актах антисемитизма». — Но жаловаться на то неосновательно. Ибо статьи 59-7 Уголовного Кодекса («Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни») было совершенно достаточно, чтобы давать срок, а накладывала статья: при массовых волнениях — и конфискацию имущества, а «при особо отягчающих обстоятельствах» (например, классовое происхождение) — и расстрел. Статья эта основывалась на *Положении о преступлениях государственных* 26 февраля 1927 года, которое «расширило понятие "возбуждения национальной вражды", приравняв к нему и "распространение или изготовление и хранение литературы"» [106].

Хранение литературы! Как нам знакома эта формулировка! Это же — из родненькой нашей 58-10...

В 1926-1930 издавали много брошюр об антисемитизме, а 19 февраля 1929 «наконец "Правда" посвятила ему передовую статью»: «Внимание борьбе с антисемитизмом» [107].

И в постановлении ЦК КП Белоруссии в 1929 указывалось: при проявлениях антисемитизма «не учитывается их контрреволюционный характер», и судебные органы должны «борьбу с проявлениями антисемитизма... ещё более углубить, привлекая к ответственности не только конкрет-

---

104 Там же, с. 138, 283, 288.

105 Там же, с. 259, 278.

106 *С.М.Шварц.* Антисемитизм... , с. 72-73.

107 Там же*, с. 32.

ных носителей национальной вражды, но и их вдохновителей»[108].

И в том же 1929 секретарь Центрального Комитета Комсомола Рахманов высказал: «что самое опасное в наших условиях — есть скрытые антисемиты, которые скрывают свой антисемитский душок»[109]. Кто знает советский язык (а кто из советских его не знает?), понимает: надо пресекать — *подозреваемый* образ мыслей. (Как не вспомнить тут Григория Ландау, сказавшего о своих оппонентах-евреях: они «подозревают или обвиняют в антисемитизме... всевозможные круги окружающих нас народов... Всякого, кто неодобрительно отзывается о евреях, они признают явным антисемитом, а всякого, кто этого не делает, — антисемитом скрытым»[110].)

В том же 1929 некто И. Зильберман в «Еженедельнике советской юстиции» (№ 4) сетовал, что через нарсуды Московской губернии за год прошло слишком *мало* дел об антисемитизме: по Москве — всего 34 (то есть каждые 10 дней — где-нибудь в Москве суд за антисемитизм). А ведь журнал Наркомюста читают как инструкцию.

Чтобы в глазах народа отождествить советскую власть и евреев — мог ли наизлейший антисемит придумать горше?

Дошло до того, что в 1930 потребовалось разъяснение Верховного Суда РСФСР: статья 59-7 не должна применяться к «выпадам в отношении отдельных лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, на почве личного с ними столкновения»[111]. — Знать, уже здорово разогнали судебный маховик.

А что происходило с еврейской «неначальствующей» массой?

«Еврейская трибуна» приводит доклад уполномоченного о поездке в 1923 по городам и местечкам юго-западного

---

108 *С.М. Шварц.* Антисемитизм... *, с. 88-89.

109 Там же*, с. 90-91.

110 *Г.А. Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 101.

111 *С.М. Шварц.* Антисемитизм...*, с. 73, 74.

края России: «Материальное положение местечек и городов в сущности безвыходное. Наиболее приспособляющиеся и живые элементы большею частью выехали и разбрелись, на местах остались главным образом многосемейные, пожилые, сросшиеся со своими насиженными местами. Но заработков нет... Местечки, поражавшие раньше обилием лавчёнок, поражают теперь, наоборот, отсутствием их и безтоварьем». — Чем же живёт население, «без работы, без торговли, без запасов? — ...большая масса живёт Америкой... слухами об Америке, надеждами на Америку... И действительно, значительная часть живёт на счёт Америки: — на деньги и посылки американских родных и американских благотворительных обществ»[112].

В самом деле, на выходе из периода *военного коммунизма* (1918–1920), полностью запрещавшего всякую торговлю, любую куплю и продажу, с полной реквизицией имущества и контрибуцией, на помощь российским евреям пришли благотворительные еврейские организации, начиная с американского «Джойнта», — через Всероссийский общественный комитет помощи пострадавшим от погромов и социально не защищённым группам еврейского населения, а затем, в разные годы, уже знакомые нам по дореволюционному периоду, а теперь унесшие ноги на Запад ОРТ (Общество ремесленного труда), ЕКОПО (Еврейский комитет помощи жертвам войны), ЕКО (Еврейское колонизационное общество). В 1921–22 в Москве и Петрограде действовали и внутрисоветские еврейские благотворительные организации. Несмотря на вмешательство и помехи от «евсекций» (коммунистические организации еврейских активистов), «Джойнт оказывал советским евреям большую финансовую и другую материальную помощь». А ОРТ в СССР в первой половине 20-х годов «концентрировал своё внимание на создании и поддержке производительных предприятий и ремесленных артелей, а также еврейских сельскохозяйственных колоний на юге Украины»[113].

По переписи нэповского времени социальный состав еврейского населения был таков. «Самодеятельных евреев» (т.е. не иждивенцев) от общего еврейского населения — две

[112] НЭП и евреи // Еврейская трибуна, 1923, 21 сентября (№ 171), с. 3–4.

[113] КЕЭ, т. 8, с. 170,171.

пятых, а среди них: служащих 28%, кустарей (ремесленников-надомников) — 21%, рабочих (тут и подмастерья и ученики ремесленников) — 19%, торговцев — 12%, крестьян 9%, военных — 1%, а 10% — «прочие». Внутри служащих «выше всего процент евреев среди совторгслужащих», например в Москве, в трестах — 16% евреев, в кредите и торговле — 13% (по данным КЕЭ — 30% [114]), в общественных организациях —19%, в финансовых органах — 9%, в совдепах — 10%, в милиции почти нет. (В бывшей черте оседлости проценты соответственно выше, до 62% в госторговле Белоруссии, а на Украине — 44% в госторговле и 71% среди «служащих частников».) А сдвиг в промышленные рабочие шёл среди евреев много медленнее желаемого властями. Вовсе не пошли в железнодорожники и в горняки, чаще это — швейники, кожевники, печатники, деревообделочники и пищевики, и в других видах лёгкой промышленности. — Для «вовлечения еврейских рабочих в промышленность» созданы специальные профтехшколы, но они содержатся «не самим государством, а при крупном участии иностранных еврейских организаций» [115].

Да ведь и шёл — разрешённый НЭП, «укрепивший экономические позиции еврейского населения на новой, советской основе» [116]. В Москве в 1924: 75% аптекарской и парфюмерной торговли велось евреями, 55% мануфактурных лавок и магазинов, 49% ювелирных, 39% галантерейных, 36% дровяных и лесных складов. «Еврей для приобретения клиентуры в новом для себя городе “сбивал цены” частного рынка» [117]. Первыми и самыми видными нэпманами также часто были евреи. Озлобление против них исходило и из того, что евреи действовали и на советской почве, не только на рыночной: многие экономические ходы облегчались им по знакомствам и связям в совраппарате. Такие связи порой и вскрывались властью — например, знаменитое «Парафиновое дело» (1922) против руководителей псевдокооперативных предприятий. В 20-е же годы появлялась, как мы видели, богатая возможность скупать всё продаваемое теснимыми, гонимыми «бывшими людьми», особен-

---

[114] КЕЭ, т. 8, с. 186.

[115] *Ю.Ларин*, с. 75, 77–80, 107.

[116] *Г.Аронсон*. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 137.

[117] *Ю.Ларин**, с. 121–122.

но — добротную или редкую мебель. Ш.Эттингер отмечает, что «евреи составляли большинство нэпманов, нуворишей»[118], что подтверждалось и впечатляющим, в «Известиях» 1928 года, перечнем фамилий «неуплативших государственных налогов и сборов»[119].

Однако с конца НЭПа по евреям, более всего и занятым финансами, торговлей и ремёслами, прокатились противокапиталистические мероприятия советской власти. Теперь многие из них переходили в «совторгслужащие» — по тем же самым финансам, кредиту и торговле. Катил на частную торговлю вал конфискаций и ограблений — отнятие и товаров и домов, зачисление в отверженных *«лишенцев»* (лишённых прав). «Часть евреев-торговцев, стремясь избежать дискриминационного, постоянно возраставшего налогообложения, декларировала себя при переписи как не имеющих определённых занятий»[120]. Тем не менее в начале 30-х при вымогании золота и драгоценностей «в маленьких городах и местечках... через застенки ГПУ практически проходило всё мужское еврейское население»[121]. И в страшных снах не могли бы представить такое еврейские торговцы при царе. Многие еврейские семьи, чтобы избавиться от статуса «лишенцев», переселялись из местечек в большие города. «В 1930 в местечках осталось менее одной пятой еврейского населения СССР»[122].

«Социально-экономические эксперименты советской власти, национализации и социализации разного рода не только не пощадили среднюю буржуазию, но и ударили по источникам существования мелких лавочников и ремесленников»[123]. В местечках «нечем торговать и некому продавать»; торговцы «принуждены были свои лавочки закрыть, — как вследствие отсутствия оборотных средств, так и вследствие чрезвычайных налогов»; «наиболее здоровые и работоспособные рассосались», а оставшаяся «масса

---

118 *Samuel Ettinger.* Russian Society and the Jews // Bulletin on Soviet and East European Jewish Affairs, 1970, № 5, p. 38–39.

119 Известия, 1928, 22 апреля, с. 7.

120 КЕЭ, т. 8, с. 187.

121 Там же, с. 161.

122 Там же, с. 188.

123 *Г.Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 136.

толчётся бессмысленно по полуразрушенным улицам, попрошайничает, громко жалуется на свою судьбу, на людей, на бога»; «чувствуется, что еврейская масса совершенно не имеет никакой экономической базы»[124]. В многочисленных местечках этот период действительно был таким. Даже состоялось в конце 1929 постановление Совнаркома «О мероприятиях по улучшению экономического положения еврейских масс».

Г. Симон, бывший эмигрант, приехавший в конце 20-х годов как американский коммерсант с заданием «выяснить степень нужды ремесленников-евреев в инструментах», затем издал в Париже книгу с эмоциональным ироническим названием «Евреи царствуют в России». Описывая состояние еврейского ремесла и торговли в их притеснении и разрушении советской властью, он также передаёт многочисленные разговоры и впечатления от встреч. Общее настроение жителей весьма мрачное: «Что сказать о России? Много плохого, много преступного, но мысли и чувства должно беречь от ослепляющей злобы»; «евреев защищает только кладбище»; «всё чаще говорят о неизбежности завершения революции по-российски, т.е. резнёй евреев». Большевик-еврей из местных: только революция и спасёт от «сторонников возвеличения России поруганием еврейских женщин, орошения её кровью еврейских детей»[125].

Известный экономист Б.Д. Бруцкус, давший убийственный разбор социалистической экономики уже в 1920 (и в 1922 высланный Лениным за границу), — в 1928, к концу НЭПа, напечатал в «Современных записках» обстоятельную статью: «Еврейское население под коммунистической властью», — как состоялся НЭП в бывшей, ещё тогда не вполне размывшейся, черте оседлости, на Украине и в Белоруссии.

Относительное значение частного хозяйства и частной торговли всё время шло на убыль. Если ремесленникам и кустарям-одиночкам ещё отпущены кое-какие права, то торговцы, даже и мелкие, лишены прав политических (участия в советских выборах, *лишенцы*), а тем самым и гражданских. «Борьба Советской власти с частным хозяй-

---

[124] НЭП и евреи // Еврейская трибуна, 1923, 21 сентября (№ 171), с. 3–4.

[125] *Г. Симон.* Евреи царствуют в России, с. 22, 159, 192, 217, 237.

ством и его представителями является в значительной мере борьбой против еврейского населения». Ведь «евреи не только являются теперь почти единственными представителями частного городского хозяйства на территории Украины и Белоруссии, но и в составе небольшой капиталистической верхушки столиц — Москвы, Петрограда, Харькова, где... их участие теперь стало весьма значительным»[126].

В самом НЭПе Б.Д.Бруцкус различает три периода: 1921–23, 1923–25, 1925–27. «Частное хозяйство встречало наименьшие препятствия для своего развития со стороны коммунистической власти как раз в первые 2 с половиной года НЭПа», когда «большевики чувствовали себя несколько пришибленными неудачами на экономическом фронте». — С конца 1923 по весну 1925 «возникла первая коммунистическая реакция». «Оптовая и лавочная торговля была в 1924 г. в черте оседлости разгромлена, осталась почти только мелкая базарная». Ремесло «было отягчено теми же налогами. У ремесленников реквизировали их последние инструменты, их сырьё, принадлежащее чаще заказчику-крестьянину». — «Само еврейское равноправие превратилось в фикцию. Более 2/3 еврейского населения не имели права голоса в совете».

Как «еврейские социалистические партии культивировали в себе специфическую ненависть к еврейскому мелкому мещанству и в борьбе с ним усматривали своё назначение» — так и Евсекция (Еврейская секция коммунистической партии) «эту психологию унаследовала». Поэтому она «в начальный период НЭПа существенно разошлась с общей политикой партии». Второй же период НЭПа Евсекция использовала «для того, чтобы завершить экспроприацию еврейского мещанства, которую она не успела закончить» в период «военного коммунизма». Однако сведения о крайне печальном положении еврейского населения просачивались в еврейскую прессу за границей. Так теперь «евсеки возлагали ответственность за это на старый [дореволюционный] режим, который будто бы препятствовал евреям заниматься производительным, т.е., по толкованию коммунистов, физическим трудом. Поскольку евреи и теперь

---

126 *Б.Бруцкус.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки, 1928, кн. 36, с. 511–512.

занимаются “непроизводительным трудом”, им приходится страдать. Советская власть тут ни при чём».

Но, возражает Бруцкус: «В действительности положение было как раз обратное. С уничтожением еврейской мелкой промышленности и с увеличением затруднений по содержанию подмастерьев и учеников, класс еврейских рабочих почти исчез... Как раз под старым режимом, вследствие постепенного развития русского народного хозяйства и углубления хозяйственных связей между чертой оседлости и внутренней Россией, численность избыточных еврейских мелких посредников всё время сокращалась и профессиональный состав еврейской массы становился более разнородным. Теперь, наоборот, еврейское население опять превращалось в массу мелких посредников».

Третий период НЭПа — с весны 1925 по осень 1926, «когда были сделаны значительные налоговые льготы» ремесленникам, уличным торговцам и освобождена от налогов торговля на деревенских ярмарках, а по отношению к более крупным видам торговли «фининспектуре было предложено ввести свою деятельность в законные рамки». В этот период «быстрый рост товаро-денежных отношений... пошёл на пользу еврейскому населению», «больше всего имели возможность поправиться еврейские ремесленники», «много торговцев занялось скупкой зерна и других сельскохозяйственных продуктов». «Быстро стала развиваться в обеих западных республиках и мелкая промышленность, успешно конкурируя за сырьё с государственной». — Сопутно тому, «в силу новой инструкции [о выборах в Советы], значительно большая часть еврейского населения получила политические, а следовательно, и коекакие гражданские права».

С конца 1926 «Россия уже вступила во второй период коммунистической реакции, переходящий... в полный разгром НЭПа. Реакция началась с удаления частника из торговли зерном. Затем последовали запреты скупки кож, масличных семян, табаку... изъятие у частников мельниц, закрытие частных маслобоен, кожевенных заводов, табачных фабрик. Летом 1927 г. началось нормирование цен в частной торговле». И «теперь большая часть ремесленников из-за недостатка в сырье осталась без работы» [127].

---

[127] *Б. Бруцкус.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки, 1928, кн. 36, с. 513–518.

Состояние местечек Западного Края распространилось тревогой среди международного еврейства. И Пасманик (в 1922, при выходе из военного коммунизма) писал, хотя и с преувеличением: «при большевизме еврейство осуждено на полное исчезновение»; господство большевиков превратило «всё русское еврейство в толпу нищих»[128].

Однако не то хотелось слышать на Западе. Там общественность — и еврейская тоже — во многом сохраняла доброжелательность к советской власти. Благоприятное отношение в мире к советскому режиму объяснялось не только общим сочувствием европейской интеллигенции ко всяким, к любым социалистическим движениям, но и в огромной степени именно тем, что мировое и американское еврейство успокоилось за судьбу российского еврейства: ему — несомненно хорошо будет при советской власти и не грозит никакой погром. А уж умелая советская пропаганда ещё более оглашала благополучие и перспективы советских евреев.

Такое благоприятствующее международное сочувствие облегчало советским вождям получение западной, особенно американской, финансовой поддержки. Без неё они не могли вытянуть экономику после своего славного военного коммунизма. В марте 1921 на съезде РКП Ленин говорил: «Пока революции нет в других странах, мы должны были бы вылезать десятилетиями, и тут не жалко сотнями миллионов, а то и миллиардами поступиться из наших необъятных богатств, из наших богатых источников сырья, лишь бы получить помощь крупного передового капитализма»[129]. И дело успешно пошло, передовой капитализм оказался не против подгрести российские богатства. Осенью 1922 был создан первый советский международный банк — «Роскомбанк», и возглавили его «знакомые всё лица»: всё тот же Олоф Ашберг, всю революцию гнавший Ленину иностранную помощь, бывшие частные банкиры в царской России (Шлезингер, Калашкин, Терновский) и Макс Мэй, вице-президент моргановской «Гаранти Траст», так помогшей Советам в Штатах; теперь разработали такую схему валютных отношений с советским Роскомбанком, по кото-

128 *Д.С.Пасманик.* Русская революция и еврейство, с. 194, 195.

129 *В.И.Ленин.* Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 // Сочинения: В 45 т. 4-е изд. Т. 32, с. 201.

рой все поступающие средства «должны использоваться для закупок гражданских товаров в США». Госсекретарь Чарльз Хьюз протестовал, что это ведь — «признание "де-факто" Советов», но тщетно. А советник Роскомбанка шведский профессор Г. Кассель сформулировал так: «Безрассудно было бы предоставлять Россию с её ресурсами её собственной судьбе» [130].

Потянулись в СССР и первые концессионеры, которых Советы жадно ждали и приглашали, и среди первых — особенно пригретый Лениным Арманд Хаммер. В 1921 он «был на Урале... и решил помочь восстановить уральскую промышленность», получил концессию на асбестовые алапаевские рудники. Ленин в записке членам ЦК РКПб 14.10.21 сообщает, что отец Хаммера «даёт миллион пудов хлеба уральским рабочим на очень льготных условиях (5%) и с приёмом уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке» [131]. А дальше Хаммер за производство карандашей для Советов бесстыдно потащил на вывоз художественные сокровища из царских хранений. (Он потом много раз приезжал в Москву и при Сталине, и при Хрущёве, продолжал вывоз в мореходных объёмах — церковной утвари, икон, картин, фарфора, изделий Фаберже.)

Однако значительные средства были распределены на территории Советов организацией АРА (American Relief Administration). Многие служащие при администрации АРА были евреями. «Под впечатлением катастроф... и в особенности кровавых погромов, американские евреи собрали в 1921–22 громадные суммы... Эти суммы затрачены были под флагом АРА... на помощь погромленным, на спасение южно-русских городов и поволжского крестьянства» [132].

А ещё из излюбленных советских идей 20-х годов, — не столько еврейской идеей, сколько намеченной для евре-

---

130 *Э. Саттон.* Уолл-стрит и большевицкая революция / Пер. с англ. М., 1998, с. 64–66, 193.

131 *В.И. Ленин.* Полное собрание сочинений: В 55 т. 5-е изд. Т. 53, с. 267.

132 *Б. Бруцкус.* Еврейское население под коммунистической властью // Современные записки, 1928, кн.36, с. 525.

ев, — была еврейская земельная колонизация. Мол, всю свою историю рассеяния лишённые возможности быть земледельцами, и лишь по проклятой вынужденности занимаясь ростовщичеством, коммерцией и торговлей, — наконец-то евреи осядут на земле, отрекутся от вредных привычек прошлого и своим производительным трудом, под советским небом, развеют недоброжелательные о себе легенды!

Советские власти обратились к идее еврейской колонизации отчасти по производственным соображениям, но больше по политическим: вызвать с Запада волну симпатии и, ещё важней, большой денежной помощи... Бруцкус пишет: «Советская власть в погоне за кредитами ищет постоянных симпатий в кругах иностранной буржуазии, и она очень дорожит отношением к себе еврейской заграничной буржуазии». Однако к 1924 пожертвования перестали притекать, и даже «руководящий орган еврейско-американской благотворительности [Джойнт] вынужден был ликвидировать работу в Европе... Чтобы вновь [как через АРА в 1921] собрать крупные суммы, надо было, как выражаются в Штатах, сделать “бум”. Колонизация и стала для еврейской благотворительности этим “бумом”. Грандиозный проект о колонизации 100 тыс. еврейских семейств преследовал, по-видимому, чисто агитационные цели»[133]. — К осени 1924 был создан правительственный Комитет по Землеустройству Евреев Трудящихся (КомЗЕТ), впримык к нему — ОЗЕТ (Всесоюзное добровольное Общество по Землеустройству Евреев Трудящихся). (Помню, в 1927–28 — нас, малых школьников, всех сплошь заставляли вступать и платить — просить у родителей, приносить из дому — членские взносы в ОДД, Общество Друзей Детей, и... в ОЗЕТ.) Во многих странах мира создавались вспомогательные ОЗЕТу организации.

Сразу было понято и учтено: «Помощь советской власти... переходу [еврейской бедноты] на землю» — это «явление международного значения»: по ней заграничные рабочие судят о «мощи и прочности советской власти». В развитии замысла активно участвовал и финансово поддержал мощный американский «Джойнт». — И «Джуиш кроникл» отзывалась из Лондона (16 окт. 1925): «Крым пред-

---

[133] Там же, с. 524–526.

положено сделать теперь заместителем Палестины. Зачем посылать евреев в Палестину, столь непрозводительную и неоправдывающую... большие жертвы и неимоверно тяжёлый труд... Богатая земля Украины открыта для них, и плодородные поля Крыма улыбаются страждущему еврею... Москва явится покровительницей русского еврейства и потому может претендовать на моральную поддержку евреев всех стран»; к тому же «этот план ей ничего не стоит, потому что американские евреи покрывают расход» [134].

Не умедлила понять советский манёвр и русская эмигрантская печать. П. Струве в парижском «Возрождении»: «Вся эта затея может демонстративно связать еврейство — и русское и международное — с коммунистической властью... окончательно наложить на еврейство коммунистическое клеймо»[135]. — Передовица берлинского «Руля»: «Достаточно уж и так... мир солидаризует большевиков с евреями. Надо связать их ещё ответственностью за судьбу сотен тысяч бедняков. Тогда можно будет шантажировать богатых американских евреев угрозой: падёт советская власть — и грандиозный погром сметёт ею созданные еврейские поселения, — значит, надо во что бы то ни стало поддерживать советскую власть»[136]. — «Последние новости»: «В этом проекте по иронии судьбы встретились большевистский блеф с американским размахом», — а американцы клюнули, не понимая, что происходит в СССР[137].

И действительно, мировая еврейская общественность взбудоражилась радостной надеждой на реабилитацию еврейского земледельческого труда. В сентябре 1925 «общегерманский съезд... еврейской буржуазии под председательством директора германского государственного банка» Ялмара Шахта принимал решение о поддержке. Леон Блюм во Франции создал «Еврейский конструктивный фонд», и тот слал новым еврейским поселенцам тракторы. В Нью-Йорке создалось «Общество помощи еврейскому

---

[134] *Ю. Ларин**, с. 293, 297–298.

[135] *П. Струве.* Проект еврейской колонизации России // Возрождение, Париж, 1925, 25 октября (№ 145), с. 1.

[136] Руль, Берлин, 1925, 1 октября (№ 1469), с. 1.

[137] *М. Бенедиктов.* Еврейская колонизация в СССР // Последние новости, 1925, 6 ноября (№ 1699), с. 2.

земледелию в СССР». По многим странам мира, вплоть до Южной Африки, собирали деньги для еврейского земледелия, делали взносы социал-демократы, анархисты, пишут — и простые рабочие. — А когда «редактор американского журнала “Морнинг журналь” Фишман» поставил, как и многие другие, вопрос: “этично ли со стороны русского еврейства воспользоваться для своей колонизации *экспроприированной землёй*”», а «Джуиш кроникл» ещё напомнила, что из бывших-то владельцев «большинство заключено в тюрьмы, расстреляно или сослано», — им ответил сам Луи Маршалл, крупный американский юрист, председатель мирового «Джойнта»: он признавал *благодетельное право* революционных конфискаций[138]. (Собственно, уже в 1919–1923 годах «более 23 тыс. евреев осело на пустующих бывших помещичьих землях близ местечек и городов бывшей черты оседлости», а весной 1923 тех земель уже не осталось и «стали формироваться первые небольшие группы евреев, решивших переселиться на свободные степные земли юга Украины»[139]. Это движение убыстрилось с 1925.)

И выделился международный еврейский Агро-Джойнт (вместе с Маршаллом ещё и банкир Пауль Варбург во главе, но тут нашему коммунистическому летописцу отказывает классовое осуждение и он — одобряет). Агро-Джойнт заключил соглашение с КомЗЕТом — о поставке тракторов, сельскохозяйственных машин, высокосортных семян, строительстве артезианских колодцев, профессиональной подготовке еврейской молодёжи. — В эту помощь вложилось и ЕКО.

На съезде ОЗЕТа в 1926 Калинин «резко выступил против ассимиляции [советских евреев] и выдвинул широковещательную программу еврейской автономии» (прозванную на Западе «Декларация Калинина»). «Первоначальные планы предусматривали переселение на юг Украины и север Крыма около 100 тыс. семей, или около 20% всего еврейского населения СССР»; предусматривалось создать и отдельные еврейские национальные районы. (Но и «многие, оставаясь безработными, тем не менее отказывались от возможности занятия с/х трудом»; и «лишь около полови-

---

138 *Ю.Ларин*, с. 295, 296, 300–302.

139 КЕЭ, т. 8, с. 184.

ны всех евреев, согласившихся на переселение, действительно закрепилось на жительство в переселенческих посёлках»)[140].

Однако против программы ОЗЕТа были и критические выступления американских сионистов, «усмотревших в пропаганде проектов широкой еврейской с.-х. колонизации в Советском Союзе альтернативу сионизму с его идеей заселения Эрец-Исраэль». ОЗЕТ неискренно оправдывался, что нисколько не противоречит колонизации Палестины[141].

Большие надежды тут возлагались на Крым. Отводилось 455 тыс. гектаров земли под еврейскую колонизацию на Украине, в Белоруссии и 697 тыс. гектаров в Крыму. «Согласно десятилетнему плану земледельческого и промышленного переселения евреев в Крым» — еврейская доля в населении должна была вырасти от 8% в 1929 до 25% в 1939 (предполагалось, что число евреев заметно превзойдёт число татар), — и «не может быть никаких принципиальных препятствий» к созданию «в составе Крымской АССР особой Северокрымской автономной еврейской республики или области»[142].

Расселение евреев в Крыму вызвало враждебность у татар («евреям отдают Крым»?) и недовольство множества тамошних безземельных крестьян. И вот, пишет Ларин, «уже по всей стране расходятся злостные выдумки (об отводе лучших земель, о лишении их из-за этого нееврейского трудового населения и нееврейских переселенцев, об особо усиленной помощи власти именно еврейским переселенцам и т.д.)». — Дошло до того, что председатель ЦИКа Крымской АССР Вели Ибраимов опубликовал интервью в симферопольской газете «Красный Крым» (26 сент. 1926), которое Ю. Ларин не приводит, но называет «натравливающе-погромным» проявлением «злостного буржуазного шовинизма», притом Ибраимов обнародовал постановления и проекты, «*не подлежащие* пока публикации». По этому поводу Ларин написал донос в Центральную Контрольную Комиссию и в ЦК ВКПб (гордясь им, приводит в своей книге). В результате Ибраимов был «смещён и затем расстрелян», после чего еврейская колонизация Крыма

140 КЕЭ, т. 8, с. 185, 188.

141 КЕЭ, т. 6, с. 139–140.

142 *Ю. Ларин*, с. 74, 174, 175, 308.

усилилась. Весьма характерно для приёмов коммунистического режима: закрытый суд над Ибраимовым шёл не по политическому обвинению, а «за выяснившуюся связь его с кулацко-бандитской шайкой», за бандитизм[143]. А «расстрелянный затем вместе с Ибраимовым некто Мустафа», его единомышленник и зампред ЦИКа, тоже был зачтён в бандиты[144].

Слухи об изрядной помощи евреям-переселенцам не прекращались. Власти пытались рассеивать их. Вот разворачиваем правительственную газету в 1927. «Крупную помощь евреям-переселенцам» оказывают «еврейские общественные организации» (не сказано, что западные), а вовсе не государство, как об этом идёт слух. Для опровержения потребовалась поездка наркомзема УССР Шлихтера (тот самый молодой буян в киевской думе в октябре 1905, кто помнит) по югу Украины. (Кампанейски: в это лето появились и в других газетах статьи о еврейской колонизации.) Дело в том, что распространяются слухи, «что евреи сами не обрабатывают полученную землю, а сдают её в аренду или нанимают рабочих», то есть, по-тогдашнему, батраков. Так вот: «мы не встречались с [такими] фактами», однако надо на всякий случай «запретить евреям-переселенцам сдавать свои земли в аренду». Насчёт распространённых слухов о наёмном труде Шлихтер ограничился заявлением: «мы [нарком с комиссией]... не наблюдали случаев применения наёмного труда». А вообще, «нездоровой атмосфере, создавшейся вокруг вопроса о еврейском переселении», надо противопоставить «самую широкую разъяснительную кампанию»[145].

Даёт статья и некоторое представление о цифрах: в Херсонскую область с конца 1925 по июль 1927 переселено «630 еврейских хозяйств»[146]. По всей же Украине, «в 1927 в 48 еврейских земледельческих поселениях... проживало 35 тыс. человек». А в Крыму «в 1926 в еврейских с.-х. поселениях... проживало 4463 еврея»[147]. Рядом с этим очень сомнительным выглядит сообщение, что в еврейских «земле-

143 Там же, с. 150–152, 233–234.

144 Известия, 1928, 1 мая, с. 4.

145 Известия, 1927, 13 июля, с. 4.

146 Там же.

147 КЕЭ, т. 2, с. 552, т. 4, с. 599.

дельческих колониях к 1928 году считалось до 220 тысяч евреев»[148], или утверждение Ларина, что в начале 1929 — 200 тысяч. Отчего ж такие расхождения в *порядке* чисел? Однако и по Ларину в 1929: «доля евреев в сельскохозяйственном населении совершенно ничтожна», меньше чем 0,2% (тогда как среди торговцев в СССР евреев — «почти 20%», а в общем населении — 2%)[149].

Маяковскому виделось так:

Трудом упорным
еврей
в Крыму
возделывает
почву-камень.

Однако программа еврейского земледелия осталась практически безуспешной. Для многих поселенцев — не было побуждений оставаться. Ведь само переселение (и постройка домов) производилось по приказу сверху и за счёт западных организаций. Не помогало и то, что само государство использовало «наёмный» труд при налаживании хозяйства для переселенцев-евреев: вот, например, «мало кто знает», что тракторные колонны украинского совхоза им. Шевченко обрабатывали поля «соседних еврейских деревень»[150]. И, несмотря на то что «в конце 1920-х — начале 30-х гг. в Крым ежегодно переселялись 2–3 тыс. семей», — «в итоге пятилетней переселенческой работы», когда должно бы набраться 10–15 тыс. семей, «в еврейских поселениях Крыма проживало около 5 тыс. семей». Причина — «частое возвращение поселенцев в прежние места жительства или уход в города Крыма и других частей СССР»[151]. С картиной этого «обратничества» 20–30-х годов, «массового отхода евреев от сельского хозяйства в СССР», — сопоста́вим уход с еврейских земельных колоний XIX века, только теперь «открылись возможности новых занятий в промышленности» (а также в административных учреждениях, что в XIX веке было запрещено)[152].

---

148 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 137.
149 *Ю. Ларин*, с. 97–98, 236.
150 Там же, с. 206.
151 КЕЭ, т. 4, с. 600.
152 КЕЭ, т. 2, с. 554.

Наконец, надвигалась и коллективизация. Семён Диманштейн, многолетний возглавитель Евсекции (Еврейской секции при ЦК ВКПб), устойчивый коммунист, бодро перенесший все советские мероприятия 20-х годов, в 1930 вдруг «выступил в печати против сплошной коллективизации в национальных районах», уберечь еврейские колонии от коллективизации, «за что получил предупреждение»[153]. Однако коллективизация пришла, «не пощадила и свежих ростков еврейского земледелия»[154]. Почти одновременно под лозунгом «интернационализации» произошло «слияние еврейских колхозов с нееврейскими»[155], и программа еврейского земледелия на Украине и в Крыму окончательно прекратилась.

Но главным советским замыслом по еврейской колонизации был, как известно, Биробиджан, территория между двумя притоками Амура у китайской границы, «почти достигающая размеров Швейцарии». Её характеризовали впоследствии по-разному. Хрущёв в 1956 в беседе с канадскими коммунистами хвастал: почва — из самых плодородных, климат южный, «много воды и солнца», «реки полны рыбы», «огромные леса». «Социалистический вестник» описывает Биробиджан как территорию, «покрытую дикой тайгой, в значительной части заболоченную»[156]. Британская энциклопедия: «равнина, с обширными болотами, местами заболоченный лес», но и «плодородная земля... вдоль Амура»[157]. — Проект возник в КомЗЕТе (при ЦИКе СССР) в 1927: не только «превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское земледельческое компактное население» (Калинин), но и создавать (в противовес реакционному сионизму) национальный очаг, Еврейскую автономную республику, по крайней мере с полумиллионным населением[158]. (Не исключён и мотив: вклинить советско-верное население во враждебном казачьем краю.)

---

[153] Там же, с. 354.

[154] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 137.

[155] КЕЭ, т. 2, с. 554.

[156] Хрущёв и миф о Биробиджане // Социалистический вестник, Нью-Йорк, 1958, № 7-8, с. 142-143.

[157] Encyclopaedia Britannica, 15th ed., 1981, Vol. X., p. 817, clmn. 2.

[158] КЕЭ*, т. 1, с. 445-446.

Тогда же ОЗЕТ послал в Биробиджан научную экспедицию, а в 1928 принято решение начать — до значительного приезда еврейских переселенцев — предварительные работы, строительство посёлков (силами местного населения или кочующих артелей китайцев-корейцев). По воспоминаниям, местные старожилы (забайкальские казаки, переселившиеся туда в 60–80-х годах XIX века и уже преодолевшие много бедствий в лесном краю) от намечаемого еврейского вселения встревожились: у них была переложная система земледелия, требующая просторов, они ожидали теперь стеснений в земле, сокращения сенокосов и охоты. — Комиссия КомЗЕТа «ориентировочно допускала в своём докладе возможность постепенного поселения 35 тыс. семей... Однако практическое ознакомление с районом показало, что эти надежды были слишком радужными». — ЦИК СССР в марте 1928 отвёл Биробиджан специально для еврейской колонизации, и тут же стали формировать первые туда эшелоны поселенцев — это были «впервые вообще переходящие к земледелию горожане» Украины и Белоруссии, совсем не готовые к сельскохозяйственному труду[159]. (Приманкой для едущих было снятие «лишенства».) Комсомол (как всегда, судорожно) проводил «ежемесячник ОЗЕТа», пионерские делегации ездили по всей стране собирать средства на биробиджанское переселение.

Отправленные так спешно еврейские семьи — приехали и ужаснулись условиям. Они были поселены в бараках на станции Тихонькой (будущий город Биробиджан). «Среди барачных жителей... некоторые умудряются получать переселенческий кредит и ссуды, сидя в бараке, и проедают их, даже не выехав на землю. Другие, менее изворотливые, нищенствуют»[160]. «За первый год работы в Биробиджане построено только 25 изб, вспахано только 125 гектаров и из них ни один не засеян». И многие жить в Биробиджане не остались: весной 1928 приехала тысяча работников, и уже к концу июля 25%, разочарованные, уехали; из приехавших за весь 1928 «к фе-

---

[159] *Ю. Ларин*, с. 183–184.

[160] Хрущёв и миф о Биробиджане // Социалистический вестник*, 1958, № 7–8, с. 144.

кралю 1929 г. уже более половины бросили Биробиджан»[161]. От 1928 по 1933 туда приехало свыше 18 тысяч переселенцев, а еврейское население выросло только до 6 тысяч; по другим данным, «лишь 14% намеченного к поселению числа евреев остались на жительство в 1929 г.»[162]. Уезжали либо на свои прежние места, либо в Хабаровск и Владивосток.

Ларин, посвящая немало разумных и страстных страниц доводам о наилучшем устройстве еврейского земледелия, однако, негодует: «Нездоровая шумиха... поднята вокруг Биробиджана... утопия о поселении [там] миллиона евреев... Заселение его было понято чуть не как национальная обязанность советских евреев», «сионизм наизнанку», «какое-то народничество». А международные еврейские организации — Биробиджана не финансировали отначала, считая его «для себя слишком дорогим и рискованным»[163]. Вернее, западные еврейские организации, Агро-Джойнт, ОРТ и ЕКО, вовсе не сочувствовали этому далёкому зауральскому проекту[164]. Он никак не был «еврейским», а затеей советских властей, бурно взявшихся разрушать и строить заново всю жизнь страны.

На жизни рядовых советских евреев почти от самого Октября и насквозь до конца 20-х годов ощутимейше отозвалась деятельность *евсеков* — членов *Евсекций*. Помимо государственного Еврейского Комиссариата при Наркомнаце (с января 1918 и по 1924) — деятельно строилась активная еврейская организация при РКПб. *Евкомы* и *евсекции* поспешно создавались в губерниях уже с весны 1918, едва ли не опережая центральную Евсекцию. Это была среда, фанатически увлечённая коммунистическими идеями, даже ярее, чем сами советские власти, и в известные моменты опережая их в проектах. Так, «по настоянию Евсекции в начале 1919 Еврейский Комиссариат издал декрет,

161 *Ю.Ларин*, с. 188, 189.
162 КЕЭ, т. 1, с. 448, т. 8, с. 188.
163 *Ю.Ларин*, с. 184, 186–189.
164 КЕЭ, т. 8, с. 188.

объявлявший иврит “языком реакции и контрреволюции” и предписывавший преподавание в еврейских школах на языке идиш»[165]. Центральное бюро евсекций состояло при ЦК компартии, много местных евсекций действовало в бывшей *черте*. «Основное предназначение евсекций сводилось к коммунистическому воспитанию и советизации еврейского населения на родном языке идиш». С 1924 по 1928 «вся сфера еврейского образования и культуры подчинялась еврейским бюро Наркомпросов [республик]»; за «перехлёсты в насильственной идишизации» они были упразднены — и «ещё более усилилось влияние евсекций»[166].

Деятельность евсекций на протяжении 20-х годов была, однако, противоречивой. «С одной стороны, чрезвычайно активная агитационно-пропагандистская работа по коммунистическому воспитанию на языке идиш, беспощадная борьба против иудаизма, традиционного еврейского образования, еврейских общинных структур, независимых еврейских организаций, политических партий и движений, сионизма, языка иврит. С другой — противодействие ассимиляции, поддержка языка идиш и культуры на нём, организация советского еврейского образования, еврейских научных исследований, деятельность по улучшению экономического положения советских евреев»; при этом «евсекции часто занимали даже более радикальные позиции, чем центральные партийные органы»[167].

Из кого же набиралась антисионистская Евсекция? Это были «большей частью — недавние бундовцы и социалисты-территориалисты»[168]. Они во множестве влились как перебежчики или «коммунисты-неофиты» в ВКПб. Цель Евсекции была: развитие коммунистического влияния на российское еврейство, мрело создание «еврейской советской нации», изолированной от мирового еврейства, — но одновременно «деятельность Евсекции парадоксальным образом превращала её из “технического аппарата” приобщения еврейского населения “к социалистическому строительству” в центр консолидации еврейской жизни в Совет-

---

[165] КЕЭ, т. 8, с. 146.

[166] Там же, с. 165–166.

[167] Там же, с. 166.

[168] КЕЭ, т. 7, с. 947.

ском Союзе». В Евсекции произошёл раскол: «сторонники форсирования ассимиляции» против тех, кто считали всеобразную работу в еврейском населении «необходимым средством сохранения еврейского народа»[169]. — В «Книге о русском еврействе» с сочувствием отмечено, что деятельность Евсекции «всё же носила на себе, под пролетарским соусом, весьма ярко выраженную еврейскую национальную печать». (Например, в 1926, пользуясь общим лозунгом партии «лицом к деревне!», Евсекция двинула лозунг «лицом к местечку!».) «Не случайно эта деятельность вызывала резонанс и порой симпатии даже в широких еврейских кругах в Польше и в Соединённых Штатах»; автор дальше называет её «разновидностью еврейского национализма в коммунистическом обличье»[170]. — Но в 1926 компартия сократила деятельность Евсекции, превратила её в Еврейское бюро. В 1930 и Еврейское бюро было закрыто, наряду со всеми национальными секциями в ВКПб[171]. После этого — деятельность евсеков продолжалась уже под общим знаменем коммунизма. «Русское еврейство утратило все формы своего самовыражения, включая коммунистические»[172].

Концом Евсекции и можно пометить окончательное растворение бундовского течения — «позволить и отдельное национальное существование, даже если оно шло против строгой социал-демократической теории»[173]. Однако весьма многие из бывших евсеков и других социалистов-евреев — и после закрытия Евсекции не протрезвели, не оглянулись на соплеменников, поставили «социалистическое строительство» выше блага своего народа или любого другого: остались служить в партийно-государственном аппарате. И эта многообильная служба была больше всего на виду.

Статистикой ли оценивать или описывать множеством однообразных примеров, — не оспоришь, что обильная ев-

---

169 КЕЭ, т. 2, с. 465.

170 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 137.

171 КЕЭ, т. 2, с. 465.

172 *Б. Орлов.* Россия без евреев // "22", 1988, № 60, с. 161.

173 *Leonard Schapiro.* The Role of the Jews in the Russian Revolutionary Movement // The Slavonic and East European Review, vol. 40, 1961–62, p. 167.

рейская волна просачивала советскую власть тех лет. И состоялось такое в государстве, преследующем и свободу слова, и свободу коммерции, и религию, не говоря уж о человеческом достоинстве.

Состояние еврейской культуры в СССР группа Бикермана-Пасманика оценивала в 1923 крайне мрачно: «На ниве еврейской культуры всё выворочено и растоптано»[174]; «все основы национально-еврейской культуры расшатаны, все святыни наши втоптаны в грязь»[175]. С. Дубнов в 1922 видел похожее, писал «о жалких обломках», картине «развала и подвигах тёмных дикарей, разрушающих последние остатки былой культуры»[176].

Лишь только еврейская историография, как свидетельствует целый ряд разрешённых публикаций, не потерпела разгрома в первое десятилетие советской власти. От самой революции стали доступны государственные архивы, включая Департамент полиции, что дало еврейским исследователям большие возможности по выборкам и публикациям — как об участии евреев в революционном движении, так и о погромах, и о «ритуальных» процессах. В 1920 возродилось Еврейское Историко-Этнографическое общество, опубликовало два тома «Материалов для истории антиеврейских погромов в России». Позже общество «подвергалось нападкам Евсекции», деятельность его «пошла на убыль», и оно было закрыто в 1929 году. Выходили «Еврейский вестник» и «Еврейская летопись»; закрыты в 1926–1928. Продолжалась и дубновская «Еврейская старина» (уже и после отъезда его из России в 1922); закрыта в 1930. Ещё с 1916 действовал Еврейский этнографический музей; в 1930 был закрыт[177].

Судьба еврейской культуры в 20-е годы — это две расходящиеся судьбы: на иврите и на идише. Иврит сильно

---

174 К евреям всех стран! // РиЕ, с. 5.

175 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 214.

176 *Он же.* Русская революция и еврейство*, с. 195.

177 КЕЭ, т. 2, с. 439, РЕЭ, т. 2, с. 432, *Б. Орлов.* Россия без евреев // "22", 1988, № 60, с. 161.

притеснялся, запрещался — потому что власти видели в нём носителя как религии, так и сионизма. Ещё до консолидации советской власти, в 1917–1919, «в России появилось свыше 180 книг, брошюр и журналов на иврит» (больше всего в Одессе, но и в Киеве, и в Москве). Настроение, что «судьба иврит связана с судьбой победоносной коммунистической революции», держалось и в начале 20-х годов «среди молодых людей, пытавшихся "создать революционно-литературную трибуну, под знаменем которой сумели бы объединиться творческие молодые силы мирового еврейства"»[178]. — Однако «по настоянию Евсекции Еврейский комиссариат объявил иврит "реакционным языком"», и уже в 1919 Наркомпрос «запретил его преподавание во всех учебных заведениях. Началось изъятие из библиотек книг на иврите»[179].

Культуру на идише ждала судьба гораздо оживлённее. Идиш всё ещё был языком еврейских масс. Отметим, что по переписи 1926 ещё 73% евреев «в качестве своего родного языка назвали еврейский»[180] (по другому источнику — 66%[181]), — то есть еврейская масса ещё могла сохранить культуру на идише. Этим и воспользовалась советская власть. Если в первые годы советской власти в большевизме господствовало мнение, что в котле революции евреи должны пренебречь своим языком и своей национальностью, то позже Еврейский комиссариат при Наркомнаце, и Евсекция, и Еврейские отделы при Наркомпросах республик стали создавать *советскую* культуру на идише. В 20-е годы идиш был объявлен одним из *государственных* языков Белоруссии; в Одессе и в 20-е, ещё и в 30-е годы идиш был «основным языком во многих государственных учреждениях», существовало и судопроизводство на идише и еврейские часы по радио[182].

«С 1923 года начинается быстрый рост школ на идиш во всём Советском Союзе» (включая Великороссию и

---

178 *И. Слуцкий.* Судьба иврит в России // КРЕ-2, с. 241–242, 246.

179 КЕЭ, т. 2, с. 422.

180 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 407.

181 *Ю. Ларин*, с. 56.

182 КЕЭ, т. 1, с. 326, т. 2, с. 465, т. 6, с. 125.

Москву). С 1923 началась (и продолжалась до 1930) «полоса систематической идишизации», даже принудительной, еврейских школ бывшей «черты»: ряд школ перевели на идиш, не считаясь с желаниями родителей. Если в 1923 в СССР было 495 школ на идише и они охватывали 70 тыс. еврейских детей, то в 1928 — уже 900 школ, и к 1930 в них училось 160 тыс. детей. (Это объяснялось ещё и тем, что украинцы и белорусы к этому времени получили полную культурную автономию и не хотели, чтобы еврейские дети вносили русификацию; еврейские же родители не хотели, чтобы дети учились по-украински и по-белорусски, а русских школ больше не было, — так им ничего и не оставалось, как учить на идише.) Кстати, в школах этих — не изучали еврейской истории, вместо неё был предмет: «классовая борьба у евреев»[183]. (Ровно так, как и в русских школах не изучали русской, да и никакой, истории, а только «обществоведение».) И вообще во все 20-е годы «шёл процесс постепенного вытеснения из программы советской еврейской школы даже тех немногих элементов собственно еврейского образования, которые присутствовали в ней». А к началу 30-х «достаточно автономно функционировавшая система управления советской еврейской школой была окончательно упразднена»[184].

С 1918 существовали независимые высшие еврейские школы — ЕНУ (Еврейский народный университет) в Москве (до 1922), и ПЕНУ в Петрограде, преобразованный в 1920 в Петроградский ИВЕЗ (Институт высших еврейских знаний, один из создателей, потом и ректор — Семён Лозинский), «насчитывающий ряд выдающихся учёных сил и дающий образование множеству еврейских студентов»; при поддержке «Джойнта» ИВЕЗ просуществовал до 1925. Создались еврейские отделения на педагогических факультетах Белорусского университета (с 1922) и 2-го МГУ (с 1926). Не упустим и Центральную еврейскую партшколу на идише — ЦЕПШ (с 1921). Еврейская система образования поддерживалась и особыми педтехникумами, и было свыше 40 техникумов индустриальных и сельскохозяйственных[185].

---

183 *Ю. Марк.* Еврейская школа в Советском Союзе // КРЕ-2, с. 235-238.

184 КЕЭ, т. 8, с. 175.

185 Там же, с. 177-179, РЕЭ, т. 2, с. 195-196.

Еврейская культура продолжала существовать, и даже получила немалое содействие, — но на условиях советской власти. Глубина еврейской истории — была закрыта. Это происходило на фоне полного, с арестами учёных, разгрома русской исторической и философской наук.

Еврейскую культуру 1920-х годов вернее было бы уже назвать советской, «пролетарской» культурой на идише. А для такой еврейской культуры открывались за государственный счёт и газеты, театры. И вот сорок лет спустя «Книга о русском еврействе» даёт отнюдь не мрачную оценку еврейской культурной ситуации в СССР в раннесоветские годы. В Москве продолжало существовать (и до 40-х годов) отделение всемирного Еврейского Телеграфного Агентства (ЕТА) — единственное такое у советской нации, не входящее в ТАСС, — и посылало свои сообщения за границу (разумеется, при советской цензуре). Выходили и газеты на идише, главная из них — орган Евсекции московская «Дер Эмес», с 1920 по 1938. (По Диманштейну, в 1928 действовало 34 издательства на идише.)

Литература на идише поощрялась, но, разумеется, с направлением: оторвать от еврейского исторического прошлого, «до Октября» — это только мрачный пролог к эпохе счастья и расцвета; чернить всё религиозное и искать в советском еврее «нового человека». И всё-таки это оказалось настолько привлекательным для некоторых видных еврейских писателей, уехавших с революции за границу, что они стали возвращаться в СССР: в 1925 — поэт Давид Гофштейн (хотя «на нём всегда тяготело подозрение в “национализме”»), Лейб Квитко («легко сжился с советской обстановкой и оказался очень плодовитым поэтом»), в 1926 — Перец Маркиш («легко отдаётся официальной тематике, откликаясь на требования партлинии»), в 1928 — Моисей Кульбак и Дер Нистор (Пинхос Каганович, отличился потом романом «Семья Машбер» — «самое несоветское и внутренне самое свободное произведение еврейской прозы в Советском Союзе»), в 1929 — Давид Бергельсон, и «начал платить дань власть имущим»: «революция имеет право на жестокость»[186]. (Что и он, и Маркиш, и Квитко испытали на себе в 1952 году.)

---

[186] *Ю. Марк.* Литература на идиш в Советской России // КРЕ-2, с. 224–229.

«Буржуазная» культура на иврите была подавлена. Группа писателей во главе с Х.Н. Бяликом уехала в Палестину в 1921. Другая «группа писателей на иврит просуществовала до средины 30-х годов. Изредка произведения её членов появлялись» в заграничных журналах. «Некоторые из этих авторов вскоре подверглись аресту и исчезли бесследно, другим удалось вырваться из Советского Союза»[187].

Что же до русскоязычной еврейской культуры, то евсеки трактовали её «как порождение ассимиляторской политики властей в дореволюционной России». Среди писателей на идише во 2-й половине 20-х годов произошло размежевание между «пролетарскими» писателями и «попутчиками», как и во всей советской литературе. Наиболее крупные еврейские писатели ушли в русскоязычную советскую литературу[188]. (По своей объёмности она в этой книге не рассматривается.)

Процветал в Москве с 1921, на государственном содержании, Еврейский Камерный театр на идише, незаурядного художественного уровня; в середине 20-х годов он (с 1925 — Государственный Еврейский театр, ГОСЕТ) уже ездил с гастролями в Европу, тем невиданно вознося советский авторитет в глазах мирового еврейства. Разумеется, и тут — высмеивание дореволюционного уклада и религиозного быта еврейского местечка. В этом театре ярко выдвинулся актёр Михоэлс и с 1928 стал во главе[189].

Более сложная история была у другого театра — «Габима», на иврите, возникшего ещё до Октября. Поначалу поддержанный Луначарским, Горьким, Станиславским, он был преследуем Евсекцией как «сионистское гнездо», потребовалось разрешение от Ленина существовать ему. «Габима» стал государственным театром. Он оставался «единственным островком иврита в Советском Союзе, однако ясно было, что будущего у театра нет»[190]. (И прежний российский театральный критик А. Кугель критиковал «Габиму» за уход от еврейского быта и специфического еврейско-

187 *И. Слуцкий.* Судьба иврит в России // КРЕ-2, с. 245, 247.

188 КЕЭ, т. 8, с. 174, 181-182.

189 *Г. Свет.* Еврейский театр в Советской России // КРЕ-2, с. 266-271.

190 КЕЭ, т. 9, с. 477.

го духа[191].) В 1926 труппа поехала на заграничные гастроли и уже не вернулась, однако скоро и распалась[192].

Напротив, Государственный Еврейский театр на идише «вызвал настоящий бум еврейского театрального искусства в СССР. В начале 30-х годов в стране работало 19 профессиональных театров на идиш... Существовал еврейский театральный техникум при ГОСЕТе в Москве, студии еврейского драматического искусства в Киеве и Минске»[193]. Еще была в Москве в 20-е годы еврейская театр-студия «Фрайкунет».

Тут уместно вспомнить и театральную, уже посмертную, судьбу злонесчастного «еврейского Гоголя» Семёна Юшкевича. В 1926 была издана его книга «Эпизоды», «высмеивающая поведение еврейских буржуа в период революции». В 1927 Юшкевич умер, а в 1928 советская цензура запретила написанную по мотивам его книги пьесу «Симка — Заячье Сердце». Пьеса антибуржуазная, чего ж ещё желать? — но «всё действие происходит в среде евреев», высмеивание «глупости, трусости, жадности», — и была запрещена цензурой из «опасения юдофобских настроений»[194].

Тем временем — в каком же состоянии находились в СССР организации сионистов? Они были коренным образом неприемлемы для коммунистическлой власти, обвинены в «сотрудничестве с Антантой», с «мировым империализмом», — но именно из-за их международного признания приходилось обращаться с ними сдержанно. С 1920 года была им объявлена Евсекцией «гражданская война на еврейской улице». Притеснения сионизма усугублялись и запретами против иврита. Однако «анти-сионистский нажим был и не повсеместен и не достаточно суров» — то есть «длительное тюремное заключение и ссылка были сравнитель-

191 КЕЭ, т. 4, с. 616.

192 *Г. Свет.* Еврейский театр... // КРЕ-2, с. 273-278.

193 КЕЭ, т. 8, с. 183.

194 *В. Левитина.* Стоило ли сжигать свой храм... // “22”, 1984, № 34, с. 204.

но редки». Весной 1920 правых сионистов припугнули краткими арестами, но на 1 Мая амнистировали. «Половинчатость политики Кремля» сказалась и в переговорах (февраль 1921) с представителем Всемирной Сионистской Организации, Чичерин не ответил огульным отказом на их ходатайства, у советской власти «ещё не было готовности окончательно заклеймить сионизм» вослед своей же Евсекции. Тем более с началом НЭПа «общее ослабление административного нажима дало некоторую передышку и сионистским группам»[195]. (Интересно, что Дзержинский писал в 1923: «Программа сионистов нам не опасна, скорее наоборот, считаю её полезной»; и в 1924: «мы принципиально могли быть друзьями сионистов»[196]. — В Москве продержалось от 1920 до 1924 Центральное сионистское бюро (в марте 1924 члены его арестованы, и лишь многими ходатайствами в стране и за рубежом ссылка в Среднюю Азию была им заменена высылкой за границу[197]. Уже «к 1923 в Советском Союзе оставались лишь две разрешённые сионистские организации»: Поалей-Цион и «легальная» часть молодёжной организации Гехалуц, с целью земледельческой колонизации Палестины, в подготовке к тому — через колхозную практику ещё в СССР; в 1924–1926 они издавали журнал[198]. Даже левое крыло сионистско-социалистической партии Цеирей-Цион («Молодёжь Сиона») принимало относительно большевиков всё более резкий тон, весной 1924 их аресты, хотя тоже кратковременные, приняли массовый характер, а вслед за тем они ушли в подполье — и подполье это было окончательно рассеяно лишь в конце 20-х годов.

Атмосферу этого подполья может дать нам след Цеирей-Цион, со значительной юношеской организацией (Киев, Одесса). У них «в ходу был лозунг: “Еврейская кровь не должна быть смазочным маслом на колёсах революции”». А по отношению к советской власти «была взята позиция формального признания советовластия, но в то же время прокламировалась борьба с диктатурой компартии».

---

[195] *И.Б.Шехтман.* Советская Россия, сионизм и Израиль //КРЕ-2, с. 321–323.

[196] КЕЭ, т. 8, с. 200.

[197] Там же, с. 201.

[198] КЕЭ, т. 5, с. 476, т. 7, с. 948.

Основной стержень агитационной работы был направлен против Евсекции. «В частности, особенно резко агитировали против проводившегося переселения из местечек на землю (в Крым)», видя в том нарушение «национальной обособленности». Из этих молодых сионистов иные получили политизоляторы. С начала 1926 партия ослабла и распалась[199].

В сентябре–октябре 1924 прошла волна арестов среди сионистов. Часть их судили, закрыто, с наказаниями от 3 до 10 лет в лагерях. А в 1925 сионистские делегаты получили заверения и от ВЦИКа (Смидович), и от Совнаркома (Рыков), и от самого ГПУ (Менжинский и Дерибас), что те ничего не имеют против сионистов, «поскольку они не возбуждают еврейского населения против советской власти»[200].

В 1924 Д. Пасманик предлагал: «Сионисты, ортодоксы и национальные евреи должны были бы быть в первых рядах борющихся с советской властью и большевистским миросозерцанием»[201]. Но — не состоялось ни такого союза, ни такого первого ряда.

Во второй половине 20-х годов преследования сионистов возобновились, резко сократилась замена приговоров на высылку из СССР. «В 1928 власти распустили» до тех пор полулегальную Поалей-Цион, ликвидировали «легальный» Гехалуц и «закрыли принадлежавшие ему фермы. К этому же времени были окончательно разгромлены почти все подпольные сионистские организации». Возможность уехать «систематически уменьшалась» после 1926. Часть сионистов оставалась в заключении и ссылке[202].

Но как ни массово было вовлечение молодых городских евреев в коммунистическую и советскую культуру и

199 *Михаил Хейфец.* Воспоминаний грустный свиток. Иерусалим, 1996, с. 74–79.

200 *И.Б. Шехтман.* Советская Россия, сионизм и Израиль // КРЕ-2, с. 324–325.

201 *Д.С. Пасманик.* Чего же мы добиваемся? // РиЕ, с. 214.

202 КЕЭ, т. 7, с. 948, *И.Б. Шехтман.* Советская Россия, сионизм и Израиль // КРЕ-2, с. 325–328.

деятельность, — не менее упорным было и сопротивление тому еврейства духовного, еврейства большей частью пожилого, и в бывшей черте оседлости. Скалой Евсекции партия врезалась и давила. «Нужно побывать в коренном еврейском городе, в каком-нибудь Минске или Витебске, чтобы увидеть, как всё, что было в еврействе достойного, уважаемого и заслуживающего уважения, отодвинуто книзу, задавлено нищетой, скорбью, безнадёжностью, и как выдвигаются в первые ряды и на первые места люди беспутные, легкомысленные, наглые»[203]. Большевицкая власть стала носителем «страшного опустошения, материального и морального... и в нашей, еврейской среде»[204]. — «Массы еврейских большевиков, с одной стороны, и еврейских нэпманов, с другой, являются достаточно грозным указанием на глубину культурного разложения еврейства. И если и в русском народе радикальное исцеление от большевизма ожидается от восстановления религиозно-нравственных начал национальной и государственной жизни, то и еврейская мысль должна работать в том же направлении»[205].

Она — и работала так. Но о степени интенсивности и успеха в том — показания расходятся. Близкий современник считает, что «еврейское общество оказалось либо совершенно без руля и без ветрил, либо в растерянности, и от растерянности — духовно отошло, отвернулось от происходящего», — в отличие от русского общества, где всё же было сопротивление, хотя «неумелое и неуспешное»[206]. «В конце 1920 — начале 1930-х гг. происходил массовый отход евреев от традиционного уклада жизни»[207]. — Позже того: еврейство России «за последние 20 лет [написано в 1933] отходило всё больше и больше от исторического своего прошлого... с умерщвлением еврейского духа, еврейской традиции»[208]. — Ещё через несколько лет, перед самой Второй

203 *И.М.Бикерман.* Россия и русское еврейство // РиЕ, с. 92.

204 Там же, с. 53.

205 *И.О.Левин.* Евреи в революции // РиЕ, с. 138.

206 *Г.А.Ландау.* Революционные идеи в еврейской общественности // РиЕ, с. 118.

207 КЕЭ, т. 8, с. 199.

208 *Г.Б.Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея. Париж, 1934. Т. 3, с. 376.

Мировой войной: «С воцарением в России большевистской диктатуры борьба отцов и детей на еврейской улице приняла особенно ожесточённые формы»[209].

А озираясь спустя полвека, уже в Израиле, М.Агурский напоминал: несчастия, постигшие евреев в последствие революции, во многом вызваны отказом еврейской советской молодёжи от религии и национальной культуры, «исключительное влияние коммунистической идеологии»... «Массовое проникновение евреев во все области русской жизни» и в советское руководство в первые двадцать лет после революции оказалось для евреев неконструктивным и вредным[210].

И наконец, автор 90-х годов XX века: «Евреи были элитой революции и выигравшей стороной. Это — особая сторона русской интернационально-социальной революции. Помимо того, еврейство в ходе модернизации было политически большевизировано и социально советизировано: еврейская община как этническая, религиозная и национальная структура — бесследно исчезла»[211].

Еврейская молодёжь, ушедшая в большевизм, была в упоении от своей новой роли, от своего напора на жизнь. При этом иные даже с восторгом отрекались от своей национальности. Но этот переход в интернационализм и оголтелый атеизм — не был *ассимиляцией* в том старом смысле, какого долгие века боялось еврейство: ухода в культуру окружающего большинства. Уходили они туда же, куда и вся молодёжь, — создавать новый *советский народ.* — Лишь малая струя, подмеченная М.Агурским, — даже и принявшая православие, а вместе с тем и желающая сохранить «политические формы большевизма», как адвокат Я.Гурович, защитник митрополита Вениамина на его смертном процессе 1922 г.[212], — лишь эта струя стремилась раствориться именно в русской культуре и может быть названа ассимилянтской. — Еврейская энциклопедия сейчас пишет о сотрудниках-евреях «партийного и государственного аппарата, хозяйственных, научных и да-

209 *Ст.Иванович.* Евреи и советская диктатура // ЕМ-1, с. 47.

210 Jerusalem Post, 1973, April 13, 1979, October 7.

211 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 106.

212 *М.Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 114.

же военных ведомств и учреждений», что «большинство не скрывали своего еврейского происхождения, но они и их семьи быстро переняли русскую культуру и язык, и их принадлежность к еврейству вскоре утратила всякое культурное содержание»[213]. Да, пострадала в этих людях культура, их воспитавшая, создавался «советский человек», но последующие десятилетия показали, что и сохранился, не уничтожен был в них остаток еврейского самоощущения.

Да и в самые 20-е годы, вот за 1924–1926, несмотря на весь разлив интернационализма, смешанных браков («между евреями и русскими или другими неевреями») было в среднем по стране всего лишь 6,3% (от числа евреев, вступающих в брак), в РСФСР — 16,8%, но в Белоруссии — 2,8%, на Украине — 4,5%[214] (по другим данным, на один 1926 год, по стране в среднем 8,5%, в РСФСР — 21%, в Белоруссии — 3,2%, на Украине — 5%[215]). Ассимиляционное слияние — только начиналось.

И каково ж, в этих новых условиях, было положение иудейской религии? Враждебная всякой религии вообще, большевицкая власть поначалу, в годы самого разгульного удара по православной церкви, относилась сдержанно-терпимо к еврейской религиозной практике. «В марте 1922 газета “Дер Эмес” сообщала, что отдел агитации и пропаганды ЦК не будет оскорблять религиозные чувства... В 1920-х гг. эта терпимость не распространялась на православие, к которому власти относились как к одному из главных врагов советского строя»[216]. Впрочем, кампания по изъятию ценностей православной Церкви коснулась и синагог. Е. Ярославский писал в «Известиях» статью «Что можно взять в синагогах»: «Очень часто раввины говорят, что в синагогах нет никаких ценностей. Обыкновенно это

[213] КЕЭ, т. 1, с. 235.

[214] *С. Познер.* Советская Россия* // ЕМ-1, с. 271.

[215] *Ю. Ларин**, с. 304.

[216] КЕЭ, т. 8, с. 194.

действительно так... Стены обыкновенно голые. Но семисвечья бывают и серебряные. Их надо изъять обязательно». Да тремя неделями раньше «в еврейской молельне по Спасо-Глинищевскому... изъято 16 серебряных предметов», в соседней хоральной синагоге «57 серебряных предметов, 2 золотых». Ещё предполагал Ярославский: не установить ли прогрессивный налог на покупателей дорогих мест в синагогах. (Но эта мера, очевидно, не проводилась.)[217]

Однако «деятели Евсекции требовали от высшего руководства вести по отношению к иудаизму такую же политику, как и к христианству»[218]. Уже в 1921, в еврейский Новый год, Евсекция инсценировала «публичный суд над еврейской религией» в Киеве. «Книга о русском еврействе» описывает и его и другие «показательные суды» в 1921–22: над хедером в Витебске, над иешивой в Ростове, над самим Судным днём в Одессе. Их сознательно проводили на идише, Евсекция обеспечивала, чтобы иудаизм «судили» большевики-евреи.

Религиозные школы административно запретили, в декабре 1920 вышел циркуляр еврейского отдела Наркомпроса о ликвидации хедеров и иешив. «Однако в течение долгих лет хедера ещё продолжали вести подпольное существование»[219], «большое количество полулегальных хедеров и иешив». «Несмотря на запрет религиозного воспитания, в целом 1920-е гг. оказались наиболее либеральным периодом для религиозной еврейской жизни в СССР»[220].

Конечно, «по просьбам евреев-трудящихся» делались неоднократные попытки закрытия синагог, но это «наталкивалось на ожесточённое сопротивление верующих». Всё же «в 1920-х гг. были закрыты центральные синагоги в Витебске, Минске, Гомеле, Харькове, Бобруйске»[221]. Центральную московскую синагогу, на Маросейке, «удалось отстоять благодаря ходатайству раввина Мазе перед Дзер-

---

217 Поход на синагоги в Советской России* // Еврейская трибуна, 1922, 21 апреля (№ 120), с. 7.

218 КЕЭ, т. 8, с. 196.

219 *Г. Свет.* Еврейская религия в Советской России // КРЕ-2, с. 205–207.

220 КЕЭ, т. 8, с. 194.

221 Там же, с. 195.

жинским и Калининым»[222]; в 1926 в Киеве «была закрыта хоральная синагога, в которой стал играть детский еврейский театр»[223]. Но «большинство синагог продолжали функционировать. Так, в 1927 на Украине действовали 1034 синагоги и молельных дома», и даже «число синагог к концу 1920-х увеличилось по сравнению с 1917»[224].

Власти пытались и состроить «Живую Синагогу» (по примеру «Живой Церкви» у православных), в такой синагоге «на видном месте вывешивался портрет Ленина»; попытались ввести и «красных раввинов», «коммунизанов-раввинов»; однако «ничего не вышло, раскола в еврейской среде среди верующих вызвать не удалось»[225]. — «Подавляющее большинство религиозных евреев было решительно против “живой синагоги”, поэтому планы советских властей... закончились провалом»[226].

В конце 1930 была арестована группа минских раввинов. Они «были освобождены после двухнедельного заключения и вынужденного подписания составленного работниками ГПУ письма»[227]: 1) что еврейская вера не преследуется в СССР, «как это было в царской России»; 2) что за советское время не расстрелян ни один раввин.

Ещё в еврейских местностях «пытались объявить днём отдыха воскресенье или понедельник; в школах, по требованию евсекции, шли занятия в субботу, и днём отдыха было воскресенье». (Да скоро, с 1929, — всех ожидали «пятидневка» да «шестидневка», плывучий выходной, каждый пятый, каждый шестой день, — потеряли и христиане воскресенье, и евреи субботу.) *Евсеки* бесновались в праздники перед синагогами, в Одессе «ворвались в Бродскую синагогу... и демонстративно ели хлеб на глазах постившихся молящихся». Они же устраивали «Иомкипурники» (подобно «субботникам», «воскресникам» — общественные работы в Судный день). «В праздники, особенно при закрытии синагог, обычно происходили реквизиции талесов, свитков

---

222 *Г.Свет.* Еврейская религия...// КРЕ-2, с. 209.

223 КЕЭ, т. 4, с. 257.

224 КЕЭ, т. 8, с. 195.

225 *Г. Свет.* Еврейская религия... // КРЕ-2, с. 208.

226 КЕЭ, т. 8, с. 197.

227 Там же, с. 198.

Торы, молитвенников, религиозных книг». — «Ввоз мацы из заграницы... то разрешался, то запрещался»[228], при том, что «с 1929 власти стали налагать завышенные налоги на выпечку мацы»[229]. Ларин отмечает «изумительное разрешение» на Пасху 1929 ввезти из Кёнигсберга мацу в московские синагоги[230].

В 20-е годы в частных типографиях ещё издавалась религиозная еврейская литература. «В Ленинграде хасидам хабадского толка удалось напечатать молитвенники в нескольких изданиях, — каждое тиражом по несколько тысяч», а ленинградский раввин Д. Каценельсон издался в типографии «Красный агитатор». На протяжении 20-х годов выпускались еврейские календари, «распространялись в десятках тысяч экземпляров»[231]. И даже: «еврейская община была единственным религиозным объединением [в Москве], которому разрешили в 20-х годах строить новые храмовые здания»: вторую синагогу во 2-м Вышеславцевом переулке близ Сущевского вала и третью в Черкизове; эти три синагоги оставались открытыми в Москве в течение 30-х годов[232].

Но «молодые еврейские писатели и поэты... с восторгом писали о пустеющих синагогах, об одиноком ребе, которому некого больше учить, о мальчишках из местечек, которые становятся грозными красными комиссарами»[233].

А видели мы — и как бесновались русские комсомольцы вокруг пасхальных заутреней, выбивали из рук свечки и свячёные куличи, потом сшибали кресты с куполов; и тысячи прекрасных церквей, разбитых в кирпичи; и помним расстрелы тысяч священников, а тысячи других — с лагерными носилками.

Все мы в те годы — изгоняли Бога.

---

228 *Г. Свет.* Еврейская религия... // КРЕ-2, с. 208–209.

229 КЕЭ, т. 8, с. 199.

230 *Ю. Ларин*, с. 285.

231 *И. Слуцкий.* Судьба иврит в России // КРЕ-2, с. 246.

232 Сорок сороков: Альбом-указатель всех московских церквей: В 4 т. / Сост. С.Звонарёв [П.Паламарчук]. Париж, YMCA-Press, 1988. Т. 1, с. 13, *С.Познер.* Советская Россия // ЕМ-1, с. 271.

233 *М. Поповский.* О нас — со всей искренностью // Новый американец, 1981, 20–26 сентября (№ 84), с. 7.

С ранних советских годов перед еврейской интеллигенцией и молодёжью благодатно распахнулись пути в науку и русскоязычную культуру, — пути широчайшие, однако по-советски зажатые в содержании. (В самые ранние советские годы верхи культуры патронировала Ольга Каменева, сестра Троцкого.)

Уже от 1919 «в огромном числе хлынула еврейская молодёжь» в кино — искусство, хваленное Лениным за его «сиюминутное агитационное воздействие», для управления психологией масс. «Многие из них возглавили киностудии, республиканские и центральные управления кинематографии, учебные центры и съёмочные группы». (Б. Шумяцкий, один из создателей Монгольской Республики, С. Дукельский — в разное время начальники Главного управления кинопромышленности[234].) Впечатляющие проявления раннесоветской кинематографии — несомненно еврейский вклад. — Еврейская энциклопедия приводит длинную череду администраторов, режиссёров, постановщиков, актёров, сценаристов, теоретиков кино. Из режиссёров Дзига Вертов числится классиком советского, главным образом документального, кино: «Ленинская киноправда», «Шагай, Совет», «Симфония Донбасса», «Три песни о Ленине»[235] (менее известно, что он же руководил киносъёмкой разорения мощей Сергия Радонежского). — В жанре «исторического документального фильма» Эсфирь Шуб «тенденциозным подбором фрагментов старой кинохроники монтировала полнометражные пропагандистские фильмы ("Падение династии Романовых", 1927... и др.), а впоследствии теми же приёмами изготовляла прославительно-патетические ленты». — Всеизвестны в истории советского киноискусства Г. Козинцев и Л. Трауберг («С.В.Д.», «Новый Вавилон»), С. Юткевич. Ф. Эрмлер организовал Киноэкспериментную мастерскую. Отмечаются и Г. Рошаль («Господа Скотинины», «Его превосходительство» — покушение Гирша Леккерта), Ю. Райзман («Каторга», «Земля жаждет»)

---

[234] КЕЭ, т. 4, с. 275, РЕЭ, т. 3, с. 439.

[235] КЕЭ, т. 1, с. 653.

и др. — А крупнейшая фигура всего раннесоветского кино — Сергей Эйзенштейн. Он принёс в искусство «эпичность, монументальную масштабность массовых сцен, их чередование с крупными планами, эмоциональную насыщенность монтажа и его ритма»[236]. Однако использовал он свой дар — по заказу. Мировая громовая слава «Броненосца “Потёмкина”», таран в пользу Советов, а по сути своего воздействия на широкую публику — безответственное вышивание по русской истории, взвинчивание проклятий на старую Россию, с измышленным «кинематографическим аксессуаром»: как будто бы накрыли толпу матросов брезентом для расстрела (и вошло в мировое сознание как исторический факт) да «избиение» на одесской лестнице, какого не было. (Потом понадобилось услужить Сталину на тоталитарной идее, потом и на национальной, — Эйзенштейн тут как тут.)

Хотя Еврейская энциклопедия (КЕЭ) подобрала имена в искусстве по признаку национальности, повторим: не в национальности был главный ключ, а в бурно-срывистом интернациональном ветре всей раннесоветской эпохи — наиболее отчуждённой от какого-либо национального духа, традиций. И тут ярчайшая фигура — в театре, но рядом с властью — Мейерхольд. Он стал ведущей — и авторитарной — звездой советского театра. У него были бурные поклонники, но принимали его не все. В поздних воспоминаниях Тырковой-Вильямс читаем: диктаторски ломал и авторов пьес и актёров своей «догматической схематизацией и сухостью»; Комиссаржевская «почуяла, что в его новизне нет творческой простоты, нет ни этической, ни эстетической ясности», он «обрезал крылья актёрам... придавал рамке больше значения, чем портрету»[237]; проявился и упорным противником Михаила Булгакова.

Конечно, эпоха требовала *платить* за своё положение. Так платили и Качалов, и Немирович-Данченко, все тогда... Так платил и талантливый режиссёр Камерного театра А. Таиров-Корнблит, театральная звезда того же неповторимого раннесоветского времени. (В 1930 Таиров «обличал» в газетах «Промпартию».)

---

[236] КЕЭ, т. 4, с. 276–277.

[237] *А. Тыркова-Вильямс.* Тени минувшего // ВМ, Нью-Йорк, 1990, № 111, с. 214–215.

Марк Шагал к 1923 эмигрировал. От большинства же художников 1920-х годов требовалось вложиться в советскую наглядную массовую пропаганду, чем отличились и несколько художников-евреев, начиная, может быть, с раннего Эль Лисицкого: воспринявши Октябрьскую революцию как «новое начало человеческой истории», он «включился в работу различных комитетов и комиссий, изготовил первое знамя ВЦИКа, которое члены правительства вынесли на Красную площадь в 1918», знаменитый плакат «Клином красным бей белых», с 1927 оформлял много советских выставок за рубежом, пропагандные для Запада фотоальбомы («СССР строит социализм» и т.п.) [238]. А фаворитом властей («много портретов Ленина, Троцкого и других советских деятелей», Ворошилова, Фрунзе, Будённого) сделался Исаак Бродский, «после завершения портрета Сталина стал ведущим официальным портретистом СССР», с 1928, — а с 1934 назначен директором Всероссийской Академии Художеств [239].

«В первые послереволюционные годы... музыкальная жизнь евреев России ещё более оживилась». В начале века в России была создана «впервые в мире еврейская национальная школа в музыке, сочетавшая глубинные народные традиции и европейскую композиторскую технику», и теперь, в 20-е, «активизировалась деятельность еврейских композиторов — появилось множество произведений на еврейские темы и сюжеты» — например, опера «Юность Авраама» М. Гнесина, «Песнь Песней» А. Крейна, «Еврейская рапсодия» его брата Г. Крейна. Последнего, с сыном Юлианом, направили (даже при тогдашних советских ограничениях) в восьмилетнюю командировку в Вену и Париж, «для совершенствования композиторского и исполнительского мастерства» сына [240]. — Музыкальное исполнительство и всегда было успешной стихией для еврейских талантов — оно полилось теперь потоком и, счастливо, вне идеологии. Тут проступали имена ещё тогда неизвестные, а в будущем, как увидим, прославленные на десятилетия. — Выделилось немало «музыкально-общественных

---

238 КЕЭ, т. 4, с. 860–862.

239 КЕЭ, т. 1, с. 547.

240 КЕЭ, т. 5, с. 541–542; РЕЭ, т. 2, с. 86–87.

деятелей». Матиас Сокольский-Гринберг был «главный инспектор музыки Главискусства Наркомпроса», ответственный редактор идеологической «Музыки и революции». Позже (в 30-е годы) Моисей Гринберг, «видный организатор музыкально-концертной жизни», был директором Музгиза, главным редактором «Советской музыки», позже и начальником Управления музыкального радиовещания Всесоюзного радио [241]. В Одессе существовала и Еврейская Консерватория [242].

На массовой эстраде гремел Леонид Утёсов. Между другими сюжетами триумфально разносил по всей стране одесский колорит («С одесского кичмана бежали три уркана...»). Автором многих его песен был А. д'Актиль (его всеизвестные «Мы красные ка́ва-/леристы, и про нас / былинники речистые / ведут рассказ»). А П. Герман и Ю. Хайт сочинили марш советской авиации, кто из нашего поколения его не пел, срывая юные голоса: «Всё выше, и выше, и выше / стремим мы полёт наших птиц» [243]. Тогда — залегло начало массового советского песенничества.

А поток советской культуры год от году всё более попадал под очи и длани направительных учреждений. ГУС (Государственный Учёный Совет). ГИЗ (монопольное Государственное Издательство, задушившее много частных, и со своим «политкомиссаром», в 1922–23 Давид Черномордиков [244].) Аналогичный МузГИЗ. Государственная комиссия по закупке художественных произведений, то есть власть над существованием художников. (Политическое наблюдательство, как за ректором ленинградской консерватории А.К. Глазуновым, — ещё отдельно.)

Разумеется, евреи были лишь частью трубно шагавшей *пролетарской* культуры. И в победном воздухе раннесоветской эпохи искренно не замечалось, не ощущалось потерей, что *советская* культура интенсивно вытесняла культуру *русскую* — её задушенные или вовсе не прозвучавшие имена.

---

241 РЕЭ, т. 1, с. 377.

242 РЕЭ, т. 2, с. 287.

243 РЕЭ, т. 1, с. 288, 409.

244 РЕЭ, т. 3, с. 336.

С 1923 по 1927 шла жестокая борьба за власть в партии и в стране между Сталиным и Троцким. Затем с не меньшей уверенностью за первое место в партии боролся Зиновьев. С 1926 с Троцким соединились и обманутые Сталиным Зиновьев и Каменев («Объединённая оппозиция»), — то есть три виднейших вождя-еврея оказывались в одном фронте. Не удивительно, что и множество молодых троцкистов меньше рангом были евреями. (На то указывает, например, приводимое Агурским свидетельство А. Чилиги, сидевшего потом с троцкистами в Верхнеуральском изоляторе: «троцкисты действительно были молодыми еврейскими интеллигентами и техниками», и особенно из левых бундистов [245].)

«Оппозиция рассматривалась как преимущественно еврейская», и Троцкого это сильно тревожило. В марте 1924 он жаловался Бухарину, что среди рабочих Москвы открыто говорят: «Жиды бунтуют!», и будто он «получил сотни писем на эту тему». Бухарин отклонил как частность. Тогда «Троцкий попытался вынести вопрос об антисемитизме на заседание Политбюро, но его никто не поддержал». Троцкий больше всего и боялся, чтобы Сталин в борьбе с ним не использовал публично козырь антисемитизма. И такое использование отчасти было (Угланов, тогда секретарь московского комитета партии). А при разгоне в Москве (Углановым же) троцкистской демонстрации 7 ноября 1927 «раздавались антисемитские выкрики» [246].

Может быть, у Сталина и было тяготение — использовать против «Объединённой оппозиции» антиеврейскую карту, это казалось близко выгодным, — но своей несравненной политической мерой он этого избежал: как будто уже и начинал разыгрывать — и взял назад. Он понимал, что евреи в тот момент были многочисленны у него в партии (а если объединить их против себя — то целая сила), а ещё нужны ему ради западной поддержки, да множество кадров из евреев ему и самому ещё насколько может при-

---

245 *М. Агурский.* Идеология национал-большевизма, с. 240.

246 Там же, с. 240–242, 244.

годиться впереди. (Он и никогда не расставался со своим излюбленным подручным Львом Мехлисом; и ещё от Царицына, Гражданской войны, его верным сподвижником был Моисей Рухимович, за то и весьма отмеченный.) — И одновременно с тем, как, по мере личного усиления Сталина, к концу 20-х годов началось сокращение евреев в соваппарате, в разгар той самой борьбы он не случайно послал Енукидзе фотографироваться «среди еврейских делегаток» на съезде «работниц и крестьянок»[247]. А Ярославского — печатать в «Правде»: что «отдельные случаи проявления антисемитизма по отношению к оппозиции, точно так же, как... отдельные случаи антисемитизма в борьбе оппозиции с партией», — это попытка «использовать всякую щёлочку, всякую трещину» в пролетарской диктатуре, «нет ничего глупее и реакционнее, как объяснять корни оппозиции из *национальных* черт того или иного оппозиционера»[248]. — И на том же самом XV партсъезде, где окончательно была разбита «Объединённая оппозиция», — Сталин направил Орджоникидзе особо высказаться по национальному вопросу в его отчёте ЦКК–РКИ (там он и приводил вышеуказанную статистику), как будто в защиту евреев. Аппарат в «большинстве состоит из русских... поэтому всякие разговорчики о еврейском засилии и т. д. не имеют под собой никакой почвы»[249]. Да Сталин и на XVI съезде в 1930 прокламировал «русский великодержавный шовинизм» как «главную опасность в национальном вопросе». — Так Сталин к концу 20-х не провёл задуманной было им «чистки» совапларата и партии от евреев, но продолжал поощрять их внедрение во многих отраслях, местах, учреждениях.

На XV съезде компартии (декабрь 1927) пришло время высказываться по нарастающе грозному крестьянскому вопросу: что делать с этим несносным крестьянством, которое в обмен на хлеб нагло желает получать промышленные товары? Главный доклад тут — от Молотова. А в прениях среди ораторов — бессмертные удавщики крестьянства Шлихтер и Яковлев-Эпштейн[250]. Предстояла массовая вой-

---

[247] Известия, 1927, 13 октября, с. 2

[248] *Ем. Ярославский.* Против антисемитизма // Правда, 1927, 12 ноября, с. 2.

[249] Известия, 1927, 11 декабря, с. 1.

[250] Там же, 22 декабря, с. 2–4, 23 декабря, с. 4, 5.

на против крестьянства, и Сталин не мог позволить себе отчуждение умелых кадров, а наверное и считал, что в этой огромной кампании, направленной непропорционально против славянского населения, часто надёжнее будет опереться на евреев, чем на русских. В Госплане он прочно сохранял еврейское большинство. В командных и теоретических верхах коллективизации состоял, разумеется, и Ларин; Лев Крицман служил директором Аграрного института начиная с 1928, в 1931–33 зампред Госплана, сыграл роковую роль в травле Кондратьева и Чаянова. (Тут поспели и Деборин с Ярославским.) — Яков Яковлев-Эпштейн возглавил Наркомзем. (Долгие годы его карьера была — агитация-пропаганда: с 1921 начальник Главполитпросвета, потом отдел агитпропа ЦК, зав. отделом печати ЦК. Но уже в 1923, на XII съезде, это он разработал проекты решений по деревне — и так с 1929 взбросила его карьера в наркомземы)[251]. И вёл затем Великий Перелом, атаку многомиллионной коллективизации, с её рьяными исполнителями на местах. Современный автор пишет: «В конце 20-х годов впервые немалое число еврейских коммунистов выступило в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в ходе коллективизации окончательно отчеканился образ еврея как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея и в лицо не видели»[252].

Разумеется, при любом «проценте» в советском и партийном аппарате, — и тут ошибочно объяснять злейший антикрестьянский замысел коммунизма именно еврейским участием. Нашёлся бы на Наркомзем и русский, вместо Яковлева-Эпштейна, это достаточно проявилось в нашей послеоктябрьской истории. Смысл же и последствия раскулачивания и коллективизации не могли быть только социальными и экономическими: в миллионных множествах изничтожалась не безликая масса, а реальные люди, с традиционной культурой, вырывались их корни, погашался дух, — по сути, раскулачивание проявилось не только как мера социальная, но и мера *национальная*, — и чем аргументировать, что это не содержалось и в коммунисти-

[251] РЕЭ, т. 2, с. 93, т. 3, с. 497.

[252] *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. S. 84.

ском *замысле*? Стратегически задуманный Лениным удар по русскому народу как главному препятствию для победы коммунизма — успешно осуществлялся и после него. В те годы — Коммунизм всей своей жестокостью мозжил русский народ. И поразиться надо, что кто-то осмысленный всё-таки уцелевал. — Коллективизация, больше всех других коммунистических действий, ясно отвергает всякие теории о «национальной», якобы «русской», диктатуре Сталина. О содействии же в коллективизации правящих коммунистов-евреев — стоит помнить, что оно было усердно и талантливо. Слышим вот от третьеэмигранта, росшего на Украине: «Я вспоминаю своего отца, свою мать, дядей, тёток — с каким восторгом проводили они коллективизацию, выполняли пять в четыре и писали подходящие к случаю производственные романы!»[253] — В правительственной газете стояло: «Нет у нас еврейского вопроса. На него уже давно дала категорический ответ Октябрьская революция. Все национальности равны — вот был этот ответ»[254]. Однако когда в избу приходил раскулачивать не просто комиссар, но комиссар-еврей, то вопрос маячил.

«В конце 20-х годов», пишет Ш. Эттингер, «среди трудностей жизни в СССР, многим казалось, что единственный народ, который выиграл от революции, — это евреи: они находились на важных правительственных постах, они составляли крупную пропорцию среди университетских студентов, а по слухам — получили лучшие земли в Крыму, они наводнили Москву»[255].

Но вот спустя полвека, в июне 1980, проходила в Колумбийском университете (слышал по радио) конференция о положении евреев в СССР. Учёные докладчики описывали, каково стеснённое положение советских евреев, и особо выделяли, что: евреям предлагают отказаться от своих корней, веры, культуры — и включиться в какое-то безнациональное сообщество, — либо эмигрировать.

Ба! Да то самое, что в Двадцатые годы требовалось и вынуждалось, под угрозой Соловков, от всех народов быв-

---

253 *М. Поповский.* О нас — со всей искренностью // Новый американец, 1981, 20–26 сентября (№ 84), с. 7.

254 *Н. Семашко.* Евреи на земле // Известия, 1927, 20 августа, с. 3.

255 *S. Ettinger* // Bulletin on Soviet and East European Jewish Affairs, 1970, № 5, p. 38–39.

шей России, и при том не было выхода — «либо эмигрировать».

«Светлые» Двадцатые годы — ох как нуждаются в трезвой оценке.

Они наполнены были ожесточёнными преследованиями и по *классовому* признаку, в том числе неповинных *детей* за прошлую, даже не виданную ими жизнь их родителей, — но *тогда*: не евреи были те дети, не евреи были те родители.

Все Двадцатые годы добивали насмерть священство. (Нечего и говорить, что священство было — сгущённый во многих поколениях русский национальный тип.) Занимались этим особые «церковные отделы ГПУ», и во главе их народ видел, конечно, не только евреев, но слишком часто и евреев.

С конца Двадцатых на Тридцатые прошла полоса судебных процессов и над инженерами: избивали и убивали всю старую инженерию — а она была по своему составу подавляюще русская, да ещё прослойка немцев.

Также громили в те годы устои и кадры русской науки во многих областях — истории, археологии, краеведении, — у русских не должно быть *прошлого*. — Никому из гонителей не будем вменять *собственного* национального побуждения. (Да если в комиссии, подготовившей и обосновавшей декрет об упразднении историко-филологических факультетов в российских университетах, состояли Гойхбарг, Ларин, Радек и Ротштейн, то так же там состояли Бухарин, М. Покровский, Скворцов-Степанов, Фриче, и подписал его, в марте 1921, — Ленин.) А вот в *духе* декрета национальное побуждение было: ни история, ни язык этому народу — «великоросскому» — больше не нужны. В 20-е годы было отменено само понятие «русской истории» — не было такой! И выметено прочь понятие «великороссы»: не было таких!

Тем больней — что мы, сами русские, рьяно шли по этому самоубийственному пути. И именно этот период 20-х годов принято считать «расцветом» освобождённой — от царизма, от капитализма — культуры! Да даже само слово «русский», сказать: «я русский» — звучало контрреволюционным вызовом, это-то я хорошо помню и по себе, по школьному своему детству. Но без стеснения всюду звучало и печаталось: р у с о п я т ы!

В «Правде» на видном месте предлагалось (В. Александровский, более ничем не проявленный):

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
...Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой тяжкий сон.
Эх, старуха! Слепая и глупая!..[256]

А В. Блюм в «Вечерней Москве» мог нагло требовать «убрать "исторический" мусор с площадей» городов: с Красной площади убрать Минина-Пожарского, из Новгорода — памятник Тысячелетия России, с киевского холма — статую Св. Владимира, «все эти тонны... металла давно просятся в утильсырьё». (О национальных оттенках «переименований» мы уже писали.) — А прославленый политическим перемётчеством и личным бесстыдством Давид Заславский требовал разгромить реставрационные мастерские Игоря Грабаря: «Преподобные отцы-художники... тайно слили снова церковь и искусство!»[257]

Это наше самопокорение не замедлило отразиться и на самом русском языке — утерей его глубин, красот, сочности, заменою железопрокатным советским волапюком.

В угаре того десятилетия не заботились, как это всё выглядит: ведь русский патриотизм отменён навсегда. Но не забудем, не забудем же о народном чувстве. Не так виделось народу, что взрывал Храм Христа Спасителя инженер Жевалкин, из крестьян Скопинского уезда, а — что главный взрыватель Каганович (он же настаивал снести и Василия Блаженного). Публично громила православие целая шайка «воинствующих безбожников» во главе с Губельманом-Ярославским. Верно отмечают теперь: «Особенно возмущало, что еврейские коммунисты принимали участие в разрушении русских церквей»[258]. И именно в гонениях на православную церковь (затем и на деревню), — как ни по-

---

256 Правда, 1925, 13 августа, с. 3.

257 Сорок Сороков: Альбом-указатель всех московских церквей. Т. 1*, с. 15.

258 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. S. 79.

зорно участие в них крестьянских сыновей, — было разительным, обидным и несмываемым участие каждого иноплеменника. Прямо против завета русской пословицы: *Не гони Бога в лес, коли в избу влез.*

В Двадцатые годы, по словам А. Воронеля: «евреи восприняли как благоприятную ситуацию, трагическую для русского народа»[259].

Правда, ещё благоприятнее её восприняли левые западные интеллектуалы: их обворожение было не национальное, разумеется, а социалистическое. Кто помнит, в сентябре 1930, молниеносный расстрел сорока восьми специалистов-пищевиков — «организаторов голода» (то есть вместо Сталина), «вредителей» в мясном, рыбном, консервном, овощном делах? Среди этих несчастных — и евреев не меньше десяти[260]. Но как же нарушить всемирное восхищение советской властью? Дора Штурман внимательно прослеживает, как Б. Бруцкус в Европе тщетно пытался поднять голоса протеста западных интеллектуалов. И нашёл таких, но кого? — немцев и «правых». Сгоряча подписал и Альберт Эйнштейн — но и, не покраснев, с н я л свою подпись — ибо: «Советский Союз добился величайших достижений» и «Западная Европа... скоро будет вам завидовать», а этакий расстрел — всего лишь «единичный случай», и «отсюда нельзя считать возможность вины [пищевиков] полностью исключённой». Ромен Роллан — «благородно» смолчал. Арнольд Цвейг — еле устоял против коммунистического гнева, подписи не снял, но оговорился, что эта расправа — есть «древнерусский метод». И что́ тогда спрашивать с академика Иоффе внутри страны, толкавшего Эйнштейна снять подпись?[261]

Нет, не стала Западная Европа нам завидовать. А от таких расстрельных «единичных случаев» погибли миллионы невинных. Не станем доискиваться, почему мировым общественным мнением те злодеяния были забыты. Не слишком охотно вспоминаются они и сегодня.

Ныне строится обратным движением в прошлое миф: что при советской власти евреи в целом всегда были граж-

---

259 *А. Воронель.* Трепет иудейских забот. 2-е изд. Рамат-Ган: Москва–Иерусалим, 1981, с. 120.

260 Известия, 1930, 22 сентября, с. 1, 3–4, 25 сентября, с. 1.

261 *Д. Штурман.* Они — ведали // "22", 1990, № 73, с. 126–144.

данами второго сорта. Или о раннесоветских годах выражаются в такой форме: «тогда ещё не было таких притеснений, которые произошли позже»[262].

И вовсе редкость — такое, например, признание не участия только, но и некой лихости еврейской в ведении дел того молодого варварского государства: «Смесь невежества и дерзости, которую Ханна Арендт называет типичной чертой еврейских парвеню, была присуща первой социалистической, политической и культурной элите. Дерзость и пыл, с которыми проводились большевицкие мероприятия, будь то конфискация церковных сокровищ или травля "буржуазных интеллигентов", действительно придавали большевицкой власти в 20-е годы определённые еврейские черты»[263].

И в 90-е же годы другой публицист-еврей написал о 20-х годах: «В студенческих аудиториях тон часто задавали евреи, не замечавшие, что их интеллектуальное пиршество идёт на фоне опустошений в стане основного народа страны». А потом «на протяжении десятилетий евреи гордились теми своими соплеменниками, кто в революцию сделал блестящую карьеру, и не очень-то задумывались над тем, как эта карьера связана с реальными страданиями русского народа». И сегодня — «поразительно единодушие, с каким мои соплеменники отрицают какую-либо свою провинность в русской истории XX века»[264].

Ах, как целительно звучали бы для обоих наших народов такие голоса, если б не были утопающе-единичны... Ибо это правда, что в Двадцатые годы евреи во множестве устремились на службу к большевицкому Молоху — не думая об этой несчастной подопытной земле, но никак не предвидя последствий и для себя. И многие из верхушечных советских евреев при этом потеряли *чувство меры*: ощущение, где надо остановиться.

---

262 *И. Зунделевич.* Восхождение // "22", 1983, № 29, с. 54.

263 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. S. 144–145.

264 *Г. Шурмак.* Шульгин и его апологеты // Новый мир, 1994, № 11, с. 244.

Глава 19 — В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Тридцатые годы в СССР были годами напряжённого индустриального рывка, в котором перемолоты были крестьянские массы и жизнь всего населения приобрела новые непривычные формы, требующие непривычных же навыков приспособления к ним. Через непосильные жертвы и несмотря на многие несуразности советской организационной системы — вся жестокая эпопея привела-таки к созданию индустриальной державы.

Но не на чуде самозародном выросли и совершились сталинские Первая да и Вторая пятилетки и не на одном насильственном сгоне голой массы работяг. Потребно было обильное техническое снабжение, передовое оборудование, сотрудничество опытных в этой технике специалистов — и всё это широко притекало от западного капитализма, и более всего из Соединённых Штатов. Не в виде дара, конечно, не в виде щедрой помощи, — за всё это советские коммунисты обильно расплачивались российскими недрами и лесами, рынками сырья и обещаемыми Западу рынками сбыта, и награбленным добром царской Империи. Такие сделки потекли при содействии и одобрении интернациональных финансовых магнатов, и прежде всего Уолл-стрита, — в устойчивое продолжение тех первых коммерческих связей, которые советские коммунисты сумели завязать на американских биржах ещё в ходе нашей Гражданской войны и укрепляли их целыми кораблями царского золота и сокровищ Эрмитажа.

Но позвольте! но мы же обстоятельно у́чены Марксом, что капиталисты — лютые враги пролетарского социализма и не помощь от них прикатит, а уничтожительная кровавая война? Э, как бы не так; несмотря на официальное дипломатическое непризнание, вполне было на виду, и даже печаталось в «Известиях»: «американские торговцы заинтересованы в расширении экономических связей с Советским Союзом»[1]. — Против такого расширения выступа-

[1] Известия, 1928, 22 января, с. 1.

ли американские профсоюзы (защищая свой рынок от продукции дешёвого — рабского — советского труда). А созданная к тому времени «Русско-Американская торговая палата» и слышать не хотела о каком-то политическом противостоянии коммунизму, «вмешивать политику в деловые отношения»[2].

По вскрытым ныне дипломатическим и финансовым архивам Э. Саттон, уже упоминавшийся современный американский исследователь, проследил связи Уолл-Стрита с большевиками и указал на их аморальную логичность и последовательность на протяжении многих лет, ещё и от плана «Марбург» в начале века, на фундаменте обширного капитала Карнеги: усилить власть международных финансистов через «социализацию» стран Земли «для контроля... и принудительного установления мира». И пришёл к выводу: «Международные финансы предпочитают иметь дело с централизованными правительствами. Банковское сообщество меньше всего хочет свободной экономики и децентрализованной власти», как раз напротив. «Революция и международные финансы не так уж противоречат друг другу, если в результате революции должна установиться более централизованная власть» — и тем самым рынки этих стран становятся управляемыми. И — вторая линия согласия: «У большевиков и банкиров была эта существенная общая платформа — интернационализм»[3].

На такой-то почве не удивительна вся последующая поддержка «Морганом-Рокфеллером коллективистских предприятий и массового уничтожения индивидуальных прав». И в оправдание этой поддержки звучало на сенатских слушаниях: «Почему великая индустриальная страна, наподобие Америки, должна желать создания и последующей конкуренции другого великого промышленного соперника?»[4] А с заведомо неконкурентоспособным, централизовавшим свою экономику тоталитарным режимом — враждовать не надо. — Другое дело, что Уолл-стрит не рассчитал дальнейшего развития большевицкого строя и его сверхожидаемой возможности управлять людьми, исполь-

---

[2] Там же, 26 января, с. 3.

[3] *Э. Саттон.* Уолл-стрит и большевицкая революция / Пер. с англ. М., 1998, с. 210, 212.

[4] Там же, с. 214, 215.

зовать их до самого дна — и создать свою, хоть и уродливую, но мощную, индустрию.

Однако в чём же тут связь с нашей основной темой? А пожалуй, в том, что, как мы видели, американские финансисты напрочь отказывали в займах дореволюционной России — по причине ущемления в ней прав евреев, — хотя Россия всегда была перспективна для финансовой выгоды. И ясно, что если тогда они готовы были пожертвовать прибылью, то и теперь, при всех экономических расчётах на советский рынок, — не стала бы «империя Моргана-Рокфеллера» пособлять большевикам, если бы в СССР к началу 30-х годов прорисовалось бы притеснение евреев.

Но в том-то и дело, что для Запада уже описанные нами советские притеснения традиционной еврейской культуры или сионистов легко исчезали под общим на тот день впечатлением, что советская власть евреев не угнетёт, и даже, наоборот, сохранит многих у рычагов власти.

Картины прошлого обладают способностью удобно переворачиваться в нашем сознании — так, чтобы приуспокоить его. И *сегодня* нарастает такое представление, что в 30-е годы евреи были уже вытеснены из советского руководства, уже никак не касались управления страной. — Встретим мы (в 80-е годы) и такие утверждения: что в советские годы евреи в СССР были «практически уничтожены как народ, они превратились в социальную группу, расселенную в больших городах, "прослойку, обслуживающую господствующий класс"»[5].

Нет, далеко не только «обслуживающую», ещё в немалой мере евреи входили тогда и в собственно «господствующий класс». А «большие города», столицы — как раз-то и были властью подкуплены, снабжены и устроены, когда вся огромная страна измирала от гнёта и нужды. Выйдя из сотрясений Гражданской войны, Военного коммунизма, НЭПа, 1-й пятлетки, — *мирная жизнь* страны всё более определялась деятельностью её государственного аппарата, в котором роль евреев была весьма высока, по крайней мере, до 1937–38.

---

[5] *А. Воронель* // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1986, № 50, с. 160.

В 1936 на VIII съезде Советов СССР Молотов по велению Сталина (отличиться перед Западом от Гитлера?) произнёс такую тираду: «Наши братские чувства к еврейскому народу определяются тем, что он породил гениального творца идей коммунистического освобождения человечества» — Карла Маркса, «что еврейский народ, наряду с самыми развитыми нациями, дал многочисленных крупнейших представителей науки, техники и искусства (что несомненно, и уже сказалось в советские 30-е годы, и ещё более проявится в послевоенные. — *А.С.*), дал много славных героев революционной борьбы... и в нашей стране — выдвинул и *выдвигает всё новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма*»[6].

Курсив — мой. Безусловно — цель тут была пропагандная. Но заявление Молотова — соответствовало обстановке. А «защита дела социализма» — это все годы были: ГПУ, армия, дипломатия и идеологический фронт. Охотное участие столь многих евреев в этих органах продолжалось и в ранних и в средних 30-х годах, до 1937–38.

Мы ограничимся лишь кратким обзором наиболее важных постов и имён, появившихся, главным образом, именно в 30-е годы, — по привременным газетам, более поздним публикациям и по новейшим еврейским энциклопедиям. Разумеется, такой обзор, осложняемый тем, что немаловажное национальное или безнациональное самоощущение действующих лиц нам неизвестно, — может содержать и частные ошибки и никак не исчерпывает полноты картины.

Вследствие разгрома «троцкистской оппозиции» персональный состав евреев в партаппарате — заметно поредел. Но та *чистка* партгосаппарата совсем не имела антиеврейской направленности. На виднейшем месте в *Политбюро* сохранялся Лазарь Каганович — одновременно и зловеще-беспощадный и анекдотически низкого уровня (а со средины 30-х *и* секретарь ЦК, *и* член Оргбюро ЦК, — как только единственно ещё Сталин). И трёх братьев своих он устроил на весьма крупные посты. Михаил Каганович — с 1931 ещё зампред ВСНХ, с 1937 уже нарком оборонной промышленности, затем по совместительству и авиацион-

[6] Известия, 1936, 30 ноября, с. 2.

ной. Юлий, пройдя ведущие партийные посты всё в том же Нижнем Новгороде, где и все братья, — стал заместителем наркома внешней торговли[7]. (А один брат был «фигура» в Ростове-на-Дону, совсем бесталанный. Напоминает сюжет Салтыкова-Щедрина, как брат Вооз Ошмянский устраивал на выгодный пост брата Лазаря.) — Но две этнически русских оппозиции в начале 30-х годов — Рыкова-Бухарина-Томского и Сырцова-Рютина-Угланова — были разгромлены Сталиным в опоре и на евреев-большевиков, черпая из них нужную замену. Каганович был основной и твердейшей опорой Сталина в Политбюро: требовал расстрелять Рютина (октябрь 1932–январь 1933) — но даже у Сталина это тогда сорвалось[8]. Чистка 1930–1933 мела — по русским элементам в партии.

В президиуме *Центральной Контрольной Комиссии* (ЦКК) после XVI партсъезда (1930) из 25 членов — евреев 10, в том числе: А.Сольц — «совесть Партии» (а в самые «расстрельные» годы, 1934–1938, и помощник Генерального прокурора Вышинского[9]), З.Беленький (это — сверх упомянутых трёх братьев Беленьких), А.Гольцман (тот самый перекидчик к Троцкому в вопросе о профсоюзах), яростная Розалия Землячка, опять брат М.Каганович, чекист Трилиссер, «воинствующий безбожник» Ярославский, Б.Ройзенман, уцелевший помощник Троцкого А.П.Розенгольц. — Если же сравнивать положение в ЦК партии в 20-е и ранние 30-е годы, то оно примерно не изменилось, — и в 1925 и после XVI партсъезда евреи составляли около одной шестой[10].

В верхах компартии и после XVII съезда («победителей») в 1934 в составе ЦК евреев оставалась шестая часть, в комиссии Партконтроля — около трети, сходно же в Ревизионной комиссии ЦК (а возглавлял её немалое время М.Владимирский. С этого момента ЦКК возглавлена Л.Кагановичем). — Такая же пропорция была тогда и в комиссии Советского Контроля[11]. — Заместителем Генпрокуро-

[7] Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1, с. 527–528.

[8] *Роберт Конквест.* Большой террор / Пер. с англ. Firenze: Edizioni Aurora, 1974, с. 70, 73.

[9] РЕЭ, т. 3, с. 95.

[10] Известия, 1930, 14 июля, с. 1.

[11] Известия, 1934, 11 февраля, с. 1–2.

ра СССР пять горячих лет (1934 – 1939) был Григорий Леплевский[12].

Многие партийные посты не оглашались даже и в «Правде». Но на осень 1936 можно отметить: секретарь ЦК ВЛКСМ — Е. Файнберг[13]; зав. отделом печати и издательств ЦК (вся идеология!) — Б. Таль (вместо Льва Мехлиса, целиком перешедшего на редакторство «Правды», а с 1937 — на замнаркома обороны и начальника Политуправления Красной армии).

Многих видим и на командных местных постах — таких, как СредАзбюро, крайком восточно-сибирский, первые секретари обкомов Немцев Поволжья, татарского, башкирского, томского, калининского, воронежского и ещё многих обкомов. — Вот Мендель Хатаевич (член ЦК с 1930), последовательно секретарь: гомельского, одесского, татарского, днепропетровского обкомов, средне-волжского крайкома, второй секретарь компартии Украины. — Яков Чубин — черниговского, акмолинского обкомов, шахтинского окружкома, потом — по Комиссиям Партийного Контроля — московской, крымской, курской, туркменской, а с 1937 — первый секретарь ЦК Туркмении[14]. — Не будем утомлять перечислением имён, но не упустим реальный вклад этих *секретарей* в общебольшевицкое дело — ещё и с поразительным географическим перепархиванием, как и в 20-е годы. Кадры — всё ещё немногочисленны и незаменимы, и в их перелётности нет заботы, что всякий новичок — чужой для каждой новой местности.

Ещё более реальное большевицкое управление — в руках *наркомов*. В 1936 мы видим в Правительстве 9 наркомов-евреев: знаменитый тогда, на весь мир гремевший *наркоминдел* Литвинов (в дружеских шаржах «Известий» его изображали рыцарем мира с копьём и щитом против зарубежной нечисти); не менее знаменитый, но только в пределах СССР, *наркомвнудел* Ягода; возносимый и всепрославляемый «железный нарком» *железных дорог* Лазарь Каганович; *торговля внешняя* — А. Розенгольц, его же мы отметили и в ЦКК; *торговля внутренняя* — И.Я. Вейцер; нарком *совхозов* — всё тот же М. Калманович (продкомис-

---

[12] РЕЭ, т. 2, с. 163.

[13] РЕЭ, т. 3, с. 189.

[14] Там же, с. 283, 344.

сар с конца 1917); *лёгкой промышленности* — И.Е. Любимов; *здравоохранения* — Г. Каминский (с частыми его поучительными полосами в «Известиях»); и опять же З. Беленький — *Комиссия Совконтроля*[15]. — В том же Правительстве много еврейских имён и среди замнаркомов, по разным наркоматам: финансов, связи, ж.-д. транспорта, водного, земледелия, леспрома, пищепрома, просвещения, юстиции (ещё один Сольц, Исаак), а среди важнейших замнаркомов: Я. Гамарник (обороны), А. Гуревич («внёс значительный вклад в создание металлургической промышленности в стране»)[16], Семён Гинзбург (замнаркома тяжпрома, потом нарком по строительству, потом министр строительства военных предприятий[17]).

С конца 1929 по начало 1931 произошёл тот самый «Великий Перелом». Предстояла палаческая коллективизация — и в этот решающий момент Сталин наметил на неё зловещего исполнителя Яковлева-Эпштейна, портреты его — и фото, и рисованные И. Бродским — тогда, и затем из года в год, крупнейше воспроизводились в газетах[18]. Вместе с уже известным нам М. Калмановичем он даже входил в высший правительственный Совет Труда и Обороны (где — Сталин, Молотов, Микоян, Орджоникидзе, Ворошилов, и мало кто другой)[19]. В марте 1931 на VI съезде Советов Яковлев делает и доклад о совхозном строительстве, и доклад о колхозном строительстве (губительстве всей народной жизни)[20]. На этом славном пути разорения России среди сотрудников Яковлева мелькают и замнарком В.Г. Фейгин, и члены коллегии *Наркомзема* М.М. Вольф, Г.Г. Рошаль, как и другие там знатоки по крестьянскому делу. — В важную помощь Наркомзему — придан *Зернотрест* (выкачивать зерно для государства), председатель правления — М.Г. Герчиков, его портреты в «Известиях», ему поощрительно телеграфирует сам Сталин[21]. — С 1932

[15] Известия, 1936, 18 января, с. 1; 6 февраля, с. 3.

[16] РЕЭ, т. 1, с. 394.

[17] Там же, с. 313.

[18] См., напр.: Известия, 1930, 12 июля; 1931, 14 и 17 марта; 1934, 6 января; 1936, 10 января, 21 февраля.

[19] Известия, 1930, 25 декабря, с. 1.

[20] Известия, 1931, 14 марта, с. 3–4; 17 марта, с. 1–2.

[21] Там же, 2 февраля, с. 4; 30 мая, с. 1.

отделили от Наркомзема *Наркомсовхозов* — на него двинут М. Калманович[22]. — А председатель всесоюзного *Совета колхозов* с 1934 — Яковлев же[23]. А председатель *Комитета заготовок* — И. Клейнер (награждён орденом Ленина). — М. Калманович тоже побыл в грозные месяцы коллективизации замом наркомзема — но в конце 1930 его переводят в замы наркомфина и председателем правления *Госбанка*, ибо в денежном деле тоже нужна твёрдая воля. Председателем правления Госбанка поставят в 1934 Льва Марьясина, в 1936 Соломона Кругликова[24].

В ноябре 1930 создаётся *Наркомвнешторг*, во главе его (и прослужит семь лет) известный уже А.П. Розенгольц. Среди членов коллегии — треть евреев, из них Ш. Двойлацкий войдёт и в *Главконцесском* (многовалютное место) и станет торгпредом во Франции (1934–36)[25]. — В конце же 1930 создаётся Наркомат *Снабжения*, с А. Микояном во главе (в его коллегии видим М. Беленького — это уже пятый по счёту Беленький, а вскоре он и сам — наркомснаб, заменяет Микояна). Вообще, в наркоматах торговли и снабжения еврейская составляющая выше, чем на партийных верхах, — от четверти до половины. — Ещё не упустим тут и *Центросоюз* (бюрократический центр псевдокооперации). Им заведовал (после Льва Хинчука в 20-е годы) с 1931 и по 1937 — И.А. Зеленский, мы раньше его встречали как члена коллегии *Наркомпрода*[26].

Ещё раз напоминаем: эти перечни лишь иллюстративные. Они не претендуют создать впечатление, что во всех этих коллегиях и президиумах не представлены другие национальности — конечно же они есть. Да и все перечисленные лица занимают эти посты лишь часть лет, затем их «перебрасывают».

Пути сообщения. Железными дорогами командует сперва М. Рухимович (крупнейшие портреты его в газетах[27]), затем передаёт дороги Л. Кагановичу, сам же станет

---

22 Известия, 1936, 20 февраля, с. 4.

23 РЕЭ, т. 3, с. 497.

24 РЕЭ, т. 2, с. 98, 256.

25 РЕЭ, т. 1, с. 418.

26 Там же, с. 483.

27 См., напр.: Известия, 1931, 17 мая, с. 3.

наркомом *оборонной промышленности* (а М. Каганович — у него пока в заместителях)[28]. — Важные перемещения и в тресте «Уголь»: с поста правления снят И. Шварц, назначен М. Дейч[29]. Управляющий Грознефтью — Т. Розеноер. — *Строительство* Магнитогорского металлургического гиганта возглавил Яков Гугель; директор Криворожского металлургического комбината — Яков Весник; строительство Кузнецкого комбината, 200 тысяч голодных и неодетых рабочих, — начальник того ада был С.Франкфурт, после него — И. Эпштейн (в 1938 арестован — но льготно отправлен командовать строительством комбината Норильского)[30]. А крупней тех комбинатов в 30-е годы и не было.

ВСНХ — ещё существует, хотя значение его падает. После Уншлихта его возглавлял А.Розенгольц, затем и Орджоникидзе; в составе президиума ВСНХ евреев большинство[31].

Зато набирает силу *Госплан.* В 1931, при председателе Куйбышеве, там в президиуме из 18 членов евреев более половины[32].

Оставаясь в пределах хозяйственной сферы, перешагнём теперь в последний «цветущий» год сталинской эры — перед самым 1937. — В 1936 «Известия» опубликовали[33] полный состав Совета Наркомата *Внутренней Торговли* — 135 человек, собственно держащих в руках (и вряд ли бескорыстно) всю внутреннюю торговлю СССР. В этом списке евреев под 40%. От двух заместителей наркома, торговых инспекторов — до многих заведующих облпищеторгами, облпромторгами, потребсоюзами, трестами ресторанов, столовых, съестных припасов, управлениями вагон-ресторанов и ж.-д. буфетов; и, конечно, Гастрономом № 1 в Москве («Елисеевским»). И как же этим облегчалась слаженность всех инстанций — в те ещё вовсе не сытые, не одетые, не обутые годы.

Можно было прочесть на страницах «Известий» и такой заголовок: «Руководство Союзрыбы допустило крупнейшие

---

28 Известия, 1936, 9 декабря, с. 1.

29 Известия, 1930, 7 июля, с. 2.

30 РЕЭ, т. 1, с. 222, 387; т. 3, с. 237, 464.

31 Известия, 1930, 14 ноября, с. 2; 16 ноября, с. 4.

32 Известия, 1931, 13 февраля, с. 3.

33 Известия, 1936, 9 апреля, с. 2.

политические ошибки». И в связи с этим на днях освобождён от должности члена коллегии Наркомторга Моисей Фрумкин (его же мы видели в двадцатые годы замом Наркомвнешторга). Теперь и наказания: т. Фрумкину строгий выговор с предупреждением, т. Клейману — тоже, а т. Непряхина исключить из партии[34].

Вскоре за тем «Известия» опубликовали[35] дополнение к составу Совета Наркомата *Тяжёлой Промышленности*, 215 человек. Желающие могут вникнуть и в него. Нынешний автор пишет об этих людях так: к 30-м годам «дети деклассированных еврейских мелких буржуа успели... стать “командирами” в буднях “великих строек”. И им, вкалывавшим по 16 часов в сутки, неделями и месяцами не вылезавшим из котлованов, болот, пустыни и тайги... показалось, что это “их страна”»[36]. Только он спутал: это — черномозольные работяги и вчерашние крестьяне не вылезали из котлованов и болот, а директора лишь иногда прогуливались туда, а сидели в кабинетах и на спецснабжении («Бронзовые прорабы»). Но несомненно, что своими жёсткими волевыми решениями они доводили до окончания эти стройки, вошедшие в промышленный потенциал СССР.

Так советские евреи получили в СССР весомую долю государственного, индустриального и хозяйственного управления на всех его этажах.

Отведём совершенно особое место — Б. Ройзенману. Судите сами: получает орден Ленина «в ознаменование исключительных заслуг» по приспособлению государственного аппарата «к задачам развёрнутого социалистического наступления» — какие тайные, недоступные нам глубины могут скрываться за этим «наступлением»? — и наконец прямо: за выполнение «специальных, особой государственной важности заданий по чистке государственного аппарата в заграничных представительствах»[37].

---

34 Известия, 1930, 5 ноября, с. 2; 11 ноября, с. 5.

35 Известия, 1936, 11 июня, с. 2.

36 *В. Богуславский*. В защиту Куняева // “22”, 1980, № 16, с. 174.

37 Известия, 1931, 24 апреля, с. 2.

Так наш взгляд — естественно переходит к *Дипломатии.* На 20-е годы — о ней сказано уже в предыдущей главе. Увидим теперь и других важных лиц. Например, весной 1930 можно было прочесть в «Известиях» на 1-й странице под отдельным заголовком такое важное сообщение: «возвратился из отпуска и приступил к исполнению своих обязанностей член коллегии Наркоминдела Ф.А. Ротштейн»[38]. (Да так писали чуть не только о Сталине? Даже, кажется, ни об Орджоникидзе, ни о Микояне?) Но в чём-то Ротштейн провинился, век его кончился через два месяца после того: в июле 1930 с назначением Литвинова наркомом — Ф.А. Ротштейн (хотя в его биографии, мы помним, и создание британской компартии) был из коллегии убран. В 30-е же, в расцвет Литвинова, появляется и новое поколение. Еврейская энциклопедия пишет: «существовало понятие "дипломаты литвиновской школы"» — и среди них выделяет: К. Уманского, Я. Сурица, Б. Штейна (хотя он уже преуспел и в начале 20-х), Е. Гнедина (сына Парвуса)[39]. Эренбург сюда добавляет Е. Рубинина. — Как в 20-е дипломатия привлекала кадры из евреев, так и сквозь ранние и средние 30-е. От момента принятия СССР в Лигу Наций — в главных членах советской делегации видим Литвинова, Штейна, Гнедина, а также Бреннера, Сташевского, Маркуса, Розенберга и грузина Сванидзе. Так была представлена Советская Россия на том форуме народов. — Полпреды в Европе: в Англии — постоянный Майский, в Германии (потом и во Франции) — Я. Суриц, в Италии — Б. Штейн (после Каменева), ещё и в Испании, в Австрии, в Румынии, в Греции, в Литве, в Латвии, в Бельгии, в Норвегии; да кое-где и в Азии: например, в Афганистане ещё в Гражданскую войну был тот же Суриц, а с 1936 Б. Сквирский; он же долгие годы был и неофициальным советским представителем в Вашингтоне[40]. — В советских торгпредствах — в ранних и средних 30-х годах успешно продолжали состоять и действовать множество кадров из евреев. (Ещё один Беленький, уже шестой, Б.С., торгпред в Италии, 1934–37[41].)

---

[38] Известия, 1930, 18 мая, с. 1.

[39] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988. Т. 4, с. 879.

[40] РЕЭ, т. 3, с. 58.

[41] РЕЭ, т. 1, с. 101.

Что касается *Красной армии*, то, пишет уже знакомый нам тщательный израильский автор: и в 30-е годы в ней «оставалось значительное число офицеров-евреев. Их было много, в частности, в Реввоенсовете, Главных управлениях наркомата обороны, Генеральном штабе и т.д. То же относится к военным округам, армиям, корпусам, дивизиям, бригадам и всем воинским частям. По-прежнему евреи видное место занимали в политических органах»[42]. Да и всё *Главное Политическое управление Красной армии* после самоубийства надёжного Гамарника перешло в надёжные руки Мехлиса... Вот примеры из верхнего слоя Политуправления (ПУРККА): Мордух Хорош в 30-е годы — заместитель начальника ПУРККА, затем (до ареста) начальник Политуправления Киевского Военного Округа. — Лазарь Аронштам с 1929 и сквозь 30-е, до 1937: начальник политуправления Белорусского военного округа, Отдельной Дальневосточной армии, Московского округа. — Исаак Гринберг — старший инспектор ПУРККА, потом зам. нач. политуправления Ленинградского округа. — Борис Иппо (уже мы видели его в Гражданской войне; при усмирении Средней Азии — начальник Политуправления Туркестанского фронта, потом — Среднеазиатского округа), в 30-е годы — Кавказской Красной армии; затем — начальник Военно-Политической академии. — Уже упоминавшийся Михаил Ланда — главный редактор «Красной звезды» с 1930 по 1937. — Наум Розовский: от Гражданской войны военный прокурор, к 1936 — главный военный прокурор РККА[43].

До 1934, пока ещё существовал *Реввоенсовет*, — заместителем председателя (Ворошилова) оставался Гамарник. — В 30-е годы, в дополнение к названным в предыдущей главе, встречаем в начальниках *Главных управлений РККА*: Абрама Вольпе — Административно-мобилизационное управление (в прошлой главе упомянут как начальник штаба Московского ВО), Семёна Урицкого (Военно-разведывательное управление, до 1937), Бориса Фельдмана — начальником Главного управления кадров (тоже до 1937), Леонтия Котляра — начальником Главного Военно-инже-

---

[42] *Арон Абрамович.* В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. 2-е изд. Тель-Авив, 1982. Т. 1, с. 61.

[43] РЕЭ, т. 1, с. 63, 376, 515; т. 2, с. 120, 491; т. 3, с. 300–301.

нерного управления в предвоенные годы. — Среди командующих *родами войск* — глава военной авиации с 1932 А. Гольцман (мы его уже видели и в ЦКК и как профсоюзного деятеля; погиб в авиакатастрофе). Среди командующих *военными округами* видим опять: Иону Якира (Крымский округ, затем важнейший Киевский), Льва Гордона (Туркестанский)[44]. — Не имея данных о массовых, более низких постах, всё же не вызовем, кажется, резкого сомнения, что в политуправлении армии, в снабжении армии, как и в партийном или наркоматском аппарате при начальнике главка еврее — как правило весьма заметной была и доля еврейских мест в структуре.

Но служба в армии — не порочна, а может быть и весьма строительна. А как наше родимое *ГПУ–НКВД*? Современный исследователь, опираясь на архивы: «Первая половина 30-х характеризуется увеличением роли евреев в аппарате государственной безопасности». А «накануне наиболее массовых репрессий» представление о картине «национального состава руководящих органов НКВД... может дать список награждённых к 20-летию ВЧК–ОГПУ–НКВД их 407 ответственных сотрудников, опубликованный в центральной печати. Среди награждённых — 56 евреев (13,8%), 7 латышей (1,7%)»[45].

Вот из ГПУ создано НКВД во главе с Ягодой (1934) и публикуются (да дважды! — редкий случай заглянуть за непроницаемые стены[46]) — комиссары Государственной безопасности НКВД 1-го ранга: Я.С. Агранов (первый заместитель Ягоды), В.А. Балицкий, Т.Д. Дерибас, Г.Е. Прокофьев, С.Ф. Реденс, Л.М. Заковский; 2-го ранга: Л.Н. Бельский, К.В. Паукер (их мы уже награждали в 1927 в десятилетие ЧК), М.И. Гай, С.А. Гоглидзе, Л.Б. Залин, З.Б. Кацнельсон, К.М. Карлсон, И.М. Леплевский, Г.А. Молчанов, Л.Г. Миронов, А.А. Слуцкий, А.М. Шанин, Р.А. Пилляр. Разумеется, не все тут евреи, хотя и добрая половина. И не ушли, и не

---

44 РЕЭ, т. 1, с. 244, 350; т. 2, с. 78; т. 3, с. 179, 206–207, 493–494; *А. Абрамович.* В решающей войне. Т. 1, с. 62.

45 *Л.Ю. Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В. Будницкий. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 343–344; Известия, 1937, 20 декабря, с. 2.

46 Известия, 1935, 27 ноября, с. 1; 29 ноября, с. 1.

вытеснены были чекисты-евреи из того самого НКВД, которое расправлялось над страной после смерти Кирова — и, как скоро увидим, над собой же...

А.А. Слуцкий был начальник иностранного отдела НКВД, то есть заведовал шпионажем за границей. «Его заместителями были Борис Берман и [Сергей] Шпигельглас». А о Паукере узнаём: парикмахер из Будапешта, связался с коммунистами в русском плену в 1916, сперва начальник кремлёвской охраны, затем начальник оперативного отдела НКВД [47]. Конечно, по скрытности аппарата и недоступности этих высоких лиц — не о каждом рассудишь доконечно. Вот высветился Наум (Леонид) Этингон, — руководивший убийством Троцкого, организатор шпионской «кембриджской пятёрки» и атомного шпионажа после войны — ас разведки [48].

Да на немалых же постах — и сколько таких постов? — был и вовсе сокрытый от глаз людских и только позже прогремевший как перебежчик Лев Фельдбин, со звучным псевдонимом Александр Орлов, видный и долгий гепеушник, возглавлявший в ГПУ — «экономический отдел Иностранного управления», а это означало: он контролировал от НКВД внешнюю торговлю СССР. Был доверенным при самых секретных инструкциях Сталина энкаведистам, как «вырвать у [жертв] ложные признания», и «многие из [следователей НКВД] находились у [него] в подчинении» [49]. — Да и Михаил Кольцов-Фридлянд («политический советник» республиканского правительства Испании [50]) — не в стороне был от крупнейших гепеушных авантюр.

К назначенному (27 сентября 1936) наркому внутренних дел Ежову через три дня добавлен заместителем М. Берман (оставаясь при том начальником ГУЛага) [51]. А с Ежовым пришли и свои тени. Его давний (с 1931) сотрудник по

---

47 *Роберт Конквест.* Большой террор, с. 187.

48 РЕЭ, т. 3, с. 473.

49 *Александр Орлов.* Из предисловия к книге «Тайная история сталинских преступлений» // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1982, № 67, с. 202.

50 РЕЭ, т. 2, с. 62.

51 Известия, 1936, 27 сентября, с. 1; 30 сентября, с. 3; РЕЭ, т. 1, с. 124.

ЦК ВКПб Михаил Литвин становится начальником отдела Кадров НКВД, а к маю 1937 дослуживается до начальника ни с чем не сравнимого Секретно-Политического отдела Главного Управления Госбезопасности (ГУГБ) НКВД. Помощником начальника этого отдела был (1931–36) Генрих Люшков (убитый в 1945 *японской* пулей, так как бежал к ним в 1938, а теперь, в конце войны, японцы не хотели его сдать обратно, деться некуда, застрелили, — так о карьере каждого из них можно повествовать и добавочно). При том же отделе «уполномоченным по особым поручениям» — Александр Радзивиловский. А вот и ещё один давний сотрудник Ежова — Исаак Шапиро, референт его с 1934, а теперь — начальник секретариата НКВД, затем начальник Спецотдела ГУГБ НКВД (это — ещё другой, тоже славный Отдел...)[52].

В декабре 1936 среди начальников десяти засекреченных номерами отделов ГУГБ НКВД видим семерых евреев: отдел Охраны (1) — К. Паукер, Контрразведывательный (3) — Л. Миронов, Особый (5) — И. Леплевский, Транспортный (6) — А. Шанин, Иностранный (7) — А. Слуцкий, Учётно-регистрационный (8) — В. Цесарский, Тюремный (10) — Я. Вейншток. В течение мясорубки 1937 начальниками отделов побывали ещё: А. Залпетер — Оперативный отдел (2), Я. Агранов, вослед ему М. Литвин — Секретно-Политический (4), А. Минаев-Цикановский — Контрразведывательный (3), И. Шапиро — как уже сказано, Спецотдел (9)[53].

Руководство ГУЛага — у меня названо в «Архипелаге». Да, большая доля евреев была и там. (Воспроизведенные из советского прославительного сборника 1936 года портреты Беломорско-Балтийских начальников вызвали негодование: мол, я выбрал одних евреев. Но я не выбирал, я привёл снимки *всех высших начальников* БелБалтлага из этой бессмертной книги, — и чей же выбор, и чья вина, что они оказались евреями?) Для сведения, добавлю о трёх крупных лицах, чего не знал тогда, сейчас вот прочёл. Лазарь Коган до Беломора побывал и начальником ГУЛага, а Зиновий Кацнельсон после 1934 — замнач ГУЛага; Израиль

---

[52] РЕЭ, т. 2, с. 187, 218, 432; т. 3, с. 358.

[53] *А. Кокурин, Н. Петров.* НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль, 1997, № 6, с. 113–116.

Плинер с 1936 — начальник ГУЛага и кончал канал Москва–Волга[54].

Нельзя отрицать: История взнесла многих советских евреев в ряды вершителей всероссийской судьбы.

Из разных источников стекаются разновременные же сведения, которые никогда не выставлялись в гласность: об областных (краевых) *Уполномоченных ГПУ-НКВД* в 30-е годы (до 1937). Обозначение их должности вполне заслужило писаться с большой буквы, ибо именно они, а не секретари обкомов, были полновластными хозяевами своих областей, жизни или смерти любого жителя, подчиняясь непосредственно центральному НКВД. О некоторых из них известны полные имена-отчества, о других — обломки инициалов, о третьих только фамилия. И географически их посты тоже успевали сменяться, одни Уполномоченные перемещались на место других (позавидуем тому, кто сумеет указать и граничные временные даты, ведь это всё в тайне деялось). И все 30-е годы даже среди этих областных владык оставалось много евреев. По недавно опубликованным данным, в местных органах госбезопасности, без ГУГБ, служило 1776 евреев (7,4%)[55].

Могут быть упомянуты по меньшей мере Уполномоченные: в Белоруссии (Израиль Леплевский, брат замгенпрокурора Григория Леплевского, — его мы уже видели в ВЧК, уже он был начальником ГПУ, промелькнул только что комиссаром 2-го ранга, и вот с 1934 по 1936 нарком внутренних дел Белоруссии); Западная область (И.М. Блат, он и в Челябинске потом); на Украине (З. Кацнельсон, да его мы видели в Гражданскую войну, пролетел он уже всю страну от моря Каспийского до Белого, только что был замнач ГУЛага, а вот и замнаркомвнудел Украины; а в 1937 его заменит — Леплевский же); Донецкая область, затем и Винницкая (в обе успел Д.М. Соколинский); Северный Кавказ (Л.Я. Файвилович, там же и Фридберг); Азербайджан (М.Г. Раев-Каминский, там же и Пурнис). Сталинградская (Г. Раппопорт); и Орловская (П.Ш. Симановский); Тамбовская (Лившиц); Горьковская (Г.Я. Абрампольский); Архангельская (там А.С. Шийрон, над сгоном раскулаченных); республика Немцев Поволжья (И.З. Рессин), Башкирия (Зеликман), Оренбургская (Н. Райский), Свердловская (Г.И. Шкляр), Казахстан (Л.Б. Залин), Средняя Азия (Круковский), да и Восточная Сибирь (Троцкий), и вплоть до Северного края (Рутковский).

Названные тут областные посты — бегучи, мелькучи, областные главы НКВД перебрасывались из области в область с не меньшей частотой, и с не меньшей властной уверенностью, чем секре-

---

54 РЕЭ, т. 2, с. 22, 51–52, 389.

55 *А. Кокурин, Н. Петров.* НКВД: структура, функции, кадры // Свободная мысль, 1997, № 6, с. 118.

тари обкомов. Вот — Владимир Цесарский, он успел побывать Уполномоченным ГПУ-НКВД и в Одессе, и в Киеве, и на Дальнем Востоке, а к 1937 поднялся в начальника Спецотдела ГУГБ НКВД (видимо — как раз перед Шапиро). — Или: С. Миронов-Король: в 1933-36 — начальник Днепропетровского ГПУ-НКВД (в то же время он и в центральном), в 1937 — Западно-Сибирского [56]. — Средина 30-х застаёт известного нам Л.Вуля — «директором» московской (а затем и саратовской) милиции. В самой-то Москве Уполномоченным был (после Средней Азии) Л. Бельский, откуда возвысился в начальника войск внутренней службы НКВД. — Ещё мелькали в 30-е годы: начальник погранвойск Фошан, начальник план-хозотдела НКВД Меерсон, начальник финансового отдела ГУЛага Л.И. Берензон и сменивший его Л.М. Абрамсон, начальник отдела кадров Абрам Фликсер. Всё это — случайными пятнами, перечня и росписи по годам не составить. — А Особотдел был и в каждом же областном НКВД. Вот случайное сведение: начальником секретариата такового в Киеве был Яков Броверман, потом в той же должности — в центральном НКВД [57].

Позже, когда в 1940 Советы оккупировали Прибалтику, то известно, например, что начальником двинского НКВД был некто Каплан — и так нараспрavлялся там, что в 1941, — едва ушли советские войска и ещё до прихода немцев, — был взрыв гнева населения против евреев.

В повести Д.П. Витковского «Полжизни» есть абзац о еврейской наружности его следователя Яковлева, уже новейших хрущёвских лет. У Витковского это упоминание сделано грубовато, и евреи конца Шестидесятых, уже отшатнувшись от коммунистической власти и в этой новой политической ориентации сочувственно относясь ко всяким лагерным мемуарам, в этом месте всегда были неприятно оттолкнуты. Но вот В. Гершуни по этому поводу задал мне вопрос: а сколько *ещё* попадалось Витковскому за 30 лет следователей-евреев?

В этой невинной оговорке — «за 30 лет», — а не естественней ли было спросить «за 50» или хотя бы «за 40»? — как же характерно выразилась тут поразительная забывчивость! За тридцать лет, с конца 30-х годов, Витковскому может быть и не много встречалось следователей-евреев (впрочем, сохранялись они и в 60-х), но Витковский, который преследовался Органами уже сорок лет,

56 РЕЭ, т. 2, с. 293; т. 3, с. 311.

57 РЕЭ, т. 1, с. 170.

и был на Соловках, — очевидно, не забыл время, когда трудней было увидеть следователя русского, чем еврея или латыша.

Но и верно то в вопросе Гершуни, что все эти выдающиеся посты, и менее выдающиеся, и средние, — чем ближе к валу 1937–38, несли же в себе и гибель.

Властители наших судеб уверенно распоряжались на своих уверенных вершинах — и внезапный удар, пришедшийся на них самих, казался им обрушением мироздания, концом света. Кто из них прежде того задумывался над роковой судьбой делателей революции?

А если изучать отдельно перечни *крупных* руководителей, погибших в 1937–38, то в них евреи составят огромный процент. Современный историк пишет, например: если «с 1 января 1935 по 1 января 1938 представители этой национальности возглавляли более 50% основных структурных подразделений центрального аппарата внутренних дел, то к 1 января 1939 г. — только 6 %»[58].

Пользуясь многими «расстрельными списками», изданными у нас в последнее десятилетие, и биографическими томами новейшей Российской Еврейской Энциклопедии, мы до какой-то степени в состоянии теперь проследить дальнейшие судьбы тех выдающихся чекистов, краснокомандующих, совпартдеятелей, дипломатов и прочих, кто — будучи во власти — был упомянут в предыдущих главах этой книги.

Среди чекистов эти гибели прошли особенно широко:

Г.Я.Абрампольский; Л.М.Абрамсон, погиб в закл. в 1939; *Яков Агранов, 1938*[59]; *Абрам Беленький, 1941*; *Лев Бельский-Левин, 1941; Матвей Берман, 1939; Борис Берман, 1939; Иосиф Блат, 1937; Я.Вейншток, 1939; Леонид Вуль, 1938; Марк Гай-Штоклянд, 1937; Семён Ген-*

---

[58] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001, с. 210.

[59] Курсивом мы выделяем имена расстрелянных и год расстрела; в иных случаях цифра означает год ареста; особо указаны покончившие с собой в ожидании ареста и умершие в заключении.

дин, 1939; Вениамин Герсон, 1941; *Лев Задов-Зиньковский, 1938; Лев Залин-Левин, 1940; А. Залпетер, 1939; Лев Захаров-Мейер, 1937; Н. Зеликман, 1937; Александр Иоселевич, 1937; Зиновий Кацнельсон, 1938; Лазарь Коган, 1939; Михаил Кольцов-Фридлянд, 1940; Георг Круковский, 1938; Израиль Леплевский, 1938;* Михаил Литвин, покончил самоубийством в 1938; *Натан Марголин, 1938; А. Минаев-Цикановский, 1939; Лев Миронов-Каган, 1938; Сергей Миронов-Король, 1940; Карл Паукер, 1937; Израиль Плинер, 1939; Михаил Раев-Каминский, 1939; Александр Радзиловский, 1940; Наум Райский-Лехтман, 1939; Григорий Раппопорт, 1938; Илья Рессин, 1940;* А. Рутковский; *Пинхус Симановский, 1940;* Абрам Слуцкий, отравлен в 1938; *Давид Соколинский, 1940; Михаил Трилиссер; Леонид Файвилович, 1936; Владимир Цесарский, 1940; А. Шанин, 1937; Исаак Шапиро, 1940;* Евсей Ширвиндт, 1938; Григорий Шкляр; *Сергей Шпигельглас, 1940; Генрих Ягода, 1938.*

Теперь опубликованы целые справочники руководящих сотрудников центрального аппарата ГУГБ НКВД, попавших в «ежовские» расстрелы и репрессии, где видим ещё многие и многие еврейские имена[60].

Но лишь случайно, благодаря ещё невзнузданной гласности начала 90-х, мы можем узнать о некоторых таинственных, вовсе скрытых биографиях. Например профессор *Григорий Майрановский*, специалист по ядам, с 1937 возглавлял «Лабораторию–X» в спецотделе оперативной техники НКВД, исполнявшую через уколы ядами смертные приговоры «по прямому решению правительства в 1937–1947 годах и в 1950 году» — как в спецкамере при «Лаборатории–X», так и за рубежом в 60–70-х годах[61]. Арестован Майрановский был только в 1951— и из камеры писал Берии: «Моей рукой был уничтожен не один десяток заклятых врагов советской власти, в том числе и националистов всякого рода»[62]. — А вот поразительное промелькнувшее в

---

60 См., напр.: *Н.В. Петров, К.В. Скоркин.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999.

61 *Павел Судоплатов.* Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-Пресс, 1997, с. 440–441.

62 Известия, 1992, 16 мая, с. 6.

1990 сообщение, из которго мы узнали, что знаменитые *душегубки* изобретены, оказывается, вовсе не у Гитлера во Вторую Мировую войну — а в советском НКВД в 1937. И изобрёл их (да не в одиночку, наверно, но организатор изобретения был он) — *Исай Давидович Берг*, начальник АХО (адмхозотдела) УНКВД Московской области. Вот почему бывает важно знать, кто занимал вовсе и не верхние посты. А получилось так. И.Д. Бергу было поручено исполнять решения «тройки» УНКВД МО — и Берг исправно выполнял поручение: возил на расстрелы. Но когда в Московской области стали заседать одновременно три «тройки» — уже справиться было расстрельщикам невозможно. Тогда и догадались: жертв раздевать догола, связывать, затыкать рты и бросать в закрытый грузовик, снаружи замаскированный под хлебный фургон. На перегоне выхлопные газы шли внутрь грузовика — и до дальнего рва арестанты были уже «готовенькие». (Надо сказать, что и сам Берг вскоре был расстрелян, в 1939, — но не за эти злодейства, разумеется, а по обвинению в «заговоре». И в 1956 — благополучно реабилитирован, хотя в следственном деле его и тогда хранилась, и дохранилась вот до новейшего времени, и прочтена журналистами — история этого душегубного изобретения!)[63]

А в приведенном перечне — сколько судеб с огненно прочерченной кривой. Тут-то попал под чекистский гребешок и сам *Бела Кун*, палач Крыма, и с ним ещё 12 народных комиссаров коммунистического правительства Будапешта[64].

Однако нельзя согласиться — не пристало, не совестливо — включать в *преследования* евреев — изгнание из *карательных органов*. Не было в том изгнании — антиеврейского мотива. (Не говоря уж о том, что если б сталинские опричники вообще дорожили не только сегодняшним благом и своим управленческим торжеством, а ещё б и мнением народа, которым управляли, — они должны были бы с а м и уходить из НКВД, а не ждать, пока их изгонят. Другое дело, что многих это всё равно бы не спасло от смерти, но от позорного клейма — спасло же бы?) — Даже напротив:

---

63 *Е. Жирнов.* «Процедура казни носила омерзительный характер» // Комсомольская правда, 1990, 28 октября, с. 2.

64 *Роберт Конквест.* Большой террор, с. 797–798.

«судя по имеющимся данным, одним из немногих национальных меньшинств, принадлежность к которому в конце 30-х годов не являлась для сотрудника НКВД "составом преступления", были евреи. В органах госбезопасности ещё не действовали те установки по национальной и кадровой политике, которые стали характерны... в конце 40-х — начале 50-х»[65].

Под истребительный вал 1937–38 попали и многие виднейшие партсоветские деятели. С 1936–37 состав Совнаркома стал заметно изменяться — чистки довоенных лет прошлись и по виднейшим фигурам из наркоматов. Нашла пуля и двигателя коллективизации Яковлева, и его соратника Калмановича, и Рухимовича, и, разумеется, многих других. Дошла мясорубка и до старых «заслуженных» большевиков, уже не говоря о Каменеве-Зиновьеве: давно отставленный Рязанов, организатор убийства царя Голощёкин. (Только миновала эта гибель Лазаря Кагановича: он успел сам быть «железной метлой» в нескольких чистках 1937–38 годов, — например, его пронос по городу Ива́нову там называли «чёрным смерчем» [66].)

Предлагают нам такую трактовку: «речь идёт о жертвах советской диктатуры, использованных ею и беспощадно ликвидированных по миновании надобности»[67]. Изрядный довод! Да двадцать лет эти управительные евреи — разве были *использованы*? не со рвением ли они и были *механизмом той самой диктатуры*, и до «минования надобности» не крепко ли они поучаствовали в разгроме религии, культуры, интеллигенции и многомиллионного крестьянства?

Обильно попали под вал и краснокомандующие. «К лету 1938 все без исключения» командующие военными округами, «кто занимал этот пост в июне 1937 года, бесследно исчезли». — Политуправление Красной армии при разгро-

---

[65] *Л.Ю.Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция, с. 343–344.

[66] *Роберт Конквест.* Большой террор, с. 459.

[67] *Ю.Марголин.* Тель-Авивский блокнот // Новое русское слово, Нью-Йорк, 1968, 5 авг.

ме 1937 года, после самоубийства Гамарника, «понесло от террора наибольшие потери». Среди политработников погибли все 17 армейских комиссаров, 25 из 28 корпусных комиссаров, 34 из 36 бригадных (дивизионных)[68]. — Немалую долю евреев видим в опубликованных теперь списках военачальников, расстрелянных в 1937–38[69].

Совершенно особую военную карьеру сделал Григорий Штерн — он выдвигался по линии политрукской: от Гражданской войны военком полка, бригады, дивизии. В 1923–25 — командир ЧОН (Частей особого назначения) Хорезмской группы войск (т.е. подавление в Средней Азии). Ещё и до 1926 — начальник политотдела дивизии. Дальше — прошёл курсы высшего начсостава. В 1929–34 «состоял для особо важных поручений при наркоме по военным и морским делам», то есть при Ворошилове. В 1937–38 — «военный советник при республиканском правительстве Испании» (не путать с Манфредом Штерном, который тоже отличался у красных испанцев — «генерал Клебер»). Потом начальник штаба Дальневосточного фронта, вместе с Мехлисом вершитель кровавых боёв на озере Хасан в 1938, заодно — интриги по аресту маршала Блюхера, которого и погубил, и заменил на посту командующего фронтом. В марте 1939 на XVIII съезде партии он держал такую речь: «Мы с вами уничтожили кучку всякой дряни — тухачевских, гамарников, уборевичей и им подобную сволочь», — а сам был расстрелян только осенью 1941[70]. — Сподвижник Штерна по линии авиации *Яков Смушкевич* тоже сделал головокружительную карьеру. Начинал (и до середины 30-х) — тоже в политруках, комиссарах, но и прошёл курсы начсостава. В 1936–37 тоже в Испании, но в авиации, «генерал Дуглас». В 1939 командовал авиагруппой у Халхин-Гола. Затем возносился и в командующего всеми Военно-воздушными силами РККА, в генерального инспектора Военно-воздушных сил; арестован в мае 1941 и в том же году расстрелян[71].

---

[68] *Роберт Конквест.* Большой террор, с. 427–428, 430.

[69] См., напр.: *О.Ф. Сувениров.* Трагедия РККА, 1937–1938. М.: Терра, 1998.

[70] РЕЭ, т. 3, с. 430; *А. Абрамович.* В решающей войне. Т. 1, с. 66; *В. Катунцев, И. Коц.* Инцидент: Подоплёка Хасанских событий // Родина, 1991, № 6–7, с. 17.

[71] РЕЭ, т. 3, с. 82; *А. Абрамович.* В решающей войне. Т. 1, с. 64–66.

Не пощадил вал и хозяйственников, и администраторов: из упомянутых прежде дипломатов тоже почти все были расстреляны.

Назовём тех репрессированных партийных, военных, дипломатических, хозяйственных деятелей, кто прежде встречался на наших страницах (*расстрелянных* выделяя курсивом):

Самуил Агурский, арестован в 1938; *Лазарь Аронштам, 1938; Борис Беленький, 1938; Григорий Беленький, 1938; Захар Беленький, 1940; Марк Беленький, 1938; Морис Белоцкий, 1938; Герман Биткер, 1937; Арон Вайнштейн, 1938; Яков Весник, 1938; Израиль Вейцер, 1938; Абрам Вольпе, 1937;* Ян Гамарник, покончил с собой в 1937; *Михаил Герчиков, 1937;* Евгений Гнедин, арестован в 1939; *Филипп Голощёкин, 1941; Я. Гольдин, 1938;* Лев Гордон, арестован в 1939; *Исаак Гринберг, 1938; Яков Гугель, 1937; Александр Гуревич, 1937; Шолом Двойлацкий, 1937; Макс Дейч, 1937; Семён Диманштейн, 1938; Ефим Дрейцер, 1936; Семён Жуковский, 1940; Самуил Закс, 1937;* Зиновий Зангвиль; *Исаак Зеленский, 1938; Григорий Зиновьев, 1936; С. Зорин-Гомберг, 1937; Борис Иппо, 1937;* Михаил Каганович, застрелился в ожидании ареста, 1941; *Моисей Калманович, 1937; Лев Каменев, 1936; Абрам Каменский, 1938; Григорий Каминский, 1938;* Илья Кит-Вийтенко, арестован в 1937 и сидел 20 лет; *И.М. Клейнер, 1937; Евгения Коган, 1938; Александр Краснощёков-Тобинсон, 1937; Лев Крицман, 1937; Соломон Кругликов, 1938; Владимир Лазаревич, 1938; Михаил Ланда, 1938; Рувим Левин, 1937; Яков Лившиц, 1937;* Моисей Лисовский, арестован в 1938; *Фрид Маркус, 1938; Лев Марьясин, 1938; Григорий Мельничанский, 1937;* Александр Минкин-Менсон, умер в лагере в 1955; *Надежда Островская, 1937; Лев Печерский, 1937; И. Пинсон, 1936; Иосиф Пятницкий-Таршис, 1938; Израиль Разгон, 1937; Моисей Рафес, 1942;* Григорий Рогинский, 1939; *Марсель Розенберг, 1938; Аркадий Розенгольц, 1938; Наум Розовский, 1942; Борис Ройзенман, 1938;* Е. Рубинин, отсидел 15 лет; *Яков Рубинов, 1937; Моисей Рухимович, 1938; Оскар Рывкин, 1937; Давид Рязанов, 1938; Вениамин Свердлов, 1939; Борис Сквирский, 1941; Иосиф Славин, 1938;* Григорий Сокольников-Бриллиант, убит в заключении, 1939; Исаак Сольц, умер в заключении в 1940; *Наум Соркин, 1938;*

Лев Сосновский, 1937; Артур Сташевский-Гиршфельд, 1937; Юрий Стеклов-Нахамкис, 1941; Николай Суханов-Гиммер, 1940; Борис Таль, 1938; Семён Туровский, 1936; Семён Урицкий, 1937; Евгений Файнберг, 1937; Владимир Фейгин, 1937; Борис Фельдман, 1937; Яков Фишман, арестован в 1937; *Моисей Фрумкин, 1938;* Мария Фрумкина-Эстер, умерла в лагере, 1943; *Леон Хайкис, 1938;* Авенир Ханукаев; Моисей Харитонов, умер в лагере, 1948; *Мендель Хатаевич, 1937; Тихон Хвесин, 1938; Иосиф Ходоровский, 1938; Мордух Хорош, 1937;* Исай Цалькович, арестован в 1937; *Ефим Цетлин, 1937;* Яков Чубин; Н. Чужак-Насимович; *Лазарь Шацкин, 1937; Ахий Шильман, 1937;* Иерохим Эпштейн, арестован в 1938; *Иона Якир, 1937; Яков Яковлев-Эпштейн, 1938; Григорий Штерн, 1941.*

И это тоже — мартиролог многих и многих евреев на верхах.

А вот судьбы нескольких видных российских социалистов, не примкнувших к большевикам или даже боровшихся против них.

Борис Осипович Богданов (рожд. 1884). — Одессит, внук и сын лесоторговцев. Окончил лучшее в Одессе коммерческое училище. Ещё учась, примкнул к социал-демократическим кружкам. В июне 1905, едва в одесский порт вошёл мятежный броненосец «Потёмкин», — был первым штатским, проникнувшим на его борт, держал речь на митинге экипажа, звал их присоединяться к одесской стачке, повёз в консульства письма-обращения к европейским странам. Наказания избежал отъездом в Петербург, где работал в социал-демократическом подполье, меньшевик. Одна за другой две двухлетние ссылки — сольвычегодская и вологодская. Перед войной вошёл в меньшевицкую верхушку (ОК), легально работал по рабочим вопросам, с 1915 вошёл секретарём в Рабочую группу при Военно-промышленном комитете, с ним и арестован в январе 1917, освобождён Февральской революцией. Вошёл в Исполнительный Комитет Петросовета, стал неизменным председателем в его шумных тысячных заседниях, с июня член бюро ВЦИК (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета) — и настойчиво противостоял уже тогдашним больше-

вицким попыткам переворота, после июльского восстания большевиков принял капитуляцию матросского отряда, засевшего в Петропавловской крепости. После Октябрьского переворота, в 1918 — один из организаторов противобольшевицкого рабочего движения в Петрограде. Гражданскую войну прожил в Одессе. После неё пытался возобновить меньшевицкую деятельность, уже в конце 1920 арестован на год. И с этого началась многолетняя цепь арестов и приговоров, ссылок и лагерей, перекладок, — «большой пасьянс» столь многих социалистов в СССР, — и уже только за меньшевицкое прошлое и меньшевицкие убеждения, ибо в краткие передышки служил в экономических должностях и хотел уже только простой жизни — однако всё подозревался в экономическом «вредительстве». В 1922 просился за границу, но перед отъездом вновь арестован. Сиденье на Соловках, высылка на Печору, равномерные продления сроков по три года, Суздальский изолятор, снова и снова ссылка. В 1931 его пытались притянуть к делу «Союзного бюро меньшевиков», отлипли. Но уже в 1937 попал в общую заверть, в Омской тюрьме (сидя в камерах с уже посаженными коммунистами) пережил «конвейерные» допросы, порой непрерывно неделями, в иные периоды днём и ночью (три сменных следователя), отбыл 7 лет в Каргопольлаге (иные меньшевики расстреляны), ссылка в Сыктывкар, в 1948 под новый круг «повторников», ссылка в Казахстан. В 1956 реабилитирован, измученным стариком умер в 1960.

Борис Давыдович Камков-Кац (рожд. 1885). — Сын земского врача. С юношеских лет — член партии эсеров. Сослан в 1905 в Туруханский край, бежал. В эмиграции кончил юридический факультет Гейдельбергского университета. Участник Циммервальдской конференции социалистов (1915). После Февральской революции вернулся в Россию. Один из создателей партии левых эсеров, под Октябрьский переворот вошедшей в коалицию с большевиками. Участвовал в разгоне Учредительного Собрания в январе 1918. С апреля призывал разорвать блок с большевиками, в июне — и к «революционному восстанию» против них. После провала восстания ушёл в подполье. После краткого ареста в 1920 снова арестован в 1921, сослан в 1923. Между разными ссылками ещё 2 года тюрьмы, тот же «пасьянс». С 1933 — ссылка в Архангельск, арестован в 1937, расстрелян в 1938.

Абрам Рафаилович Гоц (рожд. 1882). — Внук миллионера чаеторговца В.Я. Высоцкого. С 14 лет в революционном движении и эсер от создания партии в 1901 (его брат Михаил — лидер партии), а с 1906 — член боевой организации эсеров, террорист. 1907–1915 — каторга, Александровский централ. Участник Февральской революции в Иркутске, затем в Петрограде. Член Исполнительного Комитета Совета РСД, также ИК Совета крестьянских депутатов, член Президиума ВЦИК. С 25 октября 1917 возглавил антибольшевицкий Комитет Спасения Родины и Революции. Борьбу против большевиков продолжал и в годы Гражданский войны. В 1920 арестован, на процессе эсеров в 1922 приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет заключения. Затем прошёл обычный «пасьянс» новых сроков и ссылок. В 1939 получил 25 лет лагерей, через год умер в лагере.

Михаил Яковлевич Гендельман (рожд. 1881). — Эсер с 1902, присяжный поверенный. Участник Февральской революции в Москве, член Исполкома Совета, член Президиума ВЦИК, член ЦК эсеров. 25 октября 1917 в знак протеста против большевиков покинул заседание 2-го Всероссийского съезда Советов. Член Учредительного Собрания и участник его единственного заседания 5 января 1918. В Самаре продолжал участие в Комитете членов Учредительного Собрания. Арестован в 1921, в 1922 на процессе эсеров приговорен к смертной казни с заменой на 5 лет. Тот же «пасьянс» наказаний. Расстрелян в 1938.

Михаил Исаакович Либер-Гольдман (рожд. 1880). — Один из основателей Бунда (1897), член ЦК Бунда в эмиграции, представлял Бунд на съездах РСДРП. Участник революции 1905–06 годов. В 1910 сослан на 3 года в Вологодскую губернию, вскоре бежал и вновь эмигрировал. Постоянный яростный противник Ленина. Вернулся в Россию после 1914, примыкал к социалистам-«оборонцам» (защита Отечества в войне). После Февральской революции — член ИК Петросовета, позже — член Президиума ВЦИКа, после Октябрьского переворота вышел из ВЦИКа. То вступал в РСДРП (меньшевиков), то выходил из неё. Служил на хозяйственных должностях. Один из руководителей меньшевицкого подполья в СССР. С 1923 — аресты, ссылки, «пась-

янс». В 1937 снова арестован и в том же году в Алма-Ате расстрелян.

Подобная судьба, с повторными приговорами и ссылками, — у многих, вплоть до развязки в 1937–38 годах.

Да метла тех лет мела и мела по всей стране, и по людям нечиновным, никакого отношения не имевшим ко власти, к политике, — в том числе и по евреям. Вот некоторые из убитых:

Натан Бернштейн (рожд. 1876) — музыковед и критик, преподавал историю музыки и эстетику, написал ряд книг, арестован в 1937, умер в заключении.

Матвей Бронштейн (рожд. 1906) — талантливый физик-теоретик, доктор наук, с выдающимися результатами. Муж Л.К.Чуковской. Арестован в 1937, расстрелян в 1938.

Сергей Гинтер (рожд. 1870) — архитектор и инженер. Арестован в 1934, выслан в Сибирь, вторично арестован в 1937 и расстрелян.

Вениамин Зильберминц (рожд. 1887) — минералог и геохимик, специалист по редким элементам, подготовил направление работ по полупроводниковым материалам, репрессирован в 1938.

Михаил Кокин (рожд. 1906) — востоковед, китаевед, историк. Арестован в 1937, расстрелян.

Илья Кричевский (рожд. 1885) — микробиолог, иммунолог (также и с физико-математическим образованием), доктор медицинских наук, основатель научной школы, председатель Всесоюзной ассоциации микробиологов. Арестован в 1938, умер в 1943.

Соломон Левит (рожд. 1894) — генетик, исследовал роль наследственности и среды в развитии заболеваний. Арестован в 1938, умер в заключении.

Иохиель Равребе (рожд. 1883) — востоковед, семитолог, из учредителей возрождённого в 1920 Еврейского Этнографического общества. Обвинён в создании сионистской организации, арестован в 1937, умер в заключении.

Владимир Финкельштейн (рожд. 1896) — физикохимик, профессор, членкор Украинской Академии Наук, много работ в прикладной электрохимии, репрессирован в 1937.

Илья Хецров (рожд. 1887) — гигиенист, эпидемиолог: гигиена окружающей среды, охрана водоёмов, артезианских вод, коммунальная гигиена. Арестован в 1938, расстрелян.

Нахум Шварц (рожд. 1888) — врач-психиатр, занимался изучением психологических особенностей евреев. В 1921–23 преподавал иврит, писал на иврите стихи. Обвинён в сионистской деятельности, арестован в 1937, умер в заключении.

Три брата *Шпильрейны* из Ростова-на-Дону:

Ян (рожд. 1887) — математик, приложение математических методов в электро- и теплотехнике, профессор МВТУ, затем и декан электротехнического фкультета. Репрессирован и погиб в 1937;

Исаак (рожд. 1891) — психолог, доктор философии. В 1927 возглавил Всероссийское общество психотехники и прикладной психофизиологии; широкий круг исследований по психологическому анализу профессий и рационализации условий труда. Арестован в 1935, расстрелян;

Эмиль (рожд. 1899) — биолог, декан биофака Ростовского университета. Расстрелян в 1937.

Леонид Юровский (рожд. 1884) — доктор политэкономии, один из авторов денежной реформы 1922–24 гг. Был близок к А.В. Чаянову и Н.Д. Кондратьеву. Арестован в 1930, освобождён в 1935, вновь арестован в 1937 и расстрелян.

При всём подавляющем проценте евреев вельможного слоя, попавших под сталинский топор, — по страницам свободных западных публицистов-евреев видно, что само это явление не воспринималось как направленное против евреев в национальном смысле: евреи попадали под этот

измолот лишь по своему обилию на советских верхах. Разве вот такую оговорку читаем в сборнике «Еврейский мир» (1939): «Не подлежит никакому сомнению: евреи в СССР имеют множество таких возможностей и шансов, каких они до революции не имели, каких они не имеют ныне даже в некоторых демократических государствах. Они могут быть генералами, министрами, дипломатами, профессорами, самыми высокопоставленными и самыми низкопоклонствующими вельможами», — но это всё у советских евреев именно только возможности, «ни в какой мере не право», и именно по отсутствию такого права — низверглись с высот и потеряли саму жизнь «Якиры, Гамарники, Ягоды, Зиновьевы, Радеки, Троцкие»[72]. Так и ни у какой же народности при коммунистической диктатуре не было такого *права*, а: как продержишься, как угодишь.

Давний и упорный социалист, эмигрант Ст. Иванович (С.О. Португейс) признавал: «"Права жительства" у евреев было при самодержавии гораздо меньше, но права на жизнь было при самодержавии всё-таки гораздо больше, чем при большевизме». Нельзя не согласиться. — Однако, зная ведь (тут же пишет) о «колхозной революции», заключает: «Пошехонско-ташкентские формы водворения в России "социализма" тяжелее всего сказались на евреях», «ни на какой народ скорпионы большевизма не обрушивались с такой силой, как на евреев»[73].

Между тем в Чуме раскулачивания не у тысяч — у миллионов крестьян не оказалось ни права на жительство, ни права на жизнь. И все советские перья (а среди них куда как немало еврейских) гробово промолчали об этом ледяном Уничтожении российского крестьянства. Промолчал вместе с ними и весь Запад, — в самом ли деле по неведению? ради ли обережения советской власти? или просто по равнодушию? — Ведь это почти невообразимо: 15 миллионов крестьян не просто лишены поступления в ВУЗ, права на диссертацию или чистых служебных должностей — но разорены, согнаны, как скот, с их дворов и сосланы на уничтожение в тайгу и в тундру. — И в горячих рядах го-

---

[72] *Ст. Иванович.* Евреи и советская диктатура // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 43.

[73] Там же, с. 44-46.

родских активистов рванулись и еврейские — энтузиастически вершить коллективизацию, оставлять по себе зримую, недобрую память. И кто бы *тогда* возвысил голос в защиту крестьян? — А вскоре за тем, в 1932–33, в России и на Украине вымирает от голода 5–6 миллионов человек, ведь это на окраине самой Европы! — и свободная пресса свободного мира хранит полнейшее молчание... И даже если наиболее верным ключом признать запредельную левость тогдашней западной прессы и преданнейшее восхищение социалистическим «экспериментом» в СССР, — всё же нельзя не поразиться, до какой же удивительной степени может доходить слепота и бесчувственность к страданиям даже и десятков миллионов людей.

Чего око не видит, то и на сердце не взыдет.

А евреи на Украине уже ушли от своих настроений 1917–20 годов, поддержки российской государственности, и к концу 20-х: «украинскими шовинистами-самостийниками являются евреи, имеющие там огромное значение — но только в городах»[74]. — Читаем и такое заключение: разгром в 1937 культуры на украинском языке был направлен и против таких евреев, «реально» создавших с украинцами «союз по развитию местной культуры на украинском языке»[75]. Но такой союз в культурных кругах не мог смягчить отношения широкого украинского населения к евреям. Мы уже в прошлой главе видели, как в ходе коллективизации «немалое число еврейских коммунистов выступило в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью»[76]. Это положило новый рубец на украинско-еврейские отношения, так напряжённые уже и веками. И хотя голод был прямым результатом политики сталинской, и не только на Украине (он жестоко прокатился и по Поволжью, и по Уралу), — среди украинцев широко возникло тогда же подозрение, что весь украинский голод — был дело рук евреев. Такое истолкование бытовало долго (а в украинско-эмигрантской прессе додерживалось и до 80-х годов XX века). «Некоторые украинцы

---

[74] Письмо В.И. Вернадского И.И. Петрункевичу от 14 июня 1927 // Новый мир, 1989, № 12, с. 220.

[75] *Михаил Хейфец*. Уроки прошлого // "22", 1989, № 63, с. 202.

[76] *Sonja Margolina*. Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 84.

убеждены, что евреи играли особую роль в создании голода... Кое-кто заявляет, что 1933 год — это месть евреев за Хмельничину»[77].

Репьём осеешься — не жито и взойдёт. Верховластье стольких евреев и меньшая еврейская затронутость бедами остального населения — могли наводить на всякое истолкование.

Еврейские авторы, напряжённо следившие за «ходом кривой» антисемитизма в СССР, однако не уследили за этим затоптанным пеплом и делали выводы довольно оптимистические. Так, Соломон Шварц пишет: «С начала тридцатых годов антисемитизм в Советском Союзе быстро пошёл на убыль», и «в середине тридцатых годов он утратил характер массового явления», «кривая антисемитизма достигла низшей точки». Он объясняет это, в частности, концом НЭПа, исчезновением евреев-нэпманов и мелких еврейских торговцев, затем помогли «форсированная индустриализация и ураганная коллективизация», которые он мило сравнивает со «своеобразным *шок-тритмент*, лечение электрическим ударом». — Присовокупляет и такое соображение: именно в эти годы руководящие коммунистические круги начали бороться с русским «великодержавным шовинизмом». (Не «начали», а — продолжали, продолжали ленинскую непримиримость.) Так вот, говорит Шварц: власти стали «упорно молчать об антисемитизме», «чтобы не создавать впечатления, будто борьба против великодержавного шовинизма это борьба за евреев»[78]. Это — дельное замечание.

Как раз в январе 1931 в «Нью-Йорк Таймс»[79], а затем и во всей мировой печати появилось внезапное демонстративное заявление Сталина Еврейскому Телеграфному Агентству: «Коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются

---

[77] *М.Царинник.* Украинско-еврейский диалог // “22”, 1984, № 37, с. 160.

[78] *С.М.Шварц.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 8, 98–99, 107–108.

[79] New York Times, 1931, 15 Jan., p. 9.

по законам СССР смертной казнью»[80], — вот же, не постеснялся в демократические уши Запада выговорить и кару. И только одну-единственную нацию в СССР выделил *таким* образом. И тем — мировое общественное мнение было вполне удовлетворено.

Но характерно: в советской прессе это заявление Вождя *не было напечатано* (по его лукавой запасливости), оно произносилось для экспорта, а от своих подданных он скрыл эту позицию, — и в СССР было напечатано только в конце 1936[81]. В те дни Сталин и послал Молотова делать сходное заявление на съезде Советов.

Еврейский автор тех лет, истолковывая эту речь Молотова, как он её понял, ошибочно пишет, будто в ней оратор «от имени правительства» грозил за оказательство «антисемитских чувств» — смертной казнью[82]. *Чувств!* Нет, т а к о г о в речи Молотова не было, от сталинских «активных антисемитов» он не отступал. Смертные казни за антисемитизм в 30-е годы нам неизвестны, но *сроки* — давали, по статье Уголовного Кодекса. (Шепотком среди людей: «раньше и *за царя* столько не давали».)

Но вот отмечает С. Шварц перемену: «Во второй половине 30-х годов эти настроения [народное недружелюбие к евреям] получили гораздо более широкий размах... особенно в крупных центрах, где было сосредоточено большое количество еврейской интеллигенции и полуинтеллигенции... Постепенно здесь вновь начала оживать легенда о "еврейском засильи" и начали создаваться преувеличенные представления о роли евреев в составе средних и высших государственных служащих». Легенда — не легенда, но тут же и объясняет её, по меньшей мере с изрядной наивностью, всё тем же оправданием: что эта еврейская интеллигенция и полуинтеллигенция просто не имела «в советских условиях почти никаких источников существования, кроме государственной службы»[83].

Это стыдно читать. Какая угнетённость и безвыходность: почти никаких источников существования, кроме

---

80 *И.В. Сталин.* Сочинения: В 13 т. М.: Госполитиздат, 1946–1951. Т. 13, с. 28.

81 Известия, 1936, 30 ноября, с. 2.

82 С. *Познер.* Советская Россия // ЕМ-1, с. 260.

83 *С.М. Шварц.* Антисемитизм..., с. 118.

привилегированных. А остальное население имело полную свободу хоть ковыряться на колхозных полях, хоть копать котлованы, хоть таскать носилки на строительствах пятилеток...

Что касается установок от властей — определённо можно сказать, что в 30-е годы в еврейском вопросе ничего от революции не изменилось и ещё не проявлялось официальное недоброжелательство к евреям. Да ведь трубилось и грезилось об «окончании вообще всяких национальных противоречий».

И у заграничных еврейских кругов никак ещё не было, да и не могло возникнуть — такого чувства, что в СССР евреи потеснены. В статье «Евреи и советская диктатура» тот же Ст. Иванович писал: «За границей многие верят тому, что в России нет антисемитизма, и на этом основании благорасполагаются к советской власти. Но в России знают, что это неправда», однако евреи «уповают на долголетие советской власти... и очень боятся её смерти», ибо: «до погромов Сталин не допускает и — надеются — не допустит». Автор сочувствует такому широкому мнению, хотя и считает его порочным: «Если диктатура большевизма падёт, можно быть совершенно уверенным в диком разгуле антисемитских страстей и насилий... Падение советской власти будет для евреев катастрофой, и всякий друг еврейского народа должен с ужасом отбросить такую перспективу»; а сам замечает, что «советская диктатура уже стала стесняться приписываемого ей юдофильства и ожидовения»[84].

А генеральную линию на 30-е годы дала резолюция XVI съезда (1930) по докладу Сталина: призыв к энергичной борьбе с шовинизмами, а *в первую очередь с великорусским.* Понятный для всех партийный язык. И эта борьба ещё несколько лет велась энергично. А по какому, собственно, сталинскому безумию? от того «шовинизма» уже и призрака не оставалось: ещё не провидел Сталин-батюшка совсем близкое будущее, что будет скоро тонуть — и к русскому-то патриотизму и взовёт о помощи.

Тревогу об опасности возрождения русского патриотизма забили уже тогда. Ст. Иванович в 1939 спешил под-

---

84 *Ст. Иванович.* Евреи и советская диктатура // ЕМ-1, с. 50, 51, 52.

метить курс «на “любовь к отечеству”, на “народную гордость”» (всё в язвительных кавычках), на «шапкамизакидайловский “потреотизм”» у этой диктатуры, возвращающейся ныне «к некоторым национальным традициям Московской Руси и Императорской России»[85].

Так вот в чём была главная опасность для России перед нападением Гитлера: в русском «потреотизме»!

Эта тревога отныне не оставит еврейских публицистов и на полвека вперёд, даже и при оглядке на ту войну, когда вспыхнул массовый патриотизм, на ту войну, спасшую и советское еврейство. И в израильском журнале 1988 года читаем: «Живые традиции черносотенства... явились базой “животворного советского патриотизма”, расцветшего позже, в годы Великой Отечественной войны»[86].

Оглядясь бы на ту войну 1941—1945, признать: весьма неблагодарное суждение.

То есть раз и навсегда: чистого, ни перед кем не виновного, русского патриотизма — *быть не может*?

Почему так отрезано? Именно — русского?

Важным событием еврейской жизни было закрытие в 1930 Евсекции при ЦК ВКПб. Этим актом преграждалось отдельное — хотя и по советской программе — развитие еврейской общественности, «национально-культурно-персональная автономия», она вливалась в общесоветское русло. В 1937–38 и ведущие *евсеки*, которые, по оценке Ю. Марголина, «на услугах у власти произвели величайший погром всех культурных ценностей еврейского народа»[87], — Диманштейн, Литваков, Фрумкина-Эстер и их сподвижники (Мотл Кипер, Ицхок Сударский, Александр Чемерисский), — были арестованы и вскоре уничтожены. Попали под каток также многие евсеки, «занимавшие руководящие позиции в центральных и местных отделениях ОЗЕТа, в советских еврейских общественных, культурных и образова-

[85] Там же, с. 51–52.

[86] *Б. Орлов.* Россия без евреев // “22”, 1988, № 60, с. 160.

[87] *Ю. Марголин.* Тель-Авивский блокнот // Новое русское слово, Нью-Йорк, 1968, 5 августа.

тельных структурах», в 1936–39 «подавляющее их большинство было репрессировано»[88]. Ядовитая атмосфера советских 30-х годов вклубилась и сюда. На открытых публичных собраниях стали обвинять, разоблачать видных евреев-коммунистов, состоявших когда-то прежде членами Бунда, партии сионистов-социалистов, даже и полуразрешённой при Советах Поалей-Цион. Да и кому большевики не припоминали прошлого? «А кем был *до*... ?» В 1938 закрыта и «Дер Эмес».

А школа? — «Вплоть до 1933 продолжался рост числа еврейских школ и учащихся в них, несмотря на критику ещё в конце 1920-х гг. "националистических перехлёстов" в деятельности евсекций... по "принудительному переводу на еврейский язык"...»[89]. С 1936 по 1939 отмечен «период ускоренного упадка и ещё более ускоренного внутреннего оскудения» школ на идише[90]. После 1936–37 «число еврейских школ начинает быстро сокращаться даже на Украине и в Белоруссии», упало и желание родителей отдавать детей в такие школы. «Сказывалось и падение престижа образования на идиш, стремление дать детям образование на русском языке». — Также «со 2-й половины 1930-х гг. число высших... учебных заведений, где велось обучение на идиш, начинает стремительно сокращаться»; «практически все еврейские высшие и средние учебные заведения в СССР были закрыты в 1937–38»[91].

В начале же 30-х годов закрыты были и еврейские научные институты при Академиях Наук Украины и Белоруссии; в Киеве заглох «Институт еврейской пролетарской культуры». А вскоре за этим последовали и аресты (*Михаил Кокин* из ЛИФЛИ, расстрелян; Иохиель Равребе — в прошлом из Петроградского Института высших еврейских знаний, в 30-х — руководил еврейским сектором Публичной библиотеки, осуждён на 8 лет, умер в пересыльном лагере[92].)

---

[88] КЕЭ, т. 8, с. 167.

[89] Там же, с. 176.

[90] *Ю. Марк.* Еврейская школа в Советском Союзе // Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 239.

[91] КЕЭ, т. 8, с. 176, 177, 179.

[92] РЕЭ, т. 2, с. 58, 432.

Преследования вплоть до ареста перекинулись и на еврейских литераторов на идише: были репрессированы Мойше Кульбак, 1937; *Зелик Аксельрод, 1940;* Аврам Абчук, преподаватель идиша, критик, 1937; *Герцль Базов, писатель, 1938.* Называют также писателя И. Харыка, критика Х. Дунеца.

Однако «вплоть до конца 1930-х гг. активно издавалась литература на идиш. В Москве, Киеве, Минске работали еврейские издательства». Но — какая литература? В 30-е годы «подавляющее большинство [произведений] написано стереотипно, в соответствии с незыблемыми принципами "социалистического реализма"»[93]. Литература на идише «с 1930 года до июня 1941 года... проходит под знаком *сталинизации.* Потоки лести Сталину, разлившиеся по лону еврейской поэзии...»[94]. Ицик Фефер «ухитрялся даже казённую пропаганду одушевить лирической нотой. Ему приписывают чудовищные изречения: "ты предал своего отца — это хорошо!" и "я говорю — Сталин, а думаю, что это солнце"»[95]. Большую часть этих писателей, ретиво угождавших Сталину, аресты ждали десятью годами позже. Но некоторых, как сказано выше, такой жребий нашёл уже и сейчас.

Подобно тому, «идеологический пресс официальной коммунистической доктрины для многих еврейских художников и скульпторов означал разрыв, нередко трагический, с национальной традицией». (И чьей культуры тогда в СССР это не коснулось!) Так — и те упомянутые 19 профессиональных театров на идише, и «множество самодеятельных коллективов, студий, кружков»: «подавляющее большинство... еврейских театров уделяло в 1930-х гг. значительное внимание спектаклям-агиткам»[96].

О культуре на иврите, сохранявшей национальные традиции, нечего и говорить: она была уже окончательно изгнана и ушла в подполье.

Что к началу 30-х годов было разгромлено и подполье сионистов — уже написано выше. Уже были переарестова-

---

93 КЕЭ, т. 8, с. 179, 181.

94 *Ю. Марк.* Литература на идиш в Советской России // КРЕ-2, с. 216.

95 Там же, с. 230.

96 КЕЭ, т. 8, с. 182–183.

ны многие сионисты, но «сионистскую конспирацию» клеили и другим. — Кто помнит (из главы 8) Пинхаса Дашевского? В 1933 арестован как сионист. — Не отличился как сионист, но таким был зачтён в смертном приговоре Пинхас Красный, бывший министр петлюровской Директории, потом вернулся в СССР, расстрелян в 1939. — Вольф Авербух, с юношеских лет поалей-ционовец, уехал в Израиль в 1922, там «сотрудничал в коммунистической прессе». В 1930 — выслан в СССР, а тут арестован[97].

Тогда же «подавляющее большинство полулегальных хедеров и иешив было закрыто». Ещё от поздних 20-х годов происходили то тут, то там аресты хасидского любавичского подполья (Яков-Захария Маскалик, 1937; Авром-Левик Славин, 1939). К концу 1933 «было закрыто 257 синагог, то есть 57% от существовавших в первые годы советской власти... В середине 1930-х гг. закрытие синагог ускорилось». С 1929 «власти стали налагать завышенные налоги на выпечку мацы». В 1937 «Комиссия по вопросам культа при ЦИК СССР запретила всем еврейским религиозным общинам самим выпекать мацу». — В 1937–38 «большинство служителей еврейского религиозного культа были репрессированы. В большинстве сохранившихся синагог не было раввинов»[98]. «В 1938 в московской центральной синагоге открыли "враждебное раввинское гнездо", арестовали раввинов и ряд прихожан[99]. Раввин Москвы Шмарьягу Медалье был арестован и расстрелян в 1938. (Тогда же арестован и сын его, Мойше Медалье.) В 1937 арестован и раввин Саратова Иосиф Богатин[100].

В эти ранние 30-е годы, когда в СССР теснили еврейскую религию, катилось по всей стране закрытие тысяч православных храмов и уничтожение многих из них. Особенно спешили освободить от церквей лик советской Москвы, чьей «реконструкцией» ведал Борис Иофан. — В горький голодный год разорительного надрыва страны представлялись проекты умопомрачительного Дворца Советов вместо Храма Христа Спасителя. Сообщают «Известия»: «На выставке пока представлены 11 проектов. Из них особо

---

97 РЕЭ, т. 1, с. 15, 417; т. 2, с. 84.

98 КЕЭ, т. 8, с. 198–199.

99 *Г. Свет.* Еврейская религия в Советской России // КРЕ-2, с. 209.

100 РЕЭ, т. 1, с. 145; т. 2, с. 260.

интересны работы архитекторов Фридмана, Б. Иофана, Бронштейна, Ладовского»[101]. — Позже коснулись аресты и архитекторов.

Отступало, уходило из жизни советских евреев и «землеустройство евреев-трудящихся». «Хронически высоким оставался отсев переселенцев с/х фондов КомЗЕТа». В 1930–32 активность зарубежных еврейских благотворительных организаций в СССР, в том числе Агро-Джойнта, ОРТ и ЕКО, заметно снизилась», в 1933–38 она ещё шла в рамках новых ограниченных договоров, «в 1938 деятельность их прекращена». «В 1-й половине 1938 сначала ОЗЕТ, а затем КомЗЕТ были распущены. Подавляющее большинство остававшихся ещё на свободе сотрудников этих организаций были репрессированы». — В 1939 «ЦК компартии Украины принял решение о ликвидации... "искусственно созданных" национальных [еврейских] районов и сельсоветов»[102].

Тем не менее идея Биробиджана не только не была оставлена в 30-е годы, но продвигалась силовыми государственными приёмами. В декабре 1930 для накачки энтузиазма власти провели в Москве 2-й Всесоюзный съезд ОЗЕТа[103]. К концу 1931 из общего населения области в 45 тысяч человек — евреев набралось, однако, лишь немногим более 5 тысяч, хотя для их поселения строились готовые посёлки, дома, подъездные дороги (что — и руками зэков из соседних лагерей, как, например, вокзал города Биробиджан)[104]. Не-еврейская колонизация края шла быстрее еврейской.

Чтобы поправить дело, осенью 1931 Президиум ВЦИК РСФСР постановил: за два года поселить в Биробиджане ещё 25 тысяч евреев — после чего уже можно будет объявить его Еврейской автономной республикой. Однако и за следующие годы отлив приехавших евреев превышал поток приезжающих, и к концу 1933, за 6 лет колонизации, набралось осевших евреев всего 8 тыс., из них колхозного населения — лишь полторы тысячи, меньше пятой части всех тамошних колхозников. (И есть сведения, что еврейские

---

101 Известия, 1931, 19 июля, с. 2.

102 КЕЭ, т. 8, с. 173, 190, 193.

103 Известия, 1930, 12 декабря, с. 2.

104 *С.М.Шварц.* Биробиджан // КРЕ-2, с. 170–171, 200.

колхозы частенько обрабатывали землю наёмным трудом казаков и корейцев.) Область не могла обеспечить своих потребностей в с/х продуктах[105].

Тем не менее в мае 1934, когда не-еврейское население доходило уже до 50 тыс., Биробиджан громковещательно был объявлен Еврейской автономной областью (на республику всё же не натянуло).

Итак, не оказалось «в еврейских массах национального подъёма, который облегчил бы перенесение связанных с такой колонизацией огромных трудностей». Не создалось в Биробиджане и промышленности, а переселенцы по «экономической и социальной структуре напоминали еврейство тогдашних украинских и белорусских небольших городов и местечек», и особенно — в городе Биробиджане, да с увеличенной «ролью евреев в административном аппарате»[106].

В автономной области развивалась (умеренно) культура на идише: газеты, радио, школы, театр им. Кагановича (директор его — будущий писатель Э.Казакевич), библиотека им. Шолом-Алейхема, музей еврейской культуры, читальни. И Перец Маркиш печатал в центральной прессе ликующую статью «Возрождённый народ»[107]. (В связи с Биробиджаном отметим судьбу демографа Ильи Вейцблита. Его позиция: «следует отказаться от вербовки еврейской городской бедноты для поселения её в селе», «нет деклассированных среди евреев, которые пригодны были для Биробиджана». Арестован ещё в 1933, вероятно, там и погиб[108].)

А центральным властям ясно стало, что колонизацию надо ещё подпихнуть, — и с 1934 стали посылать в Биробиджан уже не добровольцев, а полунасильственно вербовать среди еврейских ремесленников и рабочих западных областей, — то есть городскую публику, уж какое тут земледелие? Прогремел лозунг: «Весь СССР строит Еврейскую Автономную Область!» — а значит, для быстрейшего строительства, посылать туда и не-еврейские кадры. Да, «мы не

---

105 *С.М.Шварц.* Биробиджан // КРЕ-2, с. 177-178.

106 Там же, с. 173, 180.

107 Известия, 1936, 26 октября, с. 3.

108 РЕЭ, т. 1, с. 214.

ставим себе целью скорее создать в ЕАО еврейское большинство... Это противоречило бы интернационализму», — писал неутомимый «евсек» Диманштейн[109].

Но и всей вербовкой за следующие три года набрали к прежним 8–9 тысячам евреев ещё 11 тысяч (и то жавшихся к областной столице, к железной дороге и искавших, как бы куда утечь). Однако: большевики никогда ни в чём не терпят поражений и не унывают. От недовольства КомЗЕТом в 1936 «ЦИК СССР принял постановление о частичной передаче функций переселения в Еврейскую автономную область от КомЗЕТа переселенческому отделу НКВД»[110]. И в августе 1936 президиум ЦИК СССР постановил: «Впервые в истории еврейского народа осуществилось его горячее желание о создании своей родины, о создании своей национальной государственности»[111]. — И строились планы переселения в Биробиджан 150 тысяч евреев.

А оглянувшись: советские устроители евреев в земледелии — потерпели такой же крах, как за столетие до того императорские.

Меж тем — подступил уже и 1938 год. Уже закрыли КомЗЕТ, распустили ОЗЕТ, переарестовали и главных евсеков в Москве, и всё административное руководство ЕАО. Кто из биробиджанских евреев мог — уезжал или в города Дальнего Востока, или в Москву. По переписи 1939 общее население ЕАО составляло уже 108 тысяч, однако «количество евреев в ЕАО оставалось тайной... еврейское население Биробиджана продолжало оставаться низким». Будто бы ещё сохранялось 18 колхозов, семей по 40–50[112], но и в колхозах... говорили и переписывались с начальством по-русски.

Да и что́? что́ мог стать для евреев Биробиджан?! Спустя всему тому 45 лет израильский генерал Бени Пелед выразительно объяснил, почему ни Биробиджан, ни Уганда не могли бы дать связи еврейского народа с землёй: «Я просто чувствую, что не стал бы умирать ещё за один

---

109 *С.М.Шварц.* Биробиджан* // КРЕ-2, с. 176.

110 КЕЭ, т. 8, с. 190.

111 *С.М.Шварц.* Биробиджан* // КРЕ-2, с. 177.

112 Там же, с. 178, 179.

кусок земли для России, за кусок Уганды или штата Нью-Джерси!..»[113]

Эту связь, после тысяч лет разрыва, дал снова — Израиль.

Миграция евреев в крупные города в 30-е годы не умедлялась. Еврейская энциклопедия сообщает: в Москве евреев по переписи 1926 — 131 тыс., в 1933 — 226,5 тыс., в 1939 — 250 тыс. «В результате массового переселения украинских евреев их численность в составе московского еврейства возросла до 80%»[114]. — В «Книге о русском еврействе» (1968) читаем: в 30-е годы до полумиллиона евреев «числилось среди государственных служащих, порой занимавших видные посты, преимущественно в хозяйственном аппарате»[115]. (Автор сообщает также, что в 30-е годы и «в индустрию включилось до полумиллиона евреев, занятых преимущественно физическим трудом». У Ларина мы видим цифру: евреев среди индустриальных рабочих — 2,7%, тогда получается 200 тысяч[116], в два с половиной раза меньше.) — «Приток евреев в ряды служащих постоянно нарастал. Это было связано как с массовыми миграциями в города, так и с резким повышением образовательного уровня прежде всего еврейской молодёжи»[117]. Евреи в массе жили в крупных городах, не испытывали искусственных социальных ограничений, так знакомых их русским сверстстникам, — и, надо сказать, упоённо учились, тем готовя массовую структуру технических кадров для последующих советских лет.

Вот статистические данные: «в 1929 евреи составляли 13,5% всех студентов высших учебных заведений в СССР, в 1933 — 12,2%, в 1936 — 13,3% всех студентов и 18% всех

---

113 *Бени Пелед.* Мы не можем ждать ещё две тысячи лет! [Интервью] // “22”, 1981, № 17, с. 116.

114 КЕЭ, т. 5, с. 477–478.

115 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 137.

116 *Ю. Ларин.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929, с. 245.

117 КЕЭ, т. 8, с. 190.

аспирантов» (при доле евреев в населении — 1,8%)[118]; с 1928 по 1935 «число еврейских студентов на 1 000 душ еврейского населения поднялось с 8,4 до 20,4, [в то время как] на 1 000 русских — было студентов 2,8, на 1 000 белорусов — 2,4 и на 1 000 украинцев — 2,0», — к 1935 «процент евреев-студентов превосходил процент евреев в общем населении страны почти в семь раз, отличаясь этим от всех других народов Союза»[119]; а результаты переписи 1939 года исследователь сталинской политики относительно евреев Г.В. Костырченко комментирует так: «Ведь не мог же [Сталин] не считаться с тем, что на начало 1939 года из каждой тысячи евреев 268 имели среднее, а 57 — высшее образование» (у русских соответственно 81 и 6)[120]. — А как всем известно, «значительные успехи в образовании позволяли после окончания высших учебных заведений и аспирантуры занимать социально престижные места в бурно развивавшейся в 1930-е гг. советской экономике»[121].

Но вот в «Книге о русском еврействе» читаем: «Без преувеличения можно сказать, что после "ежовщины" не осталось на свободе ни одного сколько-нибудь авторитетного имени в советской еврейской общественности, журналистике, культурной работе и даже науке»[122]. — Это совершенно не так, и выражено именно с преувеличением, и несоразмерным. (Тот же автор, Григорий Аронсон, в той же книге, двумя страницами позже, говорит обобщённо о 30-х годах, что «евреи не были лишены общегражданских прав... продолжали занимать посты в государственном и партийном аппарате», и «в дипломатическом корпусе, как и в генералитете армии, среди профессоров в высших учебных заведениях, было немало евреев... Так мы вступаем в 1939 год»[123].)

Москва говорила голосом народного артиста Юрия Левитана: «голос СССР», неподкупный вещатель нашей Правды, главный диктор радиостанции Коминтерна и сталинский любимец. Целые поколения выросли, слушая его: чи-

---

118 Там же, с. 190.

119 *С. Познер.* Советская Россия // ЕМ-1, с. 264.

120 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 198.

121 КЕЭ, т. 8, с. 190.

122 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 138.

123 Там же, с. 140-141.

тал он и речь Сталина, и сводки «от Совинформбюро», и что началась война, и что она кончена[124].

С 1936 Самуил Самосуд стал, и надолго, главным дирижёром Большого театра. Михаил Гнесин продолжал творить «в стиле обще-европейской музыки нашего века и в стиле т.н. "ново-еврейской музыки"», сёстры Гнесины — с успехом вести их училище, ставшее выдающимся Музыкальным Институтом. Балет Александра Крейна шёл и в Мариинке и в Большом театре (не миновал Крейн и симфонической «Рапсодии» на слова... из речи Сталина), процветали и его брат и племянник Крейны[125]. Выдвинулась во всесоюзную, затем и международную известность блестящая плеяда музыкантов-виртуозов, вот лишь несколько всем памятных имён: Григорий Гинзбург, Эмиль Гилельс, Яков Зак, Лев Оборин, Давид Ойстрах, Яков Флиер. — Сохранились, с полным весом авторитетности, — много театральных режиссёров, музыкальных, театральных и литературных рецензентов, музыковедов.

Прослеживая дальше *культурную работу*, как пропустить в 30-е годы и всеохватные достижения *композиторов-песенников*. Тут Исаак Дунаевский, «один из зачинателей жанров оперетты и массовой песни в советской музыке», писал «лёгкие для усвоения песни... прославлявшие часто советский образ жизни ("Марш весёлых ребят", 1933, "Песня о Каховке", 1935, "Песня о родине", 1936, "Песня о Сталине", 1936, и многое другое). Официальная критика объявила эти песни... воплощением мыслей и чувств миллионов советских людей»[126], от него же и позывные московского радио. (Дунаевский зорко не упускал и ступенек советской карьеры. Первый изо всех композиторов он был награждён орденом Трудового Красного Знамени — и первым же избран в Верховный Совет СССР в пресловутом 1937. Затем получил ещё и орден Ленина. И поучал композиторов, что симфонии советскому народу не нужны[127].) Тут — и Матвей Блантер и братья Даниил и Дмитрий Покрассы,

---

124 РЕЭ, т. 2, с. 150.

125 *Г. Свет.* Евреи в русской музыкальной культуре в советский период // КРЕ-2, с. 256-262.

126 КЕЭ, т. 2, с. 393-394.

127 *Юрий Елагин.* Укрощение искусств / Предисл. М. Ростроповича. Нью-Йорк: Эрмитаж. 1988, с. 340-345.

благодушно успокоительная «Если завтра война» (как мы моментально разобьём врага), а ещё раньше — знаменитый «Марш Будённого». Ещё же Оскар Фельцман, Соловьёв-Седой, — не берусь представить в полноте. (Захватывая годы и позже, чтоб к этой теме не возвращаться: поэты-песенники Илья Френкель, Михаил Танич, Игорь Шаферан, композиторы Ян Френкель, Владимир Шаинский, не продолжаю.) — Миллионные тиражи, слава, гонорары, — ну кто назовёт этих деятелей культуры угнетёнными? А ведь помимо песен талантливых — сколько ж они все настукали оглушительных советских агиток в оморачивание и оглупление массового сознания, — и начиняя головы ложью, и коверкая чувства и вкус?

Или — к и н о? Читаем в нынешней израильской Еврейской энциклопедии: в 30-е годы «от фильмов требовались прославление успехов социализма и элементарная занимательность действия. В выработке стандартов унифицированной и прямолинейно идеологизированной кинопродукции, консервативной по форме и навязчиво дидактичной, вместе со всеми кинодеятелями, участвовали многие... постановщики-евреи» (о них о многих мы уже в прошлой главе писали, например о «Симфонии Донбасса» Д. Вертова, 1931, сразу за процессом «Промпартии»): Ф. Эрмлер («Встречный», «Великий гражданин», «Поднятая целина»), С. Юткевич («Встречный», «Шахтёры»), осыпанный почестями Михаил Ромм («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), Л. Арнштам («Подруги», «Друзья»), И. Трауберг («Сын Монголии», «Год 19-й»), А. Зархи и И. Хейфиц («Горячие денёчки», «Депутат Балтики»)[128]. — Заметно, что режиссёров в 30-е годы не сажали. А вот управляющих кинематографией, производством, прокатом — арестовали многих; а высоких чинов, начальников главного управления кинопромышленности Б. Шумяцкого и С. Дукельского — расстреляли[129].

В кинорежиссёрстве 30-х годов евреи составляли явное большинство. И кто же был угнетён: одураченные ли зрители, кому душу прокатывали ложью и грубой дидактикой, — или режиссёры-постановщики, создававшие «фальсифицированные кинобиографии, ложноисторические и

---

[128] КЕЭ, т. 4, с. 277.

[129] Там же, с. 275.

11—4917

мнимо актуальные пропагандистские фильмы», с их «дутой монументальностью и внутренней пустотой»? И ещё добавляет Еврейская энциклопедия сурово: «Необозримое число евреев — операторов и режиссёров — занято в научно-популярном, учебном, а также в документальном кино — самой казённой области советского кинематографа, в которой ловкий монтаж позволяет выдавать подтасовку за подлинный кинодокумент, чем часто не брезговал, например, Р. Кармен»[130]. (Прославленный советский кинодокументалист — кинохроника гражданской войны в Испании, съёмка Нюрнбергского процесса, «юбилейно-прославительный фильм "Великая Отечественная"», «Вьетнам», фильм о Кубе — три Сталинских премии, Ленинская, Государственная, народный артист СССР и Герой Социалистического Труда[131].) — Упомянем ещё и кинорежиссёра Конрада Вольфа, родного брата аса советской разведки Маркуса Вольфа[132].

Нет, официальная советская атмосфера 30-х годов была абсолютно свободна от недоброжелательства к евреям. И до самой войны подавляющее большинство советского еврейства оставалось сочувственным к советской идеологии, согласным с советским строем. «Еврейского вопроса» в СССР «до войны действительно не было или почти не было»; тогда «явные жидоеды ещё не редактировали газеты и журналы… не руководили отделами кадров»[133] (наоборот — многие такие посты занимали евреи).

Конечно, *советский* патриотизм, то есть верная служба советскому строю, в какое направление сегодня укажут, и составлял в те годы советскую «культуру». И в этой ложной области, увы, и еврейские ряды были множественными, а кто-то возвышался и до надзирательства над печатным словом на русском языке. Во главе Главлита — Главного Управления по делам Литературы и Искусства, мудрой Цензуры, направляющей культурное русло, — в ранних 30-х годах видим — Б.М. Волина-Фрадкина. Во многом из евреев формировался тогда и штат Главлита. Вот,

---

130 КЕЭ, т. 4, с. 277–278.

131 Там же, с. 116.

132 РЕЭ, т. 1, с. 245–246.

133 *Лев Копелев.* О правде и терпимости. New York: Khronika Press, 1982, с. 56–57.

например, с 1932 по 1941 в Главном Управлении по делам литературы — увидим А.И. Бендика, в годы войны он станет директором Книжной Палаты[134]. (Не увидим, — где ж было её увидеть? — Эмму Каганову, супругу чекиста Павла Судоплатова, которой «доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции»[135].) А после закрытия частных издательств «значительный вклад в организацию советских издательств и руководство ими внесли С. Алянский, М. Вольфсон, И. Ионов (Бернштейн), А. Канторович, Б. Малкин, И. Веритэ, Б. Фельдман и многие другие»[136]. Вскоре всё книгоиздательское дело страны было соответственно централизовано в надёжно управляемом ГИЗе, — никуда кроме и не сунуться автору.

И в печатной пропаганде, в разных художественных и нехудожественных формах, евреи были постоянно на виду. Топорный карикатурщик Борис Ефимов выставлялся даже ежедневно (западные деятели в мерзейшем виде, а уж Николай II в короне и с винтовкой — попирает трупы). Раз в два-три дня — такой же грязный фельетонщик Г. Рыклин, пронзительно-язвительный Д. Заславский, ловчайший эквилибрист Радек, настырные Л. Шейнин и братья Тур. Ещё не определясь в писательство, очеркистом в «Известиях» появлялся Л. Кассиль. Мелькали и другие имена, например, Р. Кармен, Т. Тэсс, Х. Раппопорт, Д. Черномордиков, Б. Левин, А. Канторович, Я. Перельман. И это мы — только по «Известиям» протянулись, а ещё было две дюжины центральных газет с такой же разливанной ложью. А ещё был — океан подлых брошюр для массового одурачения. Когда надо было срочно состряпать массовую брошюру к процессу Промпартии (а на такое-то все 30-е годы был спрос) — нашёлся Б. Изаксон и проворно катал: «Раздавим гадину интервенции!» Да вот замелькал и Е. Гнедин (тот самый дипломат, сын Парвуса) — обманными же статьями: то — о «неизлечимых ранах Европы», как гибнет западный мир, то — в опровержение западных «клевет» о каком-то *якобы* насильственном труде заключённых на лесоповале: «Социалистический труд в лесах советского Севера». (Когда Гне-

[134] РЕЭ, т. 1, с. 108, 238–239.

[135] *Павел Судоплатов*. Спецоперации. М., 1997, с. 19.

[136] КЕЭ, т. 4, с. 397.

дин вернулся в 50-е годы после долгого лагерного срока, однако, не испытав, кажется, лесоповала, — он выглядел почтенным страдальцем, и никто не напоминал ему его прежней лжи...)

В 1929–31 произошёл разгром русской исторической науки — Археологическая комиссия, Северная комиссия, Пушкинский Дом, библиотека Академии Наук, разбита вся традиция, и виднейшие русские историки отправлены в лагеря на гниение. (А много ли мы слышали о том разгроме?) И нахлынул в *русские историки* третий и четвёртый сорт, и потом полвека дурили нас. Конечно, и русских халтурщиков там выдвинулось немало, но и еврейские же не упустили вакансий.

Вообще же в советской науке, в том числе на самых напряжённых, технически передовых направлениях, еврейские учёные уже в 30-е годы играли видную роль (и растущую далее). «Уже в конце 1920-х гг. евреи составляли 13,6% всех научных работников в стране, а в 1937... до 17,6%», в 1939 — «более 15 тыс. научных работников и преподавателей ВУЗов или 15,7% занятых в этой сфере»[137].

В физике выделялась успешная молодая школа физиков, взращённая академиком А.Ф. Иоффе. Ещё в 1918 по инициативе Иоффе был создан Физико-Технический институт в Петрограде. Затем на основе его в разные годы «было создано 15 научных центров, во главе которых стояли ученики Иоффе. Питомцы учёного работали также в других институтах страны, во многом определяя научно-технический потенциал Советского Союза»[138]. (Однако расправы бывали и тут: в 1938 в Харьковском Физико-Техническом институте из восьми начальников отделов шестеро были арестованы: Вайсберг, Горский, Ландау, Лейпунский, Обреимов, Шубников; седьмой Руэман — выслан, уцелел только Слуцкин[139].) — Долго оставалось неизвестным имя авиаконструктора Семёна Айзиковича (самолёты «Лавочкин»)[140]. И многие имена из Военно-Промышленного Ком-

---

137 КЕЭ, т. 8, с. 190–191.

138 *Л.Л. Мининберг.* Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945). М., 1995, с. 16.

139 *Alexander Weissberg.* Conspiracy of Silence. London, 1952, p. 359–360.

140 КЕЭ, т. 4, с. 660.

плекса не разглашались. (Конечно, мы и сейчас не о всяком прочтём. Если М. Шкуд «руководил проектированием серий мощных радиостанций»[141], — то кто-то же устанавливал и мощные «заглушки»?)

Множество еврейских имён в технике, в науке и её приложениях, — сколько же лучших сил нескольких еврейских поколений было брошено именно в науку и технику. Пролистывая только биографические тома Российской Еврейской Энциклопедии (РЕЭ), которая рассматривает евреев лишь родившихся или живших в России, — как не оценить этот долгий и выразительный перечень учёных с их разнообразными зримыми достижениями. Изобилие успешливых талантов. (Но, знать, и социальная дорога была им открыта.)

Конечно, и науке приходилось платить политический налог. Вот (1931) — «первая всесоюзная конференция по планированию науки». Академик Иоффе: «Современный капитализм уже неспособен на техническую революцию», она возможна только как результат социальной революции, «превратившей варварски-отсталую Россию в Социалистический союз республик». Дальше — о руководстве пролетариата в науке, только при советском строе наука и свободна. — Налётчик-философ Э.Я. Кольман («один из главных идеологов советской науки в 1930-е годы», громил московскую математическую школу): «мы должны... установить трудовую дисциплину в научной работе, перейти на коллективные методы, — на соцсоревнование, на ударничество», наука идёт по плану «благодаря силе пролетарской диктатуры»; каждый учёный должен изучать «Материализм и эмпириокритицизм». — С энтузиазмом подхватывает академик А.Г. Гольдман (Украина): «Академия сейчас возглавила борьбу за марксистскую диалектику в науке»![142]

Еврейская энциклопедия итожит: «Именно в конце 1930-х гг. роль евреев в различных сферах жизни советского общества достигла своего апогея за весь период существования советской власти». По переписи 1939 года 40% всего самодеятельного еврейского населения составляли служащие. К категории интеллигенции было отнесено око-

---

[141] РЕЭ, т. 3, с. 401.

[142] Известия, 1931, 7 апреля, с. 2; 11 апреля, с. 3; 12 апреля, с. 4; РЕЭ, т. 2, с. 61–62.

ло 364 тысяч человек. Из них — 106 тысяч инженерно-технических работников, или около 14% работников этой категории в стране; 139 тыс. руководителей различного уровня, или около 7% всех управленцев в СССР; «39 тысяч врачей, или немногим менее 27% всех врачей; 38 тысяч учителей, или более 3% всех учителей; «более 6,5 тыс. писателей, журналистов и редакторов, более 5 тыс. актёров и режиссёров, более 6 тыс. музыкантов, немногим менее 3 тыс. художников и скульпторов, более 5 тыс. юристов»[143]. — По мнению Энциклопедии, «столь внушительные успехи национального меньшинства, даже в ситуации декларированного режимом интернационализма и братства народов СССР, создавали предпосылки для ответной реакции государства»[144].

Сталин в своей политической карьере немало попользовался союзами и блоками с еврейскими вождями компартии и опирался на многих лидеров второго ряда. А уж к середине 30-х годов он, на примере Гитлера, видел, как невыгодно поставить себя в мире, объявясь врагом евреев. Но недоброжелательство к ним, надо думать, обитало в его сердце постоянно (подтверждают это и мемуары его дочери) — хотя даже и близким проводникам своей политики он, вероятно, не давал этого почувствовать. Однако, широким фронтом борясь против троцкистов, он, конечно, видел для себя и эту сторону: ещё рассвободиться, сократить влияние евреев в партии. А тут, кажется, приближалась и война? и Сталин стал угадывать, что скоро его не вытянет «пролетарский интернационализм», а вознуждается он в понятии «родины», да даже и с большой буквы.

И вот социал-демократ С. Шварц, обрыдав антиреволюционное перерождение ВКПб, — «небывалая по своему размаху “чистка” правящей партии, фактическое уничтожение старой и создание вместо неё (под старым названием) новой компартии, новой по своему социальному соста-

143 КЕЭ, т. 8, с. 191.

144 Там же.

ву, по своей идеологии», — отмечает и «постепенное оттеснение евреев на задний план во всех сферах общественной жизни» с 1937 года. «Среди старых большевиков с партийным стажем до прихода партии к власти и тем более с дореволюционным стажем процент евреев был заметно выше, чем в среднем в компартии, и в более молодых поколениях процент евреев с годами всё уменьшался... В рамках [чистки] сошли со сцены почти все евреи-коммунисты, игравшие сколько-нибудь значительную роль»[145]. Самое видное исключение — Лазарь Каганович. И ещё с 1939, после всех разгромов, призвали в зампред Совнаркома — испытанную Землячку, а заместителем наркома иностранных дел С.Дридзо-Лозовского[146]. — В широкой же картине — обозреватель пишет с основанием, да мы и сами обильно это показали.

С.Шварц добавляет, что во 2-й половине 30-х годов «для евреев постепенно были закрыты высшие учебные заведения, подготовляющие будущих работников ведомства иностранных дел и ведомства внешней торговли, высшие военные учебные заведения»[147]. — И.С.Гузенко (известный перебежчик из СССР) передавал слухи, что с 1939 была введена — абсолютно негласно — и процентная норма приёма евреев в ВУЗы.

А в 90-е годы пишут открыто, что будто Молотов, весной 1939 принимая наркомат иностранных дел, на сборе личного состава объявил: «Мы здесь навсегда покончим с синагогой» — и стал увольнять евреев уже в тот же день. (Литвинов ещё пригодился в войну послом в США, а уезжая оттуда в 1943, имел смелость передать Рузвельту от себя личное письмо, что Сталин развязывает в СССР антисемитскую кампанию.)[148]

К середине 30-х годов произошёл дальнейший подъём симпатий европейского еврейства к СССР, его объяснил Троцкий в 1937, на своём пути в Мексику: «Широкие круги

---

145 *С.М.Шварц.* Антисемитизм..., с. 111–112, 114, 121–122.

146 РЕЭ, т. 1, с. 486; т. 2, с. 196.

147 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 410.

148 *З.Шейнис.* М.М.Литвинов: Последние дни // Совершенно секретно. М., 1992, № 4, с. 15.

еврейской интеллигенции... поворачивались в сторону Коминтерна не из интереса к марксизму и коммунизму, а в поисках опоры против агрессивного антисемитизма» — германского тогда[149]. И *этот самый* Коминтерн — одобрил пакт Риббентропа–Молотова! Договор тот — стал смертным ударом по восточно-европейскому еврейству.

«В сентябре 1939 года сотни тысяч польских евреев бежали от наступающих немецких армий, уходя всё дальше и дальше на восток и стремясь проникнуть на территорию, занятую Красной Армией... В первые два месяца это им удавалось, ввиду благожелательного отношения советских властей. Немцы нередко поощряли это бегство». Но «в конце ноября Советское правительство закрыло границу»[150].

В разных местах фронта складывалось по-разному: в одних местах еврейских беженцев вовсе не пропускали, в других широко принимали, затем иногда перегоняли назад к немцам. Всё же считается, что тем или иным путём около 300 тысяч евреев перебралось в первые месяцы войны из Западной Польши в Восточную, и Советы потом их эвакуировали дальше вглубь СССР. От них требовали, чтоб они регистрировались как советские граждане, но многие польские евреи не спешили принимать советское гражданство: ведь война скоро кончится, и они опять поедут домой, или в Америку, или в Палестину. (Перед советским режимом они уже тем самым попадали в положение ПШ — «подозреваемых в шпионаже», тем более что ещё пытались сноситься с родственниками в Польше.)[151] — Всё же, читаем в чикагском «Часовом»: Советский Союз «приютил девять десятых всех спасшихся от Гитлера европейских беженцев-евреев»[152].

По переписи января 1939 в СССР было 3020000 евреев. Теперь, с оккупацией Прибалтики, части Польши и беженцами, добавилось ещё около 2 миллионов, — и, значит,

---

149 *Лев Троцкий.* Почему они каялись // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 87, с. 226.

150 *Е. Кулишер.* Изгнание и депортация евреев // Еврейский мир: Сб. 2 (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 259.

151 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе..., с. 33–34.

152 The Sentinel, Chicago, Vol. XXXXIII, No. 13, 1946, 27 June, p. 5.

всего стало почти 5 миллионов[153]. Если к 1939 евреи по численности стояли на седьмом месте среди народов СССР — то после присоединения всех западных областей стали *четвёртым* народом СССР, после трёх славянских. «Заключённый 23 августа 1939 года между Третьим Райхом и Советским Союзом договор о взаимном ненападении вызвал серьёзные опасения за будущность советского еврейства. Однако политика Советского Союза по отношению к его еврейским гражданам не изменилась». И, хотя мы встречаем свидетельства также и обратных депортаций, в общем, «за 20 месяцев советско-германского сотрудничества правовое положение еврейского населения осталось непоколебленным»[154].

С началом войны в Польше еврейские симпатии определились окончательно, и на польской территории, отошедшей к СССР, при входе Красной армии в сентябре её бурно-восторженно встречали, особенно — еврейская молодёжь. Как ещё и в Буковине, и в Бессарабии, и в Литве — евреи становились, по свидетельству многих (в том числе и М. Агурского), главной опорой советской власти: изо всех сил помогать пришедшей ей!

Вся масса восточно-европейского еврейства — много ли она знала о том, что творится в СССР?

Но с безошибочностью знала она, что из Германии катится на неё — ещё никем тогда не узнанная, не прояснённая, а несомненная — Катастрофа.

И советские объятия открывались для неё, казалось, несомненным же спасением.

---

[153] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 141.

[154] *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ-2, с. 221-222.

Глава 20 — В ЛАГЕРЯХ ГУЛАГА

Если б я там не побывал — не написать бы мне этой главы.

До лагерей и я так думал: «наций *не надо замечать*», никаких *наций* вообще нет, есть человечество.

А в лагерь присылаешься и узнаёшь: если у тебя *удачная* нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если *общая* нация — не обижайся.

Ибо национальность — едва ли не главный признак, по которому зэки отбираются в спасительный корпус *придурков*. Всякий лагерник, достаточно повидавший лагерей, подтвердит, что национальные соотношения среди придурков далеко не соответствовали национальным соотношениям в лагерном населении. Именно, прибалтийцев в придурках почти совсем не найдёшь, сколько бы ни было их в лагере (а их было много); русские были, конечно, всегда, но по пропорции несравненно меньше, чем их в лагере (а нередко — лишь по отбору из партийных *ортодоксов*); зато отметно сгущены евреи, грузины, армяне; с повышенной плотностью устраиваются и азербайджанцы, и отчасти кавказские горцы.

И, собственно, — никого из них нельзя в этом винить. Каждая нация в Гулаге ползла спасаться, как может, и чем она меньше и чем поворотливей — тем легче ей это удавалось. А русские в «своих собственных русских» лагерях — опять последняя нация, как были у немцев в Kriegsgefangenenlagers.

Впрочем, не мы их, а они нас вправе были обвинить, армяне, грузины, горцы: а зачем вы устроили эти лагеря? а зачем вы держите нас силой в вашем государстве? Не держите! — и мы не станем сюда попадать и захватывать такие привлекательные *придурочные* места. А пока мы у вас в плену — на войне как на войне.

А как с евреями? Ведь переплёл русских с евреями рок, может быть и навсегда, из-за чего эта книга и пишется.

Но ещё прежде того, прежде вот этой строчки, найдутся читатели, бывшие в лагерях и не бывшие, кто с жи-

востью оспорит, что я высказал тут правду. Они скажут, что многие евреи были на *общих* работах. Они отрекутся, что были такие лагеря, где евреи составляли большинство среди придурков. Тем более отвергнут они, что будто бы нации в лагерях помогали друг другу избирательно и, значит, за счёт остальных. А кто вообще не считают себя какими-то отдельными евреями, а ощущают такими же во всём русскими. Если же где получался перевес евреев на ключевых лагерных постах, то совсем не преднамеренно, выбор шёл по личным признакам, по таланту, по деловым свойствам. Кто ж виноват русским, что у них нет деловых свойств?.. Будут и такие, кто горячо утвердит прямо противоположное: что никому в лагере не жилось так тяжело, как евреям, да это и на Западе так по́нято: в советских лагерях тяжче всего страдали евреи. Среди писем по «Ивану Денисовичу» было у меня и такое, от анонимного еврея: «Вы встречались с евреями, томившимися вместе с вами безвинно, были, очевидно, не раз свидетелями их мучений и гонений. Они терпели двойной гнёт: заключение и вражду со стороны заключённых. Расскажите об этих людях!»

И если я захотел бы *обобщить*, что евреям в лагерях жилось особенно тяжело, — мне это будет разрешено, и я не буду осыпан упрёками за несправедливое национальное обобщение. Но в лагерях, где я сидел, было иначе: евреям, насколько обобщать можно, жилось л е г ч е, чем остальным.

Экибастузский мой солагерник Семён Бадаш в своих воспоминаниях рассказывает, как он устроился — позже, в норильском лагере — в санчасть: Макс Минц просил за него рентгенолога Ласло Нусбаума просить вольного начальника санчасти. Взяли[1]. Но Бадаш, по крайней мере, кончил на воле три курса медицинского института. А рядом с ним остальной младший медперсонал: Генкин, Горелик, Гуревич (как и мой приятель Л. Копелев, Унжлаг) — и не касались той медицины никогда прежде.

Потеряв чувство юмора, пишут и так: А. Белинков «был отброшен в самую презираемую лагерную категорию “придурков”...» (совсем некстати добавляется «и “доходяг”», но доходяги — это социальные антиподы придурков, да Бе-

---

[1] *Семён Бадаш.* Колыма ты моя, Колыма... New York: Effect Publishing Inc., 1986, с. 65–66.

линков и не был в доходягах). — «Отброшен в придурки»! — это ж надо выразиться. «Унижен в барины»? — А вот основания: «Копать землю? Но до 23 лет он не только её ни разу не копал, но и в глаза лопаты не видел»[2]. Значит, ничего другого не остаётся, как идти в придурки, ясно.

А вот у Левитина-Краснова мы читаем о литературоведе Пинском, что в лагере он был санинструктором. По лагерной шкале: неплохо, значит, *зацепился*. Левитин же пишет об этом как о величайшем унижении профессора-гуманитария.

А вот часто печатался уцелевший зэк Лев Разгон, журналист, никакой тоже не медик. Но из рассказа его в «Огоньке» (1988) узнаём: в Вожаеле он был медиком в санчасти, да ещё расконвоированным. (По другим его рассказам — и старшим нормировщиком на страшном лесоповальном лагпункте. Ни из какого рассказа его не просверкнёт, что хоть чуть побывал на *общих* работах.)

Вот из далёкой Бразилии принесло в СССР еврея Франка Диклера, его посадили, конечно, он и русского не знает — и что же? Имел в лагере блат, получил в заведование больничную кухню — да это сказочный кладезь!

Вот и Александр Воронель, попавший в лагерь «политическим малолеткой», рассказывает: в лагере от первых же шагов «помощь... мне охотно оказывали заключённые-евреи, не имеющие никакого понятия о моих идеях». Еврей-банщик (тоже — весьма важный придурок) сразу выделил его и «велел приходить за любой помощью»; еврей-самоохранник (тоже придурок) препоручил еврею-бригадиру: «Вот, Хаим, тут двое еврейских ребят — не давай их в обиду». И бригадир — взял их под крепкую защиту. «Другие воры, особенно "старики", одобряли его: "Правильно делаешь, Хаим! Своих поддерживаешь! А мы, русские, как волки друг другу"»[3].

А ещё не упустим, что и в лагерном состоянии — многим евреям, уже по традиции общего взгляда, «сами собой» плыли в руки коммерческие сделки, даже если зэк-еврей их вовсе не создавал сам и не искал, как М. Хейфец. Об этом он

---

[2] *В. Лемпорт.* Эллипсы судьбы // Время и мы: Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1991, № 113, с. 168.

[3] *А. Воронель.* Трепет иудейских забот. 2-е изд. Рамат-Ган: Москва–Иерусалим, 1981, с. 28–29.

выразительно замечает: «Как жаль, что подобные ситуации нельзя описать на материале лагерной жизни. А богатые, красивые есть сюжеты! Но всё та же этика "надёжного" еврея замыкает мне уста. Что поделаешь: хоть маленькая, но коммерческая тайна должна — по законам племени — сохраняться навсегда»[4].

Латыш Анс Бернштейн, один из моих *свидетелей* по «Архипелагу», считает, что он лишь потому выжил в лагерях, что в тяжёлые минуты обращался за помощью к евреям, а те по фамилии, да и по подвижному облику, принимали его за своего — и всегда выручали. В лагерях же, где он побывал (например буреполомские, начальник Перельман), евреи, говорит, всегда составляли всю правящую верхушку и евреи же были ведущие вольнонаёмные (Шульман — начальник спецотдела, Гринберг — начальник лагпункта, Кегельс — главный механик завода), и, по его рассказам, в избранный себе штат подбирали из заключённых — тоже евреев.

Этот у евреев национальный контакт между вольными начальниками и зэками невозможно упустить из виду. Еврей-вольный не настолько был глуп, чтобы в еврее-заключённом действительно увидеть «врага народа» или злого хищника народного достояния (как это видел оболваненный русский в русском), он прежде всего видел в нём страдающего соплеменника, — и хвала евреям за эту трезвость! Кто знает великолепную еврейскую взаимовыручку (ещё так обострённую массовой гибелью евреев при Гитлере), тот поймёт, что не мог вольный начальник-еврей равнодушно смотреть, как у него в лагере барахтаются в голоде и умирают евреи-зэки, — и не помочь. Но невероятно представить такого вольного русского, который взялся бы спасать и выдвигать на льготные места русских зэков за одну лишь их нацию — хоть нас в одну коллективизацию 15 миллионов погибло: много нас, со всеми не оберёшься, да даже и в голову не придёт.

Иногда благополучно стягивается такая компания евреев-зэков и, уже не занятая свирепой борьбой за выживание, — чего только не придумает? Вот инженер Абрам Зисман рассказывает: в Ново-Архангельском лагере «занялись

---

[4] *Михаил Хейфец.* Место и время (еврейские заметки). Париж: Третья волна, 1978, с. 93.

[мы] в свободное время подсчётом: сколько еврейских погромов было за всё существование Российского Государства. Заинтересовали этим вопросом и начальство лагеря, миролюбиво к нам относящееся. “Начлаг” был капитан Гремин (Н. Гершель — еврей, сын портного из Жлобина), — начальство написало в Ленинград в архив быв. Мин. Внут. Дел, — оттуда месяцев через восемь пришла справка... от 1811 по 1917 г. на территории России было 76 еврейских погромов, число жертв исчисляется около трёх тысяч человек» (т.е. всех, так или иначе пострадавших). Автор напоминает, что в средневековой Испании за 6 месяцев было убито около 20 тысяч евреев[5].

Сюжетную ноту вносят и воспоминания коммуниста Иосифа Бергера о высоком стукаче Льве Ильиче Инжире: бывший меньшевик, арестованный в 1930, он сразу пошёл на сотрудничество с ГПУ в опасении репрессий против семьи и потери квартиры в центре Москвы; «помог в подготовке меньшевистского процесса» 1931 года, подписывал фальшивые обвинения на своих лучших друзей; тут же, в 1931, был освобождён и назначен главным бухгалтером Беломорстроя; при Ежове — и главным бухгалтером ГУЛага, при «полном к нему доверии и наличии связей на самых верхах НКВД» (Инжир вспоминал и одного «ветерана НКВД, еврея, пересыпавшего свою речь изречениями из Талмуда»), — и снова арестован в противоежовской волне. Однако бывшие коллеги по ГУЛагу устроили Инжира льготно и в лагере, но здесь он уже стал явным «доносчиком и провокатором», зэки подозревали, что и богатые посылки, получаемые им, — не от родственников, а от Третьего Отдела. Всё же в 1953 он, в тайшетском лагере, снова получил срок, на этот раз обвинён в троцкизме, а также что скрыл от Третьего Отдела «симпатии к государству Израиль» его подельников[6].

Всемирно известный БелБалтлаг вобрал в себя в 1931–1932 годах *сотни тысяч* русских, украинских и среднеазиатских мужиков. Раскрыв августовскую газету 1933 года, посвящённую окончанию канала, читаем список на-

---

[5] *А. Зисман.* «Книга о русском еврействе» // Новая Заря, Сан-Франциско, 1960, 7 мая, с. 3.

[6] *Иосиф Бергер.* Крушение поколения: Воспоминания / Пер. с англ. Firenze: Edizioni Aurora, 1973, с. 148–164.

граждённых. Ордена пониже получают там и бетонщики, арматурщики, но высший орден, орден Ленина, — только восемь человек, ещё с большими фотографиями каждого, и дан он лишь двум собственно инженерам, но зато — всему высшему руководству канала (по сталинскому пониманию роли личности). И кто же там во главе? Генрих Ягода, нарком НКВД. Матвей Берман, начальник ГУЛага. Семён Фирин, начальник БелБалтлага (к моменту награды — уже начальник Дмитлага, и там повторится вся картинка ещё раз). Лазарь Коган, начальник строительства (таковым поедет и на Волгоканал). Яков Рапопорт, заместитель начальника строительства. Нафталий Френкель, начальник работ Беломорстроя (и злой дух всего Архипелага) [7].

И все их портреты опять крупно повторены были в торжественно-позорной книге «Беломорканал» [8] — формата как церковное Евангелие, как на Тысячелетнее Царство впереди.

И вот 40 лет спустя я повторил эти шесть портретов негодяев в «Архипелаге», — с их же выставки и взял, и не выборочно, а всех управителей, кто был помещён. Боже — какой всемирный гнев поднялся: как я смел?! это — антисемитизм! я — клеймёный и пропащий антисемит. В лучшем случае: приводить эти портреты был «национальный эгоизм» — то есть русский эгоизм! И — поворачивается язык, когда на соседних страницах «Архипелага»: как покорно замерзали «кулацкие» пареньки под тачками...

А где ж были их глаза в 1933, когда это впервые печаталось? Почему ж тогда не вознегодовали?

Повторю, как лепил и большевикам: не тогда надо стыдиться мерзостей, когда о них пишут, а — когда их делают.

О Нафталии Френкеле, неутомимом демоне «Архипелага», особая загадка: чем объяснить его странное возвращение в СССР из Турции в 20-е годы? Уже благополучно удрал из России со всеми капиталами при первом дуновении революции; в Турции уже получил обеспеченное, богатое и свободное положение; никогда не имел и тени коммунистических взглядов. И — вернуться? Вернуться, чтобы

---

[7] Известия, 1933, 5 августа, с. 1–2.

[8] Беломорско-Балтийский Канал имени Сталина: История строительства / Под ред. М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. [М.]: История Фабрик и Заводов, 1934.

стать игрушкою ГПУ и Сталина, сколько-то лет отсидеть в заключении и самому, — зато вершить беспощадное подавление заключённых инженеров и уничтожение сотен тысяч «раскулаченных»? Что двигало его ненавистно злым сердцем? Кроме жажды мести к России не могу объяснить ничем. Пусть объяснит, кто может[9].

А понимая механизм лагерного устройства и спускаясь чуть пониже? Начальник 1-го отдела строительства Беломора — Вольф, начальник Дмитровского отдела Волгоканала — Бовшовер. Финотдел Беломорстроя: начальник Л. Берензон, его заместитель А. Дорфман, только что упомянутый Инжир, ещё Лоевецкий, Кагнер, Ангерт. А сколькие посты остаются скромно не названными? И можно ли предположить, что евреев допускали на канале копать лопатой, гнать тачку с грунтом и от истощения рухнуть над этой тачкой? — Судите, как хотите. А.П. Скрыпникова и Д.П. Витковский, побывавшие на Беломоре, рассказывали мне, что в рядах придурков Беломорканала преизбыточны были евреи, но не катали они тачек и не умирали под ними.

И не в одном БелБалтлаге можно было увидеть высоких лагерных начальников-евреев. Строительство железной дороги Котлас–Воркута — Мороз (его сын женился на Светлане Сталиной); особоуполномоченный ГУЛага по Дальнему Востоку — Грач. Это — немногие имена, какие случайно выплыли. Не написал бы мне зэк-американец Томас Сговио — я б и не знал о таком начальнике Чай-Урьинского Горного Управления на Колыме в 1943–44 (разгар Отечественной войны): «Подполковник Арм был высокий черноволосый еврей с ужасной репутацией... Его дневальный торговал спиртом кому угодно: 50 грамм — 50 рублей. Держал своего собственного преподавателя английского языка — молодого американца, арестованного в Карелии. Жена его получала зарплату бухгалтера, но не работала, а вместо неё в конторе сидел зэк» (очень частый способ, как семьи гулаговского начальства ещё подрабатывают).

А вот уже в «гласность» печатает советская газета о страшном гулаговском управлении, строившем туннель

[9] Подробнее о Френкеле — в «Архипелаге ГУЛаге».

материк–Сахалин, оно называлось «трест Арайса»[10]. Кто был этот товарищ Арайс? — не ведаю. Но и сколько погибло у него в шахтах и в недостроенном туннеле?

Да, конечно, я знал и таких евреев (с ними и дружил), кто нёс тяготы общих работ. В «Архипелаге» я описал молодого Борю Гаммерова, нашедшего быструю свою гибель в лагере. (А друг его, литератор Ингал, мало знавший арифметику, был с первого лагерного дня взят в бухгалтеры.) Непримиримого и неподкупного Володю Гершуни. Йога Масамеда, принципиально работавшего на *общих* в каторжном Экибастузе, хотя звали его в придурки. Кстати назову здесь и Татьяну Моисеевну Фалике, педагога, 10 лет проработавшую, «как лошадь», по её выражению. Ещё назову здесь генетика Владимира Эфроимсона, который из 36 месяцев своего заключения (одного из своих сроков, у него было два) провёл 13 на *общих*, и тоже из принципа (он имел возможность устроиться). Полагаясь на посылки из дому (но в этом нет укора), он взял тачку именно потому, что в Джезказгане было немало евреев-москвичей, и они хорошо устраивались, а Эфроимсон хотел развеять недоброжелательство к евреям, которое естественно возникало. И как же бригада оценила его поведение? — «Да он просто выродок еврейского народа; разве настоящий еврей будет тачку катать?» Смеялись над ним и евреи-придурки (да и досадовали, что «выставляется» в укор им). — Так же и в том же положении оценен был и Яков Давыдович Гродзенский, *вкалывавший на общих*: «Да разве он — еврей?»

Как это знаменательно! Эфроимсон и Гродзенский делали то верное и лучшее, к чему бы только высшие мотивы могли звать евреев, — честно делить общий жребий, — и не поняты с обеих сторон! Так и всегда трудны и смешны в истории те пути самоограничения и самоотвержения, которые одни только и могут спасти человечество.

Я — не упускаю из виду таких примеров, и вся моя надежда покоится именно на них.

Добавим и отважного Герша Келлера, одного из вождей кенгирского восстания 1954 (расстрелян в свои 30 лет). И вот, прочёл об Ицхаке Каганове: во время советско-германской войны командир артбатареи. В 1948 получил

---

[10] *Г. Миронова.* Туннель в прошлое // Комсомольская правда, 1989, 18 апреля, с. 1.

25 лет за сионизм; за 7 лет заключения написал 480 стихотворений на иврите и запомнил без записи[11].

На своём третьем суде (10 июля 1978), уже отсидев два срока, Александр Гинзбург на вопрос: «национальность?» — ответил: «зэк!». Вот это был достойный ответ, и совсем не шутка, разгневил суд. Но заслужил же и перед Россией: своей работой на Русский Общественный Фонд помощи семьям политзэков *всех наций* и своей мужественной отсидкой. Истинное племя зэков — это и есть *мы*, не различая национальностей.

Но не такими были наши лагеря, — спускаясь от «великого» Беломора до крохотного 121-го лагучастка 15-го ОЛПа Московского УИТЛК (оставившего по себе, впрочем, не такое уж незаметное полукруглое здание на Калужской заставе в Москве). Там — вся наша жизнь направлялась и топталась тремя ведущими придурками: Соломоном Соломоновым, главным бухгалтером; Давидом Бурштейном, «воспитателем», а потом нарядчиком; и Исааком Бершадером. (Соломонов и Бершадер перед тем так же точно вершили лагерем при Московском Автодорожном, МАДИ.) И это всё — при русском начальнике, младшем лейтенанте Миронове.

Все трое они появились уже при моих глазах, и для всех троих снимали с должностей тотчас их предшественников, русских. Сперва прислали Соломонова, он уверенно занял надлежащее место и расположил к себе младшего лейтенанта (думаю, что — через продукты и деньги с *воли*). Вскоре затем прислали и провинившегося в МАДИ Бершадера с сопроводиловкой: «использовать только на общих работах» (необычно для бытовика, уж значит, нашкодил изрядно). Лет пятидесяти, низенький, жирный, с хищным взглядом, он обошёл и осмотрел нашу жилую зону снисходительно, как генерал из Главного Управления. Старший надзиратель спросил его: — «По специальности — кто?» — «Кладовщик». — «Такой специальности не бывает». — «А я — кладовщик». — «Всё равно за зону пойдёшь, в разнорабочую бригаду». — Два дня его выводили. Пожимая плечами, он выходил, в рабочей зоне садился на большой камень и почтенно отдыхал. Бригадир наладил бы его по шее, но

[11] Российская Еврейская Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1, с. 526–527; 1995. Т. 2, с. 27.

робел бригадир: так уверенно держался новичок, что чувствовалось: за ним — сила. Угнетённый ходил и кладовщик зоны Севастьянов. Он два года заведовал тут слитым складом продовольствия и вещснабжения, прочно сидел, неплохо жил с начальством, но повеяло на него холодом: всё решено! Бершадер — «кладовщик по специальности»!

Потом санчасть освободила Бершадера «по болезни» от всяких работ, и он отдыхал уже в жилой зоне. За это время, видимо, поднесли ему кое-что с *воли*. Не прошло недели — Севастьянов был снят, а кладовщиком назначен (при содействии Соломонова) Бершадер. Тут выяснилось, однако, что физическая работа пересыпки крупы и перекладки ботинок, с которой Севастьянов справлялся в одиночку, Бершадеру тоже противопоказана. И ему добавили в помощь холуя, и бухгалтерия Соломонова провела того через штаты обслуги. — Но и это ещё не была полнота жизни. Самую красивую и гордую женщину лагеря, лебедя М-ву, лейтенанта-снайпера, — он согнул и поневолил ходить к нему в каптёрку вечерами. Появился в лагере Бурштейн — и другую красавицу, А.Ш., приспособил к своей кабинке.

Это тяжело читать? Но сами они нисколько не беспокоились, как это выглядит со стороны, они как будто нарочно сгущали впечатление. — А сколько ж таких лагерьков на Архипелаге, где подобный сложился расклад?

Но ведь и русские придурки поступали так же безудержно, безумно! — Да. Но *внутри* всякой нации это воспринималось *социально*, вечное напряжение: богатый — бедный, господин — слуга. Когда же «командиром над жизнью и смертью» выныривает ещё и *не свой*, — это ложится довеском тяжёлой обиды. Казалось бы: ничтожному, придавленному и обречённому лагернику на одной из ступеней его умирания — не всё ли равно, кто именно захватил внутри лагеря власть и справляет свои вороньи пикники над его траншеей-могилой? Оказывается — нет, это врезáлось неизгладимо.

Часть событий той лагерной зоны на Большой Калужской, 30 — я представил в пьесе «Республика труда». Понимая, что изобразить так, как оно всё было, невозможно, это сочтут разжиганием неприязни к евреям (как будто эта тройка не пуще разжигала её в жизни, мало заботясь о последствиях), — я утаил омерзительно жадного Бершадера, я скрыл Бурштейна, я переделал спекулянтку Розу Каликман в неопределённую восточную Бэллу, и только одного

оставил еврея — бухгалтера Соломонова, в точности, каким он был.

И что же, по прочтении, мои верные друзья-евреи? У В.Л. Теуша пьеса вызвала необычайно горячий протест. Он прочёл её не сразу, а уж когда «Современник» взялся ставить, в 1962, так что вопрос был не академический. Супруги Теуши были глубоко ранены фигурой Соломонова, они считали нечестным и несправедливым показывать такого еврея (хотя б он и был таким в жизни, в лагере!) — в эпоху притеснения евреев. (А такая эпоха — кажется, и *всегда*? когда же евреи у нас не притеснены?) Теуш был переполошен, возбуждён до крайности и поставил ультиматум, что если я не уберу или по крайней мере не смягчу Соломонова — разорена будет вся наша дружба, и стало быть они — не хранители далее моих рукописей. И, более того, предсказывали: что самое имя моё будет невозвратно утеряно и опозорено, если я оставлю в пьесе Соломонова. Почему не сделать его русским? — поражались они. Разве уж так важно, что он еврей? (Но если это так неважно — зачем Соломонов подбирал в придурки евреев же?)

Я охолонул: наступил внезапный цензурный запрет с неожиданной для меня стороны, и не менее грубый, чем советский официальный.

Однако решилось тем, что «Современнику» тут же запретили ставить эту пьесу.

И ещё отдельно возражал Теуш: у вашего Соломона — совсем и не еврейский характер: еврей всегда держится с оглядкой, осторожно, просительно, допустим хитро, — но откуда эта развязная наглость торжествующей силы? Это неправда, так не бывает!

Но я-то помнил не только этого Соломона, что было именно так! С 20-х на 30-е годы и в Ростове-на-Дону я такое видывал. Да и Френкель же так держался, по рассказам уцелевших инженеров. Этот срыв, при власти и торжестве, в наглость — как раз более всего и отталкивает окружающих. Конечно, это бывает у худших и грубых — но такое и отпечатывается. (Как на образе русском — пятна от непотребства своих негодяев.)

Все эти уговоры и призывы — не писать, как было, — капля в каплю походят на то, что мы слышали с высоких советских трибун: о неочернительстве, о социалистическом реализме, — писать, как *должно быть*, а не *как было*.

Как будто художник способен забыть или пересоздать бывшее!

Как будто полновесную правду можно писать местами — там, где это приятно, безопасно и популярно.

И уж как подробно разбирали все еврейские образы в моих книгах и взвешивали каждую чёрточку на аптекарских весах, — а потрясающую историю Григория М-за, из испуга не передавшего гибнущему полку приказа об отступлении («Архипелаг ГУЛаг», Ч.VI, гл. 6), — не заметили, обошли без единого слова!

Да и «Иван Денисович» немало евреев оскорбил: что ведь какие тонкие страдальцы были, а я вывел поперёд мужичка? Вот в горбачёвскую «гласность» осмелевший Асир Сандлер напечатал свои лагерные воспоминания. «"Один день Ивана Денисовича" я не принял после первого прочтения категорически... главной персоной оказался Иван Денисович, человек с минимальными духовными запросами, замкнутый на своих сиюминутных заботах», — а Солженицын поднял его как образ русского народа... (Ну точно, как и все благонамеренные коммунисты брюзжали тогда!) А «подлинную интеллигенцию, определявшую уровень отечественной культуры и науки, [Солженицын] соизволил не заметить». И беседовал Сандлер об этом с Мироном Марковичем Этлисом (оба — придурки в санчасти). И Этлис тоже сказал: «Рассказанное в повести во многом искажено, поставлено с ног на голову»; «не те акценты расставлены Солженицыным по отношению к... интеллигентной части нашего контингента», «центропупское отношение [Ивана Денисовича] к себе... это терпение... это псевдохристианское отношение к окружающим». — А в 1964 Сандлер имел счастье отвести душу и с самим Эренбургом. И тот утвердительно кивнул на «крайне негативное» отношение к повести[12].

А в одном-то оттеночке никогда меня ни один еврей не упрекнул: что Иван Денисович, по сути, обслуживает Цезаря Марковича как слуга, хотя и с добрым чувством.

---

12 *Асир Сандлер.* Узелки на память: Записки реабилитрованного. Магаданское книжн. изд-во, 1988, с. 22, 62–64.

Глава 21 — В ВОЙНУ С ГЕРМАНИЕЙ

После «Хрустальной ночи» (ноябрь 1938) у немецких евреев не оставалось сомнений в гибельной опасности, нависшей над ними. От гитлеровской кампании в Польше гибельное это облако двинулось и на восток. Никто, однако, не знал, что начало войны с СССР откроет новый этап нацистской политики: тотальное физическое уничтожение евреев.

Хотя и ожидая разных бед от немецкого нашествия, советские евреи всё же не могли предвидеть беспричинных массовых расстрелов обоих полов и всех возрастов, — такого нельзя было вообразить наперёд. И оставшихся на постоянных местах своего жительства — настигала мгновенная жуткая неотвратимость, не оставляя места и времени сопротивлению. Жизни кончались внезапным обрывом. И до того обрыва ещё нужно было пережить — где предварительный сгон в еврейское гетто, где лагеря с принудительным трудом, где газовые фургоны, где — копку своих же могильных ям и раздевание донага перед расстрелом.

Российская Еврейская энциклопедия приводит много имён русских евреев — жертв еврейской Катастрофы, называет погибших в Ростове, Симферополе, Одессе, Минске, Белостоке, Каунасе, Нарве. Среди погибших были и видные лица. — Известнейший историк С.М. Дубнов весь межвоенный период прожил в эмиграции, а после прихода к власти Гитлера уехал из Берлина — в Ригу. Арестован при оккупации города немцами, помещён в гетто и «в декабре 1941 включён в очередную колонну смертников». — Из Вильны попали в концлагеря историк Дина Иоффе и директор еврейской гимназии Иосиф Яшунский (оба убиты в Треблинке, 1943). — Раввин Шмуэль Беспалов, глава хасидов Бобруйска, расстрелян в 1941 при взятии города немцами. — В Варшаве в 1943 погиб Гершон Сирота, кантор, чьи выступления когда-то «обратили на себя внимание Николая II», и он ежегодно выступал в Москве и Петербурге. — А вот братья Паул и Владимир Минц. Старший Паул — видный латышский государственный деятель, «единственный

еврей в правительстве Латвии». Владимир — хирург, ему доверено было лечить Ленина в 1918 после покушения. С 1920 — он тоже в Латвии. При оккупации 1940 советские власти арестовали старшего Минца и посадили в лагерь в Красноярском крае, где он вскоре умер. А младшего не тронули, и он оставался в Риге. Умер в 1945 в Бухенвальде. — Сабина Шпильрейн, доктор медицины, психоаналитик, тесная сотрудница К. Юнга, — из клиник Цюриха, Мюнхена, Берлина, Женевы вернулась в Россию в 1923 — а в 1942 в своём родном Ростове-на-Дону расстреляна немцами с другими евреями города. (О гибели в сталинском терроре трёх её братьев-учёных мы писали в главе 19.)

Но многих и многих спасла от уничтожения эвакуация 1941 и 1942 годов. Ряд еврейских источников военного и послевоенного времени не выражает сомнений в энергичности мер по этой эвакуации. Например, в сборнике «Еврейский мир» 1944 года читаем: «Советские власти полностью давали себе отчёт в том, что евреи являются наиболее угрожаемой частью населения, и, несмотря на острую нужду армии в подвижном составе, тысячи поездов были предоставлены для их эвакуации... Во многих городах... евреев эвакуировали в первую очередь»; хотя автор считает преувеличением «утверждение еврейского писателя Давида Бергельсона, будто [в общем] 80% евреев были благополучно эвакуированы»[1]. — «В Чернигове до войны еврейское население исчислялось в 70 000 человек, из которых к приходу немцев осталось 10 000.... В Днепропетровске из 100 000 еврейского населения к приходу немцев осталось только 30 000». В Житомире из пятидесяти тысяч евреев уехали не менее сорока четырёх[2]. — В бюллетене «Хайаса» летом 1946 года Е.М. Кулишер писал: «Не вызывает сомнений, что советские власти принимали специальные меры для эвакуации еврейского населения или для облегчения его стихийного бегства. Наряду с государственным персоналом и промышленными рабочими и служащими всем евре-

[1] *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // Еврейский мир: Сб. 2 (далее — ЕМ-2). Нью-Йорк: Союз русских евреев в Нью-Йорке, 1944, с. 225-226.

[2] *А.А. Гольдштейн.* Судьба евреев в оккупированной немцами Советской России // Книга о русском еврействе, 1917-1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 89, 92.

ям отдавалось преимущество [при эвакуации]... Советские власти предоставили тысячи поездов специально для эвакуации евреев»[3]; безопаснее от бомбёжки эвакуировали евреев и на многих тысячах подвод, наряжаемых от колхозов и совхозов до железнодорожного узла поглубже. — Б.Ц. Гольдберг, зять Шолом-Алейхема, будучи корреспондентом нью-йоркской еврейской газеты «Дер Тог», «после очередной поездки в Советский Союз зимой 1946/47 года напечатал статью “Как во время войны эвакуировали евреев в Советской России”» («Дер Тог», 21 февраля 1947): кого он об этом расспрашивал на Украине, «евреев и христиан, военных и эвакуированных, все отвечали, что политика власти заключалась в том, чтобы предоставить преимущества при эвакуации евреям, стараться вырвать их чем больше, чтобы наци не могли их уничтожить»[4]. — И бывший советский партизан Моше Каганович в своих затем (1948) заграничных воспоминаниях подтверждает, что советские власти предоставляли для эвакуации евреев все имевшиеся транспортные средства, сверх поездов — и тележные обозы, и было приказано эвакуировать «из областей, угрожаемых врагом, в первую очередь граждан еврейской национальности». (Отметим, что С. Шварц и более поздние исследователи оспаривают и существование такого приказа, и вообще эвакуацию советскими властями евреев “как таковых”)[5].

Ранние и поздние источники дают, однако, довольно близкие оценки числа евреев, эвакуированных и бежавших с оккупированных немцами территорий. Официальные советские цифры на этот счёт отсутствуют; все исследователи сетуют, что исходные статистические данные весьма приблизительны. Но будем опираться на работы последнего десятилетия. — Так, демограф М. Куповецкий, используя ранее недоступные архивные материалы и нова-

---

[3] Rescue: Information Bulletin of the Hebrew Sheltering and Immigrant Aid Society (HIAS), July–August 1946 (Vol. III, № 7–8), p. 2. — Цит. по: *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 45.

[4] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 55.

[5] *Моше Каганович.* Дер идишер онтайл ин партизанербавегунг фун Совет-Руссланд. Рим, 1948, с. 188. — Цит. по: *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 45–46.

ции в методике анализа, предлагает такие оценки. Согласно окончательным итогам переписи 1939 года в СССР в его «старых» (то есть до присоединений 1939–40 гг.) границах насчитывалось 3028538 евреев. Приложив к этой цифре некоторые коррекции и учтя коэффициенты естественного прироста еврейского населения с сентября 1939 до июня 1941, отдельно по каждой области расселения, исследователь предлагает считать, что к началу войны в «старых» границах СССР было расселено около 3080000 евреев. Из них 900 тысяч проживало на территориях, которые во время советско-германской войны оставались вне оккупации, а на территориях, в дальнейшем оккупированных немцами, к началу войны проживало 2180000 евреев («восточники»)[6]. — «Нет точных данных о количестве евреев, спасшихся бегством или эвакуированных на восток до начала немецкой оккупации. Но на основании некоторых исследований известно, что из восточных областей... захваченных немцами, удалось уйти примерно 1000000–1100000 евреям»[7].

Другая картина была на территориях, недавно, в 1939–1940, присоединённых Советским Союзом и теперь стремительно захваченных немцами в начале своего «блица». Молниеносность немецкого удара почти не оставляла шансов спастись, а между тем еврейское население этих «буферных» областей насчитывало к июню 1941 года 1885000 человек («западники»)[8]. Из них «лишь небольшое число евреев сумело бежать, эвакуироваться. Считается, что... около 10–12 процентов»[9].

Таким образом, на территории СССР в «новых» границах, по самым оптимистическим из предлагаемых оценок, избегли оккупации во время войны примерно 2226000 евреев (2000000 «восточников» и 226000 «западников»); на

---

6 *М. Куповецкий.* Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского Университета в Москве. 1995, № 2 (9), с. 137, 145, 151.

7 *Ицхак Арад.* Холокауст: Катастрофа европейского еврейства (1933–1945): Сб. статей. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1990 (далее — *И. Арад.* Холокауст), с. 62.

8 *М. Куповецкий.* Людские потери еврейского населения... // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 145.

9 *И. Арад.* Холокауст, с. 61.

захваченных немцами территориях осталось 2 739 000 евреев (1 080 000 «восточников», 1 659 000 «западников»).

Эвакуированные и беженцы из занятых немцами и угрожаемых областей направлялись глубоко в тыл, «в частности, евреи в большинстве — за Урал, особенно в Западную Сибирь, Казахстан, Узбекистан и Туркменистан»[10]. — В материалах Еврейского Антифашистского Комитета содержится утверждение: «В Узбекистан, Казахстан и другие среднеазиатские республики эвакуировались в начале Отечественной войны около полутора миллионов евреев»[11]. Эта цифра — без Волги, Урала, Сибири. (Краткая Еврейская Энциклопедия считает: «цифра 1,5 млн... сильно преувеличена»[12].) — А в Биробиджан не было ни организованной эвакуации, ни отдельных беженцев — хотя там, из-за разбега еврейских колхозов, образовался свободный жилой фонд на 11 тыс. семей[13]. — В то же время «еврейских колонистов в Крыму эвакуировали столь заблаговременно, что они были в состоянии вывести весь скот и все земледельческие орудия»; «известно, что весной 1942 года еврейские колонисты с Украины создали колхозы на Волге» — каким образом? А, как пишет автор, «по иронии судьбы»: на местах немецких колонистов, высланных из республики Немцев Поволжья декретом советского правительства от 28 августа 1941[14].

Как мы уже отмечали, в приводимых источниках военного времени и сразу после войны энергичность и объёмность советской эвакуации евреев от наступающих немцев дружно признавались. Но в более поздних — с конца 40-х годов — стали оспариваться. — Например, из 60-х годов читаем (курсив в источнике): «*планомерной эвакуации евреев, как наиболее угрожаемой части населения, нигде в России не было*»[15]. А ещё 20 лет спустя и такое читаем: после нападения Германии на Советский Союз, «вопреки слухам

---

[10] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 181.

[11] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм*. М.: Международные отношения, 2001, с. 431.

[12] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988. Т. 4, с. 167.

[13] *С.М. Шварц.* Биробиджан // КРЕ-2, с. 187.

[14] *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ-2, с. 226, 227.

[15] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 144.

о том, что правительство якобы эвакуирует евреев из районов, над которыми нависла немецкая угроза, ничего подобного не происходило... оставляли евреев на произвол судьбы. В отношении граждан еврейской национальности хвалёный "пролетарский интернационализм" дал осечку»[16]. Это суждение вовсе несправедливо.

Всё же и те еврейские авторы, кто отрицают «добрую волю» относительно евреев при эвакуации, признают масштабность её. «Благодаря специфической социальной структуре еврейского населения, число эвакуированных евреев должно было значительно превышать их процентное отношение к общему населению городов»[17]. Так и было. Через 2 дня после немецкого вторжения, 24 июня 1941, был учреждён Совет по эвакуации (председатель — Шверник, заместители — Косыгин и Первухин) и объявлены её приоритеты: в первую очередь вывозить государственные и партийные учреждения с их служащими, промышленные предприятия, сырьё, рабочих эвакуируемых заводов и их семьи, молодёжь призывного возраста. — Всего от начала войны до ноября 1941 из угрожаемых областей было эвакуировано в тыл около 12 миллионов человек[18]. Из них, как мы видели, 1,0 — 1,1 миллиона евреев-«восточников» и свыше 200 тысяч «западников» из тех областей, что вскоре были заняты немцами; к ним следует добавить существенное число евреев в составе населения, эвакуированного из городов и районов РСФСР, куда немцы не дошли (в частности, из Москвы и Ленинграда). — Соломон Шварц: «Общая эвакуация государственных учреждений и промышленных предприятий со значительной частью их персонала (часто с семьями) приняла во многих местах широкий характер. Социальная структура украинского еврейства — значительный процент евреев среди средних и высших государственных служащих, среди академической и технической интеллигенции и заметное участие евреев-рабочих в укра-

---

16 *С. Цирюльников.* СССР, евреи и Израиль // Время и мы: Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1987, № 96, с. 151–152.

17 *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ-2, с. 224.

18 Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны: [Сб.]. М., 1988, с. 139.

инской тяжёлой промышленности — благоприятствовали тому, что среди эвакуированной части населения евреи составляли более высокий процент, чем это соответствовало их доле в составе городского (и тем более в составе всего) населения»[19]. — (Это относится и к Белоруссии. Там в 20-х — начале 30-х годов почти повально «на различных курсах, ликбезах, в дневных, вечерних, сменных школах... училась еврейская молодёжь, а также люди старшего возраста... Это позволило бедноте еврейских местечек влиться в ряды индустриальных рабочих. При 8,9% численности населения Белоруссии евреи в 1930 г. составляли 36% рабочих республики»[20].) — «Усилению процента евреев среди эвакуированных», продолжает С. Шварц, «благоприятствовало и то обстоятельство, что для многих служащих и рабочих эвакуация не носила обязательного характера... И многие — главным образом не-евреи — оставались»; таким образом и для евреев, «которые не подходили под условия обязательной эвакуации... открывалась сравнительно широкая возможность эвакуироваться»[21]. — Однако, пишет тот же автор, «в советской печати никаких правительственных декретов или инструкций об эвакуации евреев или сообщений о такого рода мероприятиях не появлялось»; и ещё: «на эвакуацию евреев, как таковых, нигде просто нет никаких указаний. Это значит, что такой специальной эвакуации евреев и не было»[22].

Если учитывать советскую реальность, вывод этот представляется малоосновательным и, во всяком случае, формальным. Действительно, *сообщений* о массовой эвакуации евреев не было в советской печати. И понятно — почему. Во-первых, после заключения пакта с Германией в СССР замалчивалась гитлеровская политика по отношению к евреям, и, когда разразилась война, подавляющая часть советского населения не знала о той смертельной опасности, какую несёт евреям немецкое вторжение. Во-вторых, и это было, вероятно, главное, — с немецкой стороны лихо свистела пропаганда против «иудео-большевиз-

---

[19] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 53.

[20] *Л.Л. Мининберг.* Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941-1945). М., 1995, с. 13.

[21] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 53.

[22] Там же, с. 46, 53.

ма», и советское руководство, разумеется, понимало, что всеми двадцатыми-тридцатыми годами эту пропаганду изрядно подкрепило, — и как им было теперь провозгласить открыто и громко, что спасать надо *в первую очередь* евреев? Это только и было бы — поддать Гитлеру опрокидывающей силы.

Поэтому и не сообщалось публично, что среди эвакуированных «евреи составляли более высокий процент». «В эвакуационных приказах евреи не упоминались», однако «во время эвакуации в отношении евреев не существовало дискриминации»[23]; вывозили сколько могли, реально, но — молча, без внутреннего, в СССР, шума. Другое дело — вовне. Вот в декабре 1941, после отбития немцев от Москвы, московское радио — не по-русски, конечно, но «на польском языке», а «на следующий день пять раз по-немецки — сравнивало удачное русское зимнее наступление с чудом Маккавеев» и твердило немцам, что «как раз в ханукальную неделю» истреблена 134-я *нюрнбергская* дивизия немцев, названная по городу, «в котором возникло расовое законодательство»[24]. — В 1941–42 советские власти охотно допускали, чтобы синагоги Москвы, Ленинграда и Харькова были переполнены молящимися и чтобы широко праздновалась еврейская Пасха 1942[25].

Нельзя сказать, что внутренняя советская пресса молчала о немецких изуверствах. Илье Эренбургу, ещё и другим, например журналисту Кригеру, дано было «добро» сквозь всю войну поддерживать и распалять ненависть к немцам — не без упоминания жгущей и выстраданной ими еврейской темы, но и без специальной акцентировки её. Эренбург отгремел главным трубадуром всей той войны, утверждая, что «немец по природе своей зверь», призывая «не щадить даже неродившихся фашистов» (то есть так понять: убивать беременных немок), и лишь в самом конце был осажен, когда война уже покатилась по территории Германии и стало ясно, что армия слишком хорошо усвоила пропаганду безудержной мести всем немцам подряд.

---

23 *И. Арад.* Отношение советского руководства к Холокосту // Вестник Еврейского Ун-та..., 1995, № 2 (9), с. 23.

24 *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ-2, с. 238.

25 Там же, с. 237.

Несомненно, однако, что гитлеровская политика истребления евреев, в её планомерности и охвате, не была достаточно освещена советской прессой, — так что даже еврейская масса в СССР плохо могла понять размеры опасности и гибели. И всю войну публичных высказываний о судьбе евреев на оккупированных немцами территориях было действительно мало. — Сталин в речи 6 ноября 1941 (24-я годовщина Октября) сказал: «Гитлеровцы... так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим. Гитлеровская партия есть партия... средневековой реакции и черносотенных погромов»[26]. («Насколько мы знаем», пишет израильский историк, «это был единственный во время всей войны случай, когда Сталин публично упомянул евреев»[27].) — 6 января 1942 в ноте наркоминдела Молотова всем государствам, с которыми Советский Союз поддерживал дипломатические отношения, — евреи упомянуты в перечислении страдающих советских народов, а затем выделены, с указанием цифр, расстрелы евреев в Киеве, Львове, Одессе, Каменец-Подольске, Днепропетровске, Мариуполе, Керчи. «Страшная резня и погромы были учинены немецкими захватчиками в украинской столице — Киеве... было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избивали... расстреливали из автоматов. Много массовых убийств... и в других украинских городах, причём эти кровавые казни особенно направлялись против безоружных и беззащитных евреев из трудящихся»[28]. — Затем была декларация советского правительства от 19 декабря 1942, где упоминалось наличие у Гитлера «особого плана поголовного истребления еврейского населения на оккупированной территории Европы» и в самой Германии; «относительно к своей небольшой численности, еврейское меньшинство советского населения... особенно тяжело пострадало от звериной крово-

---

[26] Доклад Председателя Государственного Комитета Обороны тов. И.В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 года // Правда, 1941, 7 ноября, с. 1–2.

[27] *И. Арад.* Отношение советского руководства к Холокосту // Вестник Еврейского Ун-та..., 1995, № 2 (9), с. 17.

[28] Известия, 1942, 7 января, с. 1–2.

жадности гитлеровских выродков». Но указывают, что эта декларация была как бы вынужденной: через два дня после сходной декларации союзников, и без серии публикаций в советской печати, как всегда делалось, когда нужна была газетная кампания. — В 1943 из семи сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию гитлеровских злодеяний (по отдельным местам, а также — об истреблении советских военнопленных, о разрушениях культурных ценностей нашей страны) только в одном говорилось об истреблении евреев — в Ставропольском крае, близ Минеральных Вод[29]. — А в марте 1944 Хрущёв, выступая в Киеве с речью о страданиях, перенесенных Украиной под оккупацией, вообще «*ни одним словом не упомянул о евреях*»[30].

Очевидно, так. И обширные советские массы — не понимали тогда размеров еврейской Катастрофы, да. Это была и общая наша судьба: под твёрдой скорлупой СССР никогда не знать по-настоящему ничего, что происходит в мире. Всё же советские евреи — не могли уж вовсе не знать, что делается на германской стороне. «В середине 30-х гг. советская пресса много писала об антисемитизме в Германии... Роман Лиона Фейхтвангера “Семья Оппенгейм”, а также экранизация этого романа и другой фильм — “Профессор Мамлок” — показали опасность, грозившую евреям»[31]. — Вслед за погромами «Хрустальной ночи» «Правда» напечатала передовую под названием «Фашистские погромщики и каннибалы», резко осуждавшую нацистов: «С омерзением и негодованием смотрит весь цивилизованный мир на зверскую расправу германских фашистов с беззащитным еврейским населением... [С теми же чувствами] следит за грязными и кровавыми событиями в Германии советский народ... Вместе с капиталистами и помещиками уничтожены в советской стране все источники антисемитизма»[32]. И затем весь ноябрь «Правда» печатала ежедневно, на первых страницах, сообщения: «Еврейские погромы в Германии», «Зверские расправы с еврейским

---

[29] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 138–145.

[30] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 146.

[31] *С. Швейбиш.* Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 47.

[32] Правда, 1938, 18 ноября, с. 1.

населением», «Волна протестов во всём мире против зверств фашистских погромщиков». Митинги протеста против антисемитской политики Гитлера состоялись в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси, Минске, Свердловске, Сталино. «Правда» опубликовала подробный отчёт об общегородском митинге московской интеллигенции в Большом зале Консерватории, в том числе речи писателей А.Н. Толстого, А. Корнейчука, Л. Соболева, народных артистов А.Б. Гольденвейзера, С.М. Михоэлса, — и резолюцию московского митинга: «Мы, представители интеллигенции гор. Москвы... подымаем наш голос гнева и возмущения против фашистских бесчеловечных зверств и насилий над беззащитным еврейским населением Германии. Фашисты избивают, калечат, насилуют, убивают и сжигают живьём среди бела дня людей, которые повинны лишь в принадлежности к еврейскому народу»[33]. На следующий день, 29 ноября, «Правда» дала на полную страницу информацию о митингах в других советских городах, под шапкой «Советская интеллигенция возмущена еврейскими погромами в Германии».

Однако с осени 1939, с момента заключения пакта Риббентроп–Молотов, не только критика нацистской политики, но и какая бы то ни было информация о преследовании евреев в захваченных немцами странах Европы полностью исчезла из советской печати. «Множество сообщений... достигали Советского Союза по различным каналам: разведка, посольства, советские журналисты... Важным источником информации... были еврейские беженцы, которым удалось пересечь советскую границу. Советские средства информации, включая еврейскую печать, хранили об этом молчание»[34].

«Когда же началась советско-германская война и об антисемитизме нацистов заговорили вновь, многие евреи восприняли это как пропагандистскую акцию», пишет современный исследователь, опираясь уже и на собранные за полвека свидетельские показания переживших Катастрофу. «Многие евреи верили своему жизненному опыту, а не радио, книгам и газетам. В представлении многих немцы

---

33 Правда, 1938, 28 ноября, с. 2–3.

34 *И. Арад.* Отношение советского руководства к Холокосту // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 15–16.

были такими, какими они их знали по первой мировой войне. Из всех режимов времён гражданской войны, в оценке евреев, немецкий был одним из наиболее толерантных в отношении евреев»[35]. «Многие евреи помнили, что во время немецкой оккупации 1918 немцы относились к евреям лучше, чем к местным жителям, и это их успокаивало»[36]. И потому «в 1941 число добровольно оставшихся евреев было значительно»; но даже и в 1942, «по рассказам очевидцев... в Воронеже, Ростове, Краснодаре и в других городах евреи, ожидая, пока фронт прокатится через их город, надеялись продолжать свою работу в качестве врачей и учителей, портных и сапожников, которые, по их убеждению, нужны при любом режиме... Евреи не могли или не хотели эвакуироваться и по чисто материальным соображениям»[37].

В то время как советская пресса и радио затушёвывали информацию о зверствах оккупантов по отношению к евреям, — с лета 1942 о том разрешено было писать полным голосом газете на идише «Эйнигкайт» («Единство») — органу Еврейского Антифашистского Комитета. — Первым шагом к созданию этого Комитета можно считать устроенный в августе 1941 радиомитинг «представителей еврейского народа»; для пропагандистской обработки союзников его транслировали на США и другие союзные страны (участвовали С. Михоэлс, П. Маркиш, И. Эренбург, С. Маршак, С. Эйзенштейн и другие). «Произведенный на Западе эффект превзошёл самые оптимистические ожидания Москвы... в странах-союзницах стали создаваться еврейские организации по сбору средств для нужд Красной армии». Отсюда и возникла в Кремле мысль о пользе создания в СССР постоянного Еврейского комитета. «Так с 1941 года началось продолжавшееся потом в течение семи лет сотрудничество советских властей с мировым сионизмом»[38].

Само создание Комитета — шло через пень-колоду, в больших колебаниях власти. Для возглавления его в сентябре 1941 освободили из тюрьмы авторитетного Генриха Эрлиха, старого бундовца, ещё в 1917 члена пресловутого Ис-

---

35 *С. Швейбиш.* Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 47–48.

36 КЕЭ, т. 8, с. 223.

37 Там же, с. 49.

38 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 231.

12—4917

полкома Петросовета, тогда всевластного (затем Эрлих эмигрировал в Польшу, где и был схвачен советскими в 1939). Он со своим товарищем бундовцем Альтером, также из Польши, стал готовить проект — весь ориентированный на мобилизацию мирового еврейского мнения, на участие более заграничных евреев, чем советских. «Опьянённые свободой польские бундовцы... всё более активно действовали на свой страх и риск. Эвакуировавшись вместе со столичным чиновничеством в Куйбышев [Самару], они вошли в контакт с переместившимися туда же западными дипломатическими представителями... предложив, в частности, сформировать в США Еврейский легион с последующей отправкой его на советско-германский фронт»; «дело зашло так далеко, что польские бундовцы... стали самостоятельно готовиться к выезду на Запад». К тому же оба деятеля Бунда «самонадеянно полагали (и не скрывали этого от окружающих), что им удастся реформировать советскую систему в сторону политической либерализации». В декабре 1941 перебравшие воли вожди Комитета были арестованы (Эрлих повесился в тюрьме, Альтер расстрелян)[39].

Однако с весны 1942 опять схватились сколачивать Еврейский Антифашистский комитет, и для того опять собрали митинг «представителей еврейского народа», и избрали Комитет, но уже из одних советских евреев — председателем стал Соломон Михоэлс, ответственным секретарём — бывший фанатичный бундист, а затем фанатичный чекист Шахно Эпштейн — «в еврейских делах “око Сталина”»; членами стали писатели Давид Бергельсон, Перец Маркиш, Лейб Квитко, Дер Нистор, учёные Лина Штерн, акад. Фрумкин и другие[40]; заместителем Михоэлса — поэт Ицик Фефер (бывший троцкист, но отмоливший одами Сталину пощаду себе, «крупный агент НКВД», поездку на Запад ему поручили как «проверенному агенту»[41]). А задача этого Комитета опять-таки была: влияние на мировое общественное мнение, «апелляция к “евреям всего мира”, практически главным образом к американским евреям»[42],

[39] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 233–235.

[40] *Г.Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 148.

[41] *Павел Судоплатов.* Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-Пресс, 1997, с. 465, 470.

[42] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 239.

сбор симпатий и денежной помощи Советскому Союзу (для чего и посылали в Штаты Михоэлса и Фефера — их поездка летом 1943, совпавшая с роспуском Коминтерна, имела триумфальный успех, митинги в 14 крупных городах США, в Нью-Йорке — 50-тысячный. Их принимали и тогдашний лидер сионизма Хаим Вейцман, и Альберт Эйнштейн[43]). А негласно — подчинялся Комитет всё тому же Лозовскому-Дридзо, заместителю начальника Совинформбюро, в СССР же нигде не имел отделений и возможности действовать и фактически был «не столько органом по собиранию средств в пользу Красной армии, сколько орудием... просоветской пропаганды за границей»[44].

Иные еврейские авторы утверждают, что с конца 30-х годов происходило скрытное, но настойчивое потеснение евреев из советских командных верхов всех видов. Д.Шуб пишет, что, по состоянию на 1943 год, в высшей коллегии НКВД не осталось ни одного еврея, «лишь в комиссариатах торговли, промышленности и продовольствия они до сих пор значительно представлены. Немало евреев есть также в комиссариате народного просвещения и в Наркоминделе»[45]. — Иной вывод, основанный на архивных материалах, ставших доступными в 90-х годах, делает современный исследователь: «На протяжении 1940-х роль евреев в карательных органах оставалась весьма заметной и сошла на нет лишь в послевоенные годы, в ходе кампании по борьбе с космополитизмом»[46].

Однако не встречается разногласий относительно большого числа евреев на высоких командных постах в армии. «Еврейский мир» сообщает, что «в Красной армии сейчас [во время войны] насчитывается более ста генералов-евреев» и приводит «небольшой перечень таких генераль-

---

[43] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 237–239.

[44] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 166-170.

[45] *Д.Шуб.* Евреи в русской революции // ЕМ–2, с. 145.

[46] *Л.Ю.Кричевский.* Евреи в аппарате ВЧК–ОГПУ в 20-е годы // Евреи и русская революция: Материалы и исследования / Ред.-сост. О.В.Будницкий. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1999, с. 344.

ских имён, взятый наугад», причём «пехотные генералы в него не вошли», — 17 фамилий (правда, туда анекдотично включён и гулаговский «генерал-майор инженерно-технической службы Френкель Нафталий Аронович»)[47]. — Что евреев-генералов в разгар войны было не меньше ста — через четверть века подтверждает и другой сборник, и приводит ещё добавочные фамилии[48]. (Однако и большое упущение, что в этих сборниках среди генералов не называется сверх-генерал Л.З. Мехлис, с 1937 по 1940 ближайший и доверенный сталинский подручный, с 1941 вновь — начальник ПУРККА, через 10 дней после начала войны переарестовавший дюжину генералов из высшего командного состава Западного фронта[49]. Уж не говоря о его карательных мерах в финскую войну, а позже под Керчью.)

В Краткой Еврейской энциклопедии список евреев-генералов пополняется ещё имён на пятнадцать. — Ныне же израильский исследователь опубликовал поимённый список евреев-генералов и адмиралов (включая и получивших это звание в течение войны), — и таковых мы видим в списке 270 человек. Генералов и адмиралов! Это не только «не мало», это — колоссально. Отмечает он и четырёх наркомов военного времени: кроме Кагановича — Бориса Ванникова (боеприпасы), Семёна Гинзбурга (строительство), Исаака Зальцмана (танковая промышленность) и нескольких начальников Главных военных управлений Красной армии; в этом списке и евреи — командующие четырёх армий, командиры двадцати трёх корпусов, семидесяти двух дивизий, ста трёх бригад[50].

«Ни в одной союзной армии, даже американской, евреи не занимали столь высоких постов, как в советской», — пишет д-р И. Арад[51]. Нет, о «потеснении евреев с высших постов» уже в период войны говорить неверно. И в советской массовой жизни такое потеснение тогда ещё не проявлялось. Известный социалист Марк Вишняк высказал в

---

47 *Е. Сталинский.* Евреи в Красной армии // ЕМ-2, с. 243-245.

48 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 143.

49 *В. Анфилов.* Как «оправдался» Сталин // Родина, 1991, № 6-7, с. 31; Российская Еврейская Энциклопедия (далее — РЕЭ). 2-е изд., испр. и доп. М., 1995. Т. 2, с. 276-277.

50 *Арон Абрамович.* В решающей войне: Участие и роль евреев СССР в войне против нацизма. Тель-Авив, 1992. Т. 2, с. 536-578.

51 *И. Арад.* Холокауст, с. 93.

1944 (в США): «О СССР и убеждённейшие его противники не скажут, что там культивируется антисемитизм правительством»[52]. И *тогда* — это было несомненно так.

По данным газеты «Эйнигкайт» (24 февраля 1945, почти конец войны): «за "отвагу и героизм в боях"... награждены орденами и медалями... 63374 еврея», а 59 евреев стали Героями Советского Союза. — По данным же варшавской газеты на идише «Фольксштимме», но уже в 1963: евреев, награждённых орденами и медалями в ту войну было 160772, а Героев Советского Союза — 108[53]. — В начале 90-х израильский автор даёт список, поимённый и с датами Указов о награждении, где 135 евреев — Героев Советского Союза и 12 евреев — полных кавалеров ордена Славы[54]. (Такие же данные — в трёхтомных «Очерках еврейского героизма»[55].) — И наконец, в позднейшем архивном исследовании (2001) приводится такая цифра: «всего за годы войны боевые ордена и медали получили 123822 еврея»[56], — тем самым среди всех национальностей Советского Союза евреи занимают пятое место по числу награждённых после русских, украинцев, белорусов и татар.

«Антисемитизм как препятствие для евреев в их продвижении по службе, при получении воинских званий и знаков отличия вообще не существовал в Советской армии в период войны»[57], констатирует И. Арад. Высоко награждалась и работа для нужд фронта. Обильный приток советских евреев в науку и технику в 30-е годы дал свои плоды в годы войны. Многие евреи вложились в конструирование новых видов вооружения и боевой техники, в приборостроение, в авиа-, танко- и судостроение, в научные исследования, в строительство и развитие промышленных предприятий, в энергетику, металлургию, транспорт. За работу для фронта в 1941–1945 были награждены орденами и ме-

---

[52] *М. Вишняк.* Международная конвенция против антисемитизма // ЕМ-2, с. 98.

[53] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 143.

[54] *А. Абрамович.* В решающей войне. Т. 2, с. 548–555.

[55] Очерки еврейского героизма: В 3 т. / Сост. Г.С. Шапиро, С.Л. Авербух. Киев; Тель-Авив, 1994–1997.

[56] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 245 (со ссылкой на бывш. Центральный партийный архив при ЦК КПСС, ныне РГАСПИ. Ф. 17, оп. 125, ед. хр. 127, л. 220).

[57] *И. Арад.* Холокауст, с. 128.

далями 180 тысяч евреев — учёных, инженеров, руководителей разных уровней управления и рабочих; в том числе более двухсот — орденом Ленина; почти трёмстам евреям присуждена Сталинская премия в области науки и техники. За годы войны звание Героя Социалистического Труда получили 12 евреев; в Академии Наук по отделениям физико-математическому, химическому и техническим состояло 8 евреев — действительных членов и 13 членов-корреспондентов[58].

Многие авторы, в том числе С. Шварц, отмечают: «роль евреев в войне систематически скрывалась», нарочно велась «политика замалчивания роли евреев в войне». Он приводит в качестве примера тот факт, что у видных советских писателей, например у К. Симонова («Дни и ночи»), у В. Гроссмана («Народ бессмертен»), — «среди огромного количества фамилий солдат, офицеров, политработников и проч. опять нет ни одной еврейской фамилии»[59]. Конечно, тут сказалось и цензурное ограничение, особенно у Гроссмана. (Позже в очерках Гроссмана еврейские имена военных появились.) — Другой автор отмечает, что широко во всём СССР продавались открытки с изображением отличившегося командира подводной лодки Израиля Фисановича[60]. Затем публикации подобного рода были расширены, израильский исследователь перечислит нам ещё 12 евреев — Героев Советского Союза, чьи портреты массово размножались на конвертах[61].

Хотя я участник той войны, мне меньше всего в жизни пришлось заниматься ею по книгам, собирать о ней материалы или писать о ней что-либо. Но я — видел евреев на фронте. Знал среди них смельчаков. Не могу не выделить двух бесстрашных противотанкистов: моего университетского друга лейтенанта Эммануила Мазина и взятого из

---

58 *Л.Л. Мининберг.* Советские евреи в науке и промышленности…, с. 18, 444–445, 452, 474–475.

59 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе…, с. 154–156.

60 *Е. Сталинский.* Евреи в Красной армии // ЕМ-2, с. 250.

61 *А. Абрамович.* В решающей войне. Т. 2, с. 562.

студентов молодого солдатика Борю Гаммерова (оба ранены). В моей батарее (60 человек) было двое евреев: сержант Илья Соломин, воевал отлично всю войну насквозь, и рядовой Пугач (вскорости утёк в Политотдел). Среди офицеров нашего дивизиона (20 человек) тоже был еврей — майор Арзон, начальник снабжения. — Более чем реально воевал поэт Борис Слуцкий, передают его выражение: «Я весь прошит пулями». — Майор Лев Копелев хотя служил в Политотделе армии (по разложению войск противника) — но бесстрашно лез во всякую заваруху. — Вот читаем воспоминания бывшего мифлийца Семёна Фрейлиха, отважного офицера: «Началась война... сразу в военкомат, записываться в армию», не окончив институт, — «нам стыдно было не разделять тяготы миллионов и миллионов»[62]. — Или Лазарь Лазарев, потом известный литературовед, юношей пошёл на войну, воевал на передовой два года подряд, пока не искалечило обе руки: «Это был наш долг, от которого стыдно было увиливать... наша жизнь, в тех обстоятельствах единственно возможная, единственно достойная для людей моего возраста и воспитания»[63]. — А вот в 1989, откликаясь в «Книжное обозрение», написал Борис Израилевич Файнерман: в 17 лет, в июле 1941, он пошёл добровольцем в стрелковый полк, в октябре ранен в обе ноги, попал в плен, бежал, на костылях вышел из окружения; у нас, конечно, посажен за «измену родине», но в 1943 добился из лагеря замены на штрафную роту, и отвоевал там, потом стал автоматчик танкового десанта, и ещё дважды ранен.

Если прибегнуть к помощи биографических томов новейшей Российской Еврейской энциклопедии, то и там найдём немало примеров боевой жертвенности. Шик Кордонский — командир звена минно-торпедного полка: «направил горящий самолёт в транспорт противника», посмертно Герой Советского Союза. Вольф Корсунский: «штурман авиационного полка», стал Героем Советского Союза. Виктор Хасин — «Герой Советского Союза... командир эскадрильи... провёл 257 воздушных боёв, сбил лично 10 самолётов» и ещё 10 уничтожил на аэродромах; сбит над

---

62 *С. Фрейлих.* История одного боя // Киносценарии, М., 1990, № 3, с. 132.

63 *Л. Лазарев.* Записки пожилого человека // Знамя, 2001, № 6, с. 167.

«территорией, занятой противником, и несколько дней добирался до линии фронта. Умер в госпитале от ран», — выпуклее не скажешь! — Погибших в бою евреев найдётся в этой Энциклопедии несколько десятков.

И всё же, несмотря на эти примеры бесспорной храбрости, с горечью констатирует еврейский исследователь: «широко распространённое и в армии, и в тылу представление об уклонении евреев от участия в боевых частях»[64]. Это — точка болевая, больная. Но если обходить больные точки — нечего и браться за книгу о совместно пройденных испытаниях.

В истории важно и что́ народы друг о друге думали. — «Во время последней войны антисемитизм в России значительно усилился. Евреев несправедливо упрекали в уклонении от военной службы, и особенно от службы на фронте»[65]. — «О евреях говорили, что, вместо того чтобы воевать, они "штурмом овладели городами Алма-Ата и Ташкент"»[66]. — Свидетельство воевавшего в Красной армии польского еврея: «В армии стар и млад старались убедить меня, что... на фронте нет ни одного еврея. "Мы должны воевать за них". В "дружеской" форме мне говорили: "Вы сумасшедший. Все ваши сидят дома, в безопасности, как же это вы оказались на фронте?"»[67]. — И.Арад: «Выражения типа "мы на фронте, а евреи в Ташкенте", "на фронте не видно евреев" — можно было услышать как среди солдат, так и среди гражданских лиц»[68]. — Свидетельствую: да, среди солдат на фронте можно было такое услышать. И после войны — кто с этим не сталкивался? — осталось в массе славян тягостное ощущение, что *наши* евреи могли провести ту войну самоотверженней: что на передовой, в нижних чинах, евреи могли бы состоять гуще.

---

64 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 154.

65 *Dr. Jerzy Gliksman.* Jewish Exiles in Soviet Russia (1939–1943). Part 2, July 1947, p. 17 // Архив Американского Еврейского Комитета в Нью-Йорке. — Цит по: *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 157.

66 КЕЭ, т. 8, с. 223.

67 *Rachel Erlich.* Summary Report on Eighteen Intensive Interviews with Jewish DP's from Poland and the Soviet Union. October 1948, p. 27 // Архив Американского Еврейского Комитета в Нью-Йорке. — Цит по: *С.М.Шварц.* Антисемитизм... , с. 192.

68 *И.Арад.* Холокауст, с. 128.

Проще всего сказать (так и говорится), что это — русский антисемитизм и нет для того ощущения никаких оснований. (Кроме, как настаивают многие источники, «германской пропаганды», воспринятой населением; хорош, выходит, народ: только и способен, что впитывать пропаганду, хоть от Сталина, хоть от Гитлера.) А попытаться бы разобраться; ведь полвека прошло.

Официальные данные о национальном составе Советской армии в годы Второй мировой войны в печати отсутствуют. Поэтому в большинстве исследований для численности евреев-воинов даются лишь оценочные цифры, без указания источников или методики расчёта. Можно сказать, однако, что утвердилась, вплоть до новейших публикаций 90-х годов, цифра 500 000: «Еврейское население дало Красной армии около 500 000 бойцов»[69]. — «Во время мировой войны в Советской армии служило 550 тысяч евреев»[70]. — Краткая Еврейская энциклопедия: «только в действующих частях советской армии насчитывалось свыше 500 тыс. евреев», причём «эти цифры не включают партизан-евреев, сражавшихся против нацистской Германии»[71]. — Ту же цифру дают «Очерки еврейского героизма», «В решающей войне» А. Абрамовича и другие источники.

Нам встретился лишь один автор, постаравшийся обосновать свою оценку, представив читателям детальный ход своих рассуждений, — это израильский исследователь И. Арад в его уже цитированной нами книге о Катастрофе.

Арад приходит к выводу, что «общее количество евреев, воевавших в рядах советской армии против германских нацистов, было не менее 420 000–430 000»[72]. (В это число он как раз включает «тысячи партизан-евреев, сражавшихся против немецких захватчиков в лесах», которые были мобилизованы в армию в 1944 году при освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины; при этом Арад

---

69 *Е. Сталинский.* Евреи в Красной армии // ЕМ–2, с. 240.

70 *А. Воронель.* Люди на войне, или ещё раз об уникальности Израиля // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1984, № 34, с. 146.

71 КЕЭ, т. 1, статья «Военная служба», с. 690; т. 4, ст. «Катастрофа», с. 159. В ст. «Советский Союз» (т. 8, с. 224) КЕЭ даёт цифру 450 тыс. евреев в составе Советской армии, и ещё 25–30 тыс. в партизанских отрядах.

72 *И. Арад.* Холокауст, с. 102.

полагает, что за все годы войны «в оккупированных районах Советского Союза действовало приблизительно 25–30 тысяч еврейских партизан»[73]; израильская Энциклопедия в статье «Сопротивление антинацистское» даёт меньшую оценку: «На территории Советского Союза в подпольных организациях и партизанских отрядах с нацистами боролось свыше 15 тысяч евреев»[74].) — При расчёте исследователь исходит из того, что доля мобилизованных евреев была такой же, как средняя доля мобилизованных для всего населения СССР в годы войны, и вычисляет эту долю как 13–13,5%. — Это давало бы 390–405 тысяч мобилизованных евреев-«восточников» (от общего числа чуть выше 3 миллионов), если бы не тот факт, что «в определённых районах Украины и Белоруссии был очень высокий процент еврейского населения, которое не было мобилизовано, поскольку этот район сразу же был захвачен немцами»; автор, однако, предполагает, что в целом мобилизационный «недобор» из евреев-«восточников» был невелик, что до прихода немцев успели мобилизовать в армию бóльшую часть мужчин призывного возраста, — и останавливается на числе 370–380 тысяч для евреев-«восточников», служивших в армии. — Переходя к евреям-«западникам», Арад напоминает, что в 1940 году, при мобилизации в Западной Белоруссии и Западной Украине призывников 1919–1922 годов рождения, было призвано около 30 тысяч еврейских юношей; однако советская власть считала солдат из вновь присоединённых западных областей «неблагонадёжными», и почти все они с началом войны были переведены в Трудармию; «к концу 1943 началась повторная мобилизация... переведенных прежде в Трудовую Армию, и среди них также были евреи». Автор упоминает, что 6–7 тысяч евреев из числа беженцев-«западников» сражались в национальных прибалтийских дивизиях. И, прибавляя евреев-партизан, мобилизованных в армию в 1944, заключает: «можно установить, что по крайней мере 50 000 евреев с территорий, присоединённых к СССР, служили в Красной Армии, включая мобилизованных до войны». — Так И. Арад получает свою оценку воевавших в армии в 1941–1944 евреев: 420–430 тысяч[75].

---

[73] *И. Арад.* Холокауст, с. 86.

[74] КЕЭ, т. 8, с. 441.

[75] *И. Арад.* Холокауст, с. 98–102.

Что же касается общеупотребительной в источниках цифры — 500 тысяч воинов — она, если следовать Араду, предполагала бы *общую базу* (т.е. численность еврейского населения, из которого призваны эти 500 тысяч), в 3700000 — 3850000 человек. Согласно приведенным выше источникам, максимальная оценка суммарного числа спасшихся от немецкой оккупации «восточников» и «западников» —2226000; даже если к этой *базе* добавить *целиком* 1080000 оставшихся под оккупацией "восточников", как если бы они успели до прихода немцев отдать в армию *всех* людей мобилизационных возрастов, — а это не так, — то и в этом случае в базе недоставало бы *полмиллиона* человек. И это означало бы, что успехи эвакуации, которые мы обсуждали в начале главы, существенно приуменьшены.

Такого противоречия не возникает при оценке И. Арада. Хотя отдельные составляющие её, возможно, требуют коррекции[76], — в целом она на удивление точно совпадает с до сих пор не публиковавшимися данными Института Военной Истории, полученными на основе источников Центрального архива Министерства Обороны. Согласно этим данным, в годы Великой Отечественной войны было мобилизовано:

Русских	—	19 млн. 650 тыс.
Украинцев	—	5 млн. 320 тыс.
Белорусов	—	964 тыс.
Татар	—	511 тыс.
Евреев	—	434 тыс.
Казахов	—	341 тыс.
Узбеков	—	330 тыс.
(Остальных	—	в общей сложности ещё около 2,5 млн.[77])

Итак, вопреки расхожему представлению, число евреев в Красной армии в годы Великой Отечественной войны

---

[76] Скажем, нам представляется, что число «восточников», которых успели мобилизовать до прихода немцев, было несколько меньше, зато средний процент армейцев от всего населения СССР, был, возможно, несколько выше, чем рассчитанный И. Арадом.

[77] В ныне выходящей Военной энциклопедии едва ли не впервые приведены сведения об общем числе мобилизованных в годы Великой Отечественной Войны — 30 миллионов. См.: Военная энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат, 2001. Т. 5. с. 182.

было пропорционально численности еврейского населения, способного поставлять солдат; пропорция евреев-участников войны в целом соответствует средней по стране.

Так что ж — народные впечатления той войны действительно продиктованы антисемитскими предубеждениями? — Конечно, у какой-то части населения старшего и среднего возраста рубцы Двадцатых–Тридцатых годов не стёрлись к началу войны. Но огромную часть фронтовиков составляли люди молодые, родившиеся на рубеже революции или после неё, их мировосприятие разительно отличалось от старших. И сравним: во время Первой Мировой войны нет свидетельств антисемитизма в Русской армии, несмотря и на шпиономанию военных властей 1915 года по отношению к евреям прифронтовой полосы. Из 5 миллионов евреев в России на 1914 год[78] «к началу 1-й мировой войны в русскую армию было мобилизовано около 400 тыс. евреев, а к 1917 их число возросло до 500 тысяч»[79]. То есть в начале Первой войны воевал каждый *двенадцатый* русский еврей, в конце — каждый *десятый*. А во Второй Мировой — уже каждый *восьмой-седьмой*.

Так в чём же дело? — Можно предположить, что большую роль здесь играли новые внутриармейские диспропорции, восприятие которых на фронте было тем острее, чем ближе к смертной передовой.

С 1874 года евреи были уравнены в правах с остальными российскими подданными относительно *всеобщей* воинской повинности, но и во время Первой Мировой, вплоть до Февральской революции, ещё действовал александровский закон, по которому евреи не могли получить чин выше унтер-офицерского (закон не распространялся на военных врачей). При большевиках положение изменилось кардинально, и ко Второй Мировой, обобщает израильская Энциклопедия, «по сравнению с другими национальностями СССР, евреи составляли непропорционально большую часть старших офицеров, главным образом потому, что среди них был гораздо более высокий процент людей с высшим образованием»[80]. — Вот оценивает И. Арад: «количество евреев — комиссаров и политруков в различных под-

---

[78] КЕЭ, т. 7, с. 385.

[79] КЕЭ, т. 1, с. 686.

[80] Там же, с. 686–687.

разделениях во время войны было относительно большим, чем на других армейских должностях»: «по крайней мере, процент евреев в политическом руководстве армии» был «в три раза больше, чем процент евреев среди населения СССР в тот период»[81]. — Кроме того, само собой, евреи были «среди главных специалистов военной медицины... среди начальников санитарных управлений ряда фронтов... среди генералов Красной Армии было 26 евреев-генералов медицинской службы и 9 — генералов ветеринарной службы»; 33 генерала-еврея служили в инженерных войсках[82]. Конечно, евреи-врачи и военные инженеры занимали не только высокие посты: «среди военных медиков... было множество евреев (врачей, медсестёр, санитаров)»[83]; напомним, что в 1926 среди военных врачей было 18,6% евреев при доле в мужском населении — 1,7%[84], а во время войны этот процент мог только увеличиться за счёт большого числа еврейских женщин-военврачей; «традиционно высокий процент евреев в советской медицине и в инженерных специальностях естественным образом способствовал их многочисленности в армейских подразделениях»[85].

Но как бы неоспоримо важны и необходимы ни были все эти службы для *общей* конечной победы, а доживёт до неё не всякий. Пока же рядовой фронтовик, оглядываясь с передовой себе за спину, видел, всем понятно, что участниками войны считались и 2-й и 3-й эшелоны фронта: глубокие штабы, интендантства, вся медицина от медсанбатов и выше, многие тыловые технические части, и во всех них, конечно, обслуживающий персонал, и писари, и ещё вся машина армейской пропаганды, включая и переездные эстрадные ансамбли, фронтовые артистические бригады, — и всякому было наглядно: да, *там* евреев значительно гуще, чем на передовой. — Вот пишут: «среди "ленинградских писателей-фронтовиков"» евреев было «по самой осторожной и скорее заниженной оценке...

---

[81] *И.Арад.* Холокауст, с. 118.

[82] *А.Абрамович.* В решающей войне. Т. 2, с 531–532.

[83] КЕЭ, т. 8, с. 232.

[84] *И.Арад.* Холокауст, с. 96.

[85] Там же, с. 126.

31%»[86], а то, значит, и выше. Но из этого неясно: а сколькие из них были — при редакциях? а это как правило — 10–15 километров от передовой, а если приехал на передовую и попал в переделку, так никто тебя не заставляет «держать рубеж», можно тут же и уехать, это совсем другая психология. Под слово «фронтовик» кто только не самоподгонялся, и среди писателей и журналистов — более всего. О видных — пристало писать в разборах специально литературных. А не видных и не поименованных — сколько таких *фронтовиков* осело в многотиражках — фронтовых, армейских, корпусных, дивизионных. — Вот эпизод. По окончании пулемётного училища младший лейтенант Александр Гершкович послан на фронт. Но после госпиталя, «догоняя свою часть, на каком-то полустанке услышал знакомый запах типографской краски, пошёл на него — и пришёл в редакцию дивизионной газеты, которая как раз нуждалась в корреспонденте на передовой». И судьба его — перерешилась. (И как же — его догоняемая пехотная часть?) «В этой должности он прошёл по дорогам войны тысячи километров»[87]. Ну, разумеется, доставалось погибнуть и военным журналистам. — А вот музыкант Михаил Гольдштейн, белобилетник по зрению, пишет о себе: «... стремился быть на фронте, где я дал тысячи концертов, где написал ряд армейских песен и где приходилось мне часто рыть окопы, помогая в этом солдатам»[88], — *часто*? приезжий музыкант — и лопату в руки? Глазом фронтовика уверенно отмечу: совсем невероятная картинка. — Или встречаем такую поразительную биографию: Евгений Гершуни «летом 1941 г. добровольцем вступил в народное ополчение, где вскоре организовал небольшой эстрадный ансамбль», — озноб по спине у того, кто знает об этих невооружённых, даже необмундированных, обречённо гонимых на смерть колоннах, — какой там ансамбль?? С сентября 1941 «Гершуни с группой артистов-ополченцев прикомандирован к Ленинградскому Дому Красной Армии,

---

86 *Ю. Колкер.* [Рецензия на справочник «Ленинградские писатели-фронтовики. 1941–1945» / Сост. В. Бахтин. Л.: Сов. писатель, 1985] // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1987, № 5, с. 138.

87 *С. Черток* // Русская мысль, 1992, 1 мая, с. 18.

88 *М. Гольдштейн* // Русская мысль, 1968, 1 августа, с. 10.

на базе которого организовал фронтовый цирк и стал его начальником». А кончилось тем, что «9.5.1945 цирк под управлением Гершуни выступал на лестничных маршах Рейхстага в Берлине»[89].

Конечно, евреи воевали и в пехоте, и на передовой. Советский источник середины 70-х приводит данные о национальном составе двухсот стрелковых дивизий с 1 января 1943 по 1 января 1944 в соотнесении с долей каждой национальности в общем населении СССР в «старых» границах. В этих дивизиях на указанные даты евреи составляли соответственно — 1,50% и 1,28%, при доле в населении 1,78% (на 1939 г.)[90], — и лишь к середине 1944, когда армия стала пополняться за счёт населения освобождённых областей, доля евреев упала до 1,14%: почти все евреи там были уничтожены.

Тут уместно отметить, что некоторые отчаянные евреи принимали в войне участие ещё острей и плодотворней, чем бы на фронте. Такова была известная «Красная Капелла» Треппера и Гуревича — вела разведку под Гитлером вплоть до осени 1942 и передавала сведения, важнейшие для советских стратегических и тактических решений. (Оба разведчика отсидели в Гестапо, а после войны — в СССР, первый — 10, второй — 15 лет.)[91] — Или, вот, советский разведчик Лев Маневич, командир ЧОНовского отряда в Гражданскую войну, потом многолетний разведчик в Германии, Австрии, Италии. В 1936 арестован в Италии, но и из заключения умудрялся передавать информацию для советского центра; в 1943 в нацистских лагерях, под именем полковника Старостина, участник антифашистского подполья. В 1945 освобождён американцами, но умер прежде возврата в СССР, а то вполне мог бы и *схватить срок*. Только через 20 лет, в 1965, ему присвоили посмертно Героя Советского Союза[92]. (Бывали и странные биографии, например у Михаила Шейнмана. С 20-х годов — уездный секретарь комсомола, в разгарные годы Союза воинствующих безбожников — сотрудник его Центра, потом

---

[89] РЕЭ, т. 1, с. 296–297.

[90] *А.П.Артемьев.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1975, с. 58–59.

[91] КЕЭ, т. 8, с. 1051; *П.Судоплатов.* Спецоперации, с. 217–228.

[92] КЕЭ, т. 5, с. 83; Очерки еврейского героизма. Т. 1, с. 405–430.

выпускник Института Красной Профессуры и сотрудник отдела печати ЦК ВКПб — в 1941 попадает в немецкий плен, всю войну до конца — еврей и высокий политрук! — пересиживает у немцев. И несмотря на полный же для СМЕРШа «криминал» — как, мол, мог уцелеть? других сажали надолго, — уже с 1946 благополучно в Музее истории религии, затем — в Институте истории Академии Наук[93].)

Но на отдельных примерах — ни в ту, ни в другую сторону — ничего не строится. А надёжной статистики, и, главное, более дробной, — нет; и вряд ли всплывёт когда-нибудь.

А вот недавно в израильской периодике притекло интересное свидетельство. Когда в начале войны Иона Деген захотел идти добровольцем в комсомольский взвод, то другой еврейский юноша, Шулим Даин, которого Иона звал с собой, ответил, — «что было бы счастьем, если бы евреи могли следить за схваткой со стороны, что это не их война, хотя, быть может, именно она принесёт им прозрение и поможет восстановить Израиль. "Когда меня призовут на войну, я пойду на войну. Но добровольно? — ни в коем случае"»[94]. И можно охватить, что не один же Даин так думал, а особенно среди евреев постарше и с бóльшим жизненным опытом. И такое настроение у евреев, особенно тех, что были преданы всевечной идее Израиля, можно вполне понять. Но всё же с недоуменной оговоркой: враг шёл — главный враг евреев, на уничтожение прежде всего евреев, — и как же мог Даин и сходно мыслящие остаться нейтральными? а русским, мол, так и так защищать свою землю?

Современный комментатор (знаю его лично: фронтовик, потом зэк) заключает: «ни у кого из пожилых ветеранов войны уже в наши дни я не встречал такой ясности мысли и глубины понимания», как у Шулима Даина (потом погибшего под Сталинградом): «сцепились насмерть два фашистских чудовища», и чтó нам в том участвовать?[95]

Да, сталинский режим не лучше гитлеровского. Но для евреев *военного времени* не могли эти чудовища быть рав-

---

[93] РЕЭ, т. 3, с. 383.

[94] *В.Каган.* Правильное решение* // "22", Ноябрь 1990 — Январь 1991, № 74, с. 252. (Это — рецензия на книгу: *И.Деген.* Из дома рабства. Тель-Авив: Мория, 1986.)

[95] Там же, с. 252.

ны! И если бы победило чудовище *то* — что б тогда, всё-таки, случилось с советскими евреями? Разве эта война не была для евреев и своей кровной, *собственной Отечественной*: скрестить оружие с самым страшным врагом всей еврейской истории? И те евреи, кто вот так воспринял войну, и ещё те, кто уже не отделял свою судьбу от русской, как Фрейлих, как Лазарев и Файнерман, кто в 1941 мыслил прямо напротив Шулиму Даину, — те и сражались беззаветно.

Упаси меня Бог, чтоб я объяснял позицию Даина какой-то «еврейской трусостью». Самобережливость и осторожность — у евреев сквозь всю историю рассеяния, да, — но той же историей и объясняются. А в Шестидневную и другие войны Израиля — они доказали своё выдающееся военное мужество.

И тогда позицию Даина не понять иначе, как — расслабляющее чувство того самого двойного подданства, которое рассматривал петроградский профессор Соломон Лурье в 1922 как объясняющий и один из главных источников антисемитизма: еврей, живущий в стране, принадлежит *не только этой* стране — и потому его чувства неизбежно двоятся. Евреи «всегда были националистически настроены, но объектом этого национализма было еврейство, а не та страна, в которой евреи жили»[96]. Неполная заинтересованность в *этой* стране. Ведь впереди всегда — для многих неосознанно, а маячит — уже без сомнения *свой* Израиль.

А в тылу? — Исследователи с несомненностью наблюдают «антисемитизм, обострившийся... во время войны»[97]; «кривая антисемитизма в эти годы вновь резко поднялась вверх, и антисемитские проявления... по своей напряжённости и распространённости далеко оставили позади и антисемитизм второй половины двадцатых годов»[98]; «антисе-

[96] *С.Я.Лурье.* Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив: Сова, 1976, с. 77 [1-е изд. — Пг.: Былое, 1922].

[97] *В.Александрова.* Евреи в советской литературе // КРЕ-2, с. 297.

[98] *С.М.Шварц.* Антисемитизм... , с. 197.

митизм в годы войны вошёл в быт и в глубоком советском тылу»[99].

В эвакуации «так называемый бытовой антисемитизм, впавший в летаргию со времени установления в начале 30-х годов сталинской диктатуры, теперь вновь ожил на фоне общей неустроенности, разрухи, других тягот и лишений, порождённых войной»[100]. Это относится главным образом к Средней Азии, Узбекистану, Казахстану, «особенно когда сюда хлынули с фронта массы раненых и военных инвалидов»[101], а там-то жила и масса эвакуированных евреев, в том числе польских, депортацией «вырванных из традиционной обстановки», вовсе не советско-колхозной. Вот собранные сразу после войны свидетельства евреев, бывших в среднеазиатской эвакуации: «Низкий уровень производительности труда депортированных евреев... служил в глазах местного населения доказательством нежелания евреев заниматься физическим трудом, что будто бы составляет характерную черту евреев»[102]. — «Росту [антисемитских] настроений много содействовала активность, которую беженцы из Польши вскоре начали проявлять на товарном рынке»[103]: «вскоре они убедились, что регулярный заработок, который им обеспечивает [труд] в качестве рабочих в промышленных предприятиях, колхозах, кооперативах... не спасает их от угрозы голодной смерти. Чтобы выжить, был только один путь — рынок, торговля, "спекуляция"», и так советская реальность «заставляла польских евреев прибегать к рыночным операциям, хотели ли они этого или нет»[104]. — «Не-еврейское население Ташкента встретило евреев, эвакуированных с Украины, недруже-

---

99 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 6.

100 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 242.

101 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 157.

102 Dr. Jerzy Gliksman. Jewish Exiles in Soviet Russia (1939-1943). Part 2, July 1947, p. 6 // Архив Американского Еврейского Комитета в Нью-Йорке. — Цит по: *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 157.

103 *С.М. Шварц.* Антисемитизм... , с. 191.

104 *Rachel Erlich.* Summary Report on Eighteen Intensive Interviews with Jewish DP's from Poland and the Soviet Union. October 1948, p. 9f // Архив Американского Еврейского Комитета в Нью-Йорке. — Цит по: *С. Шварц.* Антисемитизм... , с. 192.

любно. Раздавались голоса: “Посмотрите-ка на этих евреев. У них у всех много денег”»[105]. — «В это время наблюдались также случаи оскорблений евреев, угроз, выбрасывания евреев из хлебных очередей»[106]. — «Другая группа русских евреев, принадлежавшая главным образом к бюрократии и располагавшая значительными денежными средствами, вызывала враждебность местного населения за вздувание цен на вольном рынке, которые и без того были очень высоки»[107].

И приводя такие свидетельства — автор *в соседних строках* с уверенностью объясняет эти явления так: «И сюда доходили отголоски гитлеровской пропаганды»[108], — и не он же один так определяет.

Да заголовокружиться надо! да какая ж гитлеровская пропаганда могла так широко и победительно достигнуть Средней Азии, если она и фронта касалась редкими листовками с самолётов, которые опасно было в руки брать, а радиоприёмники у всех в СССР были отобраны?

Да нет, автор понимает: была «и ещё одна причина роста антисемитских настроений в районах, куда направлялся эмиграционный поток. Здесь в скрытой форме проявился антагонизм между основной массой населения в провинции и привилегированной частью бюрократии в центрах страны. Эвакуация учреждений из этих центров в глубокий тыл дала возможность местному населению очень осязательно ощутить этот социальный контраст»[109].

А ещё своё — в населении, которое испытало немецкое нашествие, как Украина. Вот свидетельство марта 1945 в бюллетене при Еврейском Агентстве для Палестины: «Украинцы встречают враждебно возвращающихся евреев. В

---

105 Там же, р. 26. — Цит по: *С.М.Шварц*. Антисемитизм... , с. 194.

106 *Dr. Jerzy Gliksman*. Jewish Exiles... , р. 17. — Цит по: *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе... , с. 159.

107 Там же, р. 15. — Цит по: *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе... , с. 159.

108 *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе... , с. 157.

109 Там же, с. 158.

Харькове через несколько недель после освобождения никто из евреев не решался показываться один на улице ночью... Было много случаев избиения евреев на базарах... Евреи, возвращающиеся в свои дома, находили там только часть своего имущества, но, когда они обращались в суд, украинцы часто лжесвидетельствовали, показывали против них»[110]. (Картина повсеместная, в суд-то пусто было и обращаться: многие эвакуированные, не только евреи, при возврате на старое место заставали его разграбленным.) — «О враждебных евреям настроениях на Украине после её освобождения от немецкой оккупации сохранилось ещё немало свидетельских показаний»[111]. — «В результате немецкой оккупации антисемитизм в разных формах значительно усилился среди всех слоёв населения Украины, Молдавии, Литвы»[112].

Вот *здесь-то*, на этих территориях, гитлеровская противоеврейская пропаганда за годы оккупации действительно поработала, главное всё в том же: что при советской власти евреи сливались с правящим слоем, — и вот в секретном немецком отчёте с оккупированных территорий рапортуется в октябре 1941: «ожесточение украинского населения против евреев чрезвычайно велико... на них смотрят... как на осведомителей и агентов НКВД, организовавшего террор против украинского народа»[113].

Вообще, в начале войны «в план гитлеровцев входило создать впечатление, что не немцы, а само местное население начало истреблять евреев»; С.Шварц полагает, что, в отличие от сообщений немецкой пропагандной печати, — «напротив, заслуживают доверия немецкие доклады с мест, не предназначавшиеся для опубликования»[114]. Он обильно цитирует доклад штандартенфюрера СС Ф.Штолекера в

---

110 Bulletin of the Rescue Committee of the Jewish Agency for Palestine. March 1945, p. 2–3. — Цит по: *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 160.

111 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 184.

112 *Л.Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ–2, с. 359.

113 Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg. 14 November 1945 — 1 October 1946. — Nuremberg, 1949, Vol. 38, p. 292–293, Doc. 102–R. — Цит по: *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 101.

114 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 88.

Берлин о деятельности подчинённых ему команд СС (оперировавших в Прибалтике, части Белоруссии и части РСФСР) за период от начала войны на Востоке до 15 октября 1941: «Хотя это и встретило значительные трудности, уже в первые часы после вступления [германских войск] удалось направить местные антисемитские силы на устройство погромов против евреев... Нужно было показать, что... это была естественная реакция на многолетний гнёт со стороны евреев и на пережитый террор со стороны коммунистов... Не менее важно было установить на будущее время в качестве бесспорного и доказуемого факта, что... население по собственной инициативе прибегло к самым суровым мерам против большевиков и евреев, без того, чтобы можно было обнаружить наличность указаний со стороны немецких органов»[115].

На разных оккупированных территориях готовность местного населения к подобным инициативам существенно разнилась. — «В напряжённой атмосфере Прибалтики ненависть к евреям дошла до точки кипения как раз в тот момент, когда 22 июня 1941 г. началось наступление Гитлера на Советскую Россию»[116], — ибо их обвиняли в сотрудничестве с НКВД по высылке прибалтов. Израильская энциклопедия приводит дневниковую запись литовского врача Е.Будвидайте-Куторгене: «Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям»[117]. — Тем не менее, докладывает штандартенфюрер, «к нашему изумлению, вызвать там еврейский погром... оказалось не простой задачей». Это удалось с помощью литовских партизан, которые в ночь с 25 на 26 июня уничтожили в Каунасе 1500 евреев, а в последующие дни ещё 2300; сожгли еврейский квартал и несколько синагог[118]; «массовые расстрелы евреев были проведены 29 октября и 25 ноября 1941 эсэсовцами и литовскими полицейскими. В Девятом форте было расстреляно около 19 тысяч»[119] из 36 тысяч каунас-

---

[115] Trial of the Major War Criminals... Vol. 37, p. 672–683, Doc. 180-L. — Цит по: *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе... , с. 89.

[116] *И.Гар*. Евреи в Прибалтийских странах под немецкой оккупацией // КРЕ-2, с. 97.

[117] КЕЭ, т. 8, с. 218.

[118] Trial of the Major War Criminals... Vol. 37, p. 672–683, Doc. 180-L. — Цит по: *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе... , с. 89–90.

[119] КЕЭ, т. 8, с. 218.

ских евреев. Осенью 1941 «во многих литовских городах и местечках всё еврейское население было истреблено местными литовскими полицейскими под руководством немцев»[120]. — «Значительно труднее было вызвать аналогичные самоочистительные операции и погромы в Латвии», докладывает эсэсовец, ибо там «весь национальный руководящий слой, особенно в Риге, был уничтожен или вывезен большевиками»[121]. Однако уже 4 июля 1941 латышские активисты «подожгли несколько синагог в Риге с согнанными туда евреями... Погибло около 2 тысяч человек»; в первые дни оккупации они участвовали в немецких расстрелах нескольких тысяч евреев в Бикерниекском лесу под Ригой; в конце октября и начале ноября — в расстрелах близ железнодорожной станции Румбуле около 27 тысяч евреев[122]. — В Эстонии, «при незначительном числе евреев в стране, не было возможности вызвать погромы», отчитывается эсэсовец[123]. (Эстонских евреев уничтожили и без погромов: «В Эстонии осталось около 2 000 евреев. Почти всех мужчин немцы и их эстонские пособники расстреляли в первые недели оккупации». Оставшихся... заключили в лагерь Харку под Таллинном», и к концу 1941 все они были убиты[124].

А Белоруссия разочаровала немецкое командование. С. Шварц: «неудача немцев привлечь широкие симпатии местного населения к делу истребления евреев... с полной ясностью вырисовывается из секретных немецких документов [отчётов]... “Неизменно нужно констатировать, что население воздерживается от какой-либо самостоятельной акции против евреев”»[125]. Но в Городке Витебской области, по свидетельству очевидцев, при ликвидации гетто 14 октября 1941 «полицаи были хуже немцев»[126]; а в Борисове

120 КЕЭ, т. 8, с. 218.

121 Trial of the Major War Criminals... Vol. 37, p. 672–683, Doc. 180-L. — Цит по: *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 90.

122 КЕЭ, т. 8, с. 218.

123 Trial of the Major War Criminals... Vol. 37, p. 672–683, Doc. 180-L. — Цит по: *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 89–90.

124 Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944): Сб. документов и материалов / Под ред. И. Арада. Иерусалим: Яд Ва-Шем, 1991, с. 12.

125 Trial of the Major War Criminals... Vol. 37, p. 672–683, Doc. 180-L. — Цит по: *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 91–92.

126 КЕЭ, т. 8, с. 218.

именно «русская полиция» (из отчёта следует, что не местная, а привезенная из Берлина) «уничтожила в течение двух дней [20 и 21 октября 1941] 6500 евреев. При этом автор отчёта отмечает, что истребление евреев отнюдь не встретило сочувствия местного населения... : “Кто это приказал...? Как это возможно...? Сейчас убивают евреев, а когда придёт наш черёд? Что сделали эти бедные евреи? Они ведь только работали. Действительно виновные, конечно, вне опасности”»[127]. А вот доклад «доверенного лица» немцев, приезжего белоруса из Латвии: «Для белорусов не существует еврейского вопроса. Это для них чисто немецкое дело, не касающееся белорусов... Евреям все сочувствуют и их жалеют, а на немцев смотрят как на варваров и палачей евреев [Judenhenker]: еврей, мол, такой же человек, как и белорус»[128]. Во всяком случае, пишет С.Шварц, «не существовало белорусских “национальных отрядов”, присоединённых к немецким карательным частям, хотя и имелись латышские, литовские и “смешанные” отряды, в которые входили и некоторые белорусы»[129].

А на Украине этот замысел удался больше. От начала войны гитлеровская пропаганда призвала украинских националистов («бандеровцев») — мстить евреям за убийство Петлюры Шварцбардом[130]. Организацию Украинских Националистов Бандеры–Мельника (ОУН) уговаривать не пришлось: ещё до начала германо-советской войны, в апреле 1941, она приняла на своём 2-м съезде в Кракове резолюцию, где в п. 17 стояло: «Жиды в СССР являются самой преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма в Украине... Организация Украинских Националистов осознаёт жидов как опору московско-большевистского режима, просвещая одновременно народные массы, что Москва — это главный враг»[131]. — Поначалу «бандеровцы» и вступили в

---

127 *С.М.Шварц.* Антисемитизм...*, с. 134–135.

128 Там же*, с. 132.

129 Там же*, с. 93.

130 *И.Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ–2, с. 235–236.

131 *А.Вайс.* Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период Второй мировой войны* // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 106.

союз с немцами против большевиков. Весь 1940 и первую половину 1941 руководство ОУН готовило свои действия на случай возможной войны Германии с СССР. «Основной базой ОУН было тогда генерал-губернаторство, то есть часть оккупированной нацистами Польши... [Там] шёл процесс создания украинской милиции, готовились списки подозрительных лиц, среди которых были и евреи. Эти списки впоследствии были использованы для уничтожения евреев украинскими националистами... Создавались “походные группы” для отправки на восток Украины, в составе немецкой армии были сформированы батальоны украинских националистов “Роланд” и “Нахтигаль”». Оуновцы прибывали на восток вместе с немецкими войсками. Летом 1941 на Западной Украине «прокатилась волна еврейских погромов, в которых принимали участие... как мельниковцы, так и бандеровцы. В результате этих погромов погибло около 28 тыс. евреев»[132]. — В документах ОУН есть заявление Я.Стецько (в июле 1941 объявленного главой украинского правительства): «Евреи помогают Москве держать Украину в рабстве, а поэтому стою на положении об уничтожении жидов и необходимости перенесения на Украину немецких методов уничтожения жидовства». В июле проходило во Львове совещание лидеров ОУН Бандеры, где обсуждалась и политика по отношению к евреям. Высказывались разные предложения: строить её «на принципах нацистской политики до 1939... Предлагали изолировать евреев в гетто... Но самое радикальное предложение принадлежало Степану Ленкавскому, который заявил: “Относительно жидов примем все методы, которые приведут к их уничтожению”»[133]. — И пока отношения ОУН с немцами не испортились (оттого что Германия не признала самопровозглашённой украинской независимости), было «немало случаев, особенно в первый год... когда украинцы прямо помогали немцам в деле истребления евреев», особенно «украинская вспомогательная полиция, навербованная немцами главным образом в Галиции и на Волыни»[134]. — «В Умани в сен-

---

132 *А. Вайс.* Отношение некоторых кругов украинского национального движения к евреям в период Второй мировой войны* // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 105–106, 107.

133 Там же, с. 106–107.

134 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 98, 101.

тябре 1941 украинская полиция города под командованием нескольких офицеров и сержантов СС расстреляла около 6 тысяч евреев»; в начале ноября в 6 км от Ровно «СС и украинская полиция уничтожили 21 тысячу евреев из гетто»[135]. — Однако, пишет С.Шварц: «Какая часть украинского населения была охвачена настроениями активного и погромного антисемитизма, установить невозможно. Вероятно, довольно значительной части эти настроения были чужды, особенно среди более культурных слоёв населения». Что же касается коренной советской Украины, то в секретных немецких отчётах из этих областей «вообще не упоминается об украинской погромной “народной стихии”»[136]. — Ещё «в Крыму были организованы татарские отряды самозащиты, истреблявшие евреев»[137].

Что касается коренных русских областей, оккупированных немцами, то там «немцы не могли апеллировать к антирусским настроениям местного населения; аргумент о московском империализме оказывался здесь несостоятельным и аргумент о иудео-большевизме, лишённый своей опоры в местном национализме, в значительной мере утрачивал свою вербующую силу»; среди местного русского населения нашлось «лишь относительно немного людей, активно поддерживавших немцев в их истребительной антиеврейской политике»[138].

Исследователь судьбы советского еврейства заключает: и в Литве, и в Латвии для немцев «было характерно стремление маскировать свою погромную деятельность, выдвигая на авансцену возникшие под их покровительством истребительные отряды погромщиков из среды местного населения»; однако «в Белоруссии, в значительной мере даже на Украине и тем более в оккупированных областях РСФСР» немцам это не удалось, «местное население в массе своей не оправдало в этом отношении надежд, возлагавшихся на него», — и здесь «гитлеровские истребители должны были выступать с открытым забралом»[139].

---

135 КЕЭ, т. 8, с. 218.

136 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе… , с. 99.

137 *А.А.Гольдштейн.* Судьба евреев в оккупированной немцами Советской России // КРЕ-2, с. 74.

138 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе… , с. 102.

139 Там же, с. 74, 90.

Гитлеровский план военной кампании против СССР («Барбаросса») включал «*специальные задачи* по подготовке политического управления, которые вытекают из тотальной борьбы двух противоположных политических систем». В мае–июне 1941 верховное командование вермахта издало конкретизирующие приказы, по которым в зоне осуществления плана «Барбаросса» расстрелу без суда и следствия подлежали лица, подозреваемые во враждебных действиях против Германии (во всяком случае — политкомиссары, партизаны, саботажники и евреи)[140].

Для выполнения *специальных задач* на территории СССР в составе службы безопасности (СС) и полиции безопасности (Гестапо) были созданы четыре специальные Эйнзацгруппы (Einsatzgruppen), имевшие оперативные подразделения (Einsatzkommandos), численностью равные ротам. Эйнзацгруппы двигались вместе с передовыми частями немецкой армии, но подчинялись напрямую начальнику Главного управления безопасности Третьего рейха Р. Гейдриху.

Эйнзацгруппа-*А* (около 1 000 солдат и офицеров СС под командованием штандартенфюрера СС д-ра Ф. Штолекера) в составе группы армий «Север» действовала в Литве, Латвии, Эстонии, в Ленинградской и Псковской областях. — Группа-*В* (655 человек, под началом бригаденфюрера СС А. Неве) в составе группы армий «Центр» двигалась через Белоруссию и Смоленщину к Москве. — Группа-*С* (600 человек, штандартенфюрер Э. Раш) действовала с группой армий «Юг» на территории Западной и Восточной Украины. — Группа-*D* (600 человек под командой штандартенфюрера СС проф. О. Олендорфа) была придана 11-й немецкой армии и действовала на юге Украины, в Крыму, в Краснодарском и Ставропольском краях.

Истребление евреев и комиссаров («носителей иудеобольшевистского мировоззрения») немцы начали с первых дней вторжения в июне 1941, причём «как-то хаотически и

---

140 Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации*, с. 4.

с чрезвычайно широким размахом»[141]. «В других оккупированных немцами странах ликвидация еврейского населения происходила постепенно и систематически. Начиналась она с законодательных ограничений, продолжалась созданием гетто и введением принудительных работ и завершалась депортацией и массовым истреблением. В Советской России все эти элементы причудливо переплетались во времени и пространстве. В каждом районе, иногда даже в каждом отдельном городе, применялись различные методы преследования... отсутствовала однородная и выдержанная система»[142]. Расстрелы военнопленных евреев велись где тотчас при взятии в плен, где — позже, в концлагерях; гражданских евреев — где сперва заключали в гетто, где в лагеря принудительного труда, а где расстреливали сразу; использовали и «душегубки» — газовые фургоны. «Как правило, местом казни был противотанковый ров или просто яма»[143].

Поражают цифры уничтоженных в городах Западной полосы уже к зиме 1941 года, в первый период истреблений: по приводимым сведениям, в Вильнюсе из 57 тысяч живших там евреев — около 40 тысяч, в Риге из 33 тысяч — 27 тысяч, в Минске из 100-тысячного гетто — 24 тысячи (уничтожения там продолжались до конца оккупации), в Ровно из 27 тысяч — 21 тысяча; в Могилёве расстреляно около 10 тысяч евреев, в Витебске — до 20 тысяч, близ деревни Киселевич — почти 20 тысяч евреев Бобруйска, в Бердичеве — 15 тысяч[144].

В конце сентября фашисты устроили массовое истребление евреев в Киеве. 26 сентября развесили по городу объявления, созывающие, под страхом смертной казни, всех евреев на сборные пункты. И они, не видя выхода, покорно, если не доверчиво, собрались, около 34 тысяч, и

---

141 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 65.

142 *И. Шехтман.* Советское еврейство в германо-советской войне // ЕМ-2, с. 229.

143 КЕЭ*, т. 8, с. 218.

144 От источника к источнику цифры несколько разнятся. Статистику этих истреблений, вероятно, невозможно установить точно. См. уже цитированную статью *А.А. Гольдштейна* в «Книге о Русском Еврействе» (1968); сборник *И. Арада* «Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации» (1991); статью «Советский Союз» в КЕЭ, т. 8 (1996).

29–30 сентября их методически расстреляли в Бабьем Яре, укладывая слои трупов на слои в этом большом овраге, не требующем рытья могил, — гигантская гекатомба! — По официальному германскому сообщению, не подвергнутому сомнению в поздних исследованиях, — в эти два дня расстрелян 33 771 еврей. За последующие два года оккупации Киева немцы продолжали расстрелы в прилюбившемся им, столь *удобном* овраге. Считают, что таким образом число расстрелянных — уже не только евреев — увеличилось, может быть, и до 100 тысяч[145].

Расстрелы в Бабьем Яре вошли теперь символом во всемирную историю. Они содрогают — именно хладнокровным расчётом, деловитой организацией, характерными как раз для XX века, увенчавшего гуманистическую цивилизацию: в «дикие» Средние Века люди могли массово убивать только в приступе ярости, в жаре битвы.

Нельзя не напомнить здесь, что в нескольких километрах от Бабьего Яра, и в те же месяцы, в огромном Дарницком лагере советских военнопленных погибли тоже десятки тысяч советских бойцов и офицеров, — но мы не храним об этом должную память, а многим — и вовсе невдомёк, неведомо. Как и — больше чем о двух миллионах погибших наших военнопленных за первые годы войны.

Катастрофа последовательно загребала себе жертвы с оккупированных советских территорий.

В Одессе на второй день оккупации её немецко-румынскими войсками, 17 октября 1941, было убито несколько тысяч мужчин-евреев, затем, после взрыва румынской комендатуры, начался поголовный террор: убито около 5 тысяч, большинство из них евреи, и ещё тысячи согнаны в пригородное село и расстреляны там. В ноябре произошла массовая высылка в Доманевский район, и ещё там с декабря на январь 1942 расстреляно «около 55 тысяч евреев»[146]. — В первые месяцы оккупации, до конца 1941, в Херсоне и Николаеве убито 22 464 еврея; в Днепропетровске — 11 тысяч, 8 тысяч — в Мариуполе, почти столько же в Кременчуге; в харьковском Дробицком Яре — около 15 тысяч; в Симферополе и Западном Крыму — более 20 тысяч[147].

---

[145] КЕЭ, т. 1, с. 275.

[146] КЕЭ, т. 6, с. 125–126.

[147] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации, с. 16.

К концу 1941 года немецкое командование убедилось, что «блицкриг» сорвался и предстоит долгая война. Нужды военного хозяйства требовали иной организации тыла. В некоторых местах немецкая администрация замедлила уничтожение евреев, чтобы использовать рабочую силу и специалистов. «В результате были сохранены гетто и в таких больших городах, как Рига, Вильнюс, Каунас, Барановичи, Минск, и в других, меньших, где на нужды немецкой военной экономики работало множество евреев»[148]. — Однако потребность в рабочей силе, продлившая существование этих крупных гетто, не воспрепятствовала возобновлению с весны 1942 массовых истреблений в других районах: в Западной Белоруссии и Западной Украине, на юге России и в Крыму. Из района Гродно 30 тысяч евреев были высланы в Треблинку и Освенцим; уничтожены евреи в районах Полесья, в Пинске, Брест-Литовске, Смоленске; при летнем наступлении 1942 года немцы немедленно уничтожали местных евреев на занятых территориях: близ Минеральных Вод в противотанковом рву убивали и привозимых туда евреев Кисловодска, Пятигорска и Ессентуков, так погибли эвакуированные в Ессентуки ленинградские и кишинёвские евреи; убиты были евреи Керчи, Ставрополя; в Ростове-на-Дону, вторично захваченном немцами в конце июля 1942, всё оставшееся еврейское население было уничтожено к 11 августа.

В 1943, после Сталинграда и Курской Дуги, исход войны стал ясен. При отступлении немцы решили не оставлять евреев в живых. 21 июня 1943 Гиммлер издал приказ о ликвидации всех оставшихся гетто. — В июне 1943 уничтожены гетто Львова, Тернополя, Дрогобыча. При освобождении Восточной Галиции в 1944 «осталось в живых 10–12 тысяч евреев, что составляло около 2% от всех евреев, оказавшихся там во время оккупации». — Из гетто Минска, Лиды, Вильнюса трудоспособные евреи были переведены в концентрационные лагеря в Польшу, Эстонию, Латвию, нетрудоспособные — расстреляны. Позже, при отступлении из Прибалтики летом 1944, часть евреев в этих лагерях была расстреляна, часть — перевезена в лагеря Германии (Штутгоф и др.)[149].

---

[148] Там же, с. 17.

[149] Там же, с. 26–27.

Обречённые на истребление евреи искали спасения, во многих гетто возникли подпольные организации, целью которых было организовывать побеги. А после побега очень много зависело от местных жителей: чтобы не выдали немцам, чтобы помогли с не-еврейскими документами, убежищем, едой. В зонах своей оккупации немцы определили наказание за помощь евреям — расстрел[150]. «Но везде, на всех оккупированных территориях, находились люди, помогавшие евреям... Однако это были только одиночки. Они рисковали своей жизнью и жизнью своих семей... Таких было сотни, может быть, и несколько тысяч. Большинство же местного населения занимало позицию стороннего наблюдателя»[151]. — В Белоруссии и на оккупированых территориях РСФСР, где от местного населения не было враждебности к оставшимся евреям, тем более погромов, — и выручка со стороны местного населения, отмечают еврейские авторы, была меньше, чем в Европе и даже «в Польше, стране... широко распространённого, традиционного, народного антисемитизма»[152]. (В двух книгах С. Шварца, в сборнике И. Арада дана сводка многих показаний.) Они правдоподобно объясняют это, помимо страха расстрела, — накопившейся за годы советского режима покорностью населения властям, привычкой подчиняться и ни во что не вмешиваться.

Да, мы настолько уже были забиты до самого до́нца, столько миллионов вырвали из нашей толщи за десятилетия перед тем, и так обречено было всякое всегда сопротивление властям, — что теперь не могли получить поддержку населения и евреи.

Но и хорошо организованные, руководимые из Москвы советское подполье и партизанщина — тоже мало участвовали в спасении обречённых евреев. Соотношение с советским партизанством было особой, острой проблемой для евреев, оказавшихся на оккупированных территориях. Уход в лес, то есть в партизанский отряд, был для евреев-мужчин лучшим жребием, нежели ждать уничтожения от немцев. Однако в партизанских отрядах были часты и даже резки враждебные проявления к евреям, «были отдельные

---

150 КЕЭ, т. 8, с. 222.

151 Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации, с. 24.

152 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 108.

русские отряды, которые принципиально не принимали евреев. Они мотивировали это тем, что евреи будто бы не умеют и не хотят бороться», — пишет бывший еврейский партизан Моше Каганович; поступившего не-еврея снабжал оружием отряд, а от поступающего еврея требовали иметь своё оружие, да ещё иногда меняли ему на худшее. «В партизанской среде — обстановка широко распространённой враждебности к евреям... в некоторых отрядах антисемитизм был так силён, что евреи чувствовали себя вынужденными бежать из этих отрядов»[153]. — Отмечается случай в 1942, когда из местечка Мир Гродненской области около двухсот еврейских юношей и девушек бежали из гетто в леса, а «там они столкнулись с антисемитизмом в среде советских партизан, что привело к гибели многих бежавших; лишь часть из них смогла вступить в партизанские отряды»[154]. — Вот и ещё случай. Под Минском действовал партизанский отряд Ганзенко. Он пополнялся «в основном за счёт беглецов из Минского гетто»; однако «с ростом численности евреев в отряде произошли столкновения на почве антисемитизма» — и тогда еврейская часть отряда должна была отделиться[155]. — Такие действия партизан были, очевидно, стихийны, вовсе не направлялись из центра. По данным Моше Кагановича, с конца 1943 усилилось «влияние более дисциплинированных элементов, прибывших из Советского Союза, [и] общее положение [евреев] несколько улучшилось»[156]. Да в его жалобы попадает и то, что когда, при освобождении местности советским продвижением, посылали партизан на фронт (это верно, и посылали всех кряду), то будто бы именно в первую очередь евреев[157], — что невероятно. — Однако, рассказывает Каганович, встречали евреи от партизан и прямую помощь. Вот, были даже «случаи нападения партизан на небольшие городки в целях спасения евреев» из гетто и лагерей; «русское партизанское движение помогало евреям переходить через линию фронта на советскую сторону... [и так] переправили через фронт много тысяч евреев, разбежавшихся по лесам

153 Там же*, с. 121–124.

154 КЕЭ, т. 5, с. 366.

155 РЕЭ, т. 1, с. 499.

156 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 127.

157 Там же*, с. 129.

Западной Белоруссии, спасаясь от бойни», а партизанское объединение в Черниговской области приняло «из еврейских семейных лагерей в лесах более пятисот еврейских детей, охраняло их и заботилось о них... После того, как Красная армия заняла Сарны (на Волыни), некоторые отряды прорвали фронт и отослали еврейских детей в Москву» (С. Шварц полагает, что «эти сообщения сильно преувеличены. [Но] в основе их лежат реальные факты, [и они] заслуживают внимания»)[158].

Еврейские семейные лагеря происходили от того, что евреи бежали в леса с семьями, «таких беглецов были многие тысячи». Тогда создавались и чисто еврейские вооружённые отряды — специально для защиты этих лагерей (оружие покупали через третьих лиц — у немецких солдат или у полицаев). Но чем кормиться им всем? Только — отбирать силой продукты у крестьян соседних деревень, а также — обувь, платье, мужское и женское. «Крестьянин находился между молотом и наковальней. Если он не сдавал “нормы” немцам, те сжигали его двор и убивали, объявляя “партизаном”. А партизаны, с другой стороны, силой брали у него всё, что им было необходимо»[159], — и это, естественно, вызывало озлобление крестьян: мало того, что их грабят немцы, грабят партизаны — теперь ещё и евреи? и отнимают даже носильное у баб?

Вот партизан Барух Левин отправился, весной 1943, в один из таких семейных лагерей, в надежде достать лекарства для заболевших товарищей. Он рассказывает: Тувия Бельский «казался мне легендарным героем... Выходец из народа, сумел организовать в лесу отряд в 1200 человек... В самые страшные дни, когда еврей не мог прокормить даже самого себя, обеспечивал уход за больными, стариками и за грудными детьми, родившимися в лесу». Левин рассказывает Тувии о евреях-партизанах: «"Мы, немногие из выживших, совершенно перестали ценить жизнь. Теперь смысл нашей жизни — это месть. Наш долг — бороться с немцами, истребить их всех до одного... " Я говорил долго... предложил обучать людей Бельского подрывному делу, всему тому, чему выучился сам. Но мои слова, понятно, не могли изменить мировоззрения Тувии...: "Я хочу, Барух,

---

[158] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 125–126.

[159] Там же*, с. 121, 128.

чтобы ты понял одно. Именно потому, что нас осталось так мало, для меня важно, чтобы евреи оставались жить. И в этом я вижу свою цель, и это самое важное"»[160]. — А вот тот же Моше Каганович, даже в 1956, в книге, изданной в Буэнос-Айресе, «в обстановке мира, годы спустя после уничтожающего разгрома гитлеризма», — демонстрирует, по мнению С.Шварца, «прямо кровожадное отношение к немцам, в котором чувствуется влияние гитлеровской заразы... глорифицирует предание еврейскими партизанами пленных немцев "еврейской смерти" по страшным, установленным Гитлером, образцам или с восторгом вспоминает, как начальник [еврейского] партизанского отряда во время карательной экспедиции, проведенной против литовской деревни, население которой активно помогало немцам в деле истребления евреев, обратился после расстрела нескольких десятков человек с речью к жителям деревни, собранным на площади и поставленным на колени»[161]. С. Шварц пишет об этом со сдержанным, но явным осуждением.

Да, всякое, всякое было. Каннибальские убийства взывают к отмщению, но и каждая же месть, трагически, порождает на будущее новые зародыши мести.

Общие потери евреев СССР во время Второй мировой войны (в послевоенных границах) разные еврейские источники оценивают разно.

«Сколько советских евреев пережило войну?» — спрашивает С. Шварц и предлагает свой расчёт: 1,81 – 1,91 миллиона (не считая бывших беженцев из Западной Польши и Румынии, ныне репатриантов), — «при всех расчётах численность евреев к концу войны была заметно ниже двух миллионов и очень далека от почти общепринятых трёх миллионов»[162]. То есть *общее* число потерь по Шварцу — 2,8 – 2,9 миллиона человек.

---

160 Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации, с. 386–387.

161 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 132.

162 Там же, с. 171 – 173.

13—4917

В 1990 оценивает И. Арад: «Освобождая оккупированные немцами территории... Советская Армия почти не заставала евреев. Из 2750000 – 2900000 евреев, оказавшихся под немецким господством на оккупированной территории СССР, погибли почти все». К этой цифре Арад предлагает причислить ещё «около 120000 евреев — военнослужащих Советской Армии, павших на фронтах, и около 80000 расстрелянных в лагерях военнопленных», а также «десятки тысяч евреев, [умерших] во время блокады Ленинграда, Одессы и других городов и в глубоком тылу... из-за тяжёлых условий жизни в эвакуации»[163].

Демограф М.Куповецкий опубликовал в 1990-х годах ряд исследований, где использовал новые архивные материалы, коррективы некоторых исходных данных и усовершенствованную методику этнодемографического баланса. Его результат: общие людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в 1941—1945 гг. составили 2 млн. 733 тыс. человек (1 млн. 112 тыс. «восточников» и 1 млн. 621 тыс. западников»), или 55% от 4 млн. 965 тыс., общей численности евреев в СССР на июнь 1941 г.). Эта цифра, помимо жертв нацистских уничтожений, *включает*: потери среди военнослужащих и партизан, среди гражданского населения в прифронтовой полосе, в условиях эвакуации и депортации, а также жертвы сталинских лагерей в годы войны (однако, отмечает автор, количественная оценка всех этих категорий внутри общей цифры потерь — ещё предстоит)[164]. С этой оценкой, очевидно, согласна Краткая Еврейская Энциклопедия, ибо приводит ту же цифру[165].

Принятая ныне цифра общих потерь советского населения в годы Великой Отечественной войны — 27 миллионов («методом демографического баланса» — 26,6 млн.[166]) — возможно, ещё и неполна.

Не упустить же, и что́ была для русских та война. Выручившая от Гитлера не только свою страну, не только со-

---

163 *И. Арад.* Холокауст, с. 91.

164 *М. Куповецкий.* Людские потери еврейского населения... // Вестник Еврейского Ун-та... , 1995, № 2 (9), с. 134–155.

165 КЕЭ, т. 8, с. 299.

166 *Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова.* Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993, с. 78.

ветское еврейство, но и общественную систему всего Западного мира, война эта потребовала от русского народа такого жертвенного всплеска, после которого силы его и здоровье уже никогда не возобновились в полноте, он — надорвался. В этом накате ещё одной Беды — посверх войны Гражданской и раскулачивания — он почти исчерпал себя.

На оккупированных землях в годы войны в разновременных и разноместных истреблениях пожирала советское еврейство та жесточайшая неотвратимая Катастрофа, которой — рассчитанно, методически — обречено было еврейство европейское.

По избранному нами кругу рассмотрения — только в России — Катастрофа как целое не входит в эту книгу. Но по неисчислимости страданий, постигших в XX веке на Земле оба наших народа, еврейский и русский, по невыносимой тяжести исторических уроков, по гложущей тревоге о будущем — нельзя не поделиться, хотя бы кратко, некоторыми раздумьями, своими и чужими, не проследить, как высокие еврейские умы оценивают Катастрофу на историческом отстоянии, пытаются охватить и понять её.

Катастрофа — не зря пишется с большой буквы. Это — грандиозное событие для древнего исторического народа. Она не могла не вызвать у евреев сильнейших чувств — и самых разнообразных размышлений и выводов.

Многих давно ассимилированных евреев, отошедших от своего народа, Катастрофа привела — к более отчётливому и напряжённому ощущению своего еврейства. Но и: «Для многих Катастрофа — доказательство того, что Бог умер. Если б Он существовал, то, несомненно, не допустил бы до Освенцима»[167]. А вот восприятие противоположное: «Один из бывших узников Освенцима сказал недавно: “в лагерях была дана новая Тора, только мы её ещё не можем прочесть”»[168].

---

167 КЕЭ, т. 4, с. 175.

168 *М. Каганская.* Миф против реальности // “22”, 1988, № 58, с. 144.

И ещё от израильского автора, убеждённо: «Из-за того, что мы не выполняли Завета, не возвращались на свою землю, произошла Катастрофа. Мы должны были вернуться, чтобы восстановить Храм»[169].

Однако такое понимание достигнуто лишь одинокими умами — хотя ведь пронизывает все книги пророков Ветхого Завета.

У иных возникла, и посегодня жива, горькая мысль: «Человечество уже от нас однажды отказалось... Мы не оказались частью западного мира во время Катастрофы. Запад отторг, изверг нас»[170]. — «Нас одинаково удручает как сама Катастрофа в Европе, так и почти полное равнодушие всего мира и даже внеевропейского еврейства к судьбе евреев в фашистских странах... Какая великая вина лежит на демократиях мира вообще и на евреях демократических стран в частности... Погром в Кишинёве — ничтожное преступление по сравнению с немецкими зверствами, с... систематически проведенным планом истребления миллионов еврейских жизней; и тем не менее Кишинёв вызвал бóльший протест... Даже процесс Бейлиса в Киеве вызвал на всём свете больше внимания»[171].

Но это — несправедливо. С тех пор, как суть и размеры уничтожения стали для мира проясняться, — евреи ощутили последовательную, энергичную защиту и горячее сочувствие со стороны многих народов.

Признают это и некоторые современнные израильтяне, и даже предупреждают соотечественников против крайностей: «Постепенно память о Катастрофе перестала быть памятью. Она стала *идеологией* Еврейского государства... Память о Катастрофе превратилась в *религиозное служение*, в государственный *культ*... Государство Израиль приняло на себя роль апостола культа Катастрофы среди других народов, её священника, собирающего с народов положенную *десятину*. И горе тем, кто отказывается эту десятину платить!» И вывод: «Худшее наследие нацизма для евреев — это роль *сверхжертвы*»[172].

---

169 *Н. Гутина*. Ориентация на Храм // Там же, с. 191.

170 *М. Каганская*. Миф против реальности // Там же, с. 141–142.

171 *А. Менес*. Катастрофа и возрождение // ЕМ–2, с. 111.

172 *Бен-Барух*. Тень // "22", 1988, № 58, с. 197–198, 200.

И у другого автора, весьма сходно: культ Катастрофы заполнил «пустоту в душе нерелигиозных евреев»; «травма Катастрофы из реакции на произошедшее событие переросла в новый национальный символ, вытесняющий все остальные». И «эта “ментальность Катастрофы” крепнет из года в год»; «если мы не оправимся от травмы Освенцима, нам так и не стать нормальным народом»[173].

И в еврействе не прекращается работа осмысления Катастрофы, иногда мучительная. Вот мнение израильского историка, бывшего советского зэка: «Я принадлежу к тем евреям, которые не склонны несчастья национальной судьбы сваливать на злых “гоим”, а себя почитать... несчастной овечкой или игрушкой в чужих руках. Во всяком случае в XX веке! Наоборот, мне близка мысль Ханны Арендт, что евреи в нашем столетии были равноправными участниками исторических игр народов и чудовищная Катастрофа, обрушившаяся на них, была следствием не только злобных умыслов врагов человечества, но и огромных роковых просчётов самого еврейства, его лидеров и активистов»[174].

Ханна же Арендт «искала причины Катастрофы также [и] в самом еврействе... Её основной аргумент: современный антисемитизм был одним из последствий особых отношений евреев к государству и обществу в Европе»; евреи «оказались не способны оценить сдвиги сил в национальном государстве и растущие социальные противоречия»[175].

В конце 70-х прочтём у Дана Левина: «В этом вопросе я согласен с проф. Брановером, который считает, что Катастрофа была в значительной мере наказанием за грехи, в том числе — за грех руководства коммунистическим движением. В этом что-то есть»[176].

Нет, такого *заметного* движения в еврействе не произошло. Массе современного еврейства такое понимание кажется оскорбительным и кощунственным.

---

[173] *Ури Авнери.* Последняя месть Адольфа Гитлера // “22”, 1993, № 85, с. 132, 134, 139.

[174] *М.Хейфец.* Что надо выяснить во времени // “22”, 1989, № 64, с. 218–219.

[175] *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 137–138.

[176] *Дан Левин.* На краю соблазна: [Интервью]// “22”, 1978, № 1, с. 55.

Даже напротив: «Сам факт Холокоста послужил нравственным оправданием для еврейского шовинизма. Уроки второй мировой войны были усвоены ровно наоборот... на этой почве вырос и идейно укрепился еврейский национализм. И это ужасно обидно. Чувство вины и сострадания по отношению к народу-жертве превратилось в индульгенцию, снимающую грех, непростительный для всех прочих. Отсюда нравственная допустимость публичных призывов не смешивать свою древнюю кровь с чужой»[177].

Однако, констатирует в конце 80-х годов еврейская публицистка, живущая в Германии: «Сегодня “моральный капитал” Освенцима уже растрачен»[178]. И она же год спустя: «Солидный моральный капитал, приобретенный евреями после Освенцима, кажется исчерпанным», евреи «уже не могут просто идти по старому пути претензий к миру. Ныне мир уже имеет право разговаривать с евреями, как со всеми остальными»; «борьба за права евреев не прогрессивнее борьбы за права других народов. Пора разбить зеркало и оглянуться: мы не одни в мире»[179].

До такой достойной, великодушной самокритичности — подниматься бы и русским умам в суждениях о российской истории XX века — от озверения революционного периода, через запуганное равнодушие советского, и до грабительской мерзости послесоветского. В невыносимой тяжести сознания, что в этом веке мы, русские, обрушили свою историю — через негодных правителей, но и через собственную негодность, — и в гложущей тревоге, что это, может быть, непоправимо, — увидеть и в русском опыте: не наказание ли то от Высшей Силы?

---

177 *Д. Хмельницкий.* Под звонкий голос крови, или с самосознанием наперевес // “22”, 1992, № 80, с. 175.

178 *С. Марголина.* Германия и евреи: вторая попытка // Страна и мир, 1991, № 3, с. 142.

179 *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen..., S. 150–151.

Глава 22 — С КОНЦА ВОЙНЫ — ДО СМЕРТИ СТАЛИНА

В начале 20-х годов авторы сборника «Россия и евреи» предвидели: «все эти светлые перспективы» (для евреев в СССР) — выглядят так «при предположении, что большевики захотят защищать нас. Но захотят ли? Можем ли мы думать, что люди, предавшие в своей борьбе за власть всё, начиная родиной и кончая коммунизмом, нам останутся верными и тогда, когда это перестанет быть им выгодно?»[1]

Но ни в 20-е, ни в 30-е годы, благоприятные им, советские евреи, в большинстве своём, не вняли этому трезвому остережению, да просто и не услышали его.

А между тем, вливаясь в российскую революцию, могли и евреи ожидать, что когда-нибудь, по закону отката всех революций, хоть уже хвостом, ударит она и по ним.

Послевоенные годы стали «годами тяжёлых разочарований»[2], принесли весомые испытания советским евреям. За восемь последних сталинских лет произошли: атака на «космополитов», потеря позиций в науке, искусстве, прессе, разгром Еврейского Антифашистского Комитета, с расстрелом главных членов, и «дело врачей».

По конструкции тоталитарного режима — *первым* орудием ослабления еврейского присутствия в управлении и не мог стать никто иной, как сам Сталин, только от него мог быть первый толчок.

Но ни коварный характер Сталина, ни задубенелость советской пропаганды не разрешали ни издать звука, ни сделать шага — вполне открыто. Мы видели, что в годы войны советская пропаганда никак не била тревогу в связи

---

1 *И.М. Бикерман.* Россия и русское еврейство // Россия и евреи: Сб. 1 / Отечественное объединение русских евреев за границей. Париж: YMCA-Press, 1978, с. 80 [1-е изд. — Берлин: Основа, 1924].

2 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939-1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 198.

с уничтожением евреев в Германии, и даже прикрывала происходящее там — опасаясь во время такой войны восприниматься собственным народом как власть проеврейская. Отношение советской власти к евреям могло меняться годами — а почти ни в чём не выходя на агитационную поверхность. Первые изменения и служебные перестановки начались, но ещё малозаметно, — от сближения Сталина с Гитлером в 1939. Не только еврей Литвинов был заменён Молотовым и началась «чистка» аппарата наркомата иностранных дел, но и в дипломатические школы и в военные академии не стало доступа евреям. Однако ещё прошло немало лет, пока стало внешне заметно исчезновение евреев из Наркоминдела и резкое падение их роли в Наркомвнешторге.

По секретности советских внутрипартийных движений — привременно никто не был осведомлён, что уже с конца 1942 года в аппарате Агитпропа наметились негласные усилия потеснить евреев из таких центров искусства, как Большой театр, московская Консерватория, московская филармония, где, по записке, поданной в ЦК летом 1942 начальником Агитпропа Александровым, всё «почти полностью находится в руках нерусских людей», а «русские люди оказались в нацменьшинстве», и — таблицы к тому[3]. Позже формировались попытки «начать сверху... национально-кадровое регулирование, означавшее на практике прежде всего потеснение евреев из управленческих структур»[4]. На протяжении лет, в зависимости от обстановки, Сталин то поддерживал, то осаживал такие усилия.

Напряжение военного времени в отношении евреев сказывалось и в послевоенной ре-эвакуации. В Сибири и в Средней Азии евреи были недружелюбно приняты тамошним окружением и после войны осели там почти только в столицах среднеазиатских республик, остальные потянулись назад, но возвращались — уже не в старые свои местечки и городки, а в крупные города[5].

---

[3] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001, с. 259–260.

[4] Там же, с. 310.

[5] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 181–182, 195.

Наибольший возвратный поток беженцев тёк на Украину — но именно там встретил наиболее неприязненное отношение населения, особенно к возвратному начальству или владельцам завидных квартир; тут добавилась ещё и накалённость недавней гитлеровской пропаганды на оккупированных землях. Возглавивший Украину с конца 1943 Хрущёв (тогда — 1-й секретарь компартии и Председатель Совнаркома Украины) не только ничего не говорил в публичных речах, молча обходил судьбу евреев за годы оккупации, — но выдерживал секретную инструкцию по Украине: не принимать евреев на ответственные должности. По рассказу старой коммунистки-еврейки Ружа-Годес, прожившей всю гитлеровскую оккупацию как полька Хельминская, а с приходом желанных коммунистов не принимаемой на работу как еврейка, Хрущёв, со свойственной ему частенько прямотой, так прямо и объяснил: «Евреи в прошлом совершили немало грехов против украинского народа. Народ ненавидит их за это. На нашей Украине нам не нужны евреи... [им] было бы лучше не возвращаться сюда. Лучше бы они поехали в Биробиджан... Здесь Украина. И мы не заинтересованы в том, чтобы украинский народ толковал возвращение советской власти как возвращение евреев»[6].

«В Киеве в начале сентября 1945 еврей, майор НКВД, был жестоко избит двумя военными и застрелил их, после чего произошло массовое избиение евреев, пятеро было убито»[7]. В источниках можно видеть и другие подобные случаи[8].

Как писал «Социалистический вестник»: обострившееся за время войны еврейское «национальное чувство остро реагировало на многочисленные проявления антисемитизма и на ещё более распространённое равнодушие по отношению к антисемитизму»[9].

---

[6] Хрущёв и еврейский вопрос // Социалистический вестник*, Нью-Йорк, 1961, № 1, с. 19.

[7] Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. Т. 8, с. 236.

[8] Социалистический вестник, 1961, № 1, с. 19–20; Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 146.

[9] Хрущёв и миф о Биробиджане // Социалистический вестник, 1958, № 7–8, с. 145.

Вот этот мотив как характерен: почти не менее чем сам антисемитизм, возмущает *равнодушие* к антисемитизму. Да, у измученных своими бедами людей и народов нередко падает порог сочувствия к бедам других. Тут и евреи не исключение; справедливо замечает современный автор: «Надеюсь, что меня, еврейку, осознавшую свои корни и естественно нашедшую своё место в Израиле, не заподозрят в предвзятости, если я напомню, что в годы своих страшных бедствий еврейские деятели культуры не выступали в защиту депортируемых народов Крыма и Кавказа»[10].

После освобождения Крыма Красной армией в 1943 «в Москве в кругах еврейской элиты заговорили о необходимости возрождения крымского проекта 20-х годов», то есть поселения евреев в Крыму. Советское правительство не пресекало таких устремлений в надежде, что «американские евреи будут щедрее жертвовать доллары для нужд Красной армии». Летом 1943 во время триумфальной поездки по Соединённым Штатам Михоэлс и Фефер могли, опираясь на устное согласие Молотова, вести переговоры с американскими сионистами о финансовой поддержке еврейского переселения в Крым. Идею создания еврейской республики в Крыму поддерживал и властный тогда Лозовский — замминистр иностранных дел[11].

В Еврейском Антифашистском Комитете (ЕАК) был и другой проект: основать Еврейскую республику на месте высланной республики Немцев Поволжья (где, как мы видели в прошлой главе, образовались еврейские поселения после ссылки немцев). — Эстер Маркиш, вдова члена ЕАК Переца Маркиша, подтверждает, что Маркиш подавал письмо — «по поводу передачи евреям бывшей республики немцев Поволжья»[12].

В Политбюро «к ЕАК наиболее благожелательно относились Молотов, Каганович и Ворошилов»[13]. И «по слухам,

---

10 *М. Блинкова.* Знание и мнение // Стрелец, Jersey City, 1988, № 12, с. 12.

11 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 428–429.

12 *Э. Маркиш.* Как их убивали // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1982, № 25, с. 203.

13 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 430.

некоторые члены Политбюро... склонялись к этой [крымской] идее»[14]. 15 февраля 1944 за подписью Михоэлса, Фефера и Эпштейна был направлен Сталину меморандум о том. (По версии П. Судоплатова: решение о высылке татар из Крыма, хотя и принятое Сталиным ещё раньше, поступило на исполнение к Берии 14 февраля[15], так что меморандум пришёлся как раз.)

Это был высший момент еврейских надежд. Исследователь этого периода Г.В. Костырченко пишет: руководители ЕАК «впали в эйфорию. Им стало казаться (особенно после поездки Михоэлса и Фефера на Запад), что при известной напористости с их стороны вполне возможно, подобно элите американского еврейства, оказывать влияние на правительственные круги, участвуя в формировании государственного политического курса в интересах советских евреев»[16].

Но Сталин не дал согласия на крымский проект, он не мог нравиться ему при стратегическом значении Крыма. Советские вожди, ожидавшие войны именно с Америкой, вероятно полагали, что в случае такой войны сплошное еврейское население в Крыму могло бы отнестись к Соединённым Штатам с симпатией. (Рассказывают, что в начале 50-х годов некоторым из арестованных евреев следователи ГБ говорили: «Ведь вы против Америки не пойдёте? Значит, вы наши враги».) Хрущёв — тоже думал так, и даже через 10 лет заявил канадской коммунистический делегации, специально занятой еврейским вопросом в СССР: Крым «не должен стать центром еврейской колонизации, так как в случае войны он был бы превращён в плацдарм против Советского Союза»[17]. — Эти ходатайства о крымской земле для евреев послужили вскоре доказательством замыслов «государственной измены» у членов ЕАК.

В конце войны у властей оживилась снова идея переселения в Биробиджан, и именно с Украины. За 1946–1947 отправилось туда несколько организованных эшелонов, до

---

[14] КЕЭ, т. 4, с. 602.

[15] *Павел Судоплатов.* Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-Пресс, 1997, с. 466–467.

[16] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 435.

[17] Крымское дело // Социалистический вестник, 1957, № 5, с. 98.

5–6 тысяч человек, и ещё сколько-то отдельными семьями[18], но многие, разочарованные, вернулись назад. С 1948 это переселенческое движение уже и заглохло. А затем, при общем повороте сталинской политики, начались аресты среди немногих биробиджанских еврейских деятелей (обвинения: искусственное насаждение еврейской культуры, навязывание её не-еврейскому населению, и, разумеется, шпионаж, и планы оторвать Биробиджан к Японии). На том история еврейских поселений в Биробиджане, по сути, и кончается. В конце 20-х годов планировали за 1-ю пятилетку переселить туда 60 тыс. евреев. К 1959 осталось 14 тыс., меньше 9% ото всего населения области[19].

Зато на Украине обстановка заметно изменилась в пользу евреев. Власть, начав с бандеровцами жестокую борьбу, уже не так считалась с украинскими националистическими настроениями; с конца 1946, без публичной огласки, компартия «повела против антисемитизма кампанию исподволь, постепенно приучая население к факту выдвижения евреев на ответственные посты в разных областях работы» в советских и хозяйственных учреждениях. Тут же, с начала 1947, украинскую компартию передали (ненадолго) от Хрущёва в руки Кагановича. Евреи стали выдвигаться и на партийные посты, «особенно показательно в этом оношении назначение еврея... секретарём... Житомирского областного комитета компартии»[20].

Но настроение многих евреев было справедливо недоверчиво к этой власти и к новой обстановке. И когда, вскоре после войны, производили возврат бывших польских граждан в Польшу — то и многие не-польские евреи «поспешили воспользоваться этой возможностью», уехали туда[21]. (Отдельная история — что́ произошло потом в Польше: в послевоенном марионеточном польском правительстве, в насаждаемой им администрации и в польском КГБ возник большой перевес евреев — и это снова имело для массы польских евреев, позже, тяжёлые последствия. — Да свои конфликты возникли после войны и в других странах Восточной Европы: «во всех этих странах

---

[18] *С.М.Шварц.* Биробиджан // КРЕ–2, с. 189.

[19] Там же, с. 192, 195–196.

[20] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 185–186.

[21] Там же, с. 130.

евреи играли очень значительную роль в экономической жизни», лишились имущества при Гитлере, а когда после войны всюду там «были проведены законы о реституции... [они] затронули интересы очень большого числа новых владельцев». Вернувшиеся евреи требовали возврата своих предприятий, не национализированных коммунистами, — это вызвало к евреям вспышку новой вражды[22].)

А между тем в эти самые годы происходило крупнейшее событие в мировой еврейской истории — возникновение государства Израиль. Когда в 1946–47 сионисты не поладили с англичанами — Сталин, видимо из антибританских расчётов, а при удаче создать себе и там опору, — принял сторону первых. Весь 1947 год Сталин через Громыко в ООН активно поддерживал идею независимого еврейского государства в Палестине, помогал и чехословацким оружием тоже. А в мае 1948 СССР в течение двух суток признал *де-юре* объявленную Израилем независимость и осудил арабские действия против Израиля.

Но не рассчитал Сталин, насколько от такой поддержки вырастет национальное самосознание советских евреев. Многие призывали ЕАК организовать сбор средств для израильской армии, другие хотели записаться в добровольцы, в ЕАК обращались с идеей сформировать специальную еврейскую дивизию[23].

При таком взлёте чувств в сентябре 1948 первым израильским послом в Москву приехала Голда Меир — и была бурно, с ликованием встречена в московских синагогах и вообще московскими евреями. И сразу же многие из них стали подавать заявления на переселение в Израиль: в советском еврействе от Катастрофы крепло и поднималось национальное сознание, размеров которого Сталин, очевидно, не ожидал. Оказалось, что свои подданные хотят туда массами утекать? и израильское государство будет, кажется, прозападным? — там быстро росло американское присутствие и влияние, — а между тем СССР терял поддержку арабского мира? (Впрочем, с Израилем «охлаждение было взаимным. Израиль всё чаще обращал свой взор

---

[22] Там же, с. 217–218.

[23] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 403–404.

в сторону американского еврейства, которое было его главной опорой»[24].)

Видимо напуганный таким раскалом еврейских национальных чувств, Сталин — с конца 1948 и на все свои оставшиеся годы вперёд — круто изменил политику относительно евреев. Однако сперва, по его обычаю: круто — а не громковещательно, коренным образом — а внешне движениями лишь малыми и побочными.

Но какими бы ни побочными — а для еврейских лидеров причина волноваться была разлита в воздухе. Тогдашний редактор польской еврейской газеты «Фольксштимме» Гирш Смоляр потом вспоминал «о смятении, охватившем после войны советских коммунистов-евреев». В отчаянии был Эммануил Казакевич и другие еврейские писатели. На столе Эренбурга Смоляр видел «гору писем — сплошной стон об антиеврейских настроениях в стране»[25].

Однако сам Эренбург свою советскую службу знал и исполнял, как надо. (Как много позже стало известно, именно в это время был рассыпан набор «Чёрной книги», составленной И. Эренбургом и В. Гроссманом, — об уничтожениях и страданиях советских евреев при войне СССР с Германией.) И в «Правде» 21 сентября 1948, в противовес триумфальному приезду Голды Меир, появилась большая заказанная ему статья: евреи — вообще не нация и обречены на ассимиляцию[26]. Статья вызвала смятение в кругах не только советского еврейства, но и — в Америке. И при начинавшейся Холодной войне «дискриминация евреев в СССР» стала из главных противосоветских козырей Запада. (Как и — симпатии Запада к сепаратизму в СССР, чему никогда раньше в России евреи не сочувствовали.)

Однако же продолжал выситься созданный по нуждам германской войны ЕАК, официально организованный (около 70 членов, со своим штатным аппаратом, газетой,

---

24 *С. Цирюльников.* СССР, евреи и Израиль // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1987, № 96, с. 156.

25 *С. Цирюльников.* СССР, евреи и Израиль // ВМ, Нью-Йорк, 1987, № 96, с. 150.

26 *И. Эренбург.* По поводу одного письма // Правда, 1948, 21 сентября, с. 3.

издательством), — и становился как бы духовным и физическим представительством всех советских евреев — как перед ЦК ВКПб, так и перед Западом. «Руководителям ЕАК позволялось многое: иметь приличное жалованье, возможность печататься и получать гонорары за рубежом, принимать и распределять подарки и посылки из-за границы и, наконец, выезжать туда». Вокруг ЕАК «возникло сначала элитное, верхушечное, а потом всё более растущее вширь еврейское национальное движение»[27], он проступал уже как символ еврейской национальной автономии. Теперь Сталину предстояло постепенно избавиться от учреждения, ставшего ему помехой.

Он начал с самой крупной фигуры — главы Совинформбюро Лозовского, который (по словам Фефера, ставшего с июля 1945 ответственным секретарём ЕАК) являлся «вдохновителем ЕАК... был в курсе всей его деятельности и был фактически руководителем». Из Агитпропа ЦК летом 1946 в Совинформбюро послана была проверочная комиссия, обвинившая, что «аппарат засорён... [в нём] недопустимая концентрация евреев». Лозовский был лишён поста заммина иностранных дел (как и Литвинов с Майским), а летом 1947 снят и с Совинформбюро[28].

После этого подходила и судьба ЕАК. В сентябре 1946 проверочная комиссия ЦК заключила, что ЕАК, вместо того чтобы «вести “боевую наступательную идеологическую борьбу с западной, и прежде всего с сионистской, пропагандой... продолжает линию буржуазных сионистов и бундовцев и по существу... борется за реакционную идею единой еврейской нации”». В 1947 указано было из ЦК, что «работа среди еврейского населения Советского Союза не входит в обязанности» ЕАК. «Своё внимание комитет должен был сосредоточить на “решительной борьбе против попыток международной реакции и её сионистских агентов”»[29].

Но тут совпало с произраильской политикой СССР в те месяцы, и разгон ЕАК не последовал. Однако председателю ЕАК Михоэлсу, «неформальному лидеру советского еврей-

---

[27] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 353, 398.

[28] Там же*, с. 361, 363–364.

[29] Там же, с. 366, 369.

ства, пришлось распрощаться с иллюзиями о возможности повлиять на кремлёвскую национальную политику посредством родственников диктатора» (имелся в виду в первую очередь зять Сталина Григорий Морозов). Но самую деятельную помощь ЕАК оказывали и жена Молотова П.С.Жемчужина, арестована в начале 1949, и жена Ворошилова «Екатерина Давидовна (Голда Горбман), фанатичная большевичка, ещё в юности отлучённая от синагоги»). По докладной Абакумова, Михоэлс подозревался в «сборе личных сведений о вожде»[30]. И вообще, по версии МГБ, «проявлял повышенный интерес к личной жизни главы советского правительства», а руководство ЕАК «по заданию американской разведки добывало сведения о жизни И.Сталина и его семьи»[31]. Однако Сталину не годился открытый процесс над Михоэлсом, по размерам его авторитета, — и судьбой Михоэлса стало убийство в январе 1948 под видом «несчастного случая». Гибель духовного вождя потрясла и ужаснула советское еврейство.

Дальше, ступенями, решалась и судьба ЕАК. В конце 1948 помещения его были опечатаны, документы вывезены на Лубянку, закрыта газета и издательство. Вослед арестованы Фефер и Зускин — ключевые фигуры в ЕАК, — в глубокой тайне, и аресты долго официально отрицались. В январе 1949 был арестован Лозовский, в феврале — ещё ряд видных членов ЕАК. Весь 1949 шли интенсивные их допросы, но с начала 1950 следствие замерло. (Правда, по сталинскому приёму равновесия это происходило одновременно с разгромом русских национальных попыток в ленинградской верхушке — «антипартийная группа Кузнецова-Родионова-Попкова», — но те попытки, тот разгром и значение его остались в истории как бы и незамеченными, хотя по «Ленинградскому делу» в начале 1950 «было арестовано, а затем расстреляно около 2 тысяч партийных работников»[32].)

А в январе 1949, боковым и дальним обходом, большой редакционной статьёю в «Правде», но как будто о малозначительном вопросе — «Об одной антипатриоти-

---

[30] *Г.В.Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 376, 379, 404.

[31] КЕЭ, т. 8, с. 243.

[32] Там же, с. 248.

ческой группе театральных критиков»[33] (через день, понапористей, статья в «Культуре и жизни»[34]), — Сталин скомандовал начать потеснение евреев из советской культуры, избрав ключом расшифровку их русских псевдонимов. А в СССР «многие советские евреи закамуфлировали своё еврейство с таким искусством», что «просто не по зубам выудить» их, — объясняет и редактор нынешнего еврейского журнала[35].

(У этой правдинской статьи была долгая, малоизвестная предыстория. Ещё в 1946 в аппаратных донесениях ЦК указывалось, «что из 29 критиков, выступающих в печати по вопросам театра, только 6 русских. При этом подразумевалось, что большинство остальных критиков — евреи». Ощутив тревогу, в ноябре того же года, всё ещё «чувствуя себя облечёнными высоким доверием партии, некоторые театральные критики, считая свою победу обеспеченной, перешли к открытой конфронтации с Фадеевым»[36], всесильным главой Союза советских писателей и фаворитом Сталина. И потерпели тогда поражение. И дело надолго заглохало, а вот в 1949 пробудилось.)

Покатилась кампания по газетам, по партсобраниям. Г. Аронсон в своём обзоре положения евреев «в эпоху Сталина» пишет: «Задачей этой кампании было вытеснение представителей еврейской интеллигенции из всех пор советской жизни... Доносчики с злорадным торжеством раскрывали псевдонимы. Оказалось, что Е. Холодов на самом деле Меерович, Яковлев — Хольцман, Мельников — Мильман, Ясный — Финкельштейн, Викторов — Злочевский, Светов — Шейдман и т.д. "Литературная газета"... усиленно занималась этим разоблачением»[37].

Не отказать Сталину, что он избрал уязвимое место — и остро раздражающее массы. Однако Сталин не был простак, чтобы так прямо и выпялить — «евреи». С этого перво-

---

33 Правда, 1949, 28 января, с. 3.

34 На чуждых позициях: (О происках антипатриотической группы театральных критиков) // Культура и жизнь, 1949, 30 января, с. 2–3.

35 *В. Перельман.* ...Виноваты сами евреи // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 23, с. 216.

36 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 321, 323.

37 *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 150.

го толчка «группы театральных критиков» потекла широкая и долгая кампания против «космополитов» (с советским тягучим тупоумием прицепились к этому хорошему слову и затягали его). «"Космополитами", против которых была направлена атака, были исключительно евреи. Не было такой области, в которой бы не обнаружили "космополитов"... Притом все они были лояльными советскими людьми, которые ни в чём антисоветском заподозрены не были и благополучно пережили полосу великих чисток Ягоды и Ежова. Некоторые были людьми с большим стажем и влиянием, порой с крупным именем в своей области»[38]. Разоблачение «космополитов» перетекло затем и — в идиотское, смехотворное превозношение русского «первенства» во всех, всех областях науки, техники и культуры.

Впрочем, «космополитов», как правило, не арестовывали, их опозоривали публично, изгоняли из редакций печатных органов, идеологических и культурных, из ТАССа, Главлита, из литературных институтов, театров, филармоний, кого и из партии, и печатные работы «космополитов» останавливались.

А публичная кампания ширилась, захватывала всё новые имена и поля деятельности. Антиеврейские чистки с «космополитскими» обвинениями прошли в институтах Академии Наук — институте философии (а там тлела давняя вражда кланов), экономики, права, в Академии Общественных наук при ЦК ВКПб, в юридическом институте (перекинулось и в прокуратуру).

Так, на историческом факультете МГУ «был объявлен главой космополитов в исторической науке» — даже давний преданный коммунистический фальсификатор академик И.И.Минц, награждённый и личным сталинским доверием, и сталинскими премиями, и сразу несколькими кафедрами в нескольких вузах. А за ним стали «освобождать» многочисленные научные посты в МГУ от учеников Минца и других профессоров-евреев[39].

Потеснение евреев из технических и точных наук набирало размах постепенно. — «Конец 1945 г. и 1946 г. бы-

---

[38] *Г.Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 150.

[39] *А.Некрич.* Поход против "космополитов" в МГУ // Континент: Литературный, обществ.-политический и религиозный журнал. Париж, 1981, № 28, с. 301-320.

ли для евреев этой социальной категории относительно спокойны». Исследователь роли евреев в науке и промышленности СССР военного времени приводит для иллюстрации такой факт: «В 1946 г. был нанесен первый в послевоенные годы серьёзный удар по работникам аппарата управления и сфабриковано крупное "дело". Жертвами стали в основном русские... евреев среди них не было». А «в следственных протоколах имелись показания на директора Саратовского авиационного завода Израиля Соломоновича Левина. Директор обвинялся в том, что во время Сталинградского сражения из-за брака в самолётах этого завода два авиаполка не смогли подняться в воздух. Факт был реальным, а не вымышленным следователями. Но Левин не был ни арестован, ни уволен». — В 1946 «в составе нового правительства должности наркомов сохранили Б.Л. Ванников, Л.М. Каганович, С.З. Гинзбург, Л.З. Мехлис... Должности заместителей министров сохранили почти все евреи, работавшие заместителями наркомов во время войны». — Исследователь отмечает первые жертвы среди евреев из инженерно-технической интеллигенции в 1947 году[40].

Академик А.Ф. Иоффе «в 1950 г. ... вынужден был уйти с должности директора Физико-технического института, который он организовал в 1918 г. и с тех пор бессменно его возглавлял». — В начале 1951 были уволены 34 директора и 31 главный инженер авиационных заводов. «В этом списке — большинство евреи». — Если в 1942 в министерстве общего машиностроения (наркомате миномётного вооружения) работало почти 40 директоров и главных инженеров — евреев, то в 1953 их осталось трое. — А в Советской армии «преследованием евреев — генералов... советское руководство не ограничилось. Офицеры чином пониже, занятые разработкой вооружения и боевой техники, также были удалены»[41].

Так чистки перешли и в оборонную индустрию, авиационную, автостроение (однако не коснулись ветви атом-

---

40 *Л.Л. Мининберг.* Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945). М., 1995, с. 413, 414, 415.

41 Там же, с. 416, 417, 427, 430.

ной), и тоже катились прежде всего по административным постам, по директорам и главным инженерам, затем и ведомственным служащим. Однако в оформлении увольнений никогда не высказывалась национальная причина — но обвинения в хозяйственных преступлениях или наличии родственников за границей, на фоне ожидаемого столкновения с США. Чистки в центрах отдавались и в провинции. Типично советской была и обстановка тех чисток (так знакомая с 30-х годов!): создавался всеобщий проклятый круг, когда угрожаемые нередко, пытаясь отвести от себя угрозу, спешили обвинить кого-нибудь другого.

Повторённым, ослабленным накатом 37-го года — напоминала советская власть евреям, что отнюдь не врастила их всамделишно, а в любой момент может и теснить. «У нас незаменимых нет!» (Впрочем, «Лаврентий Берия был терпим к евреям. По крайней мере, в назначении их на государственные посты»[42].)

«“Выталкивание” евреев из престижных и особо важных для правящей группы сфер производства, управления, культурной и идеологической деятельности, ограничение или полное закрытие доступа в ряд вузов приняли невиданный размах в 1948–1953... закрытыми для евреев остались сколько-нибудь значительные посты в КГБ, партийных органах, армии, а в ряде вузов, учреждений культуры и науки сохранялась процентная норма»[43]. — Через «пятый пункт» теперь давила на советских евреев та самая *пролетарская* Анкета, которая, другими пунктами, мозжила русских дворян, священство, интеллигенцию и всяческих «бывших» ещё в 20-е годы.

«Верхушка еврейской политической элиты хотя и пострадала от аппаратных пертурбаций, но, как ни странно, не так сильно, как можно было бы предположить», — заключает Г.В. Костырченко. «Основной удар в ходе чистки пришёлся по среднему, наибольшему в количественном отношении слою еврейской элиты — управленцам... а также журналистам, профессуре, другим представителям творческой интеллигенции... Именно эти, так сказать, но-

---

42 *Л.Л. Мининберг.* Советские евреи в науке и промышленности..., с. 442.

43 КЕЭ, т. 6, с. 855.

минальные евреи, несмотря на их почти полную оторванность от национальных корней, приняли на себя один из главных ударов в послевоенной кадровой чистке»[44].

Впрочем, что касается научных кадров, статистические данные таковы: «в конце 1920-х евреи составляли 13,6% всех научных работников в стране, к 1937 этот показатель возрос до 17,5%»[45], в 1950 он составлял 15,4% (25 125 евреев среди 162 508 научных работников СССР)[46]. — С. Марголина, оглядываясь из конца 80-х годов, заключает, что после войны, несмотря на размах кампании, «число высокообразованных евреев на высоких должностях оставалось всегда несоразмерно высоким. Но сравнительно с прежними "временами счастья" оно явно снизилось»[47]. — А М. Хейфец вспоминает «мемуарную статью одного из отцов советской атомной бомбы академика Будкера», как они с коллегами, ночами не спя, падая в обморок от напряжения, рождали для советского государства первую атомную бомбу, — и именно в дни преследования «космополитов», — и эти дни были «самыми вдохновенными и счастливыми» в жизни Будкера[48].

Но если «среди награждённых Сталинскими премиями и в 1949 году, как и в прежние годы, оказалось значительное количество евреев», не менее 13%, то к 1952, по подсчёту С. Шварца, 6%[49]. (Данные же о числе евреев-студентов в СССР не появлялись в печати с предвоенного времени вплоть до 1963, почти четверть века; мы приведём их в следующей главе.)

А собственно еврейская культура, на идише, и без того слабо оживавшая после войны, в годы 1948–1951 была прикрыта и заглохла, прекращали субсидировать и закрывали ещё остававшиеся еврейские театры, издательства,

---

44 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 515, 518.

45 КЕЭ, т. 8, с. 190.

46 *И. Домальский.* Технология ненависти* // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 25, с. 120.

47 *Sonja Margolina.* Das Ende der LЯgen: Rulland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 86.

48 *Михаил Хейфец.* Место и время (еврейские заметки). Париж: Третья волна, 1978, с. 68–69.

49 *С.М. Шварц.* Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952, с. 225–226, 229.

газеты, книготорговлю[50]. Прекратилось в 1949 и международное радиовещание на идише[51].

Послевоенное давление ощутили на себе и евреи на командных армейских постах, так что «к 1953 почти все генералы-евреи» и «около 300 полковников и подполковников были вынуждены выйти в отставку»[52].

Пока арестованные еврейские лидеры сидели больше трёх лет на Лубянке, Сталин долго шёл осторожным шагом (в 1949 очень кстати для себя приобрёл и первую водородную бомбу). Он понимал, какую международную бурю рискует вызвать развязкой с ЕАК. Однако и понимал неразрывную связь мирового еврейства с Америкой, своим врагом от первых послевоенных лет, со своего отказа от плана Маршалла.

Следствие по делу ЕАК было возобновлено в январе 1952. Подсудимые «обвинялись в связях с “еврейскими националистическими организациями Америки”, в отправках в эти организации “информации об экономике СССР”... в том, что “поставили вопрос о заселении Крыма и создании там еврейской республики”»[53]. Приговор был — к смертной казни 13 подсудимым: С.А. Лозовскому, И.С. Юзефовичу, Б.А. Шимелиовичу, В.Л. Зускину, ведущим еврейским писателям Д.Р. Бергельсону, П.Д. Маркишу, Л.М. Квитко, И.С. Феферу, Д.Н. Гофштейну, а также Л.Я. Тальми, И.С. Ватенбергу, Ч.С. Ватенберг-Островской, Э.И. Теумин[54]. И в августе — расстреляны втайне. (Член того же комитета Эренбург — «по лотерее», как он пишет, — не был даже арестован, также и многоувёртливый Давид Заславский. И после расстрела еврейских писателей Эренбург продолжал уверять на Западе, что они — живы, и пи-

---

[50] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 161–163; *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2, с. 373.

[51] КЕЭ, т. 8, с. 245.

[52] КЕЭ, т. 1, с. 687.

[53] КЕЭ, т. 8, с. 251.

[54] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 473.

шут[55].) — Разгром Еврейского Антифашистского Комитета сопровождался такими же тайными «дочерними» делами, было арестовано 110 человек, из них 10 расстреляно, 5 — умерли в ходе следствия[56].

А с осени 1952 — Сталин пошёл открыто: начались аресты среди евреев; среди профессоров-медиков в Киеве в октябре 1952, а также и в литературном киевском кругу. Это сразу же разнеслось и среди евреев СССР и по миру. 17 октября «Голос Америки» уже передавал «о массовых репрессиях» среди советских евреев[57]. Советские «евреи были скованы смертельным ужасом»[58].

И тут же вскоре, вослед, в ноябре, прошёл в Праге в сталинском стиле громко-«показательный» процесс Сланского, 1-го секретаря чехословацкой компартии, еврея, и группы государственно-партийных руководителей. Процесс имел открыто противоеврейский характер, с называнием «мировых руководящих» евреев, вроде Бен-Гуриона, Моргентау, — и уже в их упряжке американских лидеров Трумэна и Ачесона. Было 11 человек повешено, и среди них 8 евреев. Подводя черту, К. Готвальд сказал: «В ходе следствия и во время процесса... был вскрыт новый канал, по которому предательство и шпионаж проникают в коммунистическую партию. Это — сионизм»[59].

Тем временем, ещё с лета 1951, втихомолку нагнеталось «дело врачей» — обвинение видных прикремлёвских врачей в преступном лечении вождей. Для Госбезопасности такое обвинение не было новинкой, уже в «бухаринском» процессе 1937 года в подобном же обвинялись профессор Д.Д. Плетнёв, врачи Л.Г. Левин, И.Н. Казаков, — и доверчивая советская масса уже тогда ахала от злодейского замысла. Не постеснялись теперь повторить тот же сценарий.

По составу обвиняемых «дело врачей», о котором потом многое узналось, поначалу не было акцией исключительно антиеврейской: там состояли и крупные русские врачи. Де-

---

[55] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 155-156.

[56] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 507.

[57] *Г. Аронсон.* Еврейский вопрос в эпоху Сталина // КРЕ-2, с. 152.

[58] *В. Богуславский.* У истоков // "22", 1986, № 47, с. 102.

[59] *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина*, с. 504.

ло действительно питалось общим психозом Сталина, его боязнью заговоров, подозрительностью к врачам, особенно при ухудшении его здоровья. Видных врачей арестовывали группами, начиная с сентября 1952. Следствие развёртывалось с жестокими избиениями подследственных, дичайшими обвинениями — и дальше всё больше переходило в версию «шпионско-террористического заговора при связях с иностранными разведками», «американские наймиты», «диверсанты в белых халатах», «буржуазный национализм», — а значит, остриём против евреев. — (Конквест в «Большом терроре» прослеживает эту отдельную трагическую линию: высокопоставленные *врачи*. В 1935 ложный бюллетень о смерти Куйбышева подписали: наркомздрав Г. Каминский, И. Ходоровский, Л. Левин. В 1937 они же — столь же ложный бюллетень о смерти Орджоникидзе. — Да уже от их знания тайны — что могло их ждать дальше, кроме собственной смерти? — Конквест пишет: доктор Левин ещё с 1920 сотрудничал с ЧК, «работал с Дзержинским, Менжинским и Ягодой... "я видел... доверие ко мне со стороны руководителя такого учреждения"... Можно фактически считать Левина... членом круга сотрудников Ягоды в НКВД». — А уж поблизости читаем и нравоучительное: «Среди видных врачей, выступавших [в 1937] против [профессора медицины] Плетнёва и подписывавших яростные резолюции с нападками на него, находим имена М. Вовси, Б. Когана и В. Зеленина — тех, кто... в 1952–53 сами пошли под пытки в МГБ по "делу врачей-вредителей"», как и другие два врача, Н. Шерешевский и В. Виноградов, давшие требуемую экспертизу по смерти Менжинского[60].)

3 января 1953 «Правда» и «Известия» опубликовали сообщение ТАСС об аресте «группы врачей-вредителей». Обвинение прозвучало тяжёлой угрозой для советского еврейства — и тут же, по глумливому советскому обычаю, от видных советских евреев стали вынуждать подписи под письмом в «Правду» — с резчайшим осуждением козней еврейских «буржуазных националистов» и одобрением правительства. Под письмом было собрано несколько десятков подписей. (Подписали, в частности, М. Ромм, Д. Ойстрах, С. Маршак, Л. Ландау, В. Гроссман, Э. Гилельс, И. Дунаев-

---

60 *Роберт Конквест.* Большой террор / Пер. с англ. Firenze: Edizioni Aurora, 1974, с. 168, 353, 738–739, 754, 756–757.

ский. Эренбург сперва не подписывал, нашёл в себе смелость написать письмо Сталину: «попросить Вашего совета». Изворотливость требовалась непревзойдённая. Ему-то, Эренбургу, ясно, что «еврейской нации нет» вообще, единственный выход — ассимиляция, еврейский национализм «неизбежно приводит к измене»; но и что предложенное ему письмо могут опасно истолковать «враги нашей Родины». Однако: «я сам не могу решить эти вопросы»; но если «руководящие товарищи передадут мне... [что моя подпись] желательна... [и] полезна для защиты Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу»[61].)

Проект верноподданного письма вымучивался в аппарате ЦК, приобрёл более мягкий и благообразный вид. Но письмо-обращение так и не появилось в печати. Под влиянием ли возмущённого взрыва западной общественности — «дело врачей» ещё в последние дни Сталина, есть признаки, стало притормаживаться[62].

После публичного объявления «"дело врачей" вызвало широкую волну преследований врачей-евреев по всей стране. В различных городах страны органы госбезопасности фабриковали дела врачей... По всей стране врачи-евреи боялись ходить на работу, а пациенты боялись лечиться у них»[63].

После кампании «космополитской» да теперь грозный раскат «народного гнева» при «деле врачей» — естественно поверг в страх множество советских евреев: так возник слух (и потом укрепился в сознании), что Сталин готовил массовое выселение евреев в глухие места Сибири и Севера, — такой страх подкреплялся примерами уже послевоенной сталинской высылки целых народов. — В новейшей работе историк Г.В. Костырченко, тщательный исследователь «еврейской» политики Сталина, весьма основательно опровергает этот «миф о депортации», показывая, что он не подтверждён ни тогда, ни впоследствии никакими фактами, и даже принципиально такая депортация была бы для Сталина невыполнима[64].

---

61 «Против попыток воскресить еврейский национализм». Обращение И.Г. Эренбурга к И.В. Сталину // Источник: Документы русской истории. М., 1997, № 1, с. 141–146.

62 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 682, 693.

63 КЕЭ, т. 8, с. 254, 255.

64 *Г.В. Костырченко.* Тайная политика Сталина, с. 671–685.

Но поразительно, насколько были обморочены те круги советских евреев, которые безотказно предались советско-коммунистической идеологии. Много лет спустя С.К. говорила мне: «Нет ни одного поступка в моей жизни, которого б я так стыдилась, как того, что в 1953 *поверила* в дело врачей! — что они, может быть и невольно, но причастны к иностранному заговору...»

А в лондонском сборнике, уже 60-х годов, об этом времени сказано: «Несмотря на весь явно выраженный антисемитизм сталинского периода... многие [евреи] молились, чтобы Сталин остался жив, так как по опыту знали, что любой период ослабления власти означает резню евреев. Мы хорошо чувствовали хулиганские настроения “братских народов” по отношению к нам»[65].

9 февраля в советском посольстве в Тель-Авиве взорвалась бомба. 11 февраля СССР разорвал дипломатические отношения с Израилем. Конфликт вокруг «дела врачей» от того становился ещё острее.

И тут Сталин сорвался, не впервые ли? Не понял, чем развитие сюжета может грозить ему и *лично*, на его недосягаемом политическом Олимпе и в его надёжных затворах. Взрыв мирового гнева совпал с быстрым действием внутренних сил, которые, может быть, и покончили со Сталиным. Очень возможно, что через Берию (в том варианте, например, как это описано Авторхановым[66]).

После публичного коммюнике о деле врачей — Сталин прожил всего 51 день. «Освобождение из-под стражи и бессудебное оправдание врачей были восприняты старшим поколением советских евреев как повторение пуримского чуда»: Сталин сгинул именно в день Пурим, когда Эсфирь спасла евреев Персии от Амана[67].

3 апреля все уцелевшие обвиняемые по «делу врачей» были освобождены. Через день о том объявлено всенародно.

Уже который раз именно евреи — подтолкнули застывшую Историю вперёд.

---

65 *Н. Шапиро.* Слово рядового советского еврея // Русский антисемитизм и евреи. Сб. Лондон, 1968, с. 50.

66 *А. Авторханов.* Загадка смерти Сталина: (Заговор Берия). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976, с. 231–239.

67 *Д. Штурман.* Ни мне мёда твоего, ни укуса твоего // “22”, 1985, № 42, с. 140–141.

Глава 23 — ДО ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ

На другой же день после смерти Сталина, 6 марта, МГБ «перестало существовать» — то есть очень даже не перестало, но формально: Берия забрал его под свою лапу в МВД. И это освободило ему путь «раскрыть злоупотребления» МГБ и ещё никем до того не названного вслух министра МГБ Игнатьева (скрытно заменившего Абакумова). Видимо, года с 1952 Берия терял доверие Сталина и уже вытеснялся Игнатьевым-Рюминым на «деле врачей» — и так самим ходом обстоятельств притягивал к себе новооппозиционные Сталину круги. И вот уже через месяц, 4 апреля, имел силу опровергнуть «дело врачей» и обвинить Рюмина в его измышлении. А ещё через три месяца восстановлены были и дипломатические отношения с Израилем.

Всё это возродило для советских евреев эпоху надежд, и могло быть очень обещательно для них укрепление Берии, — но он был вскоре свержен.

Однако какое-то время заданная инерция действовала. «Со смертью И. Сталина... многие из уволенных евреев смогли вернуться на прежние места работы»; «в период “оттепели” были освобождены из лагерей... многие старые сионисты»; «в послесталинский период стали возникать первые сионистские группы — вначале локальные» [1].

Но опять стало поворачиваться в сторону, неблагоприятную для евреев. В марте 1954 Советский Союз наложил вето на попытку Совета Безопасности ООН открыть Суэцкий канал для израильских судов. В конце 1955 Хрущёв декларировал проарабскую и противоизраильскую политику. В феврале 1956 в знаменитом своём докладе на XX съезде партии Хрущёв, обильно говоря о расправах 1937–38 года, не упомянул особо, что среди пострадавших было так немало евреев; и не назвал расстрелянных в 1952 еврейских лидеров; и, говоря о «деле врачей», не сказал прямо,

---

1 Краткая Еврейская Энциклопедия (далее — КЕЭ). Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. Т. 8, с. 256.

что оно было направлено против евреев. — «Легко представить себе, какие горькие чувства всё это вызывало в еврейской среде», они «захлестнули и еврейские коммунистические круги за границей и даже руководства тех компартий, в которых евреи составляют значительный процент среди членов (канадская и американская партии)»[2]. — В апреле 1956 в Варшаве — под коммунистическим режимом, но с большим влиянием евреев — в еврейской газете «Фольксштимме» была опубликована сенсационная статья, называющая имена погибших евреев из области культурной и общественной — как в 1937–38, так и в 1948–52. Впрочем, статья при этом проклинала «капиталистических врагов» и «бериевщину» и приветствовала возврат к «ленинской национальной политике». «Статья “Фольксштимме” точно развязала стихию»[3].

И в мировых коммунистических и еврейских общественных кругах стали громко требовать объяснений от советских вождей. «В течение всего 1956 года иностранцы, приезжая в Советский Союз, открыто задавали вопросы о положении евреев в Советском Союзе, по существу о том, почему советское правительство не отказывается в еврейском вопросе от тяжёлого сталинского наследства?»[4] — это стало постоянной темой для иностранных корреспондентов и для приезжающих в СССР делегаций «братских компартий». (В частности отсюда-то и могла разразиться в советской прессе громкая в своё время «измена» коммунизму — до тех пор его бурного защитника американского писателя Говарда Фаста.)

Тем временем уже «сотни советских евреев из разных городов в той или иной форме принимали участие во встречах возрождающихся сионистских групп и кружков», «активными участниками этих групп были старые сионисты, сохранившие связь с родственниками или друзьями в Израиле»[5].

---

[2] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского Еврейского Рабочего Комитета, 1966, с. 247.

[3] Там же, с. 247–248.

[4] Хрущёв и еврейский вопрос // Социалистический вестник, Нью-Йорк, 1961, № 1, с. 20.

[5] КЕЭ, т. 8, с. 257.

В мае 1956 в Москву приехала делегация французской социалистической партии. «Особое внимание было уделено вопросу о положении евреев в Советском Союзе»[6]. Хрущёв попадал в сложное положение: он уже не мог разрешить себе не давать объяснений, но и, особенно после своего опыта в послевоенной Украине, понимал, что вернуть евреев к их положению 20–30-х годов уже вряд ли придётся. Он ответил: «В начале революции у нас было много евреев в руководящих органах партии и правительства... После этого мы создали новые кадры... Если теперь евреи захотели бы занимать первые места в наших республиках, это, конечно, вызвало бы неудовольствие среди коренных жителей... Если еврей назначается на высокий пост и окружает себя сотрудниками-евреями, это естественно вызывает зависть и враждебные чувства по отношению к евреям». — («Странным» и «фальшивым» называет «Социалистический вестник» этот аргумент Хрущёва об окружении «сотрудниками-евреями».) — В той же беседе перешло к еврейской культуре, к еврейским школам, и Хрущёв объяснил так: «Если бы были созданы еврейские школы, не нашлось бы, наверно, много охотников посещать их. Евреи рассеяны по всей стране... Если бы евреев обязали посещать еврейскую школу, это несомненно вызвало бы возмущение. Это было бы понято, как своеобразное гетто»[7].

Ещё через 3 месяца, в августе 1956, приехала делегация канадской компартии — и теперь уже прямо «со специальным поручением добиться ясности в еврейском вопросе». То есть в послевоенные годы еврейский вопрос уверенно становился в центре западно-коммунистических забот. «Хрущёв отверг как клевету против него и против партии все упрёки в антисемитизме», перечислил ряд советских евреев на высоких постах, «упомянул даже о своей невестке-еврейке», однако тут же «несколько неожиданно... перешёл к вопросу о “хороших и дурных чертах у каждого народа” и остановился на “ряде негативных черт у евреев”», к недо-

---

6 Хрущёв и еврейский вопрос // Социалистический вестник, 1961, № 1, с. 20.

7 Слова Н.С.Хрущёва приведены в отчёте переводчика французской делегации Пьера Лошака: Réalités, Paris, Mai 1957, p. 64–67, 101–104. — Мы цитируем их в обратном переводе «Социалистического вестника» (1961, № 1, с. 21).

статкам отнёс и «ненадёжность их в политическом отношении» — но не коснулся ни их положительных черт, ни вообще других народов[8].

В этой же беседе Хрущёв высказал своё согласие с решением Сталина против еврейского автономного Крыма — именно с той формулировкой, что эта колонизация Крыма явилась бы военным риском для Советского Союза. Это заявление особенно ранило еврейскую общественность. Канадская делегация настаивала, чтобы ЦК КПСС опубликовал специальное и особое заявление о том, как пострадали евреи, — «но натолкнулись на решительный отказ»: «другие народы и республики, которые тоже пострадали от бериевских злодеяний против их культуры, их работников искусств, с изумлением задали бы вопрос: почему заявление только о евреях?» (С. Шварц комментирует категорично: «Убогость этой аргументации бросается в глаза»[9].)

Но на этом не кончились вопросы. «Тайно влиятельные иностранные еврейские коммунисты пытались» получить «объяснения о судьбе еврейской культурной элиты», а в октябре того же года 26 «прогрессивных еврейских лидеров и писателей» с Запада публично обратились к премьеру Булганину и «президенту» Ворошилову — сделать «публичное авторитетное заявление о совершённых несправедливостях и о мерах, принятых для восстановления еврейских культурных учреждений»[10].

Но политика советского правительства к евреям была и при «семибоярщине» (1953–1957), и при Хрущёве — и непоследовательной, и осторожной, и оглядчивой, и двойственной, так что подавала импульсы и надежды в разных направлениях.

Как раз лето 1956, и вообще полное общественных надежд, было движением и еврейских надежд. Секретарь СП Сурков уже обещал нью-йоркскому коммунистическому издателю, что есть план создать еврейское издательство, открыть еврейский театр, выпускать еврейскую газету, литературный трёхмесячник, созвать всесоюзное совещание

---

8 *J.B. Salsberg*, Talks with Soviet Leaders on the Jewish Question // Jewish Life, Febr. 1957. — Цит. в переводе «Соц. вестника» (1961, № 1, с. 20).

9 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...* , с. 250.

10 Там же*, с. 249–251.

еврейских писателей и культурных деятелей, и создана комиссия по возрождению еврейской литературы (на идише). К 1956 году «в Москве опять собралось немало еврейских писателей и журналистов[11]. «Тот оптимизм, который во всех нас заронил 1956-й год, не скоро угас»[12], — вспоминали потом еврейские деятели.

Но советская власть продолжала жаться и переминаться, без смысла, сдерживая развитие самостоятельной еврейской культуры. Вероятно, в значительной степени сопротивлялся и сам Хрущёв.

А тут накатили и события: Суэцкая война, нападение Израиля-Англии-Франции на Египет («Израиль идёт к самоубийству», грозно писала советская печать) — и венгерское восстание, имевшее ещё и тот, почти замолчанный в истории, оттенок, что оно приняло антиеврейский характер[13] — быть может, из-за обилия евреев в венгерском КГБ. (Не в этом ли одна из причин, пусть не главная, почему Запад уж совсем никак и ничем не поддержал восстание? — да к тому же был захвачен суэцкой проблемой. А для Советов не вытекал ли тот вывод, что еврейскую тему лучше бы приглушать?)

А ещё через год Хрущёв победил своих противников на партийных верхах — и среди других был свергнут и Каганович.

Кажется — много ли? кажется, далеко не он один, и не он же среди свергнутых главный? и выкинут он совсем не как еврей. Однако «его уход с еврейской точки зрения несомненно символизировал конец эпохи». Оглянулись, посчитали: «евреи исчезли не только из руководящих органов партии, но также из ведущих правительственных кругов»[14].

---

[11] Там же, с. 241, 272.

[12] *Ю. Штерн.* Ситуация неустойчива и потому опасна: [Интервью] // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1984, № 38, с.132.

[13] *Andrew Handler.* Where Familiarity with Jews Breeds Contempt // Red Star, Blue Star: The Lives and Times of Jewish Students in Communist Hungary (1948–1956). New-York: Columbia University Press, 1997, p. 36–37.

[14] *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // Книга о русском еврействе, 1917–1967 (далее — КРЕ-2). Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1968, с. 360–361.

Пришло время основательно задуматься и решить: как же евреи относятся к нынешней, вот такой власти?

Давид Бург, эмигрировавший ещё в 1956 году, нашёл весьма полезную для советской власти формулировку, как же евреям относиться к ней: «Некоторым опасность антисемитизма “снизу” кажется большей, чем опасность антисемитизма “сверху”», «правительство, хотя и давит на нас, но всё же допускает нас существовать. Если же наступит революционная перемена, то в ходе неизбежной анархии переходного периода мы будем попросту перебиты. Будем поэтому держаться за правительство, как бы плохо оно ни было»[15].

Эти опасения мы уже не раз встречали и в 30-е годы: евреям надо поддерживать большевицкую власть в СССР, ибо без неё будет ещё хуже. И теперь, хоть советская власть и дальше подпортилась, а евреям за неё держаться неизбежно, как и раньше.

Западный мир, и более всего Соединённые Штаты весьма прислушивались к таким рекомендациям, даже в самые напряжённые годы Холодной войны. К тому же социалистический Израиль ещё был полон коммунистических симпатий и многое прощал Советскому Союзу за разгром Гитлера. Но — как же истолковать антисемитизм в СССР? Тут рекомендация Д. Бурга и подобных ему выполняла нужный «социальный заказ»: перекос от антисемитизма советского правительства к «антисемитизму русского народа» — извечному и проклятому.

Теперь вспомнили некоторые евреи добрым словом и ту, разогнанную в 1930, Евсекцию при ЦК (Диманштейн и другие руководители уже были давно расстреляны), которая казалась в 20-е годы слишком уж коммунистической: Евсекция «в известной степени была стражем еврейских национальных интересов... органом, выполнявшим и положительную работу»[16].

А политика хрущёвского руководства так и оставалась ясно не выраженной ни в какую сторону: надо думать, Хрущёв и недолюбливал евреев, но и не влёкся бороться против них, да и смекал же, что это никак ему не выгодно в между-

---

[15] *David Burg.* Die Judenfrage in Der Sowjetunion // Der Anti-kommunist, München, Juli-August 1957, № 12, S. 35.

[16] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе...*, с. 238.

народном смысле. Всё-таки в 1957–58 разрешили широкие по стране еврейские концерты и чтения, во многих городах (так, «в 1961 еврейские литературные вечера и концерты еврейской песни посетило около 300 тысяч зрителей»)[17]; но и прекратили допуск в СССР варшавской «Фольксштимме», тем отрезая от мировой еврейской информации[18]. В 1954, после длительного перерыва, была издана на русском языке книга Шолом-Алейхема «Мальчик Мотл», затем другие его книги и переводы на другие языки неоднократно, а в 1959 значительным тиражом вышло его собрание сочинений. С 1961 в Москве стал выходить на идише журнал «Советиш Геймланд», хотя и со строго официальной позицией. И на идише и на русском выходили книги расстрелянных еврейских писателей, можно было услышать по всесоюзному радио еврейскую мелодию[19]. К 1966 «в Советском Союзе живут около ста еврейских писателей», пишущих на идише, «почти все названные писатели одновременно работают по-русски в качестве журналистов и переводчиков», «многие из них работают учителями в русских школах»[20]. Но еврейский театр не возобновился до 1966. И в 1966 С. Шварц определяет состояние евреев как «культурное сиротство»[21]. Впрочем, другой автор с горечью замечает: «Одной лишь политикой властей нельзя объяснить отсутствие энтузиазма и интереса... широких кругов еврейского населения» к тогдашним культурным начинаниям». «Выступления еврейских актёров в те годы происходили, за редким исключением, в полупустых залах. Книги еврейских писателей не раскупались»[22].

Такая же извилистая, но более непримиримая политика хрущёвских властей проводилась и относительно еврейской религии. Это была часть общего хрущёвского антире-

---

[17] Там же, с. 283–287; КЕЭ, т. 8, с. 258.

[18] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе..., с. 281.

[19] *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР: Путь в Двадцать первый век // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1989, № 1, с. 65–66.

[20] *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ–2, с. 379–380.

[21] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 280, 288.

[22] *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР: Путь в Двадцать первый век // Страна и мир, 1989, № 1, с. 66.

14—4917

лигиозного штурма; известно, как разрушительно досталось в нём православию. С 30-х годов уже не было никаких учебных заведений для подготовки духовных лиц, как и ни для одной религии в СССР до войны. В 1957 в Москве открылась иешива — школа по подготовке раввинов, всего на 35 учеников, а затем их последовательно вытесняли, например лишением московской прописки. Стесняли в издании молитвенников, препятствовали производству предметов религиозного обихода. То, до 1956, государственные пекарни выпекали мацу и продавали её в магазинах перед еврейской Пасхой — то, с 1957 же, начались стеснения выпечки, с 1961 почти повсеместно запретили; то принимали из-за границы посылки с мацой, то останавливали их на таможнях, и даже требовали от получателей выражать печатное негодование против этих посылок[23]. — Синагоги закрывались во многих городах. «В 1966 в СССР осталось всего 62 синагоги»[24]. В Москве же, Ленинграде, Киеве, столицах республик власти не решались закрывать их. И в 60-е годы так же происходили по праздникам обширные богослужения, с массовыми уличными скоплениями вокруг синагог (10–15 тысяч)[25]. С.Шварц отмечает, что в 60-е годы религиозная жизнь советских евреев находится в тяжёлом упадке, но проявляет широту взгляда, напоминая, что это — окончание длительного процесса секуляризации сознания, начавшегося в русском еврействе ещё в конце XIX в. (кстати, добавляет он, преуспевшего и в вовсе не коммунистической Польше между Первой и Второй Мировыми войнами)[26]. — Иудейское вероисповедание в СССР было лишено единого управляющего центра; но когда советским властям нужно было выжать из ведущих раввинов политическую показуху для заграницы, — или о процветании иудейства в СССР, или гневно против атомной войны, — то власти умели это организовать[27]. «Советские власти неоднократно использовали еврейских религиозных деятелей в своих внешнеполитических целях». Так, «в

[23] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 304–308.

[24] КЕЭ, т. 8, с. 259.

[25] *Л.Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2, с. 358.

[26] *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 290.

[27] Там же, с. 294–296.

ноябре 1956 группа раввинов опубликовала протест по поводу Синайской кампании [Израиля]»[28].

Особым же и несомненным утяжелением для иудейской религии в СССР стала, от Суэцкого конфликта 1956, всё растущая мода на «борьбу с сионизмом». Сионизм сам по себе, как разновидность социализма, мог бы стать для партии Маркса-Ленина даже и родным братом, — но с середины 50-х годов решение заручиться арабской дружбой толкало советских правителей вести травлю сионизма. Однако сионизм был для советских масс — далёким, незнакомым и абстрактным явлением. И чтоб эту борьбу овеществить, воплотить — сионизм преподносился как сгусток извечного иудейского образа, облика. В книгах и брошюрах против якобы сионизма вплеталась и борьба с иудаизмом, и открытые антиеврейские мотивы. Если в 20–30-е годы еврейская религия в СССР находилась, сравнительно с православием, не под таким напором жестоких преследований, то 1957 год зарубежный социалистический обозреватель отмечает как «решительное усиление борьбы с иудаизмом», «поворотный пункт в развитии борьбы с еврейской религией», «характер борьбы не только против еврейской религии, но против еврейства вообще»[29]. — Прошумевший эпизод тут был — изданная в 1963 в Киеве, по-украински, в издательстве украинской Академии Наук, брошюра «Иудаизм без прикрас», 12 тыс. экземпляров, но со столь отъявленными антиеврейскими карикатурами, что это вызвало международное крупное возмущение, даже у коммунистических «друзей» (постоянно оплачиваемых из Москвы). С возмущением против брошюры выступили лидеры американской и британской компартий, «Юманите», «Унита», брюссельская прокитайская коммунистическая газета, многие другие голоса, а в комиссии по правам человека ООН требовали объяснения от украинского представителя. Всемирная Еврейская Культурная Ассоциация требовала предать автора брошюры и карикатуриста — суду. Советская сторона в оправданиях долго упорствовала, что, кроме разве рисунков, «книга заслуживает в целом

[28] КЕЭ, т. 8, с. 258.

[29] Антисемитский памфлет в Советском Союзе // Социалистический вестник, 1965, № 4, с. 67.

положительной оценки»[30]. Но в конце концов и «Правда» вынуждена была признать, что это «плохо подготовленная... брошюра», где «ряд ошибочных высказываний... и иллюстрации могут оскорбить чувства верующих и быть истолкованы в духе антисемитизма» — а, «как известно, такого вопроса в нашей стране нет и быть не может»[31]; однако рядом «Известия»: хотя в брошюре есть недостатки, но «сам по себе замысел... не может вызвать никаких сомнений»[32].

Не обошлось и без ареста нескольких московских и ленинградских религиозных евреев по обвинению в «шпионаже [беседах при встречах] в пользу одного капиталистического государства» [Израиля], а синагоги-де — лишь «прикрытие для разных уголовных "операций"»[33], — чтобы пожёстче напугать остальных.

На самых видных постах евреев уже не оставалось, но многих ещё можно было увидеть на действенных, ценимых вторых местах (хотя, скажем, Вениамин Дымшиц с 1962 беспрепятственно руководил Госпланом и одновременно был зампред Совмина СССР и член ЦК, с 1961 по 1986[34]). Да ведь когда-то евреи пошли и «в ЧК–НКВД и МВД... столь густо, что до сих пор ещё, после всех чисток, чтоб еврейским духом и не пахло, — чудом сохранились отдельные экземпляры, вроде известного капитана Йоффе в мордовских лагерях»[35].

По всесоюзной переписи 1959 евреев в СССР было 2 млн. 268 тыс. человек. (Правда, есть и предупреждающие голоса против доверия к этой цифре: «Все знают... что евре-

---

30 Антисемитский памфлет в Советском Союзе // Социалистический вестник*, 1965, № 4, с. 68–73.

31 В Идеологической комиссии при ЦК КПСС // Правда, 1964, 4 апреля, с. 4.

32 Об одной непонятной шумихе // Известия, 1964, 4 апреля, с. 4.

33 *С.Шварц*. Евреи в Советском Союзе..., с. 303.

34 Российская Еврейская Энциклопедия. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1, с. 448.

35 *Р.Рутман*. Кольцо обид // Новый журнал, Нью-Йорк, 1974, № 117, с. 185.

ев в СССР больше, чем их числится по переписи», в день переписи еврей записывается не по паспорту, а кем он *хочет* быть[36].) — Из них в городах жило 2 млн. 162 тыс., т.е. 95,3% сравнительно с 82% в 1926 и 87% в 1939[37]. И даже, заглядывая вперёд, по переписи 1970 «увеличение численности евреев в Москве и Ленинграде вызвано, очевидно, не естественным приростом, а переселением евреев (вопреки всем ограничениям прописки) из других городов страны». За эти 11 лет также и в Киев «переселилось, по крайней мере, несколько тысяч евреев. Процесс концентрации еврейского населения в больших городах продолжается уже много десятилетий»[38].

Кто знает разницу благосостояния между городским и сельским населением в СССР — для того эти цифры не будут мёртвыми. Г. Розенблюм, редактор видной израильской газеты «Едиот Ахронот», приводит почти анекдотический рассказ одного из израильских послов в Москве доктора Хареля о его поездке по СССР в середине 60-х годов. В большом колхозе под Кишинёвом ему сказали, что «евреи, работающие в этом колхозе, хотят [с ним] встретиться. [Израильтянин] страшно обрадовался, что в колхозе есть евреи» (любовь к земледелию — хороший знак для Израиля). Рассказывает: «пришли три еврея... один — кассир, один — редактор колхозной стенгазеты и третий — какой-то хозяйственник. Других я не нашёл. Так что евреи чем занимались [т.е. прежде], тем и продолжали заниматься». Г. Розенблюм от себя подтверждает: «Советские евреи в массе своей действительно не пошли на физическую работу»[39]. — И Л. Шапиро заключает: «Приобщение евреев к сельскому хозяйству, т.н. процесс аграризации, окончился провалом, несмотря на все усилия... общественных еврейских организаций и... государственную помощь»[40].

---

36 *И. Домальский.* Технология ненависти // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1978, № 26, с. 113–114.

37 КЕЭ, т. 8, с. 298, 300.

38 *И. Ляст.* Алия из СССР — демографические прогнозы // “22”, 1981, № 21, с. 112–113.

39 *Г. Розенблюм, В. Перельман.* Крушение Чуда: причины и следствия*: [Беседа] // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 24, с. 120.

40 *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2, с. 346.

А в Москве, Ленинграде, Киеве, наиболее ублаготворённых — и материально, и культурно — сравнительно с остальной страной, даже и другими городами, по переписи 1959 года евреев было, соответственно, — 3,9%, 5,8% и 13,9%, — совсем не мало, если учесть, что в 1959 евреи составляли 1,1% от населения СССР[41].

Вот эта высочайшая, 95-процентная сконцентрированность в городах обусловила и особую болезненность для евреев той «системы запретов и ограничений», которая, как мы упоминали в предыдущей главе, наметилась ещё в начале 1940-х, — «и, хотя ограничительные правила никогда не были опубликованы, а официальные лица упорно отрицали их существование, они, эти правила, весьма эффективно закрывали евреям доступ ко многим сферам деятельности, профессиям и должностям»[42].

Пишут, что как-то возник тревожный слух среди евреев: будто бы Хрущёв в какой-то своей (ненапечатанной) речи заявил, что «столько евреев будет принято в вузы, сколько их работает в шахтах»[43]. Возможно, и было брякнуто, это — в манере Хрущёва; только подобное «уравнение» не осуществлялось никогда. Но действительно, к началу 60-х годов, при росте абсолютного числа студентов-евреев, относительное их число существенно снизилось по сравнению с довоенным: если в 1936 доля студентов-евреев в 7,5 раза превышала общую долю евреев в населении страны[44], то теперь — в 2,7 раза. Эти новые данные распределения учащихся высших и средних учебных заведений по национальностям были впервые после войны напечатаны в статистическом ежегоднике «Народное хозяйство СССР в 1963 году»[45], и такая таблица печаталась в ежегодниках вплоть до 1972 года. По абсолютному числу учащихся в ВУЗах и средних специальных учебных заведениях евреи в 1962/63 учебном году стояли на четвёртом

---

41 КЕЭ, т. 8, с. 300.

42 *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 65.

43 *Н. Шапиро.* Слово рядового советского еврея // Русский антисемитизм и евреи: Сборник. Лондон, 1968, с. 55.

44 КЕЭ, т. 8, с. 190.

45 Народное хозяйство СССР в 1963 году: Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965, с. 579.

месте — после трёх славянских наций; для ВУЗов число это составляло 79,3 тысячи, при общем числе студентов 2943,7 тысяч (т.е. 2,69% от общего числа). К следующему учебному году, 1963/64, число студентов-евреев выросло до 82,6 тыс., а общее число студентов в СССР достигло 3260,7 тыс. (2,53%). Такое соотношение, почти не меняясь, сохранялось до учебного года 1969/70: студентов-евреев — 101,1 тыс., всего студентов — 4549,9 тыс., а затем начало снижаться и в 1972/73 равнялось 1,91%: студентов-евреев — 88,5 тыс., всех студентов — 4630,2[46]. (Забегая вперёд, отметим, что это падение совпало по времени с началом еврейской эмиграции в Израиль.)

Относительное число евреев — научных работников к общему их числу также падало в 60-е годы: с 9,5% в 1960 — до 6,1% в 1973[47]. — В те же годы «советское искусство и литература насчитывают десятки тысяч еврейских имён»[48] — 8,5% писателей и журналистов; 7,7% артистов и художников; больше 10% судей и адвокатов, около 15% врачей[49]. (В медицине — вообще традиционно много евреев, но в той заклятой «советской психиатрии», которая в эти именно годы начала сажать здоровых в психушки, кто там, увы, состоял? — Перечисляя «еврейские профессии», М.Хейфец пишет: «Психиатрия — еврейская монополия, — сказал мне приятель-психиатр, еврей, незадолго до [моего] ареста, — только в последнее время, и то в приказном порядке, к нам стали направлять русских». И приводит примеры: главный психиатр Ленинграда проф. Авербух, ездит на экспертизы в ГБ, в Большой Дом; в Москве — известный Лунц; в Калужской больнице — Лифшиц и «вся их еврейская гоп-компания во главе с Лифшицем». — А арестовали самого Хейфеца, стала его жена искать адвоката с «допуском», то есть с разрешением от КГБ

---

[46] Народное хозяйство СССР в 1969 году. М., 1970, с. 690; Народное хозяйство СССР в 1972 году. М., 1972, с. 651.

[47] *И.Домальский.* Технология ненависти // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 25, с. 120.

[48] *Э.Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 66.

[49] *А.Нов, Жд.Ньют.* Еврейское население СССР: демографическое развитие и профессиональная занятость // Евреи в Советской России (1917–1967). Израиль: Библиотека «Алия», 1975, с. 180.

на политические дела, и «ни одного русского не нашла», все такие адвокаты — евреи[50].)

В 1956 Фурцева, тогда 1-й секретарь Московского горкома партии, «жаловалась на то, что в некоторых учреждениях евреи составляют более половины всего персонала»[51]. (В противовес замечу: в *эти* годы евреи состояли в советском аппарате не ко вреду. Советская законность всегда твердолобо и безжалостно была направлена *против* всякого живого человека, посетителя, просителя. И часто окаменевшие от власти русские, сидящие в учреждениях, охотно отдавались каждому предлогу торжествующе отказать просителю; а у чиновника-еврея теперь много чаще можно было встретить живое понимание, с ним можно решить дело и по-человечески.) — Приводит Л.Шапиро и жалобы на то, что в национальных республиках евреев вытесняет из аппарата туземная интеллигенция[52], — а ей и программно там отдаётся предпочтение, это всеобщий процесс по республикам, не менее того вытесняют и русских.

Приходит на ум пример из американской жизни этих же лет, как раз в 1965. Нью-йоркский отдел Американского Еврейского комитета в течение четырёх месяцев производил негласный опрос более тысячи руководящих сотрудников пятидесяти нью-йоркских банков, после чего Еврейский комитет заявил протест: среди опрошенных оказалось меньше 3% евреев, хотя в населении Нью-Йорка евреи составляют одну четверть, — то есть требовал соблюдения *процентной нормы.* Тогда председатель Объединения банков штата Нью-Йорк ответил, что банк по закону не нанимает по признаку «расы, верования, цвета или национального происхождения» и не ведёт регистрации в таких категориях (это же был бы наш заклятый «пятый пункт»!). (Отметим, что и двумя годами раньше тот же Еврейский комитет провёл такое же исследование по национальному составу руководящих лиц пятидесяти наиболее крупных коммунальных служб США, а в 1964 — по такой же теме в промышленности филадельфийского района.)[53]

---

50 *Михаил Хейфец.* Место и время (еврейские заметки)*. Париж: Третья волна, 1978, с. 63–65, 67, 70.

51 *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2, с. 363.

52 Там же.

53 New York Times, 1965, October 21, p. 47.

Но вернёмся к советским евреям. Вот, уехав за границу, многие из них шумно рекламировали там свою прежнюю деятельность в газетно-журнальных издательствах и в кинорежиссуре. Так, в частности, узнаём от еврейского автора: «Это при его [Сырокомского] поддержке на всех ведущих постах “Литературки” оказались евреи»[54].

Тем не менее, спустя 20 лет, читаем такую оценку того времени: «Новый антисемитизм набирал силу... и ко второй половине 60-х годов уже представлял собой сложившуюся форму дискредитации, унижения и изоляции целого народа»[55].

И как же нам увязать все концы с концами?.. Где ж набраться нам спокойных, взвешенных оценок.

А тут начались, и тревожно восприняли их евреи, — сигналы из сфер, где действовали экономические тузы. «В Советском Союзе до известной степени сохранилась знакомая еврейской социологии тенденция концентрации евреев в специфических отраслях экономической жизни страны»[56]. А между тем к 60-м годам Никита спохватился, что в коренной советской экономике происходит сплошное массовое воровство и мошенничество.

И вот «в 1961 началась кампания борьбы с “хищениями социалистической собственности”, носившая откровенно антисемитский характер»[57]. С 1961 последовали карающие указы Верховного Совета — сперва против «спекуляции валютой», потом — против взяток, а затем — о применении смертной казни за них, беззаконно относя эту кару также и к преступлениям, совершённым *до* этих указов (например, в деле Я. Рокотова–В. Файбишенко). И в первый же год начались казни. Из первых девяти судебных процессов было приговорено к смертной казни 11 человек, среди них, «может быть, 6 евреев»[58]. Еврейская энциклопедия — более определённо: «В 1961–64 за экономические преступ-

---

54 *В. Перельман.* О либералах в советских верхах // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 87, с. 147.

55 *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 66.

56 *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2, с. 362.

57 КЕЭ, т. 8, с. 261.

58 *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 326–327, 329.

ления было казнено в РСФСР — 39 евреев, на Украине 79» и по другим республикам 43[59]. По этим процессам «подавляющее большинство подсудимых были евреями». (При этом публичность состояла в том, что в судебных сообщениях указывались имена-отчества подсудимых, — это и нормальный порядок судоговорения, а вот становилось «совершенно ясно, что это евреи»[60].)

Дальше, в большом фрунзенском процессе 1962 года, из 46 обвиняемых было, видимо, 19 евреев. «Нет никаких оснований думать, что эта новая политика задумана была как система антиеврейских мероприятий. Но с самого начала применения нового законодательства ему был придан антиеврейский характер» — имеется в виду, очевидно, публикация полных имён, в том числе еврейских, поскольку никаких прямых нападок и обобщений ни суд, ни власти, ни пресса себе не разрешили. А если написала «Советская Киргизия»: «они занимали разные посты, но тесно были связаны между собой», — то настороженность диктует: «но чем они "*были связаны*"... — этого газета не касается ни одним словом, предоставляя читателю догадываться и прямо толкая его к мысли, что основное ядро преступной организации составляли люди, "тесно связанные между собой" — чем? еврейством», «выпятить роль в этом деле евреев»[61]. Но «тесно связаны между собой» могли быть — сделками, корыстью, расчётами, махинациями. И вот, удивительно, никто не аргументирует, что эти лица были невиновны (хотя и могли быть). А *называть* их — травля евреев.

Дальше — вильнюсское дело валютчиков в январе 1962. Там *все* 8 подсудимых оказались евреями (и по ходу процесса были прикрыты имена не-еврейской номенклатуры, — это постоянный советский приём). На этот раз в обвинении звучал и прямой антиеврейский акцент: «сделки заключались в синагоге, споры разрешались раввином»[62].

---

[59] КЕЭ, т. 8, с. 261.

[60] *Н. Шапиро.* Слово рядового советского еврея // Русский антисемитизм и евреи, с. 55.

[61] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 330–333.

[62] Там же, с. 333–334.

С. Шварц со всей убеждённостью видит в этих судебно-экономических преследованиях — только разгул антисемитизма, уже и вовсе не оборачиваясь на «тенденцию концентрации евреев в специфических отраслях экономической жизни». — Также и всей западной прессой это было истолковано как жестокая кампания против евреев, *унижение и изоляция целого народа*, и Бертран Рассел протестовал в письме Хрущёву — и Хрущёв ему ответил лично[63]. Но после этого советские власти, кажется, сильно поостереглись трогать евреев.

На Западе официальный антисемитизм стали называть «самым острым вопросом» в СССР (не видя в стране других, острее) или «самой запретной темой». (Хотя и запретных была — тьма, включая грандиозное раскулачивание, или трёхмиллионную сдачу красноармейцев в плен в одном 1941 году, или на Тоцком полигоне в 1954 уничтожительный атомный «эксперимент» над собственными войсками.) Конечно, открытых высказываний против евреев компартия после Сталина не допускала. Возможно, применялся метод подстрекательных «закрытых лекций» и «инструктажей», — это вполне в советском стиле. Да верный заключительный вывод делает Соломон Шварц: «Достаточного рационального основания антиеврейская советская политика вообще не имеет», удушение еврейской культурной жизни «может казаться загадочным. Как объяснить эту дикую политику?»[64]

Отчасти: если внутри страны душилось вообще всё живое — то как ожидать, что не будут душить и столь живой, подвижный народ? А в 60-е годы ещё добавились международные расчёты СССР: требовалась кампания против Израиля. Был найден удобный, двусмысленный и неопределённый термин «антисионизм» — и «он был дамокловым мечом, занесенным над всем еврейским населением страны»[65]. Газетная кампания против «сионизма» как будто становилась неуязвимой ширмой, не докажешь, что

---

[63] Обмен письмами между Б. Расселом и Н.С. Хрущёвым // Правда, 1963, 1 марта, с. 1.

[64] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 421–422.

[65] *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 65.

это — просто антисемитизм. А вместе с тем грозно, опасно: «сионизм — орудие американского империализма». Евреям «косвенно или прямо приходилось доказывать свою лояльность, так или иначе убеждать своё окружение, что они не имеют никакого отношения к собственному еврейству и тем более к сионизму»[66].

Ощущения рядового еврея в СССР становились действительно пригнетёнными, это выпукло выражено одним из них: «За годы преследований и оскорблений у евреев выработался определённый психический комплекс подозрительности ко всякому к ним обращению, исходящему от не-евреев. Во всём они готовы предусмотреть скрытый или явный намёк на их национальность... Евреи никогда не могут публично заявлять о своём еврействе, и официально принято, что об этом нужно молчать, как будто это некий порок, как будто это криминальное прошлое»[67].

Большое впечатление произвёл в октябре 1959 случай в Малаховке — посёлке «в получасе езды от Москвы... с 30 тысячами жителей, из которых около 10% составляют евреи... В ночь на 4-е октября загорелась крыша малаховской синагоги и... домик смотрителя еврейского кладбища... в огне погибла жена смотрителя. В ту же ночь в Малаховке были расклеены и разбросаны листовки: “Долой жидов из торговли... Мы спасли их от немцев... они так быстро обнаглели, что русский народ не понимает... кто же на чьей земле”»[68].

И нарастающее угнетённое состояние доводило даже до такого синдрома, о котором пишет Д. Штурман: часть «еврейских обывателей доходит до ненависти к Израилю, считая его генератором антисемитизма в советской политике. Помню фразу одной преуспевающей учительницы-еврейки: “Бросить бы одну хорошую бомбу на весь этот Израиль, и нам было бы легче жить”»[69].

---

66 *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 66–67.

67 *Н. Шапиро.* Слово рядового советского еврея // Русский антисемитизм и евреи, с. 48, 55.

68 Социалистический вестник, 1959, № 12, с. 240–241.

69 *Д. Штурман.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // “22”, 1978, № 3, с. 180.

Но всё же — это было уродливое исключение. В основном, от разгула антисионистской кампании происходило «усиление сознания своего еврейства и рост симпатий к Израилю как форпосту еврейства в целом»[70].

Предлагают нам и такое объяснение тогдашней общественной ситуации: да, при Хрущёве «опасения за жизнь отошли для еврейского населения в прошлое», но «был заложен фундамент нового антисемитизма»: молодое поколение номенклатуры, борясь за кастовые привилегии, «стремилось занять ведущие позиции в культуре, науке, торговле, финансах и т.д. Здесь-то и произошло "знакомство" новоиспеченной советской аристократии с евреями, удельный вес которых в этих областях был традиционно велик». И «социальная структура еврейского населения, сосредоточенного главным образом в основных центрах страны, напоминала правящей верхушке структуру её собственного класса»[71].

Такая встреча — несомненно состоялась, это была историческая «смена вахт» на советских верхах, с еврейской на русскую. И антагонизм при этом возник несомненно, отчего, помню, в хрущёвское время в разговорах в еврейской среде звучали не только насмешки, но и сильная обида на выходцев из деревни, «мужиков», проникших в верхи.

А в общем, при натяжении разных влияний, но и при большой осмотрительности советских властей, — к 1965 году «распространённость и острота современного советского антисемитизма далеко уступают» тому, что наблюдалось «в годы войны и в первые годы после войны», и происходит, «кажется, заметное ослабление, может быть, начавшееся отмирание "процентной нормы"»[72]. — И в целом еврейское ощущение в 60-х годах держалось в диапазоне благополучия, это слышим от разных авторов. (Противовес только что прочтённому нами: «новый антисемитизм набирал силу» в 60-х годах.) — И спустя 20 лет высказывается то же впечатление: «для "евреев вообще" хрущёвский пе-

---

[70] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 395.

[71] *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 64–65.

[72] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 372, 409.

риод был одним из самых спокойных во всей их советской истории»[73].

«В 1956–57 возникло много новых сионистских кружков, в которых участвовали молодые евреи, ранее не проявлявшие особого интереса к еврейским национальным проблемам и сионизму. Важным толчком к пробуждению национального сознания евреев СССР и ощущению ими солидарности с государством Израиль стала Синайская кампания [1956]»; а затем «катализатором процесса возрождения сионистского движения в СССР для многих евреев стал Международный фестиваль молодёжи и студентов [Москва, 1957]... В период между фестивалем и Шестидневной войной [1967] сионистская деятельность в СССР постепенно приобретала всё более широкие масштабы. Связи советских евреев с израильским посольством участились, контакты стали менее опасными», «резко возросло значение еврейского самиздата»[74].

На переходе от 50-х годов в 60-е, в хрущёвскую «оттепель», евреи в СССР не только встряхнулись и выпрямились духовно от страха и угнетённости периода «космополитов» и «дела врачей», но в столичном обществе «быть евреем становилось модно даже», еврейская тема вошла в самиздат, в поэтические вечера, на которые рвалась молодёжь, Римма Казакова осмелела и возгласила с эстрады своё еврейское происхождение, — этот воздух сразу уловил и выразил Евтушенко в 1961 своим «Бабьим Яром»[75], причислив и себя к евреям по духу. Это стихотворение его (и смелость же «Литгазеты») прозвучало трубным гласом для всего советского да и мирового еврейства. Затем Евтушенко читал его на множестве и множестве публичных вечеров, всегда в грохоте аплодисментов. — Спустя время и Шостакович, немало обращавшийся к еврейской теме, взялся перекладывать евтушенковское стихотворение в 13-ю симфонию. К исполнению её допустили ограниченно. — «Бабий Яр» прошёл по еврейству — и шире, чем только советскому, — бодрящей и

---

[73] *Михаил Хейфец.* Новая «аристократия»? // Грани: Журнал литературы, искусства, науки и общ.-политической мысли. Франкфурт-на-Майне, 1987, № 146, с. 189.

[74] КЕЭ, т. 8, с. 262–263.

[75] *R. Rutman* // Soviet Jewish Affairs, London, 1974, Vol. 4, № 2, p. 11.

целящей струёй, как «революционный акт... в развитии общественного сознания в Советском Союзе», и явился для него «самым значительным событием со времени ликвидации “дела врачей”»[76].

В 1964–65 вернулась еврейская тема и в печатную литературу: «Лето в Сосняках» Анатолия Рыбакова и дневник Маши Рольник[77] («в явное подражание “Дневнику Анны Франк”»[78]).

«После снятия Н.Хрущёва со всех занимаемых постов несколько смягчилась политика властей в отношении евреев. Была ослаблена борьба против иудаизма, отменены почти повсеместно ограничения на выпечку мацы... Постепенно прекратилась кампания борьбы с экономическими преступлениями...» Однако «в советской печати была развязана пропагандистская кампания против сионистской деятельности среди советских евреев и их связей с израильским посольством»[79].

Все эти колебания и переломы в советской ситуации прошли для еврейского самосознания отнюдь не бесследно, нет, — значительным прорезом.

По переписи 1959 родным языком назвали еврейский всего лишь 21% евреев (в 1926 — 72%)[80]. Ещё и в 70-х годах понимали так: «Русское еврейство, которое было самым еврейским во всём мире, стало наименее еврейским»[81]. «Нынешнее развитие советского общества чревато для еврейства разрушением духовного и интеллектуального потенциала»[82]. А верней, как позже писал ещё один автор: евреям в СССР и «не дают ассимилироваться», и «не дают быть евреями»[83].

---

76 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 371.

77 Соответственно: Новый мир, 1964, № 12; *Мария Рольникайте.* Я должна рассказать // Звезда, 1965, № 2 и № 3.

78 *С.Шварц.* Евреи в Советском Союзе... , с. 373.

79 КЕЭ, т. 8, с. 262, 264.

80 Там же, с. 295, 302.

81 *Г.Розенблюм.* Крушение Чуда... : [Беседа с *В.Перельманом*] // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 24, с. 120.

82 *Л.Цигельман-Дымерская.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // “22”, 1978, № 3, с. 175.

83 *Ю.Штерн.* Ситуация неустойчива... : [Интервью] // “22”, 1984, № 38, с. 135.

Однако и за весь советский период еврейское самосознание никогда не заглохало.

В 1966 в официальном «Советиш Геймланд» — и в том утверждалось, «что даже ассимилированные евреи, говорящие по-русски, всё же сохраняют свой, отличный от других слоёв населения характер»[84]. Не говоря уж о евреях Одессы, Киева, Харькова, «даже кичившихся иной раз своей еврейскостью — вплоть до того, что с гоями дружить не хотели»[85].

Учёный Лев Тумерман (в 1977, уже в Израиле) вспоминает о раннем советском времени, что он тогда «отрицал всякий национализм». А теперь, оглядываясь на те годы: «Я с удивлением подмечаю то, что тогда ускользало от меня: несмотря на полную, казалось бы, ассимиляцию в русской среде, весь круг моих ближайших, задушевных друзей в ту пору оставался еврейским»[86].

Искренность его высказывания не вызывает сомнения, о таком говорится: «как сфотографировано». И воспринималось с несомненностью, именно такую картину я не раз наблюдал, — да никакой обиды она в русских и не вызывает.

Отмечает ещё один еврейский автор: в СССР «нерелигиозные евреи всех направлений дружно отстаивали принцип “чистоты расы”» — и добавляет: «Ничто не может быть естественнее. Люди, для которых еврейство — пустой звук, и не ассимилированные при этом, встречаются очень редко»[87].

Очень характерно и признание Натана Щаранского вскоре после приезда в Израиль: «Многое из моего еврейства было заложено в меня уже в нашей семье. Наша семья была хотя и ассимилированной, но еврейской». Отец был «простой советский журналист», «так увлёкся революционными идеями “счастья для всех”, а не только для евреев, что стал абсолютно лояльным советским гражданином». А

---

84 *Л. Шапиро.* Евреи в Советской России после Сталина // КРЕ-2*, с. 379.

85 *Ю. Штерн.* Двойная ответственность: [Интервью] // “22”, 1981, № 21, с. 127.

86 “22”*, 1978, № 1, с. 204.

87 *А. Этерман.* Истина с близкого расстояния // “22”, 1987, № 52, с. 112.

в 1967 после Шестидневной войны, затем и в 1968 после Чехословакии, «я внезапно ощутил явную разницу между собой и окружавшими меня неевреями... ощущение какой-то принципиальной разницы между моим, еврейским сознанием и национальным сознанием русских людей»[88].

А вот и ещё свидетельство (1975), очень вдумчивое: «Усилия, затраченные за последние 100 лет еврейской интеллигенцией для перевоплощения в русскую национальную форму, были поистине титаническими. Впрочем, это не принесло душевного равновесия; наоборот, заставило острее почувствовать горечь двунационального бытия». И «на трагический блоковский вопрос: "Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?" — вопрос, который для русского человека имеет, как правило, однозначный ответ, — на этот вопрос русско-еврейская интеллигенция отвечала, иногда после некоторого раздумья, — "Нет, не вместе. Рядом, до поры до времени, но не вместе!"... Обязанность — Родину не заменяет». И это «оставляло еврейству руки развязанными на всех крутых поворотах российской истории»[89].

Очень честно. И только бы мечтать, чтоб и все российские евреи имели ясность — признать эту дилемму.

А обычно ведь всю проблему видят только «в антисемитизме»: «Отстранив нас от приобщения ко всему истинно русскому, тамошний [в СССР] антисемитизм воспретил нам приблизиться и ко всему еврейскому... Антисемитизм страшен не столько тем, что он *делает евреям* (ставя им известные ограничения), сколько тем, что он *делает с евреями*, — превращая их в невротичных, придавленных, закомплексованных, ущербных»[90].

На самом деле от такого болезненного состояния — вполне, и быстро, и уверенно — оздоровлялись те евреи, кто с полнотою осознавал себя евреями.

Еврейское самосознание в СССР — крепло, проходя через исторические рубежи, посланные евреям в XX веке. Сперва — это была Катастрофа во Второй Мировой войне.

---

88 *А. Щаранский.* [Интервью] // "22", 1986, № 49. с. 111–112.

89 *Б. Орлов.* Не те вы учили алфавиты // ВМ, Тель-Авив, 1975, № 1, с. 129, 132–133.

90 *В. Богуславский.* Галуту — с надеждой // "22", 1985, № 40, с. 133, 134.

(Усилиями советской заглушки и замазки — осознание её у советского еврейства затянулось.)

Ещё толчок был дан кампанией против «космополитов» в 1949–50 годах.

Потом — тотальная угроза сталинской расправы, устранённая скорой смертью тирана.

А начиная с хрущёвской «оттепели», а затем, в 60-е годы, уже и без неё, — советское еврейство быстро распрямлялось в духе и ощущало себя — именно собою.

Уже во второй половине 50-х «растущее чувство горечи, охватывающее широкие слои советского еврейства», привело к тому, что «крепнет чувство национальной солидарности»[91].

Но «лишь в конце 60-х годов очень небольшая группа учёных, причём не гуманитариев (наиболее яркая фигура среди них, безусловно, Александр Воронель), начала с убеждённостью... вновь восстанавливать еврейское национальное сознание в России»[92].

И при таком-то назревавшем самосознании советских евреев — грянула и тут же победно унеслась, это казалось чудом, Шестидневная война. Израиль — вознёсся в их представлениях, они пробудились к душевному и кровному родству с ним.

Но советские власти, пришедшие в ярость от позорного поражения Насера, тут же и обрушили на еврейские головы грохочущую кампанию против «иудаизма-сионизма-фашизма», и как бы не все евреи суть «сионисты», и что «всемирный заговор» сионизма «есть *закономерное, неизбежное следствие всей еврейской истории, еврейской религии и созданного ими еврейского национального характера*», что «иудаизм оказался очень удобной религией для захвата мирового господства, потому что весьма последовательно проводил идеологию расового господства и апартеида»[93].

Кампания по телевидению и в газетах ещё же сопровождалась драматическим разрывом дипломатических отношений с Израилем. Советские евреи имели причины на-

[91] *С. Шварц.* Евреи в Советском Союзе..., с. 415.

[92] *Г. Файн.* В роли высокооплачиваемых швейцаров // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 12, с. 133–134.

[93] *Р. Нудельман.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // "22", 1978, № 3, с. 144.

пугаться: «казалось, что дело вот-вот дойдёт до призыва к погрому»[94].

Но под коркой этого напуга вырастал новый и уже необоримый взрыв еврейского национального сознания.

«Горечь, обида, озлобленность, неверие в будущее накапливались, чтобы наконец прорваться наружу и привести к полному разрыву с [этой] страной и [этим] обществом — к эмиграции»[95].

«Победа израильской армии способствовала пробуждению национального самосознания у многих тысяч почти совершенно ассимилированных советских евреев... Начался процесс национального возрождения... Активизировалась деятельность сионистских групп в различных городах страны... В 1969 предпринимались попытки создать объединённую [по СССР] сионистскую организацию... Росло число евреев, подающих документы на выезд в Израиль»[96].

А многочисленные отказы в выезде привели к неудавшемуся 15 июня 1970 захвату самолёта для угона. Последовавший «самолётный процесс» можно считать историческим рубежом в судьбе советского еврейства.

---

94 *Э. Финкельштейн.* Евреи в СССР... // Страна и мир, 1989, № 1, с. 67.

95 Там же.

96 КЕЭ, т. 8, с. 267.

Глава 24 — НА ОТКОЛЕ ОТ БОЛЬШЕВИЗМА

В начале XX века, когда Европа мнила себя уже на пороге всеобщего разума, никто не мог предсказать, с какой древней силой вспыхнут именно в этом веке национальные чувства всех народов мира. И век спустя все мы поражены: нам приходится предположить не близкое отмирание национальных чувств (как нам целое столетие вбивали в голову интернационал-социалисты), но — их укрепление.

Да разве многонациональность человечества — не есть его разносторонность и богатство? Эрозия наций была бы, скорее всего, обеднением человечества, энтропией духа. (И века национальных культур превратились бы в мёртвые, никому не нужные кладовые.) Это убого индустриальное рассуждение, что при всеобщем единообразии было бы п р о щ е организовать планетную жизнь. Но — и тошней было бы жить.

Однако в советской империи всегда назойливо-торжествующе твердили о сглаживании и слиянии наций, о том, что у нас не существует «национальных вопросов», и уж конечно «вопроса еврейского».

А еврейский вопрос — вопрос о трёхтысячелетнем небывалом существовании разбросанной по всему миру и спаянной по духу нации, живущей вопреки всяким представлениям о государственности и территориальности, и притом живейшим и сильнейшим образом влияющей на всю мировую историю, так что называли евреев и «осью мировой истории», — отчего же бы этот вопрос да не существовал? Если уж все, все национальные вопросы проявляются, даже вот гагаузский?

Да такого глупого сомнения не могло бы и возникнуть, если бы вокруг еврейского вопроса в разное время не велась бы политическая игра, кому какая нужна.

Так и у нас в России. В предреволюционном российском обществе, как мы видели, считалось «антисемитизмом» даже *умолчание* о еврейском вопросе. Больше того: в сознании российского общества утверждался тогда еврей-

ский вопрос — понимаемый как гражданское равноправие или *полноправие* — едва ли не центральным вопросом русской общественной жизни, и уж во всяком случае — центром совести каждого человека, лакмусовым его определителем.

Напротив. С ростом европейского социализма все национальные вопросы считались лишь досадным препятствием на пути этого великого учения, а уж еврейский вопрос (Марксом отнесенный прямо к капитализму) — тем более какой-то раздутой задоринкой. Моммзен свидетельствовал, что в кругах, как он выражался, «западно-русского социалистического еврейства» малейшая попытка обсуждать еврейский вопрос вызывала кличку «реакционер» и «антисемит» (это было ещё до Бунда).

Такой социалистический каменный стандарт наследственно перекочевал и в СССР. С 1918 года при коммунистах у нас сурово (и под страхом тюремного, а то и расстрельного наказания) было запрещено как-либо выделять еврейский вопрос (кроме сочувствия к страданиям евреев при царском режиме и умиления их активным вживанием в коммунизм). И интеллигентское сознание добровольно и охотно, а остальные вынужденно, следовали этому новому канону.

Сию установку коммунистическая власть твёрдо-бестрепетно провела и через советско-германскую войну: мол, никакого особенного «еврейского вопроса» не возникло и тогда. И дальше, и уже до самого своего умирания при Горбачёве, эта власть всё продолжала каменно твердить: никакого еврейского вопроса н е т, нет и нет! (Заменили «сионистским».)

Но уже с конца Второй Мировой войны, когда советские евреи осознали масштабы еврейского уничтожения при Гитлере, а затем через сталинскую «космополитскую» кампанию конца 40-х годов, — в сознание советской интеллигентской общественности внедрилось, напротив, что еврейский вопрос в СССР е с т ь, есть, и ещё как есть! И восстановилось дореволюционное понимание, что он — даже центральный для русского общества и для совести каждого отдельного человека. Что еврейский вопрос и есть «мера истинной человечности»[1].

---

[1] *В. Левитина.* Русский театр и евреи. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988. Т. 1, с. 24.

На Западе же только руководители сионизма (хотя некоторые — и сохраняя живую связь с твердолобым европейским социализмом) с конца XIX века уверенно заговорили об исторической уникальности и непреходящей насущности еврейского вопроса.

А с возникновением государства Израиль — вихри вокруг него внесли смятение и в невинность европейского социалистического сознания.

Тут напрашиваются два небольших, но в своё время прошумевших, характерных примера. — В одном из так называемых «диалогов между Востоком и Западом» (ловких устройств периода Холодной войны, где наперерез западным спорщикам выдвигались восточно-европейские чиновники или послушники, выдающие казённую невнятицу за свои душевные убеждения) в начале 1967 года словацкий писатель Ладислав Мнячко, достойно представляя социалистический Восток, остроумно заявил, что он *никогда* в своей деятельности, в своей жизни не имел какого-либо конфликта с коммунистической властью, кроме единственного случая, когда у него отобрали шофёрские права за нарушение правил уличного движения. Французский оппонент гневно заявил, что уж в *одном-то* случае наверняка следовало бы Мнячко стать в оппозицию: когда топили в крови соседнее венгерское восстание. Но нет, подавление Венгрии не нарушило душевного покоя Мнячко, не вынудило его ни к какой резкости или дерзости. — Прошло после того «диалога» несколько месяцев — возгорелась Шестидневная война. Чехословацкое правительство Новотного, верные коммунисты, обвинило Израиль в агрессии и порвало с ним дипломатические отношения. И что же? Спокойно снесший подавление Венгрии, Мнячко — словак, женатый на еврейке, — теперь настолько возмутился и взбудоражился, что покинул свою родину и в виде протеста отправился жить в Израиль.

Второй пример, того же года. Известный французский социалист Даниель Мейер в момент Шестидневной войны напечатал в «Монде», что отныне он: 1) стыдится быть *социалистом* — из-за того, что СССР называет себя социалистическим (когда в СССР уничтожали не то что народ, это ладно, но даже *социалистов* — он не стыдился); 2) стыдится быть *французом* (очевидно, из-за неправильной позиции де Голля); 3) *стыдится быть человеком* (уж

это не чересчур?); и *не* стыдится лишь одного того, что он — еврей[2].

Мы готовы разделить и негодование Мнячко, и гнев Мейера и обращаем внимание лишь на крайность их чувств — это при предыдущей долгой и угодливой терпимости к коммунизму. Ведь накал их чувств — это тоже сторона еврейского вопроса в XX веке.

И как же бы это — его «не было»?

Да кто в 50–80-е годы XX века слушал американское радиовещание для СССР, то могло показаться, что другого такого важного вопроса, как еврейский, в нашей стране не существовало. (В то же время внутри Соединённых Штатов, где евреев «очень можно охарактеризовать как... самое привилегированное меньшинство» и где они «достигли беспрецедентных позиций, большинство [американских евреев] всё равно находят ненависть и дискриминацию со стороны христианских сограждан мрачным фактом современной жизни»[3]; но утверждать это вслух — не звучало бы правдоподобно, и поэтому еврейского вопроса н е т, и замечать его и говорить о нём — не положено и неприлично.)

Надо нам привыкнуть говорить о еврейском вопросе не приглушённо и пугливо, но отчётливо, ясно, обоснованно. Не кипя страстями — но сочувственно вникая как в необычную и нелёгкую еврейскую всемирно-историческую судьбу, так и в наши русские века, исполненные тоже немалых страданий. Тогда рассеются взаимные предубеждения, иногда совсем дикие, и внесётся спокойная здравость.

Работая над этой книгой, убеждаешься, что еврейский вопрос не только всегда и всюду в мировой истории присутствовал — но он никогда не был частно-национальным, как другие национальные вопросы, а — благодаря ли иудейской вере? — всегда вплетался в нечто самое о б щ е е.

В конце 60-х годов, когда я проверял своё ощущение, что коммунистический режим — ведь обречён же? обре-

---

2 *Daniel Mayer.* J'ai honte d'être socialist // Le Monde, 1967, 6 juin, p. 3.

3 *Michael Medved.* The Jewish Question // National Review, 1997, July 28, p. 53.

чён! — меня значительно поддерживало то наблюдение, что вот — и столькие евреи отшатнулись от него.

Когда-то — они лились дружно и настойчиво поддержать советский режим, — и будущее было несомненно за ним. Но вот — евреи стали откладываться от него, сперва мыслящие, а потом и массой, — и не значит ли, что его годы сочтены? Признак.

Когда ж именно это случилось, что евреи из надёжной подпоры этому режиму перекинулись едва ли не в главное противотечение?

Сказать бы, что евреи — и всегда за свободу? Нет. Мы видели слишком многих из них трубачами нашего фанатизма. — Но вот — они отложились. И без них — ещё и сам старея — большевицкий фанатизм не только потерял в горячности, но даже и перестал быть фанатизмом, он по-русски оленивел, обрежневел.

Коммунистическая власть после советско-германской войны не оправдала надежд евреев: оказалось им жить при ней хуже, чем прежде. Мы видели главные ступени этого разрыва. — Поддержка Советским Союзом новорождаемого Израиля вдохновила советских евреев. — Травля «космополитов» — коммунизм стал отстранять евреев? стал теснить их? — сильно встревожила, но больше еврейскую интеллигенцию, ещё не обывательскую массу. — Страшная угроза сталинской расправы тряхнула крепчайше — но она была кратковременна, и вскоре чудесным образом разрядилась. — В годы семибоярщины и потом в хрущёвские — еврейские надежды сменялись разочарованием, и что-то затягивался путь к прочному улучшению.

И вот — грянула Шестидневная война, с библейской силой сотрясшая и мировое еврейство, и советское. И стало — лавиной возрождаться еврейское национальное сознание. После Шестидневной войны «многое изменилось... был дан импульс к действию. Пошли письма и петиции в советские и международные органы. Национальная жизнь оживилась: в праздники стало трудно пробиться в синагогу, появились нелегальные кружки по изучению еврейской истории, культуры, иврита»[4].

---

[4] *Михаил Хейфец.* Место и время (еврейские заметки). Париж: Третья волна, 1978, с. 174.

А тут эта нарастающая кампания против «сионизма», уже вяжущая одну петлю с «империализмом». И — тем чужей и отвратительней представился евреям этот тупой большевизм, — да откуда он такой вообще взялся?

Правда, многие образованные евреи своё отвержение от коммунизма пережили с сердечной болью, расставаться с *идеалом* было трудно: ведь то был «великий, и вероятно неизбежный, всечеловеческий эксперимент, начатый в России в 1917 году, эксперимент, подкреплённый древними, притягательными и по видимости возвышенными идеями, из которых далеко не все были пагубны, а многие сохранили своё позитивное значение и по сей день... Марксизм предполагает образованность»[5].

Долго и жарко многие публицисты-евреи держались за термин «сталинизм» — удобную форму оправдать раннюю советскую власть. Не так-то легко проходило расставание с привычным, с любимым: *оно* — ещё искоренимо ли?

Были и попытки расширить влияние интеллигенции на правящие верхи. Одна из таких (1966) — «Письмо XXIII съезду» КПСС, написанное Г. Померанцем. В проекте письма предлагалось Компартии: поверить «научно-творческой интеллигенции», которая «стремится не к анархии, а к законности... хочет не разрушить существующую систему, а сделать её гибче, разумнее, гуманнее», — и создать из интеллигентского ядра консультативный «теоретический центр», который будет давать *комплексные* советы административному руководству страны[6].

Попытка повисла в воздухе.

Ещё у многих долго ныли в мысленном образе «запылённые комиссарские шлемы».

Но выбора — уже не было. И советские евреи отложились от коммунизма.

И теперь, отпадая, обратили против него свой фронт. И вот тут бы — с очищающим раскаянием — самим сказать о прежнем деятельном участии в торжестве советского режима и сыгранной жестокой роли.

Нет, почти нет. (Исключения — сейчас, ниже.) А тот сборник «Россия и евреи» 1924 года, столь своевременный,

---

[5] *Ю. Колкер* // Русская мысль, 24 апреля 1987, с. 12.

[6] *Г. Померанц.* Проект письма XXIII съезду // Неопубликованное. Frankfurt/Main: Посев, 1972, с. 269–276.

столь уместный и душевно пронзительный, — ведь он был тогда же еврейской общественностью и заклёван. И даже по сегодняшнему мнению эрудита Шимона Маркиша: «никто не решается нынче взять под защиту горбоносых и картавых комиссаров: страшно прослыть советчиком, чекистом, Бог знает кем ещё... И всё-таки скажу без всяких оговорок: поведение еврейских юношей и девушек, уходивших к красным, в тысячу раз понятнее, чем резоны авторов названного выше сборника»[7].

Некоторые еврейские авторы всё же начали сознавать нечто из прошлого, как оно было, но — в самых осторожных выражениях: «Подошла к концу роль той "русско-еврейской интеллигенции", которая сложилась в довоенные и первые послевоенные годы и была — в какой-то степени убеждённо — носительницей марксистской идеологии, исповедовала — пусть робко, пусть в душе, в противоречии с практикой — идеалы либерализма, интернационализма и гуманизма»[8]. Носительницей марксистской идеологии? — да, конечно. Идеалы интернационализма? — о, конечно. Но либерализма и гуманизма? — лишь в послесталинское время, опоминаясь.

Однако у большинства евреев-комментаторов позднесоветского периода мы прочтём совсем не то. Оглядясь на всю даль от 1917 года, они увидели одни еврейские муки при этом режиме. «Среди многочисленных национальностей Советского Союза евреев всегда выделяли как самый "ненадёжный" элемент»[9].

Это — с каким же беспамятством можно такое промолвить в 1983 году? В с е г д а! — и в 20-е годы! и в 30-е! — и как *самый ненадёжный*?! Настолько всё забыть?

«Если... с высоты птичьего полёта посмотреть на советскую историю, то она вся представляется как последовательное перемалывание и уничтожение евреев». — В с я! Да мы ж её в предыдущих главах и перебрали и видели: уж не поминая густоты на верхах, — разве не было для множе-

---

[7] *Ш. Маркиш.* Ещё раз о ненависти к самому себе // "22": Общественно-политический и литературный жур-нал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1980, № 16, с. 188.

[8] *Р. Нудельман.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // "22", 1978, № 3, с. 147.

[9] *Ф. Колкер.* Новый план помощи советскому еврейству // "22", 1983, № 31, с. 145.

ства евреев периода благоустояния, массового перемещения в города, открытости высшего образования и культурного расцвета? Всё же оговорка: «Бывали... “флуктуации”, но общая тенденция сохранялась... советская власть, разрушающая все вообще национальности, с евреями поступает, в целом-то, наиболее круто»[10].

А ещё одному автору даже тот ранний момент, когда Ленин и РКПб кликнули евреев на помощь в госаппарат, и клич был услышан, а затем и значительные массы евреев из местечек прежде ненавистной черты оседлости перебрались в столицы и большие города, теснее к авангарду, — это «становление большевистского режима, превратившего большую часть евреев в “деклассированный элемент”, разорившего, сославшего в ссылки, разрушившего семьи», — видится ему «бытовой катастрофой» для «большинства еврейского населения». (Так ведь на ту картину — чьими глазами смотреть. Да и сам автор видит, чуть ниже: в 20-х и 30-х «дети деклассированных еврейских мелких буржуа успели закончить... технологические вузы и столичные университеты и стать “командирами” в буднях “великих строек”».) И ещё какие-то туманные выкладки: «в начале века основной характеристикой еврейской активности было... *очарование*... идеей построения нового справедливого общества», — но армией революции «стало откровенное быдло, все те, “кто был никем”», и «после становления режима» это быдло «решило реализовать свой лозунг и “стать всем”, добив и собственных вождей... Так установилось царство быдла — неограниченный тоталитаризм». (И, по всему контексту: евреи тут — совершенно ни при чём, разве — среди потерпевших вождей.) И эта чистка длилась «в течение четырёх десятков лет», до «середины пятидесятых годов»; к этому времени относит автор последнюю «горькую пилюлю положенных... по истории разочарований» для «“очарованных” евреев»[11]. Снова тот же взгляд: в с я советская история есть угнетение и вытеснение евреев.

И теперь — единый протестующий стон вырывается из стольких еврейских грудей: «Не мы выбирали эту власть!»

---

[10] *Ю. Штерн.* Ситуация неустойчива и потому опасна: [Интервью] // “22”, 1984, № 38, с. 130.

[11] *В. Богуславский.* В защиту Куняева // “22”, 1980. № 16, с. 169–174.

И будто бы даже: «Нет способа культивирования среди них [евреев] лояльной советской элиты»[12].

Да Боже, да этот способ работал безотказно 30 лет, только потом заел. А откуда же — столько блистательных многоизвестных имён? — уж они перед нами помелькали довольно.

И почему же 30–40 лет глаза множества евреев на суть советского строя не открывались — а теперь открылись? Чтó их открыло?

Да вот именно в значительной мере то, что эта власть вдруг повернулась и сама стала теснить евреев, не только из правящих и командных сфер, но из культурных и научных институтов. «Разочарование было таким свежим и болезненным, что даже детям не было сил и мужества поведать о нём. А дети? ...у подавляющего большинства доминирующим желанием продолжало оставаться всё то же — аспирантуры, карьеры и тому подобное»[13].

Однако предстояло посмотреть на своё положение пристальней.

В 70-е вновь возникла некая перекличка, даже совпадения мнений, немыслимые полвека.

Например, в 1929 писал Шульгин: «*Надо признать то, что было.* Голое отрицание... что евреи ни в чём не виноваты — ни в российской революции, ни в консолидации большевизма, ни в ужасах коммунизма — есть самый худший путь... Уже большой шаг вперёд, если можно это огульное обвинение еврейства во всех бедах, свалившихся на Россию, в известной мере дифференцировать. Хорошо уже, если можно найти "оттенки"»[14].

К счастью, такие оттенки, и ещё гораздо определительней: осмысление и даже раскаяние, — у отдельных евреев прозвучали. И, при честном уме и мудром жизненном опыте, достаточно отчётливо. И как это радостно. И как это обнадёживает.

---

12 *Ю. Штерн.* Ситуация неустойчива... // "22", 1984, № 38, с. 130.

13 *В. Богуславский.* В защиту Куняева // "22", 1980. № 16, с. 175.

14 *В.В. Шульгин.* «Что нам в них не нравится...»: Об Антисемитизме в России. Париж. 1929, с. 49–50.

Вот Дан Левин, американский интеллектуал, переехавший в Израиль: «Не случайно ни один из американских писателей, пытавшихся описать и объяснить, что произошло с советским еврейством, не затронул эту важнейшую тему — ответственности за коммунизм... В России народный антисемитизм во многом связан с тем, что русский народ видит в евреях причину всего, чтó с ним сделала революция. Но американские писатели — евреи и бывшие коммунисты... не хотят воскрешать тени прошлого. Между тем забвение прошлого — страшная вещь»[15].

Одновременно с ним еврей-эмигрант из СССР напечатал: опыт русского (советского) еврейства, в отличие от европейского, чей исторический опыт «есть опыт столкновения с *силой внешнего зла*... требует взгляда не изнутри наружу, а наоборот, внутрь самих себя, и поиска... именно там»; «в нашей реальности мы столкнулись только с одной еврейской духовностью — и она была в Комиссаре — и имя ей было марксизм». А вот — о «наших молодых сионистах, которые умеют выказать столько презрения в сторону России, её хамства и дикости, отделяя и противопоставляя древнюю еврейскую нацию», — «я как-то ясно вижу, что те, кто сегодня поют надменный гимн, прославляя еврейство целиком (и ни малейшего чувства вины, ни малейшей потенции взглянуть внутрь), вчера говорили: "Я не против советской власти, если бы не её антисемитизм", а позавчера били себя в упоении в грудь: "Да здравствует великое братство народов! Вечная слава Отцу и Другу Гениальному товарищу Сталину!"»[16]

Но если сегодня ясно видеть, что столько евреев было в железном большевицком руководстве, а ещё больше — в идеологическом водительстве огромной страны по ложному пути, — то не встаёт разве вопрос о каком-то чувстве ответственности за *тех*? В общем виде спрося: существует ли моральная ответственность — не круговая порука, а *ответственность — помнить и признавать*? — Вот немцы следующих поколений признают ответственность перед

---

[15] *Дан Левин.* На краю соблазна: [Интервью] // "22", 1978, № 1, с. 55.

[16] *А. Суконик.* О религиозном и атеистическом сознании // Вестник Русского Христианского Движения. Париж–Нью-Йорк–Москва, 1977, № 123, с. 43–46.

евреями даже самым прямым образом, и морально, и материально, как виновники перед пострадавшими: вот уж который год платят компенсацию Израилю и личные компенсации уцелевшим пострадавшим.

А евреи? Когда Михаил Хейфец, которого мы не раз цитируем в этой работе, пройдя лагеря, проявил высоту души раскаяться от имени своего народа за совершённое евреями в СССР во имя Коммунизма — его желчно высмеивали.

Всё образованное общество, *культурный круг* — искренно не замечали в 20-е и 30-е годы никаких обид *русских*, даже не допускали, что они есть, — но сразу же ощутили обиды еврейские, как только они возникли. И, например, Виктор Перельман, издающий в эмиграции еврейский противосоветский журнал «Время и мы», — служил режиму в самом нечистом месте, в «Литературной газете» Чаковского, — до тех пор, пока не возник перед ним еврейский вопрос. Тогда — отшатнулся.

На более высоком уровне это обобщалось так: «Крах... иллюзий об органическом вхождении в российские общественные движения, о возможности что-либо в России изменить»[17].

И так, осознав уже своё явное противостояние советскому режиму, — евреи стали в оппозицию ему, по своей роли в обществе — интеллектуальную. Разумеется — не их были мятеж в Новочеркасске, волнения в Краснодаре, Александрове, Муроме, Костроме. Но кинорежиссёр М. Ромм нашёл смелость недвусмысленно высказаться в публичной речи об известной кампании против «космополитов», — и это стало из первых документов самиздата (а сам Ромм, «Ленин в Октябре» (1937), «Ленин в 1918 году» (1939), 5-кратный лауреат сталинской премии, идеологически рассвободившийся ко времени, — стал как бы духовным лидером советского еврейства). И с тех пор евреи дали значительное пополнение «демократическому движению», «диссидентству» — и стали при том отважными членами его.

Уже из Израиля оглядываясь на московское кипение, пишет недавний участник его: «Большая часть русских демократов (если не большинство) — евреи по происхожде-

---

[17] *Р. Нудельман.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 112.

нию... Они не сознают себя евреями и не понимают, что их аудитория тоже в основном еврейская»[18].

Так евреи снова оказались — в российских революционерах и, в наследие той русской интеллигенции, которую евреи-большевики рьяно помогали уничтожить в первое пореволюционное десятилетие, — также и истинным, и искренним ядром нововозникшей оппозиционной общественности. Так что и — никакое прогрессивное движение без евреев снова стало невозможным.

Кто остановил поток лживых политических (и чаще полузакрытых) процессов? Александр Гинзбург. — Вслед за ним Павел Литвинов и Лариса Богораз. Не преувеличу, что их обращение «К мировому общественному мнению» в январе 1968, — не отданное капризам самиздата, а протянутое Западу бесстрашной рукой перед фотоаппаратами чекистов, — было рубежом советской идеологической истории. — Кто те семеро отважных, кто потянул свои чугунные ноги на Лобное место 25 августа 1968? — не для успеха протеста, но жертвой своей омыть российское имя от чехословацкого позора? четверо из тех семи — евреи. (А в населении их к 1970 — даже меньше процента, это ж надо и тут напомнить.) — Не забудем и Семёна Глузмана, не жалевшего своей свободы в борьбе против «психушек». — И многие московские интеллигенты-евреи из первых удостоились партийной кары.

Но от редких диссидентов можно было услышать хоть интонацию сожаления о прошлом своих еврейских отцов. П. Литвинов никогда нигде не обмолвился о пропагандной роли своего деда. Не услышим и от В. Белоцерковского, сколько невинных людей сгубил его отец, с тяжёлым маузером. На старость лет окунувшаяся в диссидентство коммунистка Раиса Лерт — уже и после «Архипелага» всё гордилась своей былой принадлежностью к *той* партии, «в которую вступила честно и восторженно» в молодости, «которой отдавала весь жар души, все силы и помыслы», и сама от неё пострадала, — но теперь это уже «не та» партия[19]. Не заранивается в ней, что ведь таково и сама тянется быть причастной к раннему партийному террору.

---

[18] *А. Воронель.* Будущее русской алии // "22", 1978, № 2, с. 186.

[19] *Р. Лерт.* Поздний опыт // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1980, № 6, с. 5–6.

В поток диссидентского движения после 1968 вступил безоглядно — и Сахаров. Среди его новых забот и протестов было много индивидуальных случаев, притом самых частных, а из таких более всего — заявлений в защиту евреев-«отказников». А когда он пытался поднять тему пошире, — простодушно рассказывал он мне, не понимая всего кричащего смысла, — академик Гельфанд ответил ему: «Мы устали помогать этому народу решать его проблемы»; а академик Зельдович: «Не буду подписывать в пользу пострадавших хоть за что-то — сохраню возможность защищать тех, кто страдает за национальность». То есть — защищать только евреев.

Возникло диссидентство и чисто еврейское, сознательно занятое только притеснением евреев и эмиграцией (о нём — позже).

Поворот общественного сознания часто выбирает себе отдельных лиц как своих выразителей, вдохновителей. Таким типичным — и точным — отобразителем интеллигентского понимания и настроения в СССР в 60-х годах стал *Александр Галич.* («Галич — это псевдоним, — поясняет Н. Рубинштейн. — Образован он соединением звуков, взятых из разных слогов имени, отчества и фамилии — Гинзбург Александр Аркадьевич. Выбор псевдонима — дело ответственное»[20]. Это верно, и автор, можно предполагать, сознавал, что, помимо «соединения звуков», это ещё имя древнего русского города, из глубинного славянского запаса). Галич был чутко движим общим интеллигентским поворотом и подпором. Магнитофонные записи его гитарного полупения-полудекламации расходились широко и почти обозначили собою целую эпоху общественного оживления 60-х годов, выразили его с большой силой и даже яростью. Мнение *культурного круга* было едино: «самый популярный *народный* поэт», «бард современной России».

---

[20] *Н. Рубинштейн.* Выключите магнитофон — поговорим о поэте // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1975, № 2, с. 164.

Самого Галича советско-германская война застала в 22 года. Он рассказывает: был освобождён от воинской повинности по здоровью, уехал в Грозный, «как-то неожиданно легко устроился завлитом в городской Драматический театр», сверх того «организовал театр политической сатиры»; потом эвакуировался, добрался через Красноводск в Чирчик под Ташкентом, оттуда в 1942 в Москву, вместе с новоформируемой театральной труппой для выступлений на фронте — и с нею провёл оставшуюся войну. Вспоминает, как не раз выступал в санитарном поезде, сочинял частушки для раненых, после концертов пили спирт с симпатичным начальником поезда в его купе. «Мы все вместе — пусть каждый по-своему — делали одно великое общее дело: мы защищали нашу Родину»[21]. Кончилась война — стал известным советским драматургом, 10 его пьес поставлено «большим количеством театров и в Советском Союзе и за рубежом» [216], — и сценаристом, участвовал в создании многих фильмов. Это — в 40–50-е годы, годы всеобщей духовной мертвизны, не выбиваясь же из неё? И о чекистах тоже был у него фильм, и премирован.

Но вот с начала 60-х годов совершился в Галиче поворот. Он нашёл в себе мужество оставить успешную, прикормленную жизнь и «выйти на площадь» [98]. С этого момента он и стал выступать по московским квартирам с песнями под гитару. Отринулся от открытого печатанья, хотя, разумеется, осталась тоска: «прочесть на обложке фамилию, не чью-нибудь, а мою!» [216].

Несомненную общественную пользу, раскачку общественного настроения принесли его песни, направленные против режима, и социально- едкие, и нравственно-требовательные.

Главное время его песен — от позднего Сталина и позже, без порицательных касаний светлого ленинского прошлого (впрочем, один раз хорошо: «Повозки с кровавой поклажей / скрипят у Никитских ворот» [224]). — В лучших поворотах — он зовёт общество к моральному очищению, к сопротивлению («Старательский вальсок» [26], «Я выбираю

---

21 *Александр Галич.* Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи. Екатеринбург: У-Фактория, 1998 (далее — *Галич*), с. 552, 556, 561–562. Страницы в тексте в квадратных скобках указаны также по этому изданию.

15—4917

свободу» [226], «Баллада о чистых руках» [181], «От анкет у нас в кляксах пальцы» [90], «Что ни день — фанфарное безмолвие славит многодумное безмыслие» [92]). — Порой — жёсткая правда о прошлом: «Полегла в сорок третьем пехота без толку, зазря» [21], порой — и «красные легенды»: было время — «чуть не треть зэка́ из ЦК. / Было время — за красный цвет / добавляли по десять лет!» [69] — потекло-о о бедных коммунистах! Но коснулся разок и раскулачивания («лишенцы — самый первый призыв» [115]). — Весь же главный удар его был — по *нынешней* номенклатуре («А за городом заборы, за заборами — Вожди» [13], тут он — справедливо резок, но, увы, снижает тему в область ненависти к их привилегированному быту, — вот они жрут, пьют, гуляют [151–152], — песни получались подтравливающие, но растрава самая обывательская, даже лобовые «краснопролетарские» агитки. Но и спускаясь от вождей «в народ», — разряды человеческих характеров почти сплошь — дуралеи, чистоплюи, сволочи, суки... — очень уж невылазно.

Для авторского «я» он нашёл, точно в духе времени, форму перевоплощения: отнести себя — ко всем страдавшим, терпевшим гонения и погибшим. «Я был рядовым и умру рядовым» [248]; «А нас, рядовых, убивают в бою». А долее всего, казалось, — он был зэком, сидел, много песен от лица бывшего зэка: «а второй зэка — это лично я» [87]; «Я подковой вмёрз в санный след, / в лёд, что я кайлом ковырял! / Ведь недаром я двадцать лет / протрубил по тем лагерям» [24]; «номерами / помирали мы, помирали»; «а нас из лагеря да на фронт!» [69], — так что многие и уверены были, что он *оттуда*: «у Галича допытывались, когда и где он сидел в лагерях»[22].

И как же он осознавал своё прошлое? своё многолетнее участие в публичной советской лжи, одурманивающей народ? Вот что более всего меня поражало: при таком обличительном пафосе — *ни ноты собственного раскаяния, ни слова личного раскаяния* нигде! — И когда он сочинял вослед: «партийная Илиада! подарочный холуяж!» [216] — сознавал ли, что он и о себе поёт? И когда напевал: «Если ж будешь торговать ты елеем» [40] — то как будто советы постороннему, а ведь и он «торговал елеем» полжиз-

[22] *В. Волин.* Он вышел на площадь // *Галич,* с. 632.

ни. Ну что б ему отречься от своих проказёненных пьес и фильмов? — Нет! «Мы не пели славы палачам!» [119] — да в том-то и дело, что — пели. — Наверное, всё же сознавал, или осознал постепенно, потому что позже, уже не в России, говорил: «Я был благополучным сценаристом, благополучным драматургом, благополучным советским холуём. И я понял, что я так дальше не могу. Что я должен наконец-то заговорить в полный голос, заговорить правду...» [639].

Но тогда, в шестидесятых, он бестрепетно обращал пафос гражданского гнева даже на опровержение евангельской заповеди («не судите, да не судимы...»):

Нет! презренна по самой сути
Эта формула бытия! —

и, опираясь на опетые страдания, уверенно принимал статус обвинителя: «Я не выбран. Но я — судья!» [100]. — И так в этом утвердился, что в пространной «Поэме о Сталине» («Легенда о Рождестве»), где безвкусно переплёл Сталина и Христа, сочинил свою агностическую формулу, свои воистину знаменитые, затрёпанные потом в цитатах и столько вреда принесшие строки:

Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!» [325]

Но к а к н а д о — и учил нас Христос... Беспредельный интеллектуальный анархизм, затыкающий рот любой ясной мысли, любому решительному предложению. А: будем течь как безмыслое (однако *плюралистическое*) стадо, и уж там — куда попадём.

А ещё по-настоящему в нём болело и сквозно пронизывало его песни — чувство еврейского сродства и еврейской боли: «Наш поезд уходит в Освенцим сегодня и ежедневно». «На реках вавилонских» — вот это цельно, вот это с драматической полнотой. Или поэма «Кадиш». Или: «Моя шестиконечная звезда, гори на рукаве и на груди». Или «Воспоминание об Одессе» («мне хотелось соединить Мандельштама и Шагала»). Тут — и лирические, и пламенные тона. «Ваш сородич и ваш изгой, / ваш последний певец Исхода», — обращается Галич к уезжающим евреям.

Память еврейская настолько его пронизывала, что и в стихах не-еврейской темы он то и дело вставлял походя: «не носатый», «не татарин и не жид» [115, 117], «ты ещё не в Израиле, старый хрен?!» [294], и даже Арина Родионовна баюкает его по-еврейски [101]. — Но ни одного еврея преуспевающего, незатеснённого, с хорошего поста, из НИИ, из редакции или из торговой сети — у него не промелькнуло даже. Еврей всегда: или унижен, страдает, или сидит и гибнет в лагере. И тоже ставшее знаменитым:

Не ходить вам в камергерах, евреи...
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.
А сидеть вам в Соловках да в Бутырках [40].

И как же коротка память — да не у одного Галича, но у всех слушателей, искренно, сердечно принимающих эти сентиментальные строки: да где ж те 20 лет, когда не в Соловках сидело советское еврейство — а во множестве щеголяло «в камергерах и в Сенате»!

Забыли. Честно — совсем забыли. О себе — плохое так трудно помнить.

А поелику среди преуспевающих и доящих в свою пользу режим — евреев будто бы уже ни одного, но одни русские, — то и сатира Галича, бессознательно или сознательно, обрушивалась на русских, на всяких Климов Петровичей и Парамоновых, и вся социальная злость доставалась им в подчёркнутом «русопятском» звучании, образах и подробностях, — вереница стукачей, вертухаев, развратников, дураков или пьяниц — больше карикатурно, иногда с презрительным сожалением (которого мы-то и достойны, увы!), — «Свесив сальные патлы, / гость завёл “Ермака”... И гогочет, как кочет, / хоть святых выноси, / и беседовать хочет / о спасеньи Руси» [117–118], — всех этих вечно пьяных, не отличающих керосин от водки, ничем, кроме пьянства, не занятых, либо просто потерянных, либо дураковатых. А сочтён, как сказано, *народным* поэтом... Ни одного героя-солдата, ни одного мастерового, ни единого русского интеллигента и даже зэка порядочного ни одного (главное зэческое он забрал на себя), — ведь русское всё «вертухаево семя» [118] да в начальниках. — А вот прямо о России стихи: «что ни враль, то Мессия! / <...> А попробуй спроси — / да была ль она, братие, / эта Русь на Руси?». — «Переполнена скверною от покрышки до дна». — И тут же,

с отчаяньем: «Но ведь где-то, наверное, / существует — Она?!» Та невидимая Россия, где «под ласковым небом / каждый с каждым поделится / Божьим словом и хлебом».

Я молю тебя:
— Выдюжи!
Будь и в тленьи живой,
Чтоб хоть в сердце, как в Китеже,
Слышать благовест твой! [280–281].

Так, при открывшейся возможности и соблазне отъезда, разрывался Галич между утонувшим Китежем и сегодняшней скверною: «Это всё тот же заколдованный круг, сказка про белого бычка, кольцо, которое ни сомкнуть, ни разомкнуть!» [599]. — Он уехал. Со словами: «Меня — русского поэта — «пятым пунктом» отлучить от России нельзя!» [588].

Но иные уезжавшие черпали в его песнях затравку брезгливости к России и презрения к ней. Или, по крайней мере, уверенность, что это правильно — с нею рвать. Вот голос уже из Израиля: «Мы простились с Россией. Не без боли, но навсегда... Россия всё ещё цепко держит нас. Но... через год, через десять, через сто лет — уйдём из неё, доберёмся до своего порога. Слушая Галича, мы ещё раз понимаем, как правилен этот путь»[23].

---

[23] *Н. Рубинштейн.* Выключите магнитофон — поговорим о поэте // ВМ, Тель-Авив, 1975, № 2, с. 177.

Глава 25 — ОБОРОТ ОБВИНЕНИЙ НА РОССИЮ

Это было, конечно, целое историческое движение — отворот евреев от советского коммунизма.

В Двадцатые и Тридцатые казалась необратимой сращённость советского еврейства с большевизмом. И вдруг — они расходятся? Да радость же!

Разумеется, — как и вообще всегда у всех людей и у всех наций, — нельзя было ждать, что при этой переоценке будут звучать сожаления о прежней вовлечённости. Но я *абсолютно не ожидал* такого перекоса, что вместо хотя бы шевеления раскаяния, хотя бы душевного смущения — откол евреев от большевизма сопроводится гневным поворотом в сторону русского народа: это *русские* погубили демократию в России (то есть Февральскую), это *русские* виноваты, что с 1918 года держалась и держалась эта власть!

Мы — и конечно виноваты, ещё бы! И даже раньше: одни лишь грязные сцены *лучезарной* Февральской революции ещё бы не давали пищу к тому. — Но новообращённые борцы против большевизма проявились таковы: теперь все обязаны принять, что они и всегда против этой власти сражались, и не напоминать, что она была их любимая когда-то, не напоминать, как они изрядно послужили этой тирании, — нет, то «туземцы» отначала созиждили её, укрепляли и любили:

«Лидеры Октябрьского переворота... скорее были ведомыми, чем водителями [это Железная Партия Нового Типа — «ведомые»?], проводниками и осуществителями массовых желаний, дремавших в недрах народного подсознания. Они не порывали с народной почвой». И далее: «Октябрьский переворот оказался для России несчастьем. Страна могла развиваться и иначе... тогда [то есть в бушующем анархизме Февраля] появились первые ростки уважения к человеческому достоинству со стороны государст-

ва, зачатки права, свободы, но сметены оказались народным гневом»[1].

А вот более поздняя трактовка, ослепительно переосмысливающая участие евреев в большевицких рядах: «Большевизм Ленина и РСДРПб был лишь интеллигентским и цивилизованным оформлением большевизма "плебса". Не будь первого — победил бы второй, гораздо более страшный». И поэтому, «широко участвуя в большевистской революции, дав ей кадры интеллектуалов и организаторов, евреи спасли Россию от тотальной пугачёвщины. Они придали большевизму наиболее гуманный вариант из вообще возможных в то время»[2]. — Но: «Как взбунтовавшийся народ руками ленинской партии свергнул интеллигентскую демократию [когда ж она была?]... так усмирённый народ руками сталинской бюрократии стремился освободиться от... всего того, в чём ещё звучали отголоски вольного интеллигентского духа»[3]. — Да, да, конечно: «Вина интеллигенции за последующие удручающие события русской истории сильно преувеличена». И вообще, вина её — «это вина перед самой собою»[4], никак не перед народом. Это, напротив, «народу самому неплохо было бы ощутить свою вину перед интеллигенцией»[5].

Да что там говорить: «Тоталитарная власть... по своему существу и происхождению общенародна»[6]. — «Это тоталитарная страна... Таков выбор русского народа»[7].

---

1 *Б. Шрагин.* Противостояние духа (далее — *Б. Шрагин*). London: Overseas Publications, 1977, с. 160, 188–189.

2 *Ник. Шульгин.* Новое русское самосознание // Век XX и мир, М., 1990, № 3, с. 27.

3 *М. Меерсон-Аксёнов.* Рождение новой интеллигенции // Самосознание: Сб. статей. Нью-Йорк: Хроника, 1976, с. 102.

4 *Б. Шрагин*, с. 246, 249.

5 *О. Алтаев.* Двойное сознание интеллигенции и псевдо-культура // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж–Нью-Йорк, 1970, № 97, с. 11.

6 *М. Меерсон-Аксёнов.* Рождение новой интеллигенции // Самосознание, с. 102.

7 *Бени Пелед.* Мы не можем ждать ещё две тысячи лет! [Интервью] // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1981, № 17, с. 114.

А всё потому, что «татарская стихия изнутри овладела душой православной Руси»[8], — а ведь «азиатская социальная и духовная структура, унаследованная русскими от монголов... застойна, неспособна к развитию и прогрессу»[9]. — (Впрочем, теорию, что татарского ига даже и вовсе не было, а — дружественный союз с татарами, развил и Лев Гумилёв. На то простейший ответ — русский фольклор: сколько ни есть пословиц о татарах — все как о врагах и угнетателях, а фольклор не сфальшивит, его не выгнешь, как научную теорию.) — Вот и «Октябрьский переворот был невиданным по силе прорывом азиатской субстанции»[10].

И у всех, кто хочет терзать и топтать русскую историю, любимый и первейший объяснитель — Чаадаев (мыслитель несомненно выдающийся). Сперва самиздат, потом и эмигрантские издания тщательно отбирали, соскребали, со страстью повторяли и опубликованные и неопубликованные его (подходящие им) тексты. А неподходящие цитаты и то, что главными оппонентами Чаадаева среди современников были не Николай I с Бенкендорфом, а друзья его — Пушкин, Вяземский, Карамзины, Языков, — это всё игнорируется.

В начале 70-х разгон против русского — всё набирался. «Руссиш-культуриш», «человеческий свинарник», — в самиздатской анонимной статье «С. Телегина» (Г. Копылова) сколько презрения к России как к плохо удавшемуся материалу; а по лесным пожарам 1972 года тот же «С. Телегин» самиздатской листовкой послал проклятие всей России: горят русские леса? это тебе за твои злодеяния!! — «Весь народ сливается в реакционную массу» (Г. Померанц); «от звуков разлюбезной гармошки зверею, да и от соприкосновения с массой этой самой у меня появляется глухое раздражение»[11]; очень откровенно, да так и есть: сердцу не прикажешь. — «Евреи, еврейская судьба — это только парафраз судьбы интеллигенции в этой стране, судьбы её культуры, и еврейское сиротство есть символ иного, духов-

---

[8] *Н. Прат.* Эмигрантские комплексы в историческом аспекте // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1980, № 56, с. 191.

[9] *Б. Шрагин*, с. 304.

[10] Там же, с. 305.

[11] *М. Дейч.* Записки постороннего // “22”, 1982, № 26, с. 156.

ного одиночества, порождённого крушением традиционной веры в "н а р о д"»[12]. (Как же преобразилась в России от XIX века и ко второй половине XX извечная «проблема народа». Теперь «народом» обозначается та тупо довольная своим существованием и своими руководителями туземная масса, страдать среди которой в городах этой страны забросила евреев их роковая судьба. Любить эту *массу* невозможно, заботиться о ней — противоестественно.) — Тот же Б. Хазанов (ещё тогда не выехавши) судил так: «Россия, которую я люблю, есть платоновская идея; в природе её не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна», это — «единственные в своём роде Авгиевы конюшни»; её «шелудивые жители»; «когда-нибудь её постигнет оглушительная расплата за то, чем она является сегодня»[13].

Расплата постигнет — да. Но — не за само состояние бедствия. Оно-то постигло — ещё раньше.

В 60-е годы в интеллигентской среде много было обдумываний и высказываний о положении в СССР, о перспективах и, расширительно, о самой России. По условиям жёсткого государственного нагляда все эти споры и мысли произносились лишь в частных беседах или в самиздатских статьях, тогда ещё по преимуществу робко-псевдонимных. Но когда началась еврейская эмиграция — обличения России бесстеснённо и многожёлчно разлились на вольном Западе: среди выехавшей еврейской интеллигенции то была обильная струя, и столь шумно говорливая, что других голосов долго было и не расслышать.

Вот в 1968 бежал за границу Аркадий Белинков — неистовый противник, кажется, советского режима? не русского же народа? И вот его статья в собранном им «Новом колоколе»: «Страна рабов, страна господ...» И *на кого* обрушен её гнев? (Учтём, правда, что статья писалась ещё в СССР и автор ещё не приобрёл того бесстрашия, какое дала ему заграница: прямо лепить про *режим*.) Даже слóва «со-

---

[12] *Б. Хазанов.* Новая Россия // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 8, с. 143.

[13] Там же, с. 141, 142, 144.

ветский» Белинков не употребляет ни разу, а по проторенной дорожке: вечно рабская Россия, свобода «для нашей родины хуже, чем жрать битое стекло», это в России «вешают то не тех, то не так, и всегда мало». — Уже, мол, в 20-е годы XIX века «многое свидетельствовало о том, что в процессе вековой эволюции народонаселение [России]... превратится в стадо предателей, доносчиков, палачей»; «страх был русский: увязывали тёплые вещи и ждали стука в дверь», — даже и здесь не «советский» страх. Когда ж это до революции ждали ночного стука в дверь? — «Суд в России не судит, он всё знает и так. Поэтому в России он лишь осуждает»[14], — надо думать, и сквозь александровские реформы? и суд присяжных? и мировых судей? Какое ответственное, взвешенное суждение.

Да что там! Настолько безмерная у автора подымается желчь, что он ставит к позорному столбу и писателей — Карамзина, Жуковского, Тютчева, даже Пушкина, и русское общество в целом за его недостаточную революционность: «ничтожное общество рабов, потомков рабов и пращуров рабов», «общество дрожащих от страха и злобы скотов», «дули прямой кишкой, содрогаясь при мысли о возможных последствиях», «попытк[ам] задушить свободу... русская интеллигенция всегда охотно помогала»[15].

У Фили пили, да Филю ж и побили.

Если у Белинкова всё это была — «маскировка антисоветского», шиш в кармане — то почему за границей не переписал текста? Если на самом деле Белинков думал *иначе, не то* — то почему в таком виде напечатано?

Нет, именно т а к он ненавидел.

Вот *таким оборотом* отреклись от большевизма?..

Около этого же времени, в конце 60-х, в Лондоне вышел еврейский сборник на советские темы, читаем в нём письмо из СССР: «В огромных глубинах душевных лабиринтов русской души обязательно сидит погромщик... Сидит там также раб и хулиган»[16]. — А вот с готовностью подхва-

---

[14] *А. Белинков.* Страна рабов, страна господ... // Новый колокол: Литературно-публицистический сборник. Лондон, 1972, с. 323, 339, 346, 350.

[15] Там же, с. 325–328, 337, 347, 355.

[16] *Н. Шапиро.* Слово рядового советского еврея // Русский антисемитизм и евреи: Сборник. Лондон, 1968, с. 50–51.

тывает чью-то издёвку Белоцерковский: «Русские — сильный народ, только голова у них слабая»[17]. — «Пусть все эти русские, украинцы... рычат в пьянке вместе со своими жёнами, жлёкают водку и млеют от коммунистических блефов... без нас... Они ползали на карачках и поклонялись деревьям и камням, а мы дали им Бога Авраама, Исаака и Якова»[18].

«О, если бы вы только молчали! это было бы вменено вам в мудрость» (Иов 13 : 5).

(Заметим, что любое гадкое суждение *вообще* о «русской душе», *вообще* о «русском характере» — ни у кого из цивилизованных людей не вызывает ни малейшего протеста, ни сомнения. Вопрос «сметь ли судить о нациях в целом» — и не возникает. Если кто не любит всего русского или даже презирает, или даже высказывает в передовых кругах, что «Россия — помойная яма», — это в России не порок, это не выглядит непередовым. И никто тут же не обращается к президентам, премьерам, сенаторам, конгрессменам с трепетным воззывом: «Как вы оцениваете такое разжигание национальной розни??» — Да мы сами себя поносили ещё хлеще, — с XIX века, и особенно вплоть к революции. Традиция такая у нас богатая.)

Ещё читаем, узнаём: «полуграмотные проповедники религии», «православие не заслужило доверия интеллигенции» («Телегин»). — Русские «так легко отказались от веры отцов, равнодушно смотрели, как взрывали храмы». Ба, догадка! Да «быть может, русский народ лишь временно смирился под властью христианства»? — то есть на 950 лет, — «и лишь ждал момента, чтобы от неё освободиться»[19]? — то есть в революцию. Сколько же недоброжелательства должно накопиться в груди, чтобы вот такое вымолвить! (Да и русские публицисты разве устаивали в этом Поле искажённого сознания? Сколькие поскользались. Вот — туз первоэмигрантской публицистики С. Рафальский, даже, кажется, сын священника, пишет о том времени: «Православная Святая Русь без особого труда позволила растоптать свои святыни»[20]. В Париже ведь мало отдаются

---

17 Новый американец, Нью-Йорк, 1982, 23–29 марта, № 110, с. 11.

18 *Яков Якир.* Я пишу Виктору Красину // Наша страна, Тель-Авив, 1973, 12 дек. — Цит. по: Новый журнал, 1974, № 117, с. 190.

19 *Амрам.* Реакция отторжения // “22”, 1979, № 5, с. 201.

20 Новое русское слово, Нью-Йорк, 1975, 30 ноября, с. 3.

хрипы тех посеченных чекистскими пулемётами ещё в церковных мятежах 1918 года. С тех пор — уже и не поднялись снова, да. И посмотреть бы, как в 20-е годы в СССР этот сын священника помешал бы топтать святыни.)

А то напрямик: «Православие есть готтентотская религия» (М. Гробман.) Или: «Оголтелость, ароматизированная Рублёвым, Дионисием и Бердяевым»; идеи «реставрации “исконно русского исторического Православия” пугают многих... Это самое чёрное будущее для страны и для христианства»[21]. — Или прозаик Ф. Горенштейн: «Почётным председателем “Союза русского народа” состоял Иисус Христос, который мыслился наподобие вселенского атамана»[22].

Смотри, остро точишь — выщербишь.

Однако ото всех этих откровенных грубостей надо отличить бархатно мягкого самиздатского философа-эссеиста тех лет Григория Померанца. Он писал на высотах как бы выше всяких полемик — *вообще* о судьбах народов, *вообще* о судьбах интеллигенции: *народа* — теперь почти нигде и не осталось, разве бушмены. В самиздате 60-х годов я читал у него: «Народ — преснеющая жижица, а главные соляные копи в нас самих», в интеллигентах. — «Солидарность интеллигенции, пересекающая границы, более реальная вещь, чем солидарность интеллигенции с народом».

Это звучало очень современно и как-то по-новому мудро. Да только в чехословацком опыте 1968 именно единение интеллигенции с «преснеющей жижицей» своего несуществующего *народа* создало духовный оплот, давно забытый Европою: две трети миллиона советских войск не сокрушили их духа, а сдали нервы у чехословацких коммунистических вождей. (Спустя 12 лет такой же опыт повторился и в Польше.)

В своей манере, ускользающей от чёткости, когда множество параллельных рассуждений никак не отольются в строгую ясную конструкцию, Померанц, кажется, никак же не писал при этом о *национальном*, — о нет! «Мы всюду

---

21 *М. Ортов*. Православное государство и Церковь // Православный альманах Путь. Нью-Йорк, 1984, Май–Июнь, № 3, с. 12, 15.

22 *Ф. Горенштейн*. Шестой конец красной звезды // ВМ, Нью-Йорк, 1982, № 65, с. 125.

не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои», — и вот воспевал диаспору как таковую, диаспору — в общем виде, для кого угодно. Он брёл сквозь релятивизм, агностицизм — кажется, в высочайшей надмирности. «И один призыв к вере, к традиции, к народу анафематствует другой». — «По правилам, установленным для варшавских студентов, можно любить только одну нацию», — а «если я кровью связан с этой страной, но люблю и другие?» — сетует Померанц[23].

Тут — изощрённая подстановка. Конечно — и нацию, и страну можно *любить* далеко не только одну, и даже хоть десять. Но принадлежать, но *сыном* быть — можно только одной родины, как можно иметь только одну мать.

Чтобы лучше передать предмет рассмотрения, уместно тут рассказать и об обмене письмами, который был у нас с четой Померанцев в 1967. В тот год уже разошёлся в самиздате мой роман, ещё только гонимая рукопись, «В круге первом», — и одними из первых прислали мне возражения Г.С. Померанц и его жена З.А. Миркина: что я ранил их неумелостью и неверностью касания к еврейскому вопросу; что в «Круге» я непоправимо уронил евреев — а тем самым и себя самого. — В чём же уронил? Кажется, не показал я тех жестоких евреев, которые взошли на высоты в зареве ранних советских лет. — Но в письмах Померанцев теснились оттенки, нюансы, и я упрекался в бесчувственности к еврейской боли.

Я им ответил, и они мне ответили. В этих письмах обсуждено было и право судить о целых нациях, хотя я в романе и не судил.

Померанц предложил мне тогда, — и всякому вообще писателю, и всякому выносящему любое человеческое, психологическое, социальное суждение, — вести себя и *рассуждать* так, как если б никаких наций вообще не было на Земле: не только не судить о них в целом, но и в каждом человеке не замечать его национальности. «Что естественно и простительно Ивану Денисовичу (взгляд на Цезаря Марковича как на нерусского) — интеллигенту позорно, а христианину (не *крещёному*, а христианину) *великий грех*: “несть для меня ни эллина, ни иудея”».

---

23 *Г. Померанц.* Человек ниоткуда // *Г.Померанц.* Неопубликованное. Frankfurt/Main: Посев, 1972, с. 143, 145, 161–162.

Высокая точка зрения. Дай Бог нам всем когда-нибудь к ней подняться. Да без неё — и смысла бы не имело ничто *общечеловеческое*, в том числе и христианство?

Но: уже убедили нас разрушительно один раз, что — *наций нет*, и научили поскорей уничтожить свою. Что мы, безумно, и совершили тогда.

И ещё: рассуждать — не рассуждать, но как же *рисовать* конкретных людей без их нации? И ещё: если наций нет — тогда нет и языков? А никакой писатель-художник и не может писать ни на каком языке, кроме национального. Если нации отомрут — умрут и языки.

А из порожнего — не пьют, не едят.

Я замечал, что именно евреи чаще других настаивают: не обращать внимания на национальность! при чём «национальность»? какие могут быть «национальные черты», «национальный характер»?

И я готов был шапкою хлопнуть оземь: «Согласен! Давайте! С этой поры...»

Но надо же видеть, куда бредёт наш злополучный век. Едва ли не больше всего различают люди в людях — почему-то именно нацию. И, руку на сердце: настороженней всех, ревнивее и затаённее всех — отличают и пристально отслеживают — именно евреи. *Свою* нацию.

А как быть с тем, что — вот, вы читали выше — евреи так часто судят о русских именно *в целом*, и почти всегда осудительно? Тот же Померанц: «болезненные черты русского характера», среди них «внутренняя шаткость». (И ведь не дрогнет, что судит сразу о нации. А поди-ка кто вымолви: «болезненные черты еврейского характера»?) Русская «масса *разрешила* ужасам опричнины совершиться над собой, так же как она *разрешила* впоследствии сталинские лагеря смерти» [24]. (Не советская интернациональная чиновная верхушка разрешила, нет, она ужасно сопротивлялась! — но эта тупая масса...) Да ещё резче: «Русский национализм неизбежно примет агрессивный, погромный характер» [25], — то есть всякий русский, кто любит свою нацию, — уже потенциальный погромщик!

---

[24] *Г. Померанц.* Сны земли // "22", 1980, № 12, с. 129.

[25] *Он же.* Человек ниоткуда // *Г. Померанц.* Неопубликованное, с. 157.

Выходит, с теми чеховскими персонажами на несостоявшейся ранневесенней тяге остаётся и нам только вздохнуть: «Рано!»

Но самое замечательное: чем увенчивается второе письмо ко мне Померанца, так настойчиво требующего — не различать наций. В этом многолистном бурном письме (и самым раздражённым, тяжёлым почерком) он указал-таки мне, и притом в форме ультиматума! — как ещё можно спасти этот отвратительный «Круг первый». Выход у меня такой: я должен *обратить Герасимовича в еврея*! — чтобы высший духовный подвиг в романе был совершён именно евреем! «То, что Герасимович нарисован с русского прототипа, *совершенно не важно*», — так и пишет, незамечатель наций, только курсив мой. Но, правда, давал мне и запасной выход: если всё же оставлю Герасимовича русским, то *добавить* в роман равноценный по силе образ благородного самоотверженного еврея. А если я ни того ни другого не сделаю — то угрожал Померанц открыть против меня публичную баталию. (На это предложение я уже не отвечал.)

Кстати, потом эту одностороннюю баталию — называя её «нашей полемикой» — он и вёл, в зарубежных изданиях и в СССР, когда стало можно, притом повторяясь, и перепечатывая те же свои статьи с исправлениями огрехов, отмеченных оппонентами. В этом развороте он и ещё раскрылся: что только о д н о Абсолютное Зло в мире было и есть — это гитлеризм, тут наш философ — не релятивист, нет. Но заходит речь о коммунизме — и этот бывший лагерник, и совсем же никогда не коммунист, вдруг начинает вымалвливать, и с годами всё твёрже (оспаривая мою непримиримость к коммунизму): что коммунизм — *не есть несомненное зло* (а над ранним ЧК даже «клубился дух демократии»[26]). А несомненное зло — это упорный антикоммунизм, особенно если он опирается на русский национализм (который, сказано же нам, *не может не быть погромным*).

Вот куда Померанц развился со своею вкрадчивой надмирностью и «безнациональностью».

С *таким* перекосом, с *такой* пристрастностью — можно ли послужить взаимопониманию русских и евреев?

---

26 *Он же.* Сон о справедливом возмездии // Синтаксис: Публицистика, критика, полемика. Париж, 1980, № 6, с. 21.

На чужой горбок не насмеюся, на свой горбок не нагляжуся.

В те же месяцы, что переписка моя с Померанцами, чьи-то либеральные руки сняли копию в ленинградском обкоме партии с тайной докладной записки неких Щербакова-Смирнова-Утехина — на якобы «разрушительную сионистскую деятельность» в Ленинграде, «утончённые формы идеологической диверсии». — «Как бороться с этим?» — спросили меня знакомые евреи. — «Ясно, как, — ответил я, ещё не прочтя документа, — публичностью! Распубликовать в самиздате. Наша сила — гласность, открытость!» — Но знакомые мои замялись: «Прямо так — нельзя, неправильно будет пóнято».

И, прочтя, я вник в их опасения. Из донесения очевидно было, что молодёжный литературный вечер в писательском доме 30 января 1968 был в политическом отношении честным и смелым: то явно, то полускрыто высмеивали правительство, его установления и идеологию. Но из текста явствовал и *национальный* смысл выступлений (вероятно, то была молодёжь предпочтительно еврейская): в них явно звучала и обида на русских, и неприязнь, и, может быть, презрение к ним, и тоска по высоте еврейского духа. И вот из-за этого мои знакомые и опасались отдать документ в самиздат.

А меня как ударила — ведь и *верность* этих просквозивших на том вечере еврейских настроений. «Россия отражается в стекле пивного ларька», — будто бы сказал там поэт Уфлянд. — И ведь верно! вот ужас. — Похоже, что выступавшие прямо — не прямо, может в разрывах слов и фраз, но обвиняли русских, что они ползают под прилавками пивных и жёны выволакивают их из грязи; что они пьют водку до потери сознания, склочничают; что они — воры...

Надо же нам — в и д е т ь себя со стороны, видеть свои провальные недостатки. Я вдруг перенёсся на еврейскую точку зрения, оглянулся и ужаснулся вместе с ними: Боже, куда попали *мы*, евреи! Карты, домино, раззявленные рты на телевизор... Ведь что за скоты окружают нас, что за животные! Ни Бога у них, ни духовных интересов. И сколько сразу поднимается в душе обид от притеснений.

Только забыто то, что русских-то подлинных — выбили, вырезали и угнели, а остальных оморочили, озлобили и довели — большевицкие головорезы, и не без ретивого участия отцов сегодняшних молодых еврейских интелли-

гентов. Нынешних — раздражают те хари, которые поднялись с 40-х годов наверх, в советское руководство, — так и нас они раздражают. Но лучших — всех выбивали, не оставляли.

«Не оглядывайся!» — учил нас потом Померанц в своих самиздатских эссе, — не оглядывайся, ибо так Орфей потерял Эвридику.

Но мы — *уже* потеряли больше чем Эвридику.

Нас и с 20-х годов так учили: выкинуть всё прошлое с борта современности.

А вот пословица русская советует: иди вперёд, а оглядывайся назад.

Нам — никак нельзя не оглядываться. Ничего тогда не поймём.

А и попытались бы не оглядываться — нам напомнят: оказывается, «стержень [русского вопроса] — *комплекс неполноценности бездуховных руководителей народа* на протяжении его многовековой истории», — и это он «толкнул русский царизм на захватнические войны... Комплекс неполноценности — это болезнь посредственности»[27]. — А хотите знать, чем объясняется революция 1917 в России? Не догадались? Да «тот же комплекс неполноценности обусловил революцию в России»[28]. (О, бессмертный Фрейд, сразу *всё* в жизни объяснил на трёх пальцах.)

И вообще: «Русский социализм явился прямым наследником русского самодержавия»[29], — именно п р я м ы м, это даже не требует доказательств. Это хором почти: «Между царизмом и коммунизмом есть... прямая преемственность... качественное сходство»[30]. Чего и ожидать от «замешанной на крови и провокации российской истории»[31]? —

---

27 *Л. Франк.* Ещё раз о «русском вопросе» // Русская мысль, 1989, 19 мая, с. 13.

28 *Амрам.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // “22”, 1978, № 3, с. 153.

29 *В. Гусман.* Перестройка: мифы и реальность // “22”, 1990, № 70, с. 139, 142.

30 *Б. Шрагин*, с. 99.

31 *М. Амусин.* Петербургские страсти // “22”, 1995, № 96, с. 191.

А вот в рецензии на интересную книгу Агурского «Идеология национал-большевизма» даже малый сдвиг оценок меняет картину — и мы получаем: «В реальной истории советского общества очень рано начался процесс проникновения традиционных, коренных идей русского национального самосознания в практику и идеологию правящей партии», «партийная идеология уже к середине 20-х годов пересаживается с одной лошади на другую». — Уже к середине 20-х годов?! — да как же мы этого тогда не заметили? Да ведь само слово «русский», «я — русский» — вымолвить было нельзя, контрреволюция! хорошо помню. А вот, оказывается: уже тогда, в разгар гонений на всё русское и православное, партийная идеология «всё настойчивее и последовательнее в своей практике начинает руководствоваться идеей национальной», «советская власть, сохраняя интернационалистскую маскировку, реально занималась упрочением русского государства»[32]. — Да, да! «Вопреки интернационалистическим декларациям, революция в России осталась национальным делом»[33]. — И «перевёрнутая революцией Россия строила своё народное государство»[34].

Народное? Как язык поворачивается? ведь эти все авторы знают о Красном Терроре; о *миллионах* погибших в коллективизацию крестьян; о ненасытном Гулаге.

Нет, глухо, непроницаемо и бесповоротно осуждена Россия на всём своём временно́м протяжении и во всех своих проявлениях. Она всегда под подозрением: «Русская идея» без антисемитизма «вроде бы уже и не идея и не русская». И даже: «Вражда к культуре — специфическое русское явление»; «сколько мы слышали заверений в том, что де они одни на всём свете сберегли чистоту и непорочность, одни блюдут Бога посреди отеческих хлябей»[35]; «на этой искалеченной земле будто бы нашла приют величайшая душевность. На эту душевность указуют нам как на некое на-

---

32 *И. Серман.* [Рецензия] // “22”, 1982, № 26, с. 210–212.

33 *Б. Шрагин,* с. 158.

34 *М. Меерсон-Аксёнов.* Рождение новой интеллигенции // Самосознание, с. 102.

35 *Б. Хазанов.* Письма без штемпеля // ВМ, Нью-Йорк, 1982, № 69, с. 156, 158, 163.

циональное сокровище, уникальный продукт вроде паюсной икры»[36].

Да, высмеивайте нас, насмехайтесь, это нам на пользу. Да, в сказанном — есть и правда, увы. Но, высказывая то, не так бы ненавиствовать. Давно сознавая ужасающее падение нашего народа под коммунистами, мы — как раз в те минувшие 70-е годы — так робко писали о надежде на возрождение нашей нравственности и культуры. Но странно: еврейские авторы из этой струи с неослабной яростью напали и на призываемое русское возрождение, как будто (и даже именно?) боясь, чтобы советская культура не сменилась русскою. «Я боюсь, что "рассвет" обречённой страны окажется ещё гаже её нынешнего [70–80-е годы] заката»[37].

И, обернувшись из 90-х «демократических» годов, согласимся, что и в этом есть предвидение. Только: высказано ли оно с состраданием или со злорадством?

И даже так: «Берегитесь, когда вам твердят о любви к родине: эта любовь заряжена ненавистью... Берегитесь рассказов о том, что в России хуже всех живут русские, пострадали в первую очередь русские, что численность русского народа уменьшается» — а это, как известно, обман! — «Будьте осторожны, когда вам рассказывают о величайшем государственном муже... злодейски убитом» (Столыпине), — тоже обман? Нет: «Не потому, что факты которые вам представили, неверны», — но всё равно, не принимайте и верных фактов: «Будьте осторожны», «берегитесь»![38]

Да, в этом потоке поздних страстных обвинений есть что-то поразительное.

Кто бы мог в пламенные 20-е годы подумать, что уже после одряхления и падения всей той радостной аппаратной постройки в России, уже и сами настрадавшись от коммунизма, уже как будто и прокляв его, уже и сбежав от него, — столь многие евреи будут и из Израиля, и из Европы, и через океан — проклинать и пинать — не коммунизм, а именно Россию? Так уверенно и многоголосо судить о мно-

---

[36] *Он же.* Новая Россия // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 8, с. 142.

[37] *М. Вайскопф.* Собственный Платон // "22", 1981, № 22, с. 168.

[38] *Б. Хазанов.* По ком звонит потонувший колокол // Страна и мир: Обществ.-политический, экономический и культурно-философский журнал. Мюнхен, 1986, № 12, с. 93–94.

говидной виновности и плохости России, о её неисчерпаемой вине перед евреями — и искренно же веря в беспредельность этой вины, вот что! почти повально веря! — а тем временем, бесшумным фланговым движением уводя своих от ответственности за долю расстрелов ЧК, потопления барж с обречёнными в Белом и Каспийском морях, за свою долю в коллективизации, украинском голоде, во всех мерзостях советского управления, за талантливое рвение на службе по оболваниванию «туземцев». Всё — прямо против раскаяния.

А ведь ту ответственность — надо нам с вами, братья или чужаки, — делить.

И раскаяние — раскаяние взаимное — и *во всей полноте совершённого* — был бы самый чистый, оздоровляющий путь.

И я — не устану призывать к этому русских.

И — призываю к этому евреев. Раскаяться не за Троцкого-Каменева-Зиновьева, они и так на поверхности, от них и отмахнуться можно: «то были не евреи!» А — оглянуться честно на всю глубину раннесоветского угнетательского аппарата — на тех «незаметных», как Исай Давидович Берг, создавший знаменитую «душегубку»[39], самим же евреям на горе, и даже на ещё более незаметных, кто бумажки подкалывал в советском аппарате и никогда не вышел в публичность.

Однако перестали бы быть евреи евреями, если бы в чём-то стали все на одно лицо.

Так и тут. Голоса иные — тоже прозвучали.

От этой же самой поры — от начала великого передвижения евреев за пределы СССР — к счастью для всех, и к чести для евреев — какая-то часть из них, оставаясь преданными еврейству, пронялась сознанием выше обычного круга чувств, способностью охватить Историю объёмно. Как радостно было их услышать! — и с тех пор не переставать слышать. Какую надежду это вселяет на будущее! При убийственной прореженности, пробитости русских рядов — нам особенно ценны их понимание и поддержка.

---

[39] *Е. Жирнов.* «Процедура казни носила омерзительный характер» // Комсомольская правда, 1990, 28 октября, с. 2.

Звучало же и в конце XIX века меланхолическое мнение: «Всякая страна имеет таких евреев, каких она заслуживает»[40].

Всё зависит — от направления чувств.

Если б не голоса таких евреев из Третьей эмиграции и из Израиля — можно было бы прийти в отчаяние о возможности русским и евреям объясниться друг с другом и понять друг друга.

Роман Рутман, кибернетик, первый раз проявился в эмигрантской печати в 1973, сразу после своей эмиграции в Израиль, очень тёплым, ярким рассказом, как эта эмиграция пробуждалась, начинала движение, — и тогда уже проявил отчётливое тепло к России. Статья и называлась выразительно: «Уходящему — поклон, остающемуся — братство»[41]. Среди первых нот пробуждения и было, пишет он: «Мы евреи или русские?» Среди нот расставания: «Россия, распятая за человечество».

В следующем году, 1974, в статье «Кольцо обид» он предложил пересмотреть «некоторые установившиеся концепции по "еврейскому вопросу"», «увидеть опасность *абсолютизации* этих концепций». Вот они, три: 1. «Необычайная судьба еврейского народа сделала его символом страданий человечества»; 2. «Еврей в России всегда был жертвой односторонних гонений». 3. «Русское общество в долгу перед еврейским народом». — Он приводит мою фразу из «Архипелага»: «эта война вообще нам открыла, что хуже всего на земле быть русским», — и с пониманием относится, что фраза эта не пустая и не проходная: вот и потери этой войны, и плен её, а прежде — революционный террор, голоды, «бессмысленное уничтожение и мыслящего цвета нации и её опоры — крестьянства». Хотя современная русская литература и демократическое движение, во искупление прежних грехов и гонений, исповедуют тезис о виновности русского общества перед евреями, сам автор предпочитает основательную концепцию о «кольце обид» — «умилённому сюсюканью по поводу бед и талантов еврейского

---

[40] *М. Моргулис.* Еврейский вопрос в его основаниях и частностях // Восход, СПб., 1881, Январь, Кн. 1, с. 18.

[41] *Р. Рутман.* Уходящему — поклон, остающемуся — братство // Новый журнал, Нью-Йорк, 1973, № 112, с. 284–297.

народа»; «чтобы разорвать “кольцо обид”, нужно тянуть за него с двух сторон»[42].

Вот он — рассудительный, дружественный, спокойный голос.

И многократно, и твёрдо звучал за эти годы голос Михаила Хейфеца, недавнего гулаговского зэка. «Будучи большим приверженцем своего народа, я не могу не сочувствовать националистам другого народа»[43]. — Он отважился высказать призыв к еврейскому раскаянию в такой сравнительной форме: «Опыт немецкого народа, который не отвернулся от своего ужасного и преступного прошлого, не попытался свалить вину за гитлеризм на других виновников, на чужаков и т.д., но, постоянно очищая себя на огне национального покаяния, смог создать государство, впервые вызвавшее восхищение и уважение человечества к немцам, — этот опыт должен, по-моему, стать образцом и для народов, участвовавших в преступлениях большевизма. В том числе — и для евреев»; «мы, евреи, должны извлечь честные выводы из еврейской игры на “чужой свадьбе”, игры, о которой поразительно пророчески сказал тогда З. Жаботинский»[44].

М. Хейфец проявил высоту души сказать и о «реальной вине ассимилированных евреев перед народами тех стран, в которых они живут, вине, которая не позволяет, не должна позволить им спокойно жить в диаспоре». И о советском еврействе 20–30-х годов: «Кто имеет право осудить их за это историческое заблуждение [рьяное участие в построении коммунизма] и историческую расплату с Россией за черту оседлости и погромы — кто, кроме нас, их горько раскаивающихся потомков?»[45] (Упоминает Хейфец, что сидевшие и размышлявшие с ним в лагере Б. Пэнсон и М. Коренблит разделяли с ним это настроение.)

---

42 *Р. Рутман.* Кольцо обид // Новый журнал, 1974, № 117, с. 178–189; тогда же по-англ.: Soviet Jewish Affairs, London, 1974, Vol. 4, No. 2, p. 3–11;

43 *М. Хейфец.* Русский патриот Владимир Осипов // Континент: Литературный, обществ.-политический и религиозный журнал. Париж, 1981, № 27, с. 209.

44 *Он же.* Наши общие уроки // “22”, 1980, № 14, с. 162–163.

45 *Он же.* Место и время (еврейские заметки). Париж: Третья волна, 1978, с. 42, 45.

Почти синхронно с этими словами уже тогда эмигрировавшего Хейфеца прозвучал и внутри СССР живой призыв к еврейскому покаянию — от Феликса Светова, в самиздатском романе «Отверзи ми двери»[46]. (Не случайно, что — по подвижности еврейского чувства и ума — Ф. Светов оказался из первых, осмысляющих начавшееся русское религиозное возрождение.)

Позже того, уже при страстном споре вокруг Астафьева–Эйдельмана, писал Юрий Штейн о «специфических наших ашкеназийских комплексах, сложившихся из сознания принадлежности к избранному народу и психологии уроженца местечка. Отсюда и убеждённость в национальной нашей непогрешимости, отсюда и наши претензии на монополию только своих страданий... Пора уже нам осознать себя нормальной нацией, по всем параметрам достойной и небезгрешной, как все другие народности мира. Тем более теперь, когда есть своё, независимое государство и уже доказано миру, что евреи умеют, не хуже иных больших народов, и воевать, и пахать»[47].

С защитой творчества В. Астафьева, В. Распутина и В. Белова, когда началась против них леволиберальная травля, сердечно выступила литературовед Мария Шнеерсон, сохраняющая в эмиграции тёплую любовь к России, до тоски, и понимание русских проблем изнутри[48].

В 70-е же годы появилась на Западе многоохватная, квалифицированная и грозная книга об уничтожении коммунистами природы в СССР. От подсоветского автора она была, естественно, под псевдонимом — Б. Комаров. Спустя некоторое время автор выехал в эмиграцию, и мы узнали его имя — Зеев Вольфсон. Узналось и больше: это он был среди составителей Альбома разрушенных и осквернённых храмов Средней России[49].

---

[46] *Феликс Светов.* Отверзи ми двери. Париж: Editeurs Réunis, 1978.

[47] *Ю. Штейн.* Письмо в редакцию // Страна и мир, 1987, № 2, с. 112.

[48] *М. Шнеерсон.* Разрешённая правда // Континент, 1981, № 28; *Она же.* Художественный мир писателя и писатель в миру // Континент, 1990, № 62.

[49] *Б. Комаров.* Уничтожение природы. Франкфурт: Посев, 1978; Разрушенные и осквернённые храмы: Москва и Средняя Россия / Послесловие: Пределы вандализма. Франкфурт: Посев, 1980.

Так мало оставалось в разгромленной России деятельных русских сил — а вот дружеские, сочувственные еврейские приливали к ним в поддержку. В этом обезлюжении и под жестокими гонениями властей начал помощь преследуемым наш Русский Общественный Фонд, которому я отдал все мировые гонорары за «Архипелаг ГУЛаг», — и, начиная с его первого талантливого и самоотверженного распорядителя Александра Гинзбурга, среди волонтёров Фонда было немало евреев и полуевреев. (Что дало повод ослеплённым крайним русским кругам *клеймить* наш Фонд «еврейским».)

Сходно было участие в нашей серии ИНРИ (Исследования Новейшей Русской Истории) — М. Бернштама, затем и Ю. Фельштинского и Д. Штурман.

В борьбе с коммунистической ложью — отличились многообразной, свежей по мысли, глубокой по проникновению публицистикой, и в достойно взвешенном тоне, М. Агурский, Д. Штурман, А. Некрич, М. Геллер, А. Серебренников.

И где, как не здесь, вспомнить подвиг американского профессора Юлиуса Эпштейна, его заслугу перед Россией. В самонадменной Америке, всегда уверенной в своей правоте и легковесно не ощущающей своих преступлений, — он, одинокими усилиями, вскрыл тайну «операции килевания»: послевоенной выдачи американцами уже со *своего* материка сталинским агентам на уничтожение — сотен и тысяч русских и казаков, наивно полагавших, что уже достигли «свободной» страны и теперь спасены[50].

Всеми этими примерами как не утвердиться в открытости всем нам искреннего русско-еврейского благопонимания — если не будем с обеих сторон загораживать его нетерпимостью и злобой.

Увы, даже мягчайшие движения к опоминанию, раскаянию, справедливости вызывают жёсткие окрики от блюстителей крайнего национализма — и русского, и еврейского. «Не успел Солженицын призвать к национальному покаянию», — то есть русских, и этого автор не осуждает, — «как нá тебе! — наши тут как тут, в первых рядах». Не

---

50 *Julius Epstein.* Operation Keelhaul: The Story of Forced Repatriation from 1944 to the Present. Old Greenwich, Connecticut: Devin-Adair, 1973.

называет по имени, но, видимо, первого имеет в виду М. Хейфеца. «Это, оказывается, мы больше всех виноваты, мы помогали... установить... да нет, не помогали, а прямо сами установили советскую власть... непропорционально присутствовали в разных органах»[51].

На тех, кто заговорил голосом раскаяния, тотчас накинулись неистово. «Предпочитают из своего ура-патриотического нутра выделить полный рот слюны» — а стиль-то! а благородство выражения! — «и тщательно оплевать всё тех же "предков", проклиная Троцкого и Багрицкого, Когана и Дунаевского»; «М. Хейфец призывает нас "очищать себя на огне национального покаяния"(?!)»[52].

И как же досталось Ф. Светову за автобиографического героя его романа: «Книга о переходе в христианство... будет способствовать отнюдь не абстрактным поискам пути к раскаянию, а вполне конкретному антисемитизму и жидоморству... книга эта — антисемитская». Да и в чём раскаиваться? — возмущается неугомонный Давид Маркиш. — Герой Светова видит «предательство» в том, что «мы бросаем эту страну в плачевном состоянии, в котором мы сами исключительно и виновны: ведь это мы, оказывается, устроили там кровавую революцию, расстреляли царя-батюшку, опоганили и изнасиловали православную церковь и вдобавок основали Архипелаг ГУЛаг» — так, что ли? Так, во-первых, вот эти «товарищи», Троцкий, Свердлов, Берман и Френкель, — не имеют никакого отношения к еврейству. А во-вторых — неверна сама постановка вопроса о чьей-либо *коллективной* вине[53]. (Другое дело — русские, этих принято обвинять всех скопом, и начиная от старца Филофея.)

А брат его Ш. Маркиш присуждает так: «Что же касается последней волны выходцев из России... будь то в Израиле, будь то в США, русофобии — настоящей, а не "фантазматической"... в них не приметно, зато самоненавистниче-

---

[51] *Вл. Зеев.* Демонстрация объективности // Новый американец, 1982, 1–7 июня, № 120, с. 37.

[52] *В. Богуславский.* В защиту Куняева // "22", 1980, № 16, с. 166–167, 170.

[53] *Д. Маркиш.* Выкрест // "22", 1981, № 18, с. 210.

ство, перерастающее в прямой антисемитизм, слишком часто так и бьёт в глаза»[54].

Итак, если евреи раскаиваются — это уже антисемитизм. (Ещё новая разновидность феномена.)

Вот русским — следует осознать свою национальную вину: «Идеи национального покаяния не могут быть реализованы без отчётливого осознания национальной вины... Вина огромна, и не на кого её перекладывать. Эта вина касается не только прошлого, но и современности, в которой Россия делает достаточно гадостей, а в будущем может их наделать и ещё больше», — пишет в начале 70-х Шрагин[55].

Что ж, и мы не устаём призывать русских: без раскаяния не будет у нас будущего. А то ведь: осознали коммунистические злодейства те, кого они прямо затронули, да близкие к ним. А те, кого не затронули, — старались не заметить, а теперь — забыли, простили, и непонятно им: а в чём раскаиваться? (Уж тем более — кто те злодейства совершал.)

Каждый день мы пылаем стыдом за наш неукладный народ.

И — любим. И не ищем других от него путей.

И ещё почему-то не всю потеряли веру в него.

Но разве в нашей огромной вине, в нашей неудавшейся истории — совсем, нисколько нет вашей доли?

Вот Шимон Маркиш перелагает Жаботинского: в статьях 20-х годов «Жаботинский несколько раз (по разным поводам) замечал: Россия — чужая страна, наш интерес к ней — отстранённый, прохладный, хотя и сочувственный, её тревоги, огорчения и радости — не наши, так же как наши — не её». Маркиш добавляет: «Именно так отношусь к русским... тревогам и я». И приглашает: наконец «назвать вещи своими именами. Впрочем, и свободные, западные русские в этом деликатном пункте храбростью не блещут... Я предпочитаю иметь дело с врагами»[56].

---

[54] *Ш. Маркиш.* О еврейской ненависти к России // “22”, 1984, № 38, с. 218.

[55] *Б. Шрагин,* с. 159.

[56] *Ш. Маркиш.* Ещё раз о ненависти к самому себе // “22”, 1980, № 16, с. 178–179, 180.

Только надо бы вашу сентенцию разделить на две части: почему «называть вещи своими именами», говорить прямо — это значит быть врагом? А по нашей пословице: не люби потаковщика, люби спорщика.

Вот от этого перекоса, что если говорить прямо — означает враждебничать, — я призываю всех, и евреев, отказаться. Исторически отказаться! Навсегда отказаться!

Вот я в этой книге как раз и «называю вещи своими именами». И — ни минуты не ощущаю, чтоб это было враждебно к евреям. И — сочувственнее пишу, чем, встречно, многие евреи пишут о русских.

Цель этой моей книги, отражённая и в её заголовке, как раз и есть: надо нам *понять друг друга*, надо нам *войти в положение и самочувствие* друг друга. Этой книгой я хочу протянуть рукопожатие взаимопонимания — на всё наше будущее.

Но надо же — взаимно!

Соотношение еврейской и русской судеб, переплетшихся с XVIII века, и так взрывно проявившееся в XX, — имеет какой-то глубокий исторический ключ, который мы не должны потерять и на будущее. Тут, может быть, заложен сокровенный Замысел — и тем более мы должны стремиться к его разгадке и исполнению.

И кажется очевидным, что правда о нашем общем прошлом — и евреям, как и русским, *нравственно нужна.*

Глава 26 — НАЧАЛО ИСХОДА

Эпоха Исхода, как евреи вскоре сами назвали её, вошла даже как бы крадучись: начало её относят к статье в «Известиях» в декабре 1966, где благовидным образом было выражено согласие властей на «воссоединение семей», и под этим «лозунгом евреи получали право покинуть СССР»[1]. А через полгода после того — грянула, своим историческим ходом, Шестидневная война. — «Как всякий эпос, Исход начинался с чудес. И, как положено эпосу, было явлено евреям России — поколению Исхода — три чуда»: чудо становления государства Израиль, «чудо Пурима — 1953» (то есть смерть Сталина) и «чудо весёлой, блестящей, пьянящей победы 1967 года»[2].

Шестидневная война дала сильный и необратимый толчок подъёму самосознания советских евреев и угасанию у многих жажды ассимиляции. Она породила мощную тягу к национальному еврейскому кружковому самообразованию и изучению иврита. Она, наконец, положила начало эмиграционному мирочувствию.

Но какими же, кем ощущало себя большинство советских евреев к концу 60-х годов, к порогу Исхода? — Нет, не искажают свои ощущения в ретроспекции те евреи, кто пишут о своём постоянном тогда ощущении угнетённости или стеснённости: «Услышав слово еврей, они вжимают голову в плечи, словно ожидая удара. И сами стараются употребить это сакраментальное слово возможно реже, а когда вынуждены произнести, то выговаривают его скороговоркой и сдавленным голосом, словно их держат за глотку... В среде этих людей есть такие, которые одержимы из-

[1] *Ф.Колкер.* Новый план помощи советскому еврейству // “22”: Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1983, № 31, с. 145.

[2] *В.Богуславский.* Отцы и дети русской алии // “22”, 1978, № 2, с. 176.

вечным страхом, въевшимся в их подсознание и уже неизлечимым»[3]. Или, пишет литератор-еврейка: всю свою профессиональную жизнь она прожила с ощущением, что, может быть, её работу отвергнут, оттого что она еврейка[4]. У многих евреев, при зримо преимущественных — в сравнении с массой населения — материальных жизненных позициях, это ощущение угнетённости всё же несомненно было.

Да жалобы евреев культурных — не на экономическое притеснение, а более-то всего на культурное. «Советские евреи пытаются... сохранить размер своего участия в русской культуре. Они отстаивают русскую культуру в себе»[5]. Дора Штурман вспоминает: «Когда российских евреев, интересы которых прикованы к России, вдруг — как самозванцев и чужаков — лишают, пусть лишь на бумаге или на словах, права заниматься русскими делами, русской историей, они испытывают обиду и недоумение. С появлением Тамиздата и Самиздата ксенофобия по отношению к евреям, чувствующим себя русскими, свойственная некоторой части пишущих русских, выразилась впервые за много лет не только на уличном и чиновном уровнях, но и на уровне элитарно-интеллектуальном, в том числе и диссидентском. Естественно, что это потрясло евреев, отождествляющих себя с русскими»[6]. — И Галич: «Множество людей, воспитанных в двадцатые, тридцатые, сороковые годы, с малых лет, с самого рождения привыкли считать себя русскими и действительно... всеми помыслами связаны с русской культурой»[7].

А вот другой автор рисует «средний тип современного русского еврея», который «служил бы верой и правдой всему в стране. Он... внимательно присмотрелся к своим недо-

---

[3] *И.Домальский.* Технология ненависти // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Тель-Авив, 1978, № 25, с. 106–107.

[4] *Н.Воронель.* У каждого свой дом // "22", 1978, № 2, с. 150–151.

[5] *И.Домальский.* Технология ненависти // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 25, с. 129.

[6] *Д.Штурман.* Размышления над рукописью // "22", 1980, № 12, с. 133.

[7] *Александр Галич.* Песни. Стихи. Поэмы. Киноповесть. Пьеса. Статьи. Екатеринбург: У-Фактория, 1998, с. 586.

статкам. Он их понял или почувствовал... И старается от них избавиться... он перестал жестикулировать. Он избавился от интонационных особенностей, присущих его языку и переносимых на русский... На каком-то этапе у него появилось желание сравняться с русским, быть неотличимым от него». И вот: «Годы подряд вы можете не услышать слова “еврей”. Может быть, многие забыли, что вы еврей. Но вы никогда не можете забыть. Вам всегда об этом напоминает молчание. Оно создаёт внутри вас такое поле напряжения, в котором каждая пылинка взрывается. Когда же вы слышите слово “еврей”, оно звучит как удар судьбы». — Очень ярко выражено. — И тот же автор не упускает, какими потерями заплачено за это стремление перевоплотиться в русского. «Он перешагнул через слишком многое», это обедняет. «Теперь ему бы нужны были очень ёмкие, многозначные, очень гибкие слова. Но таких слов у него нет... Когда он не может найти или услышать необходимое слово, в нём что-то умирает», он потерял «интонационную мелодику еврейской речи» и выраженные в ней «сколько весёлости, игривости, шутки, жизненной стойкости, иронии»[8].

Конечно, эти переживания в их полноте и трудности достались далеко не всем советским евреям, даже малому их меньшинству, высшему культурному слою, и только тем, кто действительно настойчиво пытался *отождествить* себя с русскими. О таком круге, расширяя его на интеллигенцию вообще, Г. Померанц и сказал же: «Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои»; мы «стали чем-то вроде неизраильских евреев, людьми воздуха, потерявшими все корни в обыденном бытии»[9].

Очень точно выражено.

И ещё у одного автора, в развитие того же: «Я так ясно вижу мнимость их [евреев] существования в России сегодня»[10].

А там, где не достигнута слиянность, — неизбежно холодится отчуждение.

---

[8] *Рани Арен.* В русском галуте // “22”, 1981, № 19, с. 133–135, 137.

[9] *Г. Померанц.* Человек ниоткуда // *Г. Померанц.* Неопубликованное. Frankfurt/Main: Посев, 1972, с. 161, 166.

[10] *А. Воронель.* Трепет иудейских забот. 2-е изд. Рамат-Ган: Москва–Иерусалим, 1981, с. 122.

Натан Щаранский неоднократно повторял, что с какого-то времени ощутил себя *не таким*, как жители этой страны.

Л. Хнох на «самолётном» процессе в декабре 1970 откровенно заявил (и, очевидно, выношенное им не в два-три месяца): «Жить в стране, которую я не считаю своей, стало для меня невыносимым».

Цельность взгляда. И смелость выражения.

И вот *такое* ощущение — всё более охватывало советских евреев — уже и в широких слоях.

Один еврей-журналист позже, в 1982, выразился так: «Я — Посторонний... Я посторонний в своей стране, которую абстрактно люблю, конкретно ж — просто боюсь»[11].

В начале 70-х годов Л.К. Чуковская в разговоре со мной (я записал тогда же) сказала так: «Нынешний Исход вбили в еврейство сапогом. Скорблю о тех, кого русские заставили вообразить себя евреями. Евреи утратили свою национальную самобытность, и лживым представляется искусственное пробуждение их национальных чувств».

О, далеко не так! — тут Л.К. не уловила, хотя со многими евреями обеих столиц общалась. Пробуждение еврейских чувств было весьма естественным, закономерным на исторической Оси — а не просто «вбито сапогом». Внезапное пробуждение! «И "еврей" может звучать гордо!»[12]

Осмысление пройденного в СССР пути своего молодого поколения ещё один еврейский публицист передаёт так: «Что же мы, "внуки" и наследники этого жестокого эксперимента, мы, пробившие головой скорлупу и вылупившиеся здесь, в Израиле, — что можем мы сказать об отцах наших и дедах? Что не дали нам "еврейского воспитания"? А разве опыт путей их, их жизней, впитанный нами, пройденный — хоть и детскими шажками, но каждым из нас, от детских грёз до зрелой озверелости, — это не еврейское воспитание? Ведь само наше ощущение *еврейства* в очень большой степени сложилось, как итог их (и наших собственных) неудач, катастроф, отчаяния. Так давайте же ценить это прошлое... Нам ли кидать камнями в разбитые черепа романтиков прошлого?!»[13]

---

[11] *М. Дейч.* Записки постороннего // "22", 1982, № 26, с. 156.

[12] *Р. Рутман.* Уходящему — поклон, остающемуся — братство // Новый журнал, 1973, № 112, с. 286.

[13] *В. Богуславский.* В защиту Куняева // "22", 1980, № 16, с. 176.

Откровенно и честно выраженная наследственная связь с отцами и дедами, столь воодушевлёнными в раннесоветские годы; она даёт картине объёмность. (И, сквозь статью, приметно раздражение к благам и преимуществам «нового класса», заменившего тех «романтиков».)

И в самиздатской статье тоже справедливо оттенялось: «Представляется глубоко неверным мнение, будто нынешний подъём национального самосознания советских ассимилированных евреев — лишь следствие возрождения антисемитизма. Мы имеем здесь, скорее, совпадение во времени»[14].

Разные участники этого процесса несколько по-разному описывают ход своего тогдашнего само-осознания. Одни пишут: «почти всем представлялось, что в 60-е годы практически ничего не было», то есть движения возврата к еврейству, однако «после войны 67-го года повеяло чем-то новым». А «брешь, я уверен, пробил всё-таки самолётный процесс»[15]. — Другие: что «в Ленинграде, в Москве, в Риге еврейские группы сложились уже в середине 60-х годов», а к концу их в Ленинграде создался уже еврейский «конспиративный центр». Но в чём, по сути, конспирация? «Создавались кружки иврита, кружки еврейской истории... не столько для изучения иврита, сколько для общения желающих его изучать. В самом изучении не уходили дальше двух-трёх сотен слов... Все без исключения функционеры, всё их окружение были людьми, весьма далёкими не только от религии, но даже просто от еврейской традиции», «евреи 60-х годов очень смутно представляли себе сионизм». Тем не менее — «мы в достаточной мере ощущали себя евреями, не испытывая никакой нужды в каких-либо “курсах повышения” своей еврейской квалификации». Против шквала антиизраильской пропаганды росла «внутренняя симпатия к самому еврейству и к Израилю... Если бы нам тогда сказали, что Израиль вообще отошёл от иудаизма, нет такового, в наших глазах он ничего бы не потерял». Затем движение «из подпольного кружка стало превращаться в массовое, открытое... “салонное” явление». Однако «в возможность выезда, во всяком случае — при нашей жизни, тогда не ве-

---

14 *Н. Ильский.* История и самосознание // Евреи в СССР, 1977, № 15. — Цит. по: “22”, 1978, № 1, с. 202.

15 *А. Этерман.* Третье поколение: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 124.

рил никто, зато в возможность загреметь в лагерь верили все»[16]. (Интервьюер комментирует: «Увы, конспирация неотделима от “бесовщины”. Я видел это в еврейском движении в 70-е годы, уже после ленинградских процессов»[17].)

Так освоение еврейской культуры началось и шло ещё даже без прямых мыслей о выезде — и ещё не заслоняло и не меняло будничной жизни участников. — «Я не уверен, что алию [*алия* (ивр.)— восхождение; перенесено на: возврат на историческую родину] начали сионисты», те первые сионистские группы были слишком слабы для этого. «В известной мере её породила сама советская власть, поднявшая грандиозный шум вокруг Шестидневной войны. В советской прессе возник образ воинственного, всепобеждающего еврея, и этот образ компенсировал тот комплекс неполноценности, который существовал у советских евреев»[18].

Но — «спрячь свой “трепет иудейский” — от глаз сотрудников, от ушей соседей». Сперва — глубокая опаска: «эти клочки бумаги, на которых записывались данные для *вызова*, — словно подписываешь приговор самому себе, и детям, и родным». Однако вскоре — «перестали шептаться, заговорили вслух», «начали собираться, праздновать» еврейские праздники и «учить историю в кружках и иврит».— А уж с конца 1969 «евреи стали десятками и сотнями подписывать письма, предназначенные для “зарубежного общественного мнения”. Они требовали “выпустить” их в Израиль»[19]. Советское еврейство, «отрезанное от еврейского мира, затянутое в плавильный котёл фараоново-сталинской империи... казалось, было окончательно потеряно для еврейства, — и вдруг: возрождение сионистского движения в России, возврат к древнему Моисееву призыву: “Отпусти народ мой!”»[20]

И «в 1970 году весь мир заговорил о русских евреях». Они «поднялись, они ощутили решимость... Между ними и

---

16 *В. Богуславский.* У истоков: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 102, 105–108.

17 Там же, с. 109.

18 *В. Богуславский.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 113.

19 *Он же.* Отцы и дети русской алии // “22”, 1978, № 2, с. 176–177.

20 *И. Орен.* Исповедь // “22”, 1979, № 7, с. 140.

16—4917

их мечтой одна только стена — стена государственного запрета. Пробить, прошибить, пролететь сквозь неё было единственным желанием... "Бегите из северного Вавилона"», — прозвучал завет арестованных «самолётчиков», группы Э. Кузнецова–М. Дымшица[21]. В декабре 1970 на процессе в Ленинграде «они не молчали, не скрывались, они открыто декларировали своё намерение похитить самолёт, угнать его через границу, улететь в Израиль. При том, что за это им угрожал расстрел! ...Их "признания" были, по существу, декларациями сионизма»[22]. Через несколько месяцев, в мае 1971, прошёл второй процесс, по делу «сионистской организации Ленинграда», вослед — процессы в Риге и Кишинёве.

Эти суды, особенно два «ленинградских», были ещё новым большим толчком для еврейского самосознания. — Вскоре вослед стал выходить самиздатский журнал «Евреи в СССР» (с октября 1972). Все формы борьбы за выезд в Израиль, как и требования свободного развития еврейской культуры для остающихся в СССР, находили в нём живое отражение.

Но и тут ещё далеко-далеко не большинство советских евреев вовлеклись в идею возникшей эмиграции. — «Когда советские евреи знали, что выбора нет и надо просто терпеть и приспосабливаться, им, кажется, было легче жить, чем теперь, когда у них появилась свобода выбора места жизни и творчества... Первая волна бегущих из России в конце 60-х годов была ещё движима одним стремлением — провести остаток дней своих в той единственной стране, где нет антисемитизма, — в Израиле». (Кроме тех, оговаривает автор, кто эмигрировал ради обогащения.)[23]

А какая-то «часть советских евреев готова с радостью отречься от своей национальной принадлежности, если бы им это позволили»[24], — настолько запуганы. Из этого слоя выдвигались и те евреи, которые кляли «этот Израиль»:

---

21 *В. Богуславский.* Отцы и дети русской алии // "22", 1978, № 2, с. 177–178.

22 *Он же.* У истоков: [Интервью] // "22", 1986, № 47, с. 121.

23 *Г. Файн.* В роли высокооплачиваемых швейцаров // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 12, с. 135.

24 *И. Домальский.* Технология ненависти // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 25, с. 106.

из-за него задерживается продвижение законопослушных евреев по службе: «из-за отъезжающих и нам будет хуже».

Советское правительство не могло не встревожиться внезапным для него — да и для всех на Земле! — пробуждением национального сознания у советских евреев. Оно усилило пропаганду против Израиля и сионизма, чтоб увеличить напуг. А в марте 1970 применило затрёпанный советский трюк — дать отпор устами «самих граждан», в данном случае «еврейской национальности». И на спектакль этой публичной пресс-конференции послушно потянулись не только самые уж прожжённые «казённые евреи» вроде Вергелиса, Драгунского, Чаковского, Безыменского, Долматовского, режиссёра Донского, политграмщиков Митина и Минца, но средь них и однофамилец Бялика, и академики Фрумкин, Кассирский, и музыканты всемирной славы Флиер, Зак, артисты Плисецкая, Быстрицкая, Плучек — настолько прочные в своём положении, что не могли они потерпеть заметного крушения от отказа подписать «Заявление». Однако — подписали... «Заявление» «клеймило позором агрессию израильских правящих кругов... воскрешающих варварство гитлеровцев», «сионизм всегда был выразителем шовинистических взглядов еврейской буржуазии и её еврейских бредней», и выступающие намерены «открыть глаза доверчивым жертвам сионистской пропаганды»: «трудящиеся евреи под руководством ленинской партии обрели полную свободу против ненавистного царизма» — эка, хватили назад на полвека! вон-то где был главный угнетатель.

Однако: времена изменились. И через неделю в ответ «казённым» нашёлся голос молодого инженера И. Зильберберга, бесповоротно решившего рвать с этой страной и уезжать. Он пустил в самиздат открытый ответ на то «Заявление», назвал его участников «лакейскими душёнками», отрёкся от прежней веры: «мы по наивности надеялись на “наших” евреев — кагановичей, эренбургов и пр.». (Значит, всё-таки надеялись?) Тут же упрёк и русским: разве после 50-х годов «раскаявшиеся и пристыженные русские... пролив скупую слезу о прошлом... клялись в любви и преданности вновь обретенным братьям?» Односторонность русской вины перед евреями не допускала в нём сомнений.

Затем подобные выступления повторялись. Годом позже прославилось в самиздате ещё одно открытое письмо —

до тех пор благополучного кинорежиссёра Михаила Калика, но вот исключённого из Союза советских кинематографистов в последствие выраженного им намерения уехать в Израиль. То письмо о верности еврейской культуре Калик неожиданно адресует «К русской интеллигенции». Как будто перебыв в СССР не в слое благополучных, а годами перестрадав в угнетённых низах и годами борясь за свободу, — вот он, уезжая, с высоты своих жертв поучает этих косных русских интеллигентов: «Вам оставаться... Со своим молчанием? Со своим “покорным энтузиазмом”?.. Кто ж тогда ответит за нравственное здоровье нации, страны, общества?» — И, ещё через полгода, открытое же самиздатское письмо советского писателя Григория Свирского. Его довели до крайности тем, что в наказание за выступление в 1968 в Центральном доме литераторов против антисемитизма несколько лет не печатали, и даже его имя не возобновлено в Литературной энциклопедии, — что́ он с понятной горячностью (но забыв оглянуться на — скольких же, скольких прежде него? и — какого масштаба?) назвал «убийством». «Как буду жить дальше, не знаю», — писал он в заявлении в Союз писателей. (Это — общее для всех 6000 членов СП: они считали, что государство обязано их кормить непременно литературным заработком.) Таковы «причины, которые заставили меня, человека русской культуры, более того, российского писателя и специалиста по русской литературе, ощутить себя евреем и принять необратимое решение уехать вместе с семьёй в Израиль», «хочу стать израильским писателем». (Но такой профессионально-национальный переброс оказался опрометчив: и Свирский, как многие ранние эмигранты, не ожидал, что нелегко будет перестроиться ему к Израилю, пришлось покидать и его.)

Однако во многих голосах пробуждённого еврейского самосознания — удивляли, резали слух и сердце — противорусские чувства и доводы. В этих чувствах, как мы прочли, «зрелой озверелости» — мы ведь тоже, увы, не слышим раскаяния наших еврейских братьев хотя бы за 20-е годы. Ни тени отношения к русским как к страдающему народу. — Впрочем, в предыдущей главе среди «озверелых» прозвучали и голоса иные. И, вспоминая то время уже из Израиля, давали оценки и трезвые: «в “Евреях в СССР” мы слишком много занимались сведением счётов с Россией...» — в

ущерб даже тому, что «слишком мало — Израилем и нашей жизнью в нём... “программой будущих действий”»[25].

Живым людям, простой бытовой жизни и без оружия, пробить стальной панцирь, обомкнувший СССР вкруговую, виделось задачей совершенно невозможной, безнадёжной. А вот — отчаялись, начали — и пошло! В борьбе за свободу эмиграции в Израиль была проявлена исключительная настойчивость и изобретательность в формах: подачи жалоб в Верховный Совет, демонстрации и голодовки «отказников» (так стали называть себя евреи, получившие отказ в просьбе о выезде); семинары лишённых службы еврейских учёных, «для сохранения квалификации»; созыв в Москве международного симпозиума учёных (конец 1976); наконец, и отказы проходить воинскую службу.

Конечно, успех этой борьбы мог быть достигнут только при сильной международной еврейской поддержке. «Наличие в мире еврейской солидарности было для нас потрясающим и единственно обнадёживающим в той беспросветной ситуации открытием», — вспоминает одна из первых (1971) «отказниц»[26]. — Помощь была сразу же и материальной: «в Москве, в среде отказников, родился особый вид независимости, основанный на мощной экономической поддержке евреев из-за рубежа»[27]. Тем более стали ждать от Запада — столь же мощной общественной, да уже и политической поддержки.

Первое серьёзное испытание её возникло в 1972. Кто-то в советских высших кругах рассудил: что вот уезжает еврейская интеллигенция, получившая в СССР бесплатно высшее образование, а затем и условия для научных степеней, — и теперь с лёгкостью увезут за границу весь этот льготно приобретенный научный багаж, работать на дру-

---

[25] *Р. Нудельман.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 141.

[26] *Н. Рубинштейн.* Кто читатель? // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 7, с. 131.

[27] *Е. Маневич.* [Письмо в редакцию] // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 85, с. 230–231.

гие страны? А не обложить ли их, таких, особым налогом? почему страна должна бесплатно готовить специалистов для других стран, отметя своих укоренённых жителей, которые могли бы то образование получить, да их не допустили? — И стал готовиться закон о таком налоге. Проект не скрывался, стал широко известен, горячо обсуждался в еврейских кругах, — и воплотился 3.8.1972 в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, государственных затрат на обучение». Предписывалось взимать: в зависимости от категории ВУЗа — от 3600 до 9800 простых советских рублей (3600 была в те годы годовая зарплата старшего научного сотрудника без докторской степени).

И — грянуло мировое негодование. За 55 лет существования советского режима ни одно его массовое злодеяние не вызывало такого дружного напорного мирового протеста, как налог на образованных эмигрантов. — Американские академики; 5000 американских профессоров подписали протест (осень 1972); две трети американских сенаторов остановили предполагавшийся договор о торговом благоприятствовании для СССР. — И европейские же парламентарии. — Со своей стороны 500 советских евреев послали открытое письмо генеральному секретарю ООН Вальдхайму (ещё никто не знал, что скоро он должен быть проклят сам): «крепостная зависимость для людей с высшим образованием». (В порыве достигнуть нужное — не слышали самих себя, как это звучит в стране с настоящим крепостным колхозным рабством.)

И — сдалось советское правительство, Указ выпал из применения.

А договор о торговом благоприятствовании? В апреле 1973 профсоюзный лидер Джордж Мини доказывал, что договор этот и не выгоден для США, и не принесёт желаемого смягчения международной напряжённости, — однако сенаторы, захваченные одной лишь еврейской проблемой, этих аргументов уже и не слушали. Они — соглашались на договор, но в зависимости от «поправки Джексона»: не заключать его, пока не будет *в целом* свободна эмиграция евреев из СССР. И на весь мир расшумел торг американского капитала: будем помогать советскому правительству, если выпустите из страны — именно и только евреев!

И никто не выскажет громко: господа, да ведь 55 лет не десятки тысяч, но многие миллионы наших сограждан только во сне видели, как бы вырваться из-под ненавистного советского режима, но права выезда не было ни у кого, никогда, — и политические, общественные деятели Запада никогда не удивлялись, не протестовали, не предлагали наказать советское правительство хотя бы торговыми ограничениями. (Одна только, в 1931, — и то неудавшаяся — кампания против советского лесного демпинга: сбыта по дешёвке лесоповального труда заключённых, — и то, очевидно, по причине торговой конкуренции.) Уничтожали 15 миллионов крестьян в «раскулачивание», выголаживали насмерть 6 миллионов крестьян в 1932, не говоря о массовых расстрелах и миллионных лагерных гибелях, — с советскими вождями тем временем приятно подписывали договоры, давали им займы, жали их честные руки, искали их расположения, хвастались достигнутым перед своими парламентами. И лишь когда коснулось отдельно евреев — тут через весь Запад пробила искра живого сочувствия, и начинали понимать, *что* это за режим. (Записал я в 1972 на случайном клочке: «Проняло, слава Богу. Но надолго ли хватит вашей проницательности? Ведь достаточно сейчас еврейско-эмигрантской проблеме решиться — и ко всему объёму происходящего, к проблемам российской или коммунистической, вы же опять оглохнете, ослепнете, перестанете что-нибудь понимать».)

«Вы не можете себе представить, с каким энтузиазмом встретили её [поправку Джексона] евреи в России... "Вот наконец найден мощный рычаг влияния на власти в СССР"»[28]. — И вдруг в 1975 — поправка Джексона вообще сорвалась: советское руководство неожиданно отказалось от благоприятственного торгового договора со Штатами. (Верней, рассчитало, что от других стран, в их соревновании, получит кредитов ещё больше.)

Советский отказ произвёл впечатление на еврейских активистов там и здесь, но ненадолго. В Америке и Европе всё громче раскатывалась поддержка эмиграции из СССР. — «Американская национальная конференция по защите советских евреев». — «Союз советов солидарности

---

[28] *В. Перельман.* Крушение Чуда: причины и следствия: [Беседа с *Г. Розенблюмом*] // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 24, с. 128.

с советскими евреями». — «Студенческий комитет борьбы за советское еврейство». — «День национальной солидарности Америки с евреями в СССР» (13 апреля 1975), более 100 тысяч демонстрантов прошли по Манхэттену, среди них — сенаторы Джексон и Хэмфри (оба были — претендентами на президентство). — «Проводились сотни разнообразных по форме акций протеста... Наиболее массовыми из них были ежегодные "воскресения солидарности" — демонстрации и митинги в Нью-Йорке, в которых участвовали до 250 тыс. чел. (проводились в 1974–1987)»[29]. — Трёхдневная сессия в Оксфорде, 18 нобелевских лауреатов — в защиту электрохимика члена-корреспондента Левича. И ещё 650 учёных мира — за Левича. И — выпустили его. — В январе 1978 более ста американских учёных в телеграмме Брежневу требуют выпустить за границу профессора Меймана. — Тут же другая мировая кампания — и вослед ликование успеха: математик Чудновский получил разрешение на выезд для лечения, невозможного в СССР. — И не только люди заметные, — на короткое время вдруг гремели на весь мир имена, не слышанные до тех пор и забытые вскоре потом. Вот особенно громко взывает мировая пресса (май 1978) о трогательнейшем случае: московская семилетняя девочка Джессика Кац больна неизлечимой болезнью — а её с родителями не выпускают в Штаты, каково! Личное специальное ходатайство сенатора Эдварда Кеннеди. Успех! Ликует пресса. Все телекомпании показывают в главных новостях встречу в аэропорту, счастливые слёзы, девочку несут на руках. И «Голос Америки» по-русски посвящает полную передачу спасению Джессики Кац (не думая, что перед русскими семьями, у кого свои безнадёжно больные дети, остаётся непроницаемая стена). И вдруг! — врачебное обследование — и открылось, что Джессика вовсе ничем не больна, а это хитрые родители обманули весь мир, чтоб только самим наверняка выехать. (И — сквозь зубы о том процедили по радио, незаметно, и — скрыли концы. Кому б другим простился такой блеф?) — Подобно тому: тюремная голодовка В. Борисова (дек. 1976), уже отсидевшего 9 лет «психушки», передавалась «Голосом Америки» в одном ряду с «15 сутками» вольного Ильи Леви-

---

29 Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. Т. 8, с. 380.

на, и даже последнему — больше внимания. — Любые несколько «отказников» подписывали заявление об их невыпуске из СССР — и оно тотчас передавалось, "Свободой", "Голосом Америки", Би-Би-Си, — в числе важнейших мировых известий, сейчас даже не верится, как громко они прозвучивали.

Конечно, верно отмечают: вся эпопея с начавшимся движением советских евреев пробудила и в мировом, особенно в американском, еврействе волнующее сознание своей национальности. — «Восторг сопереживания возник у западного еврейства под влиянием пророческой одержимости первых сионистов» из СССР. «Западные евреи увидели свои идеалы в действии. Они поверили в русских евреев... это означало для них верить в лучшие качества в себе... Всё то, что западные евреи хотели бы постоянно видеть вокруг себя и... не видели»[30]. — Есть и такая трактовка, не без проницательной иронии: «Предложенный товар (*восставший еврейский дух*) нашёл восторженных покупателей (американских евреев). Ни Америку, ни евреев Америки сами по себе евреи из Союза не интересуют. Товаром стал именно дух еврейского мятежа. Евреи Америки (а с ними и евреи Лондона, Амстердама, Парижа и т.д.), чьи еврейские чувства были растревожены шестидневным триумфом... увидели шанс на *соучастие*... Комфортабельная "борьба"... без особых при том усилий»[31].

Но нельзя не признать: душевные взлёты там и здесь — взаимно влияли, и всё более раскачивали стенки советского панциря.

Считают, что массовая еврейская эмиграция из СССР началась в 1971: 13 тысяч человек за год (из них 98% ехали в Израиль). В 1972 — 32 тыс., в 1973 — 35 тыс. (три года кряду — от 85% до 100% в Израиль)[32]. Однако — не из рус-

[30] *А.Воронель.* Вместо послесловия // "22", 1983, № 31, с. 140.

[31] *В.Богуславский.* Они ничего не поняли // "22", 1984, № 38, с. 156.

[32] *Ф.Колкер.* Новый план помощи советскому еврейству // "22", 1983, № 31, с. 144.

ских центров, большинство выехавших были евреи из Грузии и Прибалтики. (Хотя: «Грузия — страна без антисемитизма», — заявил еврейский делегат на международном конгрессе; немало грузинских евреев разочаровались, что приехали в Израиль, захотели назад.) Из средней полосы СССР массовое движение не возникло. А позже, когда выезд затруднился, высказывалась сильная горечь (Р. Нудельман): будущих *отказников* «запоздалое мужество, быть может, было бы не нужно, если бы они вовремя воспользовались пробитой брешью». Ему возражают: «Но ведь людям нужно время, чтобы созреть!.. Сколько понадобилось, чтобы мы поняли, что нельзя оставаться, что это просто преступление по отношению к собственным детям»[33].

«Эй, эй! бегите из северной страны, говорит Господь» (Зах. 2 : 6).

Впрочем, возбуждение еврейской эмиграции уже сильно развивалось и в русских и украинских городах. К марту 1973 было подано 700 тысяч заявлений на эмиграцию. Однако осенью 1973 произошла война Судного дня, — и тут «наступил перелом» в желании эмигрировать. «Лицо Израиля после войны Судного дня резко изменилось. Вместо уверенной в себе и смелой страны, с большим материальным достатком, верой в завтрашний день и монолитным руководством, Израиль неожиданно предстал перед миром растерянным, рыхлым, раздираемым внутренними противоречиями. Уровень благосостояния населения резко упал»[34].

И в 1974 выехало из СССР всего лишь 20 тысяч евреев. А в 1975–76 из транзитной Вены «до 50% советских евреев направились... мимо Израиля. В этот период появился термин "прямики́"»[35] — то есть *прямо* в Соединённые Штаты. После 1977 число их «колеблется от 70 до 98 процентов»[36].

«Говоря по совести, это можно понять. Еврейское государство было задумано как национальное убежище для

---

33 *Ю. Штерн.* Ситуация неустойчива и потому опасна: [Интервью] // "22", 1984, № 38, с. 132, 133.

34 *Е. Маневич.* Новая эмиграция: слухи и реальность // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 87, с. 107–108.

35 *Ф. Колкер.* Новый план помощи советскому еврейству // "22", 1983, № 31, с. 144.

36 *В. Перельман.* Оглянись в сомнении // ВМ, Нью-Йорк, 1982, № 66, с. 152.

евреев всего мира. Убежище, которое прежде всего гарантирует им безопасное существование. Но этого не произошло. Страна на долгие годы оказалась на линии огня»[37].

К тому же «довольно скоро выяснилось, что Израиль нуждается не в евреях-интеллигентах... а в еврейской интеллигенции». И тогда «мыслящий еврей... с ужасом понял, что в том качестве, в котором он себя сознавал, ему в Израиле делать нечего»: оказалось, что для Израиля нужно быть проникнутым еврейской национальной культурой — и, вот, уже тогда «приехавшие пришли к выводу о трагической ошибке: не было смысла выезжать из России» (также из-за потери социального положения)[38], — и обратные письма оповещали о том ещё не уехавших. «Тон и содержание их в то время были почти поголовно отрицательными. Израиль — это страна, в которой государство вторгается и стремится опекать все стороны жизни гражданина»[39]. — «Предубеждение против эмиграции в Израиль начало складываться у многих уже в середине 70-х годов»[40]. — «В среде московской и ленинградской интеллигенции сложилось твёрдое представление об Израиле как о закрытом, духовно бедном обществе, замкнутом на свои узко национальные проблемы и подчиняющем культуру сегодняшним идеологическим интересам... В лучшем случае... культурная провинция, в худшем... ещё одно тоталитарное государство, разве что без карательного аппарата»[41]. — «У многих советских евреев сложилось — и не без оснований — впечатление, что, переезжая из СССР в Израиль, они меняют один авторитарный режим на другой»[42].

---

37 *С. Цирюльников.* Израиль — год 1986 // ВМ, Нью-Йорк, 1986, № 88, с. 135.

38 *Г. Файн.* В роли высокооплачиваемых швейцаров // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 12, с. 135–136.

39 *Е. Маневич.* Новая эмиграция: слухи и реальность // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 87, с. 111.

40 *Э. Финкельштейн.* Мост, который рухнул... // "22", 1984, № 38, с. 148.

41 *Э. Сотникова.* [Письмо в редакцию] // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 25, с. 214.

42 *М. Нудлер.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // "22", 1982, № 24, с. 138.

Когда в 1972–1973 в Израиль приезжало в год больше, чем по 30 тысяч советских евреев, — Голда Меир сама встречала их на аэродроме и плакала, а израильские газеты назвали их массовый приезд «Чудом XX века». Тогда «в Израиль ехали все. А на тех, кто сворачивал в Риме», то есть не в Израиль, «показывали пальцем. Но вот из года в год число прибывающих начало падать. От десятков тысяч к тысячам, от тысяч к сотням, от сотен к единицам. И в Вене уже пальцем показывают не на свернувших в Рим, а на эти самые “единицы”, на “чудаков”, на “ненормальных”, которые продолжают ехать в Израиль»[43]. «Если раньше “нормой” был Израиль и нужно было объяснять, почему едешь “мимо”, то сегодня всё наоборот: объясняться, скорее, приходится тем, кто собирается в Израиль»[44].

«Идеалистической была лишь первая волна»; «начиная с 1974 года и далее, из СССР начал выезжать, если его можно так назвать, второй эшелон евреев, для которых Израиль если и был дорог, то в основном издалека»[45]. — И такое соображение: «Может, и явление неширы [*нешира* — отсеивание по пути в Израиль; *ноширим* (ивр.) — отпавшие]... связано с тем, что раньше эмиграция шла, в основном, с окраин [СССР], где [еврейские] традиции были сильны, а теперь перешла в центры, где евреи сильно оторвались от традиций?»[46]

Так или иначе, но «чем шире распахивались ворота выезда, тем меньше еврейского становилось в этом потоке», большинство активистов даже не знали толком ивритского алфавита[47]. — «Не обрести еврейство, а избавиться от него стало... главной побудительной причиной эмиграции»[48]. —

43 *В. Перельман.* [Из почты редакции] // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 23, с. 217.

44 *Ю. Штерн.* Двойная ответственность: [Интервью] // “22”, 1981, № 21, с. 126.

45 *Е. Маневич.* Новая эмиграция: слухи и реальность // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 87, с. 109–110.

46 *Г. Фрейман.* Диалог об алие и эмиграции [с *А. Воронелем*] // ”22”, 1983, № 31, с. 119.

47 *А. Этерман.* Третье поколение: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 126.

48 *Б. Орлов.* Пути-дороги «римских пилигримов» // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 14, с. 126.

И вот, иронизируют в Израиле, — «мир не наполнился топотом ног евреев, бегущих обживать свой дом... Следующие быстро учли ошибки авангарда: массово и проворно ринулись туда, где чужими руками налажена чужая жизнь. Именно массово — тут наконец проявилось пресловутое “еврейское единство”»[49]. — Ну да, ведь эти люди «выехали из СССР ради “интеллектуальной свободы” и потому, мол, должны жить в Германии или в Англии»[50], а проще — едут в Соединённые Штаты. — А и широко же сознаётся: диаспора уже для того нужна, что «кто-то должен же подбрасывать деньги безресурсному Израилю и поднимать шум, когда его обижают! Но с другой стороны, она, эта диаспора, увековечивает антисемитизм»[51].

А. Воронель делает тут более высокое обобщение: «Ситуация русских евреев и проблема их освобождения есть только отражение общего кризиса всего еврейства... Проблема советских евреев помогает нам увидеть смятение в собственных рядах»; «цинизм советских евреев», использующих фальшивые вызовы из Израиля, вместо того чтобы «покориться судьбе, предписывающей им дорогу чести, есть не более чем отражение цинизма и разложения, коснувшихся всего еврейского (и нееврейского) мира»; «под влиянием бизнеса, конкуренции и неограниченных возможностей Свободного Мира вопросы совести отодвигаются всё дальше»[52].

Итак, потёк просто — массовый побег от трудной советской жизни в лёгкую западную, по-человечески вполне понятный. Но в чём же тогда «репатриация»? и в чём «духовное превосходство» тех, кто решился на выезд из «страны рабов»? — Советские евреи, добивавшиеся эмиграции, в те годы звонко возглашали: «Отпусти народ Мой!» Но это была — усеченная цитата. А в Библии сказано так: «Отпусти народ Мой, чтоб он совершил мне праздник в пустыне» (Исх. 5 : 1). Но что-то много отпущенных — поехали не в пустыню, а в изобильную Америку.

---

49 *Н. Воронель.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 117, 118.

50 *З. Левин* // Там же, с. 127.

51 *А. Добрович.* [Письмо в редакцию] // “22”, 1989, № 67, с. 218.

52 *А. Воронель.* Вместо послесловия // “22”, 1983, № 31, с. 139–141.

Однако и отначала, в успешные годы внезапной эмиграции, — были ли сионистские убеждения и стремление в Израиль главными стимулами отъезда? Разные еврейские авторы свидетельствуют, что — нет.

«Советская ситуация конца 60-х годов была ситуацией алии, а не сионистского движения. Была волна людей, внутренне уже готовых бежать из Союза. А уже внутри этой волны началось то, что можно условно назвать сионистским движением»[53]. В активные кружки изучения еврейской истории и культуры вошли те, «отличительной чертой которых было, разве что, полное отсутствие карьеризма, столь принятого в кругах советско-еврейской интеллигенции. Поэтому-то они всё свободное время отдавали еврейским делам»[54]. Для таких уже с конца 70-х годов началась «эра учителей иврита», а с начала 80-х «учителя Торы были единственными, кто продолжал действовать на умы»[55].

Мотив же многих иных к эмиграции объясняется так: «Советская власть поставила перед евреями препятствия в самом главном для них — профессиональном продвижении» и, значит, «еврейству грозит деградация»[56]. — Их «загнал сначала в еврейство, а потом и в сионизм... безликий административный рок»[57]. — «Многие... никогда не сталкивались всерьёз с антисемитизмом или политическими преследованиями. Угнетала их бесперспективность своего существования как русских евреев — носителей противоречия... от которого нельзя было бежать ни в “ассимиляцию”, ни в “еврейство”»[58]. — «Нарастало чувство несовместимости и горечи», «десятки и десятки бездарей... тащат тебя в

---

53 *В. Богуславский.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 139.

54 *Он же.* У истоков: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 105.

55 *А. Этерман.* Третье поколение: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 136, 140.

56 *А. Воронель.* Диалог об алие и эмиграции [с *Г. Фрейманом*] // “22”, 1983, № 31, с. 119.

57 *Лев Копелев.* О правде и терпимости. New York: Khronika Press, 1982, с. 61.

58 [*Р. Нудельман.*] Колонка редактора // “22”, 1979, № 7, с. 97.

неизвестность... отталкивают на дно»[59]. И порыв — только бы вырваться из Советского Союза. — «И эта вот светлая перспектива, когда человек только что находился в полном подчинении у советской власти и вдруг, через три месяца, становился свободным... действовала чрезвычайно зажигательно»[60].

Вокруг отъезда возникал, конечно, сложный ареал настроений. Вот, пишут, еврейское большинство, «воспользовавшись той же “сионистской” дверью... с тоской покидает такую привычную, такую притерпевшуюся Россию»[61] (как выявляет язык прорыв смысла, ведь автор хотел сказать — «притерпленную» евреями). Или пишут так: «Для подавляющего большинства решение об эмиграции [было] “головное”, сопротивление же ему нутряное»[62] — то есть вжитость в страну и её традиции. Насколько «большинство» — этого никому не оценить. Но известные нам настроения колебались от добротных стихов Лии Владимировой:

Но вам, моим возлюбленным, вам, гордым,
Я завещаю память и отъезд, —

до расхожей тогда шутки: «Кто будет уезжать последний, не забудьте потушить свет».

Пробуждение советских евреев к эмиграции совпало по времени и с началом «диссидентского» движения в СССР. Тут было и не без внутренней связи: «для некоторых из них [евреев-интеллигентов] “национальное самосознание еврейства в СССР” есть особая форма произрастания вбок... новая форма инакомыслия»[63], — свой нетерпеливый вырыв из страны они считали и отчаянной важной политической борьбой. Собственно, повторилась дилемма сионистов начала XX века: имея целью уехать из России, вести ли тем временем в ней политическую борьбу? Тогда — больше склонились: вести, теперь — не вести. Но нарастающая дерзость к эмиграции не могла не питать и политическую

---

[59] *Е. Ангениц.* Спуск в бездну // “22”, 1980, № 15, с. 166, 167.

[60] *А. Этерман.* Третье поколение: [Интервью] // “22”, 1986, № 47, с. 125.

[61] *В. Богуславский.* В защиту Куняева // “22”, 1989, № 16, с. 175.

[62] *В. Любарский.* Что делать, а не кто виноват // ВМ, Нью-Йорк, 1990, № 109, с. 129.

[63] *Б. Хазанов.* Новая Россия // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 8, с. 143.

дерзость, и иногда совпадали личности действователей. Так, например (уже позже, 1976), некоторые активисты еврейского движения — В. Рубин, А. Щаранский, В. Слепак — приняли самостоятельное решение поддержать «хельсинкскую группу» диссидентов, — но это «было признано в еврейских кругах неоправданным и неразумным риском», ибо приведёт «к немедленному и тотальному усилению репрессий властей против еврейских активистов», да и превратит еврейское движение «в придаток диссидентства»[64].

С другой стороны, и немало диссидентов воспользовались одновременностью обоих движений, воспользовались эмиграцией как бегством с поля боя, для личного спасения. Под то были подведены и теоретические основания: «Всякий честный человек в СССР — неоплатный должник Израиля, и вот почему... Эмиграционная брешь, пробитая в железном занавесе благодаря Израилю... обеспечивает тыл тем немногим людям, которые готовы противопоставить себя бездушной тирании КПСС и отстаивают права человека в СССР. Отсутствие "запасного выхода" самым губительным образом сказалось бы на нынешнем демократическом движении»[65].

Надо признать: объяснение — весьма циничное, и довольно дурная услуга диссидентству. — Оппонент подмечает натяжку: так «эти "противники" [КПСС] играют в довольно странную игру: они начинают участвовать в демократическом движении, будучи заранее уверенными в существовании "запасного выхода". Но этим они демонстрируют временный и непоследовательный характер своей деятельности. Имеют ли право потенциальные эмигранты говорить о переменах в России, а тем более — от имени России?»[66]

Один диссидентский фантаст (в будущем, в эмиграции, православный священник) предлагал и такое построение: что еврейская эмиграция производит «революцию в сознании советского человека», «еврей, борющийся за право выезда, превращается в борца за освобождение» всеобщее... «Еврейское движение становится той социальной

---

64 *В. Лазарис.* Ироническая песенка // "22", 1978, № 2, с. 207.

65 *И. Мельчук.* [Письмо в редакцию] // ВМ, Тель-Авив, 1977, № 23, с. 213–214.

66 *В. Лазарис.* Ироническая песенка // "22", 1978, № 2, с. 200.

железо́й, которая начинает выделять гормоны правосознания», стало «своего рода ферментом постоянного взращивания диссидентства», «Россия “пустеет”», мифологическая до тех пор «“заграница” заселяется своими людьми», «еврейский Исход... постепенно выводит советскую тоталитарную Московию на просторы свободы»[67].

Такой взгляд был готовно усвоен и годами громко возглашался: «право эмиграции — первейшее из прав человека»... Хором и многократно повторялось, что это — «вынужденное бегство», а «утверждения о привилегированном положении евреев в смысле отъезда — кощунство»[68].

Да, спасаться с корабля на лодках — конечно, вынужденное действие. Но *иметь лодку* — огромная привилегия. И после изнурительного советского полувека — у евреев она вдруг оказалась, а у остальных — нет. Более чуткие выражали совестливое чувство: «Можно бороться за репатриацию евреев — это всем понятно, можно бороться за право эмиграции для всех — это тоже понятно, но нельзя... бороться за право эмиграции, но почему-то *только для евреев*»[69]. — Вопреки умилённым теоретикам эмиграции, что и все советские люди таким образом обживали заграницу и через это чувствовали самих себя в СССР свободнее, — как раз напротив: советские люди теперь почувствовали себя ещё более в безвыходьи, ещё более обманутыми и рабами. — Среди эмигрантов были и такие, кто понимал: «Коварнейший момент всей этой ситуации — тот, что уезжают евреи. Вопрос нелепым образом обернулся чем-то вроде проверки подлинности»[70].

Вот именно. Но в самоослеплении — не заметили того.

А что было думать остающимся жителям «тоталитарной Московии»? Разброс тех настроений велик, от народного раздражения (вам, евреям, можно, а нам нельзя...) — до интеллигентского сокрушения. Его выразила Л.К. Чуковская в разговоре со мной: «Уезжают десятки драгоцен-

---

67 *М.Аксёнов-Меерсон.* Еврейский Исход в российской перспективе // ВМ, Тель-Авив, 1979, № 41.

68 *Г.Сухаревская.* [Письмо в редакцию] // Семь дней, Нью-Йорк, 1984, № 51.

69 *И.Шломович.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 138.

70 *Б.Хазанов.* Новая Россия // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 8, с. 139.

17—4917

ных людей, без которых разрываются важные для страны внутренние человеческие связи. Рвутся узлы, образующие ткань культуры».

Как мы только что и прочли: «Россия пустеет»...

Об этом Уходе читаем вдумчивое размышление эмигрировавшего еврейского автора: «Еврейство России проделало беспримерный опыт слияния с русским народом и русской культурой, вмешалось в судьбу и историю России и, внезапно оттолкнувшись, как отталкиваются от одинаково заряженного тела, ушло». (Меткость и глубина сравнения!) «Самое поразительное в этом Уходе — его добровольность в момент наивысшей ассимиляции... Патетический характер российской алии 70-х годов... Мы не были изгнаны из страны королевским указом или решениями партии и правительства и не спасались бегством от захлёстывающей ярости народного погрома... этот факт не сразу доходит до сознания участников исторических событий»[71].

А между тем несомненно — еврейская эмиграция из СССР открывала крупное всеисторическое движение. Начало Исхода — отчерчивало двухвековую эпоху принудительно-совместной жизни евреев и русских. Отныне каждый российский еврей обретал волю сам решать: жить ли ему в России или вне её. Ко второй половине 80-х выезд в Израиль стал вполне свободным, уже не требовал борьбы.

Всё произошедшее за два столетия с еврейством в России — и черта оседлости, и выход из её прозябания, и расцвет, и возвышение в круги российской власти, и новое стеснение, и потом Исход — не игра случайных стечений на окраине истории. Еврейство закончило круговой цикл распространения вокруг Средиземного моря, вплоть до востока Европы — и теперь двинулось в возврат на свою исходную землю.

И в том цикле и в разрешении его — проглядывает надчеловеческий замысел. И, может быть, нашим потомкам предстоит увидеть его ясней. И разгадать.

---

71 *Б. Орлов.* Не те вы учили алфавиты // ВМ, Тель-Авив, 1975, № 1, с. 127–128.

Глава 27 — ОБ АССИМИЛЯЦИИ

Когда и как началось это необыкновенное положение евреев как «всюду гостей»? Широко утвердилось в людском сознании, что многовековое еврейское рассеяние началось с разрушения Иерусалима Титом в 70 г. по Р.Х.: и вот, насильственно лишённые родной земли, с тех пор евреи вынужденно скитаются по всему миру. Но нет — «громадное большинство евреев уже тогда жило в рассеянии; в Палестине оставалось едва ли больше восьмой части народа»[1]. Начало еврейского рассеяния гораздо древнее: «уже в эпоху Вавилонского плена [VI в. до Р.Х.], а вероятно, даже и раньше, евреи были по преимуществу народом рассеяния; Палестина была только религиозным и отчасти культурным центром»[2].

Рассеяние евреев было предсказано уже и в ранних книгах Библии. «А вас рассею между народами» (Лев. 26:33). — «И рассеет вас Господь по всем народам, и останетесь в малом числе между народами» (Втор. 4 :27).

«Лишь незначительная часть евреев вернулась из [вавилонского] плена, “многие остались в Вавилоне, не желая бросить имущества”». Образуются и другие большие поселения вне Палестины, «евреи оказываются в большом числе... в крупных торгово-промышленных центрах древнего мира» (например, в Александрии при Птоломеях евреи составляли 2/5 населения). «Это были, преимущественно, торговцы и ремесленники»[3].) — Еврейско-эллинистический философ Филон Александрийский (умер в середине I в., за 20 лет до разрушения Храма) свидетельствует: «Своей метрополией [евреи] считают Священный Город, в котором находится святой храм Всевышнего Бога; но родиной своей они считают те страны, которые достались им, как местожительство,

---

[1] *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея: Чем мы были, чем мы стали, чем мы должны быть. Париж, 1939, с. 17.

[2] *С.Я. Лурье.* Антисемитизм в древнем мире. Тель-Авив: Сова, 1976, с. 160 [1-е изд. — Пг.: Былое, 1922].

[3] Там же*, с. 64, 122, 159.

от отцов, дедов, прадедов и ещё более древних предков и в которых они сами родились и были воспитаны»[4].

Михаил Гершензон, размышляя над судьбами еврейского народа после Вавилона, писал: евреи «уживались на чужбине, а не тянулись на старую родину, как можно было бы ожидать». «Вспомните: ещё Иудейское царство стояло, а уже большая часть евреев была рассеяна по всем странам Востока; ещё второй храм красовался во всей славе, а на улицах и в домах Иерусалима уже не слышно было библейского языка: весь народ говорил по-сирийски или по-гречески». Уже тогда у евреев как бы было сознание: «не надо дорожить народной независимостью, надо учиться жить без неё, под чужой властью; не надо быть прикреплёнными ни к одному месту, ни к одному языку»[5].

И нынешние еврейские авторы не отошли от той же оценки: «Евреи в Древнем мире рассеялись и создавали крупные центры в диаспоре ещё до крушения еврейской государственности»[6]. — «Народ, получивший Закон, не хотел возвращаться в свою страну. Здесь есть что-то глубинное, чего мы ещё не осознали до конца. Куда проще болтать о еврейских ценностях и сохранении еврейства, чем объяснить подлинные причины столь долгого существования галута»[7]. («Галут» — изгнание. Даже и до середины XX века в иврите не было слова для обозначения «диаспоры» как пребывания в добровольном рассеяньи, но лишь «галут» как изгнание.)

Из исторических сведений мы видим, что рассеяние евреев — не только их несчастный рок, но и *добровольный поиск*. Не только оплаканная беда, но и, может быть, — средство облегчения жизни? Это важно для понимания диаспоры.

Среди еврейства и сегодня нет единого понимания: так что же такое для него диаспора — благо или проклятие?

---

[4] *С.Я.Лурье.* Антисемитизм в древнем мире*, с. 160.

[5] *М.Гершензон.* Судьбы еврейского народа // "22": Общественно-политический и литературный журнал еврейской интеллигенции из СССР в Израиле. Тель-Авив, 1981, № 19, с. 109–110.

[6] *С.Цирюльников.* Философия еврейской аномалии // Время и мы (далее — ВМ): Международный журнал литературы и общественных проблем. Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 148.

[7] *А.-Б.Иошуа.* Голос писателя // "22", 1982, № 27, с. 158.

Сионизм, от момента своего возникновения и по самой своей идее, отвечал уверенно: «Наше рассеяние — величайшее проклятие для нас самих, и ничего хорошего — никакой пользы и никакого мира — оно не приносит и другим... Мы всюду гости... и всё равно мы нежеланны, от нас хотят избавиться»[8]. — «Человек бездомный, везде ощущающий себя только гостем, — вот оно, подлинное проклятье рассеяния, настоящая его горечь!»[9] — «Кое-кто говорит, что наличие многих "домов" повышает шансы евреев на выживание. На мой взгляд, народ, гостящий во многих чужих домах и не заботящийся о своём собственном, не может рассчитывать на безопасность. Наличие многих доступных домов развращает»[10].

Но ещё шире — взгляд противоположный, и он кажется более реальным. «Возможно, что еврейский народ сохранился и выстоял не вопреки своему изгнанию и рассеянию, но благодаря им», «еврейская диаспора не эпизод, а органический "ингредиент" еврейской истории»[11]. — «Стоит задуматься: сохранился ли еврейский народ во всей своей неповторимости вопреки или благодаря изгнанию и рассеянию?»; «трагедия, происшедшая в Иерусалиме в 70 году н.э., погубила государство, но явилась необходимым условием спасения народа»; «небывало обострившийся инстинкт национального самосохранения» толкнул к спасению через диаспору[12]. — «У еврейства никогда не было полной ясности в понимании своего положения и его причин. Изгнание мнилось карой за содеянные грехи, а оборачивалось особой милостью, которой Господь отметил свой народ. Диаспорой еврей отработал печать избранничества, которую он провидел на своём челе... Рассеянное состояние не является для него противоестественным... Даже в периоды максимальной государственной устроенности еврейство уже оставляло на своём пути гарнизоны, рассыла-

---

8 *Макс Брод.* Любовь на расстоянии // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 11, с. 197–198.

9 *Амос Оз.* О времени и о себе // Континент: Литературный, обществ.-политический и религиозный журнал. М., 1991, № 66, с. 260.

10 *А.-Б. Иошуа.* Голос писателя // "22", 1982, № 27, с. 159.

11 *С. Цирюльников.* Философия еврейской аномалии // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 149–150.

12 *П. Самородницкий.* Странный народец // "22", 1980, № 15, с. 153, 154.

17*—4917

ло во все концы передовые отряды, словно чуя изгнание и готовясь отойти на заранее подготовленные позиции»; «диаспора, таким образом, — специфическая форма существования еврейства в земном пространстве и времени»[13]. — И в самой-то диаспоре как евреи мобильны! «Еврейский народ не приживается нигде, даже если проходит несколько поколений»[14].

Но очутясь в столь обширном рассеяньи, малыми вкраплениями среди других народов, — должны были евреи выработать своё ясное отношение к этим народам, линию поведения меж них и к ним: искать ли предельного соединения, слияния с этими народами или отталкиваться, отгораживаться от них? Священное Писание даёт немало заветов отъединения. Даже родственных соседей — самарян, израэлитов — иудеи чуждались настолько непримиримо, что нельзя было принять от них и куска хлеба. Господствовал и строжайший запрет на смешанные браки. «И не отдавать дочерей своих иноземным народам, и их дочерей не брать за сыновей своих» (Неем. 10:30). А Эздра повелел расторгнуть и уже существующие браки, уже и с детьми!

И живя в рассеяньи — евреи за тысячелетия так и не смешались с теми народами, как масло не смешивается с водою, но всплывает вверх и держится на поверхности. Все эти долгие столетия они ощущали себя как нечто отдельное — и вплоть до XVIII века «евреи, как народ, ни разу не выказывали склонности к ассимиляции». Дореволюционная еврейская энциклопедия, приводя суждение Маркса, что «евреи не ассимилировались, так как представляли экономически высший тип, т.е. класс капиталистов среди земледельческих и мелкобуржуазных народов», — возражает ему: экономика была вторичной, «евреи диаспоры сознательно создали свою экономику, ограждавшую их от ассимиляции. Они это сделали в силу сознания своего культурного превосходства», а оно было создано «духовным содержанием иудаизма в его наиболее полной форме. Последнее охраняло от подражания»[15].

---

13 *Е. Фиштейн.* Из галута с любовью // "22", 1985, № 40, с. 112–114.

14 *М. Шамир.* Сто лет войны // "22", 1982, № 27, с. 167.

15 Еврейская Энциклопедия (далее — ЕЭ): В 16 т. СПб.: Общество для Научных Еврейских Изданий и Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1906–1913. Т. 3, с. 312.

Но вот «с половины 18 в. евреи начинают верить в ассимиляцию, которая в Западной Европе 19-го столетия уже становится... ферментом разложения еврейской нации». Ассимиляция начинается тогда, «когда окружающая культура поднимается на ту же высоту, на которой находится еврейская, или когда еврейство перестаёт творить новые ценности». У европейских евреев «с конца 18 столетия национальная воля ослабела: от чрезмерного ожидания она притупилась. Другие народы начали создавать блестящую культуру, затмившую еврейскую»[16]. И как раз в это время, от Наполеона, началась всеевропейская эмансипация; евреям открывалась, в стране за страной, дорога к социальному равенству, и тем естественней становилась ассимиляция. (Тут добавляют нам важное соображение: что «односторонней ассимиляции нет», не бывает, а что «ассимилирующиеся евреи начали вносить в чужие культуры свои национальные черты». Гейне и Бёрне, Рикардо и Маркс, Биконсфильд-Дизраэли и Лассаль, Мейербер и Мендельсон, «ассимилируясь с окружающей средой, внесли в неё и еврейские элементы»[17].)

В отдельных случаях ассимиляция приводит и к более яркому проявлению личных творческих способностей. Но в общем охвате «ассимиляция была той ценой, которую евреи платили за благо приобщения к европейской культуре», и образованные евреи убедили себя, что «евреи — не нация, а лишь религиозная группа»[18]. — «Еврейский народ, со вступлением его в сонм европейских наций, стал обезличиваться... резко-национальными чертами отличался лишь еврей гетто... а еврей интеллигентный всеми силами старался быть непохожим на еврея». Так и распространилась «теория, что еврейской нации нет, а есть лишь "поляки, французы, немцы Моисеева закона"»[19].

---

[16] Там же, с. 313.

[17] Там же.

[18] *М.Кроль.* Национализм и ассимиляция в еврейской истории // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 г. (далее — ЕМ-1). Париж: Объединение русско-еврейской интеллигенции, с. 187.

[19] *И.Л.Клаузнер.* Литература на иврит в России // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до Революции 1917 г. Нью-Йорк: Союз Русских Евреев, 1960, с. 506.

Маркс, а за ним и Ленин видели всё решение еврейского вопроса — в *полной* ассимиляции евреев в странах их проживания.

В отличие от топорности этих идеологов, большой интерес представляют соображения М.О.Гершензона, изложенные в 1920, то есть уже к концу его жизни, — тем особенно интересные, что сам Гершензон из ряда не только высокомыслящих, но и чрезвычайно ассимилированных русских евреев. А вот — не высох и не обмер в нём еврейский вопрос, но заявил о себе. Это — его статья «Судьбы еврейского народа».

Вопреки утверждению современной ему Еврейской энциклопедии, Гершензон считает ассимиляцию евреев — явлением давним, уходящим вглубь веков. Всегда и неизменно один голос «манил его [еврея] смешаться со средою, — отсюда в еврействе неискоренимая тяга к ассимиляции даже с древних времён». Другой же голос «требовал больше жизни беречь свою национальную исключительность. Вся история рассеяния есть непрекращающийся спор двух воль в еврействе: человеческой и сверхчеловеческой, индивидуальной и народной... Те требования, которые национальная воля предъявляла к отдельной личности, были столь беспощадны, почти выше человеческих сил, что без великой надежды, общей для всех, еврей на каждом шагу впадал бы в отчаяние и соблазнялся бы отпасть от братьев и от странного, мучительного общего дела». — Вопреки мнению, что начало ассимиляции с конца XVIII в. явление объяснимое, Гершензон, напротив, удивляется: «Разве не странно, что ассимиляция необычно усилилась как раз в последние сто лет и ускоряется с каждым часом, хотя теперь, вследствие повсеместного уравнения евреев в правах, соблазн отпадения несравненно уменьшился?» Нет, находит он: «Не внешняя сила расщепляет еврейство: оно само распадается изнутри. Обветшал, истлел главный стержень — религиозное единство еврейской нации». — И как же ассимиляция проходит и к чему ведёт? — «Кажется... [евреи] до мозга костей пропитаны космополитическим духом или в лучшем случае духом местной культуры: в то же верят, в то же не верят, и то же любят, как другие». Но нет: «они любят то же, да не так... Их действительно пожирает страстное желание уверовать в чужих богов... Они силятся полюбить то, чем живёт совре-

менный культурный мир... Они делают вид, что уже любят, по-настоящему любят, и сами себя убеждают в этом». Но нет! — веру любишь только свою кровную, «которую родила душа из недр своих в муках»[20].

Еврейские авторы неподдельно выражают ту душевную муку, которую приходится переживать еврею при ассимиляции. — «Если вы решили притвориться, что вы не еврей, или перейти в другую веру, вам всё время приходится вести внутреннюю борьбу со своим еврейством... Вы живёте в чудовищном напряжении... В каком-то смысле это безнравственно, и это своего рода духовное насилие над самим собой»[21]. (Эта драма — изумительно передана Чеховым в очерке «Перекати-поле».) — «Злая мачеха — ассимиляция... заставляла приспосабливаться к себе во всём: в понимании смысла бытия и человеческих взаимоотношений, в требованиях и потребностях, в образе жизни и привычках. Она искажала психологию народа вообще и... интеллигенции — в особенности». Она побуждала «к отречению от себя, в итоге — к идее самоуничтожения»[22]. — «Мучительный, унизительный поиск своего “Мы”»[23]. — Но даже «и самая полная ассимиляция эфемерна: она никогда не становится естественной», не освобождает «от необходимости быть настороже» постоянно[24].

Это — недоверчивость от окружающего, коренного народа. А ведь ещё ж и обвинения от своих, от евреев: рост «потребительских и приспособленческих форм поведения», «стремление бежать, избавиться от своего еврейства», доходящее «до национального ренегатства»[25].

Тем не менее можно сказать, что в XIX в. всё клонилось так, что ассимиляция и возможна, и нужна, и произойдёт, и даже предречена. Но возникший *сионизм* бросил на проблему совсем новое освещение. До появления сионизма

---

20 *М. Гершензон.* Судьбы еврейского народа // “22”, 1981, № 19, с. 111–115.

21 *Н. Подгорец.* Евреи в современном мире: [Интервью] // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 86, с. 117.

22 *В. Левитина.* Стоило ли сжигать свой храм... // “22”, 1984, № 34, с. 194.

23 *В. Богуславский.* Заметки на полях // “22”, 1984, № 35, с. 125.

24 *О. Рапопорт.* Симптомы одной болезни // “22”, 1978, № 1, с. 122.

25 *Л. Цигельман-Дымерская.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // “22”, 1978, № 3, с. 173–174.

«мучительная раздвоенность... была свойственна всему еврейству»[26], раздвоенность между религиозной традицией — и окружающим внешним миром.

В начале XX века Жаботинский писал: «Когда еврей воспринимает чужую культуру... нельзя полагаться на глубину и прочность этого превращения. Ассимилированный еврей не выдерживает первого натиска, отдаёт "воспринятую" культуру без всякого сопротивления, как только убедится, что её господство прошло... он не может служить опорою для этой культуры». И приводит яркий пример: как в онемеченной Австро-Венгрии — по мере роста чешской, венгерской, польской культур — онемеченные евреи переделывались под новорастущее. Тут «дело в каких-то объективных моментах, которые создают действительную, кровную связь между человеком и *его* культурой, рождённой *его* предками»[27]. И, конечно же, наблюдение — верное; хотя «объективные моменты» — суховато сказано. (Жаботинский не только резко выступал против ассимиляции, он высказывал настойчивое предостережение евреям, чтоб они не кинулись делать русскую политику, литературу и искусство: что через годы — русские неизбежно отмахнутся от этих услуг[28].)

Нестойкость ассимиляции мы видим на многих примерах — как массовых, так и индивидуальных, как в Европе, так и в России, и прежде, и до самого последнего времени.

Казалось бы: Бенджамин Дизраэли, сын религиозно-индифферентного отца, в отрочестве крещённый, и не просто вжившийся в английскую жизнь, но ставший символом Британской империи. — а о чём же он мечтает на досуге, отдаваясь страсти писать романы? — об исключительных заслугах и мессианстве еврейства, с горячей любовью к Палестине и мечтами о восстановлении израильского отечества[29].

---

26 *Г. Шакед.* Трудно ли сохранить израильскую культуру в конфронтации с другими культурами // "22", 1982, № 23, с. 135.

27 *Вл. Жаботинский.* На ложном пути // *Вл. Жаботинский.* Фельетоны. СПб.: Типография «Герольд», 1913, с. 251, 260–263.

28 *Он же.* Четыре статьи о "чириковском инциденте" (1909) // Там же, с. 76.

29 ЕЭ, т. 4, с. 560, 566–568.

А Гершензон? Видный историк русской культуры, пушкинист, даже бранили его за «славянофильство», — а вот, пишет к концу жизни: «С детства приобщённый к европейской культуре, я глубоко впитал в себя её дух... и люблю искренно многое в ней... Но в глубине сознания я живу иначе. Уже много лет настойчиво и неумолчно звучит мне оттуда тайный голос: не то, не то! Какая-то другая воля во мне с тоской отвращается от культуры, от всего, что делается и говорится вокруг... Я живу, подобно чужеземцу, освоившемуся в чужой стране; любим туземцами и сам их люблю, ревностно тружусь для их блага... но и знаю себя чужим, тайно грущу о полях моей родины»[30].

Как раз после этого признания Гершензона уместно напомнить соображение, которого уже от первых страниц требует эта глава: что в «ассимиляции», очевидно, следует различать ассимиляцию гражданско-бытовую, когда ассимилированный полноценно входит в самый поток жизни и интересов туземного народа (в этом смысле, вероятно, подавляющее большинство евреев России, Европы и Америки назвали бы себя сегодн ассимилированными), ассимиляцию культурную и — безостаточную ассимиляцию в глубинах духа, которая осуществляется значительно реже, но бывает и она. Третий случай — более сложный и не вытекает из первых двух. (Так «Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова и М.О. Гершензона, эта «маленькая книжка огромной важности», являет, по мнению критика, «доказательства неполноты духовной ассимиляции еврея, даже в случае его очевидной культурной ассимиляции»[31].)

Вот — революционер в молодости, а после революции «обращённый» эмигрант, восхищается, как *чудом*: что русские евреи и в новых странах эмиграции проявили «огромный запас национальной энергии» и строили «свою самобытную еврейскую культуру». Даже в Лондоне: свои школы на идише, свои общественные организации, своя прочная экономическая база; не слились с английской жизнью, а лишь приспособились к её требованиям — и подкрепили собой исконно-английских евреев. (У которых — и свой Британский Совет евреев, и понятие «еврейской общины Вели-

---

[30] *Вячеслав Иванов и М.О. Гершензон.* Переписка из двух углов. Пг.: Алконост, 1921, с. 60, 61.

[31] *О. Рапопорт.* Симптомы одной болезни // “22”, 1978, № 1, с. 123.

кобритании», — это в Англии, где ассимиляцию считают чуть ли не завершённой.) И — то же наблюдает он во Франции. И уж особенно «изумительный подвиг» — в Соединённых Штатах[32].

Ещё же — неизменная, надёжная, безотказная еврейская взаимоподдержка — замечательная способность, сохраняющая еврейский народ. Но от неё-то — уж тем более нестойкость ассимиляции.

Не только с укреплением сионизма, но от самого хода XX века еврейство получало импульсы отшатнуться от ассимиляции.

Убеждённый сионист Макс Брод писал в 1939, в самый канун Второй Мировой войны: «В дни куда менее развитой государственности XIX века ещё можно было выдвигать теорию ассимиляции», но «эта теория потеряла всякий смысл в эпоху, когда народы всё твёрже сплачиваются»; «нас, евреев, неминуемо раздавят народы, воспылавшие воинственным духом национализма, если мы сами не подумаем о себе и не отступим заблаговременно»[33].

Весьма сурово высказался Мартин Бубер (1941): «До сих пор нашего существования хватало лишь на то, чтобы сотрясать троны идолов, но не на то, чтобы воздвигать трон Господень. Именно в силу этого наше существование среди народов столь таинственно. Мы претендуем на то, чтобы научить абсолюту, но в действительности мы лишь говорим “нет” другим народам, или, пожалуй, мы сами являем собою такое отрицание и ничего больше. Вот почему мы стали кошмаром наций»[34].

А дальше — через еврейскую историю прошли две глубокие борозды: Катастрофа — и вслед за ней создание Израиля. И они бросили ещё новый, резчайший свет — на проблему ассимиляции.

Выводы для еврейства всего мира от создания государства Израиль тогда же продумал и отчётливо сформулировал Артур Кестлер в своей книге «Обетование и претворение: Палестина 1917–49» и статье «Иуда на перепутье».

---

32 *М. Кроль.* Национализм и ассимиляция в еврейской истории // ЕМ-1, с. 191–193.

33 *Макс Брод.* Любовь на расстоянии // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 11, с. 198–199.

34 *Мартин Бубер.* Национальные боги и Бог Израиля // ВМ, Тель-Авив, 1976, № 4, с. 117.

В молодости ревностный сионист, в 1926 уехавший из Вены в палестинский кибуц, затем несколько лет в Иерусалиме журналист, ведущий постоянную колонку на иврите в газете Жаботинского, и корреспондент ряда немецких газет, он теперь писал: «Если исключить из еврейской религии мистическую тоску о возвращении на Землю Обетованную, то исчезнет сама основа и суть этой религии». И вот «подавляющая часть еврейских молитв, ритуалов и символов потеряли смысл со дня восстановления еврейского государства... Бог Израиля выполнил договор, вернул землю Ханаан семени Авраамову... Если же [верующий еврей] отказывается выполнить предписание вернуться в страну предков, то он нарушает договор и... предаёт себя анафеме и исключению из рядов еврейства». А для категории евреев, «нечётких» в религии, — непонятно, зачем нести жертвы для сохранения «еврейских ценностей», не вписанных в религиозную доктрину. «Религия теряет всякий смысл, если вы продолжаете молиться о возвращении в Сион даже тогда, когда вы твёрдо решили туда не ехать». — Да, выбор — болезненный, но «выбор должен быть сделан немедленно, и это — ради следующего поколения... Хочу ли я переехать в Израиль? Если же не хочу, то какое же я имею право называть себя и впредь евреем и наложить этим на своих детей клеймо обособленности?»; «весь мир будет искренне приветствовать ассимиляцию евреев», и, поколения с третьего, «еврейский вопрос постепенно исчезнет»[35].

Лондонская еврейская газета (Jewish Chronicle) возражает Кестлеру: а может быть, «для еврея диаспоры гораздо лучше, гораздо разумнее и достойнее продолжать жить, как и до этого, но в то же время помогать строить государство Израиль?» — Кестлер непреклонен: то есть «они хотят одновременно и сохранить пирог целым и полакомиться им. Это — гибельный путь»[36].

Но, возражает ему газета, ведь все предыдущие попытки ассимиляции всегда кончались неудачей; отчего же теперь будет по-иному? — А потому что «все попытки ассимилироваться, предпринятые до сих пор, были половинча-

---

[35] *Артур Кестлер.* Иуда на перепутье // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 33, с. 104–107, 110.

[36] Там же, с. 112.

ты, основанные на неверной предпосылке, будто евреи смогут стать полноценными сыновьями народа-хозяина, сохраняя в то же время свою религию и оставаясь "избранным народом"». Однако «*этническая ассимиляция невозможна при сохранении иудейской веры; иудейская же вера рушится при этнической ассимиляции.* Еврейская религия увековечивает национальную обособленность — и от этого факта никуда не денешься». — Итак: «до возрождения Израиля отречение от еврейства было равносильно отказу в солидарности гонимым и могло рассматриваться как трусливая капитуляция». Но «теперь речь идёт не о капитуляции, а о свободном выборе»[37].

И вот, евреям диаспоры Кестлер предложил жёсткий выбор: «либо стать израильтянами, либо перестать быть евреями. Сам он избрал второе»[38]. (Нечего и говорить, что в диаспоре выводы Кестлера были встречены по большей части бурно-критически.)

Но те, кто избрали первое, граждане государства Израиль, — получив новую опору, от неё приобрели и новый взгляд на эту всевечную проблему. Вот, современный израильский автор резко пишет: «Галутный еврей — безнравственное существо. Он пользуется всеми благами приютившей его страны, в то же время не отождествляясь с ней полностью»; «эти люди требуют для себя статуса, какого не имеет ни один народ в мире, — чтобы им разрешено было иметь две родины: одну, в которой они живут, и другую, в которой "живёт их сердце". И после этого они ещё удивляются, что их ненавидят!»[39]

И ещё как удивляются: «За что же, за что еврея так не любят (а не любят, никуда не денешься, иначе и освобождаться было бы не от чего)? От чего освобождаться? Не от еврейства, это ясно...»; «отлично знаем, что освободиться надо, решительно необходимо, а вот пальцем прямо указать, от чего... пока не сумели»[40].

Реже ставится естественный вопрос: как же сделать, чтобы нас любили? Много чаще еврейские авторы видят весь мир вкруговую враждебным и предаются отчаянию:

---

37 *Артур Кестлер.* Иуда на перепутье // ВМ, Тель-Авив, 1978, № 33, с. 117, 126.

38 *В. Богуславский.* Галуту — с надеждой // "22", 1985, № 40, с. 135.

39 *А.-Б. Иошуа.* Голос писателя // "22", 1982, № 27, с. 159.

40 *Ю. Винер.* Хочется освободиться // "22", 1983, № 32, с. 204–205.

«Мир разделился на людей, симпатизирующих еврейскому народу, и на стремящихся уничтожить еврейский народ»[41]. Или — отчаянию гордому: «Унизительно уповать на власть, чтобы она защитила от нелюбящего тебя народа, унизительно исходить благодарностью к лучшим, достойнейшим представителям этого народа за то, что они замолвили за тебя слово»[42].

Но охладительно звучит от другого израильтянина: «Мир вовсе не делится только по своему отношению к евреям, как нам иногда из-за нашей чрезмерной чувствительности кажется». — И А. Воронель: «Евреи слишком много внимания уделяют антисемитам и слишком мало — себе самим»[43].

Своё государство, Израиль, должно стать центром, гарантирующим будущее евреев всего мира. Да ещё в 20-х годах — кто же? Эйнштейн! — писал — и кому? бывшему эсеру, очевидно главному составителю революционных требований 9 января 1905 года, спутнику Гапона в демонстрации, а затем и его палачу Петру Рутенбергу, уехавшему потом воссоздавать Палестину: «Прежде всего, должна быть защищена ваша [колонизаторов Палестины] жизнь, потому что вы приносите себя в жертву ради Духа и во имя уважения ко всему еврейскому народу. Необходимо показать, что мы народ, который обладает достаточной волей к жизни и силой, чтобы осуществить великую акцию, которая превратится в объединяющее средство и защиту грядущих поколений. Для нас и наших потомков Страна должна иметь такое же великое значение, какое имел Храм для наших предков»[44].

Эту убеждённость израильские авторы и подкрепляют разнообразно. «Еврейская проблема, по-видимому, не имеет надёжного решения без наличия еврейского государства»[45]. — Идея «утверждения Израиля как центра, гаранти-

---

41 *М. Гольдштейн.* Мысли вслух // Русская мысль, 1968, 29 февраля, с. 5.

42 *М. Каганская.* Наше гостеприимство... // “22”, 1990, № 70, с. 111.

43 *А. Воронель.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // “22”, 1982, № 24, с. 131.

44 *А. Черняк.* Неизвестное письмо Эйнштейна // “22”, 1994, № 92, с. 212.

45 *А. Каценеленбойген.* Антисемитизм и еврейское государство // “22”, 1989, № 64, с. 180.

рующего будущее евреев всего мира»[46]. — Только Израиль — то правильное место для евреев, где «историческая активность не оборачивается историческим фиаско»[47].

И только полуподземным рокотом отдаётся из той крохотной страны в её постоянной осаде — «та катастрофа, призрак которой всё время существует в коллективном подсознании израильтян»[48].

Каково же нынешнее соотношение наклона и надежд между ассимиляцией, диаспорой и Израилем?

Вообще-то, к 90-м годам XX века ассимиляция зашла очень далеко. Например, «для 80–90% американских евреев современные тенденции еврейской жизни обещают постепенную ассимиляцию». И не только в США: «еврейская жизнь постепенно исчезает в большинстве общин диаспоры». У большинства современных евреев «нет прямых болезненных воспоминаний, связанных с Катастрофой... они гораздо менее солидаризируются с Израилем, чем их родители». Несомненна и тенденция «катастрофического сокращения роли диаспоры, неминуемой потери её существенных характеристик». «Будут ли наши внуки евреями...? надолго ли диаспора переживёт конец этого тысячелетия? Рав Адин Штейнзальц, один из крупнейших учителей нашего времени... предупреждает, что евреи диаспоры перестали быть группой, “чья безопасность не обеспечена”». И от этого они, парадоксально, «уже находятся на пути к вымиранию, участвуя в “Катастрофе самоуничтожения”». Сопоставить и с тем, что «антисемитизм в странах Запада больше не может рассматриваться как элемент, усиливающий еврейское самосознание. Антисемитская дискриминация в политике, бизнесе, университетах, частных клубах и т.п. практически устранена»[49]. — В нынешней Европе «существует достаточно много евреев, не чув-

---

[46] *И. Либлер.* Израиль — диаспора: Кризис идентификации // “22”, 1995, № 95, с. 168.

[47] *Н. Гутина.* Двусмысленная связь // “22”, 1981, № 19, с. 124.

[48] *М. Каганская.* Миф против реальности // “22”, 1988, № 58, с. 141.

[49] *И. Либлер.* Израиль — диаспора... // “22”, 1995, № 95, с. 149–150, 154, 157.

ствующих себя евреями и аллергически реагирующих на каждую попытку приобщить их к этой искусственно конструируемой общине»; «ассимилированный еврей не хочет чувствовать себя евреем, он отбрасывает черты своей расы (по Сартру)»[50]. Не обминём и такую едкую оценку, того же автора: «Европейские евреи не признают себя евреями, считая, что к еврейству они понуждены антисемитизмом. Возникает противоречие: еврей становится евреем лишь тогда, когда ему грозит опасность. Тогда он спасается как еврей. Но когда он становится источником опасности, он не еврей»[51].

Так «контуры крушения диаспоры начинают вырисовываться как раз в то время, когда евреи на Западе обладают наибольшей свободой, достатком и, по крайней мере внешне, более сильны, чем когда-либо в еврейской истории». И «если существующие тенденции не изменятся, большая часть диаспоры просто исчезнет. Следует признать реальную вероятность унизительного, хотя и добровольного постепенного саморазрушения диаспоры... Артур Кестлер, сторонник ассимиляции, пророчивший в 50-х годах гибель диаспоре, может оказаться прав»[52].

А одновременно с тем «евреи во всём мире, иногда даже к своему собственному изумлению, чувствуют себя лично причастными к судьбе Израиля»; «если, не дай Бог, Израиль будет уничтожен, то исчезнут евреи и в других странах. Не знаю, почему это так, но евреи не переживут второй Катастрофы в нашем столетии»[53]. — Другой автор «еврейскую мифологию неизбежной Катастрофы» относит именно к жизни в диаспоре, оттого — «американские (и советские) евреи часто высказывают такие мнения», готовятся: если Израиль падёт, то нести дальше знамя народа достанется им[54]. — И вот, «при множестве гипотез, пытаю-

---

[50] *Sonja Margolina.* Das Ende der Lügen: Rußland und die Juden im 20. Jahrhundert. Berlin: Siedler Verlag, 1992, S. 95, 99.

[51] *С. Марголина.* Германия и евреи: вторая попытка // Страна и мир, 1991, № 3, с. 143.

[52] *И. Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 150, 155.

[53] *Н. Подгорец.* Евреи в современном мире: [Интервью] // ВМ, Нью-Йорк, 1985, № 86, с. 113, 120.

[54] *З. Бар-Селла.* Исламский фундаментализм и еврейское государство // "22", 1988, № 58, с. 182–184.

щихся объяснить назначение еврейской диаспоры... почти все усматривают функциональность [её] в том, что она делает еврейство практически неистребимым, гарантирует ему вечную жизнь в пределах существования рода человеческого»[55].

Встречается и довольно воинственное отстаивание диаспоры как принципа: «Мы против исторического требования совершать алию. Мы сами не чувствуем себя в изгнании» (американский профессор Леонард Фейн). В июне 1994 «Президент Всемирного Еврейского Конгресса Шошана Кардин агрессивно заявила израильтянам: "Мы не собираемся становиться фуражной алией в Израиль и сомневаемся, что у вас есть хоть какое-то понятие о богатстве и гармоничности жизни американских евреев"»[56]. — То с пафосом: «Если мы чем-то по-настоящему интересны миру, то не своими государственными формами, а диаспорой, признанной одним из величайших чудес мировой истории»[57]. — То с иронией: «Один хитрец придумал... элегантное оправдание: дескать, избранность еврейского народа в том и состоит, чтобы вечно жить в рассеянии»[58]. — «Чудо восстановления Израиля задним числом сообщило диаспоре новый смысл, а заодно гениально развязало грозивший затянуться сюжет — короче, увенчало чудо диаспоры. Увенчало, но не отменило»[59]. — Но «в этом также есть доля иронии, поскольку цели, которых мы так тяжело добивались и которые наполняли нас чувством гордости и исключительности, уже достигнуты»[60].

Как понимать и предсказывать судьбу диаспоры — во многом зависит от *смешанных браков*. Смешанные браки — это самое могучее и неуклонное средство ассимиляции. (Не случайно Библия так строго запрещает их. «Господу они изменили, ибо родили чужих детей», Осия 5 : 7.) Когда Арнольд Тойнби предложил смешанные браки как

---

[55] *Е. Фиштейн.* Из галута с любовью // "22", 1985, № 40, с. 112.

[56] *И. Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 152.

[57] *Е. Фиштейн.* Глядим назад мы без боязни... // "22", 1984, № 39, с. 135.

[58] *Н. Воронель.* Оглянись в раздумье... : [Круглый стол] // "22", 1982, № 24, с. 118.

[59] *Е. Фиштейн.* Из галута с любовью // "22", 1985, № 40, с. 114.

[60] *И. Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 156.

средство борьбы против антисемитизма — сотни раввинов выступили против того. — «Как только смешанные браки становятся массовым явлением, они означают конец еврейства»[61].

Отмечают резкий рост смешанных браков в странах Запада: «Документированные данные статистики "исчезновения" вызывают озноб. В 1960-х годах количество "смешанных браков" в США, крупнейшей еврейской общине мира, оценивалось примерно в 6%. Сегодня [в 90-х], спустя только одно поколение, их уже 60%— десятикратный рост. Уровень "смешанных браков" в Европе и Латинской Америке примерно такой же... Более того, если не считать ортодоксов, почти во всех еврейских семьях западных стран чрезвычайно низкая рождаемость». И ко всему сказанному: «лишь незначительный процент детей из "смешанных семей" готовы вести явно выраженный еврейский образ жизни»[62].

А в России? Израильская энциклопедия даёт такие цифры: в 1988 в РСФСР в смешанных браках состояли 73% женатых мужчин-евреев и 63% замужних евреек (рост по сравнению с 1978 — на 13% для мужчин и на 20% для женщин). «Состоящие в таких браках объективно значительно быстрее теряют еврейское самосознание и чаще склонны декларировать принадлежность к иной национальности при переписях населения»[63].

Итак, почти всюду в большей или меньшей степени происходит «эрозия еврейской жизни», «размывание расовых, религиозных и этнических делений, которые до последнего времени служили барьерами для ассимиляции и "смешанных браков"». Сегодня, «когда бытовой антисемитизм так резко сократился... потеряны многие великие принципы, бывшие мощными опорами самоидентификации в прошлом»[64].

«Галутные» евреи зачастую вызывают резкую критику со стороны израильтян. Через 30 и 40 лет после создания государства Израиль раздавались оттуда насмешливые, а

---

61 *Эд.Норден.* Пересчитывая евреев* // "22", 1991, № 79, с. 126.

62 *И.Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 151, 152.

63 Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1996. Т. 8, с. 303. Табл. 15.

64 *И.Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 156.

то и сердитые к диаспоре вопросы: «А что же будет с нынешними евреями? Скорее всего, они навсегда останутся на своей настоящей исторической родине — в галуте»[65]. — «Евреи Алжира предпочли Францию Израилю, а затем и евреи Ирана, оставившие страну Хомейни, опять же обошли в своей массе Израиль»; «снимаясь со своих мест, они ищут страны с более высоким уровнем жизни и цивилизации. Любовь к Сиону сама по себе недостаточна»[66]. — «Вечный образ классической "нависшей катастрофы" уже не может привлечь евреев в Израиль»[67]. — «Евреи — народ, развращённый безгосударственным, внеисторическим существованием»[68]. — «Евреи не выдержали испытания. Они по-прежнему не хотят возвращаться на родину. Они предпочитают сидеть в галуте и жаловаться на антисемитизм всякий раз, как кто-то их критикует... И чтоб никто слова плохого об Израиле не смел сказать, ибо критика Израиля — это "антисемитизм"? Если они так болеют за Израиль, чего же они не приезжают сюда и не живут здесь? Но нет, как раз этого-то они не хотят!»[69] — «Большинство евреев мира уже решило: они не хотят быть независимыми... Посмотри на евреев России. Часть из них захотела независимости, остальные хотят продолжать жизнь клеща на теле русской собаки. А если русская собака стала немножко больной, немножко злой, они ищут себе американскую собаку. В конце концов, евреи жили так две тысячи лет»[70].

И вот еврей диаспоры «перед лицом израильтянина... нередко комплексует, готов таскать на себе горб непонятной вины... не решаясь разделить с израильтянином его судьбу. Эта недостаточность компенсируется напряжённым поддержанием своего еврейства... нарочитым выпячиванием мелкой еврейской символики»; а при том «еврей диаспоры берёт на себя специфический риск одиночного противостояния антисемитской стихии»; но, «как бы ни по-

---

65 *Н. Гутина.* Двусмысленная связь // "22", 1981, № 19, с. 125.

66 *С. Цирюльников.* Философия еврейской аномалии // ВМ, Нью-Йорк, 1984, № 77, с. 148.

67 *И. Либлер.* Израиль — диаспора... // "22", 1995, № 95, с. 165.

68 *З. Бар-Селла.* Исламский фундаментализм и еврейское государство // "22", 1988, № 58, с. 184.

69 *А.-Б. Иошуа.* Голос писателя // "22", 1982, № 27, с. 158.

70 *Бени Пелед.* Соглашение не с тем партнёром // "22", 1983, № 30, с. 125.

вёл себя израильтянин, у диаспоры нет выхода: она тихо станет за его спиной, как нелюбимая, но верная жена»[71].

Есть и такой прогноз: «К 2021 году диаспора, по всей видимости, уменьшится ещё на миллион тел и душ». — «Глубинные процессы еврейской истории... делают наиболее вероятным дальнейшее уменьшение численности мирового еврейства и постепенное сосредоточение большинства его уже не в диаспоре, а в Сионе»[72].

А может быть, совсем не так? И прав был русский еврей Иосиф Бикерман, уверенно заявлявший, что диаспора неуничтожима: «Я приемлю галут, в котором мы прожили две тысячи лет, где мы только образовали тесное единство и где мы и впредь должны жить и проявлять себя»[73]. Может быть, те два голоса, которые, по Гершензону, всегда звучат еврею: смешаться со средой или беречь в себе национальную исключительность, — звучать будут вечно?

Солидный автор-историк заключает (после Второй Мировой войны): «Парадокс в жизни современного еврейства: всё усиливающееся укоренение евреев в жизни других народов не затушёвывает их национального самосознания, а порой даже углубляет его»[74].

Вот, в советское, «интернационалистическое» время, свидетельства из разных кругов русских евреев.

«Я всегда очень остро ощущал себя евреем... Вошёл в круги, где еврейский вопрос был основной темой, лет с семнадцати, как только вышел из школьных пелёнок». И отец — «человек с сильными еврейскими настроениями. Совершенно без традиций, не соблюдающий мицвот, не знающий языка — но... всё, что он знает, каким-то образом, внутри него, еврея, подчинено его еврейской самоидентификации»[75].

А писатель-одессит Аркадий Львов: «Десятилетним мальчиком я выискивал евреев среди учёных, среди писа-

---

71 *Е. Фиштейн.* Из галута с любовью // "22", 1985, № 40, с. 115, 116.

72 *Эд. Норден.* Пересчитывая евреев // "22", 1991, № 79, с. 120, 130–131.

73 *И.М. Бикерман.* К самопознанию еврея, с. 62.

74 *Ш. Эттингер.* Новейший период // История еврейского народа / Под ред. *Ш. Эттингера.* Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2001, с. 587.

75 *А. Этерман.* Третье поколение: [Интервью] // "22", 1986, № 47, с. 123–124.

телей, среди политических деятелей и — юный пионер! — прежде всего, среди членов правительства», и вот Лазарь Каганович был на третьем месте, впереди Ворошилова и Калинина, «и я гордился сталинским наркомом Кагановичем... Я гордился Свердловым, гордился Урицким... гордился Троцким — да, да, Троцким!» Считал, что Остерман [при Петре] был еврей, а когда узнал, что — немец, «было чувство досады, чувство потери», зато «говорил всем с гордостью: Шафиров — еврей»[76].

Но и как много было в России евреев таких, кто не боялся «утонуть в громаде ассимилирующего тела»[77], кто предался русской стихии, русской культуре самозабвенно:

«В старое время только единицы из евреев испытали эту долю: Антокольский, Левитан, Рубинштейн и немногие другие. Позже их было больше. Как глубоко постигли они Россию, постигли её своей древней и изощрённой интуицией ума и сердца! Россия давалась их постижению — в своём мерцании, в загадочной игре света и тьмы, в своих борениях и страданиях. Она привлекла их сердца своей драматической борьбой добра и зла, своими роковыми зарницами, своими слабостями, своей силой, своим обаянием. — Но несколько десятилетий назад на культурную ниву России пришли уже не единицы, а тысячи евреев... И многие из них так искренно почувствовали себя русскими — душой, мыслями, вкусами и привычками... И всё же что-то есть в душе еврея... какой-то один звук, какой-то диссонанс, какая-то одна небольшая трещинка, но в неё в конце концов просачивается: извне — недоверие, насмешка и враждебность; а изнутри — какое-то древнее воспоминание.

Кто же я? Кто я? Я русский?

— Нет, нет. Я русский еврей»[78].

Да, очевидно, у ассимиляции — свои, непереходимые пределы; в том и кроется отличие полной духовной ассимиляции от ассимиляции культурной, тем более — от широко разлитой гражданско-бытовой. Евреи — судьбоносно

[76] *А. Львов.* Веди за собой отца твоего //ВМ, Нью-Йорк, 1980, № 52, с. 183–184.

[77] *Вл. Жаботинский.* На ложном пути // *Вл.Жаботинский.* Фельетоны, с. 251.

[78] *Рани Арен.* В русском галуте // “22”, 1981, № 19, с. 135–136.

для еврейства — сохраняют себя и при всех внешних признаках ассимиляции, сохраняют «внутренний облик еврея» (Соломон Лурье).

Движение — слиться с остальным человечеством до конца, вопреки жёстким преградам Закона, — кажется естественным, живым. Но — осуществимо ли оно? Ещё и в XX в. кому-то из евреев казалось так: «Объединение всего человечества — идеал юдаистического мессианства»[79]. — Но так ли? Но существовал ли когда такой идеал?

Гораздо больше слышим энергичных возражений: «Никто не убедит и не принудит меня отказаться от своей, еврейской точки зрения, пожертвовать своими, еврейскими интересами ради универсальной идеи — будь то "пролетарский интернационализм"» (в какой мы, дураки, в 20-е годы поверили), «"великая Россия", "торжество христианства", "благо всего человечества" и тому подобное»[80].

Но и ещё иные настроения встречаем у несионистской и безрелигиозной, на три четверти ассимилированной еврейской интеллигенции. Из таковых женщина большого развития и широких политических интересов, Т.М.Л., высказала мне в Москве в 1967: «Ужасно было бы жить среди одних евреев. Самое ценное в нашем народе — космополитизм. Ужасно, если все соберутся в маленькое милитаристское государство. Для ассимилировавшихся евреев это совершенно непонятно». Я ей в ответ, робко: «Но для ассимилировавшихся евреев тут и проблемы нет, они ведь уже не евреи». Она: «Нет, какие-то гены в нас остаются».

Ключ — не в фатальности происхождения, не в крови, не в генах, а: *чья* боль прилегает ближе к сердцу: еврейская или коренной нации, среди которой вырос? — «Национальность не исчерпывается, увы, ни знанием языка, ни приобщением к культуре, ни даже привязанностью к природе и жизненному укладу страны. Она имеет другое измерение — общность исторической судьбы, которая для каждого человека определяется мерой его сопричастности к истории и судьбе собственного народа. Но если для других эта

---

79 *Г.Б. Слиозберг.* Дела минувших дней: Записки русского еврея: В 3 т. Париж, 1933–1934. Т. 1, с. 4.

80 *Ш. Маркиш.* Ещё раз о ненависти к самому себе // "22", 1980, № 16, с. 189.

сопричастность дана изначально, то для еврея она, во многом, — вопрос выбора, и нелёгкого»[81].

Пока что — ассимиляция явлена недостаточно убедительно. Все, кто предлагали пути ассимиляции *всеобщей,* — обанкротились.

Проблема ассимиляции сохраняется в своей трудной разрешимости. И хотя в мировом огляде процесс ассимиляции зашёл очень далеко, — из этого никак нельзя заключить, что он отменит диаспору.

«Стопроцентно ассимилированного еврея [даже] советская жизнь... не породила — такого, чтобы он был ассимилирован на самом глубоком, психологическом уровне»[82]. — И заключает еврейский критик: «Куда ни бросишь взгляд, везде найдёшь в ассимилированной жидкости нерастворимый еврейский осадок»[83].

Но отдельные яркие судьбы, но индивидуальные ассимилянты большой полноты — бывают. И мы в России — от души приветствуем их.

«Русский еврей... Еврей, русский... Сколько вокруг этого соединения-разделения пролилось крови, слёз, сколько нагромоздилось несказанных страданий, которым ещё не видать конца, и сколько здесь всё же было радости духовного и культурного роста... Было и осталось очень много евреев, которые подняли на свои плечи этот тяжкий крест: быть русским евреем и русским. Две любви, две страсти, два борения... Не слишком ли много для одного сердца? Да, слишком много. Но в этом и состоит фатальный трагизм этого двуединства. От слова не станется, и двуединство — всё-таки не есть единство. Здесь равновесие — не данность, а заданность»[84]. — Это написано, огля-

[81] *Л. Цигельман-Дымерская.* Советский антисемитизм — причины и прогнозы: [Семинар] // "22", 1978, № 3, с. 175.

[82] *Ю. Штерн.* Двойная ответственность // "22", 1981, № 21, с. 127.

[83] *О. Рапопорт.* Симптомы одной болезни // "22", 1978, № 1, с. 123.

[84] *Ст. Иванович.* Семен Юшкевич и евреи / Публикация Эд. Капитайкина // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1992. Т. 1, с. 29.

дываясь на дореволюционную Россию из парижской эмиграции 1927 года.

Прошло полвека — и, оглядываясь из Израиля, другой русский еврей, чья жизнь прошла в России советской, говорит:

«Мы евреи, мы выросли в России, мы странный гибрид — русские евреи... О нас говорят: евреи по национальности, русские по культуре. Разве культура и национальность — это костюм на манекене...? Когда чудовищный пресс вгоняет один металл в другой, их потом нельзя разделить, даже разрезав. Нас прессовали под огромным давлением, десятки лет. Мои национальные чувства уже не имеют иного выражения, кроме как в моей культуре. Моя культура насквозь проросла моими национальными жилками. Разделите меня, мне тоже интересно узнать, какие клетки моей души окрашены в русский, какие в еврейский цвет? — Но было не только давление, не только насильственное сращение — было ещё и неожиданное сродство этих проникающих друг в друга начал в каких-то глубинных душевных пластах. Словно бы они дополняли друг друга до новой полноты: пространство временем, душевную широту — душевной глубиной, всеприятие — всеотрицанием; и была взаимная ревность об избранничестве. — Поэтому у меня нет двух душ — враждующих друг с другом, обессиливающих одна другую, раздваивающих меня. Душа у меня одна... не двойственная, не раздвоенная, не смешанная — одна»[85].

А из России ему:

«Я верю, что неспроста это получилось на путях России — этот контакт души иудейской и души славянской, что было тут какое-то предназначение»[86].

---

[85] [*Р. Нудельман.*] Колонка редактора // "22", 1979, № 7, с. 95–96.

[86] *Л-ский.* Письма из России // "22", 1981, № 21, с. 150.

ОТ АВТОРА

В 1990 году, заканчивая «Апрель 1917» и приводя в порядок огромный материал, оставшийся за пределами «Красного Колеса», я решил представить часть этого материала в виде исторического очерка о евреях в российской революции.

Почти сразу стало ясно, что для понимания происшедшего очерк неизбежно должен отступить по времени, — и так он отступал, даже к первому включению евреев в Российскую Империю в 1772, с чего и был начат; с другой стороны, революция 1917 стала динамическим толчком в судьбе российских евреев, — и очерк естественно протянулся в историю послереволюционную. Так родилось и название: «Двести лет вместе».

Однако я не сразу оценил тот отчётливый исторический рубеж, который положила широкая эмиграция евреев из СССР, начавшаяся в 70-х годах XX века, — как раз к 200-летию пребывания евреев в России, — и ставшая вполне свободной к 1987. Этот рубеж впервые отменил недобровольность состояния российских евреев: они более не прикреплены к жизни здесь, их ждёт Израиль, им доступны все страны мира. Ясно обозначившийся этот рубеж внёс поправку в мой план довести повествование до середины 90-х годов — ибо замысел книги исчерпан: с момента Исхода исчезает и уникальность русско-еврейской переплетённости.

Теперь открылся совсем новый период в истории уже свободного российского еврейства и его взаимоотношений с новой Россией. Этот период явил стремительные и существенные перемены, но ещё короток, чтобы предсказывать его дальние результаты и судить о том, насколько характерны окажутся для него черты именно *русско-еврейские*, или же будут проявляться общемировые законы еврейской диаспоры. Следовать за развитием этой новой темы — уже за пределами жизненных сроков автора.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

* Фамилия указана ошибочно: нужно — Голубев В.С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солженицын А.И.
С 60 Двести лет вместе. — М.: Русский путь, 2001. — 512 с.

ISBN 5-85887-151-8

Книга описывает историю еврейского народа в Российском государстве. Часть II охватывает советский период.

ББК 63.3 (2)

ЛР № 040399 от 03.03.98
Подписано в печать 27.11.02.
Формат 60×90/16. Усл.печ.л. 34,5.
Тираж 100 000. Заказ № 4917

ЗАО «Русский путь»
109004, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1
Тел. (095) 915-10-47

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Типография "Новости"»
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46